ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1874.

***ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ** см. ниже: I—VI стр.*

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ

ПРИ

СТАНИСЛАВѢ ПОНЯТОВСКОМЪ

1784—1792 гг.

„*Konfederacya Barska*. Korrespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim, lowczym koronnym, w roku 1768. Wydał Dr. Ludwik Gumplowicz. Kraków, 1872". (*Барская конфедерація*. Переписка Станислава-Августа съ коронным ловчимъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Изд. д-ръ Людвикъ Гумпловичъ. Краковъ, 1872).

„Korrespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 до 1792. Poznań, 1872". (Внутренняя корреспонденція Станислава-Августа, отъ 1784 до 1792 г. Познань, 1872).

III *).

Мы уже замѣтили, что «Внутренняя Корреспонденція» заключаетъ очень мало данныхъ, относящихся собственно къ процессу самаго сейма, открытіе котораго послѣдовало въ Варшавѣ ября 1788 г. Согласно съ намѣреніемъ короля и вслѣдствіе укцій, данныхъ сеймовымъ депутатамъ избирателями, сеймъ нъ былъ заняться главнымъ образомъ, едвали даже не ис- тельно, рѣшеніемъ вопроса объ увеличеніи войска. Однако, овыхъ же засѣданій оказалось, что онъ не ограничится,

---

*) См. выше: іюль, 5 стр.

не можетъ ограничиться обсужденіемъ и рѣшеніемъ одной этой задачи: какъ внутреннее состояніе страны, такъ и внѣшнія обстоятельства ставили на очередь множество весьма серьёзныхъ и жизненныхъ вопросовъ, требовавшихъ настоятельнаго и скораго рѣшенія. Несомнѣнно, что сеймъ возбуждалъ множество ожиданій мыслящей части общества, въ которомъ начинало пробуждаться, хотя не ясно, сознаніе необходимости реформъ болѣе широкихъ и коренныхъ, чѣмъ формальный вопросъ объ усиленіи арміи, и сознаніе это не могло не быть присуще сейму вслѣдствіе одной уже живой связи его съ обществомъ. Военный вопросъ былъ рѣшенъ сразу, на первыхъ же засѣданіяхъ, и это показываетъ сильную степень одушевленія, какимъ проникнуты были члены сейма. Еще недавно, какъ pium desiderium, предполагалось увеличить армію только до 30 тысячъ человѣкъ; но теперь объ этой цифрѣ никто и не вспомнилъ, сеймъ сразу рѣшилъ увеличить армію до 100 тысячъ человѣкъ. Одушевленіе нѣсколько охладѣло, когда явилась необходимость обсудить и изыскать средства на содержаніе такой арміи, когда сеймъ заговорилъ объ увеличеніи податей, налоговъ, о необходимости общественныхъ пожертвованій... Шляхта отнеслась съ отвращеніемъ къ этой сторонѣ вопроса; она хотѣла имѣть сильную армію, но мысль о расходахъ, о необходимости жертвъ, была для нея противна и невыносима. Никто не хотѣлъ платить; всѣ стали кричать, что подати и налоги—«не шляхетское дѣло». Въ силу той правды, что отъ великаго или, по крайней мѣрѣ, онъ серьёзнаго до смѣшного одинъ шагъ, невозможно воздержаться отъ невольной улыбки, читая разные проекты, которые присланы были королю еще до начала сейма и которые свидѣтельствуютъ о невѣроятной оригинальности шляхетскихъ взглядовъ и убѣжденій и о крайнемъ шляхетскомъ эгоизмѣ, доведенномъ до какой-то наивности. Всѣ эти проекты имѣли цѣлью указать королю способъ создать большую армію, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было вовсе никакихъ налоговъ, или чтобы шляхта была рѣшительно отъ нихъ выгорожена. Любимый поляками типъ истиннаго шляхтича, извѣстный князь Карлъ Радзивиллъ, «Пане-Коханку», *сдѣлалъ королю честь*, приславъ ему, въ числѣ иныхъ, и свой проектъ по этому вопросу. По мнѣнію князя Пане-Коханку, не только никакихъ налоговъ и податей не нужно, но, собственно говоря, и арміи не нужно никакой. Онъ предлагалъ королю «вооружить всю шляхту, которая пускай сидитъ себѣ дома, въ случаѣ же надобности пускай идетъ воевать; взимать же подати и налоги съ народа свободнаго—трудно. Нѣкто Меленцкій предполагалъ устроить дѣло иначе,

совѣтуя въ письмѣ своемъ королю «обложить налогами прежде всего евреевъ, потомъ города и мѣстечки, и только въ крайнемъ случаѣ, еслибы, къ несчастію, всего этого было недостаточно, обложить и шляхту»—прибавляетъ онъ почти сквозь слезы. Иные опять совѣтовали воспользоваться доходами съ поіезуитскихъ и школьныхъ имѣній; предлагали содержать больницы и школы умѣреннымъ жалованьемъ, «но шляхетскаго и духовнаго сословій не трогать, чтобы не нарушать гармоніи на сеймѣ»... Многіе проекты, устраняя всякіе иные вопросы и считая ихъ вовсе не существующими, усматривали спасеніе отчизны въ одномъ, именно—въ огражденіи и расширеніи шляхетскихъ преимуществъ и привилегій; съ этою цѣлью требовали, напр., чтобы пбсты заграничныхъ представителей Рѣчи-Посполитой предоставляемы были только родовитой шляхтѣ, и чтобы даже управители королевскихъ экономій выбираемы были только изъ среды шляхты. По смыслу этихъ проектовъ, сеймъ долженъ былъ заняться исключительно рѣшеніемъ только подобныхъ вопросовъ!.. По поводу всѣхъ этихъ требованій и желаній, издатель «Корреспонденціи» дѣлаетъ слѣдующее меланхолическое замѣчаніе: «Невозможно не сознаться, что большинство нашего привилегированнаго сословія еще и тогда отдѣляло себя совершенно отъ народа, полагая, что легкая, веселая и выгодная сторона жизни должна быть доступна только одному этому сословію. Слѣдуетъ ли удивляться, что въ послѣдующемъ и длинномъ ряду годовъ этому же сословію суждено было нести на своихъ плечахъ наибольшую тяжесть народнаго креста и искупать свои грѣхи безконечнымъ горемъ и страданіями»... Удивляться тутъ, конечно, нечему, потому что есть же историческая логика, есть и справедливость. Къ сожалѣнію, не только польская шляхта, но и всякая иная, несмотря «на всѣ страданія и горе», которыя нерѣдко приходится ей переносить, едвали въ состояніи когда-либо понять эту истину.

Однако, если большинство шляхты признавало легкую и пріятную сторону жизни исключительною своею привилегіею, то въ средѣ мыслящаго меньшинства начинали возникать уже взгляды болѣе трезвые, мысли болѣе разумныя, начинало пробуждаться даже чувство справедливости. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъ интересный фактъ, что въ числѣ многихъ проектовъ и соображеній, присланныхъ королю различными лицами до сейма и во время самаго сейма, были такіе, въ которыхъ развивалась мысль о необходимости улучшенія гражданскаго и соціальнаго положенія крестьянъ, бывшихъ въ крайнемъ угнетеніи. Замѣчательно, что всѣ соображенія и проекты, касавшіеся крестьян-

ской реформы, существеннымъ ея условіемъ признавали надѣленіе крестьянъ землею, безъ чего одно освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости признавалось немыслимымъ. Наполеоновъ кодексъ впослѣдствіи рѣшилъ этотъ вопросъ иначе, но до того времени никому не приходило въ голову, чтобы возможно было лишить народъ той земли, которую онъ воздѣлывалъ цѣлыя столѣтія. Между прочимъ, хелмскій каштелянъ Полетилло такъ излагалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ письмѣ къ королю:

«Главнѣйшая забота наша должна состоять въ томъ, чтобы оказать справедливость нашимъ кормильцамъ, съ которыми ни одинъ народъ не поступаетъ такъ безжалостно (niemiłosiernie), какъ поступаемъ съ ними мы. Продавать людей — это обычай варварскій, возбуждающій отвращеніе, а между тѣмъ у насъ онъ практикуется повсемѣстно. Не могу назвать добрымъ именемъ такой обычай, ибо думаю, что продавать можно только недвижимость и находящіеся на ней пожитки. Признаю самымъ справедливымъ дѣломъ отдать на вѣчныя времена землю всѣмъ осѣдлымъ крестьянамъ, предоставивъ помѣщику только principale dominium. Обезпечить имущество каждаго такимъ образомъ, чтобы оно переходило отъ отца къ дѣтямъ, а если бы ихъ не было, то къ ближайшимъ родственникамъ, и только окончательно выморочные надѣлы могли бы опять переходить къ помѣщику. Опредѣлить одинаковыя повинности, соотвѣтственно же повинностямъ опредѣлить качество и количество земли, усадебныхъ угодій, луговъ и лѣса. Предоставить полную свободу переселенія, законъ о бѣглыхъ уничтожить. По деревнямъ назначить войтовъ для судебныхъ разбирательствъ между крестьянами; каждая деревня обязана завести у себя магазинъ, подчиненный надзору войта и помѣщика. Такая справедливость по отношенію къ нашимъ кормильцамъ подняла бы силы страны, поощрила бы земледѣльческій и ремесленный трудъ. Для правильности и безпристрастія судебныхъ разбирательствъ, можно бы по воеводствамъ, земствамъ и повѣтамъ установить должность референдаріевъ, которые судили бы дѣла между крестьянами и помѣщикомъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ съ правомъ апелляціи (salva apellatione) къ коронному референдарію».

По тому времени, особенно въ Польшѣ, подобный проектъ отличался крайнимъ радикализмомъ, несмотря даже на предоставляемое помѣщику «principale dominium», которое есть не что иное, какъ самая широкая «вотчинная полиція»; но важно то, что такіе радикалы являлись въ средѣ самой шляхты: видно, зло было ужъ черезчуръ велико и безобразно. Были и другіе проекты,

не столь радикальные, которые, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль объ улучшеніи положенія крестьянъ имѣла своихъ сторонниковъ, сознававшихъ всю необходимость крестьянской реформы, въ основаніи которой должно было лежать, какъ существенное условіе, надѣленіе крестьянъ землею. Условіе это признавалось столь неизбѣжнымъ, что нѣкоторые прожектеры, находя невозможнымъ, или нежелательнымъ, освободить крѣпостныхъ отъ барщины, старались, посредствомъ разныхъ тонкихъ комбинацій, примирить барщинную повинность съ предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность ихъ надѣловъ, не исключающую права продажи!.. Само собою разумѣется, что масса шляхты была весьма далека отъ мысли о какой бы то ни было крестьянской реформѣ; тѣмъ не менѣе, сеймъ не могъ обойти ее молчаніемъ и долженъ былъ рѣшить такъ или иначе вопросъ крестьянскій, какъ скоро необходимость полнаго переустройства всѣхъ главнѣйшихъ учрежденій страны была имъ сознана, и когда это переустройство сдѣлалось главнѣйшимъ предметомъ его усиленныхъ занятій.

Реорганизаторская дѣятельность сейма развивалась довольно шибко, но бывшая результатомъ ея перемѣна всей внутренней политики вела къ измѣненію политики внѣшней. Въ началѣ января (9 дня) 1789 г. объявленъ былъ общій рекрутскій наборъ; спустя десять дней потомъ внесенъ былъ на сеймъ проектъ упраздненія существовавшаго при королѣ «Постояннаго Совѣта». Вскорѣ затѣмъ сеймъ занялся обсужденіемъ предположеній и проектовъ относительно перемѣны правительственной системы. Для составленія проекта правительственной реформы, установлена была, 7 сентября, такъ-называемая «депутація (коммиссія) для улучшенія формы правленія»; душею этой коммиссіи, или депутаціи, былъ каменецкій епископъ Адамъ Красинскій. При обсужденіи существенно-важныхъ реформъ, захватывавшихъ всю внутреннюю жизнь страны и дававшихъ ей совсѣмъ новыя основанія гражданскихъ и соціальныхъ отношеній, партіи на сеймѣ должны были выдѣлиться рѣзко и окончательно. Главныхъ партій оказалось двѣ: русская и, такъ-называемая, патріотическая; послѣдняя преобладала въ сеймѣ и была его хозяиномъ; на сторону ея склонился и король. Еще недавно всесильное вліяніе Стакельберга потеряло теперь все значеніе; патріотическая партія обратила свои взоры на Пруссію, и въ декабрѣ мѣсяцѣ сеймъ уполномочилъ особую депутацію заключить формальный съ нею союзъ. Въ декабрѣ же (17 д.) «депутація для улучшенія формы правленія» внесла на сеймъ выработанныя ею «Основанія»,

обнимавшія главную мысль тогдашнихъ реформаторовъ. Съ 24 декабря по 8-е февраля 1790 г. сеймъ прекратилъ свою дѣятельность и депутаты разъѣхались по домамъ, съ цѣлью употребить свободное время на ближайшее знакомство съ желаніями и мнѣніями страны. Сторонники союза съ Россіею старались воспользоваться этимъ временемъ для усиленія своей партіи; но и патріоты, приверженцы прусскаго союза, тоже не дремали, и вездѣ имѣли перевѣсъ. Душею внѣ-сеймовой борьбы двухъ партій является опять-таки извѣстный епископъ Красинскій, который старался пропагандировать свои идеи посредствомъ переписки съ разъѣхавшимися членами сейма. Въ сказанный промежутокъ времени, кромѣ того, по всей странѣ созваны были сеймики для выбора коммиссаровъ въ недавно учрежденныя «гражданско-военныя коммиссіи», имѣвшія своимъ назначеніемъ способствовать успѣшному и правильному формированію арміи. Сеймики должны были показать, насколько большинство народа (т.-е., собственно говоря, большинство шляхты) сочувствуетъ или не сочувствуетъ реформаторской дѣятельности сейма. По поводу этихъ сеймиковъ, епископъ Красинскій велъ съ своими друзьями обширную переписку, убѣждая ихъ возбуждать шляхту на сеймикахъ къ заявленію сочувствія къ сейму и его дѣятельности. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, между прочимъ, сказано:

«P. S. Soli. Русская партія разглашаетъ по Варшавѣ, что созванные для выбора гражданско-военныхъ коммиссаровъ сеймики не должны давать своимъ сеймовымъ депутатамъ никакихъ новыхъ инструкцій... Потому не in forma инструкціи, но in forma laudi необходимо поручить депутатамъ: 1) благодарить короля за его отеческія усилія; 2) одобрить всѣ дѣйствія сейма и благодарить депутатовъ; 3) поручить имъ и уполномочить ихъ позаботиться объ устраненіи на будущее время вредныхъ междуцарствій; 4) еслибы не оказалось иныхъ средствъ, пусть уполномочатъ депутатовъ своихъ признать и объявить наслѣдственность трона, съ тѣмъ условіемъ, что предоставляя тронъ нынѣ царствующему королю ad vitae tempora, теперь же именовать наслѣдникомъ престола саксонскаго электора, но никого другого, т.-е., что кто будетъ электоромъ, тотъ будетъ и королемъ. Такое условіе нужно для того, чтобы устранить отъ престола женщинъ, которыя всегда приносятъ съ собою ссоры».

Письмо это писано было къ краковскому скарбнику Бржостовскому и произвело на него довольно сильное впечатлѣніе. Онъ обратился немедленно съ вопросомъ къ самому королю, прося его дать откровенный отвѣтъ, какъ нужно поступить въ вопросѣ

о междуцарствіи и наслѣдственности, если вопросъ этотъ поднять будетъ на сеймикѣ? Король немедленно отвѣчалъ по эстафетѣ (1-го февраля):

«Инструкцій депутатамъ не слѣдуетъ давать никакихъ, въ виду того опасенія, что въ инструкціи могли бы вкрасться такія выраженія, которыя затруднили бы сеймъ, съ такимъ похвальнымъ успѣхомъ дѣйствующій... Что касается до междуцарствій, то предметъ этотъ близко касается меня лично, ибо рѣчь идетъ о тронѣ; но я объявляю, что хочу быть съ народомъ, и потому вопросъ о междуцарствіяхъ я предоставляю рѣшить самому народу, который я такъ люблю и счастіе котораго составляетъ единственную цѣль моего царствованія и предметъ всѣхъ стремленій моей жизни».

Окончившіеся вскорѣ сеймики показали, что патріотическая партія имѣетъ во всей странѣ многочисленныхъ сторонниковъ; тѣсный союзъ съ Пруссіей былъ весьма популяренъ во всемъ краѣ. Депутаты возвращались въ Варшаву, въ началѣ февраля 1790 г., съ самыми возбужденными надеждами.... Король, съ своей стороны, не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы сгруппировать вокругъ себя всѣ силы страны и привлечь къ себѣ общественное сочувствіе, которымъ онъ до того времени никогда вполнѣ не пользовался. Онъ желалъ быть примѣромъ самопожертвованія для всѣхъ, особенно для шляхты, которая не могла спокойно думать о расходахъ на армію, формированіе которой было уже начато. Съ этою цѣлью, король пожертвовалъ на военныя нужды свои брилльянты и драгоцѣнности, на сумму до полмилліона злотыхъ польскихъ (около 75 тыс. руб. сер.). Даръ этотъ принятъ былъ съ невыразимымъ восторгомъ; примѣръ короля сейчасъ же нашелъ, конечно, многихъ послѣдователей [1]).

Союзъ съ Пруссіей, принятый въ принципѣ, встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Прусскій король готовъ былъ заключить съ

---

[1]) Объ общемъ и сильномъ впечатлѣніи, какое произведено было патріотическимъ поступкомъ короля, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что впечатлѣніе это не ограничилось предѣлами Рѣчи-Посполитой, но отозвалось и за границей. Польскій посланникъ въ Копенгагенѣ, гр. Адамъ Ржевускій, писалъ въ концѣ марта къ одному изъ своихъ варшавскихъ друзей: „Я прочелъ съ восторгомъ извѣстіе о патріотической жертвѣ короля, и на другой же день, in gratiam этой новости, столь пріятной для народа и столь лестной для короля, у меня былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены были всѣ заграничные министры и многія высшія датскія особы. Хотя больной, я старался помогать общей веселости и пилъ здоровье короля-гражданина, заботясь о томъ, чтобы польская добродѣтель почтена была польскимъ веселіемъ. Никогда я не сомнѣвался въ гражданскихъ чувствахъ и добродѣтельныхъ намѣреніяхъ нашего монарха, когда онъ слѣдуетъ внушеніямъ только собственнаго сердца“.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

страстныхъ выраженіяхъ [1]). Повидимому, въ этихъ воеводствахъ король могъ вполнѣ положиться на преданность къ себѣ только одного человѣка, занимавшаго высшее положеніе и пользовавшагося вліяніемъ, именно на извѣстнаго уже намъ Стемпковскаго, воеводу кіевскаго, но и тотъ былъ противъ мысли о наслѣдственности престола, вслѣдствіе очень оригинальныхъ, впрочемъ, соображеній. «Всемилостивѣйшій король!—пишетъ воевода—если бы еще при жизни вашей рѣшена была наслѣдственность престола и еслибы былъ еще пальцемъ указанъ наслѣдникъ вашъ, то царствованію вашему не дали бы окончиться спокойно; при нынѣшнихъ же развратныхъ нравахъ злые люди могли бы, отъ чего Боже избави, посягнуть даже на вашу жизнь». Въ другомъ письмѣ, какъ на причину своихъ опасеній, воевода указываетъ на распускаемые слухи о томъ, что въ случаѣ выбора наслѣдника, король намѣренъ будто бы отказаться отъ престола и уѣхать въ Италію, съ каковою цѣлью поручено уже нѣкоему итальянцу Піатоли приготовить въ Пизѣ помѣщеніе для короля [2]). «Не могу даже подумать о томъ,—пишетъ воевода,—чтобы вы рѣшились покинуть отечество и всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ вамъ людей. Все это итальянское государство населилось бы поляками, ибо кто же рѣшился бы остаться въ краѣ, брошенномъ въ жертву всевозможныхъ несчастій»... Король старался успокоить воеводу, и извѣщалъ его, что распускаемые слухи лишены всякаго основанія. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, отъ 18-го ноября, король пишетъ, между прочимъ: «Почти ежедневно получаю я предостереженія, которыя грозятъ мнѣ не только лишеніемъ престола, но и лишеніемъ жизни, если теперь же послѣдуетъ избраніе преемника моего. Но я уже публично на сеймѣ заявилъ, что, любя отечество больше самого себя, я желаю только того, чтобы смерть моя не послужила поводомъ къ домашней войнѣ, которая была бы величайшимъ несчастіемъ. Потому-то, еслибы мнѣ даже стоило жизни для предотвращенія подобнаго несчастія, я не остановлюсь передъ шагомъ, который считаю истинно полезнымъ для отечества и соотечественниковъ моихъ»... Письмомъ короля Стемпковскій не былъ убѣжденъ; неохотно собрался на сеймикъ, съ которымъ медлить было невозможно, и, видимо недовольный и раздосадованный, сообщалъ объ этомъ сеймикѣ королю слѣдующее: «Когда приступлено было къ разсужденію о наслѣдствен-

---

1) Манифеста этого нѣтъ въ разбираемомъ нами сборникѣ.

2) Слухи эти основывались на томъ, что король дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отправиться въ Италію для леченія.

ности престола, напуганная всякими страхами шляхта стала съ крикомъ требовать наслѣдственности, не зная сама, чего хочетъ. Перепуганная слухами о томъ, что если не будетъ наслѣдственности, то королемъ сдѣлается Потемкинъ, вторгнется Москва и станетъ требовать подводъ, шляхта вотировала за наслѣдственность. Восемьсотъ голосовъ было въ пользу наслѣдственности, а восемьдесятъ съ небольшимъ въ пользу саксонскаго электора, но безъ наслѣдственности... Что касается до инструкцій, то надавали столько разныхъ артикуловъ, что можно бы изъ нихъ составить цѣлую конституцію. Какъ разошлись по квартирамъ и начали писать, то такихъ проектовъ понаписывали, что не только саксонскій электоръ, но даже любой аптекарь не принялъ бы короны, еслибы оную ему предложили».

Подъ вліяніемъ ли столь странныхъ опасеній, о которыхъ воевода говоритъ не безъ ироніи, по инымъ ли побужденіямъ, большинство шляхты высказалось, во всякомъ случаѣ, въ пользу наслѣдственности; но желаніе и просьбы короля, чтобы вновь выбранные депутаты не были стѣснены особыми инструкціями, которыя могли бы дать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ на сеймѣ, вреднымъ для дѣла, столь «успѣшно начатаго»,—не были исполнены. Шляхта, вѣрная своей натурѣ, не могла обойтись безъ задорнаго крика и шума, не могла сказать прямо: «да» или «нѣтъ». То же самое произошло на всѣхъ почти остальныхъ сеймикахъ, съ тою только разницею, что одни, обставивъ предполагаемое право наслѣдственности множествомъ разныхъ условій, разошлись мирно, на другихъ же сеймикахъ шляхта переходила отъ крика къ дракѣ, оканчивавшейся нерѣдко кровопролитіемъ. На одномъ сеймикѣ, открытіе котораго имѣло мѣсто въ костелѣ, произошла такая свалка, что даже мѣстный ксендзъ, захвативъ св. дары, искалъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ чрезъ боковыя двери... Изъ всѣхъ сеймиковъ только волынскій, дѣйствовавшій подъ непосредственнымъ вліяніемъ Щенснаго-Потоцкаго, рѣшительно высказался противъ наслѣдственности и поручилъ депутатамъ своимъ дѣйствовать на сеймѣ въ этомъ именно смыслѣ. По тѣмъ даннымъ, относящимся къ вопросу о наслѣдственности, какія находимъ въ «Корреспонденціи», видно, что люди новые и молодые вездѣ и почти безусловно высказывались въ пользу наслѣдственности, противное же мнѣніе поддерживала и съ упорствомъ отстаивала почти исключительно «родовитая шляхта», или тѣ изъ средней и мелкой шляхты, которые помнили еще, такъ-называемыя, «саксонскія времена» (т.-е. время королей изъ саксонской династіи), когда шляхетскому буйству и

необузданности не было предѣловъ. Закоренѣлые представители шляхетскаго своеволія, безнаказанности и безначалія усматривали въ правѣ о наслѣдственности и во всей дѣятельности сейма прямую угрозу столь дорогой для нихъ «золотой свободѣ»... Удивительно, что подобные представители и защитники «старо-шляхетскихъ правъ и свободы» объяты были въ то же время какою-то маніею къ орденамъ, должностямъ и почетнымъ титуламъ... Въ «Корреспонденціи» находимъ множество просительныхъ писемъ, которыми родовитая шляхта забрасывала короля, противъ котораго интриговала и явно возставала на сеймикахъ. Лесть и нахальство соединяются въ этихъ письмахъ самымъ страннымъ образомъ; много было просьбъ забавныхъ и почти невѣроятныхъ. Иной выпрашивалъ орденъ для пана *такого-то*, имѣя желаніе выдать за него свою дочь; другой—лично для себя, по поводу намѣренія жениться на старостянкѣ или воеводянкѣ *такой-то*; третій—для себя же, но уже просто потому, что «орденъ производитъ въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе»; наконецъ, были и такіе, которые выпрашивали какой-нибудь почетный титулъ только для болѣе приличной надписи на надгробномъ ихъ памятникѣ. Извѣщая короля, что они дряхлы, слѣпы и глухи, просятъ его низойти къ ихъ положенію, дать имъ возможность умереть съ пріятною мыслію о томъ, что надпись на ихъ гробѣ будетъ не какая-либо простая, но будетъ украшена почетнымъ титуломъ... Всѣ подобныя письма наглядно раскрываютъ всю пустоту, нравственное ничтожество и какое-то болѣзненное тщеславіе шляхетныхъ «отцовъ отечества», совершенно погрязшихъ въ своемъ узкомъ эгоизмѣ и нисколько не сознававшихъ, въ невѣроятномъ своемъ ослѣпленіи, исторической важности минуты, въ которую рѣшался вопросъ о «быть или не быть», не замѣчавшихъ и не видѣвшихъ, что на гнилыхъ подвалинахъ зданія, въ которомъ совершалась продолжительная оргія буйной и пьяной «шляхетской вольности», рука судьбы писала уже роковой приговоръ...

Открытіе сейма 1790 г. должно было послѣдовать 16-го декабря. Въ Варшаву стали съѣзжаться къ этому времени прежніе и вновь выбранные депутаты, такъ что предстоящій сеймъ долженъ былъ состоять изъ двойного комплекта депутатовъ. Такимъ образомъ сеймы 1788 и 1790 гг. слились въ одинъ общій конфедеративный сеймъ, извѣстный подъ именемъ «Четырехлѣтняго»; число членовъ его, съ министрами и сенаторами, принимавшими въ немъ участіе, простиралось до пятисотъ. Въ назначенный день, по принесеніи депутатами присяги, сеймъ вступилъ во вто-

рой и самый важный періодъ своей дѣятельности, долженствовавшій рѣшить судьбу разлагавшейся Рѣчи-Посполитой... Такъ смотрѣли на дѣятельность вновь открывшагося сейма всѣ мыслящіе люди, такъ относилась къ нему инстинктивно масса общества. Уже на посольскихъ сеймикахъ оказалось, что сочувствіе страны окончательно склонилось на сторону «патріотической» партіи; цѣлыхъ двѣ трети членовъ сейма принадлежали теперь къ этой партіи. Принятое уже въ принципѣ право наслѣдственности, вмѣсто избирательнаго, должно было измѣнить извращенную республиканскую форму правленія въ болѣе или менѣе правильную конституціонно-монархическую и отразиться на всей внутренней политикѣ страны и ея учрежденіяхъ. Сеймъ энергически приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ и въ первые же мѣсяцы 1791 г. рѣшилъ очень много существенно-важныхъ вопросовъ, показывающихъ, что онъ понималъ гдѣ скрывается зло, и старался уничтожить его въ самомъ источникѣ. На первыхъ же засѣданіяхъ поднятъ былъ вопросъ о безотлагательной необходимости измѣнить выборное право и установить болѣе правильную организацію посольскихъ сеймиковъ, которые, по всегдашнимъ своимъ безпорядкамъ, составляли истинное несчастіе страны. Рѣшено было устранить отъ такихъ сеймиковъ самый буйный и безпорядочный элементъ, т.-е. громадныя массы чиншевой шляхты, которая охотно продавала свои невѣжественные голоса любому честолюбцу, такъ что весьма часто самые спасительные проекты и мѣры падали, благодаря буйной оппозиціи этого босоногаго и лапотнаго рыцарства, продавшагося за чарку водки и порцію жирнаго борщу какому-нибудь безпокойному «добродзѣю» [1]... Правомъ избирательнаго голоса на сеймикахъ впредь могли пользоваться только тѣ земскіе люди шляхетскаго сословія, которые платятъ въ казну прямыхъ налоговъ не менѣе 100 злотыхъ (15 руб. сер.), составляющихъ 10% всего дохода съ недвижимаго ихъ имущества. Городское право также было пересмотрѣно и значительно расширено въ смыслѣ самоуправленія городовъ. Затронуто было также самое больное мѣсто, именно вопросъ «дизунитскій», касавшійся положенія гражданъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Рѣшено было образовать съѣздъ православнаго духовенства, которое бы, при участіи правительственныхъ коммиссаровъ,

---

[1]) На подобное ограниченіе выборнаго права нельзя смотрѣть съ нынѣшней точки зрѣнія, и нужно еще имѣть въ виду, что не-шляхта, т.-е. иныя сословія, вовсе не допускались на сеймики и не имѣли никакого голоса; чиншевая же шляхта тѣмъ только и отличалась отъ „хлоповъ", что не была закрѣпощена и имѣла право носить шпагу (карабелла), которая болталась у нея, по бѣдности, на веревочкѣ.

немедленно приступило къ устройству консисторіи изъ выбранныхъ въ среды своей членовъ, для завѣдыванія дѣлами православной церкви, которая, имѣя самостоятельное управленіе, была бы независима отъ церкви русской и устраняла бы всѣ поводы къ постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Польши. Всѣ эти реформы, клонившіяся къ радикальной перестройкѣ всѣхъ старыхъ порядковъ, встрѣчаемы были большинствомъ общества съ живымъ сочувствіемъ; но, съ другой стороны, они находили множество противниковъ въ средѣ представителей старошляхетскихъ правъ и привилегій. По всей странѣ велась глухая внутренняя борьба и держала короля въ постоянномъ и тяжеломъ безпокойствѣ... Мысль о конфедераціи, которая могла ежеминутно вспыхнуть и сразу уничтожить всѣ плоды его тяжелыхъ заботъ и трудовъ, не переставала ни минуту его преслѣдовать и тревожить. Узнавъ о выѣздѣ изъ Варшавы родственника гетмана Браницкаго, серадзскаго воеводы Валевскаго, недовольнаго дѣятельностію сейма, король, тревожимый подозрѣніями, посылаетъ ему письмо, въ которомъ доказываетъ, что «малѣйшая попытка организовать противную сейму конфедерацію была бы гибельна», т.-е. въ сотый разъ доказываетъ мысль, которую онъ старался внушить каждому и при всякомъ случаѣ, и которая, впрочемъ, сама по себѣ была очевидна. Невыносимо и безвыходно было положеніе этого бѣднаго короля! Не даромъ Генрихъ Валуа, тайкомъ бѣжавшій изъ Польши, охотно отдавалъ желающимъ «старую польскую корону за пару новыхъ сапогъ»... Существенное затрудненіе въ проведеніи реформъ состояло въ томъ, что большинство родовитой шляхты нисколько не отдѣляло личныхъ своихъ интересовъ отъ интересовъ государственныхъ и послѣдніе подчиняло первымъ. Новое и разительное доказательство тому мы находимъ въ вопросѣ о староствахъ, который, въ свою очередь, поднятъ былъ на сеймѣ, съ цѣлью увеличенія средствъ на содержаніе войска. Предположено было употребить доходы со староствъ на военныя издержки, вознаградивъ временныхъ владѣтелей староствъ извѣстными денежными выдачами изъ казны. Шляхта подняла ужасный крикъ и называла подобный проектъ «несправедливостію» по отношенію къ ней!.. Король встревожился и, сочувствуя внутренно этой мѣрѣ, поставилъ себя, вслѣдствіе тревожившихъ его опасеній, въ весьма неловкое и фальшивое положеніе: онъ притворился сочувствующимъ неудовольствію родовитой шляхты и письменно приглашалъ многихъ, которые больше всего кричали, явиться на сеймъ и лично защищать свое дѣло, такъ какъ «онъ, король, для спасенія староствъ дѣлаетъ

все отъ него зависящее, но одинъ не въ силахъ помочь бѣдѣ»... На сцену опять является извѣстный уже намъ польный литовскій гетманъ Тышкевичъ, котораго привели въ ужасъ слухи объ отнятіи у шляхты староствъ. Ужасъ этотъ еще увеличился, когда виленскій депутатъ Корсакъ внесъ на сеймъ проектъ объ уменьшеніи жалованья министрамъ до 1200 злотыхъ польскихъ (180 р. с.) въ годъ; проектъ этотъ, въ случаѣ принятія, коснулся бы и Тышкевича, какъ польнаго гетмана. Пораженный ужасомъ и скорбію, Тышкевичъ пишетъ королю слезное письмо, въ которомъ говоритъ: «Какую же память дому моему оставитъ по себѣ царствованіе ваше, если я, честно служа отечеству и королю, оставлю въ наслѣдство моимъ дѣтямъ одну нищету [1])». Отвѣчая на эту ламентацію, король приглашаетъ Тышкевича въ Варшаву и говоритъ, что «министры сами должны о себѣ позаботиться, такъ какъ онъ одинъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ, помочь дѣлу не можетъ»... Интересно также письмо новогрудскаго каштеляна Гедеона Еленскаго, раскрывающее вообще взглядъ шляхты на государственные интересы Рѣчи-Посполитой. Каштелянъ предупреждаетъ короля, что отнятіе старостъ повергнетъ множество шляхты «въ нищету, превратитъ въ голь и возбудитъ плачъ и жалобы», и потомъ прибавляетъ: «говорятъ, что это дѣлается для увеличенія войска и для блага Рѣчи-Посполитой; но что же такое Рѣчь-Посполитая, какъ не шляхта?»... Взглядъ на государственный интересъ еще рѣзче выражается въ письмѣ познанскаго каштеляна Гуровскаго, который умоляетъ короля помочь ему удержать за собою Кольское староство, ссылаясь на свою болѣзнь и несчастный случай на охотѣ: «Всемилостивѣйшій король,—пишетъ каштелянъ,—вамъ извѣстно, какой опасности подверглась моя жизнь со стороны крестьянъ староства и отъ волка... Спасай же меня, о король, ибо я такъ слабъ, что могу только сказать: tu scis, Domine, quia amo Te»... Пинскій депутатъ Бутримовичъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ гораздо прямѣе и откровеннѣе. Гетманъ Тышкевичъ гналъ его изъ-за какого-то фольварка; по этому-то поводу Бутримовичъ пишетъ королю: «Благоволите поставить гетману на видъ, что я арендую фольваркъ королевскій; и потому, пока интересъ мой связанъ съ арендой, я буду горячимъ защитникомъ старостъ, но когда лишенъ буду аренды, тогда стану всѣми силами нападать на староства»... Все это казалось бы маловѣроятнымъ, еслибы не подлинныя письма, изъ которыхъ мы приводимъ эти цитаты. Благодаря

[1]) Гетманъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ литовскихъ магнатовъ.

такимъ гетманамъ, каштелянамъ, депутатамъ и инымъ «государственнымъ» мужамъ, вопросъ о староствахъ рѣшенъ былъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года, когда не было уже возможности привести рѣшеніе сейма въ исполненіе.

Изъ находящихся въ «Корреспонденціи» данныхъ вовсе не видно, какъ шла внутренняя работа на сеймѣ, а также вовсе нѣтъ никакихъ указаній на то, какъ относились къ сейму и его дѣятельности иностранные послы, особенно прусскій и русскій. Стакельберга не было уже тогда въ Варшавѣ, мѣсто его занялъ Булгаковъ. Не подлежало, однако, сомнѣнію, что готовящаяся реформа, во всей ея обширности, обыкновеннымъ путемъ не могла пройти на сеймѣ, такъ какъ она имѣла на самомъ сеймѣ сильныхъ противниковъ, которые нашли бы возможность и способъ помѣшать ея принятію, не задумываясь надъ средствами. Но работы «коммиссіи», душою которой, какъ извѣстно, былъ епископъ Красинскій, велись секретно и содержались въ величайшей тайнѣ, такъ что оппоненты, недовольные сеймомъ, не знали—кàкъ и противъ чего оппонировать, молчали и ждали. По случаю праздника пасхи, депутаты разъѣхались по домамъ и, конечно, по окончаніи праздничныхъ ферій не очень спѣшили назадъ въ Варшаву. Рѣшено было воспользоваться этимъ временемъ, о чемъ предупреждены были многіе депутаты, расположенные въ пользу реформы, которые и не замедлили явиться въ Варшаву тотчасъ по окончаніи праздничныхъ ферій, между тѣмъ, какъ противники реформы, ничего не подозрѣвая, вовсе назадъ не спѣшили. Все совершилось согласно мысли короля и «коммиссіи»: въ памятные дни 3-го и 5-го мая 1791 г. обнародована была и принята сеймомъ новая конституція, которая сдѣлалась извѣстною подъ именемъ «Конституціи 3-го мая» [1]). Въ Варшавѣ она вызвала общую

---

[1]) Въ чемъ же именно состояла эта конституція? Въ книгѣ „Rys historyi Polskiej przez Jozefa Mikłaszewskiego, Warszawa 1829 г.“, находится такая характеристика этой конституціи: „Сеймъ, создавая конституцію, отказался отъ предразсудковъ, но не уничтожилъ старыхъ основъ и институцій; исправилъ злоупотребленія, но не нарушилъ правъ собственности; воспользовался свѣтомъ философіи, но не повредилъ политикѣ (?); поднялъ угнетенный народъ, но не причинилъ обиды и вреда высшимъ классамъ; пробудилъ въ массахъ народный духъ, энергію и одушевленіе, но не пролилъ ни одной капли крови, не заставилъ никого даже проливать слезы. Рѣчь-Посполитая превращалась въ наслѣдственную монархію и страна спасалась навсегда отъ язвы междуцарствій. Особа короля становилась неприкосновенною, онъ пользовался достаточною властію для того, чтобы дѣлать добро, и не имѣлъ воли дѣлать зла, потому что распоряженія его тогда только получали обязательную силу, когда скрѣплены были подписью одного изъ министровъ, а министры были отвѣтственны, и когда, кромѣ того, были утверждены сенатомъ и палатою депутатовъ (Izba Po-

и восторженную радость, которая вскорѣ перешла и на провинціи... Безъ сомнѣнія, конституція эта не лишена многихъ существенныхъ достоинствъ, но ее никакъ нельзя назвать «революціею», какъ называли ее тогда поляки; она «уничтожала только нѣкоторые предразсудки, но старыя основы остались неприкосновенными». Эта сторона конституціи, при иныхъ условіяхъ, могла бы, пожалуй, свидѣтельствовать въ ея пользу, но дѣло въ томъ, что самыя эти «основы», оставшіяся неприкосновенными, никуда не годились. Шляхетская республика превращалась въ шляхетскую монархію—и больше ничего. Городскія сословія, по смыслу конституціи, допускались ко всѣмъ должностямъ, военнымъ и гражданскимъ, но неизвѣстно и весьма сомнительно, допускались ли бы они къ этимъ должностямъ на практикѣ, такъ какъ для подобныхъ должностей сама шляхта представляла достаточный, всегда готовый и даже обильный контингентъ, исключающій всякую возможность конкурренціи. Сельскому сословію обѣщана была равноправность только въ отдаленномъ будущемъ, но это будущее было въ рукахъ шляхты, которая оставалась по прежнему полнымъ хозяиномъ въ государствѣ; слѣдовательно для сельскаго сословія, въ сущности, сдѣлано было весьма мало или почти ничего,—«старыя основы остались вполнѣ неприкосновенными», а при нихъ шляхта и въ отдаленномъ будущемъ держала бы хлоповъ въ рабской отъ себя зависимости... Все это до такой степени ясно, что нельзя не удивляться оптимизму польскихъ историковъ, усматривающихъ и по настоящее время въ этой конституціи «памятникъ, исполненный величія»... Оптимизма этого не чуждъ даже издатель разбираемой нами «Корреспонденціи», отличающійся вообще трезвымъ и прогрессивнымъ взглядомъ на вещи. «Конституція 3-го мая,—говоритъ онъ,—отличается отъ всѣхъ иныхъ опытовъ въ этомъ родѣ тѣмъ именно, что вызвана она

selska). Латинская вѣра признана господствующею, но всѣ иныя вѣроисповѣданія пользовались свободою (были терпимы). Судебная власть пользовалась независимостію; шляхетское сословіе, съ своими правами и привилегіями, осталось неприкосновеннымъ. Городское сословіе допущено было ко всѣмъ должностямъ, гражданскимъ и военнымъ; состоящіе въ этихъ должностяхъ становились шляхтою. Крестьянское сословіе хотя не могло, по своему невѣжеству и бѣдности, получить вдругъ полную независимость, тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе оной, равно какъ и пріобрѣтеніе собственности (земельной) становилось доступнымъ ему постепенно, по мѣрѣ развитія въ немъ образованія, и въ будущемъ предоставляло этому сословію полную гражданскую равноправность. Подобный переворотъ никакъ не можетъ быть уподобленъ кровавой и ужасной революціи, вспыхнувшей въ то время во Франціи. Поляки далеки были отъ якобинизма, ниспровергшаго во Франціи всѣ религіозныя, политическія и общественныя основы порядка и безопасности"...

была не внутреннею бурею, а сознаніемъ грозящихъ отечеству опасностей; создалъ ее у насъ привилегированный классъ для пользы остальныхъ сословій не вслѣдствіе внѣшняго напора, не въ ту минуту, когда de facto онъ лишился уже своихъ привилегій, какъ это случалось въ иныхъ странахъ, но добровольно, находясь въ полномъ обладаніи этими привилегіями»... Но въ томъ-то и дѣло, что шляхта ничего особеннаго не сдѣлала для пользы остальныхъ сословій и не отступила, въ сущности, ни на-волосъ отъ своихъ привилегій; тамъ же, гдѣ привилегіи, во всемъ своемъ объемѣ, остаются за однимъ классомъ, невозможна никакая равноправность: понятія о привилегіи и равноправности взаимно исключаютъ другъ друга. Остальнымъ, особенно сельскому сословію, обѣщана была равноправность въ будущемъ—въ теоріи это—идиллія, въ практическомъ же примѣненіи—абсурдъ; это значило бы, что всѣ сословія въ Польшѣ въ будущемъ должны слиться въ одно привилегированное сословіе... Но если имѣть въ виду, что, кромѣ политическихъ и нравственныхъ выгодъ, шляхетскія привилегіи неразрывно связаны были съ интересами и выгодами матеріальными, которыми шляхта дорожила больше всего и которымъ подчинялись даже интересы государственные, то не подлежитъ сомнѣнію, что предполагаемая въ будущемъ, по смыслу конституціи, равноправность всѣхъ сословій превратилась бы въ иллюзію и хлопъ по прежнему остался бы вѣчнымъ хлопомъ и работникомъ на шляхту. Въ сущности, ничто не измѣнилось бы въ Польшѣ ни на іоту: сама шляхта создала конституцію, сама же она могла ее исполнять и не исполнять; иныя сословія не имѣли бы даже юридическихъ основаній домогаться равноправности, потому что она обѣщана была имъ въ неопредѣленномъ будущемъ, не ограниченномъ точно указанными предѣлами, а безъ этого условія будущее неуловимо, ибо каждая минута есть только настоящая...

Сверхъ всякаго ожиданія, обнародованіе конституціи вызвало весьма немного открытыхъ протестовъ и вообще принято было страною съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Самъ гетманъ Браницкій принесъ 7-го мая присягу на вѣрность конституціи; примѣру его послѣдовали многіе другіе противники ея и королевскіе недоброжелатели. Во многихъ провинціальныхъ городахъ устроены были даже оваціи, на которыхъ сочинялись благодарственныя королю и сейму письма, снаряжались особыя депутаціи въ Варшаву для выраженія чувствъ радости и признательности страны. Король, съ своей стороны, для смягченія гнѣва тѣхъ, кто былъ противъ конституціи и не могъ помѣшать ея принятію, раз-

сылалъ цѣлыми десятками ордена и иныя доказательства «королевской своей милости, дружбы и любви братской»... А между тѣмъ, собравшійся сеймъ продолжалъ усердно работать надъ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ конституціи, посредствомъ практическаго ихъ примѣненія. Такъ, въ теченіе мая и іюня, издана была новая сеймовая организація, установлено было право о придворной гвардіи, объ организаціи полиціи и т. п. Съ 28-го іюня по 15-е сентября засѣданія сейма, по поводу лѣтнихъ вакацій, были снова закрыты. По порученію сейма, сандомірскій депутатъ Кохановскій, пинскій—Бутримовичъ и трокскій—Залѣскій должны были, въ качествѣ правительственныхъ коммиссаровъ, отправиться, пользуясь вакаціоннымъ временемъ, въ Пинскъ, куда созвано было къ тому времени «дизунитское» (православное) духовенство для избранія изъ среды себя членовъ и открытія самостоятельной православной консисторіи, независимой отъ всероссійскаго синода. Въ числѣ весьма немногихъ документовъ, относящихся къ этому интересному предмету, упоминается о письмѣ нѣкоего шамбеляна Олендскаго, но самаго письма не приведено. Содержаніе его было такое: «познакомившись въ Курляндіи съ прусскимъ министромъ фонъ-Гюттелемъ (v. Hüttel), который долгое время былъ секретаремъ прусскаго посольства въ Петербургѣ, Олендскій узналъ отъ него, что русское правительство, замышляя о мести польскому народу, намѣрено для этой цѣли воспользоваться содѣйствіемъ дизунитовъ, и что упомянутый фонъ-Гюттель совѣтуетъ польскому правительству — какъ можно скорѣе прервать всѣ связи дизунитскаго духовенства съ петербургскою церковью и поставить его въ прямую зависимость только отъ себя». Депутатъ Залѣскій, которому болѣзнь помѣшала присутствовать на съѣздѣ духовенства въ Пинскѣ, писалъ, что «по отношенію къ дизунитамъ все зависитъ отъ того, чтобы дать имъ такія обѣщанія, которыя возможно будетъ исполнить, данныя же непремѣнно исполнять; не имѣя надобности обращаться за-границу, дизуниты сдѣлаются гражданами своей страны, не возбуждающими никакихъ подозрѣній». Бутримовичъ засидѣлся въ Варшавѣ и тоже не попалъ на съѣздъ. Донося королю, что съѣздъ этотъ, или «конгрессъ», окончился безъ него, Бутримовичъ пишетъ: «Все на этомъ конгрессѣ окончилось спокойно, тихо и примѣрно, конгрессъ заслужилъ общую похвалу, да и само дизунитское духовенство осталось вполнѣ довольнымъ, причину чего нужно приписать ласковому, предусмотрительному и разумному поведенію депутата Кохановскаго». Затѣмъ Бутримовичъ сообщаетъ: «переводчикъ русскихъ актовъ, Манугевичъ, посланный для ревизіи

слуцкаго архива, говоритъ, что архивъ этотъ заключаетъ необыкновенно важныя бумаги, писанныя въ здѣшній край изъ Москвы еще въ царствованіе Петра Великаго и чрезвычайно намъ вредныя; что подобныхъ же бумагъ, относящихся къ позднѣйшему времени, тоже есть много, и что всѣ подобныя бумаги слѣдовало бы хранить запечатанными или, чтобы и слѣда ихъ не осталось, доставить въ Варшаву и тамъ сжечь [1]).

Пользуясь вакаціоннымъ временемъ, противники конституціи старались соединить свои силы и пускали въ ходъ всевозможныя интриги. Король зорко слѣдилъ за ними и постоянно испытывалъ самое тревожное безпокойство. Къ числу самыхъ запальчивыхъ противниковъ конституціи принадлежалъ инфляндскій епископъ Коссаковскій, поспѣшно уѣхавшій изъ Варшавы послѣ принятія этой конституціи сеймомъ. Теперь онъ собирался за-границу, гдѣ находились въ то время открытые враги конституціи, Щенсный-Потоцкій и Северинъ-Ржевускій; общее мнѣніе приписывало Коссаковскому намѣреніе дѣйствовать съ ними сообща. Король поручилъ спросить епископа о его намѣреніяхъ и получилъ отъ него письмо, въ которомъ лукавый прелатъ удивляется дошедшимъ до короля слухамъ, спрашиваетъ — откуда они могли явиться и бросить тѣнь подозрѣнія на такого агнца невиннаго. Нужно замѣтить, что этотъ агнецъ больше всего надоѣдалъ королю просьбами о разныхъ доходахъ для себя, а также домогательствами арендъ, староствъ и доходныхъ мѣстъ для своихъ братьевъ и родственниковъ. Замѣчателенъ отвѣтъ короля, свидѣтельствующій о всемъ его добродушіи: «Я потому поручилъ спросить васъ, что, какъ я узналъ, въ Вѣнѣ ждутъ васъ на почтѣ письма, адресованныя на ваше же имя; но и сами вы, уѣзжая изъ Варшавы, сказали: «теперь уѣзжаю въ Литву, а потомъ побываю, быть можетъ, Карлсбадѣ». Но такъ какъ всѣ наши соотечественники, бывшіе въ нынѣшнемъ году въ Карлсбадѣ, непремѣнно заѣзжали въ Вѣну, хотя для этого должны были сдѣлать лишнихъ нѣсколько десятковъ миль, то обстоятельство это не могло не обратить на себя моего вниманія. Если бы я не питалъ къ вамъ добраго расположенія и не былъ убѣжденъ, что вы не станете скрывать правду, то я постарался бы узнать эту правду инымъ путемъ. Теперь я спокоенъ и полагаюсь на ваши увѣренія; съ особеннымъ удовольствіемъ буду и

---

[1]) Если такія вредныя бумаги существовали въ слуцкомъ архивѣ, то непонятно, для чего бы ихъ жечь; скорѣе слѣдовало, въ интересѣ поляковъ, добыть ихъ изъ архива и сдѣлать извѣстными.

впредь полагаться на вашу честность и расположенность ко мнѣ, и буду оставаться въ убѣжденіи, что въ лицѣ вашемъ и вашихъ родныхъ *я и конституція 3-го мая* найдемъ всегда неизмѣнныхъ друзей: этихъ двухъ вещей я не раздѣляю и перестану такъ думать развѣ тогда, когда умру». Не подлежитъ сомнѣнію, что Потоцкій и Ржевускій что-то затѣвали въ Вѣнѣ и старались склонить къ своимъ видамъ императора Леопольда, который подозрительно смотрѣлъ на отношенія Польши къ Пруссіи, пока «не убѣдился,—говоритъ издатель «Корреспонденціи»,—въ истинныхъ намѣреніяхъ берлинскаго кабинета»... Намѣренія эти, конечно, если и были въ то время опасны для кого-либо, то вовсе не для австрійскаго правительства, хотя видимымъ побужденіемъ къ союзу Пруссіи съ Польшею послужилъ союзъ Россіи съ Австріею передъ второю турецкою войною. Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ усилій въ Вѣнѣ, Потоцкій и Ржевускій отправились въ Яссы, гдѣ побѣжденная Турція подписывала миръ съ своими побѣдителями.

Пользуясь перерывомъ сеймовыхъ засѣданій, король желалъ получить точныя свѣдѣнія о состояніи войска, которое, какъ оказалось, находилось въ плачевномъ состояніи. Къ этому времени вооруженная сила, правда, возросла до 50 тысячъ, но не было денегъ на ея содержаніе, такъ какъ шляхта и думать не хотѣла объ увеличеніи расходовъ на армію и платить налоги никто не желалъ. Посланный для инспекціи арміи польный коронный писарь Казиміръ Ржевускій сообщалъ о 2-й великопольской бригадѣ слѣдующее: «Въ бригадѣ этой ни одинъ маіоръ не объѣзжалъ, согласно распоряженію военной коммиссіи, своей части, не осматривалъ и, кажется, ни одинъ не съумѣетъ исполнить эти распоряженія. Штабъ не наблюдаетъ за исполненіемъ ихъ; бригадиръ разослалъ солдатъ по своимъ деревнямъ на сельскія работы, а вице-бригадиръ теперь только въ первый разъ, узнавъ о моемъ прибытіи, явился въ бригаду»... Только генералъ-маіору Іосифу Понятовскому, командовавшему корпусомъ, расположеннымъ подъ Брацлавомъ, Ржевускій отдавалъ полную справедливость: «этотъ молодой рыцарь,—писалъ онъ,—ожидаетъ только времени, чтобы изъ рыцаря превратиться въ богатыря». По поводу крайне печальнаго состоянія вооруженной силы, издатель «Корреспонденціи» говоритъ со скорбію, что причиною тому были отчасти отдѣльныя личности, парализовавшія распоряженія военной коммиссіи по побужденіямъ чисто эгоистическимъ, отчасти же общее отвращеніе шляхты отъ неизбѣжныхъ расходовъ на армію и вообще отъ всякихъ иныхъ значительныхъ расходовъ. «Нельзя

не удивляться,—говоритъ онъ,—невѣроятному ослѣпленію общества, не примѣчавшаго собиравшейся надъ главою его бури. У насъ всегда такъ бывало. Когда Фридрихъ II-й вѣчно твердилъ, что la Prusse doit être toujours en vedette, у насъ распѣвали себѣ, какъ и прежде: za Sasa popuszczaj pasa... т.-е. живи въ свое удовольствіе и пьянствуй, сколько влѣзетъ, ни о чемъ не помышляя...» Совершенно справедливо, хотя сравненіе польскаго шляхтича, только и знавшаго, что «popuszczaj pasa», съ неутомимымъ и геніальнымъ организаторомъ прусской монархіи, весьма забавно по своей оригинальности и наивности......

Къ этому же времени относится не лишенная интереса, по отношенію къ современнымъ обстоятельствамъ, переписка самого короля съ Іосифомъ Понятовскимъ. Послѣдній, въ письмѣ своемъ изъ Немирова, отъ 16-го августа, упоминаетъ, между прочимъ, съ большою похвалою о Костюшкѣ: «Le général Kosciuszko est déjà sous mes ordres, avec son corps; il me parait un homme très comme il faut, il a beaucoup de connaissances et de modestie et il est extrêmement aimé de corps qu'il commande». Изъ этого же письма видно, что король имѣлъ-было намѣреніе лично осмотрѣть войска, потому что князь Понятовскій припоминаетъ теперь королю его обѣщаніе и говоритъ, что тотъ день, когда войско будетъ имѣть радость видѣть у себя своего отца, сочтется счастливѣйшею эпохою въ жизни польскаго солдата: «regardant ce jour comme l'époque la plus heureuse pour le soldat polonais, qui aura la consolation de voir son père au milieu de lui». Спустя нѣсколько дней по полученіи этого письма, король писалъ князю Понятовскому слѣдующее:

«J'ai des avertissements que подпоручикъ хоругви великаго короннаго гетмана Баневскій и подпоручикъ ланцкоронской хоругви Вовпанскій sont deux sujets mal intentionnés, et qui cherchent à savoir tous les moindres petits mécontentements, qui peuvent se rencontrer dans les différents corps de nos troupes, afin de les aigrir encore davantage, et pour en informer très exactement madame la grande générale Branicka, laquelle ne manque pas d'en informer très exactement chaque poste le prince Potemkin, ainsi que de tous les événements de ce pays, lesquels, de manière ou d'autre, peuvent servir à exciter du trouble ici. Je vous recommande donc d'avoir bien l'oeil sur ces deux officiers. Quant à madame Branicka, j'ai usé de ma méthode ordinaire, c'est à dire que je suis allé tout droit à la source, en disant au grand général même que telle et telle chose m'a été dite sur le compte de sa femme, et que je le priais et lui con-

seillais d'écrire à sa femme, pour laquelle d'ailleurs j'ai tant d'égards, de ne plus continuer ses informations susdites à son oncle, puisque finalement je serai obligé d'ajouter foi à ce que l'on m'a dit tant de fois sur les projets de son oncle, pernicieux pour nous, et d'arriver aux moyens d'y obvier le plus efficacement; et que, pour agir toujours loyalement et rondement avec lui, *j'aimais mieux l'en prevenir lui même* [1]). Il m'a dit sur cela tout ce que l'on a coutume de dire en pareille occasion, surtout en niant le fait, et il a fini par m'assurer qu'il écrirait, comme je le lui demandais» [2]).

Съ приближеніемъ времени открытія, или «реассумпціи» сейма, послѣ лѣтнихъ вакацій, усиливалось и безпокойство короля. Конституція была принята, но нужно было, чтобы принятіе ея утверждено было присягою со стороны народа. Въ концѣ августа король опять разослалъ множество писемъ, приглашая депутатовъ, на которыхъ могъ положиться, непремѣнно прибыть въ Варшаву къ 15-му сентября, т.-е. ко дню вовобновленія засѣданій сейма. Въ письмахъ этихъ онъ старался поддерживать въ депутатахъ энергію и надежду на счастливую будущность. Такъ, приглашая поспѣшить въ Варшаву посланнаго для инспекціи войскъ Ржевускаго, онъ пишетъ ему, между прочимъ: «Nos notions de Vienne et de Berlin continuent à être très bonnes. Il y a lieu de croire, que celles de Russie y deviendront conformes. Nous

---

[1]) Непонятно. Въ текстѣ, быть можетъ, вмѣсто „lui-même" нужно читать „moi-même", а вмѣсто „j'aimais"—j'aimerais".

[2]) Т.-е.: „Дошло до моего свѣдѣнія, что подпоручики Баневскій и Вовпанскій—люди злонамѣренные, что они стараются развѣдывать о малѣйшемъ неудовольствіи, какое можетъ возникнуть въ разныхъ частяхъ нашего войска, съ цѣлью раздувать въ немъ это неудовольствіе, и извѣщаютъ о томъ аккуратно гетманшу Браницкую, которая аккуратно съ каждою почтою сообщаетъ о томъ князю Потемкину, равно какъ и о всѣхъ мѣстныхъ событіяхъ, которыя, такъ или иначе, могутъ послужить поводомъ къ возбужденію безпорядковъ. Прошу васъ внимательно наблюдать за этими двумя офицерами. Что касается до мадамъ Браницкой, то я употребилъ обыкновенную мою методу, т.-е. обратился прямо къ источнику, заявивъ самому гетману, что насчетъ его жены говорено мнѣ то и то, что я прошу и совѣтую ему написать къ женѣ, къ которой, впрочемъ, я питаю полное уваженіе, чтобы она прекратила вышесказанныя сообщенія своему дядѣ, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, я вынужденъ буду повѣрить всему тому, что́ говорено мнѣ было столько разъ относительно гибельныхъ для насъ проектовъ ея дяди, для предотвращенія которыхъ я долженъ буду обратиться къ наиболѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ; для того же, чтобы дѣйствовать законно и согласно съ нимъ, я готовъ самъ обо всемъ предупреждать его. На это мнѣ сказано все то, что́ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ; прежде всего самый фактъ былъ отрицаемъ, кончилось же увѣреніемъ, что требуемое мною письмо будетъ написано къ гетманшѣ".

attendons celles de Dresde d'un moment à l'autre. Vale et me ama». (Т.-е.: «Извѣстія изъ Вѣны и Берлина продолжаютъ быть очень хорошими. Можно думать, что такія же будутъ и изъ Россіи. Изъ Дрездена ожидаемъ такихъ же извѣстій съ минуты на минуту. Прощай и люби меня»). Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ куявскому депутату Закржевскому, говорится: «Всѣ извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, заставляютъ вѣрить, что ни одинъ иноземный солдатъ не вторгнется къ намъ, только бы въ самой Польшѣ не произошло ничего враждебнаго конституціи 3-го мая. Потому-то, собственная безопасность каждаго должна побудить всѣхъ благомыслящихъ людей поддержать конституцію, которая обезпечитъ нашу неприкосновенность и нашу славу, ту конституцію, безъ которой навсегда пропало бы сочувственное мнѣніе о насъ въ Европѣ и возвратилось бы то отвратительное время, когда иноземный солдатъ диктовалъ намъ законъ на сеймахъ и горько угнеталъ насъ въ собственныхъ домахъ нашихъ».

О дѣятельности сейма, засѣданія котораго возобновились 15-го сентября, въ «Корреспонденціи» не находимъ ровно никакихъ извѣстій. Къ концу года тревожные слухи о замыслахъ противниковъ конституціи стали усиливаться; король со всѣхъ сторонъ сталъ получать разнаго рода предостереженія. Между прочимъ изъ Львова было ему донесено въ декабрѣ, что чрезъ этотъ городъ послано было изъ Вѣны нѣсколько тысячъ экземпляровъ брошюры, направленной противъ конституціи и имѣвшей цѣлью возбуждать противъ нея въ Польшѣ умы, и къ донесенію приложенъ былъ даже одинъ экземпляръ этой брошюры. Изъ Украйны онъ получилъ извѣстіе, что тамъ многіе толкуютъ о конфедераціи, замышляемой въ Яссахъ, и о томъ, что начинается агитація въ пользу Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго въ средѣ мѣстной шляхты. Нѣкто Вильскій доносилъ королю изъ Тульчина о томъ, что, имѣя много знакомыхъ и друзей въ русскомъ войскѣ, онъ узналъ отъ нихъ, равно какъ и изъ другихъ источниковъ, что «въ Яссахъ готовится заговоръ (spisek) противъ конституціи 3-го мая; что Потемкинъ, осматривая въ Тульчинѣ лошадей, прямо сказалъ, что на *это дѣло* назначено уже 300 тысячъ войска, и что, наконецъ, все это подтвердилъ генералъ Энгельгардтъ... Здѣсь,—прибавляетъ Вильскій,—пугаютъ этимъ народъ, во множествѣ распространяютъ поджигательныя брошюры, такъ что сильно встревоженная въ здѣшнемъ воеводствѣ шляхта начинаетъ роптать противъ новой конституціи».

Въ октябрѣ (15 д.) 1791 г. Потемкинъ умеръ. Потоцкій и

Ржевускій, къ которымъ вскорѣ присоединился Браницкій, остались въ Яссахъ и вошли въ сношенія съ графомъ Безбородко, прибывшимъ въ Яссы въ качествѣ уполномоченнаго для заключенія съ Турціею мира. На требованіе военной коммиссіи, приглашавшей Щенснаго-Потоцкаго возвратиться на родину, онъ отвѣчалъ посланному къ нему съ этимъ требованіемъ Князевичу, что присяги на вѣрность конституціи, противъ которой протестовалъ, не выполнитъ, и поэтому остается за-границей. Буря становилась грознѣе и грознѣе. Въ началѣ 1792 г., будущіе предводители Тарговицкой конфедераціи отправились въ Петербургъ; въ успѣхѣ ихъ ходатайствъ невозможно уже было сомнѣваться: русское правительство, въ видахъ собственной политики, склонялось на сторону противниковъ конституціи, которая была составлена подъ защитою враждебнаго Россіи союза съ Пруссіею...

Что же дѣлалъ, какія мѣры предпринималъ король для отвращенія грозной бури? Кромѣ содѣйствія Пруссіи, въ силу заключеннаго съ нею союза, онъ разсчитывалъ еще почему-то на помощь австрійскаго императора Леопольда II-го. Что касается собственно до прусскаго короля, то содѣйствіе его казалось тѣмъ вѣрнѣе, что этотъ король-философъ и другъ Вольтера не только вполнѣ одобрилъ-было конституцію 3-го мая, но еще призналъ ее совершенно необходимою для счастія поляковъ... Для окончательнаго и прочнаго обезпеченія своего дѣла, а вмѣстѣ и самого себя, Станиславъ-Августъ старался теперь только о томъ, чтобы соединить подъ знаменемъ этой конституціи весь свой народъ. Въ февралѣ 1792 г. должны были по всѣмъ воеводствамъ собраться «реляціонные сеймики» [1]); ими-то хотѣлъ воспользоваться король, чтобы принятіе конституціи народомъ закрѣплено было общею со стороны его присягою. По своему обычаю, онъ разослалъ съ этою цѣлью множество писемъ и множество орденовъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, убѣждая и прося ихъ, чтобы на предстоящихъ сеймикахъ выполнена была повсюду присяга. Казалось, онъ смотрѣлъ на эту присягу отчасти какъ на демонстрацію, которую считалъ необходимою, какъ одно изъ средствъ для отвращенія грозящей опасности, и даже вѣрилъ, что такою демонстраціей опасность эта будетъ предотвращена. Въ одномъ изъ такихъ писемъ (къ радомскому земскому судьѣ Вонсовичу) онъ говоритъ: «Возрожденіе нашей Рѣчи-Посполитой есть, по-истинѣ,

---

[1]) Seymiki relacyjne. Это были такіе сеймики, на которыхъ депутаты должны были давать отчетъ своимъ избирателямъ въ исполненіи на общемъ сеймѣ полученныхъ инструкцій. Такіе сеймики вошли въ обычай съ 1573 г.

чудесное дѣйствіе Провидѣнія, и потому паденіе ея было бы такимъ дѣломъ, которое вполнѣ легло бы на нашу отвѣтственность; но это случится, если мы позволимъ обманывать себя безпокойнымъ людямъ, слушать ихъ внушенія и дозволять имъ повсюду возбуждать недовѣріе и замѣшательства, съ цѣлью погрузить насъ въ прежній безпорядокъ. Вѣрьте мнѣ, пока граждане соединены будутъ съ сеймомъ и со мною, ничья зависть повредить намъ не будетъ въ силахъ»... Въ то же время жмудскому старостѣ Гелгуду король писалъ: «Конституцію я признаю за нѣчто совершенно отъ меня нераздѣльное и цѣню ее наравнѣ съ моею жизнію, потому что признаю ее необходимою для счастія народа и потомства нашего»... Рѣшимость короля отстаивать конституцію, которую онъ цѣнилъ наравнѣ съ своею жизнію, была повидимому непоколебима... Убѣжденъ ли онъ былъ самъ въ своей непоколебимости, или считалъ только необходимымъ увѣрять въ ней другихъ, чтобы поддержать въ нихъ мужество и энергію, которыхъ не было въ немъ самомъ?.. Вопросъ этотъ должны были рѣшить только послѣдующія обстоятельства и дальнѣйшее развитіе событій... Быть можетъ, король въ настоящую минуту еще искренно вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Увѣренность эта еще усилилась въ немъ, когда со всѣхъ сторонъ сталъ онъ получать извѣстія, что, за ничтожными исключеніями, присяга повсюду была принесена, во многихъ же мѣстахъ она сопровождалась даже весьма торжественною обстановкою, какъ будто съ тою именно цѣлью, чтобы придать ей характеръ демонстраціонный. Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени король считалъ успѣхъ дѣла вполнѣ обезпеченнымъ и рѣшительно не предчувствовалъ грозы, которая вскорѣ должна была разразиться... Доказательствомъ можетъ служить переписка его съ какимъ-то Старжинскимъ, жившимъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, почти наканунѣ рѣшительныхъ событій. Въ концѣ апрѣля, именно 27-го числа, Старжинскій обратился къ королю съ слѣдующимъ письмомъ: «Ходятъ печальные слухи, что враги отечества, завидуя его счастію, грозятъ отравить это счастіе. Желая предпринять поѣздку за границу на воды, для поправленія здоровья, я рѣшился воздержаться и просить васъ, чтобы вы научили меня, какъ добрый отецъ учитъ своихъ дѣтей, могу ли я въ такое время уѣхать, безъ нарушенія обязанностей гражданина. Ибо я не желаю ничего больше, какъ только того, чтобы пролить послѣднюю каплю крови, защищая короля и права народа». На это письмо король немедленно отвѣчалъ:

«Не обману возлагаемаго на меня довѣрія и съумѣю отвра-

тить бурю, еслибы она угрожала отечеству. Думаю, однако, что она вовсе не грозитъ намъ ни откуда, и потому, по окончаніи сеймика, вы можете отправиться въ путь. Здоровье столь добродѣтельнаго гражданина для меня дорого; отъ души желаю его поправленія, да благословитъ васъ Богъ во всемъ»...

Въ Варшаву, между тѣмъ, съѣзжались депутаты и множество шляхты для торжественнаго празднованія годовщины конституціи 3-го мая. Объ этомъ празднествѣ, въ которомъ король принималъ самое дѣятельное участіе, считаемъ не лишнимъ привести, не вдаваясь ни въ какіе комментаріи, слова издателя «Корреспонденціи», такъ какъ въ нихъ вполнѣ ясно высказанъ взглядъ, какой имѣютъ поляки на характеръ Станислава-Августа и на роль его въ событіяхъ, окончательно рѣшившихъ судьбу Рѣчи-Посполитой.

«Собрались послы и депутаты отпраздновать годовщину 3-го мая. Любя театральность, торжества и церемоніи, король принималъ личное участіе въ устройствѣ праздества; наканунѣ окончательныхъ несчастій, онъ явился народу съ полною торжественностью, во всемъ наружномъ блескѣ своего монаршаго величія. Въ присутствіи членовъ сейма, онъ положилъ краеугольный камень для имѣющаго воздвигнуться храма во имя Провидѣнія, который долженъ былъ служить памятникомъ народнаго счастія и благодарности Творцу за конституцію 3-го мая... Въ моментъ этотъ раздался громъ... какъ предвѣстникъ страшныхъ несчастій, которыя вскорѣ должны были разразиться надъ головою народа. Не смотря на всѣ предшествовавшія увѣренія и на самыя горячія стремленія, страна была не приготовлена встрѣтить эти несчастія грудью, а король оказался неспособнымъ къ тому героизму, какого требовали отъ него событія. Въ теченіе тридцатилѣтняго своего царствованія, онъ привыкъ прибѣгать только къ сдѣлкамъ среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, научился не побѣждать препятствія, а обходить ихъ и нейтрализировать; онъ былъ настойчивъ, но настойчивость его была такая, какою отличаются всѣ слабые характеры, которые хотя и неуклонно желаютъ одного, но желаютъ слабо, безсильно. Пока достаточно было только одного ума, труда, привѣтливости и даже сердечной доброты, онъ съумѣлъ оказать несчастной странѣ много существенныхъ услугъ. Во все время четырехлѣтняго сейма, когда пробужденный народъ увлекъ его въ сторону отъ тѣхъ узкихъ и извилистыхъ тропинокъ, по которымъ онъ велъ нерѣдко тяжкую судьбу его, вліяніе короля было благотворно: онъ внушалъ умѣренность, которой часто не было въ сеймѣ, былъ полезенъ сво-

нимъ умомъ и опытностью; но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, онъ является только примирителемъ, но отнюдь не руководителемъ. Проникнутый общимъ одушевленіемъ, тронутый выраженіемъ общей любви, онъ повторялъ часто, что конституцію 3-го мая ставитъ наравнѣ съ своею жизнію. Присутствуя на театральномъ представленіи, когда актеръ, декламируя монологъ какого-то трагическаго героя, произнесъ: «стану во главѣ народа», Станиславъ-Августъ громко повторилъ эти слова, и прибавилъ: «да, стану и первый выйду впередъ!».. Громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на эти слова, которыя въ эту минуту, безъ сомнѣнія, были искренни. Но когда настало время «выдти впередъ», онъ «не вышелъ», и поворотилъ на прежнія тропинки, полагая — что ему удастся спасти хоть кое-что изъ конституціонныхъ работъ сейма. Спасти хоть кое-что!.. Но бываютъ такія минуты и такое стеченіе обстоятельствъ, когда разсудокъ ничего спасти не можетъ, когда лишь безусловная преданность принципу и полное во имя его самопожертвованіе могутъ его спасти. Станиславъ-Августъ далеко не былъ человѣкомъ принциповъ и убѣжденій, и потому не могъ возвыситься до полнаго самоотверженія и не имѣлъ въ себѣ той нравственной силы, какую можетъ внушить только глубокое сознаніе долга и неуклонная ему преданность. Не на одного Станислава-Августа, конечно, ложится вина въ томъ, что онъ перешелъ на сторону Тарговицкой конфедераціи, но обстоятельство это нисколько его не оправдываетъ. Онъ стоялъ во главѣ народа и долженъ былъ первый показать примѣръ самоотверженія и геройства. Послѣ ужасной памяти гродненскаго сейма, когда страна разорвана была на части, народъ оказался несправедливымъ по отношенію къ королю, приписывая ему одному вину всѣхъ несчастій; но, не подлежитъ сомнѣнію, самъ король былъ главною тому причиною. Костюшко не спасъ ни одной пяди отечественной земли, но та кровь, которая пролита была подъ Раковичами и Мацейовичами, спасла народное сознаніе. Будь у Станислава-Августа свои Мацейовичи, судьба страны была бы та же самая, за то самъ онъ былъ бы свободенъ отъ угрызеній совѣсти, отравившихъ его послѣдніе дни, и оставилъ бы еще навсегда благодарную о себѣ память въ народѣ, а конституція 3-го мая пріобрѣла бы еще больше правъ на благоговѣйное къ ней уваженіе со стороны самыхъ отдаленныхъ польскихъ поколѣній».

Между тѣмъ, рѣшительный моментъ приближался; событія развивались съ страшною быстротой... 14 мая появился манифестъ предводителей Тарговицкой конфедераціи; спустя четыре дня, т.-е. 18 мая, Россія объявила Польшѣ войну и на другой

же день войска русскія вторглись уже въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Въ виду несомнѣнной и грозной дѣйствительности, всѣ иллюзіи, были или не были онѣ искренни, должны были исчезнуть. Вслѣдствіе всѣхъ предшествовавшихъ событій, многократныхъ заявленій и той роли, какую игралъ во все продолженіе четырехлѣтняго сейма король, положеніе его теперь опредѣлялось, повидимому, само собою; нельзя, однако, не удивляться, что корреспонденція его, относящаяся къ этому рѣшительному моменту, не представляетъ ни одного документа, въ которомъ бы онъ прямо высказался съ своими намѣреніями... Лишь только грянулъ громъ, онъ начинаетъ стушевываться и уходить на задній планъ, и на обращенные къ нему вопросы и просьбы о помощи изъ пограничныхъ воеводствъ, которымъ прежде всего угрожало вторженіе, отвѣчаетъ нерѣшительно, неопредѣленно, вяло, холодно-фразисто, увѣряя всѣхъ въ своей любви и въ томъ, что «онъ нисколько не отдѣляетъ себя отъ сейма и не желаетъ себя охранять»... Хотя бы одно слово поощренія, воодушевленія, могущее наэлектризовать общество! А послѣ всѣхъ своихъ заявленій, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ событій, на немъ лежалъ нравственный долгъ обратиться къ Рѣчи-Посполитой съ такимъ словомъ. Не издано было даже никакихъ распоряженій относительно того, чтó должна дѣлать и кàкъ должна поступить Рѣчь-Посполитая—драться ли, или молчаливо преклонить выю?.. Правда, шляхта приглашена была къ пожертвованіямъ, и съ этою цѣлью открыта была по воеводствамъ подписка; но подписка эта имѣла видъ какой-то формальности, лишена была правильной организаціи и не повела ни къ какимъ почти результатамъ. Если шляхта поражена была отчаяніемъ, то нужно согласиться также, что чувство отчаянія соединялось въ ней съ глубокою апатіею, подъ которыми скрывался безпробудный эгоизмъ. Крику, шуму, громкихъ фразъ было много, но готовности къ жертвамъ—почти никакой; всякій оглядывался на другого, а всѣ вмѣстѣ ожидали помощи отъ самого короля, отъ сейма и — отъ прусскаго союзника... Если кто-либо дѣлалъ малѣйшую жертву, то сопровождалъ ее похвальбой и громкими фразами, нисколько не соотвѣтствовавшими ничтожности приносимой жертвы, подъ которой нерѣдко скрывался, въ то же время, только личный интересъ и стремленіе къ личной безопасности. Всего лучше видно это, напримѣръ, изъ письма троксniкаго каштелянича графа Януша Тышкевича, съ которымъ онъ въ половинѣ іюня обратился къ королю: «Когда я узналъ о вторженіи московскихъ войскъ и о приближеніи ихъ къ Вильну, я бросился сейчасъ же въ Рос-

сіены для открытія подписки на пожертвованія. Съ минуты объявленія намъ войны, мы рѣшились пожертвовать отечеству всѣмъ состояніемъ нашимъ, и только быстрое вторженіе московскихъ войскъ не дозволило намъ составить надлежащій планъ и охотно принести въ жертву отечеству имущество и жизнь нашу. Прошу васъ о томъ только, чтобы Жмудское княжество хотя на нѣсколько недѣль защищено было отъ вторженія сѣверныхъ узурпаторовъ; увѣряю, что мы здѣсь соединимся всѣ и съ чувствительнѣйшею готовностію пожертвуемъ жизнію въ защиту вашего достоинства и нашей независимости». При всей фразистости этого письма, нѣтъ никакого сомнѣнія, что почтеннаго графа интересовала не столько судьба Рѣчи-Посполитой и достоинство короля, сколько троксхое княжество, гдѣ находились имѣнія графа. Впрочемъ, онъ пожертвовалъ отчизнѣ изъ этихъ имѣній 20 человѣкъ стрѣлковъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ, двѣ четырехфунтовыя пушки, телѣгу и два боченка пороху!.. Въ иныхъ мѣстахъ приготовленія дѣлались, повидимому, съ бо́льшею энергіею. Въ Ленчицкомъ воеводствѣ шляхта сдѣлала постановленіе жертвовать на содержаніе милиціи по 5 зл. пол. съ двора, что́ составило бы до 60 тыс. злотыхъ въ годъ; къ пожертвованіямъ приглашены были евреи и мѣщане. Но нѣкто Стоковскій доносилъ вскорѣ королю, что записавшись лично въ охотники, онъ цѣлыхъ три недѣли употребилъ на разъѣзды по помѣщичьимъ дворамъ и успѣлъ завербовать только 22 помѣщиковъ и 23 рядовыхъ, въ числѣ же ихъ оказалось вооруженныхъ и обмундированныхъ только 5 товарищей и 7 рядовыхъ... При всемъ томъ Стоковскій пишетъ: «Когда соберутся всѣ, то, несмотря на столь малое число, мы докажемъ, что во имя достоинства вашего и народной независимости умирать пріятно»!..

О томъ, что̀ дѣлалось тогда на Волыни, довольно вѣрное понятіе можетъ дать слѣдующее письмо къ королю, писанное 11-го іюня, лицомъ неизвѣстнымъ, или извѣстнымъ только королю, потому что, вмѣсто имени, подъ письмомъ стоитъ подпись «Извѣстный» (Wiadomy). Оно такъ интересно, что мы приводимъ его цѣликомъ:

«У насъ недовольные распускаютъ разныя сплетни, съ цѣлью напугать помѣщиковъ; указываютъ на слабость нашихъ силъ и на многочисленность московскаго войска; предсказываютъ неизбѣжный бунтъ хлоповъ, намекаютъ даже на какую-то измѣну, утверждая, что наши умышленно отступаютъ и что король обрекъ на гибель воеводства кіевское и брацлавское до самой Волыни. Тѣ и подобные слухи побудили многихъ помѣщиковъ бѣ-

жать за кордонъ. Съ своей стороны, я дѣлаю все возможное, чтобы ихъ придержать; многихъ, совсѣмъ собравшихся въ дорогу, я упросилъ остаться, но они ежеминутно готовы къ бѣгству, вещи уложены, лошади готовы. Мнѣ удалось придержать Малиновскихъ, Бентковскихъ, Гижицкихъ, Дружбацкихъ, Ясинскихъ, Соколовскихъ, Юзефовичей и многихъ другихъ, совсѣмъ уже собравшихся-было бѣжать, но я убѣжденъ, что, въ случаѣ малѣйшей опасности, они утекутъ. По сосѣдству живетъ тутъ величайшій противникъ конституціи, каштелянич Чарнецкій; но еще болѣе жестокій врагъ ея есть Горайнъ, тотъ самый, который былъ піаромъ и который, снявъ съ себя недавно рясу, женился на паннѣ Загурской и живетъ теперь въ Ожоховцахъ. Этотъ не только ругаетъ публично конституцію, но осыпаетъ похвалами поляковъ, вторгнувшихся вмѣстѣ съ москалями въ край, прославляетъ прежніе порядки и утверждаетъ съ полною увѣренностію, что москали нашихъ побьютъ. Онъ также утверждаетъ публично, что королемъ нашимъ будетъ Потоцкій, что царица, посылая на помощь ему свое войско, приказала подать себѣ нѣсколько богатыхъ коронъ и возлагала ихъ на голову Потоцкому, желая узнать, которая изъ нихъ придется ему въ мѣру. Горайнъ смѣется надъ дѣятельностію короля и сейма; насчетъ же посланныхъ просить помощи въ Берлинъ и Вѣну утверждаетъ, что наша нищая Рѣчь-Посполитая послала двоихъ полячковъ просить милостыни, но что эти бѣдняки напрасно хлопочутъ: помощи не дадутъ ни пруссакъ, ни цесарь; саксонскій же электоръ короны не приметъ, ибо Москва давно уже порѣшила, въ согласіи съ этими монархами, что́ сдѣлать съ Польшей, именно: мы возвратимся къ прежнимъ порядкамъ, возстановлено будетъ прежнее избирательное право (свободная элекція), а мѣщане, сравненные въ правахъ со шляхтою, опять будутъ понижены. Такія и подобныя нелѣпости разглашаетъ этотъ эксъ-піаръ; однихъ онъ пугаетъ, другихъ склоняетъ на свою сторону, въ третьихъ подрываетъ долгъ привязанности къ правительству, тѣмъ болѣе, что многіе ему вѣрятъ. Я убѣждаю и говорю всѣмъ, что намъ нужно согласіе и единство, что мы обязаны оставить всякія ссоры; безъ разсужденій о томъ, хороша ли конституція въ цѣломъ или только in partibus, мы должны взяться за руки и подняться противъ врага, который нашимъ отверженцамъ помогаетъ не потому, что будто бы любитъ Польшу, или кого-либо изъ нихъ въ частности, а потому, что находитъ удобнымъ воспользоваться ими для достиженія своихъ видовъ. Стараюсь напоминать слова московскаго генерала, который сказалъ: «полячки си-

дѣли уже у насъ въ мѣшкѣ, но онъ плохо былъ завязанъ и поляки ускользнули, но теперь они завязаны будутъ въ мѣшкѣ не однимъ, а нѣсколькими узлами». Ничто однако не помогаетъ! Горайнъ прогналъ изъ своего мѣстечка офицера, который пріѣхалъ туда набирать рекрутъ; при этомъ Горайнъ сказалъ: «да развѣ этакая сволочь можетъ драться съ красивымъ и регулярнымъ московскимъ войскомъ, которое побило турка и шведа? Мы были бы глупы, еслибы не просили теперь прощенія за глупость нѣсколькихъ людей, составившихъ глупую конституцію». Нынѣшняя газета меня обрадовала; пока такой прекрасный универсалъ будетъ разосланъ по приходамъ, я приказалъ списать его и прочесть въ день св. Антонія въ моей церкви, которую посѣщаютъ и сосѣди, и чиншевая шляхта, и громада. Пускай слушаютъ!

«Изъ Люблина съ послѣднею почтою я получилъ извѣстіе, что тамошняя партія недовольныхъ имѣетъ частыя собранія въ домѣ мѣстнаго воеводы и люблинскаго подкоморія, на которыхъ обдумываются какіе-то пункты и предположенія, которыя должны повести къ примиренію съ Москвою. Будучи недавно въ Люблинѣ проѣздомъ, я нашелъ тамъ много недовольныхъ».

Шляхта полоцкаго воеводства обратилась къ королю съ напыщеннымъ письмомъ, заявляя готовность жертвовать всѣмъ для спасенія Рѣчи-Посполитой, обѣщая «соединить мужественныя свои руки» и «кровію московскихъ дикарей» оросить свои поля, но... шляхта умоляетъ короля прежде всего оградить эти поля и дома «отъ вражескихъ рукъ, жаждущихъ грабежа и разоренія». Самъ полоцкій воевода Жаба, послѣ патетическихъ увѣреній короля въ своей неизмѣнной преданности и готовности на всѣ жертвы, бросилъ все и уѣхалъ въ Кёнигсбергъ, гдѣ «пріятно ему будетъ, насколько хватитъ силъ, слушать королевскихъ приказаній!»... По-истинѣ, при всемъ трагизмѣ положенія, обстоятельства того времени представляютъ и бездну комизма. Этотъ Жаба, спасающійся въ Кёнигсбергъ, чтобы, сидя тамъ, слушать королевскихъ приказаній, «насколько силъ хватитъ»,—личность неподражаемая по своей истинно-шляхетской увертливости, по своему пошлому эгоизму, и положительно не уступаетъ эксъ-піару Горайну, который былъ увѣренъ, что москали идутъ войною на поляковъ затѣмъ, чтобы «опять понизить мѣщанъ, уравненныхъ въ правахъ со шляхтою»... На самомъ дѣлѣ, никто ничего серьёзно не предпринималъ, отдѣлывались одпѣми фразами, превосходя другъ друга напыщенностію, и поглядывали только одни на другихъ; безсильный король, расписывая чувстви-

тельныя письма, ждалъ помощи отъ шляхты, а шляхта, съ своей стороны, не щадя напыщенныхъ увѣреній въ преданности и въ готовности на всѣ жертвы, не жертвовала почти ничего и ожидала всего отъ короля. Любопытенъ отвѣтъ послѣдняго полоцкой шляхтѣ, показывающій все его матеріальное и моральное безсиліе:

«Препочтенные и возлюбленные обыватели полоцкаго воеводства! Могу ли не сокрушаться при мысли о вашемъ тяжкомъ положеніи, вслѣдствіе вторженія московскихъ силъ? Могу ли не чувствовать и не радоваться, видя тотъ патріотизмъ, которымъ вы исполнены? При нынѣшнихъ горестяхъ можетъ ли быть для меня что-нибудь пріятнѣе, какъ видѣть величественный вашъ геній, приносящій все въ жертву для спасенія отечества! Старайтесь быть спокойнѣе. *Думаю*, что съ прибытіемъ въ Гродно Станислава Потоцкаго, Вавржецкаго и Михаила Забѣлло, наступательное движеніе непріятеля будетъ оттѣснено и хоть отчасти обезпечено будетъ ваше спокойствіе... Требуемую теперь жертву, въ количествѣ «двадцатаго гроша» (20% отъ дохода), въ видахъ безопасности, отсылайте въ Вильну, съ помощію же Божіею и вашею защищать отечество будемъ. Любящій васъ S. A.»

По самому тону письма видно, что король самъ далекъ былъ отъ той надежды, какую желалъ внушить полоцкой шляхтѣ, и что защищать отечество онъ считалъ для себя едвали возможнымъ. Незначительныя стычки, происходившія тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., подъ г. Миромъ) между русскими и польскими войсками, случались сами собою, безъ опредѣленнаго плана и безъ вѣдома даже короля; тѣмъ страннѣе кажутся его увѣренія, которыми онъ утѣшалъ шляхту, что «слѣдуетъ питать надежду, что настанутъ времена лучшія, благодаря мужеству шляхты и усиліямъ его, короля». Съ такими увѣреніями онъ обратился къ новогрудской шляхтѣ, въ письмѣ своемъ отъ 17-го іюня, и увѣренія эти были тѣмъ страннѣе, что ни особеннаго мужества со стороны шляхты, ни особенныхъ усилій со стороны короля не было видно. Всѣ видѣли это и сознавали: король и шляхта обманывали себя самихъ и взаимно другъ друга, питая тайную надежду на то, что кто-нибудь иной будетъ драться за нихъ и выручитъ ихъ изъ бѣды, что Европа не позволитъ Россіи обижать ихъ... Русскія войска, между тѣмъ, подвигались впередъ, не встрѣчая никакого почти сопротивленія; князь Іосифъ Понятовскій и Костюшко отступили изъ-подъ Брацлава и расположились лагеремъ между Любаремъ и Полонною. Волынская и подольская шляхты спасались бѣгствомъ за-границу, такъ что на

Подоліи, какъ видно изъ письма каменецкаго коменданта, генерала Орловскаго (отъ 22-го іюня) «невозможно было въ то время найти ни одного помѣщика»... «Боятся они и мужиковъ,—пишетъ еще генералъ Орловскій,—которые становятся очень дерзкими, опять начали пьянствовать, резонировать, пугаютъ бунтомъ и рѣзнею; попы ихъ тоже поддерживаютъ»... Предводители конфедераціи, съ своей стороны, забрасывали страну множествомъ прокламацій, убѣждая шляхту соединиться съ ними и грозя, въ противномъ случаѣ, принудительными мѣрами. По поводу этихъ прокламацій и печатныхъ брошюръ, которыя подъ разными адресами пересылаемы были по почтѣ въ Варшаву, даже и на имя короля, онъ обратился 8-го іюля съ письмомъ къ литовскому канцлеру, князю Михаилу-Александру Сапѣгѣ, спрашивая его: правда ли, что онъ, какъ сказано въ одной брошюрѣ, приметъ на себя должность маршала предполагаемой генеральной литовской конфедераціи, которая будетъ дѣйствовать за-одно съ тарговичанами? Отвѣтъ князя Сапѣги, напоминающій письмо Жабы, долженъ былъ нѣсколько удивить даже короля: «Предвидя всѣ эти безпокойства,—пишетъ Сапѣга,—которыя теперь наступили въ Слонимскомъ краѣ, я улизнулъ (umknąłem) въ брестскій край, гдѣ пока все спокойно; но если безпокойства дойдутъ и сюда, то я буду просить васъ позволить мнѣ уѣхать за-границу, тѣмъ болѣе, что этого требуетъ мое здоровье. Ложные слухи, которые касаются меня, спокойно сидящаго дома, не найдутъ, надѣюсь, вѣры въ вашемъ добродѣтельномъ сердцѣ. Въ мои лѣта слѣдуетъ думать о спокойствіи, а не о подобныхъ затѣяхъ»...

Подобно князю Сапѣгѣ, множество шляхты спасалось за-границу, избѣгая принужденій отказаться отъ конституціи, которой она недавно присягала, и, слѣдовательно, избѣгая клятвопреступленія; изъ своихъ убѣжищъ она обращалась къ королю съ вопросомъ: что́ дѣлать и ка́къ ей слѣдуетъ поступить? Особенно много писемъ съ подобнымъ вопросомъ получено было королемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Но 24-го числа этого мѣсяца происходило засѣданіе совѣта, на которомъ рѣшено было: отказаться отъ конституціи 3-го мая и присоединиться къ Тарговицкой конфедераціи!.. Съ этого момента отвѣтъ короля на всѣ обращенные къ нему вопросы былъ одинъ и тотъ же: онъ совѣтуетъ всѣмъ и каждому покориться обстоятельствамъ. Еще 20-го іюля, т.-е. за четыре дня до засѣданія совѣта, король писалъ уже коронному кустошу, ксендзу Сѣраковскому, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, слѣдующее: «Стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ вынуждаетъ насъ отказаться отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Неудавшійся

голландскій заемъ лишаетъ насъ средствъ и возможности содержать наше храброе и добродѣтельное войско; со стороны же берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ мы не можемъ ожидать не только никакой помощи, но, напротивъ, слѣдуетъ опасаться, что они вскорѣ будутъ на сторонѣ Россіи и противъ насъ, въ чемъ я отчасти уже и убѣдился. In super, сказано мнѣ еще и то, что если я сейчасъ же не прекращу войны съ Россіею, то цѣлость границъ Рѣчи-Посполитой подвержена будетъ опасности новаго раздѣла. Не имѣя возможности воевать и видя въ продолженіи военныхъ дѣйствій величайшій вредъ для страны и для моей особы, я принужденъ выбрать меньшее зло и хоть спасти страну отъ безполезнаго пролитія крови. Жестокая скорбь моего сердца услаждается только надеждою, что, благодаря тому шагу, на который я рѣшился, можно будетъ спасти хоть часть нашего добраго дѣла». Очевидно, что король рѣшился уже въ душѣ, такъ сказать, спасовать передъ тарговичанами прежде, чѣмъ состоялось о томъ формальное постановленіе въ засѣданіи совѣта, 24-го іюля. На всѣ обращенныя къ нему письма онъ могъ теперь отвѣчать только указаніемъ на рѣшеніе совѣта и приглашеніемъ послѣдовать этому рѣшенію. Однако, будучи вынужденъ отказаться отъ дѣла, которымъ онъ дорожилъ «наравнѣ съ своею жизнію», король не переставалъ еще увлекаться какою-то надеждою, какъ это видно даже изъ заключительныхъ словъ сейчасъ приведеннаго письма. Въ чемъ же могла состоять эта надежда? Можно сказать навѣрное, что приступая къ Тарговицкой конфедераціи, онъ предполагалъ сыграть въ ней обычную свою роль примирителя, посредника между враждующими партіями и, такимъ образомъ, дать этой конфедераціи хоть отчасти благопріятное видамъ «патріотической» партіи направленіе. Тщетныя иллюзіи! Сильная поддержкою Россіи, Тарговицкая конфедерація не ограничилась простымъ приступленіемъ къ ней короля и шляхты, а потребовала съ ихъ стороны рѣшительнаго подчиненія, съ принесеніемъ присяги по составленной ею же формѣ. Разочарованіе было ужасное; шляхта пришла въ негодованіе и только одинъ король, испытавшій и тутъ неудачу, сдѣлался, наконецъ, совсѣмъ и ко всему равнодушенъ; съ той поры, повидимому, онъ на все махнулъ рукой... Нравственное его состояніе въ этотъ моментъ вполнѣ ясно характеризуетъ отвѣтъ его гр. Александру-Августу Замойскому, который изъ Замостья, отъ 14-го сентября, писалъ королю: «Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою и въ виду того обстоятельства, что если передъ грознымъ срокомъ, именно передъ 20-мъ числомъ сего мѣсяца, я не приступлю къ

конфедераціи, то имѣнія мои подвергнутся секвестру, я не счелъ возможнымъ дольше сопротивляться. Но оказывается, что простого приступленія тутъ недостаточно, а нужна еще и присяга; но эта присяга до такой степени мнѣ противна, такъ несогласна съ внутреннимъ моимъ убѣжденіемъ, что я принужденъ просить васъ позволить мнѣ ограничиться простымъ и личнымъ приступленіемъ»... Отвѣтъ короля былъ слѣдующій: «Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 14 praesentis, я долженъ сказать, что вопросъ вашъ ставитъ меня въ крайне затруднительное положеніе, и я не знаю, какъ вамъ отвѣчать. Наравнѣ со многими, я тоже предполагалъ, что простое приступленіе къ конфедераціи сочтено будетъ достаточнымъ, но теперь оказывается, что отъ насъ требуютъ бóльшаго. Пусть же каждый дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, совѣту только собственнаго ума, а я не хочу и не могу давать никакихъ совѣтовъ, ибо и самъ я нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи, и молю Бога о томъ только, чтобы онъ внушилъ мнѣ и каждому такое рѣшеніе, какое въ нашемъ положеніи можетъ оказаться самымъ лучшимъ». Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ литовскому хорунжему Вавржецкому, въ отвѣтъ на подобный же вопросъ, король пишетъ, между прочимъ: «О себѣ самомъ я говорю всего меньше. Судьбу мою я поручилъ Богу. Онъ одинъ можетъ внушить благорасположеніе ко мнѣ тѣмъ, которые вошли теперь въ силу»...

Закончимъ наши извлеченія просьбою генерала Водзицкаго объ отставкѣ и отвѣтомъ на эту просьбу короля. Просьба эта была такого содержанія:

«Въ бытность мою въ послѣдній разъ въ Варшавѣ, вамъ угодно было приказать мнѣ повременить съ просьбою объ отставкѣ. Приказаніе это я исполнилъ. Въ настоящее же время видя, что многіе, самые вѣрные, самые доблестные и высшіе офицеры оставили службу, во главѣ ихъ князь Іосифъ (Понятовскій) и генералъ Костюшко, я желаю послѣдовать примѣру этихъ достойныхъ людей и наравнѣ съ ними получить отставку. Съ нынѣшнею почтою я пишу въ военную коммиссію заявленіе, согласно праву, о выходѣ моемъ въ отставку, и такъ какъ я прослужилъ 26 лѣтъ, то слѣдовало бы мнѣ ожидать, что преемникъ мой, при повышеніи на мое мѣсто, долженъ мнѣ заплатить. Не надѣюсь при новомъ правительствѣ получить эту уплату, но желаю лучше терпѣть нищету, чѣмъ продолжать службу въ томъ войскѣ, изъ котораго ушли самые преданные вамъ люди, въ томъ убѣжденіи, что, не состоя больше подъ вашею командою, они не могутъ быть полезны ни вамъ, ни отечеству».

Просьба эта прислана была королю изъ Кракова 14-го августа, а 18-го августа король отвѣчалъ:

«... Хорошій солдатъ, хорошій гражданинъ причиняетъ отечеству самую жестокую рану, когда лишаетъ его добраго сына, и потому убѣждалъ я тебя прежде и теперь убѣждаю: не покидай службы и ожидай вмѣстѣ со мной лучшаго времени. Указываемые тобою примѣры не должны тебя соблазнять. Достаточно и той боли, которую они мнѣ причинили, не послушавъ меня; не увеличивай же моей горести своимъ удаленіемъ... Еще разъ говорю, не бросай службы, мой Водзицкій, не увеличивай моихъ утратъ, авось dabit Deus meliora lapsis»... Онъ все еще думалъ о лучшихъ временахъ!..

Тарговицкая конфедерація окончательно порѣшила судьбу Рѣчи-Посполитой и, въ сущности, была послѣднимъ актомъ драмы. Эпилогъ ея извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «второго раздѣла Польши», за которымъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать «третій раздѣлъ ея». Польское возстаніе, подъ предводительствомъ Костюшки, предшествовавшее «третьему раздѣлу» Польши, является только однимъ изъ заключительныхъ моментовъ этой драмы, послѣ котораго равнодушная публика разошлась, наградивъ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ лѣнивыми апплодисментами.... Для насъ важна, впрочемъ, не столько политическая, сколько нравственная сторона вопроса. Мы старались привести изъ корреспонденціи Станислава-Августа все, чтó могло освѣтить внутреннее состояніе Рѣчи-Посполитой въ эпоху ея окончательнаго паденія и охарактеризовать тогдашнія «tempora et mores»... Относясь къ предмету вполнѣ объективно, нельзя не отдать послѣднему королю Рѣчи-Посполитой справедливости, что лично онъ одушевленъ былъ благороднымъ желаніемъ поддержать распадающійся государственный организмъ своей страны и въ продолженіе всего своего царствованія неуклонно стремился къ необходимымъ внутреннимъ реформамъ, потребность которыхъ онъ вполнѣ понималъ. Станиславъ-Августъ является характеромъ мягкимъ, нерѣшительнымъ, малодушнымъ, но причина безуспѣшности его честныхъ и разумныхъ стремленій по отношенію къ своему государству скрывается не въ личномъ его характерѣ, а въ томъ, что Польша была уже въ такомъ положеніи, въ которомъ никакія усилія не могли ее спасти. Истину эту начинаютъ понимать и откровенно высказываютъ сами поляки. Издатель «Корреспонденціи» говоритъ въ предисловіи къ своему сборнику: «Недоста-

точно отвергнуть старыя и вредныя для государства учрежденія и замѣнить ихъ новыми, какъ это сдѣлано было нами въ 1791 г., но нужно еще, чтобы характеръ, нравы и привычки народа, развившіеся подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, были сознаны народомъ и измѣнены. Все время царствованія Станислава-Августа представляетъ рядъ усилій, направленныхъ къ пересозданію государства. Эти благородныя усилія достойны глубокаго уваженія и благодарной памяти, хотя они и остались тщетными. Но оказались они тщетными не вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ, вліянія которыхъ, впрочемъ, мы вовсе не отвергаемъ, а гораздо болѣе вслѣдствіе причинъ внутреннихъ. Препятствія къ пересозданію государства скрывались въ насъ самихъ, въ недостаткахъ народнаго характера нашего,—въ тѣхъ недостаткахъ, которые, не смотря на всѣ наши несчастія, не чужды намъ и нынѣ и обнаруживаются въ нашихъ чувствахъ и настроеніи»... Признавъ ту истину, что Рѣчь-Посполитую составляла собственно одна шляхта, но не весь народъ, слѣдовало бы выраженія: «народъ» и «народный характеръ» замѣнить выраженіями «шляхта» и «шляхетскій характеръ», и тогда намъ ничего не осталось бы прибавить къ правдивымъ словамъ, сейчасъ нами приведеннымъ. Шляхта всегда стояла далеко отъ народа, признавая его отдѣльною отъ себя расою, и усматривала въ немъ только грубую рабочую силу, обреченную на безправность и безгласность, не признавая за нимъ даже польскаго имени, а называя его просто «хлопъ» или «хлопство». Такое отношеніе шляхты къ народу имѣло мѣсто даже въ чисто этнографическихъ границахъ польскаго племени, такъ что польскій хлопъ вовсе не считалъ себя даже полякомъ. Рѣчь-Посполитая состояла какъ-бы изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ націй—изъ «поляковъ-шляхты» и «народа-хлоповъ»; первые пользовались всѣми гражданскими, политическими, общественными правами и еще однимъ правомъ — правомъ полнѣйшаго своеволія, произвола и безнаказанности, послѣдніе же—никакими, ибо даровой физическій трудъ, безропотность и безгласность составляли не право, а обязанность. Въ самомъ основаніи государственнаго устройства Рѣчи-Посполитой лежало такое именно взаимное отношеніе этихъ двухъ націй, подъ вліяніемъ котораго и развился «шляхетскій характеръ». При подобныхъ условіяхъ возрожденіе страны было, дѣйствительно, немыслимо, потому что никакія конституціи не могли пересоздать шляхетскую натуру. Характеръ ея сложился такъ, что всякая идея о государственности была ей чужда, и трезвое патріотическое чувство, основанное на самопожертвованіи и самоотреченіи во имя обществен-

наго блага — было для нея непонятно. Стоя вдали отъ народа, живя жизнію касты, она чужда была народнаго духа и далека была отъ истинно-народнаго патріотизма. Ея симпатіи, убѣжденія и интересы были противны и даже враждебны симпатіямъ и интересамъ народа, и никогда симпатіи и интересы шляхты и народа не сливались и не стремились къ одной цѣли. Всѣ польскія возстанія имѣли шляхетскій характеръ, были чужды народу и казались даже странными ему. Лишенная идеи государственности, чуждая истиннаго патріотическаго чувства, шляхта всегда жила въ своемъ особомъ мірѣ и одушевлена была только эгоистическими и кастовыми побужденіями. Ей были понятны только ближайшіе, личные, имущественные и кастовые интересы, но вовсе не государственные и не патріотическіе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и потому-то, когда насталъ рѣшительный моментъ, когда нужно было отстаивать страну вмѣстѣ съ новорожденною конституціею, — этимъ «памятникомъ, исполненнымъ величія»,—шляхта забыла о всякихъ памятникахъ величія, и думала только о томъ, какъ бы спасти только себя и удержать за собою всѣ прежнія удобства и выгоды жизни.

Таковы недостатки «народнаго», какъ выражается издатель, польскаго характера, которые всегда стояли поперекъ всякимъ попыткамъ къ возрожденію страны. «Недостатки эти,—говоритъ онъ, — не чужды и нынѣ полякамъ и обнаруживаются въ ихъ чувствахъ и настроеніи»... Мы всего менѣе станемъ оспаривать истину этихъ словъ и, будучи чужды какой бы то ни было племенной враждебности и предвзятыхъ предубѣжденій по отношенію къ братскому народу, съ силою полнѣйшаго убѣжденія скажемъ, что еслибы судьбу Польши десять разъ отдать въ руки шляхты и шляхетской интеллигенціи, то она десять разъ снова бы ее погубила. При отсутствіи самостоятельной политической жизни, недостатки «народнаго» польскаго характера не обнаруживаются, конечно, съ надлежащей полнотою и ясностію, но они живутъ, и, чтó всего страннѣе, сознательно поддерживаются. Современная польская литература, художественная и вся почти періодическая, живетъ въ прошломъ, обливая ее розовымъ свѣтомъ преувеличеннаго оптимизма и идеализируя такія даже стороны прошлой жизни, которыя должны бы служить предметомъ только безпощадной сатиры... Для насъ лично не можетъ быть ничего противнѣе этого безсмысленнаго преклоненія предъ прошлымъ и враждебнаго отношенія къ современнымъ общечеловѣческимъ идеямъ и принципамъ... Для насъ невыносимо противны всѣ эти типы, характеры, взгляды и убѣжденія, съ которыми вы

неизбѣжно встрѣчаетесь въ каждомъ почти польскомъ романѣ, повѣсти, драмѣ и комедіи, отъ которыхъ вѣетъ плѣсенью и гнилью, отсталостію, обскурантизмомъ и исключительностію. Удивительное ослѣпленіе! Все то, что́ было существенною причиною гибели Польши, вызываетъ въ полякахъ самыя горячія симпатіи и служитъ предметомъ самаго восторженнаго поклоненія!... Небольшая группа лучшихъ представителей современнаго польскаго поколѣнія съ недавняго времени открыла два или три литературные о́ргана, съ цѣлью распространять въ польскомъ обществѣ здоровыя научныя, литературныя и общественныя понятія, пробуждать въ немъ трезвую мысль, любовь къ труду, поощрять къ самопомощи, вообще къ умственному и нравственному развитію. Противъ столь благородныхъ и разумныхъ попытокъ вооружилась рѣшительно вся шляхетско-польская литература, которая въ одинъ госось кричитъ: «отцы наши ничего подобнаго не знали, и мы знать не хотимъ!».. Въ настоящее время, подъ именемъ позитивизма и идеализма, ведется упорная, ожесточенная борьба въ польской литературѣ; но самыя названія эти въ сущности ничего не значатъ; подъ ними скрываются, съ одной стороны, стремленія прогрессивныя, соединенныя съ критическимъ отношеніемъ къ прошлому, а съ другой — идеализированіе всего прошлаго и безусловное предъ нимъ преклоненіе. Позитивистское стремленіе имѣетъ въ виду пробужденіе и возрожденіе народнаго духа, посредствомъ живительныхъ и прогрессивныхъ началъ современности, а идеалистическое направлено къ подавленію народнаго саморазвитія и самосознанія, обращая его къ прошлому и придавливая его тяжелымъ камнемъ мертвыхъ и мертвящихъ традицій! И нужно видѣть, къ какимъ іезуитскимъ уловкамъ прибѣгаетъ идеалистическая партія въ безсмысленной борьбѣ своей съ позитивистами, и какою свирѣпою и адскою ненавистію она ихъ ненавидитъ! По истинѣ, нѣтъ ничего противнѣе, но въ то же время ничего не можетъ быть и поучительнѣе этого зрѣлища. Кто побѣдитъ въ этомъ боѣ — рѣшить теперь пока трудно; но если молодая польская пресса, обезсиленная въ борьбѣ, броситъ оружіе и малодушно опуститъ руки, то это послужитъ только лишнимъ доказательствомъ той истины, что недостатки «народнаго» польскаго характера нисколько не уменьшаются и не ослабѣваютъ, несмотря на «всѣ перенесенныя шляхтою несчастія и испытанія», и что бороться съ этими недостатками невозможно...

А между тѣмъ, что́ бы ни говорили наши русскіе идеалисты, польскій вопросъ все-таки остается для насъ вопросомъ, и рѣшеніе его не такъ легко и просто, какъ многіе предполагаютъ.

Письма и корреспонденціи, посылаемыя здѣшними дѣятелями-корреспондентами въ нѣкоторыя столичныя газеты, скорѣе собьютъ русскаго читателя съ толку, чѣмъ научатъ его чему-либо. Недавно въ одной петербургской газетѣ мы читали сѣтованіе какого-то дѣятеля-корреспондента о томъ, что вотъ прошло цѣлыхъ 50 лѣтъ, и мы не съумѣли обрусить въ привислянскомъ краѣ ни одного поляка. Въ той же газетѣ профессоръ варшавскаго университета, г. Викентій Макушевъ, вмѣстѣ съ какою-то сербскою газетою, утверждаетъ, что черезъ другія 50 лѣтъ вся Европа заговоритъ по-русски, или, по крайней мѣрѣ, по-русски заговорятъ всѣ европейскіе дипломаты и всѣ министры иностранныхъ дѣлъ, и этою блистательною перспективою г. Макушевъ такъ увлекся, что забылъ сказать другой сербской газетѣ, имъ же цитируемой, что «варшавскіе кнуты» составляютъ плодъ воображенія сербскаго журналиста, что Варшава никогда не видала никакихъ русскихъ кнутовъ. Какъ бы то ни было, но, читая подобныя корреспонденціи, самъ не знаешь, чтó дѣлать—скорбѣть ли съ дѣятелемъ-корреспондентомъ, или ликовать съ г. Викентіемъ Макушевымъ? Лучше бы ликовать, но такъ какъ дѣятель-корреспондентъ указываетъ на фактъ, а г. Макушевъ съ своими предсказаніями похожъ на синицу, которая моря, пожалуй, и не зажжетъ, то по неволѣ приходится скорбѣть съ дѣятелемъ-корреспондентомъ. Итакъ, прошло полвѣка и мы никого не обрусили, между тѣмъ какъ нѣмцы давно уже сдѣлали и продолжаютъ дальше дѣлать свое дѣло. Нынѣ нѣтъ уже славянскихъ Вроцлавля, Познани, Торуня, Гданска, Быгдощи и т. п., а есть нѣмецкіе Бреслау, Позенъ, Торнъ, Данцигъ, Бромбергъ и т. п., и не въ однихъ тутъ названіяхъ дѣло, а въ томъ, что всѣ эти города дѣйствительно сдѣлались нѣмецкими, окончательно подчинились нѣмецкой культурѣ. Но этого мало, вся западная окраина привислянскаго края постепенно онѣмечивается, такъ что многіе пограничные польскіе города совсѣмъ почти уже нѣмецкіе! Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, если противопоставимъ славяно-польскую безпечность съ нѣмецкою предусмотрительностію. Нѣмцы вносятъ съ собою энергію, образованіе, трудъ, ладъ, порядокъ, разумную экономію, промышленность, раціональное хозяйство, и встрѣчаютъ польское невѣжество, апатію, лѣность, страсть къ физическимъ наслажденіямъ, однимъ словомъ—всѣ тѣ качества, которыя у польскихъ романистовъ и журналистовъ извѣстны подъ именемъ «любви къ народному гнѣзду» и «семейныхъ добродѣтелей»... Нѣмецкая литература, во всемъ своемъ богатомъ развитіи и разнообразіи, сталкивается съ славяно-поль-

свою литературою, бѣдною, обскурантною, пропитанною экзальтацiей, какою-то безпредметною восторженностiю, при весьма ничтожной долѣ серьёзнаго содержанiя, здравыхъ тенденцiй и мыслей... Самая эта восторженность, которою проникнуто каждое истинно-польское художественное произведенiе, каждый газетный и журнальный фельетонъ, вовсе не есть плодъ только заплѣснѣвѣлой художественной и литературной школы, но является въ то же время результатомъ обскурантизма, физической и моральной лѣни. Подъ этою восторженностiю и экзальтацiей скрывается душевная пустота и отсутствiе трезвой мысли; изъ-за нихъ весьма не идеально выглядываютъ самые низменные инстинкты, и подкладкою имъ, всегда служатъ весьма положительныя побужденiя грубой физической природы. Всѣ проявленiя натуры подобнаго типа, получая названiе то «семейныхъ», то «шляхетскихъ добродѣтелей», идеализируются польскою литературою на всевозможные лады...

Е. Л.

НАСЛѢДСТВО
ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА

Психологическіе очерки *).

IX *).

Послѣ обѣда Илья Петровичъ и въ карты не сѣлъ играть, несмотря на то, что Ѳедоръ Ильичъ самъ ему предложилъ свои услуги.

— Нѣтъ, Ѳедя, не хочу... Голова что-то того...,—нехотя отговорился онъ.

«Отшибло охоту!» подумалъ сынъ и оставилъ отца въ покоѣ.

Илья Петровичъ сѣлъ у окна въ своей спальнѣ и предался тяжелымъ размышленіямъ. На маленькомъ кругломъ столикѣ въ ажурной вазочкѣ лежали нетронутыми сливы и груши; Илья Петровичъ грустно только посмотрѣлъ на нихъ, взялъ-было одну изъ грушъ, повертѣлъ ее нѣсколько времени въ рукахъ и бережно положилъ снова въ вазочку.

«Все прахъ, суета всяческая,—думалъ онъ,—сегодня живъ, а завтра нѣтъ тебя на свѣтѣ... Но каково жить, когда человѣкъ знаетъ, что каждую минуту дѣти его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро ли, молъ, а? скоро ли, молъ, ты, съ Божіею помощію, ноги протянешь?.. Каково! Суета суетъ!.. Такой достопочтенный человѣкъ, какъ Николай Саввичъ, и онъ-то и находится теперь въ

---

*) См. выше: іюнь, 626; іюль, 169 стр.

какихъ положеній? Ожидаютъ! Но отчего же все это происходитъ, отчего дѣти несчастнаго Николая Савича такія развращенныя? Не оттого ли, что они желаютъ поскорѣе получить наслѣдство? Такъ ли это? Вѣрно! Оттого именно, что желаютъ получить наслѣдство и въ наивозможно-скорѣйшемъ времени».

Этотъ отвѣтъ какъ-то самъ, противъ желанія Ильи Петровича, пришелъ ему въ голову.

«Нѣтъ, это не оттого. Это всего скорѣе отъ воспитанія; они дурное направленіе получили,—передумывалъ онъ,—да, отъ воспитанія, это вѣрно!.. Но еслибы впереди не предстояло имъ наслѣдства, могли бы они тогда желать, чтобы «ударомъ?»

И снова тотъ же отвѣтъ лѣзъ непрошенный въ голову.

«Отъ наслѣдства? Нѣтъ! Они не имѣютъ надлежащаго понятія о значеніи труда, да! Это совершенно вѣрно. Еслибы отецъ ихъ былъ бѣденъ, то и тогда, при такомъ дурномъ направленіи, они все-таки остались бы съ этими же понятіями... Но кто можетъ сказать, что тогда они имѣли бы такія же понятія и такъ же развратно мыслили? Кто скажетъ? Можетъ быть развитію этихъ понятій всего болѣе способствовало именно то, что наслѣдіе богатыхъ отцовъ освободило ихъ отъ труда».

Во множествѣ разнообразныхъ мыслей, вызванныхъ разсмотрѣніемъ вопроса—«о вліяніи ожидаемаго дѣтьми наслѣдства на ихъ воспитаніе», въ головѣ Ильи Петровича уже нѣсколько разъ копошилась мысль о томъ, подъ какими условіями выросъ и возмужалъ его Ѳедя? Но онъ долго боролся, отвертываясь отъ размышленій на эту тему, какъ будто боясь ихъ. Какъ онъ ни старался пускаться все болѣе въ общія размышленія, избѣгая частностей, но не могъ превозмочь себя.

«Да, Ѳедя, въ этомъ случаѣ, да... Его обходить нельзя,—рѣшилъ наконецъ онъ: — нельзя и его обходить... ангелъ онъ, что-ли? Я увѣренъ только въ томъ, что ему въ голову никогда не забирались развращенныя понятія, т.-е. въ такой формѣ, въ какой мнѣ пришлось ихъ слышать высказанными сегодня; въ такой формѣ они въ его голову попасть не могли. Ѳедя—человѣкъ деликатный, у него все такъ выходитъ мягко, благородно, тонко... Да, Боже мой, Боже мой! Развѣ тутъ дѣло въ формѣ? Чтó форма—дрянь! Сущность-то, сущность-то понятій его какова? Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ подумать! Въ чемъ же сущность его понятій по вопросу о наслѣдствѣ? Онъ знаетъ, что полный наслѣдникъ всѣхъ моихъ капиталовъ... Да что же это я, точно самъ себя стараюсь обмануть, хитро и намѣренно избѣгаю того, о чемъ долженъ серьёзно подумать. Дѣло вовсе не въ томъ,

знаетъ онъ или не знаетъ,—конечно знаетъ, развѣ я это отъ него скрываю... Но... но... вотъ гдѣ задача, вотъ: — желаетъ-ли онъ, чтобы и я... того... ударомъ? Нѣтъ, онъ такъ мыслить не можетъ, онъ благородный, у него все... Да, онъ, можетъ быть, и думаетъ объ этомъ не такъ грубо (опять-таки дѣло не въ формѣ), какъ дѣти Николая Саввича; можетъ быть, у него... Господи!—вдругъ печальнѣе прежняго началъ мыслить Илья Петровичъ:—Господи! да онъ, можетъ быть, такъ тонко бесѣдуетъ по этому вопросу самъ съ собой, что ему даже нисколько и не стыдно,—вѣдь онъ философъ, вѣдь онъ какъ начнетъ развивать какую-нибудь идею—уши развѣсишь... И думаетъ онъ, можетъ быть, самымъ деликатнымъ образомъ, когда же, молъ, наступятъ тѣ дни, въ которые удрученный годами родитель мой... Тьфу, какъ это подло, если такъ! Но этого быть не можетъ! Это невозможно!»...

Онъ приподнялся отъ окна и ставъ посреди комнаты, Богъ знаетъ съ чего, вдругъ началъ декламировать голосомъ полнымъ печали и чуть—не отчаянія:

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
Старецъ погибнетъ Пріамъ и народъ вѣнценосца Пріама!"...

Его громкая декламація какъ-то странно, неловко нарушила тишину, царившую до того времени во флигелѣ.

«Эхъ, какъ его разбираетъ!» подумалъ, иронически улыбаясь, Ѳедоръ Ильичъ, сидѣвшій въ своей комнатѣ за бумагами.

Но взрывъ декламаторства такъ взрывомъ и кончился. Илья Петровичъ только и сказалъ два стиха, прошелся по комнатѣ, потомъ упалъ пластомъ на кровать, и въ такомъ положеніи и оставался нѣсколько минутъ.

«Вопросъ удивительно сложный»,—думалъ онъ, обнаруживая нѣкоторые признаки жизни и затѣмъ приподнимаясь съ кровати... «Но если-бы даже, положимъ такъ, еслибы Ѳедя дѣйствительно былъ ангеломъ, чего допустить ни въ какомъ случаѣ невозможно,—думалъ Илья Петровичъ, сидя на кровати и охвативъ руками свои колѣни:—но если бы даже и такъ, то у этого ангела есть жена! Вотъ она задача-то! Вотъ съ кѣмъ онъ могъ и можетъ дѣлиться своими мечтами и развивать ихъ... Можетъ быть, она-то его всего болѣе и развиваетъ въ этомъ именно направленіи. Жена»...

При этомъ воспоминаніи о женѣ Ѳедора Ильича вопросъ сдѣлался еще сложнѣе. Илья Петровичъ невольно поднялся съ своего мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

Любившій до настоящаго дня жену Өедора Ильича, какъ родную дочь, Илья Петровичъ въ минуты этихъ размышленій открылъ въ ея характерѣ такія свойства, которыя должны были непремѣнно привести Өедора Ильича къ тому, чтобы пожелать наивозможно-скорѣйшаго обладанія капиталами своего отца, а слѣдовательно, пожелать наивозможно-скорѣйшей его смерти. Въ это время онъ открылъ въ ея характерѣ поразительныя сходства съ характеромъ своей покойной жены, и представилъ себѣ съ мельчайшими подробностями, какъ жена Өедора Ильича «сбиваетъ» своего мужа съ толку. Ему какъ-то жалко стало, что его Өедя не изъ ученыхъ, и не будетъ въ состояніи противостоять хитростямъ своей жены.

«Я другое дѣло,—думалъ Илья Петровичъ:—я человѣкъ закаленный, я былъ преданъ наукѣ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и потому не увлекался ничѣмъ житейскимъ. Я и теперь человѣкъ чуждый всего этого... Гдѣ-жъ ему? Развѣ онъ можетъ сравниться со мной? Я не ждалъ наслѣдства, отбивался отъ него»...

И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ обрадовался, узнавъ о томъ, что ему досталось большое наслѣдство; вспомнилъ, какъ задавалъ обѣдъ на новосельѣ, даже рѣчь свою, въ которой перечислялъ «на общемъ основаніи» мнимыя добродѣтели умершаго благодѣтеля, вспомнилъ, и самъ себя устыдился. Потомъ началъ передъ самимъ собой оправдываться и увѣрять, что все это прошлое ничего общаго съ настоящимъ не имѣетъ.

«Я не желалъ, я не искалъ,—оправдывался онъ:—богатство само меня нашло... Да; но вѣдь я же былъ доволенъ... Царь небесный! Кто же можетъ быть недоволенъ богатствомъ!»

И началъ анализировать свое настоящеее положеніе и находить, что богатство, именно богатство мѣшаетъ его благополучію.

«Какъ ни думай, какъ ни старайся самъ себя обмануть,—порѣшилъ онъ,—а надо видно сознаться, что этотъ послѣдній выводъ оказывается совершенно вѣрный; ничѣмъ его ни обойдешь, ни объѣдешь... Но какъ же быть»?

Думалъ онъ, думалъ, и додумался, наконецъ, до того, что все это напрасно, что и думать собственно не слѣдуетъ, что нужно «просто на-просто» отдѣлить сына, выдать ему часть капитала, да на этомъ все дѣло и покончить. Такое рѣшеніе въ первыя минуты показалось Ильѣ Петровичу самымъ спасительнымъ средствомъ. Обрадовавшись ему, онъ нѣсколько успокоился. Но принятое рѣшеніе оказалось опять требующимъ новаго разсмотрѣнія и не выдержало окончательной критики.

Оказывалось опять, что у Ильи Петровича будетъ имѣніе, т.-е. будетъ домъ, деньги; а, слѣдовательно, Өедору Ильичу можетъ показаться мало того, что̀ ему дастся въ отдѣлъ, и онъ захочетъ бо̀льшаго. Человѣческимъ желаніямъ,—думалъ Илья Петровичъ, — нѣтъ предѣла. Вонъ нищему фортуна полный мѣшокъ золота насыпала,—все казалось мало... Слѣдовательно, то, что̀ я себѣ оставлю, можетъ служить предметомъ зависти Өеди, а если не Өеди, то его жены. Вотъ, скажетъ, какъ папенька помретъ, мы получимъ домъ, деньги и то, и то... Удивительно пріятно жить, когда знаешь, что на тебя уставлены завистливые глаза и ждутъ, ждутъ, ждутъ!»...

Размышленія его прервали. Вошелъ посланный изъ большого дома звать къ чаю. Илья Петровичъ совершенно былъ внѣ себя: такъ ему и хотѣлось обругать человѣка, помѣшавшаго размышленіямъ; но этотъ человѣкъ былъ посланный отъ Николая Саввича, и Илья Петровичъ только заерошилъ на головѣ у себя волосы и сказалъ: «хорошо, сейчасъ!»

«Никогда не нужно въ гости ѣздить!—злобствовалъ онъ оставшись одинъ,—только стѣсненіе»...

Онъ вышелъ въ залъ. Изъ комнаты Өедо̀ра Ильича виднѣлся огонь.

— Өедя! крикнулъ Илья Петровичъ.

«А-га,—подумалъ сынъ, оставляя бумаги,—пустынно-жителя потянули въ общество!»

— Что, папенька? спросилъ онъ вслухъ.

— Зовутъ, братъ, къ Николаю Саввичу чай пить...

— Ахъ, какая досада, печально отвѣтилъ сынъ.

«Страдаетъ видно и онъ, — подумалъ отецъ: — это все-таки хорошій признакъ...»—Нѣтъ, Өедя, пойдемъ...

Онъ отворилъ дверь въ комнату сына и сталъ звать его съ собой.

— Не хорошо, Өедя, не хо̀рошо... Ты знаешь, что нужно сегодня съ вечера проститься: завтра, когда мы поѣдемъ, всѣ еще будутъ спать...

Өедоръ Ильичъ молчалъ.

Илья Петровичъ вздохнулъ. Ему хотѣлось сознаться, что онъ еще болѣе желаетъ остаться одинъ, но сознаться было совѣстно.

— Ты обязанъ, Өедя, ты обязанъ идти... Ты умный человѣкъ и долженъ понять...

— Я понимаю, папенька... Что̀ дѣлать? Пойдемте.

И пошли вмѣстѣ.

«Господи! Вотъ мука! — думалъ Илья Петровичъ:—какъ эти

всѣ людскія приличія глупы и стѣснительны, главное—стѣснительны».

На другой день рано утромъ Илья Петровичъ и Θедоръ Ильичъ уѣхали изъ усадьбы. День былъ пасмурный, шелъ мелкій дождь, и по небу тянулись разрозненныя клочья сѣрыхъ облаковъ. Дорога была грязная и тянулась все перелѣсками, то поднимаясь въ гору, то опять прячась въ березовыхъ и осиновыхъ рощахъ. Такая погода и тихая ѣзда хоть на кого могла навести тоску, но Илья Петровичъ тоски не чувствовалъ и хотя страдалъ, но совершенно по другимъ причинамъ, которыя ничего общаго съ дурной погодой и тихой ѣздой не имѣли. Онъ томился сложившимся въ немъ желаніемъ передать поскорѣе свои капиталы сыну и «порадоваться»; но въ то же время онъ хотѣлъ сохранить свое рѣшеніе до пріѣзда въ Петербургъ и вслѣдствіе этого страдалъ. Θедоръ Ильичъ нѣкоторое время молчалъ, въ ожиданіи, не будетъ ли говорить отецъ по поводу ихъ вчерашнихъ объясненій; но Илья Петровичъ упорствовалъ и только велъ себя какъ-то необыкновенно странно: то высунется наружу изъ экипажа и мокнетъ на дождѣ, то вдругъ тревожно завертится на своемъ мѣстѣ, точно почувствуетъ подъ собой что-нибудь острое.

— Чтó съ вами, папенька?—спросилъ, наконецъ, Θедоръ Ильичъ.

— Ничего, ничего,—коротко и торопливо отвѣчалъ Илья Петровичъ, безпокойно вертясь изъ стороны въ сторону, и раза два уже посмотрѣлъ прямо въ глаза своему Θедѣ, видимо желая что-то сказать, но успѣлъ побороть это желаніе.

Θедоръ Ильичъ рѣшился занять чѣмъ-нибудь отца, думая, не будетъ ли онъ, вслѣдствіе этого, нѣсколько спокойнѣе сидѣть.

— Вотъ здѣсь, папенька,—началъ Θедоръ Ильичъ:—вотъ здѣсь бывало прежде, какъ разсказывалъ мнѣ старикъ-садовникъ, здѣсь Николай Саввичъ цугомъ на четвернѣ скакалъ по горамъ во всю прыть въ рессорномъ экипажѣ, а сзади два лакея на запяткахъ кареты едва могли держаться, припрыгивая въ ямахъ и рытвинахъ... Теперь онъ, я думаю, часа по четыре тащится эти десять верстъ до желѣзной дороги...

Илья Петровичъ перестаъ высовываться изъ экипажа, но все еще по временамъ тревожно вертѣлся на своемъ мѣстѣ и съ какимъ-то особенно страннымъ выраженіемъ взглядывалъ на Θедора Ильича.

— Иногда, говорятъ, бывало такъ, что въ то время, какъ

коляска летѣла на всемъ скаку, слуга сваливался съ запятокъ, и Николай Саввичъ не считалъ нужнымъ останавливаться, только, бывало, прикрикнетъ на удержавшагося: «стой хотя ты, олухъ, крѣпче». Теперь не то...

— Теперь не то, Өедя, теперь не то...,—подсказалъ и Илья Петровичъ, въ сущности самъ не зная, о чемъ говоритъ.

Ему было трудно удержать секретъ и хотѣлось поскорѣе высказаться; но онъ все еще имѣлъ силы молчать. Пріѣхали на желѣзную дорогу, взяли билеты, сѣли, поѣхали; Илья Петровичъ крѣпился, хотя съ большими усиліями, но онъ все-таки велъ себя значительно сдержаннѣе, чѣмъ въ экипажѣ, можетъ быть потому, что въ вагонѣ были посторонніе люди.

Өедоръ Ильичъ начиналъ догадываться, что съ его родителемъ происходитъ что-то особенное, но настоящей причины этого понять не могъ.

«Не можетъ быть,—думалъ онъ,—чтобъ отецъ такъ тревожился вслѣдствіе вчерашняго разговора, тутъ есть что-нибудь другое».

И онъ опять заговорилъ съ отцомъ, по обыкновенію, заведя рѣчь издалека.

— Вы замѣтили давеча,—началъ онъ,—что священникъ изъ усадьбы Николая Саввича тоже на этотъ поѣздъ взялъ билетъ?

— Нѣтъ, Өедя, я не замѣтилъ... Я, Өедя, теперь, все... того...,—чуть не проговорился онъ, но удержался, и перемѣнилъ разговоръ:—Я все думаю... о томъ, не сдѣлать ли намъ новыя обои въ комнатахъ...

— Отчего же. Пожалуй...

— То-то, я думаю...

И замолчалъ.

Поѣздъ пришелъ въ Петербургъ. Карета ждала Растеряевыхъ у дебаркадера, вслѣдствіе посланной съ мѣста выѣзда телеграммы.

Только-что слуга прихлопнулъ дверцы кареты, какъ терпѣніе Ильи Петровича окончательно истощилось: онъ вылилъ всю свою душу предъ сыномъ. Өедоръ Ильичъ почувствовалъ необыкновенное смущеніе и даже нѣкоторый испугъ: ему вдругъ пришло на мысль, что не случилось ли съ отцомъ чего-нибудь недобраго...

X.

Сынъ сильно побаивался, что восторженное настроеніе отца скоро пройдетъ и, выспавшись, онъ измѣнитъ свое рѣшеніе. Но на слѣдующій день по пріѣздѣ—Илья Петровичъ проснулся веселый, здоровый, и тотчасъ же послѣ чая поѣхалъ, куда нужно, чтобы привести свои предположенія о передачѣ всего имѣнія сыну въ окончательному осуществленію. Съ билетами онъ скоро все обдѣлалъ, перевелъ ихъ на имя сына, а дарственный актъ нѣсколько было позатянулся; но и тутъ, благодаря старшему нотаріусу, дѣло приняло надлежащій ходъ въ тотъ же день, хотя и позднимъ уже вечеромъ. Словомъ, въ одинъ день все было сдѣлано, даже и публикаціонныя деньги за припечатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», о переходѣ имѣнія, были уплачены и еще осталось столько времени свободнаго, что Илья Петровичъ успѣлъ (независимо оттого, что цѣлый день всѣмъ знакомымъ разсказывалъ о своей «новости»), успѣлъ еще заѣхать въ два-три мѣста и объявить, что онъ передалъ все сыну. Такъ въ этотъ день было много работы и хлопотъ, что не выдалось ни одной минуты для того, чтб бы задуматься. Выдайся такая одна минута,—Богъ знаетъ, чтб бы вышло. Такъ весь день онъ, какъ говорится, кипѣлъ въ котлѣ и носился по Петербургу изъ одного мѣста въ другое, отъ городового нотаріуса въ банкъ, изъ банка къ старшему нотаріусу, отъ старшаго къ члену окружнаго суда и вездѣ встрѣчалъ знакомыхъ, вездѣ имѣлъ случай разсказать «новость», выставить себя дѣйствующимъ лицомъ и — главное: дѣйствующимъ необыкновенно благородно, въ примѣръ другимъ. Сколько было переговорено въ этотъ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени, сколько было сказано объ отношеніяхъ дѣтей къ отцамъ, отцовъ къ дѣтямъ, дѣтей Богъ знаетъ къ кому и Богъ знаетъ кого къ дѣтямъ,—объ этомъ долго было бы разсказывать. День, наконецъ, прошелъ, и прошелъ благополучно, то-есть благополучно для Ѳедора Ильича и его супруги. Насколько былъ благополученъ и какое значеніе имѣлъ этотъ день для Ильи Петровича, онъ рѣшить не могъ, ибо не былъ одаренъ способностію оцѣнивать и критиковать событія, еще не кончившіяся и не выяснившіяся. Съ нѣкотораго времени обстоятельства, какъ извѣстно, стали такъ складываться, что волей-неволей приходилось надъ ними задумываться; но привычка, пріобрѣтенная многими прожитыми уже годами, привычка не останавливаться долго надъ разсмотрѣніемъ одного и того же вопроса, заставляла Илью Петровича спѣшить

въ этомъ дѣлѣ, какъ спѣшилъ онъ во всемъ. Задѣтый за-живое разговоромъ дѣтей Сумракова, онъ не имѣлъ возможности исподволь, не торопясь разсмотрѣть выступившій на очередь вопросъ, а разрѣшилъ его сразу, не откладывая, безъ промежутковъ для занятія чѣмъ-нибудь другимъ. Затѣмъ, покончивъ въ теоріи «вопросъ», онъ тоже не могъ успокоиться, пока не осуществилъ его на практикѣ.

День прошелъ. Наступила ночь. Наступилъ слѣдующій затѣмъ день; это былъ уже третій счетомъ послѣ пріѣзда изъ усадьбы Сумракова, и этотъ третій день прошелъ также счастливо. Илья Петровичъ съ утра ушелъ къ старшему нотаріусу по дѣлу о передачѣ имѣнія сыну, оттуда отправился въ департаментъ за сыномъ, захватилъ его съ собой и затѣмъ вернулся вмѣстѣ съ нимъ домой, уже окончательно переведя на его имя домъ. За обѣдомъ немного выпили и очень много говорили, т.-е. собственно говорилъ Илья Петровичъ. Послѣ обѣда тотчасъ же отправились на острова, «чтобы не спать», и вернулись поздно. Такъ благополучно миновалъ и этотъ день.

На четвертый день послѣ пріѣзда изъ усадьбы расположеніе духа Ильи Петровича и направленіе его мыслей сильно измѣнились.

Оттого ли, что съ того времени, съ котораго Илья Петровичъ успокоился отъ всѣхъ тревогъ прошедшаго дня, т.-е. съ полночи, пошелъ дождь, да такой назойливый, что хлесталъ въ окна до разсвѣта; оттого ли, что вѣтеръ всю ночь завывалъ подъ окнами и, посвистывая, точно надъ чѣмъ-то посмѣиваясь, тревожилъ сонъ Ильи Петровича, или вой собаки, продрогшей на дворѣ сосѣдняго дома, безпокоилъ его, — это трудно объяснить: но только во всякомъ случаѣ, отчего бы тамъ ни было, а расположеніе духа Ильи Петровича и направленіе его мыслей съ наступленіемъ третьяго утра сильно измѣнились. Проснулся онъ рано, быстро вскочилъ съ постели и остановился неподвижно у кровати, какъ будто что-то припоминая; онъ приложилъ обѣ руки къ головѣ, все еще находясь подъ вліяніемъ припоминанія, и не двигался съ мѣста, хотя бы для того, чтобы накинуть на плечи халатъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ онъ медленно отнялъ руки отъ головы, и они какъ-будто сами собой, безъ участія его воли, опустились внизъ, а вѣки глазъ расширились до необычайныхъ размѣровъ.

— Тьфу ты пропасть! Какой однако скверный... день сегодня!—сказалъ наконецъ вслухъ Илья Петровичъ.

По выраженію его лица можно было видѣть, что тутъ дурная погода непричемъ, что не тѣмъ онъ былъ занятъ.

Совершившіяся наканунѣ событія стали предъ нимъ мало-помалу выясняться и, выясняясь, казалось, пугали его все болѣе и болѣе. Онъ, какъ будто по наитію свыше, получилъ способность уразумѣть ихъ настоящій смыслъ. Такимъ образомъ, только что порѣшивъ вопросъ и осуществивъ его на практикѣ, пришлось его снова разсматривать.

Думалъ онъ и говорилъ самъ съ собою слѣдующее:

«Что это я такое сдѣлалъ? Очумѣлъ я, что-ли, или уже окончательно съ ума сошелъ? Тьфу, чортъ побери, какія событія совершились, и какъ это все скоро, вдругъ... Этакій, съ позволенія сказать, негодяй этотъ нотаріусъ—и всѣ его проклятые помощники! Ну, что̀ бы ему стоило задержать дѣло до сегодняшняго утра... Да и я хорошъ! Съ чего это меня нелегкая сунула перевести все имѣніе на имя Ѳеди? Да и что за крайность такая? Гдѣ же подобные примѣры бывали, какой глупецъ способенъ былъ совершить такую... нелѣпость. Именно, нелѣпость! Господи! Что это такое за наказаніе на меня. Жилъ, жилъ спокойно, тихо, невозмутимо сколько лѣтъ, и вдругъ... Да что̀ же это такое? Не болѣе трехъ-четырехъ дней прошло, какъ я только отдѣлался-было отъ этихъ проклятыхъ думъ, а теперь опять!.. Ужасно все странно вышло, необъяснимое что-то совершается надо мной. Вѣдь никогда ничего подобнаго не бывало... Гм... Кажется, все предусмотрѣлъ, а вышло, чортъ знаетъ, что̀!.. Какимъ образомъ могъ я позабыть великое произведеніе великаго Шекспира, представившаго въ безсмертной трагедіи «Король Лиръ», какъ опасно переводить домъ и всѣ банковые билеты на имя сына!.. Тьфу, чортъ побери, мысли даже путаются. И этотъ ужасный сонъ, который я сегодня видѣлъ, не приснился же мнѣ вчерашнюю ночь; нѣтъ, какъ нарочно, грезилось все что-то такое идиллическое...»

Затѣмъ полѣзли въ голову мысли о томъ, что Ѳедоръ Ильичъ не имѣетъ дѣтей, и имѣніе все, послѣ его смерти, можетъ перейти Богъ знаетъ кому.

«Какъ же я этого-то не предусмотрѣлъ? Ну что я послѣ этого за человѣкъ?

Вопросъ о правахъ наслѣдства, могущій возникнуть послѣ смерти Ѳедора Ильича, зацѣпилъ Илью Петровича очень крѣпко, такъ что для болѣе удобнаго разсмотрѣнія этого вопроса онъ снова сѣлъ къ окну.

«Нужно будетъ взять десятый томъ, первую часть, и прочитать».

Не успѣлъ онъ еще сознательно прослѣдить своей мысли о

необходимости прочитать и изучить вопросъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, какъ вдругъ вскочилъ на ноги, точно ужаленный змѣей. Его глаза, какъ было въ первыя минуты послѣ пробужденія отъ сна, опять широко раскрылись и точно застыли, уставившись на одинъ предметъ. Илья Петровичъ уразумѣлъ, что онъ неожиданно самъ захотѣлъ быть наслѣдникомъ своего наслѣдника и очутился въ роли «Володьки».

«Наслѣдство!—медленно проговорилъ онъ, остановившись на одномъ мѣстѣ точно окаменѣлый:—наслѣдство!.. Я, я размышляю о правахъ наслѣдства!.. Я!.. я человѣкъ, прожившій полсотни лѣтъ... вдругъ... задумываюсь... о чемъ же это я?.. О наслѣдствѣ... Тьфу!.. Тьфу!.. Да неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ устроены всѣ люди, что какъ только ихъ кошелекъ опустѣлъ, то они тотчасъ же начинаютъ думать о томъ, какъ бы его наполнить, и по возможности легчайшимъ способомъ? За что же я, въ такомъ случаѣ, обвинялъ Володьку, когда стремленіе къ наслѣдству, т.-е. къ возможно скорѣйшему его полученію, такъ сказать, есть прирожденное свойство человѣческой природы?»

XII.

Такъ медленно проходило утро часъ за часомъ. Илья Петровичъ метался въ своихъ размышленіяхъ изъ одной стороны въ другую, совершенно противуположную; то горячо начиналъ сожалѣть о своей ошибкѣ и чувствовалъ страстное желаніе вернуться назадъ къ тому времени, когда онъ былъ «полнымъ властелиномъ», то самъ себя оспаривалъ и упрекалъ въ алчности.

— Чай прикажете сюда подать, или пожалуете къ общему столу? спросила старая Ѳедора, пріотворяя дверь комнаты Ильи Петровича.

— А? Что такое? Что случилось? испуганно спросилъ Илья Петровичъ, очнувшись отъ своихъ размышленій.

— Чаю, говорю, батюшка Илья Петровичъ, куда прикажете подать...

— Зачѣмъ ты не въ свое дѣло путаешься, зачѣмъ? Что это за безпорядки такіе? Есть на это Павлушка. Гдѣ Павлушка? Отчего онъ не пришелъ доложить, что чай поданъ, а? Отчего?

— Я, батюшка, не знаю. Меня послала барыня...

— Гм... барыня... Тебя?.. Гм?..

Илья Петровичъ закусилъ верхнюю губу, причемъ нижняя нѣсколько отвисла, и лицо приняло глубокомысленное выраженіе.

— Да вы что же это батюшка, Илья Петровичъ, нешто на смѣхъ...

— Что на смѣхъ? Что на смѣхъ? Какъ ты смѣешь мнѣ, старая, указывать? а? торопливо и испуганно перебилъ Илья Петровичъ, думая, что Өедора намекаетъ своимъ вопросомъ на событія только-что прошедшаго дня.

— Или ты думаешь, что я здѣсь больше не хозяинъ, такъ можно со мной за-просто...

— Что вы, Христосъ съ вами... Нешто я хотѣла вамъ обидное что сказать, батюшка. Я только вотъ гляжу, халатикъ-то у васъ будто не на ту сторону надѣтъ.

— Ну, ну, иди... Я сейчасъ...

Старуха ничего не сказала и только закачала головой, уходя изъ комнаты Ильи Петровича.

«Головой закачала! а! Что это такое? Отчего это она вдругъ, старая, головой закачала? сталъ соображать Илья Петровичъ по выходѣ Өедоры. Она смѣетъ головой... Да и на лицѣ ея я замѣтилъ что-то... Кажется, она улыбалась. Улыбалась! И улыбка-то какая еще насмѣшливая... Неужели это она, старая хрычовка, надо мной подсмѣивается, а?»

Илья Петровичъ задумался.

«Это вотъ начало новыхъ порядковъ. Это вотъ они всѣ, и Өедора, и Павлушка, и всѣ уже вообразили, сами не знаютъ что̀... Господи благослови, первый день, а ужъ хорошо начинается. Что̀ же теперь дальше-то будетъ? Что̀ дальше-то?..»

И начались опять долгія, долгія размышленія.

«Теперь еще пока дѣло поправимо, думалъ онъ, теперь еще, слава Богу, по горячимъ слѣдамъ можно все поправить. Можно все возстановить въ прежнемъ видѣ, все исправить. Возстановить? А какимъ это такимъ чудодѣйственнымъ способомъ можно все поправить и возстановить въ прежнемъ видѣ? Какимъ это?.. Гм... Штука!.. Способъ одинъ—взять билеты обратно, перевести домъ обратно на мое имя, ну, словомъ, сдѣлать такъ, какъ было до вчерашняго утра... Это, чортъ возьми, интересно бы въ самомъ дѣлѣ... Но какъ же взять? Основанія вѣдь, однако, нужны... Да мало ли какихъ основаній можно придумать. Сказать вотъ что, молъ, Өедя, я вѣдь, пошутилъ, я нарочно, только такъ для шутки... Нѣтъ! Нѣтъ! Это неудобно, нѣтъ, надо не такъ. Сказать, что, молъ, Өедя, я передумалъ, я нахожу нужнымъ, вообще... Считаю необходимымъ... Почему? На какомъ основаніи? Вѣдь основанія-то нужно же высказать, какъ же такъ-то? А онъ что? Находитъ ли онъ, т.-е найдетъ ли онъ мои основанія заслу-

живающими уваженія? Я, скажетъ, нахожу ихъ незаслуживающими уваженія и потому имѣю честь покорнѣйше васъ просить, дабы на будущее время... и прочее и прочее...»

Черезъ нѣсколько времени дверь его комнаты снова пріотворилась, и на этотъ разъ показался уже не Павлушка какой-нибудь и не старая Ѳедора, а самъ Ѳедоръ Ильичъ, новоиспеченный домовладѣлецъ и капиталистъ. Онъ какъ будто былъ все тотъ же, почтительный и внимательный Ѳедя, по крайней мѣрѣ такъ могло казаться съ перваго взгляда; онъ въ это утро, такъ же какъ и прежде бывало, всталъ съ постели въ обыкновенный часъ и черезъ столько же времени, какъ и прежде бывало, облачился въ вицъ-мундиръ, чтобы отправиться въ департаментъ. Точно въ его положеніи не случилось никакой перемѣны.

— Доброе утро, папенька! сказалъ онъ, остановившись въ дверяхъ и не идя далѣе.

Илья Петровичъ не слышалъ этого привѣтствія.

— Доброе утро!.. погромче повторилъ Ѳедоръ Ильичъ.

Илья Петровичъ опять вздрогнулъ, такъ же испуганный его голосомъ, какъ это было за полчаса назадъ при входѣ Ѳедоры.

— Къ вамъ можно войти?

— А! Ѳедя! Ѳедя!.. Голубчикъ... можно, можно, торопливо проговорилъ Илья Петровичъ.

— Ты, можетъ быть, Ѳедя, чаю хочешь?

— Этотъ вопросъ скорѣе я вамъ могу предложить...

— Почему же, Ѳедя, почему это такъ? а? Почему? Развѣ случились уже нѣкоторыя перемѣны?..

— Какія перемѣны? Гдѣ? удивленно спросилъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Гм... Ты говоришь, что можешь предложить мнѣ скорѣе чаю, чѣмъ я... Вотъ я объ этомъ собственно хотѣлъ спросить, почему это такъ?

— Потому что вы до сихъ поръ еще чай не пили...

Сынъ вынулъ карманные часы и посмотрѣлъ.

— Уже почти 11 часовъ. Мнѣ пора въ департаментъ. До свиданія, папенька. Я собственно, кромѣ поздравленія съ добрымъ утромъ, зашелъ вамъ передать еще, что объ обѣдѣ я распоряженій не дѣлалъ...

— Что ты... зачѣмъ же?

— Я сказалъ повару, чтобы онъ къ вамъ явился за полученіемъ приказаній...

— Это ты, Ѳедя, напрасно...

— Я думалъ, что такъ какъ эта часть всегда была въ не-

посредственномъ вашемъ распоряженіи и такъ какъ вы любите обращать вниманіе на составъ блюдъ, то я думалъ, что это будетъ вамъ пріятно.

— Нѣтъ, ужъ я попросилъ бы меня отъ безпокойства уволить и вообще...

— Въ такомъ случаѣ,—началъ-было Өедоръ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего. Я только такъ, вообще... а это я пожалуй не прочь. Отчего же?

Илья Петровичъ былъ доволенъ, что сынъ не присвоиваетъ себѣ права распоряжаться составомъ обѣда, и вслѣдствіе этого нѣсколько повеселѣлъ. Маленькая удача, даже въ минуты крупныхъ несчастій, всегда нѣсколько ободряетъ. Еще бы какую-нибудь малость по управленію домашними дѣлами предложить Ильѣ Петровичу, и на этотъ день онъ былъ бы совершенно счастливъ. Точно замѣтивъ, какъ начали разсѣяваться мрачныя тучи съ лица Ильи Петровича, Өедоръ Ильичъ пожелалъ прибавить ему нѣкоторую дозу удовольствія.

— Папенька! Я хотѣлъ спросить васъ... вообще, посовѣтоваться съ вами...

— О чемъ это, Өедя, о чемъ?

— Видите ли, я нахожу, что слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя поправки въ домѣ, произвести кое-въ-чемъ ремонтировку.

Илья Петровичъ отъ этого предложенія еще болѣе повеселѣлъ, и, отвѣчая на предложеніе сына, началъ размахивать руками, какъ это бывало съ нимъ прежде.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ-съ! Шалишь!.. Это ужъ покорнѣйше благодарю, да! За это покорнѣйше... Я не для того передалъ тебѣ имѣніе, чтобы опять хлопотать; я здѣсь теперь не хозяинъ, я жилецъ твой, отговаривался онъ, видимо для того, чтобы вызвать своего Өедю на повтореніе просьбы.

— Къ чему эта фраза, папенька,—замѣтилъ сынъ, какъ будто обидѣвшись.

— Какъ къ чему? Какъ къ чему? Я живу на покоѣ, я отъ всего отступился...

— Въ такомъ случаѣ, папенька...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я не то хотѣлъ сказать,—испуганно перебилъ Илья Петровичъ, видя, что сынъ на повтореніе просьбы совсѣмъ не подается, а хочетъ даже повернуть назадъ,—нѣтъ, нѣтъ! Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать; я хотѣлъ тебѣ объяснить... видишь ли, ты не дослушалъ, а я тебѣ хотѣлъ именно объяснить, что если тебѣ кажется затруднительно и если ты тяготишься, то я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ того, чтобы...

Говоря это, Илья Петровичъ началъ заминаться, путаться и видимо совѣстился.

— Противъ того, чтобы облегчить тебѣ трудность управленія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ ты, конечно, человѣкъ еще новый, неопытный... Я... Ѳедя, даже, если только ты ничего не имѣешь противъ этого... я помогу тебѣ... да... я... помогу...

Ѳедоръ Ильичъ замѣтилъ смущеніе отца и поспѣшилъ прекратить разговоръ.

— До свиданія, папенька. Мнѣ уже давно пора въ департаментъ. Я все предоставляю на полное ваше усмотрѣніе, и сдѣлаю такъ, какъ вамъ будетъ угодно...

— А! Ты уходишь... А я хотѣлъ-было... Но, впрочемъ, послѣ: ты спѣшишь...

— Да, я уже опоздалъ... Если можно, то отложимъ до моего возвращенія.

Ѳедоръ Ильичъ заботливо подобралъ подъ мышку портфель и вышелъ.

«Гм... уѣхалъ!...—раздумывалъ Илья Петровичъ, оставшись одинъ:—уѣхалъ!.. Гм... Гм... Странное дѣло. Чтó это онъ такое тутъ мнѣ толковалъ, и къ чему все это?!»

Прошла еще тяжелая недѣля: и поваръ, и все окружающее окончательно встревожило Илью Петровича, и онъ рѣшился попробовать, не будетъ ли лучше высказать сыну откровенно свое желаніе возвратиться къ прежнему порядку вещей. Онъ послалъ за сыномъ. Полчаса спустя Ѳедоръ Ильичъ вышелъ какъ будто смущенный, но съ какимъ-то торжествомъ въ глазахъ.

— Ну что?—спросила его жена, поспѣшно вставая и идя на встрѣчу мужу.

— Ничего,—коротко отвѣчалъ онъ, закуривая сигару и разваливаясь въ креслѣ.

— Говори же — чѣмъ все кончилось... Она съ мужемъ догадывалась впередъ, за чѣмъ Илья Петровичъ, не выходившій нѣсколько дней изъ комнаты, вдругъ послалъ за сыномъ.

Ѳедоръ Ильичъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, а прямо заявилъ о конечномъ результатѣ свиданія.

— На-дняхъ отецъ переѣдетъ во флигель,—сказалъ онъ коротко, и, позвонивъ слугу, распорядился объ экипажѣ.

— Ты куда же?—спросила жена, горѣвшая нетерпѣніемъ узнать подробности переговоровъ.

— Я ѣду... Мнѣ нужно...

— Но ты разскажи же. Ну что, какъ? Переѣзжаетъ, какъ же... Гдѣ столъ ему? Какъ прислуга?..

— Все, все особо...

— А!—многозначительно протянула Анна Ивановна: — это уже что-то такое крупное... Но послушай, Өедя: что-жъ ты бѣжишь, разскажи же, наконецъ, чтó и какъ.

Өедору Ильичу доложили, что экипажъ подань, онъ взялъ шляпу и, прощаясь съ женой, сказалъ:

— Послѣ, послѣ... Но ты во всякомъ случаѣ постарайся завтра увидѣться съ нимъ и поговори... и вообще, знаешь, приласкайся... Я нѣсколько былъ сухъ съ нимъ...

— Зачѣмъ же такъ, Өедя... Ты знаешь, онъ такой простой и, пожалуй, я согласна съ тобой, немного странный человѣкъ. Я все-таки его очень люблю...

— Ну, это уже твое дѣло,—коротко отвѣтилъ Өедоръ Ильичъ уходя.

Анна Ивановна, оставшись одна, задумалась.

«А не пойти ли мнѣ къ нему теперь, онъ навѣрное груститъ; Өедоръ, я знаю, его могъ огорчить своею вѣчной холодностью; но чтó же я съ нимъ буду говорить, можетъ быть, онъ все еще сердится!.. Я не люблю сердитыхъ,—до завтра лучше».

Ей просто было почему-то лѣнь пойдти. Привычка смотрѣть на жизнь только съ точки зрѣнія удовольствій съ дѣтства пріучила ее относиться ко всему именно только съ этой стороны. Она всегда и вездѣ готова была на всякое доброе, хорошее дѣло, но лишь при томъ условіи, если это не нарушитъ ея спокойствія, не омрачитъ ея жизнь, хотя бы на одну минуту, чѣмъ-либо скучнымъ или непріятнымъ. Пока между Ильей Петровичемъ и сыномъ не произошло разрыва, она ухаживала за Ильей Петровичемъ, ухаживала просто потому, что это ей нравилось; она, пожалуй, даже любила его, потому, что эта любовь, кромѣ удовольствія, ничего ей не могла и доставить: Илья Петровичъ, какъ сама она отзывалась, «такой простой». Но лишь только этотъ простой человѣкъ заперся въ своей комнатѣ и сталъ избѣгать свиданія съ своими, до того времени любимыми имъ дѣтьми, такъ Анна Ивановна надула въ свою очередь губки и стала жаловаться, говоря: фи, какъ это скучно!

— Өедя, пойди же, пожалуйста, скажи ему...

— Чтó же сказать? коротко, по обыкновенію отвѣчалъ Өедоръ Ильичъ, не то сердясь, не то насмѣхаясь надъ женой.

— Ну тамъ, самъ знаешь чтó... Вообще это ужасно скучно.

— Пойди сама: я не знаю, чтó ему говорить...

— Ахъ, отвяжись... Вотъ выдумалъ...

Такъ и теперь она желала бы, чтобы Илья Петровичъ при-

шелъ, посидѣлъ съ ней, какъ бывало раньше, тѣмъ болѣе, что ей въ настоящія минуты было скучно; но идти для этого упрашивать какъ-то не хотѣлось...

Перебрался Илья Петровичъ во флигель, и хотѣлъ установить свою жизнь такъ, чтобы она хотя сколько-нибудь напоминала ему его прежній образъ жизни, но этого ему никакъ не удавалось сдѣлать. Онъ старался въ томъ же порядкѣ установить мебель, разставить шкафы съ книгами на такія же мѣста, какъ бывало въ его прежней квартирѣ, вытащилъ даже изъ глубины ящиковъ кое-какія прежнія картинки и вещицы, разставилъ ихъ на окнахъ, развѣсилъ картинки по стѣнамъ; но и шкафы, и книги и картины ни на одну линію не приблизили его къ прошлому, а напротивъ навязчиво обильно наводили только на сравненія этого прошлаго съ настоящимъ. Вспомнилъ онъ, что когда-то былъ у него товарищъ, долгій спутникъ его дней, молчаливый чижъ, давно уже окончившій свое земное странствіе, вспомнилъ и купилъ себѣ новаго чижа; но чижъ оказался крикунъ и не давалъ ему покоя. Онъ выпустилъ его на волю. Старая Ѳедора, единственный человѣкъ, оставшійся въ прежнихъ неизмѣнныхъ къ нему отношеніяхъ, хотя и помѣстилась жить съ Ильей Петровичемъ во флигелѣ; но и она ему измѣнила, измѣнила тѣмъ, что состарѣлась, сдѣлалась непростительно глуха и плохо видѣла.

— Эхъ, Ѳедорушка!—говорилъ онъ, прошли видно наши съ тобой красные дни!..

— Да, батюшка, Илья Петровичъ, глуха стала: ничего не слышу.

Д. С—х—ъ.

СОЛОВКИ

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПОѢЗДКИ СЪ БОГОМОЛЬЦАМИ *).

I. Пароходъ „Вѣра“.

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ недвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу, и наконецъ исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи и приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро-добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто великорусскихъ физіономій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ клобукахъ, точно и

*) Въ нашихъ очеркахъ мы не касались святынь Соловецкихъ, а рисовали только бытовую сторону этой замѣчательной общины и типы богомольцевъ посѣщающихъ её.

Прим. авт.

быстро исполнявшихъ распоряженія своего капитана—небольшого, худощаваго инока, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновенье, она ринулась въ недосягаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человѣкъ.

Это—прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго Моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самаго края кормы на кругѣ свернутаго каната, и невольно загладѣлись на широко разстилавшуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-сѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ словно въ воздухѣ висѣли бѣлыя колоколеньки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ. Песчаныя промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блистающіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаекъ, мелькали паруса. Они казалось вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колоко-

лень. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мглистая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой пропадала надъ нею; бѣлая линія съуживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда вглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та кажется высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто-голубыми тонами полоса облаковъ... Воображеніе дорисовывало между этими фантастическими вершинами призрачныхъ горъ—глубокія лѣсистыя долины, на тихихъ берегахъ бѣлые города, маленькіе, всѣ потонувшіе въ зелени. Такъ и манило туда, туда, далеко—въ эти поэтическія пустыни.

А капитанъ-монахъ опасливо глядѣлъ на эту, все выроставшую изъ-за моря кайму. Зоркіе глаза его какъ будто высматривали что-то грозившее пароходу. Не бурю ли?

Чтó за дѣло! Пока еще лазурь уходившаго въ недосягаемую высь неба была безмятежна, упругія волны смиренно лизали бока парохода, безконечный просторъ дышалъ красою мира и покоя.

Откуда-то съ берега вѣтромъ донесло какъ будто звуки пастушьяго рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній,—красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встревоженный рой пчелъ. Какою-то прелестью уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы словно зачарованные внимали имъ. И тихая грусть незримо, неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налѣво все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность!—послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбкѣ наслаждался природою.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить ее за бортъ.

II. Отецъ Іоаннъ — командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ къ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ — и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну минуту въ глазахъ мелькнули двѣ невысокія мачты, три паруса и какой-то коренастый малый въ шерстяной фуфайкѣ, копошившійся на палубѣ. На кормѣ шкуны преспокойно спала поморка, въ аломъ кумачномъ сарафанѣ.

И снова пустынная ширь зеленовато-сѣрой воды.

Капитанъ парохода крайне заинтересовалъ меня своею наружностью. Небольшого роста, весь какъ будто состоящій изъ нервовъ и жилъ, онъ ни на одну минуту не оставался въ бездѣйствіи: то онъ сбѣгалъ внизъ къ рулю и самъ поворачивалъ его, избѣгая переносныхъ мелей, то опять зорко оглядывалъ окрестности, командуя экипажу. Бѣлая парусинная ряса во всѣ стороны развѣвалась вѣтромъ, черный клобукъ торчалъ на затылкѣ, длинные, каштановые волосы обрамливали еще молодое, но серьёзное и умное лицо, всѣ черты котораго обнаруживали мужество, силу и смѣтливость.

— Сколько поднимаетъ «Вѣра»?

— Пятнадцать тысячъ пудовъ.

— А на ходу пароходъ каковъ?

— Да безъ баласта девять узловъ въ часъ дѣлаетъ. Вотъ придемъ въ монастырь, поставимъ его въ доки, да перемѣнимъ винтъ, такъ еще быстрѣй пойдетъ.

— Дорого онъ достался монастырю?

— Тысячъ за двѣнадцать; восемь израсходовано на приспособленіе его къ Бѣлому морю. Разумѣется, ежели сообразить, что рабочіе у насъ даровые, то цѣнность «Вѣры» окажется еще выше.

— Такъ вы въ настоящее время не отправляете пароходы для передѣлки за-границу?

— Нѣтъ... Теперь мы и сами научились пароходы строить. Пароходъ «Надежду» мы сами выстроили. Вотъ для «Вѣры» винтъ отдѣлаемъ въ монастырѣ, въ собственныхъ горнахъ. Она еще недавно у насъ плохонько ходила. Винту не доставало хорошихъ приспособленій. Можетъ быть слышали, что пароходъ Бѣломорско-Мурманской компаніи «Качаловъ» стоялъ въ нашихъ докахъ для починки; ну, мы высмотрѣли въ немъ новое устройство винта, и сейчасъ же сдѣлали сами составной винтъ для «Вѣры».

— Какъ вы попали на пароходъ? Странно какъ-то видѣть монаха, командующаго судномъ.

— Да, вѣдь я съ четырнадцати лѣтъ по морю хожу. И за границею и здѣсь.

— Ба! Я, вѣдь, значить о васъ-то и читалъ. Вы возили Диксона по Соловецкому монастырю?

— Я, самъ.

— Такъ вы и есть отецъ Иванъ.

— Я.

— Читали вы, чтó онъ пишетъ о васъ въ «Свободной Россіи»?

— Нѣтъ.

Я ему разсказалъ. Очеркъ Диксона оказался не совсѣмъ вѣренъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы отъ самого отца Іоанна узнать исторію его жизни, полной самыхъ неожиданныхъ контрастовъ и приключеній. Онъ четырнадцати лѣтъ кончилъ курсъ въ Кемскомъ шкиперскомъ училищѣ. На поморскія шкуны и теперь не легко попасть воспитаннику этой школы. Наши поморы-судохозяева обходятся пролетаріями-лѣтниками, готовыми изъ-за хлѣба, да изъ-за податей наняться на суда. О. Іоанну дѣваться было некуда. Долго не думая, онъ поступилъ матросомъ на ганноверскій галіотъ, который нуждался въ русскомъ, такъ какъ по случаю датской войны онъ ходилъ подъ нашимъ флагомъ. Способный юноша только-что сталъ свыкаться съ службою, какъ во время сильной бури, въ Нѣмецкомъ морѣ, галіотъ разбило о скалы и изъ всего экипажа спаслось только трое матросовъ. Однимъ изъ нихъ былъ нашъ соотечественникъ. Возвращаться домой ему не хотѣлось. Въ немъ кипѣли молодыя силы; сердце неудержимо рвалось впередъ, глаза смѣло глядѣли въ загадочныя дали будущаго. Добравшись до первой гавани, онъ поступилъ на нѣмецкое судно, обошелъ на немъ вокругъ свѣта, и вернулся въ Германію, отлично узнавъ нѣмецкій языкъ. Тутъ подвернулся англійскій китоловъ, и о. Іоаннъ отправился въ южныя полярныя моря бить китовъ, потомъ ходилъ въ Ламаншѣ, въ Ирландскомъ морѣ, велъ жизнь кипучую, отважную до дерзости, полную огня и страсти. Вернувшись въ Лондонъ, онъ уже говорилъ по-англійски, какъ англичанинъ, хотя съ нѣсколько простонароднымъ выговоромъ. Потомъ опять рядъ скитальчествъ, рядъ морскихъ похожденій—то матросомъ, то шкиперомъ купеческаго корабля, то кочегаромъ на пароходѣ, то помощникомъ капитана на немъ же. Чего онъ не переиспыталъ въ это время! Онъ побывалъ подъ всѣми широтами, перезнакомился со всѣмъ, и образовалъ изъ себя отличнаго моряка-практика. Бродяжничая такимъ образомъ по

свѣту, онъ на какой-то набережной, въ Плимутѣ, услышалъ унылую русскую пѣсню, и сразу точно что-то оборвалось въ его сердцѣ. Вспомнилась далекая родина, забытая семья, скалистыя берега Поморья, гдѣ еще ребенкомъ онъ справлялся съ морскимъ карбасомъ, смѣло правя рулемъ противъ пѣнистыхъ валовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ покоя. Родныя пѣсни его преслѣдовали повсюду. Задумается ли на палубѣ въ безсонную ночь, и кажется, что кто-то его кличетъ изъ далека; захочется ли пѣть— неудержимо рвутся изъ груди знакомые старые мотивы, столько лѣтъ забытые и въ одинъ мигъ воскресшіе въ его памяти. Чужбина ему стала ненавистна. Онъ чуть не затосковался до чахотки, вернуться же было опасно. Россію онъ оставилъ самовольно, безъ паспорта прожилъ за-границею болѣе двѣнадцати лѣтъ—и настолько зналъ наши законы, что сильно опасался за себя. Долго еще онъ маялся такимъ образомъ и, наконецъ, рѣшился. Будь, что̀ будетъ, а онъ вернется домой—хоть въ тюрьму. Острогъ на родинѣ казался ему милѣе привольнаго скитальчества по безпредѣльнымъ морямъ и океанамъ чужбины. Не долго было до исполненія. Онъ взялъ мѣсто на одномъ изъ пароходовъ, шедшихъ въ Архангельскъ изъ Ливерпуля, и, припавъ къ родной землѣ, поцѣловавъ ее и обливъ горячими слезами, добровольный изгнанникъ явился къ начальству. Мудрое начальство сейчасъ его—въ острогъ, къ ворамъ и разбойникамъ, въ одну съ ними камеру. Потомъ онъ узналъ прелести россійскихъ этаповъ. Прикованный съ шестью другими бродягами на одну цѣпь, онъ въ такомъ видѣ прошелъ въ Кемь, откуда ушелъ первоначально. Тамъ опять душный, смрадный острогъ, допросы, слѣдствіе, цѣпи, и это—человѣку, привыкшему бороздить безконечные океаны, освоившемуся съ кипучею, полною огня дѣятельностію. Тутъ отецъ Іоаннъ, вѣроятно, искренно раскаялся въ патріотизмѣ. Здѣсь же онъ далъ обѣтъ цѣлый годъ въ качествѣ простого рабочаго-богомольца проработать св. Зосимѣ и Савватію въ Соловецкомъ монастырѣ, если удастся избавиться отъ грозившихъ ему арестантскихъ ротъ. Судъ праведный, разумѣется, приговорилъ его къ ротамъ, но нашлись люди, принявшіе въ немъ участіе, и онъ былъ освобожденъ оттуда. Тотчасъ же, по обычаю, усвоенному населеніемъ Сѣвера и согласно своему обѣту, онъ отправился въ монастырь «работать на св. Зосиму и Савватія». Въ монастырѣ его поселили въ казармѣ богомольцевъ-рабочихъ и цѣлую зиму онъ проработалъ, не разсказывая о себѣ ничего. Трудъ ему доставался самый тяжелый, какой бы онъ едвали вынесъ, еслибы не одушевлявшая его мысль—отблагодарить Зосиму и Савватія за

спасеніе отъ окончательной гибели. Тутъ онъ и таскалъ мусоръ, и пилилъ доски, и рубилъ дрова, и занимался въ кожевнѣ, и былъ мусорщикомъ. Наконецъ подошелъ іюнь мѣсяцъ и монахи, еще не зная въ немъ моряка, выбрали его въ матросы. Пароходъ «Надежда» вышелъ изъ соловецкой гавани въ море. На самой серединѣ пути въ Архангельскъ разразилась страшная буря. Команда потерялась. Управлявшій кораблемъ и плохо знавшій свое дѣло монахъ путался, пассажиры своимъ смятеніемъ и отчаяніемъ еще увеличивали затруднительность положенія. А буря все усиливалась и усиливалась. Пароходъ потерялъ мачты, снасти изорвало въ клочки. Гибель казалась неизбѣжной. И вотъ, когда послѣдняя надежда была потеряна, когда одни шептали молитвы, заживо погребая себя, а другіе погрузились въ мертвую апатію—вдругъ на пароходѣ грянула громовая команда: все дрогнуло, матросы бросились по своимъ мѣстамъ. Всѣ обернулись къ капитану и на его мѣстѣ увидѣли отца Іоанна, самоувѣренно выступившаго на борьбу со стихіей. Онъ вдохнулъ свое мужество въ самыхъ робкихъ: энергическая дѣятельность смѣнила тупой ужасъ; новый командиръ цѣлую ночь, самъ стоя у руля, боролся съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, и уже въ полдень на другой день пароходъ тихо и благополучно входилъ въ архангельскій портъ. Такимъ образомъ отецъ Іоаннъ спасъ четыреста жизней и первое паровое судно монастыря.

Монахи не любятъ выпускать изъ рукъ полезныхъ людей, и о. Іоаннъ остался вольнонаемнымъ командиромъ монастырскаго парохода, съ жалованьемъ въ 300 р. и полнымъ содержаніемъ отъ обители. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ благочестивые иноки начали склонять дорогого имъ человѣка принять постриженіе. Хотя о. Іоаннъ и не высказывался никому, но понятно само собою, какую борьбу должна была выдержать эта страстная натура прежде, чѣмъ произнести обѣты отрѣшенія отъ жизни, добровольнаго самопогребенія. Наконецъ, онъ сдѣлался послушникомъ. Другіе до перваго постриженія ждутъ 8, 9 и 10 лѣтъ, а ему оно дано было въ первый годъ: ужъ очень нужный человѣкъ, какъ бы не одумался, да не ушелъ. Тотчасъ же вслѣдъ за постриженіемъ жалованье ему было сбавлено, ибо то, чтó онъ прежде дѣлалъ за деньги, теперь онъ долженъ былъ исполнять по обязанности. Затѣмъ обитель дала ему второе постриженіе, послѣ котораго онъ имѣлъ случай везти на своемъ пароходѣ великаго князя Алексѣя Александровича. Когда Его Высочество предложилъ ему, кажется, 200 р. въ награду за трудъ, онъ отвѣтилъ: «монаху деньги не нужны; мнѣ было бы пріятно имѣть какую-

нибудь память отъ васъ». И скорѣе согласился принять простые серебряные часы, чѣмъ деньги.

Когда я ѣхалъ въ Соловецкій монастырь, о. Іоаннъ уже получалъ только 100 р. въ годъ и 25 р. за навигацію въ видѣ награды. Всѣ эти деньги онъ тратилъ на выписку книгъ и инструментовъ по своей спеціальности. Послѣ уже я узналъ, что онъ получилъ третье постриженіе. Итакъ, іеромонахъ Іоаннъ крѣпкими узами связанъ теперь съ обителью. Да какъ послѣдней и не стараться залучить къ себѣ такого человѣка? О. Іоаннъ положительно лучшій морякъ во всемъ Бѣломорскомъ флотѣ. Жаль только, что его знанія пропадутъ даромъ, если онъ броситъ работать на томъ поприщѣ, гдѣ его способности такъ блестяще примѣняются теперь.

Ему станутъ платить вѣроятно очень немного.

— Я теперь работаю не на себя, а на св. Зосиму и Савватія!—И въ его голосѣ слышалось глубокое религіозное волненіе, чтó ему, впрочемъ, не мѣшало зорко оглядывать окрестность, все болѣе и болѣе расширявшуюся передъ нами.

— И вамъ не хочется воротиться въ міръ?

— Въ мірѣ пагуба, въ мірѣ нѣсть спасенія.

И это говорилъ полный жизни, мужества и кипучихъ силъ молодой человѣкъ. Да, вѣра—великое дѣло, она дѣйствительно движетъ горами! Кто бы могъ подумать, что подъ этою смиренною рясой хоронится жизнь, богатая такими сказочными переходами, событіями!

— И вамъ не скучно въ монастырѣ? добивался я.

— Молитва и работа не допускаютъ скуки. Скучаютъ только тунеядцы.

Въ лицѣ о. Іоанна Бѣломорскій флотъ лишился человѣка, котораго ему не замѣнить нынѣшними своими капитанами. Это невознаградимая потеря.

Пока я размышлялъ о странной судьбѣ этого монаха, лѣвый берегъ Двины пропалъ вовсе, и въ сторонѣ передъ нами словно выросъ изъ однообразнаго сѣраго простора, мѣрно, ритмически катящихся валовъ, Мудьюжскій островъ, съ зеленой щетиной сосноваго лѣса и стройною круглою башней стараго маяка. Здѣсь тянется опасная мель. Тутъ же предполагается устроить станцію для спасенія погибающихъ при крушеніи судовъ.

Скоро мы были въ открытомъ морѣ...

III. На палубѣ.

Палуба парохода была загромождена народомъ. Богомольцы кучами сидѣли у бортовъ, у входовъ въ каюты, на свернутыхъ канатахъ, бочкахъ, ящикахъ, сундукахъ и узлахъ. Борты были унизаны головами. Всюду стоялъ неумолкаемый шумъ. Около трехсотъ человѣкъ говорило, смѣялось, молилось и пѣло. Изъ четырехъ-угольнаго отверстія трюма вырывались на свѣтъ Божій цѣлые снопы голосовъ. Тамъ словно въ купели Силоамской собралось множество слѣпыхъ и хромыхъ, глухихъ и болящихъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Калѣки въ невообразимой тѣснотѣ гомозились одни на другихъ. Сверху все это казалось цѣлою кучею тряпья, изъ-подъ котораго выглядывали изможденныя, измученныя лица, худыя, словно закостенѣвшія руки, и голыя, струпьями и придорожною грязью покрытыя ноги. Чѣмъ дальше къ угламъ, тѣмъ все это больше уходило во тьму и, наконецъ, совсѣмъ пропадало, только гулкій разноязычный говоръ позволялъ догадываться, что тамъ копошатся и отдыхаютъ кучи разнаго голутвеннаго и недужнаго люда.

И наверху народу было, что́ называется, не въ проворотъ.

Больше всего вятскихъ крестьянъ. Понурые, испостившіеся, они сидѣли артелями, безмолвно поглядывая другъ на друга, и только нѣкоторые подавали признаки жизни, съ трудомъ пережевывая черствый хлѣбъ. Олончане шумѣли больше всего. Между ними пропасть бабъ, и всѣ какія-то иконописныя, съ сухою складкою узкихъ губъ, на старческомъ, застывшемъ въ одномъ выраженіи отрицанія прелестей суетнаго міра, лицѣ. Кое-гдѣ бродили заматорѣлыя въ бродяжествѣ странницы, тѣ обшмыганныя, юркія, на все готовыя странницы, которыя по землѣ русской и въ одиночку и цѣлыми вереницами тянутся отъ однихъ угодниковъ къ другимъ, то на перепутьѣ нѣжа свои усталыя ноженьки въ купецкихъ благолѣпныхъ хороминахъ, то попадая въ темницы тѣсныя къ татямъ и разбойникамъ. Трудно сказать, что́ и въ настоящее время безъ этихъ ходячихъ четьи-миней дѣлали бы мастодонты и плезіозавры нашего торговаго міра. По захолустьямъ и теперь для шестипудоваго негоціанта нѣтъ выше наслажденія, какъ, попарившись въ банѣ, послушать за чайкомъ такую словоохотливую странницу, которая, по ея собственному признанію, отъ юности отвратила лицо свое отъ житія блуднаго, отъ міра прелестнаго, возлюбивъ наипаче всего мати-пустыню прекрасную и обители святыя, благочестіемъ иноковъ и памятію угодниковъ своихъ, словно каменіемъ драгоцѣннымъ, украшенныя...

Были тутъ и странники. Это народъ — строгій, серьёзный, неподвижный, съ устоемъ. Изъ-подъ черной, свалявшейся на головѣ, скуфейки зорко глядятъ острые, насквозь васъ пронизывающіе глаза; клочья сѣрыхъ, запылившихся волосъ выбиваются и на лбу и по сторонамъ лица. Сѣрую изъ грубаго, крестьянскаго сукна ряску охватываетъ широкій ременный поясъ. Въ рукахъ — посохъ, ноги—босы, а изъ-подъ ряски иногда выглядываетъ власяница. Только крупныя, алыя губы дышатъ чѣмъ-то инымъ, не аскетическою замкнутостію порвавшей всѣ свои связи съ міромъ жизни, а чувственнымъ, жаднымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ этому самому міру, къ этому самому блудному и пьяному житію. Но пусть только этотъ гражданинъ лѣса и проселочной дороги замѣтитъ на себѣ посторонній взглядъ: въ одинъ мигъ погаснутъ глаза, на лицѣ разомъ отпечатлѣется стереотипная, иконописная сухость и строгость, губы какъ-то подберутся внутрь и богатырская грудь станетъ впалой, и голова словно войдетъ въ плечи, и цѣпкія, крупныя руки благочестиво сложатся въ крестное знаменіе. Они на пароходѣ, при другихъ, на улицахъ большихъ городовъ, въ монастырскихъ подворьяхъ сторонятся отъ странницъ, обзывая ихъ чортовыми хвостами, блудницами вавилонскими. Тутъ, разумѣется, говоритъ зависть. Страннику никогда не усвоить того юркаго, увлекательнаго языка, никогда не сумѣть сымпровизировать на мѣстѣ разсказы о чудесахъ и подвигахъ, о великихъ видѣніяхъ въ нощи, о князьяхъ власти воздушныя, на которые такъ щедры и изобрѣтательны странницы.

Между народомъ бродили и монашки-подростки. Это дѣти, одѣтые въ костюмъ монастырскихъ послушниковъ. Возрастъ ихъ колеблется между 9 и 15 годами. Тутъ въ нихъ еще замѣтна какая-то робость, неумѣлость, но мѣсяца черезъ два—въ монастырѣ — ихъ не узнать. Это большею частію сыновья зажиточныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, а также Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой; отцы ихъ дали обѣтъ послать дѣтей въ монастырь на одинъ годъ для работы на Соловецкихъ угодниковъ. Какъ обитель воспользовалась этою живою силою, будетъ разсказано ниже. Тутъ же нельзя не выразить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго этими молодыми, смѣющимися лицами, этими бойкими деревенскими парнишками, отъ которыхъ такъ и вѣетъ веселостію, но одѣтыми въ полу-монашескую черную одежду, знаменующую полнѣйшее и непримиримое отрицаніе жизни со всѣмъ ея свѣтомъ и тепломъ, со всѣми ея радостями и печалями. Монашки-подростки, прожившіе

на Соловецкихъ островахъ годъ, побывавшіе затѣмъ дома и теперь возвращавшіеся обратно въ обитель, добровольно, съ цѣлію остаться тамъ навсегда, носили уже на себѣ совершенно иной отпечатокъ. Ни одного рѣзкаго движенія, ни одного лишняго взгляда, на ихъ свѣжихъ лицахъ ни луча, ни смѣха. Они до... непріятнаго подражали взрослымъ инокамъ. Та же спокойная, строгая осанка, та же размѣренность движеній, тѣ же опущенныя рѣсницы. Видна дисциплина самая безпощадная. Еслибы возможно—малые сіи были бы бóльшими аскетами, чѣмъ ихъ идеалы-взрослые и вполнѣ освоившіеся съ своею ролью монахи.

Только архангельскія мѣщанки безъ умолку трещали о своихъ дѣлишкахъ, занявъ лучшія мѣста между мачтами и у бортовъ. Тутъ живо переходили изъ рукъ въ руки чайнички, чашки съ чаемъ, кофеемъ, пироги и всякая снѣдь. Увы! Еслибы онѣ знали, какую тяжелую участь приготовляли себѣ впереди.

Общая картина палубы была весьма эффектна.

Яркіе наряды женщинъ, группы скученнаго народа, все это облитое знойными лучами яркаго лѣтняго солнца, все это двигавшееся, суетившееся, шумѣвшее. Въ кормовой части на платформѣ помѣщались пассажиры «почище», восторгаясь картиною открывавшагося впереди моря и повѣрявшіе другъ другу свои впечатлѣнія.

Я вошелъ туда.

Въ одной группѣ шелъ разговоръ о расположившихся внизу крестьянахъ. Мнѣ и прежде кидались въ глаза ихъ лохмотья и особенно измученныя, даже здѣсь выдѣлявшіяся какою-то натугою, лица. Казалось, цѣлыя поколѣнія нищенства, кабалы и неволи создали такія осунувшіяся черты, такіе равнодушные терпкіе взгляды. Рука невольно тянулась въ карманъ за подаяніемъ.

— Вы дѣйствительно думаете—убогіе? — разсуждалъ вятскій купецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые готовы задушить своего рабочаго человѣка, чтобы только выжать изъ него лишній грошъ въ свой карманъ.

— Да, поглядите на нихъ, такъ голодомъ и несетъ.

— Потому что они добровольно голодали всю дорогу, именемъ Христовымъ питаясь. А знаете, что между ними есть такіе, что несутъ въ монастырь по 100, по 150 рублей, завернутыхъ въ тряпкѣ. Спросите вонъ у монаха.

Спросили.—Бываетъ, да рѣдко... Все же случается. Одинъ пришелъ такой-то—триста рублей принесъ.

— Да вѣдь это нищіе!—вырвалось у меня.

— Нѣкоторые изъ нихъ только Христа ради нищіе. Такой

нищій какъ придетъ, такъ мало-мало десять цѣлковыхъ вывалитъ, а нерѣдко и пятьдесятъ, и сто. Усердіе къ святынѣ! Поди у другого и дома ѣсть нечего — а тоже на благолѣпіе обители отъ души жертвуетъ свою лепту. Есть, что коровенку свою продаютъ ради этого.

— Хороша лепта для крестьянина—цѣлый капиталъ!

— И какой еще капиталъ, семья на ноги встанетъ.

— Для Бога, господа, больше трудятся... Для Господа-Бога. Приверженность эту чувствуютъ.

— Разспросите вонъ у того, у кривого-то, — обратился ко мнѣ вятчанинъ,—какъ на него въ Орловскомъ уѣздѣ разбойники напали. Смѣху, то-есть, подобно. Передъ тѣмъ одинъ мѣщанинъ ѣхалъ—того ограбили и убили. Ну, а этого, какъ поймали, сейчасъ: «куда идешь?»—Въ Соловки... «Врешь, сучій сынъ. Кажи мошну». А у насъ, знаете, коли кто идетъ къ угодникамъ, такъ все село поминальныя записки даетъ, о вѣчномъ или срочномъ тамъ поминовеніи. Этакихъ документовъ у другого цѣлый возъ. Тотъ сейчасъ разбойникамъ кажетъ мошну, смотрятъ — дѣвствительно что въ Соловки идетъ человѣкъ... Ну, говорятъ, ступай, помолись за насъ грѣшныхъ, потому ты, значитъ, о душеспасеніи... А атаманъ ихній вынимаетъ изъ кошеля своего двадцатьпятную,—на, говоритъ, запиши и меня, чтобы по гробъ моей жизни, потому какъ я во многомъ грѣшенъ... Въ Анзерскомъ, говоритъ, скитѣ запиши на вѣчное поминовеніе и отдай пять рублевъ, ну, а двадцать угодникамъ въ кружку. Закажи молебны о здравіи и въ кружку... А одначе сапоги съ него сняли, босымъ такъ и пустили.

— Извѣстно, народъ отчаянный... Лёгкій народъ.

— У насъ тоже крестьянинъ одинъ былъ—богачъ. Пообѣщался въ Соловки, въ видѣ нищаго то-есть. Такъ всю дорогу въ тряпкахъ и прошелъ. Милостыню просилъ. На грошъ хлѣба не покупалъ — все именемъ Христовымъ. А какъ въ обитель пришелъ, сейчасъ пятьсотъ... Ну, только домой воротился и закурилъ, и закурилъ... Потому, говоритъ, мнѣ все нонѣ простится... Великій я, говоритъ, передъ Богомъ подвигъ сотворилъ... Вотъ они нищіе какіе. Другой, можетъ, какіе грѣхи этимъ замаливаетъ.

— У Господа милостей много! Особливо ежели черезъ угодниковъ,—согласился монахъ.

Пароходъ начинало слегка покачивать... У многихъ уже вытянулись лица.

Мы приближались къ бару.

— Ну, будетъ качка!—замѣтилъ мимоходомъ матросъ, проходя къ рулю.

Я оглядѣлъ небо. Весь сѣверо-западъ затягивало жемчужными, золотившимися по краямъ тучками. Волны становились крупнѣе и крупнѣе... Кое-гдѣ змѣились гребни бѣлой пѣны и отдаленный гулъ все ближе и ближе подходилъ къ пароходу.

— Вамъ бы лучше въ каюту,—пригласилъ монахъ меланхолическую дѣву, весьма внимательно разсматривавшую что-то за кормою. Она наклонилась еще ниже, цѣпляясь за края борта.

— Уведите ее! приказалъ рулевой монахамъ-послушникамъ. И еще недавно увлекавшаяся прелестями моря, а теперь первая жертва его — пассажирка подъ руки была уведена съ палубы.

IV. Сибирячка.

Проходя между народомъ на палубѣ, я невольно остановился у одной группы. Ее составляли: въ центрѣ — слѣпецъ-старикъ, который и сидя опирался о посохъ. Жаркій лучъ солнца золотился на голомъ черепѣ, охватывая за-одно и незрячіе глаза, и дѣтски-глупо улыбающееся сморщенное лицо. Изъ-подъ открытаго ворота посконной рубахи во всѣ стороны торчали углы костей. Рядомъ съ нимъ, пониже, на какомъ-то жиденькомъ узелкѣ помѣщалась небольшая худенькая дѣвушка съ робкимъ лицомъ и точно разъ когда-то испугавшимися и въ одномъ выраженіи страха застывшими глазами. Синій крестьянскій сарафанъ висѣлъ на костлявыхъ плечикахъ. Она только-что начала сосѣдкѣ своей разсказывать о многотрудномъ пути, который довелось пройти ей до Архангельска.

— Я сама изъ Иркутскаго-города, въ Сибиряхъ это.

— Нну! У меня братанъ тамъ, на поселкѣ. Что-жъ ты это сюда, по усердію или по обѣщанію родителевъ?.. Тутъ больше по родительскому приказу бываютъ...

— Нѣтъ сама. Потому я съ измалѣтства по обителямъ.

— А меня грѣшную только сей годъ Господь сподобилъ. Тебя какъ же это одну мать пустила?

— Много тутъ было... горя разнаго. Пять годовъ это дѣло задумано. Все съ отцомъ совладать не могла.

— А у тебя отецъ-то кто?

— Мѣщанинъ торгующій.

— Давно ли ты оттуда?

— Семой мѣсяцъ.

— И все одна? Или со старикомъ?

— Нѣтъ. Старика-то я подъ Шадринскомъ нашла. Не родной.

— Извѣстно, кому какая судьба. Поди, сестры, коли есть, по праздникамъ пироги ѣдятъ, да съ утра до ночи на красу свою дѣвичью любуются. А ты на — поди! Босая всю путину прошла?

— Отъ Томскова-городка босая, потому какіе башмаченки были—совсѣмъ развалились.

— Ну, это тебѣ все зачтется. Много ты можешь согрѣшить теперь, потому твой подвигъ великъ. У Бога все на счету.

— Ужъ сколько и били меня, какъ сказала, что въ Соловки хочу.

— Родители?

— Они. А и пошла-то я, чтобъ, значитъ, родительскіе грѣхи замолить. Первый разъ я не спросясь пошла, безъ виду. Ну, меня версть за двѣсти отъ Иркутскаго и пымали... И по этапу домой приволокли. Потомъ я опять ушла — отецъ на лошади догналъ. И на цѣпи сталъ держать. Мѣсяца три не спущали, однако ради дня ангела—ослобонили. Ну, я черезъ два дня опять въ дорогу — братъ пымалъ. Сколько одного бою было—страсть. На смерть били.

— Ахъ, ты—болѣзная.

— Тогда я и сказала родителямъ: сколько ни калѣчьте, а воли моей съ меня не снимете. Потому было мнѣ видѣніе. Святой Зосима во сняхъ являлся и ободрялъ на подвигъ... Отцовскіе грѣхи, говорилъ, замоли... Три раза было видѣніе. Тогда задумала я идти—къ отцу. Сказала ему — позеленѣлъ; одначе смолчалъ. Ступай вонъ, говоритъ, чтобъ и духу твоего не пахло. На утріе опять къ нему, — онъ за волосы и давай меня топтать... До безчувствія было. Переждала я еще день, и опять про то же,— вдругорядь оттаскалъ. Я въ третій... Какъ сказала я въ третій, тутъ его за сердце и забрало. Заплакалъ. Снялъ икону, благословилъ, какъ слѣдуетъ. Иди, говоритъ, къ святымъ угодничкамъ и за насъ помолись. На другой день сряжаться стали. Далъ онъ мнѣ два ста рублей на дорогу, да три ста угодничкамъ, паспортъ и все такое... Ну, а на третьи сутки опять побилъ.

— Ну и родитель у тебя!

— Потому обидно, что безъ его воли пошла.

— Что-жъ ты все пѣшомъ?

— Все. Деньги, какія дали—несу угодничкамъ.

— А кормилась въ дорогѣ какъ?

— Именемъ Христовымъ... Побиралась.

— Много, много нонѣ согрѣшить можешь, и все съ тебя за это снимется. Ну, а старичокъ слѣпенькій родственникъ тебѣ, что ли?

— Какой родичъ. Подъ Шадринскомъ на дорогѣ нашла. Онъ съ мальчикомъ ходилъ, да мальчикъ бросилъ его, убѣгъ... Ну, я и подумала, что Господь мнѣ его послалъ, чтобъ я еще потрудилась. Такъ и прошли вдвоемъ. И назадъ поведу до Шадринскова.

— А тамъ какъ?

— На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ взяла—тамъ и оставлю.

— Да онъ помретъ!

— Ужъ это какъ Богъ. Потому, гдѣ взяла—туда и предоставить его должна. Иначе какъ?

— А тамъ опять къ родителямъ?

— Да, годикъ пережду. Потомъ въ Іерусалимъ-градъ.

— А ты бы замужъ... Поди женихи были?

— Были!.. И худенькое личико дѣвушки все перекосило ненавистью. Были... Какъ не быть, погубители!

— Что-жъ, ты не пошла?

— И не пойду. Наглядѣлась, какъ батюшка маму бьетъ... Всѣ они такіе. На тиранство одно идти, что ли.

— Безъ этого ужъ нельзя... Одначе тоже съ опаской бей!..

— Лучше христовой невѣстой, по святымъ мѣстамъ ходючи, да родительскіе грѣхи замаливаючи...

V. Монашекъ-подростокъ.

«Тятенька мой торговою частью занимаются, тоже и подрядами когда случится. Разъ онъ одинъ подрядецъ взялъ—мость строить. Дѣльцо было бы выгодное, коли-бъ не пришлось съ чиновниками дѣлиться, а то какъ раздастъ половину всего—такъ смотришь у себя въ карманѣ и на лѣсъ не хватитъ. Очень заскучали тятенька, одначе мостъ выстроили, изъ гнилья правда, да все же мостъ. Хорошо... Прошло это, напримѣръ, полгода, вдругъ левизоръ изъ самаго Питера. Тутъ тятенька и очунѣли. Къ тому, къ другому, къ третьему—куда тебѣ! Давай, говорятъ, Богъ, чтобы своя голова уцѣлѣла на плечахъ... Дѣлай, какъ знаешь. «Помилуйте, объясняетъ тятенька, да вѣдь вмѣстѣ брали?» —Про то, отвѣчаютъ, одинъ Господь всемогущій знаютъ, да только они никому не скажутъ. Зря не болтай и ты, потому за безчестье съ тебя большія

еще деньги слупимъ, а то подъ судъ!..» Очення это ошарашило родителя. «Ну, теперь, говорятъ, никто какъ Творецъ небесный!» Назавтра примѣрно назначено свидѣтельство. Съ утра тятенька обѣгали всѣ храмы Божьи и вездѣ молебны съ водосвятіемъ заказали, потомъ и обѣтъ дали: «коли минуетъ, значитъ, чаша сія, такъ быть единоутробному сыну моему у Соловецкихъ угодниковъ одинъ годъ, пусть тамъ работаетъ на святыхъ предстателей нашихъ». Ну, сейчасъ поѣхали къ мосту, а тамъ ужъ вся коммиссія собралась. Питерскій левизоръ-то пѣтушкомъ такъ и поскакиваютъ. На нашихъ чиновниковъ и не похожъ, потому въ ёмъ и фигуры нѣтъ. У насъ квартальный изъ себя значительнѣе, потому онъ себя съ форсомъ держитъ. А этотъ только что чистенькій, да гладенькій. Тятенькѣ ручку подалъ, тятеньку это, значитъ, ободрило.

— Тятька у тебя, поди, большой плутъ былъ?

— По торговой части, по нашимъ мѣстамъ, безъ этого не обойдешься. Потому дѣлиться нужно. Другому вся цѣна грошъ съ денежкой, а ты ему пять сотенныхъ подай, по тому жадность эта у нихъ очень свирѣпствуетъ. Особливо ежели съ купцомъ дѣло имѣютъ.

— Народъ!

— Народъ нонѣ наровитъ, какъ бы тебѣ съ сапогами въ ротъ залѣзть.

— Ну-съ, хорошо. Осмотрѣлъ левизоръ мостъ и очень доволенъ остался. У насъ изъ ели мостъ-отъ строенъ, а тотъ удивляется—какая молъ лиственница отличная! Отлегло отъ сердца у тятеньки... И закурили же они тогда.

— Какъ съ этого случаю не закурить!

— Ну-съ, хорошо. Закурили они. Двѣ недѣли изъ дому пропадали, маменька даже въ полицію объявку подавали. Тамъ успокоили. Будьте благонадежны, говорятъ, тутъ окромя запою ничего нѣтъ. Супругъ вашъ, опричь трактировъ, нигдѣ, въ такихъ чтобъ мѣстахъ не бываютъ. Наконецъ, вернулись тятенька и сейчасъ меня. «Собирайся,—говорятъ,—въ монастырь—великое есть мое усердіе, и значитъ, чтобъ ты тамъ—годъ, тихо, смирно, благородно, потому, можетъ быть, еще такой случай будетъ, такъ угодничковъ Божьихъ обманывать не годится... Пригодятся! Великіе они за насъ грѣшныхъ молитвенники и предстатели. Помни это!» И таково ли все ласково, а допрежь того на всякой часъ тычокъ былъ.

— У васъ, у купцовъ, насчетъ этого очень неблагородно.

— Невѣжество, что говорить.

— Одначе и не учить нельзя.

— А только бей съ разумѣніемъ. Любя бей. Наказуй по человѣчеству.

— Чтó говорить! Извѣстно — господа купцы, поди, не одну скулу вывернутъ.

— Ну-съ хорошо... Снарядили меня, подрясникъ тонкаго сукна сшили, скуфейку бархатную—все, какъ слѣдуетъ, и отправили. Какъ пріѣхалъ я въ монастырь, словно въ рай попалъ. Благолѣпіе, смиренство, насчетъ обращенія — благородно. Точно я опять на свѣтъ родился.

— Работалъ?

— Какъ же! По письменной части занимался... Какъ пришло время къ отцу ѣхать и заскучалъ я..... А тутъ отцы-иноки: оставайся у насъ, потому въ мірѣ трудно, въ мірѣ не спасешься. У меня, говорю, невѣста есть.—«Оженивыйся печется о женѣ, а не оженивыйся о Господѣ»... Думалъ я, думалъ, наконецъ и порѣшилъ въ монастырѣ оставаться. Тятенька сами пріѣзжали. Ничего, не попрепятствовали: живи, говоритъ, потому за твои молитвы Господь меня не оставляетъ.

— Много у васъ изъ купцовъ? вмѣшался я.

— Изъ купцовъ во всемъ монастырѣ—человѣкъ шесть наберется.

— А остальные?

— Изъ крестьянъ все... сами увидите нашу обитель пресвѣтлую.

Монашекъ-подростокъ говорилъ медовымъ голоскомъ, поминутно закатывая глаза вверхъ.

— Много у васъ, поди, чудесъ?—вступила въ разговоръ синяя чуйка.

— Чудесъ у насъ довольно.

— Чтó говорить! А тятенька вашъ какой губерніи будутъ?

— Изъ Сибири.

— Далеконько... Одначе и у насъ по Волгѣ насчетъ подрядовъ — вольно. Дѣло чистое. Съ казной—не съ человѣкомъ... Дѣло чистое. Никого не грабишь, а деньги сами идутъ.

— Какъ кому Господь.

— Извѣстно, безъ него куда уйдешь...

— Одначе и угоднички помогаютъ.

VI. Казни египетскія.

Качка становилась все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, будетъ потѣха, — замѣтилъ морякъ-монахъ другому, машинисту, только-что выскочившему изъ камеры, гдѣ помѣщался котелъ. На этомъ тоже была скуфейка, только онъ снялъ рясу. Все его лицо было словно обожжено зноемъ и окурено дымомъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, холодный воздухъ, навѣваемый все крѣпчавшимъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— А что́, сиверко?

— Да, вишь, оно — боковая и килевая.

— Искушеніе!

Почти вся палуба была покрыта мучениками. Вопли и стоны раздавались всюду. Больные быстро теряли силу; послѣ первыхъ двухъ пароксизмовъ они неподвижно лежали, не имѣя силы даже повернуться «съ одного галса на другой», какъ объясняли моряки-монахи. Нѣкоторыхъ перекатывало съ одной стороны парохода въ противоположную.

— Господи!.. Око всевидящее!..

— Ой, труденъ путь.

— Только-что чайку попила, и таково ли пріятно попила!..

— Помру, отцы родные!

— Монашики благочестивые, бросьте вы меня, рабу, въ море, потому нѣтъ моей моченьки.

— Грѣхи мои тяжкіе!.. За всякій-то грѣхъ теперь... ой...

— Собрать на молебенъ надо бы. На Зосиму и Савватія!.. молебенъ угодничкамъ, — предлагали монахи, — по силѣ возможности.

Публика, разумѣется, струсила еще больше. Молебенъ — значитъ есть опасность. Старухи завыли, какъ сумасшедшія. Юноша въ гороховомъ пальто, полчаса назадъ бодро пожиравшій магнезію, на томъ резонномъ основаніи, что съ кислотами желудка магнезія образуетъ нерастворимыя соединенія и предотвращаетъ рвоту, катался теперь по палубѣ, призывая на помощь святого Тихона Задонскаго и обѣщаясь, по прибытіи въ монастырь, заказать три молебна съ водосвятіемъ. Куда дѣвалась и химія: онъ чуть ли не громче всѣхъ требовалъ молебна, сознаваясь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

— Полноте трусить! никакой опасности нѣтъ, — утѣшалъ его отецъ Иванъ.

Хорошенькую спутницу мою понесли на рукахъ въ каюту. На одно мгновеніе въ глазахъ моихъ мелькнуло блѣдное, словно осыпанное мѣломъ, лицо, подергиваемое судорогами...

Наступала ночь, а волненіе все усиливалось. Паруса собрали: вѣтеръ, пожалуй, изорвалъ бы ихъ въ лоскутья. Валы поднимались выше бортовъ корабля. Пароходъ то вздымался на ихъ гребняхъ, то вдругъ его сбрасывало внизъ, въ клокочущую бездну. Бывали моменты, когда онъ становился почти перпендикулярно. О. Иванъ дѣлался все озабоченнѣе. Вотъ одинъ валъ опрокинулся на палубу и прокатился по ней отъ кормы къ носу.

— Сгоняй народъ въ каюты и трюмы.

Въ одну минуту палуба была очищена. На ней остались только о. Иванъ да матросы, которыхъ сбивало съ ногъ каждымъ порывомъ неудержимо ревущаго нордъ-оста... Отверстія трюмовъ и люки каютъ были закрыты.—Будетъ буря!...—замѣтилъ сквозь зубы о. Иванъ.—«Никто какъ Богъ... Молебенъ бы»—робко проговорилъ рулевой.—Стой у руля, да гляди, куда правишь. Ишь разыгралась какъ!... Я сошелъ внизъ, въ каюту второго класса.

— На дно идемъ! слышались всхлыпыванія батюшки протопопа.

— Господи! Скажи ты мнѣ, Христа ради, давно мы по дну плывемъ?—обратилась ко мнѣ микроскопическихъ размѣровъ старушка...

— Батюшка, приставала къ попу толстая барыня. Кай меня.... Что-жъ ты,—немного погодя повторяла она: — какой ты попъ, коли каять не хочешь.

— Несообразная! подумай, какъ я тебя каять буду, коли у меня ни ряски, ничего нѣтъ. Кайся вслухъ, при всѣхъ. Церковь это допускаетъ.

— Да у меня, можетъ, какіе грѣхи есть! Господи, неужели-жъ безъ исповѣди и помереть.

— Коли въ Соловки, къ угодничкамъ ѣдемъ, такъ все одно, что съ исповѣдью...

— Ты говоришь, нонѣ треска дорогá будетъ?

— Племянникъ сказывалъ, быдто въ Норвегѣ рыба дешевеѣ, — слышалось въ углу.

— Господи! и сколько-то я грѣшила.... Люди добрые, простите меня...

— За чтó простить-то?...—потѣшалась въ углу чуйка, на которую качка не дѣйствовала.

— Какъ послѣ мужа—вдовой значитъ — такъ съ военнымъ офицеромъ спуталась.... Ахти мнѣ горькой.... Пять годовъ спутамшись была.

— Го-го-го!... хохотали въ углу. А давно ли это было, мать?

— Тридцать годковъ, голубчики, тридцать годковъ... Простите вы меня.

— Господь проститъ... Го-го-го... Какъ же это ты, мать, съ офицеромъ?

— По дурости, да по неразумію... Года наши такіе... Опять же въ великій постъ ноне согрѣшила—яичкомъ искусилась...

— Пять годовъ—говоришь, съ офицеромъ? любопытствовала та же чуйка.

— Пять годовъ, родненькій.

— Ну, если пять—ничего.

— За это тоже, поди, на томъ свѣтѣ не похвалятъ... Старуху точно обожгло.

— И сама я знаю, голубчики, что не похвалятъ... Наставьте отцы, какъ мнѣ мой грѣхъ замолить.

— А какъ китъ-рыба насъ въ окіанъ-море потащитъ?—пристала ко мнѣ другая старушка.

— О, Господи, бѣда это наша пришла.

— Вѣруй въ Бога—главное!—наставлялъ попъ.—Вотъ сказано:—не вѣсте ни дня, ни часа... Всѣ, всѣ здѣсь помремъ. Дѣточекъ только своихъ жалко... Какъ-то вы одни сиротами останетесь. Кто-то пріютитъ васъ!.... Вотъ оно—вольнодумство наше...

— Да неужли-жъ мы въ самомъ дѣлѣ потонемъ? — встрепенулся вдругъ молчаливо сидѣвшій въ углу купецъ.

— Ужъ потонули, голубчикъ, ужъ потонули.

— Боже мой!.. Какъ же я тапереча буду... Праведники!

— Потонули... всѣ потонули... На тридцать верстъ можетъ подъ землю ушли...

VII. Море.

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстилалась необозримая даль сѣровато-свинцоваго моря, усѣяннаго оперенными гребнями медленно катившихся валовъ. На небѣ еще ползали клочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутничекъ надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстилался въ воздухѣ, пропитанномъ влагой... На передней части парохода стоитъ ветхій деньми старецъ. Волоса его, рѣдкіе, серебристые, развѣваетъ вѣтеръ, лохмотья плохо защищаютъ тѣло, впалая грудь чуть дышетъ, но взглядъ его неотступно прикованъ къ горизонту. Что́ онъ тамъ видитъ—въ этомъ безграничномъ просторѣ влаги, сливающемся съ еще болѣе безграничнымъ просторомъ неба? Вотъ онъ снимаетъ шапку и медленно творитъ крестное

знаменіе. Онъ молится. Для него это море — громадный храмъ, въ туманной дали котораго, тамъ, гдѣ-то на востокѣ, возносится незримый, невѣдомый алтарь.

Вотъ сквозь клочья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблисталъ на высотѣ широкій ослѣпительный лучъ солнца—и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Божество незримо, но присутствіе его здѣсь чувствуется повсюду.

VIII. Вятскіе хлѣбопашцы.

— Откуда Господь несетъ, кормильцы?

— Изъ Вячкой.

— А изъ уѣзда какого?

— Орловска...

— Знаю, хлѣбородная сторонушка.

— Ничаво... хлѣбъ родится... дюже хлѣбъ родится.

— Вятка хлѣбу матка,—сказано.

— Не то что наша Архангельская губернія.

— Поди, много хлѣба продаютъ.

— Какъ не продавать!... Сами для себя, бываетъ, съ мякиной мѣшаемъ да ѣдимъ... Почти весь въ продажу идетъ.

Я, разумѣется, не повѣрилъ.

— Какъ Богъ святъ, да мы, милой, рѣже вашего архангельца-трескоѣда видимъ цѣльный хлѣбъ-отъ. Вѣрно твое слово, что хлѣба у насъ не впроворотъ, а только другихъ промысловъ у насъ нѣту, недоимки одолѣли... Ну, а хлѣбъ—дешевъ, а хлѣбъ дешевъ — и мужикъ дешевъ. Коли-бъ цѣна на рожь стояла настоящая, мы бы половину хлѣбушка съѣли сами, а другую продали. А то, вѣрь, крещеная душа, какъ передъ истиннымъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, два лѣта назадъ по двоегривенному маклакамъ за пудъ сдали. Впередъ значитъ...

— Хоша бы и по двоегривенничку—да и то денегъ не видимъ. Съ зимы взлѣзли въ долгъ, словно въ петлю, ну и бьемся въ ей... Да ты еще хлѣбъ предоставь на мѣсто къ купцамъ. Вымолотишь его—осень—распутица, пути нѣтъ, жди зимы; какъ зима хватитъ, навалишь хлѣбушка въ сани и везешь. Морозы, вьюга... сколько животовъ на дорогѣ поколѣетъ — страсть! Пріѣдешь въ Орловъ—въ контору—свѣта Божьяго не видишь. Все-то лицо потрескается, скрозь губы кровь идетъ, носъ горой раздуетъ. Моли Бога, что самъ цѣлъ остался.

— А въ городу,—подхватилъ первый,—опять прижимка. Какъ привезъ, глядь—цѣну сбили, отдашь хлѣбъ ни за грошъ, да и пойдешь домой ни съ чѣмъ.

— А и урожаи когда — не легше, потому дешевле купцы эти за хлѣбъ даютъ... аспиды.

— А ты не ругайся; въ кое мѣсто идемъ?

— Больно нутро распалилось, потому у меня прошлой зимушкой чуть съ голодухи вся семья не поколѣла. Тоже, поди, чувство имѣемъ. Невесело—на бабу, да на дѣтокъ малыхъ глядѣть. Душа рвется. Не псы какіе, слава Богу.

— Вотъ и понимай, какова наша матка—Вятка.

— Какъ же вы, братцы, въ Соловки теперь.

— А мы по обѣщанію шли. Изъ одного мѣста всѣ—авось полегчаетъ. Монахи, спасибо, на праходъ даромъ пустили. Очень оголѣли мы ужъ. Какіе достатки были—все ушло.

— Какіе у насъ достатки!

— Жизнь наша,—скажу я тебѣ,—самая подлая. Сытости въ насъ настоящей нѣту, седни—не померъ и ладно. А завтра можетъ и помремъ. Давай молитвы читать, робята; къ такому мѣсту плывемъ...

IX. Бродяжка.

Монастырь былъ уже недалеко. Въ носовой части парохода слышалось молитвенное пѣніе. Звуки мягко и плавно разносились въ безграничности морского простора. У самой кормовой каюты рапсодъ-олончанинъ пѣлъ объ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ, и нѣсколько богомольцевъ и богомолокъ благоговѣйно внимали ему. Это былъ слѣпецъ: голый черепъ, длинная, сѣдая борода, прямыя и правильныя черты лица дѣлали его похожимъ на библейскаго патріарха, сидящаго у входа въ свой шатеръ, посреди выжженной солнцемъ пустыни...

Зеленыя лица показались изъ каютъ, осунувшіяся, измученныя качкой. Люди едва передвигали ноги,—но теперь пароходъ шелъ уже спокойно, миновавъ полосу морской бури. Попутный вѣтеръ надувалъ парусъ, и золотой крестъ на гротъ-мачтѣ неподвижно свѣтился надъ этимъ плавучимъ міромъ.

Въ центрѣ одной изъ палубныхъ группъ сидѣла старушка, вся сморщенная, вся сгорбленная, вся немощная. Казалось, потухающіе глаза съ трудомъ могли видѣть наклонявшіяся къ ней лица; въ одеревенѣвшихъ чертахъ ея выражалось полнѣйшее равно-

душіе во всему; синяя крестьянская понява, босыя ноги, костыль и убогая сума.

— Бродяжка я, голубчики, бродяжка я съизмалѣтства. По градамъ и весямъ все странствую, святое имя Христово прославляя. Отца не помню, а матушка, та—далеко отсюда, на большой рѣкѣ, въ большомъ городу—мѣщанкой была... И какой это городъ, кормилицы, не знаю, и какая это рѣка—не вѣдаю. Еще помню матушку — добрая... А потомъ дорога какая-то, старцы убогиньвіе... Тамъ опять пути-дороженьки... Ну и перепутала все!.. Давно это было!.. Все я на ноженькахъ на своихъ... Все одна странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божіимъ угодничкамъ молилась. Въ Ерусалимѣ-градѣ была, слыхала тамъ, какъ грѣшники во адѣ мучаются, Гробу Господнему поклонилась. Турку тамъ увстрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубитъ, а самъ же тебѣ и хлѣбушка подастъ; хлѣбъ у нихъ бѣлый и тонкій, чтó лепешка, все одно. Еще я тамъ много городовъ видѣла, и всѣ на припекѣ, на солнышкѣ всѣ... Таково ли паритъ — страсть! море знаю, какъ къ Ерусалимъ-граду ѣхать... много насъ тамъ было, и померло много. Такъ Гробу Господню и не поклонились, сердешные!.. Монаховъ эллинскихъ на горѣ Аѳонѣ-святой тоже помню. Суровые... смотрятъ на тебя ненавистно, а въ обителяхъ ихъ, сказываютъ, благолѣпіе неизреченное... Чудеса тамъ на каждой травушкѣ. Извѣстно, мѣсто излюбленное. И въ Кеевѣ была... Градъ святой Кеевъ— тамъ въ пещерахъ тысячи праведниковъ лежатъ, и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ рученькахъ вѣтвь пальмовая, а въ ноженькахъ — каменіе самоцвѣтное. И идешь ты по пещерамъ этимъ, и свѣту нѣтъ — а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливается. И въ темницахъ была я со тати и со разбойники безвинно... За благочестное странствіе свое томилася.

— Да, нонѣ строго! Всякъ человѣкъ при своемъ мѣстѣ состоять долженъ, всякому мѣсто его указано...

— Купцы въ большомъ городу за меня, старицу безчастную, вступилися... Ну, власти земныя и выпустили рабу, и опять пошла я по землѣ крещеной... И въ Сибири была.

— А смертоубивцевъ видѣла?

— Бывало все, кормильцы... все бывало. По Волгѣ разъ... давно, въ лѣсу злого человѣка увстрѣла — молода была тогда, ну онъ и изобидѣлъ меня... очень онъ меня изобидѣлъ... Опять потомъ подъ Смоленскомъ... Все я, раба, снесла, все претерпѣла.

— Много ты, мать, походила?

— Много, кормилецъ, много!.. Таково ли еще ходила, какъ

молода была... Легше вѣтру буйнаго. И все-то поля, поля зеленыя, и все-то снѣга, снѣга глубокіе, бѣлые... Все-то лѣса — тѣнь безпросвѣтная... Тутъ только верхушки шумятъ надъ тобой... тишь... идешь ты, и боязно тебѣ, чтобъ на недобраго человѣка не попасть... А медвѣдь, и человѣка онъ ѣстъ—а странниковъ и странницъ не трогаетъ, потому на это ему предѣлъ положенъ...

Нѣсколько чаекъ спустились на снасти мачтъ... Бѣлыя, ослѣпительно сверкающія подъ лучами солнца. Рѣзкій крикъ послышался надъ нами, словно плачущій.

— Скоро и Соловки наши будутъ.

X. Острова.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія. Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ. На что ужъ отставной военный — и тотъ клалъ земные поклоны.

На лицахъ странницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться.

— Угодничкамъ, Соловецкимъ праведникамъ.

— Собрать бы на молебенъ, братцы?

— Слѣдуетъ,—ободрялъ батюшка, и сталъ собирать деньги въ камилавку.

А острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясные контуры. Что-то словно искра сверкало тамъ, лучась и точно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это—куполъ, братцы; святой соловецкій куполъ.

— Краса!—замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ. Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Прямо съ островозъ неслась къ намъ съ рѣзкими, словно привѣтственными криками громадная стая чаекъ. Точно сотни серебряныхъ платковъ развѣвались въ воздухѣ. Чайки кружились близъ парохода, забѣгали впередъ и вновь отставали. Одна изъ нихъ, описавъ громадный кругъ, смѣло уцѣпилась за крестъ гротъ-мачты, другая, словно камень, упала на палубу, и точно у себя дома заходила между богомольцами. Третья очутилась на

рулѣ парохода, и стала чистить носомъ подъ широко распущенными крыльями.

— Чудеса этто, братъ.

— Птица и та отъ угодничковъ — встрѣчаетъ странничковъ христовыхъ... Тутъ не просто дѣло... Ишь она, что собака къ людямъ, ластится.

— И сподобилъ же Господь увидѣть...

А чаекъ все прибывало и прибывало. Вблизи показались въ водѣ какія-то круглыя, словно нырявшія, головы. Они вмѣстѣ съ волнами то поднимались, то опускались. Ихъ было цѣлое стадо, юровье, какъ называютъ здѣсь.

— Глядь, робя, морской звѣрь проявился. Нерпой прозывается.

— Поди, человѣка дюже жретъ?

— Не... Онъ кроткій, за это ему отъ Господа два вѣка жисти положено.

— А вонъ, бѣлыя головы-то... Это бѣлёкъ... молодая нерпа... дитё малое, неразумное.

— Тссъ!.. Сколь много чудесъ у Господа... На кормѣ монахи пѣли молитвы. Волны все становились меньше и меньше. Солнечный свѣтъ льется мягкими полосами на крупныя вѣковыя сосны утесистыхъ береговъ. Море приняло зеленовато-голубой, почти прозрачный цвѣтъ. Громадные валуны и скалы кое-гдѣ лежатъ посреди тихихъ, никакимъ волненіемъ невозмущаемыхъ водъ. А верхушки этихъ оторванныхъ обломковъ острова уже зазеленѣли, и жалкая пока травка узорчатыми гирляндами спускается внизъ по сѣрымъ поверхностямъ гранита къ цѣлымъ массамъ водоросля, оцѣпившимъ внизу эти глыбы.

Пароходъ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя, песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, вертикально обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ, и «Вѣра» входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые куполы и золотые кресты которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синевѣ безоблачнаго неба.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ. Всѣ глаза устремлены на это мѣсто поклоненія... Всѣ словно ждутъ чуда и боятся пропустить его.

Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается передъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое!» —шепчетъ рядомъ со мною старикъ и опускается на колѣни, поникая сѣдою, какъ лунь, головою.

XI. Монастырь. Гостиница. Святое озеро.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватывало всего, когда я спускался съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя стѣны. Это—постройка циклоповъ. Нѣсколько башенъ высокихъ, съ остроконечными павильонами на верхушкахъ, были сложены изъ тѣхъ же колоссальныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ... Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода... Отъ каждаго камня вѣяло былиною, каждая пядень земли попиралась героями нашей ветхозавѣтной исторіи. И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все вѣетъ новою жизнью: громадное, трехъ-этажное зданіе гостинницы, конно-желѣзная дорога, доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъёмныя машины, деревянное зданіе страннопріимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками; только небольшія бѣлыя часовенки на лугу передъ обителью производятъ непріятное впечатлѣніе. Эти карточныя, прямолинейныя будочки рядомъ съ каменными громадами, пережившими цѣлыя столѣтія и поражающими до сихъ поръ своимъ величіемъ, такъ и вѣютъ буржуазнымъ вкусомъ нашего вѣка, проникшаго даже въ эту аскетическую обитель, схоронившуюся въ бѣломорской глуши отъ всего живого и движущагося.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самою природою, золотятся кресты церквей и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянется зданіе лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжій, весь проникнутый изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремой и влажнымъ покоемъ лѣсъ. Такъ и манило туда.

Но что поразило насъ болѣе всего—это чайки. Ихъ тутъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, по крайней мѣрѣ. Крикъ ихъ не умолкалъ ни на минуту. Ихъ, еще сѣрые, птенцы неуклюже бѣгали въ травѣ у самыхъ стѣнъ монастыря и гостинницы—каждый выводокъ въ своемъ точно опредѣленномъ участкѣ. Тутъ, въ центрахъ этихъ участковъ матки высиживали яйца, нахально кидаясь къ богомольцамъ за подачкою. Чайка сама шла въ руки.

— Господи! Да они нашихъ куръ смирнѣе...

— Отъ Бога имъ повелѣно обитель стеречь.

— Столько ли еще чудесъ тутъ повидаешь... Главное, чтобъ съ чистымъ сердцемъ.

Наконецъ, насъ позвали въ гостинницу, содержимую очень хорошо монастыремъ. Это—красивое трехъ-этажное зданіе. Черезъ просторныя сѣни мы вступили въ корридоръ, посрединѣ котораго была большая комната, куда насъ всѣхъ пригласили. Тутъ каждый, прежде чѣмъ получить нумеръ, долженъ былъ записать, сколько и какихъ именно молебновъ ему требуется; приэтомъ уплачиваются и деньги по установленной таксѣ. Простой молебенъ стоитъ 35 к., молебенъ съ водосвятіемъ 1 р. 50 коп. Заплативъ деньги и получивъ взамѣнъ ихъ марки, мы поднялись наверхъ. Крестьянамъ и кто одѣтъ не совсѣмъ чисто отводится нижній этажъ, гдѣ въ большихъ комнатахъ помѣщается въ каждой около 20 или 25 человѣкъ. Средній этажъ отдѣланъ безукоризненно, съ высокими и просторными комнатами; предназначается чиновникамъ—отъ тайнаго совѣтника и выше до коллежскаго регистратора включительно—и купечеству, которое поприличнѣе. Наверху въ небольшихъ комнатахъ, по 4—5, помѣщаются разночинцы. Понятно, что всѣ эти градаціи отличаются по платью.

— Зачѣмъ это насъ прежде всего на молебны записывать повели?

— Вѣрнѣе... Другой норовитъ на даровщину пожить.

Комнаты средняго этажа оклеены обоями, въ остальныхъ просто выбѣлены. Вездѣ диванъ, стулья, столъ и кровать съ матрацами. Болѣе ничего не полагается. Разумѣется, тотчасъ же по прибытіи богомольцы потребовали самоваровъ. Въ каждомъ корридорѣ, въ комнатѣ іеромонаха, завѣдывающаго имъ, имѣется нѣсколько громадныхъ, вдѣланныхъ въ стѣну самоваровъ, откуда кипятокъ разливается въ большіе чайники на потребу странникамъ...

Видъ изъ оконъ гостинницы на монастырь и бухту—велико-

лѣпенъ. Особенную прелесть придаютъ ему прозрачность воздуха, туманная кайма отдаленныхъ лѣсовъ и необыкновенная, почти южная, синева неба... Чудный уголокъ выбрали себѣ соловецкіе монахи. Тутъ бы хотѣлось видѣть многолюдное населеніе съ звонкимъ смѣхомъ дѣтей, рѣзвящихся въ зелени луговъ, съ улыбками и пѣснями красивыхъ женщинъ, съ косарями не въ клобукахъ и рясахъ.

— Чтò теперь, братцы, дѣлать слѣдуетъ?

— Отецъ іеромонахъ (коррядорный), куда теперь?

— Теперь первымъ дѣломъ въ Святое озеро—купаться.

— Святое?..

— Великая отъ него сила и въ недугахъ исцѣленіе.

И цѣлая ватага вышла изъ гостинницы. Я послѣдовалъ за ними.

Окаймленное лѣсомъ Святое озеро — почти чернаго цвѣта. Одною своей стороной оно примыкаетъ къ стѣнамъ обители. На немъ устроены двѣ купальни—мужская и женская. Мы вошли... Кто-то заговорилъ; его остановили.—Не знаешь, кое это мѣсто? Тутъ, можетъ, колько святыхъ купалось?..

Воцарилось общее молчаніе. Всѣ раздѣлись.

— Крестись, робя... Главное съ вѣрою... Господи, благослови... Нну—вали, шутъ съ тобой! И темныя тѣла грузно плюхнули въ воду. Всѣ плескались серьёзно, точно исполняя религіозный обрядъ. Одинъ взялъ въ пригоршень воды и благоговѣйно выпилъ ее, другой крестился по груди въ водѣ, третій читалъ молитву. Вода была далеко нечиста. Мутная, но мягкая... Въ дверяхъ купальни показался монахъ.

— Благослови, батюшка! Потянулись къ нему голыя руки.

— Мнѣ не дано еще... Господь благословитъ. Каково плавали?

— Потрясло... Дюже трясло.

— Это отъ Господа. Чтобъ грѣхи свои вѣдали и помышленія нечистыя у вратъ обители сложили.

— Рай земной теперича обитель святая ваша... Помогаетъ, говорятъ, вода-то?

— Отъ нутряныхъ болѣстей хорошо дѣйствуетъ, — твердилъ монахъ.

— Возьму-ко-сь... въ бутылочку для хозяйки. У нея нутро палитъ.

— Не воспрещено, возьми.—Монахъ вышелъ. Всякій, оставляя воду, крестился; какъ-то непривычно было видѣть голыхъ бо-

гомольцевъ, клавшихъ земные поклоны на узкомъ помостѣ, окружавшемъ бассейнъ.

Освѣженные, мы вышли и тотчасъ же намъ кинулся въ глаза синій, темно-синій и какой-то блестящій на этотъ разъ морской просторъ, ласково охватывающій этотъ островъ. Прямо передъ монастыремъ изъ зеркальной глади поднимались небольшіе островки и утесы, увѣнчанные часовнями и елями.

XII. Іеромонахъ-огородникъ.

Возвращаясь послѣ купанья я случайно наткнулся на монастырскіе огороды. Между грядами копался главный огородникъ, малорослый, горбатый, колченогій, но съ удивительно добрымъ выраженіемъ неказистаго лица. Ватный черный клобукъ былъ вздернутъ на затылокъ, и какъ-то на бекрень. Онъ съ любопытствомъ оглядывалъ насъ, видимо одолѣваемый охотою поразговориться съ живымъ человѣкомъ. При мнѣ онъ съ тремя даровыми работниками изъ годовыхъ богомольцевъ дѣятельно трудился надъ грядами. Тутъ росли: лукъ, капуста, картофель, огурцы, морковь, рѣдька. Это подъ 65° с. ш., а еще говорятъ, что огородничество невозможно въ Архангельской губерніи. Несмотря на неблагопріятное лѣто—холодное и сухое, овощь шла превосходно.—Мы разговорились.

— Я вячкой. Изъ крестьянъ. Крѣпостнымъ былъ — теперь іеромонахъ. Вотъ, огородомъ заправляю... Что-жъ, поживите у насъ, мы гостямъ очень ради. Очень мы гостей любимъ, потому одичаешь безъ человѣка вовсе... Помолитесь угодничкамъ. Было время, у насъ и пѣли хорошо. Хоръ на славу былъ—да непригоже монастырю этимъ заниматься. Новый настоятель уничтожилъ пѣніе это. Теперь, какъ батька сказалъ: прекратить, такъ и бросили. Самое пустынное пѣніе у насъ нонѣ...

— Зачѣмъ же было уничтожать пѣвчихъ?

— Не подобаетъ монаху о красѣ клирнаго молитвословія заботиться. Просто, пустынно пѣть надо. Чтобы слухъ не занимало. Въ міру—дѣло другое...

— Каковы огороды у васъ?

— Огороды у насъ первый сортъ. Ничего въ городу не покупаемъ. Все, чтó нужно монастырю, здѣсь есть. Отъ сиверка мы лѣсомъ защитились. Одначе и Господь помогаетъ, потому у насъ хозяева такіе, угодные ему — Зосима и Савватій. Хорошіе хозяева, блюдутъ свой домъ и стадо свое охраняютъ.

— Неужели вамъ и въ міръ никогда не хочется?

— Правду скажу тебѣ, не какъ иные прочіе, что̀ отъ міра открещиваются, а сами душой къ нему стремятся,—не привлекаетъ насъ міръ, а почему, хочешь знать? Потому что всѣ мы изъ крестьянъ и было у насъ въ міру, въ Рассеѣ, житье куда горькое. Что въ немъ—въ міру то—грѣхъ одинъ. Ежели помышленія блудныя и одолѣютъ, сдѣлаешь сотни двѣ земныхъ поклоновъ—все отойдетъ... А бѣсъ соблазняетъ... какъ не соблазнять, все бываетъ. А только Господь хранитъ, потому велика его милость и покровъ его надъ нами.

— Неужли въ монастырѣ мало монаховъ изъ духовныхъ или изъ чиновниковъ?

— А, пожалуй, и двадцати не насбираешь. Да и не надо грамотныхъ намъ. Работать не работаютъ, а смута одна отъ нихъ... Грамотности не требуется. Соблазну меньше, мы вѣдь здѣсь по простотѣ.

— А всѣхъ-то сколько?

— Съ послушниками—поди, сотъ пять будетъ. Много насъ; сказано — обитель святая... Други милые, вы поотдохните немножко,—ласково обратился онъ къ работникамъ. Чайки только одолѣваютъ насъ. Расподлая птичка. Страсть, какъ она огороды клюетъ. Мы было вересомъ обсаживать стали—не помогаетъ. Лисицъ у насъ много, повадились тѣ яицы у чаекъ ѣсть; что-жъ бы ты думалъ? Чайки-то подкараулили и выклевали глаза у лисицъ.

— Будто?

— Вѣрное мое слово. Она птичка умная. У ней у всякой свое мѣсто есть, которая съ яйцами или птенцами. Всякая мать свою округу имѣетъ, а другія уважаютъ это. Сторонняя чайка ни за что на ея землю не зайдетъ, издали перекрикиваются.

— А съ чего это они пароходъ встрѣчаютъ.

— Тучей летятъ. Это они не праходъ, а богомольчей; какъ заслышутъ свистокъ, такъ и летятъ: потому богомольчи прикармливаютъ ихъ, они и любятъ. Нонѣ, батька, велѣлъ лисицъ разводить, чтобы чаекъ уничтожить, потому одолѣли.

А между тѣмъ, несмотря на нелюбовь монаховъ, чайки придаютъ этому монастырю особенно поэтическій оттѣнокъ. Бѣлыя стаи ихъ безпрестанно кружатся въ воздухѣ, описывая громадные и красивые круги надъ старинными стѣнами. Рѣзкій крикъ ихъ, когда къ нему попривыкнешь, а это бываетъ въ первый же день, кажется даже пріятнымъ для уха. Онъ немолчно раздается въ монастырѣ и днемъ и ночью. Въ немъ есть что-то радостное, задорное, возбуждающее. Да и что за красивая птица сама чайка!

Серебристо-бѣлая, граціозная, она великолѣпна, когда, широко разбросивъ крылья, сверкаетъ высоко надъ вами, кокетливо ныряя въ синемъ небѣ. Хохлатые, большеголовые, сизые и сѣрые птенцы ихъ также не лишены нѣкоторой красивой неуклюжести. Они по цѣлымъ часамъ стоятъ, уставясь носомъ въ землю и разсуждая о чемъ-то весьма глубокомысленно.

Мы невольно любовались хорошо содержимыми огородами.

— У насъ еще въ Макарьевской и Савватьевской пустыняхъ огороды есть. Арбузы, дыни, персики и разную нѣжную ягоду въ теплицахъ разводимъ; потому краснобаевъ у насъ мало, зато работниковъ да знающихъ людей много. Всякій свое дѣло несетъ. Со всѣхъ концовъ Россіи къ намъ сходятся, ну мы и присматриваемся, что̀ гдѣ лучше, такъ и дѣлаемъ.

Обращеніе іеромонаха-огородника съ рабочими-міурянами было почти нѣжно. Эту черту потомъ мы замѣчали у всѣхъ монаховъ. Они дѣйствительно братски относятся къ забитому и загнанному крестьянину. Оно и понятно. Почти всѣ монахи вышли изъ этой среды; произнося обѣты отрѣшенія отъ жизни, они не могли окончательно порвать всѣ связи съ своимъ прошлымъ. Имъ не разъ поминается томительная безкормица далекаго, снѣгомъ занесеннаго села, гдѣ съ утра до ночи надъ непосильною работою изводятъ свои силы ихъ матери, братья и сестры. Отсюда любовь къ богомольцу-рабочему. Несладка жизнь послѣдняго дома, и его пребываніе въ монастырѣ—мирный отдыхъ. Повсюду его встрѣчаетъ братская ласка, привѣтное слово, улыбка. Ихъ иначе не называютъ, какъ други, голубчики, кормильцы. Крестьянинъ оживаетъ здѣсь и бодро смотритъ впередъ, мечтая, рано или поздно, войти въ эту добрую рабочую семью въ качествѣ ея полноправнаго члена. Кромѣ того, надо отдать справедливость соловецкимъ монахамъ, они и сами ѣдятъ хлѣбъ въ потѣ лица своего. Они трудятся, какъ дай Богъ трудиться каждому міранину. Монахъ, напримѣръ огородникъ своимъ рабочимъ, подаетъ первый примѣръ труда; онъ не ограничивается ролью наблюдателя, но самъ прикладываетъ руки къ дѣлу, возится въ грязи и въ концѣ-концовъ сдѣлаетъ больше всякаго богомольца. Такъ у нихъ вездѣ. Поэтому хозяйство ихъ цвѣтетъ, и монастырь, помимо своего аскетическаго значенія, имѣетъ всѣ признаки хорошей рабочей общины. Даже намѣстники работаютъ, какъ простые чернорабочіе, исполняя разныя «послушанія», не говоря уже о разныхъ іеромонахахъ, которые, кромѣ мантіи, надѣваемой въ церковь и за трапезу, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ иноковъ.

XIII. Кузница и горны.

— Хозяйство у насъ основательное. Монастырь—хозяинъ хорошій. Все свое. Посмотри, посмотри, намъ даже оно и пріятно, если любопытствуютъ. Все во славу обители святыя. Посмотри литографію нашу, да кожевню, заводы, да мало ли чего у насъ нѣтъ. Не перечтешь. А это вотъ наша кузница будетъ.

Кузницей заправляютъ два монаха. При нихъ съ десятокъ годовыхъ богомольцевъ.

— Чтó это за двухъ-этажное зданіе?

— Для огородниковъ. Вонъ тамъ дома—тоже въ два этажа выведены—годовые богомольцы живутъ.

Мы отправились осматривать кузницу. Скрыпя, отворилась желѣзная дверь. Насъ обдало запахомъ каменнаго угля. Громадное черное помѣщеніе кузницы, словно подземелье, охватило насъ мракомъ, который не могли разсѣять даже закоптѣвшія, продѣланныя въ стѣнѣ окна. Въ темнотѣ передъ нами высились какія-то массы, неподвижные силуэты, столбы. Полъ весь былъ заваленъ кучами угля. Въ самомъ глухомъ углу, тлѣвшій въ горнѣ огонь тускло сверкалъ. Лѣтомъ работы бываетъ мало—монастырь занятъ богомольцами.

— Зимой зато кипитъ дѣло. Зимой мы ото всего свѣту отрѣзаны. По морю плавать нельзя — льды, мы тутъ по душѣ и живемъ. Ни надъ нами, ни подъ нами никого. Молимся Богу да работаемъ. А работа, извѣстно—та же молитва... Хорошо у насъ зимою... Никуда бы не ушелъ.

— Будто бы такъ никуда не хочется отсюда? И молодые не рвутся въ міръ?

— Молодые?—Монахъ призадумался.—Бываетъ дѣйствительно, кто изъ купечества, да изъ благородныхъ въ монахи идутъ... Тѣ тоскуютъ... Тѣ шибко тоскуютъ. Измаются, особливо ежели весною, какъ это снѣга почнутъ таять, да подъ сугробинками ручьи побѣгутъ, такъ словно потерянные ходятъ. А какъ море очистится, такъ стоятъ по бережкамъ, да въ синь широкую глядятъ, иной мается, мается, плачетъ... Въ лѣса пойдетъ — пѣсни поетъ. Хорошія бываютъ пѣсни, не духовныя. Измаемся, глядя на нихъ. Другой первое время ничего, слюбится... А потомъ, годковъ черезъ пятокъ и потемнѣетъ весь. Находитъ это на нихъ. Только вѣдь изъ купцовъ да изъ дворянъ у насъ мало. Все больше крестьянство; ну, тѣмъ легко, тѣ ради. Работаютъ, да Господа Бога славятъ.

— У другого, пожалуй, семья, по ней тоскуетъ.

— Былъ одинъ. Жена молодая, сказываютъ, у него въ Питерѣ оставлена. Тотъ, бывало, лѣтомъ ляжетъ на лугъ да и смотритъ по часамъ цѣлымъ на небо. Подойдешь къ нему—не слышитъ, только слезы текутъ, да про себя шепчетъ что-то, — дьяволъ смутьянитъ. Изъ этихъ больше и выходятъ настоящіе схимники... Какъ онъ преодолѣетъ себя—такъ словно закаменѣетъ совсѣмъ человѣкъ. И лицо такое неподвижное станетъ и глаза потухнутъ. Слова ты у него тогда не доспросишься. Въ себя уйдетъ человѣкъ, все молитвы читаетъ, да поклоны бьетъ. Отъ этихъ и пользы монастырю мало. Плохіе они работники... А вотъ и наши кузничныя печи.

Жутко было тутъ, въ этомъ черномъ подвалѣ. Откуда-то смутно доносился говоръ, а здѣсь стояла мертвая недвижная тишина. Зато необыкновенный эффектъ должна производить эта громадная кузница зимою. Кругомъ нея мракъ, тяжелый сырой мракъ, а въ ней ярко блистаютъ багровые огни, слышится стукъ молотовъ и сыплются цѣлые потоки яркихъ серебряныхъ искръ.

— Это у насъ крестьянинъ одинъ устроилъ... Спаси Господи его душу... Наверху и кузнецы наши живутъ...

Тутъ, кромѣ пароходныхъ машинъ, монахи дѣлаютъ ножи, косы, топоры, короче—все, чтó нужно въ ихъ обиходѣ; желѣзо для этого покупается пока въ Архангельскѣ и Норвегіи, но уже при мнѣ монахи собирались добывать его, устроивъ заводъ въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ болотная желѣзная руда находится въ изобиліи и гдѣ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени она никѣмъ не разработывается. Явился какой-то аферистъ, пруссакъ, разорилъ мѣстныхъ крестьянъ, да и былъ таковъ.

XIV. Монашеская школа.

День былъ свѣтелъ и ярокъ. Такъ и манило въ лѣса, окружавшіе обитель, въ ихъ прохладную глушь и тьму. Синее море нѣжно охватывало острова, едва подернутое легкою, чуть замѣтною рябью. Мы шли между двумя рядами деревянныхъ двухъэтажныхъ зданій, внѣ монастырскихъ стѣнъ. Въ однихъ помѣщались рабочіе, въ другихъ мастерскія. Между ними одно намъ кинулось въ глаза, это—зданіе школы. Лѣстница вела въ большія прохладныя сѣни. Внизу было пусто. Наверху — корридоръ. На-лѣво — рядъ небольшихъ дверей, числомъ съ 25, направо— просторныя комнаты двухъ классовъ.

Ни души живой. Только гдѣ-то густымъ басовымъ голосомъ

жужжала муха, да смутно сквозь запертыя окна слышались крики чаекъ. Мы стали пробовать двери—не отперта ли какая-нибудь. Наконецъ одна пріотворилась. Оказалась маленькая коморка шаговъ пять въ длину и три въ ширину. Тутъ на узенькой кровати спалъ старикъ-монахъ. Мы его разбудили. «Можно осмотрѣть школу?»...

— Сейчасъ!—заторопился тотъ... Ключи... Гдѣ это ключи дѣвались?

Школа устроена для мальчиковъ, которые на зиму при монастырѣ остаются. Ихъ учится здѣсь до ста. Тутъ въ этихъ коморкахъ они и живутъ.

— Ну, однако, и тѣсновато имъ.

— Да, вѣдь, они тутъ только ночуютъ. Утро—на работѣ, потомъ трапезуютъ, опосля по дворамъ бѣгаютъ, въ лѣса уходятъ—кто во что. А вечеромъ въ школу.

— И давно эта школа открыта у васъ.

— Въ шестьдесятъ-второмъ. Архимандрита Пароенія—усердіемъ. Я тутъ сторожемъ состою.

Мы вошли въ школу. Большая комната, черныя нары, каѳедра. На стѣнахъ развѣшаны старинныя карты. На окнѣ *самодѣльный*, но вѣрный глобусъ, по словамъ монаха, сдѣланный однимъ изъ мальчиковъ.

— На карту посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и сдѣлалъ шаръ-отъ по картѣ.

Мы посмотрѣли, и дѣйствительно подивились. Сколько для крестьянскаго мальчика надо было потратить соображенія и труда, чтобы сдѣлать этотъ глобусъ. И подумать, что всѣ его способности должны пропасть безплодно—въ стѣнахъ монастыря: грустное чувство охватывало насъ при этой мысли.

На стѣнѣ была табличка уроковъ: оказалось, что ежедневно на классъ посвящается отъ 2—3 часовъ времени. Привожу росписаніе уроковъ цѣликомъ:

1. Понедѣльникъ: Законъ Божій. Чтеніе св. писанія. 2. Вторникъ: Исторія ветхаго и новаго Завѣта. 3. Среда: объясненіе Богослуженія. 4. Четвергъ: упражненіе учениковъ въ чтеніи молитвъ подъ руководствомъ всѣхъ наставниковъ вмѣстѣ. 5. Пятница: исторія церкви и государства русскаго. Географія. Ариѳметика. 6. Воскресенье: письмоводство.

Итакъ, только два часа въ недѣлю опредѣлено на русскую исторію, географію, ариѳметику. Затѣмъ все остальное время занято чисто духовными предметами. Понятно, что такая школа, при ласковомъ обращеніи съ учениками монаховъ, приготовляетъ

изъ дѣтей будущихъ кандидатовъ въ обитель. Тутъ они проникаются до мозга костей аскетизмомъ и духомъ монастырской общины. Возвращаясь домой, въ свои города, села и деревни, они спятъ и видятъ, какъ бы опять поскорѣе попасть въ монастырь, и уже навсегда.

— Наказываютъ монахи учениковъ?

— Чудно это дѣло, братецъ мой: безъ розги обходятся — а дѣти шибко учатся. Чтобъ это кто лѣнился—николи! Дѣтки такое усердіе имѣютъ, что другъ передъ дружкой стараются.

— Много идетъ ихъ въ монастырь потомъ?

— Всѣ, почитай; рѣдкій не вернется въ обитель... Потому духъ этотъ почіетъ въ нихъ.

— И молодыми поступаютъ?

— Да, подросточками. Годковъ по шестнадцати, по семнадцати... [1])

Кромѣ этого класса, есть еще младшій, гдѣ учатъ молитвамъ, чтенію и письму. Цѣлесообразно вообще направляетъ монастырь свою дѣятельность. Мальчикъ является сюда забитымъ и запуганнымъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома—грязь, нищета, пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы: недоимка одолѣла, становой притѣсняетъ, старшина куражится, староста пропилъ казенныя деньги — всякъ отвѣчай за него своимъ карманомъ; дома, деревенскій мальчикъ ростетъ какъ волченокъ, чуя за собою постоянную травлю, видя, что та же травля одинаково преслѣдуетъ и взрослыхъ.

Въ монастырѣ онъ разомъ сталкивается съ инымъ міромъ, съ иною привольною жизнью. Тутъ его никто не бьетъ. Съ нимъ обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него, какъ на свое дитя. Потребность любить пробуждается въ старческомъ сердцѣ аскета, и онъ серьёзно привязывается къ крестьянскому мальчику, какъ къ родному. Товарищи, войдя въ общій тонъ обители, обращаются съ нимъ ласково. Онъ всегда сытъ: изобильный обѣдъ, ужинъ, хлѣба, мяса и рыбы въ волю; ѣшь до отвала. Первое время, дѣйствительно, онъ только ѣстъ да спитъ. Одѣтъ онъ опрятно и чисто. Бѣлье ему мѣняютъ въ недѣлю по два раза, нѣтъ своего подрясника—ему выдадутъ новый изъ монастырской рухлядной кладовой. На работѣ его не томятъ. Работай, сколько можешь, сколько есть усердія, потому что эта работа не на хозяина, а на св. Зосиму и Савватія. Грязи, нищеты не видать нигдѣ. Пьяныхъ и подавно. Жалобъ на судьбу, недоимку, подать

[1]) Въ послѣднее время мѣры, принятые Св. Прав. Синодомъ, посократили значительно случаи поступленія въ монастырь такого громаднаго количества послушниковъ, какъ прежде.—*Прим. авт.*

и повинности не слыхать; короче — приволье, рай земной, обѣтованная земля для крестьянскаго забитаго ребенка.

Понятно, что несчастный мальчуганъ въ восторгѣ отъ обители. Это для него—идеалъ земного счастія и благополучія. Чего еще искать, куда еще идти? А тутъ на помощь является школа, гдѣ каждый день ему твердятъ о великомъ подвигѣ спасенія, о грѣховности міра, о невозможности сохранить душу свою внѣ предѣловъ обители. Умъ его настраивается на монашескій ладъ. Онъ совершенно становится монахомъ. Пропадаетъ рѣзвость движеній, гаснетъ смѣлый взглядъ, рѣсницы опускаются внизъ, шаги становятся размѣренными, самая рѣчь подъ вліяніемъ школы дѣлается похожею на церковно-славянскую. Годъ такой жизни—и будущій монахъ готовъ. Чтó его удержитъ въ мірѣ? Любовь къ семьѣ? Но въ этой семьѣ онъ видѣлъ брань, колотушки, холодъ и голодъ. Стремленіе къ брачной жизни? Онъ еще не доразвился физически до этого. Онъ и идетъ въ монастырь, считая величайшимъ для себя счастіемъ попасть туда. Обитель становится его отечествомъ, его вѣрою, его жизнью. Это—самый лучшій монахъ. Онъ много работаетъ и мало разсуждаетъ. Не умѣетъ руководить и приказывать — зато слѣпо повинуется самъ. Отсюда понятно недоброжелательство монаховъ къ чиновникамъ, дворянамъ, купцамъ, поступающимъ въ обитель. Эти, пожалуй, не подчинятся строгой дисциплинѣ, на которую тѣ смотрятъ, какъ на легкое бремя, и даже не какъ на бремя, а какъ на легкую и пріятную обязанность. Эти станутъ разсуждать, станутъ сѣять соблазны въ ихъ средѣ. Да, наконецъ, и въ прошломъ этихъ прозелитовъ столько свѣтлаго, что они никогда не съумѣютъ порвать съ нимъ свои связи. Отсюда тоска, заражающая другихъ, недовольство и, наконецъ—чего монахъ особенно не любитъ—оставленіе монастыря, разстриженіе.

Впрочемъ, въ Соловкахъ послѣднее случается очень и очень рѣдко.

XV. Самородки.

Въ трапезной Соловецкаго монастыря я видѣлъ картины художниковъ-самоучекъ. Первыя ихъ произведенія обнаруживали яркій талантъ, послѣднія бывали безжизненны, сухи, бездарны. Явился-было одинъ мальчикъ, подававшій большія надежды. Его ученическіе эскизы дышали смѣлостію, чутьемъ художественной правды. Даже монахи были поражены ими. Обитель послала подростка въ Москву, въ художественную школу. Тамъ юный талантъ окончилъ курсъ и вернулся въ монастырь. Рисунки этого

періода его жизни—хороши. Но по всѣмъ послѣдующимъ можно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ аскетизма, мертвенности, неподвижности, застоя жизни, гасъ его талантъ. Линіи рисунка выпрямляются, выраженіе лицъ становится все болѣе сухимъ, иконописнымъ. А хоть тотъ же мальчикъ, сообразившій, какъ по ландкартамъ сдѣлать глобусъ? Развѣ не скрывался въ немъ талантъ? Къ сожалѣнію, и онъ погибъ для жизни и науки! Вотъ, напр., разсказъ одного монаха.

— Привезъ къ намъ инокъ брата своего, зырянскаго мальчика. Оставилъ въ монастырѣ. Пугливъ мальченко былъ. Привели его въ классъ, показали азбуку — къ вечеру онъ ужъ и знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ. И чтó ему ни показывали, все понималъ разомъ. Книги читать началъ—не оторвешь бывало. Мѣсяца черезъ четыре лучше монаховъ все священное писаніе зналъ. Память такая, что прочтетъ страницу, и все разскажетъ слово въ слово. Взялъ библію на славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ (одинъ монашекъ, изъ поповъ, помогъ ему), черезъ три мѣсяца ужъ и латынь зналъ. Задачи какія ариѳметическія—разомъ понялъ. Учителя своего втупикъ ставилъ. Задастъ бывало учителю задачу, тотъ бьется-бьется надъ ней, а зырянинъ смѣхомъ рѣшитъ. Любознательности у него гибель было. Ничего мимо не пропуститъ. Такихъ способностей я на вѣку своемъ не видывалъ. Просто умъ помутится, какъ поговорить съ нимъ. Такой ли острый парень! Ну, только и предсказывали мы ему, что долго не проживетъ. Потому Господь не даетъ такимъ долгаго вѣка. Пробовали его отъ книгъ отваживать, на черную работу посылали—мигомъ покончитъ работу и опять за книгу. Мастерство завелъ — деревянные часы своимъ умомъ сдѣлалъ. Потомъ монастырь весь до малѣйшей подробности изъ хлѣба слѣпилъ. Все для подъёма воды колеса разныя придумывалъ. Братъ, бывало, отниметъ у него книгу—выпроситъ со слезами и опять читаетъ. Такъ года два или три шло. Просто мы диву дались. Однако знали, что не къ добру это .. Уговаривали его бросить—засмѣется въ отвѣтъ, да и только. А въ это время пріѣхало къ намъ важное лицо, ему и показали этого мальчика, потому—чудо. Только въ нашей обители и могутъ проявиться такіе. Подивился и тотъ: часа два говорилъ съ мальчикомъ, задавалъ задачи, какія у насъ и не снились никому; думали смутится парень—ничего. Все рѣшаетъ, и быстро такъ. Велѣли ему ѣхать въ Питеръ, тамъ его въ какое-то училище опредѣлили. Чтó же бы вы думали—въ три года онъ на двѣнадцати языкахъ говорилъ! Къ брату писалъ оттуда. А потомъ слухъ прошелъ, что

послали его въ Парижъ, на всемірную выставку, тамъ на выставкѣ этой и померъ.

— Отчего же онъ умеръ?

— Потому въ монастырѣ у насъ—строго. Въ Питерѣ братъ тоже своимъ его препоручилъ, въ оба за нимъ глядѣли. Ну, а въ Парижѣ во вся тяжкія пустился, отъ женщинъ, отъ блудницъ вавилонскихъ этихъ, и сгорѣлъ. Вотъ она судьба! А остался бы въ монастырѣ, доселѣ былъ бы живъ во славу обители. Очень мы его жалѣли. Извѣстно, міръ — въ немъ спасенія нѣтъ. Кто изъ монастыря туда уйдетъ — сгніетъ, какъ червь. Богъ такимъ не даетъ долгаго вѣка,—не посрамляй обитель святую.

Стою я какъ-то у берега Святого озера. Было это вечеромъ, на третій день моего пріѣзда въ Соловки. Солнце уже заходило. День не становился темнѣе, потому что въ это время здѣсь ночи нѣтъ. Но изъ лѣсу уже ползла сырая мгла. На водѣ погасли искры, и вся ея гладь лежала какъ тусклая сталь, только съ береговъ опрокинулись въ нее силуэты темныхъ сосенъ. Прямо передо мною черезъ озеро поднимались стѣны монастыря.

Вижу, ко мнѣ робко подходитъ молодой монахъ изъ послушниковъ. Мы заговорили.

— У меня къ вамъ дѣло есть.—И онъ замялся.

— Сдѣлайте одолженіе: радъ служить, чѣмъ могу.

— Правда, что вы пишете въ газетахъ и журналахъ? Мнѣ братъ одинъ сказывалъ.

— Правда.

— Ахъ, давно я хотѣлъ повидать кого-нибудь изъ писателей. Я тоже (онъ покраснѣлъ) стихи пишу. Только не знаю, чтó выходитъ. Дрянь, должно быть... А можетъ и есть чтó.

Меня поразила симпатическая наружность этого юноши. На блѣдномъ лицѣ его ярко сверкали крупные черные глаза, волоса роскошными прядями обрамливали высокій лобъ, только какое-то болѣзненное чувство тоски лежало въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи проглядывало что-то робкое, какая-то неувѣренность въ себѣ.

— Какъ вы сюда попали? наконецъ спросилъ я.

— Это невеселая исторія, началъ онъ. Стóитъ ли только разсказывать?.. Любилъ я дѣвушку одну... Ну и она тоже... Чудо-дѣвушка была. Года два такъ шло. Вдругъ родители взяли, да и выдали ее за какого-то пьяницу-чиновника силкомъ, потому они тоже чиновники были, ну, а я изъ мѣщанъ. Чуть я не утопился тогда. Прошло мѣсяца три — она возьми, да и убѣги ко мнѣ. Отняли съ полиціей. Побоевъ сколько было!... Вынесла, бѣдная,

немало и... заболѣла чахоткою, — черезъ силу проговорилъ онъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ. Проболѣла недолго. Весною, въ первые теплые деньки и Богу душу отдала. Что было со мною—не знаю. Сталъ я ходить на ея могилу; только и счастія было, что поплачешь надъ ней... Ну, а какъ пришла зима, да занесло все снѣгомъ, такъ такая меня тоска тогда обуяла, что порѣшилъ я бросить все, и уйти въ монастырь. Лѣтомъ и пошелъ сюда пѣшкомъ... А какое созданіе славное было... Знаю, что большой грѣхъ думать объ этомъ, да такъ ужъ съ вами душу отвелъ.

— Вы учились гдѣ-нибудь?

— Гдѣ учиться. До четвертаго класса гимназіи дошелъ, да оттуда отецъ силой взялъ—въ лавку надо было.

— Чтó же вы пишете?

— Стихи. Я, признаться, и въ міру стихи писалъ. Да то—другое дѣло.

— Пробовали вы посылать куда-нибудь?

— Куда?.. И то хоронюсь. Неприлично это монаху.

— Неужели вы думаете постричься окончательно?

— А то какъ? *Тамъ* мнѣ нечего дѣлать. Здѣсь хоть за ея душу молиться стану.

Онъ прочелъ мнѣ свои стихотворенія. Они были необработаны, риѳма не совсѣмъ удачна, размѣръ не соблюденъ — но какая сила выраженія, какіе яркіе образы! Талантъ такъ и звучалъ въ каждой строкѣ ихъ. Они были проникнуты чувствомъ великой скорби. Только порою въ нихъ отчаянно прорывался бурный, бѣшеный порывъ измученной души. Тоску они навели на меня. Жаль было видѣть такое дарованіе, схоронившемся въ монастырѣ.

Всѣ мои убѣжденія были напрасны.

— Перстъ Божій! — твердилъ онъ. — Да и чтó изъ меня будетъ тамъ... Въ мірѣ нѣтъ спасенія.

XVI. Кожевня и кирпичный заводъ.— Экономическое положеніе монастыря.

Нужно отдать Соловецкому монастырю справедливость. Это хорошій работникъ и хозяинъ. Начиная съ намѣстниковъ и членовъ собора, здѣсь работаютъ всѣ и каждый. Часто іеромонахъ справляетъ черную работу и не претендуетъ на это. Онъ только совершаетъ «послушаніе». Сюда стекаются изъ разныхъ концовъ

Россіи. Тутъ есть монахи съ Кавказа, изъ-за Волги, изъ Западнаго края, изъ Крыма, изъ Сибири, изъ Турціи. Всякій приноситъ съ собою какое-либо знаніе, кто по хозяйству, кто по механикѣ. Оттого въ монастырѣ вездѣ, гдѣ возможно, ручной трудъ замѣненъ машиною, и непремѣнно мѣстнаго изобрѣтенія. Даже вода въ гостинницы и монастырь не разносится носильщиками, а поднимается въ каждый этажъ посредствомъ ловко и удобно устроенныхъ воротовъ. Никто не долженъ находиться въ бездѣйствіи—вотъ принципъ этой аскетической рабочей коммуны.

Монахъ идетъ на работу безпрекословно. Ни недовольства не выскажетъ, ни о замѣнѣ его другимъ не попроситъ. Этому особенно способствуетъ то, что $^5/_6$ всего числа иноковъ больше крестьяне и только $^1/_6$ изъ другихъ сословій. Первые и внѣ стѣнъ монастыря привыкли работать, и работать впроголодь.

— Разъ какъ-то я стѣну работалъ и затомился, такъ затомился, что руки поднять не могу. А хотѣлось стѣну вывести, не откладывая до другого раза. Ну, и сталъ я на колѣни, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, помолился святому Зосимѣ-Савватію, и вдохнули хозяева наши силу въ меня. До самаго до вечеру безотходно проработалъ. Стѣну и окончилъ.

Монахи имена святыхъ Зосимы и Савватія произносятъ, какъ одно имя *Зосимсавватій.*

Понятно отсюда, какъ развилась въ Соловецкомъ монастырѣ такая производительность, какая не снится и Архангельску. Здѣсь строятъ пароходы, чинятъ ихъ, литографируютъ, дубятъ кожи, приготовляютъ кирпичи; тутъ есть конно-желѣзная дорога, фотографія, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восковщики, механики, скотоводы, сыровары, строители, архитекторы; тутъ есть магазины, великолѣпныя хозяйственныя помѣщенія, кладовыя, квасныя и пекарни; монастырю принадлежатъ два парохода и морская шкуна, на которой монахи ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, кузнецы, гончары, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы, даже золотопромышленники. Короче,—отрѣзанный въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ отъ всего остальнаго міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего нигдѣ не покупаетъ, а все, чтò ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, крупъ и каменнаго угля. Эта кипучая дѣятельность производитъ поразительное впечатлѣніе на людей, видѣвшихъ такія обители, каковы Троицко-Сергіевская, Юрьевская и др., не труж-

дающіяся и не обремененныя, но все же вкушающія отъ плодовъ земныхъ въ изобиліи.

Соловки прежде вываривали до 400,000 п. соли на бѣломорскихъ берегахъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ; кромѣ того въ первомъ они разработывали желѣзо, серебро на Мурманѣ и отправляли промысловыя партіи на Новую Землю. Такимъ образомъ, эта рабочая община исторически выработала свои настоящія формы. Разумѣется, благосостоянія, удивляющаго теперь богомольцевъ, они не достигли бы своими средствами исключительно. Тутъ отчасти важное значеніе имѣли приношенія богатыхъ крестьянъ архангельскихъ, олонецкихъ, вологодскихъ, вятскихъ и пермскихъ, и особенно обиліе даровыхъ рабочихъ рукъ. Добровольныхъ работниковъ-богомольцевъ остается въ монастырѣ на годъ не менѣе четырехсотъ человѣкъ. Считая каждый рабочій день въ 30 к. (minimum), мы получимъ сумму, остающуюся въ пользу монастыря,—120 р. въ день или 43,800 р. въ годъ, считая число мальчиковъ во 100, и принимая, что рабочій день каждаго изъ нихъ станетъ 10 к., или всѣ 10 р. въ день и 3,650 р. въ годъ. Всего даровой трудъ приноситъ обители доходу—47,450 р. Ежегодно по разсчету монастыря у нихъ перебываетъ до 15,000 богомольцевъ. Считая, что каждый изъ нихъ принесетъ въ монастырь по 10 р. (minimum); а обойдется монастырю въ 2 р. (maximum), получимъ 120,000 р. Часовня обители, находящаяся въ Архангельскѣ, подворья, гдѣ квартиры, лавки и кладовыя отдаются въ наймы, приносятъ ежегодно 10,000 р., да пароходы около 15,000 р. Итого, кромѣ неопредѣленныхъ, чрезвычайныхъ пожертвованій, вкладовъ и т. п., монастырь имѣетъ ежегоднаго, правильнаго, неизбѣжнаго дохода около 200,000 р. Процентовъ съ принадлежащихъ ему капиталовъ монастырь, какъ мы слышали, получаетъ 25,000 р. Прибавьте, что для себя Соловки покупаютъ только хлѣбъ въ Архангельскѣ и каменный уголь въ Англіи, что все необходимое производится здѣсь и въ такомъ излишкѣ, который допускаетъ продажу на сторону, достигающую до 30,000 р., и вы тогда сообразите, насколько богата эта община. Тѣмъ не менѣе истинныя средства ея выше показанныхъ нами. Монастырь своею работою содержитъ себя самъ. Онъ могъ бы легко обойтись и безъ всѣхъ этихъ рессурсовъ, которые только увеличиваютъ его фонды, неподвижные, не пускаемые въ обороты, его лежачій капиталъ. Если бы обратить въ деньги движимое и недвижимое имущество монастыря, т.-е. самые острова, составляющіе его собственность (грамоты Мароы Посадницы, Іоанна IV Грознаго и пр.), строенія, скиты, паро-

ходы, суда, доки, всѣ его производительныя заведенія фабрично-заводскаго характера, его церкви, ризницу, часовни, его табуны и стада, его подворья въ другихъ мѣстахъ, то получилась бы сумма, навѣрно превышающая 10.000,000 р. И все это цвѣтетъ, всѣ производства совершенствуются и расширяются. Вотъ краткій очеркъ экономическихъ средствъ монастыря. И это развилось въ глуши, посреди негостепріимнаго Бѣлаго моря, безъ всякаго участія грамотныхъ, образованныхъ классовъ, среди горсти крестьянъ, пріявшихъ иноческій чинъ и съумѣвшихъ въ теченіи четырехъ столѣтій обратить голые соловецкіе камни въ чудные оазисы, поразительные своею оригинальною красотою, богатствомъ и производительностію.

Прежде средства монастыря были еще значительнѣе. Несмотря на улучшеніе путей сообщенія на сѣверѣ, устройствомъ пароходства по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ—обѣднѣніе нашего крестьянства дошло до той степени, что оно отразилось и на доходахъ монастыря. Прежде не только богомольцевъ было больше (до 25,000 ч.), но и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе. Такъ еще недавно, какъ мы слышали, цифра такихъ приношеній доходила до 280,000 р. Разумѣется, всѣ эти данныя только приблизительно вѣрны, но и ихъ достаточно для общихъ заключеній.

— Оскудѣваетъ усердіе къ святой обители!—жаловался мнѣ старый сѣдой монахъ, опираясь на костыль.

— Духъ времени.

— Не духъ времени, а духъ вольномыслія, духъ погибельный, духъ зла...

— Работать нынче много приходится, все дорого, а средствъ мало. Обѣднѣли.

— А обѣднѣло все потому, что ослабѣло усердіе къ благолѣпію храмовъ Божьихъ. Вѣра оскудѣваетъ. Отъ князя власти воздушныя все. Послѣднія времена приходятъ. Крестьяне и тѣ скупятся на приношенія.

— Да, вѣдь, и они до голода доходятъ....

— Прежде слѣпая вѣра была—оттого и нищеты той не замѣчалось. Нынѣ разумомъ своимъ величаются и оскудѣваютъ.

— Что-жъ, послѣдній кусокъ нести въ монастырь?

— Зачѣмъ послѣдній... Господь подастъ: ты принесешь свой даръ обители, домой вернешься—а тебѣ, можетъ, за это ангелъ Господенъ ни вѣсть какое богатство подастъ.

— Ну, на это мало надежды.

— Враны пророка питали въ пустынѣ.

Кожевня помѣщается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ;

какъ и бóльшая часть здѣшнихъ производительныхъ заведеній, она бываетъ въ дѣйствіи только восемь зимнихъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца навигаціи, когда монастырь посѣщается богомольцами, она стоитъ безъ дѣла. Въ кожевнѣ работаютъ одинъ монахъ и шестеро рабочихъ изъ богомольцевъ; выдѣлываютъ здѣсь до 8000 штукъ однѣхъ нерпичьихъ кожъ; кромѣ того, тюленьи, моржовыя, оленьи и коровьи. Тутъ же и кельи работающихъ въ кожевнѣ людей. Кожевня приноситъ монастырю немалый доходъ, какъ и все устроенное у себя монахами. Валовой оборотъ ея равняется 50,000 р.

Отсюда мы вышли и углубились въ лѣсъ.

— Все это,—объяснялъ путеводитель,—когда-то сплошнымъ болотомъ было. Монастырь осушилъ острова и теперь, кромѣ нѣсколькихъ луговъ, нарочно оставленныхъ, нигдѣ топкаго мѣста не найти. Луга и тѣ посередь островомъ больше, да въ Анзерахъ. Вездѣ прорыты канавки! Меня тутъ поразило обиліе незабудокъ и такихъ цвѣтовъ, которые не встрѣчаются въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ, несмотря на то, что они гораздо южнѣе Соловокъ. Роскошная растительность послѣднихъ носитъ на себѣ отпечатокъ сѣверной природы. Тутъ есть, между прочимъ, великолѣпные лѣса, изъ-подъ почвы которыхъ постоянно прорѣзываются гребни гранитныхъ утесовъ.

Монастырь имѣетъ свой кирпичный заводъ. Тутъ ежегодно заготовляется до 400,000 шт. кирпича, и какого кирпича! Прочность его необыкновенна, и отъ времени онъ пріобрѣтаетъ крѣпость желѣза. Каждый кирпичъ вѣситъ 16-ть фунтовъ, и гораздо крупнѣе нашихъ. Изъ него выстроены всѣ позднѣйшія зданія, какъ, напримѣръ, гостинница — громадный трехъ-этажный домъ, возведенный въ три мѣсяца, причемъ надъ постройкой трудился самъ архимандритъ. Кирпичъ для этого строенія заготовлялся три года. Въ кирпичномъ заводѣ работаютъ около 20-ти человѣкъ съ пятью монахами. Онъ прекрасно содержится.

Нельзя отрицать, что жизнь въ монастырѣ для годовыхъ богомольцевъ-рабочихъ имѣетъ свою полезную сторону. Часто, т.-е. почти всегда крестьянинъ является сюда ни къ чему не подготовленнымъ. Работая здѣсь, онъ присматривается къ разнымъ хозяйственнымъ приспособленіямъ, упрощеніямъ, и дома у себя старается примѣнить видѣнное. Когда я проѣзжалъ Олонецкую губернію, то въ большомъ селеніи Юксовичи удалось мнѣ видѣть необыкновенно чистыя конюшни, особенно весьма выгодный и практическій способъ содержанія скота и нѣкоторые необычные въ крестьянскомъ хозяйствѣ пріемы. Разспросивъ старика-кре-

стьянина, я узналъ, что село обязано этимъ — Соловецкому монастырю, въ которомъ перебывала въ качествѣ добровольно рабочихъ бо́льшая часть населенія этого округа.

Особенно выгодно пребываніе въ монастырѣ отзывается на мальчикахъ, если, разумѣется, оставить въ сторонѣ склонность къ аскетизму и монашеству, выносимую отсюда. Они пріѣзжаютъ домой ремесленниками, или вообще производителями другого рода. Знанія эти даютъ имъ возможность упрочить свое экономическое положеніе; здѣсь же они привыкаютъ къ опрятности и строгому порядку,—двумъ добродѣтелямъ, рѣже всего встрѣчающимся въ нашемъ крестьянствѣ.

XVII. Каналы, лѣса и дороги.

Монахи умѣютъ пользоваться мѣстностію. По склону, едва замѣтному, нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды—и только. Казалось она ни къ чему и не пригодна. Какой-то послушникъ расчистилъ берегъ ручья, углубилъ его ложе и выровнялъ его: незначительный истокъ обратился въ узенькій каналъ.

Я поднялся вверхъ по его теченію; монастырь и тутъ не упустилъ случая воспользоваться силою воды и устроилъ въ одномъ мѣстѣ точильню, на другомъ пунктѣ водоподъёмную машину. Точильня состояла изъ большого во́рота, движимаго водою. Діаметръ его $1^1/_2$ сажени. Во́ротъ стоитъ вертикально. Его дугу охватывали ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣлялись на два, къ каждому изъ нихъ было прикрѣплено большое точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды въ каналѣ, во́ротъ вращался, и въ свою очередь посредствомъ ремня вертѣлъ два точильныхъ колеса. Передъ послѣдними устроены были скамьи, на которыхъ при насъ сидѣли точившіе косы и топоры монахи. Механизмъ до крайности простъ, удобенъ и выгоденъ. Въ день такая точильня можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ— и сколько хотите ножей. Ея одной достаточно на городъ средней руки. Надъ точильнею—домъ, чисто содержимый и весьма опрятный. Зимою, когда канава замерзаетъ, во́ротъ приводится въ движеніе механическою силой. Эта точильня—изобрѣтеніе крестьянина, прожившаго здѣсь годъ, и, кажется, оставшагося въ монастырѣ навсегда.

Солнечный свѣтъ мягко обливаетъ зеленую мураву сухого луга. Безоблачное небо синѣло надъ нами, напоминая необык-

новенно прозрачною лазурью своей дальній югъ. По окраинамъ словно замерли гигантскія сосны и бѣлыя березы, протянувъ недвижныя вѣтви въ свѣтъ и тепло яркаго лѣтняго дня. Мы шли все вверхъ по теченію канала.

Новое зданіе каменное, большое:—это водоподъёмная машина.

Мы вошли. Родъ сарая; посрединѣ несложнымъ механизмомъ вода подымалась вверхъ на высоту четырехъ аршинъ, лошадь съ бочкою подъѣзжала подъ кранъ, которымъ заканчивался жолобъ, и струя отвѣсно падала сверху. И легко, и просто и удобно. А главное—сокращаетъ рабочую силу, замѣняя ее механической. Въ сарай влетѣла чайка и спокойно сѣла на край жолоба.

— Кто это строилъ у васъ?

— Монахъ одинъ... Изъ крестьянъ. Хорошо придумалъ.

— Да, хорошо.

— Все отъ угодниковъ. Ихъ заступленіемъ; не оставляютъ обители—домъ свой... Потому, здѣсь вси—труждающіеся и обремененные. Шелковъ, да бархатовъ, какъ въ иныхъ прочихъ монастыряхъ, не носимъ.

Дѣйствительно, соловецкій монахъ—всегда и вездѣ является въ одной и той же рясѣ изъ толстаго и грубаго сукна. Простое холщевое бѣлье, крестьянскаго покроя сапоги-бахилы изъ нерпичьей кожи—одинаковы у всѣхъ, у намѣстника и у простого послушника. Черныя, грубыя мантіи дополняютъ костюмъ. Роскоши нигдѣ не замѣтно.

И какой здоровый, коренастый народъ—соловецкіе монахи! Все это люди сильные, незнакомые съ недугами. Оригинальную картину представляетъ здѣшній инокъ, когда съ засученными по локоть рукавами, клобукомъ на затылкѣ и подобранной спереди рясой, онъ большими шагами выступаетъ съ крестьянской перевалкой и присѣданіями по двору обители. Это тотъ же самый хлѣбопашецъ, только переодѣтый въ рясу. Съ однимъ изъ такихъ подвижниковъ мы отправились въ лѣсъ. По обѣ стороны дороги лежали громадные валуны. За ними недвижно стояли лѣсные гиганты. Оттуда вѣяло свѣжестію и прохладой. Мы вошли въ эту тѣнистую глушь. Высоко надъ нами переплетались могучія вѣтви, мягкій дернъ устилалъ всѣ промежутки между деревьями. Что это были за прямые стволы! Порою изъ-подъ почвы выступала острымъ краемъ сѣрая масса гранита. Кое-гдѣ цѣлыя скалы торчали въ глуши, плотно охваченныя молодою порослью. Земля была холмиста. На верхушкахъ пригорковъ поднимались купы сосенъ, протягивая далеко на югъ свои вѣтви.

Сѣверная сторона этихъ великановъ была обнажена. Деревья, росшія внизу, распростирали во всѣ стороны одинаково свои сучья. Ихъ не достигалъ грозный сѣверный вѣтеръ. И какія чудныя озера были разбросаны въ глуши этихъ лѣсовъ, чистые, прозрачные, какъ кристаллъ. Невольно приходило въ голову сравненіе ихъ съ красавицей, лѣниво раскинувшейся въ зеленой ложбинѣ... И какъ становится досадно, когда, вмѣсто очаровательныхъ сценъ любви и счастія, встрѣчаемъ здѣсь строго аскетическія лица...

Побродивъ съ часъ по лѣсу, мы опять вышли на дорогу, ведущую назадъ къ монастырю. Соловецкія дороги замѣчательно хороши. Прямыя, плотно убитыя щебнемъ, достаточно широкія, они во всѣхъ направленіяхъ перерѣзываютъ острова, свидѣтельствуя о предусмотрительности и энергіи монаховъ. Какъ любилъ я бродить по нимъ, когда спадетъ полуденный зной и тихая прохлада вѣетъ изъ лѣсу, съ зеркальнаго простора озеръ, съ синѣющаго безбрежнаго моря... Да, это прекрасный уголокъ земли, лучшая часть нашего далекаго сѣвера. Къ сожалѣнію, теперь здѣсь нельзя остаться даже на лѣто больному, потому что острова Соловецкіе принадлежатъ монастырю и тамъ негдѣ жить постороннему.

«Рай—наши Соловки!»—говорятъ монахи.

«Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что́ будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ».

«Одно плохо, хлѣба не родитъ наша пустынь блаженная!»—дополняли третьи, болѣе практическіе.

XVIII. Отецъ Авраамъ [1]).

Я забрелъ въ Благовѣщенскій соборъ рано утромъ. Меня тамъ почти оглушилъ шумъ многихъ голосовъ, раздававшихся отовсюду. Двадцать-три іеромонаха одновременно служили молебны. Стоя близъ служившихъ, нельзя было различить отдѣльныхъ словъ. Это былъ какой-то хаосъ выкрикиванія, звуковъ, пѣнія. Поминутно являлись новые богомольцы и семи-восьми человѣкамъ заразъ, отбирая у нихъ поминанія, священникъ торопливо служилъ молебны. Деньги за молебны запрещено давать въ руки іеромонахамъ. Сначала покупается билетъ на молебенъ

---

[1]) Имя измѣнено.

(простой 35 к., съ водосвятіемъ 1 р. 50 к.); съ нимъ богомолецъ является въ соборъ, предъявляетъ его священнику, который уже затѣмъ начинаетъ службу...

— Сколько вы такимъ образомъ отслужите молебновъ въ одно утро?

— Всѣ вмѣстѣ—пятьсотъ случается. Бывало, и по шестисотъ удавалось. Все зависитъ оттого, сколько богомольцевъ.

Говорившій со мною былъ приземистый, коренастый монахъ, только-что снявшій ризу. На крупномъ четырехъ-угольномъ лицѣ его бойко и умно смотрѣли нѣсколько вкось прорѣзанные глаза; густые сѣдые волосы обрамливали львиною гривою лобъ. На скуластомъ лицѣ отражалось выраженіе крайняго самодовольства. Еще бы! Приходилось отдохнуть послѣ сорока молебновъ.

— Вы не изъ Архангельска ли?—спросилъ онъ у меня:— Знаете Ф. и Д. Онъ назвалъ знакомыхъ.

— Какъ же,—хорошо знаю.

— Ну, такъ пойдемъ ко мнѣ чай пить. Побесѣдуемъ, давно я не бывалъ въ Архангельскѣ.

Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе. До тѣхъ поръ мнѣ не удавалось видѣть внутреннюю обстановку обители, наблюдать монаха у себя дома, на-распашку. Пройдя двумя дворами, обставленными высокими зданіями келій, я воспользовался случаемъ поразспросить его о хозяйствѣ монастыря, и перечислилъ при этомъ только-что видѣнныя мною мастерскія.

— Ну, а чугунно-литейный заводъ видѣли? И восковой, и смолокурню не осматривали?.. Все у насъ есть. Главное—Господь невидимо покровительствуетъ. Чудодѣйственная сила во всемъ, куда ни посмотри. И коренастый монахъ съ гордостью оглянулся кругомъ.

Мы вошли въ келью. Бѣдная, выбѣленная комната. Прямо между двумя окнами налой. Два табурета, столъ, комодъ и кровать. Кстати вспомнилъ я, какъ соблюдаютъ обѣты бѣдности іеромонахи другихъ монастырей; сравненіе было не въ пользу послѣднихъ...

— Что́, у васъ всѣ такъ живутъ?

— Нѣтъ, самодовольно,—отвѣтилъ старикъ. У меня попросторнѣй, да и посвѣтлѣе. А, впрочемъ, житіе пустынное, настоящее монашеское житіе. Развѣ мы нѣмецкіе пасторы или польскіе ксендзы, чтобы роскошничать... Пасторъ и польскій ксендзъ, а по нашему — попъ, и я попъ, а между нами разница, потому мы не отъ міра сего.

Отецъ Авраамъ безцеремонно снялъ рясу, шаровары и сапоги, и очутился въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ. Въ одинъ мигъ монахъ преобразился въ вологодскаго крестьянина. Такъ онъ и присѣлъ къ столу.

Засѣли мы за чай. Пошла бесѣда. Я спросилъ о библіотекѣ монастыря.

— Книгохранилище наше теперь опустѣло. Всѣ рукописи старинныя въ Казанскій университетъ мы отправили.

— Зачѣмъ вы ихъ отдали?—спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? да вѣдь у насъ они, что камни лежали. Кому ихъ разбирать. Вѣдь у насъ — пользоваться не умѣютъ. Теперь же тамъ хоть что-нибудь извлекутъ. Мы и послали на свой счетъ. Теперь читаю кое-что, вижу и изъ нашихъ рукописей есть. Оно и пріятно, что нашлись умные люди.

— Неужели-жъ у васъ никого не было?

— Некому у насъ въ монастырѣ. И члены-то собора нашего, и мы всѣ—мужики. Крестьянское царство тутъ. Наше дѣло работать въ потѣ лица своего. Шестьсотъ манускриптовъ послали мы. Все старинныя самыя рукописи... Тутъ бы ихъ или мыши, или черви съѣли. Не до того намъ. И некому, говорю тебѣ— некому.

— Ну, а библіотека ваша пополняется?

— Нѣтъ. Читать некому. Все же есть кое-что. Недавно я вопросомъ о соединеніи церквей занялся. Много источниковъ нашелъ. Интересно было послѣ работы почитать.—И отецъ Авраамъ принялся излагать настоящее положеніе этого вопроса, такъ что я сталъ втупикъ. «Ошибся,—думаю,—этотъ вѣрно изъ духовныхъ».

— Давно вы въ монастырѣ?—спрашиваю.

— Сорокъ лѣтъ. Я изъ мужиковъ вѣдь. Изъ самыхъ изъ крѣпостныхъ. Какъ-то помѣщикъ честно отпустилъ меня помолиться въ Соловки. Я какъ попалъ сюда—и выходить не захотѣлъ. Потомъ бѣжалъ, скрывался, ну, немного спустя и очутился здѣсь. А монаха—не возьмешь, шалишь! Пришелъ сюда—неграмотный былъ, ну, а теперь кое-что могу понимать.

Изъ разговора оказалось, что отецъ Авраамъ вологжанинъ. На родинѣ у него и теперь сестры, которымъ онъ помогаетъ. Бесѣда его обнаруживала большую начитанность и знаніе. Умъ проглядывалъ въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ приводимомъ имъ аргументѣ. Это — находчивый и бойкій діалектикъ. Ко всему этому неизбѣжно примѣшивалось чувство нѣкотораго самодовольства. Вполнѣ, впрочемъ, законное чувство: «подивись-ка ты, баринъ, какъ тебя со всѣмъ твоимъ университетскимъ образо-

ваніемъ простой мужикъ загоняетъ». Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ при случаѣ ссылался на свое происхожденіе, выражая кстати, что достаточно пустить въ монастырь двадцать пять дворянъ, чтобы вся производительность, все благосостояніе обители рушились:—дурной примѣръ—соблазнъ. У насъ столъ грубый, одежда грубая, — тѣ начнутъ заводить свои порядки — и все пошло прахомъ. Оттого мы неохотно принимаемъ въ нашу среду чиновниковъ.

— А что, одолѣваетъ скука? Хочется въ міръ, отецъ Авраамъ?

— Отчего?.. Никогда не томитъ. Не зоветъ туда. Ну, впрочемъ, два мѣсяца было. Доселѣ не забылъ. Я ужъ лѣтъ пятнадцать въ монахахъ состоялъ. Лѣтомъ какъ-то разъ стою у пристани и пріѣхали къ намъ богомолки, да богомольцы. Кто-то изъ нихъ и запой пѣсню. Такъ я и дрогнулъ. Точно съ той пѣсни что́ у меня въ сердцѣ оборвалося... Даже похолодѣлъ весь... Едва-едва въ келью добрался. Какъ пласть на полъ упалъ, да до вечера и пролежалъ такъ... На другой день еще хуже... Все пѣсни въ головѣ... Хожу по лѣсу, начну псаломъ — а кончу пѣсней. Бью поклоны въ соборѣ, а въ глазахъ не иконы—поле зеленое, село родимое... Слезы бывало по лицу такъ и катятся... До того доходило, что бѣжать изъ монастыря думалъ... Да, слава Господу, опамятовался. Пошелъ къ архимандриту и въ самую тяжкую работу попросился. Мѣсяца полтора работалъ такъ, что вечеромъ, какъ придешь домой въ келью, такъ не доходя кровати въ углу свернешься, шапку въ головы, и до утра — словно мертвый... Отошло тогда... Больше не бывало. Извѣстно, Господь испытывалъ.

— А бывали такіе, что не выдерживали такихъ испытаній?

— Бывали, какъ не бывать! Малодушіе это, ну, дьяволъ и пользуется этимъ, шепчетъ въ уши и передъ глазами живописуетъ. Не соблюдешь себя, и сгинешь какъ червь. Одинъ въ монастырѣ у насъ на что́ пустился, чтобы рясу сбросить: донесъ слѣдователю, что-де онъ убійство совершилъ. Ну, его въ острогъ въ Архангельскъ, стали справки собирать—никакого такого убійства и не бывало. Ну, его изъ монастыря и выключили. Что-жъ бы ты думалъ—съ вина человѣкъ черезъ годъ сгорѣлъ...

— Кстати, правда ли, что́ разсказывалъ архимандритъ Александръ о своей поѣздкѣ на англійскіе корабли во время осады монастыря?

— Должно быть у Максимова читали? Вралъ покойный Александръ. Просто англичане потребовали сдачи монастыря—имъ и отказали. У насъ одному монаху въ виду непріятеля пришлось за порохомъ въ Архангельскъ отплыть.

— И удалось.

— Еще бы. Кресть за это получилъ. Ему дали лодку и отпустили. Въ три дня онъ въ городъ попалъ. И погоня была. Ко дну пустили бы, еслибы поймали. Онъ и причастился передъ поѣздкой. Вѣдь на смерть шелъ. Впрочемъ, и монастырь-то защищался не для сбереженія своихъ сокровищъ. У насъ однѣ стѣны оставались. Всѣ драгоцѣнности, деньги, документы, даже ризы съ образовъ были отправлены въ Сійскій монастырь на храненіе. А англичане сильно добирались до насъ. Стрѣляли. Бомбы внутри зданій разрывались. Ну, и Господь показалъ свое чудо не токмо человѣка не убило и не ранило — ни одной чайки, ни одного яйца птичьяго не тронуло. Чайки же и задали англичанамъ. Какъ тѣ стали палить—онѣ и поднялись. Тысячами налетѣли на непріятеля, да сверху-то корабли ихъ и самихъ англичанъ опакостили... Умная птица!

— Ну, а мужество духа, бодрость, дѣйствительно были обнаружены монахами, какъ писалъ Александръ?

— И этому не вѣрь. Перетрусили всѣ до страсти. Другіе упали на землю и выли. Да и какъ не спужаться—мы народъ мирный, наше дѣло молитва да трудъ, а не страженіе. Такого страха и не увидишь нигдѣ. Да вотъ спроси у о. Пимена—онъ былъ въ то время.—Я обратился къ только-что вошедшему о. Пимену. Это былъ высокій, худой монахъ съ длинною сѣдою бородой, сгорбленный, едва передвигавшій ноги. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно монахи очень тогда «спужались».

— Вотъ какое у нихъ мужество было. Человѣкъ пятьдесятъ порѣшительнѣе было.

— Что же, когда изъ Архангельска возвратились съ порохомъ?

— Къ тому времени англичане ужъ домой убрались. Раньше-то мы не запаслись. Заднимъ умомъ крѣпки.

— Какъ не спужаться,—продолжалъ старикъ. Поди, если попадетъ—ноги тоже протянешь. Бонба, она не пожалѣетъ, у ней разуму нѣтъ... Нешто она понимаетъ, въ кого летитъ. У ней всѣ виноваты.

Разговаривая съ монахами, я не разъ убѣждался, какъ фанатически привязаны они къ своей обители. Простые послушники съ озлобленіемъ отзываются о каждой попыткѣ мѣстной администраціи вмѣшаться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали отсюда ѣхать настоятелями въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. Это своего рода тоска по родинѣ. Добровольно изъ нихъ не выѣзжаетъ никто. А между тѣмъ къ этому сред-

ству еще недавно прибѣгали архимандриты, чтобы отдѣлаться отъ надоѣвшихъ имъ, или почему бы то ни было непріятныхъ имъ монаховъ.

«Въ другихъ обителяхъ, правда, богато живутъ, рясы шелковыя носятъ, да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустынножительство...»

Обитель для нихъ отечество. Она замѣняетъ имъ все—семью, родину.

«У васъ въ Расеѣ», — говорятъ монахи. «Завтра назадъ въ Россію ѣдете?» — «Ну, какъ у васъ въ Россіи народъ живетъ?» — «То въ Россіи, а то у насъ».

Лучше всего то, что на основаніи такихъ выраженій одинъ изъ архангельскихъ губернаторовъ оффиціально обвинилъ соловецкихъ монаховъ... въ сепаратизмѣ и въ замыслахъ отдѣлиться отъ Россіи!!! Это фактъ, подтвержденіе которому можно найти въ дѣлахъ мѣстной губернаторской канцеляріи 1866—68 гг.

XIX. Соловецкая тюрьма и ея арестанты.

Соловецкій монастырскій острогъ вмѣстѣ съ Суздальскимъ едва ли не послѣдніе остатки стараго варварства, ужасовъ, когда-то пугавшихъ нашихъ предковъ и получившихъ на страницахъ исторіи свое мѣсто. Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стоновъ слышали эти влажныя мрачныя стѣны. Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ. Невольный трепетъ охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Князья, бояре, митрополиты, архіереи, расколоучители, крамольники томились когда-то за этими черными, насквозь проржавѣвшими рѣшетками. Сотнями свозили сюда колодниковъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Цари московскіе часто ссылали сюда своихъ приближенныхъ. Петръ наполнялъ кельи этого острога людьми, не преклонявшимися предъ его желѣзной волей. Измученные, часто прямо отъ пытки, съ вырѣзанными языками, ноздрями, сюда отправлялись искатели истины, за заблужденія на пути этого исканія. Одиночество, суровыя условія жизни ожидали ихъ здѣсь, вплоть до могилы или новаго мученичества. Расколоучители иногда отсюда посылались внутрь Россіи, гдѣ ихъ живьемъ сожигали въ деревянныхъ срубахъ. Это была наша старорусская

инквизиція. Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется такою же громадною, многоэтажною гробницею, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдные призраки прошлаго. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которой тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ какой-то каменной массѣ. Снаружи, передъ вами, ряды узкихъ оконъ. Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галлюцинація!... Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едвали пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго.

Кто попалъ въ Соловецкій острогъ, тотъ позабытъ цѣлымъ міромъ. Онъ схороненъ заживо. О немъ не вспомнитъ никто. Пройдетъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ—онъ увидитъ только лицо своего сторожа. Тутъ содержатся преступники противъ вѣры. Теперь здѣсь лишь два арестанта. Кромѣ того, живутъ въ тюрьмѣ двое «не въ родѣ арестантовъ» по оффиціальной номенклатурѣ.

На меня тюрьма произвела отвратительное впечатлѣніе. Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стѣны переноситъ разомъ за нѣсколько вѣковъ назадъ. Жутко становилось мнѣ, когда я подходилъ къ ней. На лѣсенкѣ у входа сидѣло нѣсколько солдатиковъ. Для двухъ арестантовъ содержатся здѣсь двадцать-пять солдатъ съ офицеромъ.

— Чтó, братцы, можно осмотрѣть тюрьму?

Всѣ переглянулись; молчаніе. Явился старшой. Оказалось, что арестантовъ видѣть не позволяется... Они помѣщены въ верхнемъ корридорѣ; но остальные корридоры видѣть можно.

Я вошелъ въ первый. Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно далеко. Одна стѣна ея глухая, въ другой—нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы, и между ними двѣ рѣшетки. Все это прозеленѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни одного луча свѣта. Вѣчные сумерки, вѣчное молчаніе.

Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахнуло мракомъ и задушающею смрадною сыростію подвала. Точно я былъ на днѣ холоднаго и глубокаго колодезя.

Я отворилъ двери другой кельи—и удивился. Въ этой черной дырѣ комфортабельно помѣстился жидокъ — фельдшеръ мѣстной команды. Онъ былъ какъ у себя дома. Въ третьей жилъ фельдфебель. Второй корридоръ этажемъ выше—то же самое.

— Тутъ никого нѣтъ?

— Есть, только «не въ родѣ арестантовъ». *Добровольно* сидятъ.

«Кто рѣшится жить добровольно въ такой ужасной трущобѣ?» и я вошелъ къ одному изъ этихъ странныхъ узниковъ. Передо мною оказался высокій высохшій старикъ. Какъ лунь, сѣдая голова едва держалась на плечахъ. Глаза смотрѣли безсмысленно, губы что-то шептали. «Арестантомъ то же былъ когда-то. Ему ужъ сто-два года»—пояснилъ солдатъ. — Что же, онъ освобожденъ?

Оказалось, что лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ этого старика посадили въ Соловецкую тюрьму и позабыли о немъ. Только лѣтъ двадцать назадъ вспомнили и онъ былъ освобожденъ. Когда ему объявили объ этомъ — было уже поздно. Старикъ помѣшался за это время. Его вывели изъ тюрьмы, онъ походилъ-походилъ по двору, глупо и изумленно глядя на людей, на деревья, на синее небо, и воротился назадъ въ свою темничную келью. Съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ ея. Его кормятъ, даютъ ему одежду, иногда водятъ его въ церковь. Онъ подчиняется всему, какъ ребенокъ, и ничего не понимаетъ. Гдѣ-то у него оставалась семья, но во все продолженіе своего заточенія, ни онъ о ней, ни она о немъ ничего не слышали. Какая печальная жизнь! Чтó можетъ сравниться съ этимъ!

Другой узникъ, помѣщавшійся рядомъ и тоже добровольный, былъ высокій, крѣпкій красивый человѣкъ, съ окладистою русою бородою. Это бывшій петербургскій палачъ, пожелавшій, по окончаніи своего термина, постричься въ монастырѣ. Соловецкіе монахи не отказались принять его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ предварительно, пока они присмотрятся къ нему, нѣсколько лѣтъ прожилъ у нихъ въ тюрьмѣ. Какое странное сближеніе: палачъ и монахъ. Этотъ узникъ совершенно доволенъ своею судьбою. Онъ замаливаетъ старые грѣхи, вѣруя въ искупленіе. Сила, чисто рабочая сила его не пропадетъ для монастыря даромъ. Изъ него будетъ хорошій каменотесъ или носильщикъ, а Соловкамъ ничего больше и не надо.

— Ну, а наверхъ рѣшительно нельзя?—спросилъ я у солдатика.—Оказалось, что строго запрещено новымъ архимандритомъ.

— При старомъ капитанъ, что сидитъ здѣсь ходили вездѣ. Ихъ и въ кельи монашескія пущали, по лѣсамъ, по лугамъ. Ну, а какъ новый вступилъ, сейчасъ ихъ высокоблагородіе заперли, и никого къ нимъ не пущаютъ... Они ничего, ласковы, я допрежъ съ ними въ лѣсъ хаживалъ вмѣстяхъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ?

— Чудной человѣкъ и больше ничего. Изъ себя жида изображаютъ. Субботу соблюдаютъ и разное такое. Одначе съ архи-

мандритомъ горды очень — не покоряются. Тѣ ихъ обращаютъ назадъ, въ православіе, но одначе капитанъ не слушаются и на своемъ стоятъ.

— Скучаетъ, вѣрно.

— Какъ не скучать! Книжки тоже читаютъ.

Какъ оказалось, это человѣкъ весьма образованный... Властные люди, которымъ тюрьма открыта, видѣвшіе его, говорили, что онъ помѣшанъ, и что его слѣдуетъ держать не въ острогѣ, а просто лечить.

— Они подъ святыми воротами, при старомъ архимандритѣ, проповѣди богомольцамъ держали. Оченно это быстро говорятъ, замѣтилъ мой проводникъ.

— А кромѣ него кто еще тамъ есть?

— Купецъ одинъ... Хорошій человѣкъ... Обходительный...

Больше я ничего не могъ узнать объ арестантахъ Соловецкаго острога... Когда я вышелъ отсюда и меня со всѣхъ сторонъ охватилъ теплый воздухъ лѣтняго дня, когда впереди опять раскинулась передо мною синь морская, а въ вышинѣ лазурь безоблачнаго неба, я невольно почувствовалъ все безконечное счастіе свободы... Какое блаженство пройти по этому зеленому лугу, углубиться въ этотъ тѣнистый, словно замершій надъ зеркаломъ извилистаго озера, лѣсъ. А тамъ — въ этихъ черныхъ кельяхъ острога, въ этихъ погребахъ...

Да, только узникъ изъ-за рѣшетокъ своей тюрьмы пойметъ неизмѣримое, божественное счастіе свободы. Какъ оттуда онъ долженъ смотрѣть на едва доступный его взгляду клочекъ голубого неба. Съ какою мучительною болью слѣдитъ онъ за жемчужною каймою облака, набѣгающаго на него, за серебряной искрою чайки, ныряющей въ высотѣ, за робко мигающей оттуда звѣздочкой ясной зимней ночи. О, не дай Богъ никому пережить эти ужасные годы одиночества и неволи.

XX. Въ трапезной.

Я освѣдомился у монаха объ историческихъ подземельяхъ Соловецкаго монастыря.

— Какія подземелья? Погреба наши, чтó ли? Квасная, кладовая...

— Нѣтъ, тюрьмы подземныя.

— Этого у насъ вовсе нѣтъ. Слухъ одинъ пущенъ, что есть будто. У насъ есть одинъ братъ, очень эту старину любитъ. Ничего и онъ не нашелъ. Потомъ слышно было, что никакихъ

такихъ мѣстъ у насъ нѣтъ и званія. Ты, поди, у газетчиковъ читалъ. Врутъ!

Наконецъ мы отправились въ транезную. Длинный корридоръ весь былъ росписанъ фресками, возбуждавшими въ крестьянахъ-богомольцахъ безпредѣльный ужасъ.

— Б-оже мой!.. Глядь-ка изъ глотки-то змѣй ползетъ!...

Разговоръ шелъ, повидимому, между фабричными, которые и здѣсь оставались вѣрны своей безшабашной манерѣ говорить.

— Чудеса, братецъ мой. А чортъ вб какой... Ишь... Господи, спаси и помилуй!

— А вонъ пламя адово...

— Змій, исходящій изъ гортани, обозначаетъ грѣхи,—объяснялъ монахъ:—сей грѣшникъ пріиде ко схимнику, дабы покаяться во грѣсѣхъ своихъ. И видѣ схимникъ, что по наименованіи грѣховъ изъ гортани кающагося излетаютъ гады и всяческая мерзость — скорпіи и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые. Напослѣдокъ оттуда показася глава змія погибельнаго, но грѣшникъ не покаялся искренно, и змій обратно въ гортани сокрыся. Изъ сего научитеся не таиться предъ пастыремъ во дни покаянные.

— Поди, кто о благолѣпіи храмовъ не заботиться, тоже не похвалятъ,—спрашиваетъ странница у монаха.

— Заботься по силамъ. Черезъ силу тоже не подобаетъ, ибо и о дѣтяхъ малыхъ подумать надлежитъ, а кто имѣетъ избытокъ, тому точно жутко будетъ за равнодушіе ко храму,—объяснялъ монахъ.—Древле на церковь десятина шла, нынѣ—на волю каждому предоставлено.

Богомольцы продолжали изумляться и пугаться изображеній адскихъ мукъ, и дѣлать свои соображенія о томъ, кого больше будутъ жарить на томъ свѣтѣ...

— Всякому по дѣламъ его, значитъ... Все зачтется... Премудрость это, братцы!

Наконецъ мы вошли въ трапезную. Это громадная комната въ сводахъ, поддерживается необыкновенной толщины колонной. Она вся росписана. Яркія краски, позолота, лазурь, такъ и бросаются въ глаза зрителю. Впрочемъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточнаго великолѣпія. Нѣкоторые рисунки отличаются талантливостію. Таковы работы отца Николая, молодого художника-монаха—25 лѣтъ. Чрезвычайно хороша его картина «Снятіе со креста». Въ ней изящно и тщательно отдѣланы женскія фигуры. Многія картины обнаруживаютъ хорошее знакомство съ анатоміей.

Столъ для богомольцевъ поставленъ отдѣльно. На счетъ монастыря каждаго кормятъ три дня. Затѣмъ нужно ѣхать, если на дальнѣйшее пребываніе въ обители не дано особаго разрѣшенія высшею властью. Богомольцу даютъ обѣдъ и ужинъ. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали мы, все шло тихо, чинно и спокойно. Передъ каждымъ—оловянная тарелка, деревянная ложка, вилка и ножъ. На каждые четыре человѣка подается одна общая миска съ варевомъ. Сначала всѣ, стоя у своихъ мѣстъ, ждутъ колокола. При первомъ ударѣ всѣ молятся и садятся, но ѣсть еще не начинаютъ. Лишь при третьемъ ударѣ ложки опускаются въ миски, и вдоль всѣхъ столовъ послушники разносятъ небольшіе куски благословеннаго бѣлаго хлѣба. Каждая перемѣна блюдъ возвѣщается колоколомъ. Хорошенькіе монашки-подростки, похожіе на дѣвочекъ, разносятъ миски съ кушаньемъ. По окончаніи обѣда всѣ строятся у своихъ столовъ въ два ряда и поется благодарственная молитва. Затѣмъ опять раздача благословеннаго хлѣба и вновь пѣніе псалма. Во время обѣда читается св. Писаніе. Крестьяне обѣдаютъ внизу съ служителями, женщины же отдѣльно отъ всѣхъ. Какъ видите, и здѣсь относительно сословій соблюдается табель о рангахъ. При мнѣ на обѣдъ было подано: соленая сельдь, окрошка изъ щуки со свѣжими огурцами, супъ изъ палтуса, уха изъ свѣжихъ сельдей, пшенная каша съ масломъ и молоко. Кромѣ того передъ каждымъ лежалъ громадный кусокъ хлѣба, фунта въ $2^1/_2$. Мяса, разумѣется, не подается никогда, и монахи быстро привыкаютъ къ этому, тѣмъ болѣе, что большинство—крестьяне и дома у себя рѣдко видѣли мясо. Сѣверный крестьянинъ питается трескою и прочими рыбами изъ рода gadus, хлѣбомъ, брусникой, морошкой, солеными грибами (волнухами) и у моря—сельдью.

— Хорошо ѣдятъ монахи,—замѣчали богомольцы, и снова разсматривали удивительные фрески...

— Куда таперче?..

— Спать, братцы, давай, потому мы, какъ слѣдуетъ, утромъ, рано вставши, помолились, потомъ въ церкви были, опосля потрапезовали. Теперь спокой требуется...

В. Н.—Д.

НАРОДНЫЯ НАРѢЧІЯ

и

МѢСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ОБУЧЕНІИ

C'est pour avoir méconnu la force des attaches locales que votre culture est trop souvent sans racine et sans profondeur.

M. Bréal.

I.

Въ концѣ 1872 года вышла въ Лейпцигѣ небольшая книга: «Преподаваніе на родномъ языкѣ и его народное значеніе» [1]). Книга эта принадлежитъ довольно извѣстному въ нѣмецкой педагогическо-ученой литературѣ писателю, Альберту Рихтеру, автору книгъ: Deutsche Heldensagen des Mittelalters (2 Aufl. L. 1870) и Deutsche Sagen (L. 1871),—и она была увѣнчана премiей отъ берлинскаго педагогическаго общества Дистервега (Diesterweg-Stiftung). Авторъ вознамѣрился свести въ систему то, что было высказано въ послѣднее время новаго по вопросу о преподаваніи національно-литературнаго языка и примѣнить къ этому преподаванію результаты развившейся въ послѣднее время науки о языкѣ. Настоящая книга есть только изложеніе теоретическихъ началъ,—къ которому практическое приложеніе обѣщаетъ авторъ издать подъ заглавіемъ: «Deutscher Sprachschatz».

[1]) Der Unterricht in der Muttersprache und seine nationale Bedeutung.

Такъ какъ книга Рихтера затрогиваетъ одинъ изъ важн
шихъ педагогическихъ вопросовъ, то мы считаемъ не лишни
познакомить съ нею русскихъ читателей, — разумѣется, избѣ
всего спеціально-интереснаго для нѣмецкихъ читателей, а так
изліяній, отзывающихся тѣмъ специфическимъ духомъ нѣмецки
націоналовъ, который въ послѣднее время весьма усилился да
въ ученой нѣмецкой литературѣ и слишкомъ крѣпокъ для в
каго иностранца.

Уже давно въ германской литературѣ поднятъ вопросъ о
отношеніи мѣстнаго, провинціальнаго и общаго, національн
элемента въ дѣлѣ народнаго образованія. Рихтеръ приводи
слова Дистервега, — сказанныя двадцать пять лѣтъ тому наза
«привязать человѣка къ (мѣстной) родинѣ, научить его не тол
познавать эту родину, но и воодушевить его любовью къ н
ея свойствамъ и особенностямъ, вовсе не значитъ покровите
ствовать провинціальной узкости, а, напротивъ, укрѣпить кор
его силы. Корни эти заключаются въ почвѣ его родины,
особенностяхъ его земляковъ, въ ихъ исторіи. Пусть же кажд
радуется, когда найдетъ въ индивидуумѣ характерную особенно
обитателей страны. Почитать и беречь эти особенности, значи
уважать и сохранять первобытныя свойства нѣмцевъ».

Исходя изъ подобнаго рода мыслей, говоритъ дальше Рихте
со многихъ сторонъ было выражено мнѣніе, что при обуче
языку въ народныхъ школахъ должны быть допущены и мѣ
ныя нарѣчія. Самъ Дистервегъ написалъ вышеприведенныя с
ва въ прибавленіи къ статьѣ Гегнера въ «Rheinische Blätte
(1848. Heft 1—2, S. 37), въ которой Гегнеръ настаивалъ
допущеніи нарѣчій въ народное образованіе. По отношенію
такому требованію, Дистервегъ принялъ выжидательное полож
ніе; рѣшеніе вопроса онъ предоставилъ учителямъ, «которы
это касается». Но вышеприведенныя слова не оставляютъ ни
кого сомнѣнія, въ какую сторону склонялось его сердце.

Вопросъ о правахъ нарѣчій при преподаваніи отечественн
языка въ народной школѣ породилъ очень богатую литерату
излагать которую невозможно здѣсь. Сюда входятъ самыя проти
положныя мнѣнія, болѣе важные представители которыхъ: Р
меръ, Вакернагель, Шрёръ, Гильдебрантъ, Бургвардтъ, Гонкам
Гегнеръ (Hegner), Гутбиръ и въ послѣднее время Гейгеръ (G
ger). Мнѣнія о значеніи народныхъ нарѣчій всегда раздваи
лись: въ то время, когда одни смотрѣли на нарѣчія, какъ
отступленія отъ общаго языка, какъ на порчу чистаго, верх
нѣмецкаго, вслѣдствіе чего ни въ какомъ случаѣ не признава

за ними ни воспитательнаго, ни научнаго достоинства; другіе разсматривали ихъ, какъ историческое и національное наслѣдіе, изученіе котораго должно расширить кругъ языкознанія, и видѣли въ нихъ ключъ къ пониманію, какъ первобытнаго, такъ и настоящаго времени.

Первые настаиваютъ, елико возможно, на уничтоженіи нарѣчій и желаютъ видѣть на мѣстѣ ихъ чистый верхне-нѣмецкій языкъ. Таковъ, напр., Ратихіусъ (Ratichius); но Гриммъ и послѣдующіе за нимъ изслѣдователи нѣмецкаго языка показали, что истребленіе нарѣчій было бы вовсе не услугой нѣмецкому языку; они же научили разсматривать языкъ съ исторической точки зрѣнія. Изслѣдователи эти, конечно,—друзья нарѣчій, и нѣтъ надобности приводить ихъ слова по этому поводу. Но даже не-изслѣдователи по профессіи признавали законность существованія и понимали настоящее значеніе и достоинства нарѣчій. Такъ, Гёте пишетъ въ своей «Дѣйствительности и Поэзіи» (Wahrheit und Dichtung): «каждая провинція любитъ свой діалектъ, потому что онъ собственно есть элементъ, изъ котораго душа черпаетъ жизнь». А Песталоцци, въ своемъ главномъ методическомъ сочиненіи «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей», говоритъ такъ: «рѣчь есть отраженіе всякаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ природа во всемъ своемъ пространствѣ». Думая такъ о языкѣ, употребляя самъ въ «Лингардѣ и Гертрудѣ» провинціальныя выраженія тамъ, гдѣ верхне-нѣмецкое недостаточно ясно выражало его мысль, настаивая вездѣ на преподаваніи, основанномъ на природѣ и жизни, могъ ли онъ видѣть спасеніе народа въ истребленіи нарѣчій?! Хотя новѣйшая историческая школа нѣмецкихъ филологовъ и имѣетъ ту заслугу, что она смягчила нападенія народной школы на нарѣчія, но, по мнѣнію Рихтера, она способствовала образованію обманчивой мечты, что нарѣчія могутъ не только въ полной цѣлости сохраниться, но и развиться посредствомъ заботы о нихъ въ народной школѣ. Между тѣмъ языкъ, по крайней мѣрѣ живой, живетъ собственною жизнью, развивается по своимъ собственнымъ законамъ, а не по предписанію школьнаго учителя. Ежели слово, выраженіе, готово къ смерти, если оно мѣняетъ свое значеніе, сообразно духу времени, противъ этого никто не въ состояніи ничего сдѣлать.

Такимъ образомъ, теоретическая наука о языкѣ, затронувъ вопросъ объ отношеніи народныхъ нарѣчій къ языку и къ литературному нарѣчію, — естественно вызвала вопросъ и о практическомъ отношеніи школы къ народнымъ нарѣчіямъ. Прежде всего она побудила къ критикѣ преподаванія литературнаго языка въ

школахъ, сложившагося подъ вліяніемъ понятій того времени, когда собственно не было еще науки о языкѣ. «Школьные учители,—говоритъ нашъ авторъ,—достигли кое-чего въ области, которую они сами называютъ своимъ крестомъ, которую они сами сначала сдѣлали трудною, и въ которой до сихъ поръ выступаютъ особенно охотно съ проектами улучшеній,—въ области ороографіи. Они добились различія между das и dass, wider и wieder, blos и bloss и т. п. важныхъ пріобрѣтеній въ преподаваніи письменнаго языка. Но все это не имѣетъ ничего общаго съ духомъ языка и неспособно направить жизнь языка на другой путь. Только геніи, какъ Лютеръ и Лессингъ, смогли указать ему дѣйствительно новый путь, чего не сдѣлать всякому школьному учителю,—поэтому грамматики нѣмецкія до сихъ поръ по большей части были не чѣмъ инымъ, какъ предписанными свыше сводами законовъ по дѣду о языкѣ. Собственно о законахъ, по которымъ развивается жизнь языка, не заботились, а просто декретировали:—такъ, а не иначе должно это быть въ языкѣ! Языкъ не всегда слушалъ этихъ мудрыхъ законодателей, и они, не будучи въ состояніи заставить уважать ихъ законы, принуждены были предоставить языкъ собственному теченію и констатировать исключенія изъ своихъ правилъ. Къ нарѣчіямъ народнымъ законодатели эти относились гораздо чаще отрицательно, чѣмъ воображали себѣ, что своими мѣропріятіями они могутъ способствовать ихъ правильному развитію и охранить ихъ отъ постепеннаго упадка.

Наука же о языкѣ приводитъ къ такимъ мыслямъ, — что собственно школа должна одинаково остерегаться обѣихъ указанныхъ крайностей, какъ приниженія, такъ и возвеличиванія нарѣчій, но такъ какъ вопросъ еще идетъ о томъ, можно ли допускать нарѣчія въ народную школу, то мы, говоритъ Рихтеръ, постараемся представить доводы «за» и «противъ».

Дистервегъ говоритъ: «кто согласенъ съ тѣмъ, что степень развитія, на которой стоитъ учащійся, должна быть непремѣнно исходной точкой для всего послѣдующаго обученія, тотъ не можетъ спорить противъ того, что учитель долженъ обращать вниманіе на языкъ, которымъ объясняются ученики при вступленіи въ школу. Новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное—посредствомъ извѣстнаго. Другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны». Но Дистервегъ не могъ рѣшить вопроса о томъ, должно ли пользоваться нарѣчіями при случаѣ только, или же по сознательному, предустановленному, методическому плану. Гдѣ дѣло идетъ о воспитаніи и преподаваніи, тамъ, конечно, слѣдуетъ быть скорѣе въ пользу обдуманнаго способа дѣй-

ствія. Но если разсмотрѣть данный случай во всѣхъ отношеніяхъ, то придется отказаться отъ многаго въ этомъ принципіальномъ рѣшеніи. Обстоятельства даютъ возможность пользоваться нарѣчіями въ первые школьные годы, когда дитя еще не настолько усвоило себѣ книжный языкъ, чтобъ оно было въ состояніи совсѣмъ отстать отъ выраженій мѣстнаго нарѣчія. Въ эти годы учитель долженъ дѣлать нѣчто въ родѣ переводовъ съ нарѣчія на верхне-нѣмецкій языкъ. Возможно ли думать, что это легко устроить по впередъ обдуманному плану? Не будетъ ли онъ ежеминутно уничтожаемъ непредвидѣнными вопросами и отвѣтами дѣтей.

Но многіе не ограничиваются требованіемъ отъ учителя, чтобы онъ постепенно замѣнялъ нарѣчіе, употребляемое ребенкомъ, верхне-нѣмецкимъ школьнымъ языкомъ. Они хотятъ даже, чтобы учитель вначалѣ самъ говорилъ на нарѣчіи, и чтобы нѣкоторые школьные предметы отнюдь не преподавались на верхне-нѣмецкомъ языкѣ; иные ожидаютъ бóльшаго успѣха, еслибы, напр., законъ Божій разсказывался дѣтямъ на ихъ нарѣчіи. Примѣры такихъ требованій представлены въ «Утреннихъ голосахъ естественнаго и народнаго преподаванія языка и школьнаго ученія въ нижне-нѣмецкихъ школахъ» Генриха Бургвардта (Morgenstimmen eines naturgemässen und volksthümlichen Sprach und Schulunterrichts in niederdeutschen Volksschulen, von Heinr. Burgwardt. Leipzig, 1859). Такого рода требованія исходятъ преимущественно изъ области нижне-нѣмецкаго языка.

Рихтеръ не согласенъ съ этими, по его мнѣнію, уже слишкомъ далеко заходящими желаніями относительно нарѣчій. Онъ говоритъ, что желанія эти неумѣстны, потому что пришлось бы дать право преподаванія для всѣхъ рѣшительно нарѣчій, а такое, слишкомъ далеко заходящее, употребленіе нарѣчій безъ нужды и пользы стѣснило бы умственный горизонтъ учениковъ, затруднило бы имъ путь къ высшимъ интересамъ или даже сдѣлало бы его совсѣмъ невозможнымъ. Но онъ тутъ же прибавляетъ, что недостаточное вниманіе къ нарѣчіямъ также очень вредно: оно оставило бы учениковъ въ отечествѣ, не оріентируя ихъ въ немъ, научило бы не уважать или презирать то, чтó, при правильномъ взглядѣ на вещи, заслуживаетъ полнаго уваженія, лишило бы учениковъ сокровища, которое становится очень важнымъ, лишь только познаютъ ему цѣну.

«Одинъ изъ величайшихъ знатоковъ нѣмецкихъ нарѣчій, Шмеллеръ (Schmeller), авторъ превосходнаго «Баварскаго Словаря», говоря о нарѣчіяхъ по отношенію къ книжному языку, сравни-

ваетъ ихъ съ рудниками возлѣ запаса уже добытаго и очищеннаго металла, съ частью тысячелѣтняго лѣса, непрочищенной, возлѣ другой части его, уже прорубленной и обращенной въ рощу для прогулокъ. Тотъ же ученый имѣетъ въ виду по преимуществу нарѣчія, когда говоритъ: «чтобы имѣть возможность поднять народъ въ цѣломъ, необходимо воспользоваться частными особенностями его, какъ фундаментомъ, чтобы на немъ уже строить лучшее; поэтому совсѣмъ неблагоразумно пренебрегать этими особенностями и домогаться истребленія ихъ; напротивъ, слѣдуетъ заботиться о нихъ, чтобы они тѣмъ менѣе сопротивлялись облагороживанію, чтобы они сами по себѣ образовали органическій переходъ къ тому, съ чѣмъ раньше, казалось, имѣли рѣзкую противоположность». Нѣчто подобное высказалъ и Ф. Л. Янъ въ предисловіи къ своей «Нѣмецкой Гимнастикѣ» (1816), въ свое время имѣвшей очень сильное вліяніе на образованіе нѣмецкихъ гимнастическихъ обществъ, пріобрѣвшихъ такое обширное педагого-гигіеническое и патріотическое значеніе. Гильдебрантъ, въ своемъ сочиненіи «О словарѣ Гримма въ его научномъ и національномъ значеніи», говоритъ слѣдующее о важности этого словаря для нарѣчій: «еще и по настоящее время понятіе объ языкѣ (Sprachbewusstsein) у большей части нѣмцевъ (если мы будемъ брать только образованныхъ) представляетъ себѣ собственно два нѣмецкихъ языка: одинъ—тотъ, которымъ говорятъ въ дѣтствѣ, на родинѣ, и который всегда носитъ на себѣ отпечатокъ интимной душевной жизни, и другой—тотъ, которому научаются изъ книгъ, въ сферѣ высшаго образованія. Разнообразіе и богатство нарѣчій у насъ такъ велико, что едвали кто имѣетъ теперь объ этомъ точное предчувствіе. Они входятъ уже въ область науки языкознанія, но эксплуатація этихъ сокровищъ едва началась и производится, можно сказать, не иначе, какъ хищническимъ образомъ. Словарь есть такое казначейство, въ которомъ эти имущества народа, разбросанныя по нѣмецкимъ областямъ, впервые становятся дѣйствительнымъ сокровищемъ, и гдѣ они, будучи поставлены въ историческую связь, внезапно получаютъ неожиданную цѣну. Тамъ внѣ словаря, въ своемъ раздѣленіи, они наполовину или даже совсѣмъ теряютъ для науки, но за то въ хранилищѣ духа нѣмецкаго языка, они будутъ цѣннымъ предметомъ работы, которая поможетъ представить правильную картину жизни въ ея разнообразіи и ростѣ. Менѣе, нежели за сто лѣтъ, эта научная заботливость о нарѣчіяхъ была вѣроятно еще неблагопріятна, если даже не опасна для только-что пріобрѣтеннаго единаго книжнаго языка. Теперь же онъ настолько утвер-

дился, что стоитъ далеко внѣ подобной опасности; разнообразіе и расщепленіе нарѣчій послужитъ ему пестрымъ и богатымъ красками фономъ, на которомъ только онъ и представится въ полномъ своемъ достоинствѣ».

«Если народная школа желаетъ выполнить свою національную задачу—добавляетъ затѣмъ Рихтеръ къ словамъ ученаго, который теперь продолжаетъ великое дѣло начатаго Гриммами словаря,—то она должна воспользоваться тѣми драгоцѣнными сокровищами, о которыхъ говоритъ Гильдебрантъ въ приведенномъ мѣстѣ. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что достоинства формъ нарѣчій для науки и для народной школы различны. Не все то, что́ цѣнно и важно для науки, таково же и для школы, уже по одному тому, что многое превышаетъ пониманіе учѐника народной школы. Врядъ ли возможно познакомить ученика со всѣми нѣмецкими нарѣчіями,—нужно будетъ развѣ только привести примѣры ихъ для того, чтобъ показать наглядно ихъ существованіе. Всякаго же рода объясненія свойствъ народной рѣчи лучше всего дѣлать на примѣрѣ мѣстнаго, родного ученику нарѣчія. Приводить въ книгѣ для чтенія образцы всѣхъ нарѣчій—безполезно; лучше дать тамъ статьи на одномъ, мѣстномъ, нарѣчіи. Но если надо будетъ сдѣлать первое, то выборъ долженъ быть особенно старателенъ, для чего «Germaniens Völkerstimmen» Фирмениха или «Deutsche Mundarten» Фроммана дадутъ нужный матеріалъ. Даже при занятіяхъ и однимъ только роднымъ нарѣчіемъ въ школѣ представляются для учителя необыкновенныя трудности, гораздо бо́льшія, нежели при теоретическихъ занятіяхъ исторіей языка. Прежде всего во многихъ мѣстахъ недостаетъ необходимаго научнаго матеріала—число основательныхъ работъ невелико; большое количество дилеттантскихъ сочиненій представляетъ не болѣе, какъ драгоцѣнный матеріалъ, которому еще нужно сдѣлать научную оцѣнку.

«Было бы собственно умѣстно для каждой страны дѣлать особенное изслѣдованіе нарѣчія, и еслибы оно было готово, то отъ учителя народной школы слѣдовало бы желать филологическаго образованія и особеннаго такта при выборѣ предмета для изложенія въ школѣ. Быть можетъ, различныя «Родиновѣдѣнія», начинающія появляться теперь въ бо́льшемъ количествѣ, были бы мѣстомъ, гдѣ могли бы быть даны указанія и объ извѣстномъ нарѣчіи, и его значеніи въ преподаваніи. Тогда могло бы образоваться взаимодѣйствіе между наукой и школой, очень полезное для обѣихъ. Ничто такъ не свойственно ученику, когда онъ поступаетъ въ школу, какъ языкъ, который онъ приноситъ изъ дому. Первая задача учителя должна состоять въ томъ, чтобъ

онъ уяснилъ себѣ и ученикамъ, въ чемъ заключается различіе ихъ языка отъ книжнаго. При этомъ учитель долженъ направлять самихъ учениковъ находить это различіе. Открытое ими самими гораздо лучше удержится въ памяти, нежели только заученное; къ тому же этотъ пріемъ увеличитъ удовольствіе при ученіи, и тѣмъ самымъ подѣйствуетъ благопріятнѣйшимъ образомъ на преподаваніе. Ученикъ самъ начнетъ дѣлать сравненія между своимъ нарѣчіемъ и книжнымъ языкомъ и приводить примѣры; весьма можетъ случиться, что самые поучительные будутъ пріобрѣтаемы учителемъ во время ученія отъ учениковъ. При теперешнемъ довольно недостаточномъ изслѣдованіи нашихъ нарѣчій, этимъ путемъ можетъ быть открыто и уяснено многое и для науки цѣнное».

Такое сравнительное преподаваніе языка, образовавши самосознаніе ученика, и по окончаніи школы будетъ направлять учениковъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ. «Но,—говоритъ Рихтеръ,—это преподаваніе никакъ не должно имѣть особенныхъ часовъ: самое лучшее и полезное, если оно будетъ производиться при наиболѣе удобныхъ случаяхъ. Здѣсь трудно посовѣтовать что-нибудь положительное: во-первыхъ, потому, что въ каждой отдѣльной мѣстности всякій совѣтъ долженъ бы былъ подвергнуться значительнымъ видоизмѣненіямъ; во-вторыхъ, еще очень мало сдѣлано опытовъ по этому дѣлу, и при дальнѣйшихъ опытахъ правильная дорога мало-по малу-найдется. Невозможно также составить *общее* руководство къ такому обученію для всѣхъ учителей. Въ немъ возможно только указать, на что̀ учителю слѣдуетъ обратить вниманіе. А обратить вниманіе слѣдуетъ: на звуковыя уклоненія нарѣчій, уклоненія флексіонныхъ формъ, на различіе окончаній родовъ, на полныя, звучныя формы, удержавшіяся въ нарѣчіи, на древнюю конструкцію, уклоняющуюся отъ конструкціи книжнаго языка и т. д. Необходимо ясно показать ученику, что въ звуковыхъ уклоненіяхъ народнаго нарѣчія господствуетъ не произволъ, но самая строгая законность (въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вмѣсто *ei* говорятъ *r*, вмѣсто *au* — *oo*: Stein — Stern, Baum—Boom. Если есть уклоненія отъ такого правила, считаютъ напр. êns, zwê, но не drê, a dri, то и это происходитъ по закону извѣстнаго нарѣчія, прослѣдить который всегда возможно). Тотъ, кто разъ постигнетъ эту законность, не будетъ больше принимать нарѣчія за испорченный книжный языкъ, какъ думаютъ до сихъ поръ многіе даже образованные люди. А между тѣмъ, какъ эти образованные люди принимаютъ за правильное только то, что̀ окаменѣло въ книжномъ языкѣ, часто такъ-называемые

необразованные съ ихъ нарѣчіями говорятъ именно подъ вліяніемъ хода живого развитія языка.

«Что касается до объясненій по отношенію согласныхъ звуковъ, именно уничтоженія звука, ассимиляціи буквъ, замѣны одной другою, то это будетъ зависѣть отъ нарѣчія, съ которымъ ребенокъ придетъ въ школу. Нужно только замѣтить, что всѣ объясненія должны быть передаваемы дѣтямъ въ живыхъ и вѣрныхъ примѣрахъ. Всего лучше обращаться за примѣрами къ дѣтскимъ пѣснямъ, пословицамъ и народнымъ поговоркамъ.

«У нѣкоторыхъ нарѣчій недостаетъ извѣстныхъ флексіонныхъ формъ: то сослагательное наклоненіе очень рѣдко; то не достаетъ будущаго и прошедшаго временъ, которыя замѣняются перефразировкою; глаголъ *thun* съ неопредѣленнымъ какого-нибудь глагола употребляется для означенія различныхъ формъ глагола. Уклоненія существуютъ и въ спряженіи. Въ мѣстоименіяхъ у многихъ нарѣчій попадается древняя двойственная форма и т. д. Иногда родъ предмета въ нарѣчіи разнится отъ его рода въ книжномъ языкѣ. Все это можетъ подать поводъ къ интереснѣйшимъ и полезнѣйшимъ бесѣдамъ въ классѣ. Но самая блестящая сторона нарѣчій, это—богатство словъ. Книжный языкъ имѣетъ преимущество передъ нарѣчіемъ въ большей опредѣленности выраженій. За то нарѣчіе позволяетъ намъ бросить взглядъ на исторію языка. Мы можемъ въ нарѣчіяхъ еще и теперь прослѣдить, какъ тѣ слова, съ которыми мы теперь соединяемъ отвлеченныя понятія, имѣли прежде вещественное значеніе и только со временемъ получили отвлеченное.»

Достаточно, кажется, и этихъ небольшихъ указаній на разныя особенности нарѣчій; даже приблизительная полнота указаній здѣсь невозможна, да и не нужна. Остается вопросъ, какъ долженъ держать себя въ виду этихъ особенностей нарѣчій учитель народной школы, ученики котораго должны прежде всего изучать верхне-нѣмецкій языкъ. Можно по крайней мѣрѣ требовать, чтобы учитель говорилъ правду своимъ ученикамъ касательно нарѣчія, чтобъ онъ не выдавалъ его за неправильное въ противоположность книжному, будто бы единственно правильному языку. Когда ученикъ выразился на нарѣчіи, учитель можетъ только сказать: «такъ не говорятъ на книжномъ языкѣ», но не долженъ говорить: «это неправильно». Далѣе онъ долженъ прямо обратить вниманіе своихъ учениковъ на красоты и преимущества нарѣчія, представить его въ настоящемъ историческомъ свѣтѣ, насколько это позволяетъ пониманіе учениковъ и время; долженъ уяснить ученикамъ, какое цѣнное сокровище находится и

находилось въ ихъ обладаніи, чего они и не подозрѣвали; обязанъ показать, какъ далекъ онъ отъ того, чтобы считать это сокровище незначительнымъ, чтобы пренебрегать его примѣненіемъ. Ему не будетъ недостатка въ случаяхъ, когда одно, хорошо употребленное выраженіе на нарѣчіи, охватитъ всю душу ученика, такъ какъ оно ближе всего къ его сердцу, звучитъ довѣрчивѣе для его уха.

«Могъ ли бы Гебель своими стихотвореніями производить на своихъ земляковъ то впечатлѣніе, которое онъ дѣйствительно производилъ, если бы онъ писалъ ихъ не на аллеманскомъ нарѣчіи?

«Изъ этого не слѣдуетъ однако, что было бы лучше, если бы для того, чтобы учитель могъ чаще примѣнять къ дѣлу нарѣчія, всѣ поэты писали свои произведенія на діалектахъ. Такое желаніе было бы безразсудно. Нарѣчія не въ состояніи выразить всего того, чему выраженія требуетъ наше время. Поэты на діалектахъ всегда терпятъ неудачу, если они пожелаютъ обработывать на діалектѣ темы, стоящія выше узкаго сельскаго міровоззрѣнія. Въ такомъ положеніи будетъ и учитель, пожелавшій изложить, напримѣръ, исторію на нарѣчіи: онъ не въ состояніи будетъ выразить идей нашего времени, или же будетъ употреблять то несчастное смѣшеніе нарѣчія и книжнаго языка, которое выходитъ ни то, ни сё. Но этимъ не уничтожается возможность употреблять кстати нарѣчіе и въ исторіи,—напримѣръ, при передачѣ сильнаго народнаго изреченія, чьей-нибудь рѣчи, вполнѣ живымъ историческимъ разсказомъ и т. д.

«Такая помощь нарѣчія можетъ только способствовать преподаванію на верхне-нѣмецкомъ языкѣ. Она сдѣлаетъ это преподаваніе живымъ, тогда какъ существующее до сихъ поръ преподаваніе родного языка въ народной школѣ точно такое, какъ было въ старыхъ гимназіяхъ преподаваніе латыни. Для учениковъ это совсѣмъ чужой языкъ, понимать и употреблять который они научаются не естественнымъ путемъ, по которому новое привязывалось бы къ знакомому и родственному для ученика, а просто даютъ ему заучивать законы языка часто совсѣмъ ложные, противъ духа его навязанные ему. Нѣмецкія грамматики, которыми мучатъ столько дѣтскихъ душъ, составлены рѣшительно всѣ на одинъ такой ладъ. Чтó же пріобрѣтается для жизни отъ такого преподаванія? — По донесеніямъ рекрутскихъ коммиссій, *ничто такъ не забывается учениками, какъ знаніе нѣмецкаго (литературнаго) языка.* Ничего нѣтъ и удивительнаго:—преподаваніе языка никогда не сознавало необходимости стать въ непосредственныя сношенія съ жизнью. Въ каждой вѣтви препода-

ванія считается полезнымъ примкнуть къ природѣ и жизни, обращать вниманіе на все, что̀ можетъ послужить учащемуся для нагляднаго обученія и уясненія. Только въ области преподаванія языка, который, казалось бы, ближе всего стоитъ къ природѣ и жизни, такъ долго не рѣшаются прибѣгать къ этому идеалу всякой здравой педагогики.»

Нужно привесть слова Гильдебранта изъ статьи его «О преподаваніи нѣмецкаго языка» [1]), гдѣ онъ указываетъ, какой помощи можетъ ожидать національное образованіе отъ такого преподаванія, если съумѣть повести его. Онъ предлагаетъ учителю вопросъ, не знаетъ ли онъ изъ своего собственнаго дѣтства, что все то, что̀ мы заучивали внѣшнимъ образомъ, получало въ насъ свѣжую примѣсь дѣтской внутренней жизни и, что̀ всего важнѣе, только эта примѣсь воодушевляла мертвую вещь, дѣлала ее цѣнной и годной для насъ. Онъ говоритъ, что эта внутренняя жизнь должна быть главнымъ предметомъ работы учителя, и утверждаетъ, что ничто не запоминается такъ легко и само по себѣ во время самаго ученія, какъ изученіе родного языка—по той простой причинѣ, что тамъ предметъ памяти и ученія носитъ на себѣ непремѣнно отпечатокъ этой внутренней жизни. Если что̀ оцѣнивается учениками въ звукахъ и знакахъ книжнаго языка—такъ это сходство съ звуками нарѣчія, нравственный запасъ котораго переходитъ такимъ образомъ и въ верхне-нѣмецкій языкъ. Но это достигается вполнѣ только тогда, когда этотъ послѣдній будетъ преподаваться не какъ чужой языкъ. Затѣмъ Гильдебрантъ говоритъ:—«Я боюсь, что сердца многихъ учителей лежатъ на сторонѣ большого почтенія къ верхне-нѣмецкому языку. Дѣйствительно, пріятно для своего *я* чувствовать себя высшимъ, особенно для того, кто самъ съ трудомъ вышелъ изъ простого народа и еще борется съ послѣдними привязанностями, притягивающими его туда, какъ это часто случается съ народными учителями. Теперь онъ причисляетъ себя къ высшему слою, который вездѣ въ отечествѣ отдѣляется отъ низшаго; но въ то время, когда сознаніе этого разрыва такъ нужно многимъ для ихъ благополучія и самодовольства, другіе принимаютъ этотъ разрывъ за несчастіе, и ходъ нашего внутренняго развитія за послѣднее столѣтіе отдастъ справедливость послѣднимъ. Такой разрывъ не случаенъ; онъ вытекаетъ изъ нѣмецкой наклонности къ отвлеченности, вслѣдствіе чего является презрѣніе и необращеніе вниманія

---

[1]) Vom deutschen Sprachunterricht in der Schule. Leipz. 1867, 120—130.

на дѣйствительность, которая окружаетъ насъ ежедневно, и исканіе чего-то болѣе важнаго гдѣ-то вдали.

«Нѣмецкій народъ ходомъ своей культуры былъ воспитанъ такъ, что не признавалъ себя способнымъ къ высшей умственной жизни, отказывался отъ своего *я* и добывалъ себѣ изъ вторыхъ, третьихъ рукъ новое *я*, исковерканное, обезображенное, и добывалъ его путемъ, шедшимъ по безвоздушному пространству, и потому необходимо долженъ былъ носить въ себѣ всѣ недостатки ученой и превратной отвлеченности. Странная задача, когда приглядишься къ ней—оставить свой собственный центръ для того, чтобы утвердить его внѣ себя, на почвѣ, которая, при болѣе внимательномъ взглядѣ, совсѣмъ и не была почвой, а скорѣе туманнымъ островомъ, который парилъ гдѣ-то далеко въ воздухѣ. Но все это было необходимо по ходу исторіи; даже тотъ разрывъ въ сознаніи былъ необходимъ, хотя всегда всѣ свѣжіе умы, даже и между учеными, старались уменьшить, а не увеличить его. Но въ XIX-мъ вѣкѣ пришло наконецъ время, когда мы можемъ совсѣмъ возвратиться на родину изъ далекаго воздушнаго путешествія; мы опять нашли свой центръ въ себѣ самихъ, почувствовали, что ось умственнаго міра проходитъ черезъ насъ самихъ, отдѣлались отъ всякаго преднамѣреннаго самоотрицанія, чтобъ, съ помощію пріобрѣтеннаго во время нашего окольнаго пути, опять съ свѣжими силами работать впередъ въ простомъ и надежномъ направленіи. Нужно наполнить остатки разрыва, завершить соединеніе обоихъ центровъ. Наша поэзія работаетъ уже давно въ этомъ направленіи, наука отчасти тоже; но нигдѣ благодать совершающагося примиренія народнаго духа съ самимъ собою не можетъ быть въ настоящее время такъ легко достижима, какъ въ народной школѣ, особенно при преподаваніи нѣмецкаго языка. Преднамѣренно же поддерживать этотъ разрывъ—преступленіе противъ нашей будущности, долженствующей выдти именно изъ школы. Верхне-нѣмецкій языкъ отнюдь не долженъ быть преподаваемъ, какъ какой-нибудь латинскій. Прежде вся, искавшая образованія, часть народа изучала латынь ради пользы, которую теперь нужно, чтобъ достигали многіе,—въ извѣстномъ смыслѣ весь народъ у себя дома, и притомъ глубже, полнѣе и быстрѣе, потому что она должна быть добываема какъ можно ближе и безъ ученаго посредничества».

«Едвали возможно,—говоритъ Рихтеръ,—прибавить чтó къ этимъ словамъ. Нельзя доказать очевиднѣе, что честь и спасеніе народа требуютъ примиренія преподаванія нашего съ жизнью. Наше національное развитіе и способъ нашего преподаванія были всегда

до сихъ поръ въ нѣкотораго рода взаимодѣйствіи. Во время національнаго упадка преподаваніе было настолько слѣдствіемъ нашего національнаго состоянія, что и рѣчи быть не могло о поднятіи народа посредствомъ его. Однако успѣхи національнаго развитія, замѣчаемые въ продолженіе вѣка, имѣли слѣдствіемъ улучшеніе національнаго образованія. Оно, въ свою очередь, благопріятствовало дальнѣйшему ходу національнаго развитія. Наука германской филологіи есть слѣдствіе этой обоюдной помощи, и именно въ наше время эта наука имѣетъ значительное вліяніе на школу, чему доказательствомъ служитъ введеніе древне-германскаго языка въ гимназіи и реальныя школы.

«Только народная школа и даже учительскія семинаріи не воспользовались до сихъ поръ результатами этой новой науки. Но придетъ время, когда и эти заведенія воспользуются ими и не будутъ противиться національному теченію, а въ свою очередь станутъ способствовать успѣшному развитію народной жизни. Велика и важна въ этомъ направленіи задача народной школы, велика по открывающемуся ей полю работы, важна по послѣдствіямъ этой работы. Только тогда, когда народная школа подниметъ вверхъ богатство народныхъ діалектовъ, тогда,—заключаетъ Рихтеръ наиболѣе существенную главу своей книги:—выростетъ чувство общности всѣхъ членовъ народа, —тогда получится *народъ* (gemeines Volk), конечно, въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, какой теперь обыкновенно соединяемъ съ этимъ выраженіемъ».

II.

Въ короткихъ словахъ, съ свойственною французскому уму ясностью высказалъ, независимо отъ Рихтера, хотя не безъ вліянія общихъ началъ нѣмецкой науки о языкѣ, тѣ же начала, примѣнительно къ французской школѣ, профессоръ сравнительныхъ языковъ въ Парижѣ, Бреаль, авторъ цѣннаго сочиненія «Hercule et Cocus», а также переводчикъ сравнительной грамматики Боппа съ собственными дополненіями. Въ книгѣ: «Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи» [1]), Бреаль касается и вопроса о народныхъ нарѣчіяхъ и говоритъ:

«Наши грамматическія руководства отчасти поддерживаютъ предразсудокъ, что есть только одинъ способъ хорошо выражаться, потому что, признавая одинъ способъ выраженія, онѣ осуждаютъ

---

[1]) Quelques mots sur l'instruction publique en France. Par. 1872.

все, что́ отступаетъ отъ него:—«не говорите такъ, говорите вотъ какъ»—вотъ что́ наши дѣти слушаютъ съ самаго ранняго возраста. Иногда такія наставленія совсѣмъ непонятны. «Не говорите:—въ будущій (la prochaine) разъ, какъ вы придете; а говорите:—въ первый (la première) разъ». А почему? Когда вы спросите этихъ пунктуальныхъ цензоровъ о причинахъ, они запнутся и не смогутъ объяснить вамъ ихъ. Французская академія нѣсколько покровительствовала этому образу дѣйствій, допуская вѣрить, что все то запрещено, что́ не дозволено ею. Но такимъ образомъ разсыпать запрещенія на каждомъ шагу ребенка значитъ обѣднять языкъ, истощать способности и притуплять умъ. Ребенокъ находится въ постоянномъ страхѣ передъ грамматикой, какъ ханжа передъ взоромъ Бога. Но божество это не такъ ужъ строго, какъ насъ заставляютъ думать. Напротивъ, ему нравится разнообразіе и всѣ способы выраженія одобряются имъ, лишь бы только они были естественны и ясны. Вмѣсто того, чтобы производить опустошенія вокругъ оффиціальнаго выраженія, я бы желалъ, напротивъ, обратить вниманіе моего ученика на различные способы, которыми можно сказать одно и то же. Между словомъ простымъ, иногда тривіальнымъ, и литературнымъ оборотомъ уложится цѣлый рядъ выраженій, которыя будутъ въ распоряженіи дитяти, смотря потому, будетъ ли онъ говорить дома, въ публикѣ, обращаясь къ себѣ равному, старшему, письмомъ или словомъ. Владѣя многими оборотами хорошими и лучшими, дитя почувствуетъ, что дѣйствительно оно обогащается. Оно съ жадностью будетъ слушать тотъ урокъ французскаго языка, который въ то же время есть урокъ эстетики и стиля; скоро исчезнетъ и та пестрота языка, которая происходитъ оттого, что нѣкоторыя выраженія, выученныя пополамъ съ грѣхомъ въ книгахъ, пришиты къ родному говору, совершенно оставить который ребенокъ все-таки не могъ, вопреки вашимъ грамматикамъ, потому что вы ничего не дали взамѣнъ его.

«Каково бы ни было достоинство печатнаго руководства, оно будетъ всегда неудовлетворительно съ извѣстной стороны, на которую мы и хотимъ теперь обратить вниманіе читателей. Французскій языкъ не долженъ быть преподаваемъ, какъ нѣчто въ родѣ латинскаго; его нужно опирать, сколько возможно, на народный языкъ, котораго онъ есть и исправитель и идеалъ. Во многихъ нашихъ провинціяхъ этотъ народный языкъ чувствительно отклоняется отъ французскаго въ собственномъ смыслѣ, какъ по произношенію, такъ и по лексикону. Нельзя не догадаться, что мы хотимъ говорить о провинціальныхъ нарѣчіяхъ

(patois), которыя, вслѣдствіе невѣжества, могли быть принимаемы за искаженіе и каррикатуру французскаго, но теперь, благодаря болѣе здравымъ представленіямъ, начинають выступать въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, т.-е. какъ діалекты не менѣе древніе, не менѣе правильные, чѣмъ французскій въ собственномъ смыслѣ, который сдѣлался литературнымъ языкомъ нашей страны только потому, что былъ діалектомъ Иль-де-Франса. Большая часть нашихъ воспитателей преподаютъ французскій языкъ, какъ нѣчто настолько высшее отъ народныхъ нарѣчій, что не возможно ни на минуту подумать провести параллель между ними: *патуа* для нихъ никакъ не вспомогательное средство; если же и говорятъ объ немъ, то какъ о противникѣ, котораго нужно уничтожить. Съ ученикомъ, пришедшимъ въ школу и говорящимъ своимъ *патуа*, обращаются такъ, какъ будто онъ ничего не принесъ съ собою; часто даже его упрекаютъ за то, чтó онъ принесъ, заявляютъ, что было бы гораздо желательнее, еслибы онъ не зналъ ничего, нежели этотъ непозволительный говоръ, къ которому онъ привыкъ.

«Ничего нѣтъ прискорбнѣе такого отношенія къ діалектамъ. *Патуа* не только не вредитъ изученію французскаго языка, напротивъ оно—лучшее вспомогательное для него средство, и совсѣмъ не будетъ трудно доказать, что тамъ, гдѣ существуетъ *патуа*, грамматическое преподаваніе, какъ бы неумѣло за него ни взялись, тотчасъ же дѣлается занимательнѣе. Хорошо изучить языкъ можно только при сравненіи его съ другимъ одного и того же происхожденія. Гдѣ существуетъ *патуа*, тамъ достигается и возможность сравненія. Нѣсколько правилъ перемѣщенія буквъ, уясненныя учителемъ, даютъ ученику возможность найти связь родства, соединяющую оба языка.

«Мысль, что *патуа* есть достойный совершеннаго презрѣнія говоръ, такъ утвердилась въ общемъ мнѣніи, что вначалѣ, при введеніи его въ школу, потребуется нѣкотораго рода предосторожность. Я напередъ слышу, какой шумный и глубокій взрывъ хохота встрѣтитъ первую фразу учителя, произнесенную на *патуа*. Озадаченные ученики внезапно почувствуютъ себя представителями цивилизаціи, а въ учителѣ увидятъ представителя невѣжества. Но да не смущается учитель; пусть онъ спокойно повторяетъ свою фразу или что-нибудь подобное. Хохотъ возобновится, но ужъ будетъ менѣе свободный; къ нему примѣшается мысль, что тутъ есть что-то, о чемъ никогда не думали и чему сейчасъ получатся объясненія. Это минута, когда ребенокъ напрягаетъ все свое вниманіе. Вотъ тогда покажите ему, что фраза

на *натуа* можетъ быть легко приведена въ форму французскую. Заставьте понять, въ чемъ заключается различіе и въ чемъ сходство. Дитя начнетъ смотрѣть на свой собственный языкъ совсѣмъ другимъ взглядомъ: французская форма покажется ему сестрою высшаго достоинства, протягивающей руку своей народной сестрѣ или же облагороженнымъ прививкой видомъ рядомъ съ дикимъ. Онъ будетъ только удивляться своему недавнему смѣху. *Натуа* немедленно представитъ въ первообразномъ видѣ слова, которыя существуютъ во французскомъ литературномъ языкѣ только какъ сложныя и производныя. Такъ, житель Берри говоритъ *faire son viron* (faire son tour) и *vironner* (tourner), тогда какъ по-французски есть только *environ*, *environner*. *Bader* на языкѣ поселянина Сентонжа значитъ открыть ротъ; оно и есть корень французскаго слова *badaud* (ротозѣй). Часто слово, вышедшее изъ употребленія во французскомъ языкѣ, живетъ еще въ *натуа*: таково, напримѣръ, *caver* (creuser): оно и объясняетъ *cave* и *caveau*». Здѣсь Бреаль приводитъ еще нѣсколько примѣровъ, гдѣ *натуа* оказывается необходимымъ при объясненіи французскихъ словъ, но такъ какъ они имѣютъ чисто мѣстный интересъ, то мы ихъ и опускаемъ. Затѣмъ онъ опять обращается къ школѣ и говоритъ: «какое удовольствіе для дитяти видѣть оффиціально признанными, слышать изъ устъ учителя тѣ выраженія, которыя онъ таилъ въ себѣ, не смѣя употреблять ихъ даже тогда, когда не зналъ, что̀ поставить на мѣсто ихъ. Теперь ужъ оно не будетъ болѣе обязано дѣлать усилія, чтобы забыть всѣ тѣ термины, съ которыми у него связывается столько воспоминаній.

«Если вмѣстѣ съ тѣмъ учитель покажетъ ему, что его діалектъ (какъ это часто случается) сходенъ съ древне-французскимъ и что онъ приближается къ языку Генриха IV или къ языку Людовика Святого, — какъ свободно вздохнетъ ребенокъ; возвратясь домой, онъ взглянетъ другимъ глазомъ на домашній очагъ. Не первое ли это изъ благъ, если у васъ не отнимаютъ вашего собственнаго языка для того, чтобы заставить васъ усвоить языкъ Парижа? Если, по счастью, провинція ваша имѣетъ уже нѣсколько авторовъ, такихъ какъ Жасменъ, Руманиль или Мистраль (Jasmin, Roumanille, Mistral—провансальскіе поэты), читайте эти книги на ряду съ французскими. Дитя будетъ гордиться своей провинціей и только еще больше будетъ любить Францію. Духовенство хорошо знаетъ эту силу родного діалекта; оно умѣетъ при случаѣ пользоваться имъ, а ваша культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно,

чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не только просто сверху наложена на нее.

«Разъ вниманіе учениковъ будетъ обращено въ эту сторону, они сами по себѣ будутъ вызывать объясненія учителя. Дитя по природѣ собиратель: также какъ оно собираетъ минералы, бабочки, марки, оно будетъ дѣлать коллекцію любопытныхъ оборотовъ. Рядомъ со множествомъ незначительныхъ, явится для васъ такимъ путемъ не одно сокровище древняго языка, не одно поразительнее выраженіе, которое стоило бы вывести на свѣтъ. Отъ времени до времени будетъ случаться, что ученикъ, вставая въ классѣ, познакомитъ учителя и товарищей кое-съ-чѣмъ такимъ, чего они еще не знали. Но это даже не дурно — классъ выиграетъ въ степенности, и ученики получатъ болѣе правильное понятіе о томъ, что такое знаніе человѣческое. Правда, они будутъ иногда задавать учителю затруднительные вопросы — поэтому вы узнаете работающія головы, которыми бываютъ не всегда самые блестящіе ученики въ классѣ. Если воспитатель не сможетъ отвѣтить, въ чемъ же тутъ бѣда?—пусть онъ спокойно отвѣтитъ: «я не знаю навѣрно», или: «я не знаю этого, но желалъ бы знать». Это еще болѣе заставляетъ разсуждать дѣтей. Такимъ образомъ развивается сознаніе незнанія и охота изслѣдованія.

«Конечно, многіе изъ воспитателей примѣняютъ къ дѣлу то, о чемъ мы только-что говорили. Но совсѣмъ иное дѣло пробовать сближенія украдкой, какъ бы контрабандою, иное дѣло предлагать ихъ по системѣ и съ полной увѣренностью въ ихъ достоинствѣ. Пусть не боятся, что авторитетность оффиціальнаго языка будетъ поколеблена; этой опасности нѣтъ:—достаточно литературы, публицистики и администраціи для того, чтобъ напомнить во всякое время о необходимости его. Что же касается провинцій, которыя, подобно Бретани и землѣ Басковъ, говорятъ особымъ языкомъ, то вводите тамъ французскій, но съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ родному языку.

«Наши воспитатели, родившіеся по большей части въ деревнѣ, и которыхъ помѣщаютъ обыкновенно въ тотъ департаментъ, откуда они родомъ, хорошо приготовлены для преподаванія, о которомъ мы только-что говорили. Только трудно побѣдить въ нихъ предубѣжденіе, существующее особенно сильно у тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе продолжительное время говорили въ кругу домашнихъ на *патуа*. Впрочемъ, курсъ исторіи французскаго языка, пройденный въ образцовой школѣ, возьметъ верхъ надъ этимъ предразсудкомъ. Историческая грамматика Огюста

Браше (Brachet), ясно и интересно изложенная, можетъ замѣнить этотъ курсъ для тѣхъ, кто уже на должности». Тутъ Бреаль предполагаетъ для учителей также занятія въ необходимомъ для нихъ размѣрѣ латинскимъ языкомъ, и заканчиваетъ главу такъ: «Не одинъ изъ учителей, конечно, войдетъ во вкусъ своихъ занятій, станетъ наблюдать діалектъ своей деревни и неизбѣжно заинтересуется такимъ образомъ прошедшимъ своей страны. Вмѣсто того, чтобъ быть чужимъ между крестьянами, вмѣсто того, чтобъ представлять изъ себя всегда подозрительное оффиціальное просвѣщеніе, онъ сдѣлается дѣйствительнымъ представителемъ общины, знающимъ лучше всѣхъ исторію, къ которому въ спорахъ о словахъ и дѣлахъ будутъ обращаться за совѣтомъ, какъ къ хранителю преданія и ученому кантона».

Въ словахъ Бреаля слышится, конечно, болѣе филологъ-теоретикъ, чѣмъ практикъ-педагогъ. Отсюда нѣкоторое увлеченіе симпатіями къ народнымъ нарѣчіямъ, ожиданія отъ элементарной школы пользы даже для самой ученой разработки народныхъ нарѣчій и т. п. Отсюда же и отсутствіе въ книгѣ Бреаля обстоятельнаго плана введенія народныхъ нарѣчій въ школу, плана, который можетъ быть выработанъ только людьми, занятыми практически дѣломъ народнаго обученія. Но дѣло въ томъ, что пока послѣдніе стоятъ на низкой степени научной подготовки, — всякаго рода новыя и педагогическія идеи могутъ идти только сверху внизъ, — отъ Бреалей къ сельскимъ учителямъ, а не наоборотъ. Когда практики освоятся съ общими идеями, исходящими отъ теоретиковъ, тогда они дадутъ и примѣры, какъ приложить эти идеи. Теоретикъ, да еще и нѣмецкій, виденъ не только въ Гильдебрандѣ, но и въ Рихтерѣ, который развѣ въ томъ является практичнымъ, что старается напередъ занять возможно болѣе консервативное положеніе по вопросу о роли народныхъ нарѣчій въ школѣ. Впрочемъ, у Рихтера находимъ и начало указанія дороги, какою эти послѣднія могутъ пройти въ школу и занять тамъ то положеніе, какое они должны имѣть соотвѣтственно теперешнимъ о нихъ понятіямъ научнымъ, а также сообразно тому принципу: *отъ близкаго къ дальнѣйшему*, который есть основа новѣйшей живой педагогіи. Рихтеръ говоритъ немало о *книгѣ для чтенія* въ народной школѣ. Книга же для чтенія есть олицетвореніе системы, господствующей въ школѣ, и отраженіе педагогическихъ началъ времени.

«Книга для чтенія въ народной школѣ, — говоритъ Рихтеръ, — должна быть выборомъ лучшаго изъ духовной сокровищницы нашего народа; народная сказка, народная пѣсня и народная по-

словица должны быть въ ней представлены богато, между прочимъ и на основаніи вышеизложеннаго... Мы представляемъ себѣ книгу для чтенія, отвѣчающую двуклассной народной школѣ, раздѣленную по крайней мѣрѣ на два курса. Въ первомъ курсѣ найдутъ себѣ мѣсто именно сказки и короткіе разсказы, въ то время, какъ въ высшемъ классѣ должны быть преимущественно въ виду—героическій эпосъ, историческая народная пѣсня и народная пословица». Дальше Рихтеръ разбираетъ вопросъ о матеріалѣ, какой можетъ дать для книги каждая изъ категорій народной словесности, литература средневѣковая и новая, мѣстная и обще-германская, описаніе провинцій, исторія ремеслъ и т. п., и указываетъ лучшіе сборники и источники вообще,—т.-е. обращается къ деталямъ, которыхъ нѣтъ надобности излагать здѣсь. Оканчиваетъ Рихтеръ свои разсужденія о книгѣ для народныхъ школъ въ высшей степени важными соображеніями, которыя не только резюмируютъ все сказанное выше по вопросу о роли народныхъ нарѣчій въ школѣ, но и поднимаютъ болѣе общій вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ образованіи.

«Мы уже высказались,—говоритъ Рихтеръ,—о необходимости принять въ читальникъ образцы діалектовъ. Но такъ какъ мы требовали, чтобъ образцы только на мѣстномъ діалектѣ были принимаемы въ читальникъ, то этимъ мы предположили уже провинціальное значеніе читальника. И *въ самомъ дѣлѣ, мы того мнѣнія, что не можетъ быть читальника, приспособленнаго для всей Германіи*. Конечно, многое въ немъ можетъ быть пригодно для всѣхъ провинцій въ равной степени. Это могло бы составить общій стволъ для всѣхъ читальниковъ. Но къ нему должно примыкать то, чтó можетъ имѣть значеніе только для одной части отечества, какъ тому уже есть примѣръ въ «Отечественномъ Читальникѣ» Кекка и Іогансена («Vaterländisches Lesebuch» von Keck und Iohanssen); къ читальнику могли бы быть прилагаемы различныя приложенія сообразно разнымъ мѣстностямъ. Въ такихъ приложеніяхъ должны быть помѣщены и образцы на діалектахъ. Кромѣ того, тутъ должны найти себѣ мѣсто сказанія и пословицы соотвѣтственной мѣстности; послѣднія сколько-возможно на діалектѣ; далѣе — картины изъ жизни природы и людей, насколько эта мѣстность представляетъ собою что-либо особенное, отличительное. Гдѣ имѣются поэтическія воспроизведенія какой-либо мѣстности,—на нихъ тоже должно быть обращено вниманіе, особенно если они имѣютъ такія достоинства, какъ, напр., вестфальскія стихотворенія «Freiin Annette von Droste-Hülshoff» (о Гебелѣ и т. п. провинціальныхъ поэтахъ авторъ упоминалъ выше). Прославленіе

тѣсной родины чрезвычайно важно. Подобно тому, какъ мы научаемся уважать въ собственномъ народѣ всѣ народы, въ отечествѣ всѣ страны, — такъ точно и тутъ уваженіе къ небольшой части производитъ свое вліяніе на возбужденіе уваженія къ цѣлому».

Мы видимъ такимъ образомъ, что вопросъ о значеніи народныхъ нарѣчій въ преподаваніи литературно-національнаго языка, о значеніи вообще мѣстнаго элемента въ образованіи, и, слѣдовательно, мѣстныхъ читальниковъ для народныхъ школъ становится важнымъ очереднымъ вопросомъ въ педагогической литературѣ передовыхъ странъ западной Европы. Вопросъ этотъ есть необходимое послѣдствіе основного принципа новѣйшей педагогики: — отправляться отъ близкаго, окружающаго, готоваго въ ученикѣ, къ далекому, новому, отъ частнаго къ общему. Вопросъ этотъ и для Россіи имѣетъ едвали не болѣе значенія, чѣмъ для Франціи и Германіи, какъ по относительной молодости нашего нынѣшняго литературнаго языка, который не успѣлъ еще исчерпать въ сколько-нибудь значительной степени богатство всѣхъ народныхъ русскихъ нарѣчій, такъ и по обширности и разнообразію частей нашего отечества, которыя обусловливаютъ и этнографическое и хозяйственное различіе народонаселенія,—а вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ въ образованіи есть только часть общаго вопроса о мѣстныхъ элементахъ въ образованіи, особенно въ наглядномъ образованіи. У насъ вопросъ этотъ, преимущественно вопросъ о народной рѣчи въ школѣ, былъ также предметомъ обсужденія, хотя и недостаточно подробнаго въ то время, когда только зарождалась наша народная школа, время, которое совпало съ временемъ общаго энтузіазма и сочувствія къ народу вообще. Явнымъ даже предпочтеніемъ народной рѣчи литературному языку отличаются теоріи «Ясной Поляны» гр. Толстаго,—хотя талантливый издатель «Ясной Поляны» не развилъ цѣлой системы мѣстныхъ читальниковъ, а какъ мы видѣли на примѣрѣ, принципъ участія народной рѣчи въ преподаваніи отеческаго языка, составляя необходимый выводъ изъ всей аналитической системы новой школы, ведетъ за собой и признаніе необходимости провинціальныхъ читальниковъ. Недавно гр. Толстой издалъ свою хрестоматію, которую, можно сказать, всю редижировалъ тульскимъ нарѣчіемъ, но выдалъ ее, какъ общую, а не частную.

Первая въ Россіи,—сколько намъ извѣстно, — обстоятельная статья, затронувшая вопросъ, о которомъ говорятъ книги Рихтера и Бреаля,—была статья г. Весселя: «Мѣстный элементъ въ обу-

ченіи», напечатанная въ журналѣ «Учитель» за 1862 г. (стр. 839, 893, 949 и слѣд.). Авторъ этой статьи, а потомъ членъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, указавъ на недостатки существующаго отвлеченнаго способа обученія въ нашихъ школахъ, высказалъ положеніе, что общее образованіе невозможно безъ опоры на мѣстный элементъ, и набросалъ планъ образованія и учебниковъ, которые бы совмѣстили мѣстный и общій элементы въ школахъ низшихъ и даже среднихъ. Обращаясь къ назначенному тогда ученымъ комитетомъ конкурсу на составленіе книги для народныхъ школъ, г. Вессель замѣтилъ важный пропускъ въ условіяхъ этого конкурса, а именно,—«непринятіе въ соображеніе, что книга для чтенія должна имѣть *мѣстный характеръ*»,—такъ какъ *«одна книга для чтенія, какъ бы она ни была хорошо составлена, не можетъ быть вполнѣ пригодною для всѣхъ совершенно разнохарактерныхъ мѣстностей нашего необъятнаго отечества»* (курсивъ въ подл., стр. 951). Г. Вессель предлагаетъ разбить назначенную въ 4,000 р. премію на восемь и вызвать авторовъ къ составленію мѣстныхъ книгъ для чтенія. «Мы убѣждены,—говоритъ г. Вессель,—что была бы составлена книга для чтенія и на малороссійскомъ языкѣ, которой, хотя бы нѣсколько сносной, до сихъ поръ у насъ не существуетъ, такъ что въ Малороссіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ не-по-чему и учить дѣтей родному языку. А не обучать народъ родному языку, значитъ не дозволять развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значитъ оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ. Если же мы начнемъ обучать народъ не его языку, а хоть самому сродному, ближайшему, то сдѣлаемъ еще хуже: *мы извратимъ самостоятельное умственное развитіе народа, мы извратимъ всю духовную природу его*».

Тотъ же вопросъ затронулъ покойный К. Д. Ушинскій, описывая бернскую Einwohner-Mädchenschule, находящуюся подъ дирекціей извѣстнаго педагога Фрёлиха, и представляющую образецъ разумнаго соединенія мѣстнаго и общаго элемента въ преподаваніи. «Что съ дѣтьми начинаютъ заниматься на томъ самомъ нарѣчіи, на какомъ они говорятъ дома, это безъ сомнѣнія не только весьма разумно, но и не менѣе гуманно, — говоритъ Ушинскій при описаніи школы Фрёлиха [1]). «Должно заботиться всѣми силами, чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ

[1]) „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1863, январь, отд. III, стр. 13—14).

жизнь ребенка и чтобы, незамѣтно для него, приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности. Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма неласково, напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: чтó же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіи тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою, и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Чтó же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полу-русскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ. Ужъ лучше была та школа, гдѣ учили прямо по часослову и псалтырю, потому что небольшія познанія въ церковно-славянскомъ языкѣ и связанныя съ ними понятія могла поддержать и развить

далѣе церковь своими службами и своими книгами, доступными для крестьянина; великорусская же грамота непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ...

«У Фрёлиха говорятъ съ дѣтьми на бернскомъ нарѣчіи не только въ малолѣтней школѣ, но и выше, въ элементарныхъ и даже секундарныхъ классахъ; кромѣ того, особенно изучаютъ народныя пѣсни и разсказы на бернскомъ нарѣчіи, хотя въ совершенствѣ усвоиваютъ и общій нѣмецкій языкъ».

Оба наши педагога, гг. Вессель и Ушинскій, начавши говорить о непригодности отвлеченно-однообразнаго обученія ко всѣмъ краямъ Россіи, сейчасъ же обратились къ примѣру края, гдѣ особенности народной рѣчи и быта всего яснѣе требуютъ уступокъ отъ системы безусловнаго однообразія, — къ Малороссіи. Время 1862—1863 гг. выдвинуло, между прочимъ, на видный планъ вопросъ о народномъ образованіи на юго-западѣ и на сѣверо-западѣ Россіи, гдѣ происходило польское движеніе. Тутъ педагогическій вопросъ осложнился политическимъ, и если это обстоятельство, между прочимъ, способствовало тому, что на западѣ Россіи не только теоретики, знакомые такъ съ вопросами западно-европейской педагогики, какъ гг. Вессель, Ушинскій и др., но и практики уразумѣли яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ краяхъ нашего отечества, вопросъ о мѣстномъ языкѣ и вообще мѣстномъ элементѣ въ народномъ образованіи, — за то здѣсь же примѣшались политическо-національныя страсти къ педагогическому вопросу, а потому тутъ вопросъ этотъ былъ задавленъ, или запутанъ, или самъ собою заглохъ едвали не на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Заявленіями въ пользу мѣстной народной рѣчи и мѣстнаго элемента въ образованіи полны записки педагоговъ виленскаго и кіевскаго учебныхъ округовъ, помѣщенныя въ «Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ», въ 1862 г.

Цѣлый рядъ педагоговъ, попечителей училищъ, предводителей дворянства изъ виленскаго округа, поляковъ и русскихъ, подалъ голоса въ пользу бо́льшаго или меньшаго употребленія «мѣстнаго языка» въ низшихъ и даже среднихъ училищахъ, разумѣя подъ этимъ словомъ языкъ польскій въ мѣстахъ, гдѣ народный языкъ, какъ извѣстно, бѣлорусскій, малорусскій, или литовско-жмудскій. Не многіе говорили въ пользу литовскаго языка, но почти всегда сопровождая это мнѣніе желаніемъ, чтобъ на второй ступени обученія былъ сдѣланъ переходъ къ польскому языку. Конечно, въ словахъ, что ученики, поступающіе въ училища виленскаго округа, если они

не принадлежатъ къ русской народности, плохо понимаютъ по-русски и требуютъ педагогически проведеннаго перехода отъ домашняго языка,—какимъ для многихъ служитъ польскій, — къ русскому языку школы, въ словахъ этихъ много резоннаго. Но, къ сожалѣнію, виленскіе педагоги всего менѣе стояли на педагогической точкѣ зрѣнія, — и оттого требовали обязательнаго обученія по-польски и дѣтей русскихъ и литовскихъ. Приводя такіе резоны, какъ, напр., что тамъ, гдѣ «простонародное нарѣчіе не имѣетъ письменныхъ произведеній, надо учить на языкѣ образованнаго сословія, т.-е. на польскомъ» (стр. 116 и др.). Съ другой стороны и немногіе возражатели имъ съ русской стороны становились вовсе не на педагогическую точку зрѣнія, и приводили совершенно шляхетскіе аргументы, какъ и поляки (см. тамъ же стр. 46, 434). И тѣ и другіе просмотрѣли вопросъ о мѣстномъ реальномъ элементѣ въ дѣлѣ обученія и вопросъ о значеніи въ школѣ русскихъ народныхъ разновидностей виленскаго учебнаго округа.

Гораздо болѣе затронули эти вопросы и гораздо болѣе съ педагогической точки зрѣнія педагоги кіевскаго учебнаго округа. Тутъ мы совсѣмъ почти не встрѣчаемъ голосовъ въ пользу польскаго, шляхетскаго языка, какъ будто бы мѣстнаго, но за то встрѣчаемъ почти всѣми гимназіями поданные голоса о педагогическомъ значеніи *хлопскихъ* нарѣчій: бѣлорусскаго и особенно малорусскаго. Болѣе обстоятельно затронули этотъ вопросъ совѣтъ 2-й кіевской гимназіи и директоръ житомирской гимназіи г. Пристюкъ. Первый считаетъ невозможнымъ наглядное обученіе безъ мѣстнаго народнаго языка, а потому предлагаетъ въ своемъ краѣ «начинать наглядное обученіе и первоначальную грамоту на мѣстномъ народномъ малороссійскомъ языкѣ». Г. Пристюкъ предлагаетъ тщательно обсудить вопросъ: «не будетъ ли успѣшнѣе идти обученіе здѣшняго народа, если начать учить его грамотѣ не на великорусскомъ, а на малорусскомъ нарѣчіи, на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету, и потомъ получилъ первыя человѣческія понятія? Далѣе, на второй годъ можно учить его и на общественномъ языкѣ». Г. Пристюкъ проектируетъ и мѣстные читальники для народныхъ школъ, предлагая взять иниціативу этого дѣла петербургскому Обществу изданія дешевыхъ книгъ для народа. «Обществу слѣдовало бы,— говоритъ онъ, — пригласить людей, знающихъ здѣшній край, и поручить имъ составленіе подобнаго руководства. Быть можетъ, при участіи высшаго начальства, найдутся богатые землевладѣльцы въ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніяхъ, которые

согласятся объявить на свой счетъ преміи за лучшее такое руководство. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль эта легко осуществима: тамъ есть Кочубеи, Ригельманы, Галаганы, Милорадовичи, Соллогубы, Лопухины и другіе, извѣстные своимъ сочувствіемъ ко благу народа».

Такія соображенія остались въ области пожеланій. Правда, западный край далъ книгу для чтенія мѣстнаго происхожденія и съ нѣкоторой претензіей на мѣстный колоритъ. Мы разумѣемъ вышедшую въ Вильнѣ въ 1863 г., книгу для народныхъ школъ виленскаго учебнаго округа, въ которой было помѣщено нѣсколько листочковъ и статей «на простонародномъ нарѣчіи» (бѣлорусскомъ). Но независимо отъ крупныхъ недостатковъ этой книги, — между прочимъ отсутствіе въ ней мѣстнаго реальнаго содержанія, — именно относительно языка она была составлена въ направленіи діаметрально-противоположномъ требованіямъ педагогическимъ, такъ какъ начиналась она съ церковно-славянскаго, потомъ давала статьи на общерусскомъ литературномъ нарѣчіи, потомъ великорусскія пѣсни и т. п., и уже въ концѣ бѣлорусскія статейки. Книга эта въ свое время была строго разобрана г. Водовозовымъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1863, май, отд. V, 90—101). Въ своей рецензіи г. Водовозовъ высказался за необходимость комбинировать въ элементарномъ читальникѣ общеобразовательнный матеріалъ съ народнымъ, за мѣстный элементъ и мѣстное нарѣчіе, даже если оно русское,—«на которомъ должна быть написана по крайней мѣрѣ треть книги»,—и слѣдовательно «за частные мѣстные читальники» (стр. 91).

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ. Самъ г. Водовозовъ издалъ нѣсколько хорошихъ, или общихъ или съ большею или меньшею примѣсью великорусскаго народнаго элемента,—но желанныхъ имъ, вмѣстѣ съ Ушинскимъ, Весселемъ и др., мѣстныхъ, частныхъ читальниковъ—не появилось. Какъ это ни прискорбно, — но надо сказать, что это совершенно естественно. У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, образованіе и преобразованіе идутъ изъ центра къ краямъ. Вполнѣ же удовлетворительные мѣстные читальники могутъ выдти только изъ рукъ мѣстныхъ, провинціальныхъ педагоговъ, которые, имѣя основательное педагогическое и научное образованіе, вполнѣ ознакомятся съ практическими мѣстными условіями и потребностями народной школы въ разныхъ провинціяхъ нашего обширнаго отечества. Собственно говоря, такими авторами читальниковъ могутъ быть только учители народныхъ школъ или инспекторы ихъ. Но такихъ учите-

лей, даже инспекторовъ-педагоговъ, намъ вѣроятно придется еще долго ждать. У насъ даже лучшіе учебники для гимназіи вышли сначала отъ университетскихъ профессоровъ (гг. Буслаевъ, Шульгинъ, Иловайскій и др.), т.-е. отъ людей, которые стояли близко не къ преподаванію практическому, а къ теоріи его у болѣе образованныхъ народовъ. Такъ и лучшіе читальники и элементарные учебники для народныхъ школъ вышли у насъ отъ людей кабинетныхъ, жителей столицъ (гг. Ушинскій, Семеновъ, Паульсонъ, Водовозовъ и др.), а вовсе не отъ преподавателей народныхъ школъ въ провинціяхъ. Отъ этого педагоги-теоретики составляли свои руководства для элементарной школы въ столичныхъ кабинетахъ и не могли взяться за дѣло локализаціи своихъ книгъ,—хотя въ теоріи и высказались за ея необходимость. Великая заслуга съ ихъ стороны и въ томъ, что они представили образцы систематическихъ общихъ читальниковъ, по которымъ нетрудно будетъ со временемъ составить и мѣстно-общіе. Эти читальники, какъ «Родное Слово» и т. п., принесли уже огромную пользу, конечно, прежде всего тамъ, гдѣ условія, среди которыхъ растутъ и учатся дѣти, ближе подходятъ къ тѣмъ, среди коихъ составлялись эти книги, т.-е. тамъ, гдѣ эти условія тоже кабинетны и болѣе или менѣе однородны, а именно въ такъназываемыхъ высшихъ, преимущественно дворянско-чиновническо-городскихъ классахъ нашего общества, для которыхъ, собственно говоря, у насъ только и существуетъ подобіе раціональнаго домашняго и школьнаго образованія. Но и тутъ пользованіе съ живою педагогическою цѣлью тѣмъ народнымъ, т.-е. по необходимости мѣстнымъ великорусскимъ элементомъ, какой занимаетъ видное мѣсто въ книгахъ Ушинскаго, Водовозова и др.,—въ мѣстахъ не-великорусскихъ, чрезвычайно затруднительно. Вся живость этихъ пословицъ, пѣсенокъ, картинъ и т. п. по меньшей мѣрѣ пропадаетъ для дитяти, не живущаго среди великорусской сельской народной обстановки. Что же до народной школы собственно, особенно сельской, то при разнообразіи въ Россіи быта народнаго, особенно сельскаго, о вполнѣ раціональномъ повсемѣстномъ примѣненіи такихъ изданій, какъ, напр., «Родное Слово», по настоящему не можетъ быть и рѣчи. Это сознавалъ и самъ покойный Ушинскій. Мы видѣли, что г. Водовозовъ считалъ невозможнымъ для всей Россіи одинъ читальникъ. А между тѣмъ читальники этихъ педагоговъ употребляютъ для всей Россіи, для всѣхъ классовъ и провинціи. Даже то, въ чемъ книги Ушинскаго, Водовозова и т. п. подходятъ къ идеаламъ самихъ авторовъ ихъ, т.-е. то присутствіе въ нихъ народнаго великорусскаго

элемента, составляетъ для половины Россіи недостатокъ ихъ, а не достоинство, потому что чѣмъ лучше какая педагогическая книга по языку и содержанію принаровлена къ извѣстному классу, къ извѣстному мѣсту, тѣмъ меньше она годится для другой,—чѣмъ живѣе для однихъ условій, тѣмъ мертвѣе для другихъ. Изъ этого заколдованнаго круга можно выдти двоякимъ способомъ: или допустить разнообразіе жизни, или подвести всѣ классы, всѣ мѣста подъ одну рамку мертвую, абстрактную, т.-е. или логично провести принципъ новой педагогіи, или логично отъ него отказаться. Послѣднее невозможно,—слѣдовательно остается неизбѣжно обратиться къ первому, т.-е. въ данномъ вопросѣ къ идеѣ мѣстныхъ читальниковъ. Для такихъ читальниковъ даже такія чисто этнографическія и филологическія подраздѣленія Россіи, какъ Малороссія, Бѣлоруссія, Великороссія будутъ слишкомъ крупны, ибо, напр., и нарѣчія и условія быта, а слѣдовательно и нагляднаго образованія степной великорусской Саратовской губ., будутъ совсѣмъ иныя, чѣмъ лѣсной Вологодской и т. д. Для Россіи, быть можетъ, нужно будетъ 30—40 букварей и 10—15 читальниковъ, которые бы, *начиная разно учить дитя читать, наблюдать окружающее и знать далекое,—кончали бы однимъ и тѣмъ же, т.-е. дѣлали подростающаго сознательнымъ гражданиномъ Россіи*, знающимъ ее и владѣющимъ ея литературнымъ языкомъ, органомъ общественной и нравственной ея жизни, и въ то же время давали ему возможность сознательно владѣть всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ богатствомъ мѣстной родины. Повторяемъ, такихъ букварей и читальниковъ, такихъ школъ нельзя ждать скоро, но вопросъ о нихъ долженъ быть поставленъ ясно, чтобы тѣ, которые имѣютъ возможность дѣйствовать на практикѣ надъ народнымъ образованіемъ въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества, могли собирать матеріалы и обдумывать методъ для такихъ букварей и читальниковъ.

Невыясненность же этого вопроса приводитъ къ чрезвычайно страннымъ явленіямъ, какія, напримѣръ, можно было наблюдать въ полемикѣ по поводу книги барона Корфа «Нашъ Другъ». Баронъ Корфъ одинъ изъ немногихъ составителей книгъ для народныхъ школъ, который дѣйствовалъ на практикѣ въ этихъ школахъ; въ то же время баронъ Корфъ есть единственный изъ извѣстныхъ педагоговъ, дѣйствующій и пишущій учебники въ провинціи, т.-е. на мѣстѣ жизни народной школы. Мало того, баронъ Корфъ, въ статьѣ «Земскій Вопросъ» и въ отчетахъ о ходѣ народнаго образованія въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, опредѣлительно высказывалъ мысли о локализаціи

пріемовъ народнаго образованія. И при всемъ этомъ, вѣроятно вслѣдствіе молчанія печати по этому вопросу, баронъ Корфъ, составляя «Нашъ Другъ», задался цѣлью составить читальникъ для всѣхъ классовъ и для всѣхъ провинцій Россіи, и притомъ читальникъ съ практическими цѣлями. Что же вышло? Одинъ рецензентъ упрекнулъ барона Корфа въ неправильномъ языкѣ и безграмотности, и даже безсмыслицѣ (напримѣръ *шаръ огурцовъ,* т.-е. слой,—по-малорусски, откуда и общерусское—шарить), ради множества мѣстныхъ малороссійско-новороссійскихъ словъ, которыхъ невольно набрался языкъ барона Корфа, преподававшаго и писавшаго свою книгу въ Екатеринославской губерніи. Баронъ Корфъ оправдывался тѣмъ, что онъ «желалъ сдѣлать свою книгу понятнѣе своимъ ученикамъ» (какимъ? екатеринославскимъ или тверскимъ?), и въ то же время, что «неправильность рѣчи можно исправить при второмъ изданіи», т.-е. сдѣлать ее менѣе понятною ученикамъ (но опять какимъ?). Когда поднялись нареканія на барона Корфа за утилитарное и даже коммерческое направленіе его книги, въ защиту ея высказались новгородскіе педагоги, и похвалили именно ея практичность, т.-е. педагоги края съ лѣснымъ и фабричнымъ хозяйствомъ похвалили практическую книгу барона Корфа, въ коей всѣ практическіе хозяйственные примѣры взяты изъ степного быта Екатеринославской губерніи. Согласитесь, что все это способно вызвать улыбку надъ тѣмъ, какъ у насъ говорятъ о народномъ образованіи самые серьёзные, самые спеціально-заинтересованные люди.

Переберите же всѣ подробности нашего образованія, особенно элементарнаго, посмотрите на обученіе русскому языку, словесности, исторіи, географіи, пѣнію, на пріемы развитія въ нашемъ народѣ эстетическаго чувства, нравственнаго и національнаго самосознанія, не говоря уже о наглядномъ элементарномъ обученіи по картинкамъ, однимъ и тѣмъ же отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», и вы всюду натолкнетесь на поразительные qui-pro-quo. Человѣка разсуждающаго они наводятъ на мысль о необходимости изслѣдовать и у насъ вопросъ о локализаціи пріемовъ обученія и образованія, какъ онъ изслѣдуется въ настоящее время на Западѣ. Но указывая, при этомъ, нашимъ педагогамъ-практикамъ (теоретики этотъ вопросъ, конечно, знаютъ лучше насъ) на книги Рихтера и профессора Бреаля, мы указываемъ только на одну сторону этого важнаго педагогическаго вопроса.

Л. Д.

ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА

въ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

Мы все еще стоимъ предъ Александровскою эпохою, какъ предъ сфинксомъ, значеніе котораго нужно разгадать. До отечественной войны эта эпоха блеститъ планами внутреннихъ преобразованій, когда можно было думать, что мы имѣемъ своего Іосифа II, окруженнаго цѣлою плеядою сочувствующихъ ему умовъ, воодушевленныхъ вмѣстѣ съ нимъ самыми гуманными, великодушными помыслами, и такихъ пособниковъ, какъ Сперанскій. Отечественная война, какихъ бы матеріальныхъ жертвъ она ни стоила, все же по своимъ изумительнымъ результатамъ она къ тѣмъ гражданскимъ миртамъ присоединяла побѣдные лавры, и — тѣмъ не менѣе, слава внутреннихъ преобразованій, громъ побѣдъ заключился для этой знаменитой эпохи, и заключился, повидимому, совершенно неожиданно и совершенно непослѣдовательно, Аракчеевымъ во внутренней политикѣ, и священнымъ союзомъ — извнѣ. Но въ природѣ вещей нѣтъ ничего непослѣдовательнаго, нѣтъ ничего, чтó можно было бы назвать неожиданнымъ. Непослѣдовательность и неожиданность лежитъ не въ природѣ вещей, а въ свойствахъ нашего умственнаго глаза, который всегда думаетъ видѣть пробѣлы и скачки тамъ, гдѣ собственно ему са-

мому еще недоступны всѣ звенья, соединяющія одно явленіе съ другимъ. Мы просто мало изучали Александровскую эпоху: въ нашихъ рукахъ находится небольшое количество историческихъ обломковъ, по которымъ мы силимся угадать значеніе цѣлаго; предъ нами лежитъ оффиціальная исторія, а отъ общественной— доносились до насъ отрывочные слухи. И вотъ, мы дошли до убѣжденія, что секреты исторіи лежатъ въ тѣхъ личныхъ перемѣнахъ, какія могли происходить въ духѣ отдѣльнаго человѣка; исторія эпохи сошла на степень біографіи. Тутъ есть нѣкоторая доля правды; но этой правдѣ недостаетъ многаго для ея полноты. Если геній отдѣльнаго человѣка можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу страны, если неразвитость общественныхъ силъ легко поддается внечатлѣнію центральной силы, чтобы тѣмъ спастись отъ хаоса, то съ другой стороны свойства массы всегда сохраняютъ свою силу и ея инерція должна быть принята во вниманіе, какъ историческій законъ. Мы мало знакомы съ состояніемъ общественной личности у насъ въ Александровскую эпоху, мы имѣемъ еще слишкомъ немного данныхъ, чтобы вполнѣ живо представить себѣ, ка́къ размышлялъ тогда отдѣльный человѣкъ, что́ онъ чувствовалъ, каковы были его убѣжденія, страсти — весь этотъ внутренній бытъ человѣка, въ его обыденныхъ нравахъ, когда онъ думалъ быть совершенно на свободѣ, съ самимъ собою, въ своемъ интимномъ кружкѣ, далеко отъ оффиціальнаго міра, отъ всякихъ наблюденій посторонняго глаза. Съ этою-то индивидуальною жизнью Александровской эпохи, въ важнѣйшій ея моментъ, и знакомитъ насъ уцѣлѣвшая счастливымъ образомъ переписка двухъ молодыхъ женщинъ высшаго круга Москвы, и именно письма Марьи Аполлоновны Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской; она начинается 1812-мъ и оканчивается 1818 годомъ. Но кто же этотъ авторъ, который для насъ особенно дорогъ еще и потому, что онъ никогда и не подозрѣвалъ того, что онъ авторъ, и какую судьбу имѣла его переписка, прежде нежели она дошла до насъ?

О М. А. Волковой, скончавшейся въ дѣвицахъ еще не такъ давно въ Москвѣ, въ 1859 году на 74-мъ году [1]), можно сказать только то, что эта личность была въ той же степени замѣчательна и по своей образованности, и по своему уму, и по своему характеру, въ какой она осталась малоизвѣстною большин-

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1813 года, она говоритъ, что ей 26 лѣтъ, и въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ надпись подтверждаетъ это: она родилась 26-го марта 1786 г., умерла 28-го ноября 1859 г.

ству современнаго общества. Нѣсколько словъ, помѣщенныхъ о ней въ «Русскомъ Архивѣ» (1872, № 12, стр. 2434 и 2435), да отрывочныя свѣдѣнія, собранныя нами отъ знавшихъ ее или слышавшихъ о ней — вотъ и все, чѣмъ мы можемъ воспользоваться, чтобы познакомить читателя съ общественнымъ положеніемъ Волковой; за то ея переписка даетъ все необходимое для характеристики этого лица.

Москву, ея общество, нравы, какъ они реставрировались послѣ отечественной войны и наканунѣ 20-хъ годовъ, увѣковѣчилъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума». Это—Грибоѣдовская Москва, отчасти уже исчезнувшая, отчасти исчезающая. Среди этого общества, гдѣ на всемъ лежалъ «московскій отпечатокъ», поэтъ поставилъ фигуру Чацкаго, черты которой не могли быть имъ заимствованы изъ самаго общества или которая, по крайней мѣрѣ, была въ немъ еще рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ; Чацкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ художественная мысль самого поэта, пытающагося критически отнестись къ своей средѣ. Въ глазахъ тогдашней Москвы, Чацкій могъ имѣть одну реальную черту, какъ исчадіе Петербурга и его развращенности, потрясшей преданія старины, не признающей, по мнѣнію Москвы, ея «патріотизма» и презрительно относящейся къ ея «благочестію» и патріархальности. Въ іюлѣ 1812 года пріѣзжаетъ въ Москву изъ Петербурга семейство Віельгорскихъ. Жена Віельгорскаго, «Катиша», какъ пріѣзжая изъ Петербурга, тотчасъ же навлекаетъ на себя подозрѣніе истыхъ москвичей въ недостаткѣ уваженія къ Москвѣ, и вотъ 8-го іюля 1812 года Волкова пишетъ Ланской: «На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать петербургскую барыню (впрочемъ, *со мной она всегда очень вѣжлива*) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, катавшись одна съ ней и съ Дашей (невѣстка Волковой), я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ, москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ. Мы очень хорошо знаемъ, чтó говорится про насъ въ Петербургѣ, но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастію, ни спокойствію, ни удовольствію, то мы мало обращаемъ вниманіе на то, чтó объ насъ говорятъ» [1]). Но Волкова замѣчаетъ, что

[1]) См. ниже.

«петербургская барыня» была однако съ *нею* очень вѣжлива. Она не объясняетъ причинъ такого исключенія, да она и не могла бы понять этой причины; дѣло въ томъ, что сама Волкова, не сознавая, конечно, того, была своего рода Чацкимъ, но Чацкимъ безъ «горя отъ ума»; это была натура, стоявшая гораздо выше окружавшей ее среды и сохранившая въ то же время самую нѣжную, и невзыскательную привязанность къ своему обществу; ея высокій умъ и въ той же степени высокое чувство уживались мирно и дѣлали изъ нея, такъ-сказать, московскаго Чацкаго, который осуждаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любитъ; за то въ дѣйствительной жизни она могла занять такое почтенное мѣсто, что даже у насъ, гдѣ личность пріобрѣтаетъ весьма рѣдко общественное обаяніе, безъ невыгоды для себя, Волкова была въ тридцатыхъ годахъ любимицей Москвы и въ то же время пользовалась уваженіемъ свыше. Намъ разсказывали, что императоръ Николай Павловичъ узналъ Волкову во время коронаціи, и потомъ, пріѣзжая въ Москву, каждый разъ находилъ удовольствіе въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ этою умною женщиною. Услыхавъ, что она никогда не была въ Петербургѣ, императоръ взялъ съ нея слово быть его гостьей и остановиться непремѣнно у него во дворцѣ; Волкова съ свойственною ей откровенностью объявила императору, что у нея въ Петербургѣ есть братъ (Сергѣй), а она крѣпко держится родственныхъ связей и не желала бы обидѣть брата. Незадолго до того въ Москвѣ были очень недовольны какимъ-то административнымъ распоряженіемъ, и не замедлили потому истолковать то приглашеніе, какъ желаніе польстить «старушкѣ-Москвѣ». Очень мало правдоподобенъ такой комментарій, но между тѣмъ не менѣе характеристиченъ въ отношеніи Волковой: надобно было ей пользоваться широкою популярностью, чтобы сочинить легенду о томъ, что приглашеніе ея въ Зимній есть комплиментъ всей Москвѣ.

Во время взятія Москвы французами, семейство Волковыхъ переселилось въ Тамбовъ. 27-го ноября М. А. Волкова пишетъ оттуда Ланской: «Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ ихъ посѣщающихъ. Что́ же такое Петербургъ? русскій ли это городъ или иноземный (NB. все это пишется по-французски)? Какъ это понимать, сжели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ

каждый радуется нашимъ несчастіямъ. Я знаю, что въ Москвѣ до 31-го августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, то-есть со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Играли русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправѣ ненавидѣть Москву и не терпѣть всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и за своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга, разумѣется,— заключаетъ иронически авторъ,—одинаково заблуждались».

Даже и въ этомъ отрывкѣ мы видимъ, что Волкова постоянно сохраняла и совмѣщала въ себѣ весь patriotisme du clocher и трезвость ума, вынудившую ее сознаться, что и въ Москвѣ «несли вздоръ».

Вотъ и еще одинъ образчикъ самостоятельности ея ума въ Грибоѣдовской Москвѣ, гдѣ было трудно «смѣть свое сужденіе имѣть». Въ январѣ 1816 г. Волкова, извѣщая Ланскую, что кн. Вяземскій уѣхалъ въ Петербургъ и надѣется видѣть ее у общихъ ихъ знакомыхъ, Грибоѣдовыхъ, продолжаетъ такъ: «Я слышала много разговоровъ о магнетизмѣ; все это безконечно курьёзно, но, признаюсь, я не желала бы, чтобы все это распространилось, такъ какъ оно можетъ повлечь за собою ужасныя злоупотребленія, послѣдствія которыхъ трудно предвидѣть... Я не рискну выразиться рѣшительно о предметѣ, который много выше моихъ понятій, но трудно, въ зрѣломъ возрастѣ, *не имѣть какого-нибудь мнѣнія* о всемъ, что́ видишь и слышишь, и потому я сообщу вамъ свое мнѣніе, которое вы желаете знать».

Чтеніе самыхъ писемъ познакомитъ ближе съ характеромъ ихъ автора, и потому мы, ограничиваясь теперь только указаніемъ главныхъ сторонъ этого характера, перейдемъ къ біографическимъ даннымъ изъ жизни М. А. Волковой и ея семейной обстановкѣ.

М. А. Волкова была дочь Аполлона Андреевича и Маргариты Александровны Волковой, рожденной Кошелевой, и имѣла братьевъ: Сергѣя, женатаго на графинѣ Віельгорской (въ письмахъ: Даша), Николая, женатаго на княжнѣ Оболенской, и Михаила Аполлоновича, который живъ и теперь и находится больше въ Одессѣ или за-границей. Николай служилъ при генералѣ гр.

Сенъ-При и на своихъ рукахъ вынесъ его тѣло съ поля сраженія во время отечественной войны; потомъ онъ былъ губернскимъ предводителемъ въ Москвѣ и оставилъ по себѣ хорошую память въ сиротской опекѣ; первый изъ московскихъ дворянъ завелъ въ с. Горенкахъ бумаго-прядильную фабрику, но по новости для него дѣла подвергнулъ опасности свое состояніе. Сестра автора писемъ, Екатерина Аполлоновна, извѣстная въ свое время красавица, была за Рахмановымъ. Сама Марья Аполлоновна не была хороша собой, но за то привлекала къ себѣ всѣхъ своею любезностью, образованіемъ и чрезвычайно добрымъ сердцемъ. Какъ и всѣ въ то время, она выросла на французскомъ языкѣ, но за то, если она прибѣгала къ этому языку даже и въ перепискѣ съ своими соотечественницами, то, по крайней мѣрѣ, она знала его въ совершенствѣ. Самое же употребленіе языка въ перепискѣ, какъ и въ разговорѣ, между русскими дамами продолжается и теперь. Странное впечатлѣніе производятъ письма Волковой, гдѣ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ выражается величайшая ненависть къ французамъ; можно подумать, что это—легитимистка, ненавидящая Бонапарта.

По смерти родителей, Волкова переселилась къ брату Николаю, а послѣ жила одна, купивъ себѣ домъ на Страстномъ Бульварѣ, рядомъ съ Екатерининской больницей. Это былъ домъ и весьма посѣщаемый, и весьма любимый въ Москвѣ. Всѣ ея родственныя привязанности сосредоточивались на дѣтяхъ брата Сергѣя, Елисаветѣ (нынѣ вдовѣ англичанина Слингера) и Сергѣѣ (женатомъ впослѣдствіи на княжнѣ Львовой). Въ обществѣ овдовѣвшаго брата и его дѣтей она жила только лѣтомъ, въ Высокомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, Слингеры, желая пріучить дѣтей къ русскому климату, возвратились изъ Англіи, и наняли близъ Выборга дачу, съ цѣлью провести тамъ зиму. Любовь Волковой къ племянницѣ была такъ велика, что она, несмотря на преклонныя лѣта, рѣшилась продать московскій домъ и переѣхала въ Выборгъ. Но дѣти не могли переносить зимы, и Слингеры поспѣшили уѣхать въ Ниццу. Волкова принуждена была вернуться въ Москву и нанять квартиру. Все это имѣло вредное вліяніе на ея здоровье, но ея характеръ, сила воли оставались неизмѣнными до конца. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ она слегла въ послѣдній разъ, ей дали знать, что старикъ ея кучеръ умираетъ; при всей своей слабости она сошла внизъ проститься съ умирающимъ и поблагодарить его за службу. Волкова была фрейлиной имп. Маріи Ѳеодоровны, и потому, когда скончалась имп. Елисавета Алексѣевна, она ѣздила въ Бѣлевъ для

сопровожденія тѣла до Москвы. Мы уже говорили объ уваженіи, которымъ Волкова пользовалась у имп. Николая Павловича. Время, когда она должна была пріѣхать въ Петербургъ, совпало съ пожаромъ въ Зимнемъ дворцѣ. На другой же день, императоръ сказалъ Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому: «Напиши Марьѣ Аполлоновнѣ, чтобъ она теперь не ѣздила, а черезъ годъ я зову ее опять къ себѣ». Такъ это и случилось. Волкова прожила въ Петербургѣ около мѣсяца и опять возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла 28-го ноября 1859 года.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о судьбѣ писемъ. Письма адресовались къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской, рожденной княжнѣ Одоевской. Рано осиротѣвъ, она жила прежде въ Москвѣ у опекуна своего, Дмитрія Сергѣевича Ланскаго, женатаго также на княжнѣ Одоевской, двоюродной сестрѣ Варвары Ивановны и родной теткѣ А. И. Одоевскаго (декабриста). Въ 1811 году она переселилась въ Петербургъ и тамъ вышла замужъ за Сергѣя Степановича Ланскаго. Вслѣдствіе того и началась постоянная переписка подругъ, сохранившаяся въ семействѣ Ланскихъ. Варвара Ивановна умерла въ 1845 году, и съ той минуты вся дружба Марьи Аполлоновны перешла на ея дѣтей, а въ особенности на Анастасію Сергѣевну Перфильеву, старшую, и постоянно живущую въ Москвѣ съ 1836 года и до настоящаго времени. Въ ея-то рукахъ и сохранились письма Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ, обнимающія цѣлыхъ семь лѣтъ, отъ 1812 до 1818 года. Они были доставлены ею гр. Л. Н. Толстому, изучавшему складъ московской общественной жизни, и могли послужить обширнымъ матеріаломъ для его романа «Война и Миръ», а впослѣдствіи А. С. Перфильева предоставила право перевода писемъ на русскій языкъ М. П. Свистуновой, которой мы и обязаны возможностью сообщить читателямъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ весьма замѣчательной эпохи.

Письма одного 1812 года были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (декабрь, 1872); но переводчица выразила намъ свое желаніе помѣстить у насъ полное собраніе писемъ (въ томъ числѣ и напечатанную ихъ долю), объяснивъ и причины тому, столь уважительныя, что мы не могли отказаться отъ предложенія; письма послѣ 1812 г. еще не видѣли печати.—*Ред.*

I.

1812-ый годъ.

Москва, 11-го апрѣля 1812 г. — Вчера мы снова появились въ свѣтѣ, на ужинѣ у графини Разумовской: это былъ день ея рожденія. Я слышала у нея Штейбельта, который однако отнюдь не привелъ меня въ восторгъ. Чтó касается игры, то онъ Фильдова мизинца не стóитъ. При этомъ хвастунъ, всѣхъ презираетъ, лицо у него препротивное и окончательно не понравилось мнѣ. Вотъ какое впечатлѣніе сдѣлалъ на меня вашъ лучшій петербургскій артистъ. Кромѣ его я слышала братьевъ Бауеръ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели, а другой на скрипкѣ. У перваго дѣйствительно премилый талантъ. Я слушала его съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на то, что другъ Ромбергъ избаловалъ мой слухъ. Вечеръ закончили длиннымъ и вовсе не интереснымъ макаб, Нынче я ѣду ужинать въ небольшомъ обществѣ у г-жи Соллогубъ. которая сидитъ постоянно дома, такъ какъ собирается родить, Мама отправляется на ужинъ къ Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечеръ у Соллогубъ, которая жалуется, что я совсѣмъ у нея не бываю. Мнѣ очень весело въ ея обществѣ.

Говорятъ, что на Пасхѣ въ собраніи будетъ большой праздникъ въ честь статуи Императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду имѣть случай обновить мой шифръ.

22-го апрѣля.—Христосъ воскресе, мой милый другъ. Вчера былъ праздникъ въ собраніи и весьма неудачный. Графъ Мишо очень дурно распорядился, такъ что празднество это своею нелѣпостію вполнѣ соотвѣтствовало уродливымъ украшеніямъ залы. Вообрази себѣ тысячу особъ, разряженныхъ какъ куклы, которыя ходятъ изъ одного угла въ другой, на подобіе тѣней, не имѣя другого развлеченія, кромѣ заунывнаго пѣнія хора, состоящаго изъ 30 человѣкъ. Не было ни ужина, ни танцевъ, словомъ—ничего. Двѣнадцать болвановъ, стоящіе во главѣ нашего бѣднаго собранія, вчера вполнѣ выказали свою глупость. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ ихъ царствованія. Четырехъ уже смѣнили, и поступившіе на ихъ мѣсто хотятъ начать съ того, что велятъ нынѣшнимъ лѣтомъ уничтожить страшныхъ чудовищъ, поставленныхъ въ видѣ украшенія ихъ предшественниками.

Какъ видишь, я весьма неудачно дебютировала съ моимъ шифромъ.

Вотъ тебѣ новость. Камеръ-юнкеръ Мухановъ женится на ма-

ленькой княжнѣ Мещерской, племянницѣ графини Головкиной, которая, слѣдовательно, приходится тебѣ сродни.

29-го апрѣля.—Ныньче вечеромъ Пушкина выходитъ замужъ за Гагарина [1]. Мама, въ качествѣ тетки жениха, будетъ присутствовать на свадьбѣ, которая будетъ пышная и великолѣпная на подобіе свадебъ, которыя праздновали 50 лѣтъ тому назадъ. Пушкина [2]) непремѣнно хочетъ показать всѣ кружева, купленныя ею въ приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиняться несносному этикету. Къ счастію моему, я исключена изъ этого праздника, чѣмъ и воспользуюсь, чтобы провести вечеръ у г-жи Соллогубъ, которая еле двигается; она жестоко обсчиталась, предполагая, что родитъ въ концѣ марта.

Графиня Сенъ-При, пріѣхавшая изъ Каменецъ-Подольска, распустила слухъ о моей свадьбѣ съ герцогомъ де-Граммонъ, отцомъ г-жи Давыдовой. Когда это извѣстіе, облетѣвъ всю Москву, дошло до меня, я отъ души посмѣялась. Впрочемъ, я понимаю, въ чемъ дѣло. Герцогъ въ родствѣ съ семействомъ Полиньякъ. Фамиліи перепутали и произвели меня въ герцогини. Что за страсть пріискивать мнѣ жениховъ!

6-го мая.—У насъ нѣтъ другихъ новостей кромѣ дуэли Мордвинова съ Шатиловымъ (въ которой первый велъ себя прескверно, а послѣдній былъ раненъ), и еще свадьбы Даши Нащокиной съ Бахметьевымъ, котораго здѣсь мало знаютъ, но извѣстно, что у него прекрасное состояніе.

У Гудовичъ родился сынъ. Всѣ наши дамы беременны. Нынѣшнее лѣто акушерки заработаютъ много денегъ.

9-го мая. —Меня очень разсмѣшило все, что ты писала про Марію Гагарину [3]). Родные ея говорятъ, что она скоро вернется сюда. Будь увѣрена, что мы ее проучимъ; она должна будетъ измѣнить свое обращеніе: иначе ей придется всюду быть одной или сидѣть дома. Она принуждена будетъ сдѣлаться обходительнѣе, чтобы ей не приходилось на балѣ весь вечеръ не покидать своего кресла. Впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы она на первыхъ порахъ выказала свою спѣсь; мнѣ желательно видѣть, какой она придастъ ей видъ. Она и безъ того далеко не красива собой.

---

[1]) Варвара Михайловна за кн. Сергѣя Ивановича—родители Ивана Серг. Гагарина.

[2]) Наталья Абрамовна, ур. кн. Волконская, мать невѣсты.

[3]) Урожденную гр. Бобринскую?

13-го мая.—Я вовсе не знаю молодую Мещерскую, женихъ же ея совершенный олухъ. Въ началѣ зимы мы имѣли удовольствіе видѣть его почти на всѣхъ нашихъ вечерахъ, и онъ постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Особенно потѣшались надъ нимъ братъ мой Николай и Олсуфьевъ; однако, несмотря на свою глупость, онъ дѣлаетъ прекрасную партію. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свѣтѣ.

Отправляюсь на балъ къ г. Архарову; онъ нынче имянинникъ. Много будетъ народу, много шуму и по всей вѣроятности мало удовольствія.

Пренія въ собраніи окончились смѣною всѣхъ прежнихъ старшинъ. Новыхъ выбрали изъ числа самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ и извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Толстый графъ Мишо пришелъ въ такую ярость, что даже жаловался брату своему. Послѣдній похорохорился, надѣясь этимъ помѣшать высказаться всеобщему неудовольствію; но, по своей неловкости, навлекъ лишь себѣ непріятности и рѣшился сидѣть смирно, предоставляя дворянству дѣйствовать, какъ ему вздумается.

18-го мая.—Если ты хочешь знать московскія новости, скажу тебѣ, что сосѣдка наша Соковнина при смерти вслѣдствіе родовъ. Соллогубъ родила сына. Вотъ недѣля, какъ я не видала Вяземскихъ. И мужъ и жена оба больны. На нашихъ вечерахъ постоянно бывало много гостей, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ только въ одномъ нашемъ аккуратно принимаютъ каждый день.—Нынѣшній годъ мы первые уѣзжаемъ въ деревню, къ великому неудовольствію нашихъ ежедневныхъ посѣтителей. Даже Апраксина, несмотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знаетъ куда ей дѣться на будущей недѣлѣ, такъ какъ она привыкла ужинать у насъ каждый Божій день.

Изъ этого ты можешь заключить, дружокъ, что мы играемъ маленькую роль и кое-что значимъ для нѣкоторой частицы московскихъ жителей.

Высокое, 26-го мая.—Мы уже повидались со всѣми сосѣдями. Нынче ждемъ къ ужину Соймоновыхъ, Соловую и Левашеву. Въ концѣ недѣли пріѣдетъ дядя Кошелевъ; тогда я не вѣдаю, чтó съ нами станется, такъ какъ при немъ все и всѣ подчиняются его волѣ. Мать моя съ дѣтства воспитывалась въ его домѣ и почитаетъ его какъ отца; потому, когда онъ бываетъ у насъ, то его воля служитъ закономъ для всѣхъ. Со смерти отца онъ всегда былъ защитникомъ и благодѣтелемъ нашей семьи.

1-го іюня.—Соллогубъ родила въ день нашего отъѣзда изъ Москвы.—Желая имѣть извѣстія о ея здоровьи, я писала ей послѣ девяти дней. Сегодня получила отъ нея письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что она и сынокъ ея здоровы, и что московскіе обитатели ломаютъ себѣ голову, стараясь отгадать, кого назначатъ на мѣсто друга твоего Гудовича, который, получивъ отставку, отправляется въ имѣніе свое въ Малороссію, гдѣ и намѣренъ поселиться.

Ты вѣрно уже слышала, что сосѣдка наша Соковнина умерла отъ послѣдствій апоплексическаго удара. Мужъ ея въ отчаяніи. Она оставила трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей четыре года.

7-го іюня.—Вообрази, Растопчинъ—нашъ московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо выступать теперь! Курьёзно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высокое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія.

14-го іюня.—Пріѣздъ дяди разстроилъ порядокъ моихъ занятій. Знаешь ли, что я начинаю привыкать къ дядѣ: я даже не разъ пускалась съ нимъ спорить. Въ будущую среду мы должны быть въ Москвѣ, чтобы свидѣться съ семействомъ Віельгорскихъ.

Мнѣ интересно знать подробности перевода «Димитрія Донскаго» на французскій языкъ. Признаюсь, я не высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи.

Москва, 24-го іюня.—Вотъ я снова въ Москвѣ, мой милый другъ. Я познакомилась съ моей невѣсткой [1]) и со всѣмъ ея семействомъ. Они всѣ очень пріятные люди. Жена Михаила Віельгорскаго [2]) болѣе дитя, нежели обыкновенно бываютъ въ ея годы; но

[1]) Сестра гр. Віельгорскихъ, Дарья Юрьевна вышла за Сергѣя Аполлоновича Волкова, брата писавшей эти письма.

[2]) Луиза Карловна, ур. принцесса Биронъ.

она такъ мила, такъ старается всѣмъ угодить, что невольно находишь прелесть въ ея наивности. Пока я еще не могу произнести опредѣленнаго сужденія о моей будущей невѣсткѣ, Дашѣ. Она исключительно занята моимъ братомъ. Впрочемъ, изъ всего, чтó замѣчаю, я вывожу заключеніе, обѣщающее много хорошаго въ будущемъ. Надѣюсь, что я близко сойдусь съ нею.

Мы дожили до такой минуты, когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Насъ, быть можетъ, ожидаетъ страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе Его неисповѣдимымъ приговорамъ—единственныя чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! Предстоящая война причиняетъ мнѣ много безпокойствъ. Ныньче писали къ Сенъ-При, прося его взять къ себѣ брата моего Николая въ адъютанты. Съ минуты пріѣзда моего сюда я не слышу другого разговора, какъ о войнѣ.

Я каждый день видаюсь съ семействомъ Віельгорскихъ, даже съ Іосифомъ, который пересталъ дичиться, и рѣшился появляться въ обществѣ. Я также часто видала Софью Оболенскую, но теперь она на недѣлю уѣхала въ деревню. Третьяго дня вечеромъ у насъ былъ Растопчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ пудры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть можетъ, потому, что все новое нравится; впрочемъ, я никогда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала. Остается знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Вчера я провела день въ Царицынѣ. Въ субботу я опять отправляюсь туда, такъ какъ это будетъ день имянинъ дяди Валуева, и по всей вѣроятности тамъ соберется весь городъ. Мнѣ также предстоитъ ѣхать въ Петровское къ гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестрѣ его, г-жѣ Загряжской.

Дядя мой, Кошелевъ, не любитъ долго сидѣть по вечерамъ, и потому мы вечеромъ никого не принимаемъ, кромѣ Віельгорскихъ.

Поговорю съ тобой о трехъ жалкихъ парочкахъ: о Гагариныхъ и Соллогубъ. Князь N. въ то время, какъ мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей. Жена его ужасно безумствуетъ, но нельзя не пожалѣть о ней, видя, какъ мало мужъ обращаетъ на нее вниманія. Правда, что сама-то она мало это замѣчаетъ и совершенно бываетъ довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячахъ мужнина дохода. Но ежели мужъ ея будетъ продолжать играть, то она лишится удовольствія хвастать своимъ богатствомъ. Гагарины тоже достойны сожалѣнія.

Кн. Андрей рѣшается отправиться въ походъ и предоставляетъ женѣ справиться съ родами, какъ знаетъ. Онъ да П. развратили Соллогуба, который, будучи недальняго ума, быть можетъ, не вдался бы въ излишества, еслибы эти господа не увлекли его. О женѣ его жалѣешь болѣе, чѣмъ о другихъ, такъ какъ съ ея умомъ, тактомъ и вообще умѣньемъ держать себя ей должно казаться невыносимымъ все, чтó ей приходится видѣть.

Это общество мужей-холостяковъ устроило за городомъ пикники, на которые дамъ не приглашаютъ, а на мѣсто ихъ берутъ цыганокъ, карты и вообще не стѣсняются. Спрашиваю тебя, каково видѣть это женщинѣ, у которой есть хотя сколько-нибудь чувства. N. слишкомъ глупа и безалаберна, а Гагарина слишкомъ молода, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ. Одна Соллогубъ все понимаетъ. Я ее застала съ опухшими глазами; она призналась мнѣ, что плакала, не говоря причины; но я готова пари держать, что толстый графъ причина ея слезъ. Меня приводятъ въ негодованіе подобныя вещи. Спрашивается, какъ же не бояться замужества, имѣя подобные примѣры передъ глазами.

Свадьба моего брата назначена 5-го іюля.

1-го іюля.—Ты вѣроятно тревожишься о своемъ братѣ и потому не пишешь мнѣ, милый другъ.

Мы здѣсь всѣ грустны и пріуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. До сихъ поръ до насъ доходятъ лишь ложные слухи. Въ Москвѣ говорятъ, что французовъ побили разъ пять или шесть. Хорошо бы, еслибы мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда бы мы скоро отдѣлались отъ жестокаго врага человѣчества. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась русская пословица: гласъ народа—гласъ Божій. Въ настоящее время я чувствую болѣе, чѣмъ когда-либо, какое счастіе не быть лишенною вѣры въ Провидѣніе: она не даетъ впадать въ отчаяніе, чтó непремѣнно случилось бы, еслибы полагались на силы и геній жалкаго человѣчества.

Въ пятницу вечеромъ мы были въ гостяхъ у гр. Растопчиной, которая плѣнила меня. До сихъ поръ я видала ее лишь вскользь, и потому не могла о ней судить. Но этотъ разъ, заставъ ее одну, мы съ мама просидѣли у нея довольно долго, и я была въ восторгѣ отъ ея бесѣды. Она мнѣ нравится въ милліонъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ; онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женою. Впрочемъ, до сихъ поръ имъ очень довольны въ нашей доброй Москвѣ. Онъ очень дѣятеленъ, справедливъ, и если не измѣнится, то его очень полюбятъ здѣсь.

Въ субботу, въ Петровъ день, дядя Валуевъ былъ именинникъ, и я обѣдала у него въ Царицынѣ. Было множество гостей. Вчера я ужинала въ Петровскомъ у Разумовскихъ. Кромѣ насъ, гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-жой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ самимъ графомъ Львомъ. Это три особы, нисколько непохожія другъ на друга, но всѣ онѣ такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю.

8-го іюля. — Тебѣ интересно знать мое мнѣніе о семействѣ Віельгорскихъ. Вотъ три недѣли, какъ я вижусь съ ними съ утра до вечера, и потому могу судить о нихъ. Жена В. премилый ребенокъ, но не болѣе, какъ ребенокъ, котораго необходимо руководить; ей нужно давать совѣты, сдерживать ее подъ-часъ, такъ какъ у нея довольно упрямый характерецъ; я замѣчаю, что въ семействѣ о ней имѣютъ мнѣніе одинаковое съ моимъ. Мужъ ея — добрѣйшій изъ людей, но безхарактерный; ему не справиться съ ней, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ вертѣть собой, какъ угодно; почти всегда исполняетъ волю Катиши, и я ему предсказываю, что черезъ два или три года онъ постоянно будетъ плясать по ея дудкѣ. Впрочемъ, она очень мила и въ обществѣ весьма пріятна. Что́ же касается до ея ребячества, не могу дать тебѣ лучшаго образчика его, какъ разсказавъ, что она понять не можетъ, почему настоящая война всѣхъ интересуетъ. Я изъ силъ бьюсь, объясняя ей, что отъ этого зависитъ общее спокойствіе; слова мои даромъ пропадаютъ: она гораздо болѣе думаетъ о кружевахъ и тряпкахъ, нежели о судьбѣ страны, въ которой живетъ. На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать петербургскую барыню (впрочемъ со мной она всегда очень вѣжлива) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, оставшись одна съ ней и Дашей, я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ, москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что́ говорится про насъ въ Питерѣ; но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастію, ни спокойствію,

ни удовольствіямъ, то мы мало обращаемъ вниманія на то, чтó объ насъ говорятъ. Но, коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по нашему. Катиша раздѣлила мое мнѣніе, и до сихъ поръ мы съ ней большіе друзья. Что касается Даши, она такъ кротка, такъ добра, что такого рода мысли ей и въ голову не приходятъ. Изъ младшихъ братьевъ я больше всѣхъ люблю Матвѣя. Іосифъ слишкомъ дикъ. Впрочемъ теперь онъ болѣе общителенъ; прежде, говорятъ, онъ, кромѣ какъ съ своей сестрой, ни съ одной женщиной не разговаривалъ. Самый младшій—премилый. Вообще, все семейство препріятное; они всѣ дружны между собою, чтó такъ рѣдко встрѣчаешь въ нашемъ вѣкѣ. Мари Гагарина уже пріѣхала. Я не берусь ее вразумлять; пусть надъ этимъ потрудится ея мужъ. Онъ, говорятъ, собирается увезти ее на нѣкоторое время въ дальнее имѣніе къ матери своей. Сердца, умъ и глаза устремлены у всѣхъ на берега Двины. Только объ этомъ и говорятъ.

15-го іюля. — Въ теченіе прошлой недѣли я столько видѣла, слышала и перечувствовала, что при всемъ моемъ желаніи, милый другъ, я не могу передать тебѣ словами всего мной испытаннаго въ послѣднее время. Я всегда была того мнѣнія, что не должно слишкомъ заботиться о будущемъ; намъ сказано: довольно для каждаго дня своей заботы. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости сихъ словъ, какъ въ настоящее время. Чтó Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ; не дѣлаю никакихъ предположеній и лишь стараюсь какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ могу располагать. Въ понедѣльникъ была свадьба брата. Во вторникъ и среду у насъ были семейные обѣды, и въ среду же вечеромъ дядя и братъ Николай отправились въ имѣніе въ Смоленскую губернію. Черезъ два часа по ихъ отъѣздѣ, мы получили извѣстіе о прибытіи государя императора. Его ожидали въ четвергъ вечеромъ, и все дворянство собралось въ Кремлѣ. Его Величество прибылъ ночью. Его высочество, великій князь тоже здѣсь со вчерашняго дня. Никто навѣрное не знаетъ, сколько времени они пробудутъ и куда отправятся отсюда. Я ни разу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ, и никуда мнѣ не хочется: много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю я искренно, отъ души желаю всякаго счастія и молиться за него всегда и вездѣ готова, чтó и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвѣй Віельгор. вступилъ въ казачій полкъ, сформированный кн. Оболенскимъ; туда, въ качествѣ офицеровъ, принимаютъ лишь молодыхъ людей, имѣющихъ какой-либо

гражданскій чинъ. Все семейство Архаровыхъ здѣсь, но я еще съ ними не видалась. Не до визитовъ.

22-го іюля. — Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что̀ ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ Богъ знаетъ гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побила каменями одного нѣмца, принявъ его за француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Все въ рукахъ Божіихъ; слѣдовательно, пока зло не совершилось, мы не должны отчаяваться и сомнѣваться въ Божьемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ! Бѣдная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человѣкъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ Раевскаго, выказалъ храбрость, такъ что о немъ представляли кн. Багратіону; но въ тотъ же вечеръ онъ отправился на рекогносцировку, одѣтый во французскій мундиръ и былъ смертельно раненъ казакомъ, принявшимъ его за непріятеля. Послѣ этого онъ прожилъ нѣсколько дней и скончался на рукахъ шурина своего, который прибылъ сюда два дня тому назадъ, чтобы сообщить грустное извѣстіе матери и сестрѣ. Послѣдняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

29-го іюля. — Мы все тревожимся. Лишь чуть оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, за то нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ разсказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой разсказываетъ гр. Растопчинъ, и между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга; мы же, москвичи, остаемся по прежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что̀ относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпости, какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все, что̀ мы видимъ, что̀ ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также

и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но, къ несчастію, этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсь тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріятели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы ясно видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ сумасбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны французовъ.

5-го августа. — Мы съ мама пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполнѣ понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, еслибы описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ, и даже въ разныхъ губерніяхъ.

Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а французы отступаютъ, москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слишкомъ утѣшительны, особенно какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человѣкъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевыя работы. Представь же, что̀ это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи. Мужики не ропщутъ; напротивъ, говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ, и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ, раздирающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ С-нъ-При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ милымъ братомъ; еще прибавиться горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненыхъ. Андрей Ефимовичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Та-

тищева, который служитъ въ Коммиссаріатѣ, и, слѣдовательно, находится во главѣ всѣхъ гошпиталей, не достало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масловъ искалъ смерти и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или три пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь, что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи между Могилевомъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ онѣ должны быть теперь. Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана замужъ, въ разсчетѣ, что у мужа ея будетъ 6,000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6,000 рублей дохода; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстого, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6,000 душъ у него осталось всего триста душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да о разореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что̀ видишь и слышишь.

12-го августа.—Душевно рада, милый другъ, что вы отчасти успокоились; что же касается до насъ, мы тревожимся болѣе, чѣмъ когда-либо и готовы рѣшиться на все, лишь бы избѣжать ужасной участи, которую намъ готовятъ. Моли Бога, милый другъ, чтобы Онъ простилъ тѣхъ несчастныхъ, которые продаютъ свое отечество. Вотъ все, что̀ могу сказать тебѣ касательно положенія, въ которомъ мы находимся. Я не смѣю сказать тебѣ, что̀ мы предвидимъ въ будущемъ, ежели Господь не сжалится надъ нами и не пошлетъ намъ неожиданной помощи.

Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобой въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы снискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебенъ Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому готовится поступить на службу. Онъ и жена оба пла-

кали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины! Я сама теперь ежеминутно готова плакать; съ трудомъ удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости человѣческой. Если черезъ недѣлю ты не получишь отъ меня другого письма, значитъ, меня уже не будетъ въ Москвѣ. Куда мы поѣдемъ, не знаю, а равно не вѣдаю, какимъ образомъ буду получать твои письма и сама писать къ тебѣ.

Объявляю тебѣ, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе твоего мужа о г-жѣ Сталь. Она недѣлю пробыла въ Москвѣ, бывала въ знакомыхъ мнѣ домахъ, и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ничуть не искала встрѣтиться съ нею. Чтó же она сдѣлала такого прекраснаго, чтобы возбуждать восторгъ? Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны (extravagantes); послѣднія по моему лучше, по крайней мѣрѣ онѣ никого не совратятъ съ истиннаго пути. Свѣтъ погибъ именно потому, что люди думали и чувствовали такъ, какъ эта женщина. Я почти того же мнѣнія о Коцебу. Правда, они оба извѣстные писатели: но, признаюсь, не стоятъ того, чтобы ими восхищались.

Сію минуту узнала, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Поблагодаримъ Бога за Его милосердіе и будемъ усердно молиться о будущемъ.

15-го августа.—По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами. Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму царю уничтожить порядокъ, существовавшій испоконъ-вѣку, съ другой стороны не легко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила невыносимы для насъ русскихъ тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по-своему, то мы и потерпѣли страшное

пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ, какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, еслибы другъ другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба войска на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ то же съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100,000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30,000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибъ получили поддержку. Но такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по русской пословицѣ: «Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ», то этихъ несчастныхъ кинули на произволъ судьбы. Когда французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причиною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая. Отрядъ корпуса сего послѣдняго отбилъ багажъ маршала Нея, и въ его бумагахъ нашелся новый планъ, который уже былъ представленъ Наполеону. Еще никого не называютъ, но подозрѣніе падаетъ на адъютанта Государева Вольцогена. Вотъ тебѣ всѣ новости изъ арміи. Ты можешь ихъ считать достовѣрными, такъ какъ я съ утра до вечера вижусь съ людьми, находящимися въ служебныхъ сношеніяхъ съ арміей. Къ тому же и главная квартира близко отъ насъ, въ Дорогобужѣ, въ 20 верстахъ отъ огромнаго имѣнія дяди Кошелева. Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи, какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны, ихъ предадутъ огню и мечу. Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мама̀, что они бы бѣжали, чтобы спастись, по указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ.

осуди, до чего больно видѣть, что злодѣи, въ родѣ Балашова и ракчеева, продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, о ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ такъ же, какъ въ Москвѣ, то имъ не сдобровать впослѣдствіи. Растопчинъ очиıаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій. Онъ выслалъ отсюда Клюрева, почтъ-директора, и одного изъ его помощниковъ, Дружинина, торые находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Распчинъ перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго ойства. Кромѣ того, ежедневно ловятъ французскихъ шпіоновъ. ародъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить поранцузски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ думали говорить по-французски; народъ принялъ ихъ за переодѣıхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже лоıли французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, имавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ приıтіе Наполеона, словомъ, смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили ıхать, пока еще есть возможность достать лошадей, такъ какъ у ıхъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Віельрскихъ, имъ пришлось заплатить 450 рублей за девять лошадей. ь городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли ı послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египтскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и ıправляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и Ярославль. акъ мнѣ ни горько оставить Москву съ мыслію, что, быть моэтъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы ı слыхать и не видать всего, что̀ здѣсь происходитъ.

Рязань, 20-го августа. — Почти два часа какъ мы пріѣхали ь Рязань. Я узнала, что завтра идетъ почта въ Москву, и польюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ, дорогой другъ. Скрѣпя сердце, реѣзжаю я изъ одной губерніи въ другую, ничего не хочу ни ıдѣть, ни слышать. 16-го числа нынѣшняго мѣсяца выѣхала я изъ одного, милаго города нашего. Сутки пробыли мы въ Коломнѣ; умаемъ пробыть здѣсь завтрашній день, а потомъ отправимся въ амбовъ, гдѣ поселимся въ ожиданіи исхода настоящихъ событій. ы ѣдемъ благополучно, но ужасно медленно двигаемся, такъ какъ ı перемѣняемъ лошадей. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаемъ мы только-о набранныхъ солдатъ, настоящихъ рекрутовъ, и города въ центрѣ раны имѣютъ совершенно военный видъ. Не могу выразить тебѣ, ікое непріятное впечатлѣніе все это производитъ на меня. Въ осоıнности безпокоитъ насъ, что, отдаляясь отъ Москвы, мы лишаемся

возможности получать извѣстія. Съ пятницы мы рѣшительно ничего не слыхали и не знаемъ, чтó дѣлаетъ армія. Намъ предстоитъ пробыть въ невѣдѣніи еще съ недѣлю. Хорошо бы было услышать добрыя вѣсти! Я смертельно тоскую, но здорова. Изъ четырехъ ночей я лишь одну спала какъ слѣдуетъ и, несмотря на то, не чувствую усталости. Не буду разсказывать тебѣ, какъ мы разставались съ матушкой-Москвой. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не пришлось мнѣ испытать что-либо подобное. Бываютъ до того горькія минуты, что о нихъ тяжело вспоминать. Прощай, мой милый другъ; въ настоящее время я не желаю другого счастія, какъ только снова увидѣть московскія стѣны.

Тамбовъ, 27-го августа.—Вотъ уже шесть часовъ какъ я въ Тамбовѣ, милый другъ. Пятидневное путешествіе наше было весьма непріятное; наконецъ мы дотащились сюда и намѣрены здѣсь ожидать рѣшенія нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ Саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. Въ Рязани мы нашли семейство Кологривовыхъ; онѣ третью недѣлю живутъ тамъ по дѣламъ. Хотя мы никогда съ ними не были дружны, а въ нынѣшнемъ году у насъ даже много было причинъ для ссоры; но, узнавъ, что мы пріѣхали изъ Москвы, они явились узнать, чтó новаго, любопытство взяло верхъ; сами же они насказали намъ такое множество грустныхъ новостей, что у насъ чуть голова не закружилась. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы выѣхали изъ Рязани. Погода была дурная; ѣхавъ все на однѣхъ лошадяхъ, мы принуждены были останавливаться въ теченіе пяти съ половиной дней. Не можешь себѣ представить, чего мы натерпѣлись на грязныхъ станціяхъ. Самая плохая лачужка въ окрестностяхъ Москвы—дворецъ въ сравненіи съ здѣшними избами. Намъ приходилось сидѣть среди кошекъ, свиней, телятъ, куръ; мы задыхались отъ дыму; блохи, тараканы и всевозможныя насѣкомыя не давали намъ покоя. Все это, конечно, не могло насъ развеселить. Мы отдохнули только въ Козловѣ, красивомъ городкѣ Тамбовской губерніи. Тутъ услыхали мы пріятныя вѣсти; впослѣдствіи онѣ оказались ложными, но на минуту онѣ насъ успокоили, и намъ даже захотѣлось осмотрѣть городокъ. Онъ наполненъ плѣнными турками, которые, завидѣвъ красивыя дорожныя кареты наши, пришли на нихъ полюбоваться, и увѣряли, что они никогда не видывали такихъ экипажей. Въ четверть часа насъ окружило до 50 мусульманъ; всѣ они проклинали французовъ и съ радостными возгласами повторяли, что теперь они

наши друзья, такъ какъ миръ съ ними заключенъ. Двое изъ нихъ влюбились въ Полину Валуеву и въ меня, и пришли предложить мама обмѣнить насъ за двухъ полковниковъ. Матушка замѣтила, что дружба ихъ зашла слишкомъ далеко, и отослала насъ.

Наконецъ нынче утромъ мы пріѣхали сюда, гдѣ намъ подтвердили извѣстія, сообщенныя Кологривовыми, еще съ нѣкоторыми прибавленіями. Мама выбрала Тамбовъ для мѣстопребыванія потому, что здѣсь въ судѣ служитъ бывшій адъютантъ отца, преданный душой и сердцемъ всей нашей семьѣ. Этотъ добрый человѣкъ не медля посылаетъ намъ всѣ извѣстія, получаемыя по почтѣ изъ Москвы. Вѣсти не радостны; но можно надѣяться, что, когда удалятъ подлыхъ начальниковъ, ходъ дѣлъ измѣнится. Впрочемъ, будетъ, что Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердіе. Растопчинъ отлично дѣйствуетъ; за это я его полюбила болѣе, чѣмъ ты когда-либо любила его. Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая. Да проститъ ему Богъ и дастъ ему сознать и раскаяться во всемъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ. Вотъ три недѣли, что я не имѣю о тебѣ извѣстій; жду будущей почты и пріѣзда Сержа; въ пятницу или субботу онъ долженъ быть здѣсь; авось онъ привезетъ мнѣ отъ тебя вѣсточку.

3-го сентября.—Здѣсь мы узнали, что Кутузовъ засталъ нашу армію отступающею и остановилъ ее между Можайскомъ и Гжатскомъ, то-есть во ста верстахъ отъ Москвы. Изъ этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспѣшилъ сдать французамъ все, что́ могъ, и еслибы имѣлъ время, то привелъ бы Наполеона прямо въ Москву. Да проститъ ему Богъ, а мы долго не забудемъ его измѣны. До сегодняшняго дня мы были въ постоянной тревогѣ, не имѣя вѣрныхъ извѣстій и не смѣя вѣрить слухамъ. У насъ дыбомъ стали волосы отъ вѣстей 26 и 27 августа. Прочитавъ ихъ, я не успѣла опомниться; выхожу изъ гостиной, мнѣ на встрѣчу попался человѣкъ, котораго мы посылали къ губернатору, чтобы узнать всѣ подробности. Первую вѣсть, которую я услыхала, была о смерти братца, Петра Валуева, убитаго 26-го. У меня совсѣмъ закружилась голова; удивляюсь, какъ изъ сосѣдней комнаты не услыхали моихъ рыданій несчастныя двоюродныя сестры. Домъ нашъ не великъ; я выбѣжала во дворъ, у меня сдѣлался лихорадочный припадокъ, дрожь продолжалась съ полчаса. Наконецъ, совладѣвъ съ собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузинъ своихъ грустнымъ лицомъ. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастныхъ моихъ кузинъ. Онѣ не получали извѣстій отъ матери ясно почему. Каждую минуту жду,

что кто-нибудь изъ семьи пріѣдетъ съ горестнымъ извѣстіемъ; больно видѣть, какъ онѣ тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умѣю притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

Въ моемъ грустномъ настроеніи я далеко не благосклонно встрѣтила твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что́ сталось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе. Вѣдь ежели Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти то же, что́ всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, вдалекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая извѣстій о матушкѣ-Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не поминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга, вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жею Сталь; имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ-давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Коринна сумасшедшая, безнравственная; ее бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на головѣ, въ намѣреніи отыскать своего дурака Освальда. Послѣдній—такая личность, которой я не могу себѣ вообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблются; въ мужчинѣ это болѣе, чѣмъ нестерпимо. Дельфина, по-моему, въ тысячу разъ хуже Коринны. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмѣлившейся изобразить такую скверную сцену въ церкви, а именно: женатый Леонсъ требуетъ отъ Дельфины клятвы передъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему? Развѣ это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости? Меня это крайне огорчаетъ; я понимаю, что мужъ твой долженъ радоваться, что ты противъ собственной воли излечилась отъ этого восторга! Если Богъ дастъ намъ встрѣтиться въ болѣе счастливую пору, я обѣщаю доказать тебѣ, что романъ этотъ съ начала до конца представляетъ собраніе самыхъ ужасныхъ идей; въ немъ все никуда не

тся, даже слогъ, которымъ онъ написанъ. Сдѣлай милость, ɪрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться госɪю Сталь. Во всякую другую пору я была бы настолько же ɪведлива въ отношенiи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. ь онъ ни былъ дуренъ, все же онъ генiаленъ, онъ гадости гоɪлъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинɪ нѣтъ у г-жи Сталь. Я сдѣлала усилiе надъ собою, чтобы толɪть съ тобой о постороннемъ предметѣ: лишь одно занимаетъ ɪ; я не знаю ни минуты покою, и еслибы не вѣра въ Божiе ɪсердiе и убѣжденiе, что Богу все возможно, я бы сошла съ ума, ɪ Зинаида.

17-го сентября.—Чтó сказать тебѣ, съ чего начать? Надо приɪть новыя выраженiя, чтобы изобразить, чтó мы выстрадали въ ɪѣднiя двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ ɪей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубоɪ впечатлѣнiе, но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами ɪ, жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ въ послѣднее время ɪдъ его паденiемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушенiе и наɪцъ гибель отъ адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ ɪ несчастное отечество. Какъ я ни ободряла себя, какъ ни стаɪсь сохранить твердость посреди несчастiй, ища прибѣжища въ ɪ, но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала ɪ дня въ постели, не будучи въ состоянiи ни о чемъ думать и ɪмъ заниматься. Окружающiе не могли поддержать меня, какъ ɪедвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица ɪъ сословiй, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губернiй, произɪ ужасное впечатлѣнiе. Извѣстiе о битвѣ подъ Можайскомъ ɪчательно сразило насъ, и съ этихъ поръ ни одна радостная ɪь не оживляла насъ. До сихъ поръ намъ еще неизвѣстны всѣ ɪвы 26-го августа. Намъ назвали Валуева, Корсакова-старшаго ɪутайсова. Пока не предвижу возможности получать здѣсь ноɪи, и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мнѣ какъ ɪо болѣе свѣдѣнiй объ убитыхъ и раненыхъ. Сообщенiя съ ɪквой прерваны; не знаемъ, откуда получать извѣстiя, къ кому ɪтиться; событiя такъ быстро смѣняются; мы даже не знаемъ, ɪ сталось съ лицами, которыхъ мы оставили въ Москвѣ. Надо ɪгать, что вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ намъ; вы должны знать ɪ число убитыхъ. Въ положенiи, въ которомъ мы находимся, ɪть не есть большое зло, и если не должно желать ея ни себѣ, ɪругимъ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о ɪ, кого Богъ къ себѣ призываетъ: они умираютъ, исполняя самый

священный долгъ, защищая свое отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно и внушить его моимъ бѣднымъ кузинамъ Валуевымъ.

Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Несмотря на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событій и обстоятельства намъ позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домикѣ; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства, здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много другихъ москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе грустные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться: съ меня достаточно и своего горя.

Меня тревожитъ участь прислуги, оставшейся въ домѣ нашемъ въ Москвѣ, чтобы сберечь хотя что-нибудь изъ вещей, которыхъ тамъ тысячъ на тридцать. Никто изъ насъ не заботится о денежныхъ потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были; но мы не будемъ покойны, пока не узнаемъ, что люди наши, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Высокомъ, остались цѣлы и невредимы. Когда я думаю серьёзно о бѣдствіяхъ, причиненныхъ намъ этой несчастной французской націей, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія, въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя, и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня,—это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ: несмотря на все, что̀ дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ.

23-го сентября.—Отъ времени до времени сюда пріѣзжаютъ курьеры изъ арміи, то за провіантомъ, то за лошадьми. Намъ отъ этого не легче, потому что они или ничего не говорятъ, или слова ихъ, повторяемыя однимъ лицомъ другому, доходятъ до насъ совершенно искаженными. Да и что̀ могутъ знать провіантскіе или коммиссаріатскіе офицерики? Итакъ, мы пробавляемся слухами, распускаемыми въ народѣ, которые большею частію не что иное, какъ выдумки. Судьба Москвы и арміи намъ одинаково невѣдома. Каждый день слышишь новый разсказъ.

Тамбовъ наполненъ московскими купцами; многихъ изъ нихъ я знаю, разговаривала съ ними, ни одинъ ничего не вѣдаетъ. Дня два повторяютъ, что слѣдуетъ ожидать чего-то важнаго. Да избавитъ насъ Богъ отъ извѣстій въ родѣ всѣхъ предыдущихъ!

Въ числѣ другихъ пріятностей мы имѣемъ удовольствіе жить подъ однимъ небомъ съ 3000 французскихъ плѣнныхъ, съ которыми не знаютъ, что́ дѣлать: за ними некому смотрѣть. На-дняхъ ихъ отправятъ далѣе, чему я очень рада. Всѣ солдаты поляки, нѣмцы, итальянцы и испанцы. Больше всего поляковъ, они дерзки; многихъ побили за шалости. Офицеровъ человѣкъ 40 и одинъ генералъ. Послѣдній—французъ, равно и человѣкъ 10 офицеровъ. Нельзя шагу сдѣлать на улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этими бѣшеными. Его высочество, принцъ Гогенлоэ, тоже здѣсь содержится. Нынче утромъ я его встрѣтила; бѣжитъ по улицѣ, а за нимъ гонится солдатъ. Впрочемъ, самые многочисленные отряды плѣнныхъ отправили въ Нижній, тамъ ихъ умираетъ по сотнѣ ежедневно; одѣтые кое-какъ, они не выносятъ нашего климата. Несмотря на все зло, которое они намъ сдѣлали, я не могу хладнокровно подумать, что этимъ несчастнымъ не оказываютъ никакой помощи, и они умираютъ на большихъ дорогахъ, какъ безсловесныя животныя.

Я совсѣмъ глупа стала. Умъ, понятіе, все, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила.

30-го сентября.—Нашъ милый, родимый городъ, нѣкогда пріютъ мира и счастія, представляетъ лишь груды пепла! Два или три купца, бѣжавшіе изъ Москвы 15-го, 17-го и 19-го чиселъ нынѣшняго мѣсяца, сообщили намъ подробности, способныя растрогать каменное сердце. Неуспѣвшіе бѣжать изъ города до вступленія враговъ постоянно подвергаются ужаснымъ пыткамъ. Они лишены способовъ существованія; одежду у нихъ отобрали и безпрестанно заставляютъ ихъ работать, обращаясь съ ними варварски. Несчастные умираютъ отъ голода. Въ ихъ глазахъ жгутъ и разоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многіе изъ нихъ остались. Всѣ наши церкви обращены въ конюшни. Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами, а лошадей поставилъ въ церкви. Знаешь ли что: несмотря на отвращеніе, которое я чувствую къ нему, мнѣ становится страшно за него въ виду совершаемыхъ имъ святотатствъ. Нельзя было вообразить ничего подобнаго; нигдѣ въ исторіи не встрѣчаешь похожаго на то, что́ совершается въ наше время. Объ арміи мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и еслибы не вѣсти московскихъ бѣглецовъ да не французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ

лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро насъ будятъ тысячи крестьянъ: они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость. Здѣсь климатъ гораздо теплѣе московскаго. До сихъ поръ мы проводимъ полдня съ открытыми окнами. Каждое утро ходимъ пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, который находится въ верстѣ отъ города; я ничего не беру съ собой, кромѣ шали, и той почти никогда не надѣваю.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ рязанской и владимірской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Такъ провожу я время, другъ мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь: въ состояніи, въ которомъ нахожусь, я неспособна къ большой умственной дѣятельности. Домъ нашихъ Пушкиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ сгорѣвшихъ домовъ.

7-го октября.—Съ третьяго дня мы подверглись новаго рода мученію: намъ приходится смотрѣть на несчастныхъ разоренныхъ войной, которые ищутъ прибѣжища въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, чтобы не умереть съ голода. Вчера прибыло сюда изъ деревни, находившейся въ 50 верстахъ отъ Москвы (по можайской дорогѣ), цѣлыхъ девять семействъ: тутъ и женщины, и дѣти, и старики, и молодые люди. Всѣ помѣщики, имѣвшіе земли въ этой сторонѣ, позаботились во́ время о спасеніи своихъ крестьянъ, давъ имъ способы къ существованію. Государственные же крестьяне принуждены были дождаться, покуда у нихъ все отнимутъ, сожгутъ ихъ избы, и тогда уже отправились, по русской пословицѣ, куда глаза глядятъ. Крестьяне, видѣнные нами вчера, были разорены нашими же войсками; мнѣ ихъ стало еще жалче оттого, что, разсказывая о всемъ съ ними случившемся, они не жаловались и не роптали. Въ такія минуты желала бы я владѣть милліонами, чтобы возвратить счастіе милліону людей; имъ же такъ мало нужно! Право, смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери, и благодаришь Бога, давшаго намъ возможность жить въ довольствѣ посреди всѣхъ этихъ бѣдствій и даже думать объ излишнемъ, между тѣмъ какъ столько бѣдныхъ людей лишены насущнаго хлѣба. Пребываніе мое въ Тамбовѣ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыло мнѣ глаза насчетъ многаго. Находись я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ жизни,

мнѣ здѣшніе добрые люди непремѣнно показались бы глупыми и очень смѣшными. Но, прибывъ сюда съ разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящныхъ манерахъ, которые украшаютъ своимъ присутствіемъ гостиныя, занимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но, послушавъ ихъ, черезъ пять минутъ забудешь объ ихъ существованіи. Вмѣсто нихъ, сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ нецвѣтисты и неигривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домомъ и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое отечество, нежели многіе министры. Сначала, привыкшіе къ свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало-по-малу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьёзныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человѣкъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, нѣкогда занимавшій довольно значительные посты и вынужденный оставить службу [1]. Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна. Онъ часто насъ посѣщаетъ и вполнѣ очаровалъ меня. Разумовскіе тоже поселились здѣсь на всю зиму. Графъ—премилый, жена далеко не стóитъ его. Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся, она выводитъ меня изъ терпѣнія. Они занимаютъ самый большой домъ въ городѣ и, несмотря на это, графиня вѣчно недовольна, и все ворчитъ. Богатство избаловало голубушку.

15-го октября.—Ты и не подозрѣваешь, добрый другъ мой, что въ настоящую минуту я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ Шаховскими. Признаюсь тебѣ, я не воображала, что меня можетъ ожидать что-либо пріятное, и потому вся эта недѣля исполнена радости для меня. Шесть недѣль не имѣли мы извѣстій отъ сестры, и, наконецъ, въ прошлый вторникъ я получила отъ нея длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убѣдились, что есть возможность переписываться съ близкими людьми, въ чемъ мы уже начинали отчаяваться. Въ среду мы получили письмо отъ нашего толстаго дворецкаго, о которомъ мы ужасно тревожились. Этотъ честный человѣкъ дождался послѣдней минуты, и 2-го сентября въ 11 часовъ

[1]) Записки его были напечатаны въ „Р. Архивѣ“ 1867.

утра, когда войска наши, возвращаясь съ Бородинскаго поля, проходили черезъ Москву, въ которую должны были вступить французы, онъ оставилъ городъ и отправился вслѣдъ за войскомъ. На улицахъ была такая давка: тутъ шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненые, такъ что отъ нашего дома до Владимірской заставы онъ пробирался цѣлыхъ шесть часовъ. Передъ выходомъ изъ города онъ услышалъ первый выстрѣлъ французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздираетъ душу; онъ описываетъ чувства свои; въ эту минуту вѣрно у него совсѣмъ закружилась голова, потому что, находясь на Тамбовской дорогѣ, онъ сбился съ пути и попалъ во Владиміръ 10-го сентября. Часть дороги прошелъ онъ пѣшкомъ, неся съ собой бумаги и деньги. Во Владимірѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, и потому мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Все-таки въ нашемъ домѣ еще остались двое или трое старыхъ служителей съ женами; они говорятъ, что слишкомъ стары, потому французы не возьмутъ ихъ въ солдаты; а они все же хотя что-нибудь да сберегутъ въ домѣ. Имѣніе наше, говорятъ, уцѣлѣло; а все находившееся въ Москвѣ сожжено, потому я надѣюсь, что люди наши перебрались въ Высокое. Я въ жизнь свою не утѣшусь, ежели хотя одинъ изъ нихъ погибнетъ отъ руки бѣшеныхъ злодѣевъ. Съ Москвой же надо навѣки проститься, милый другъ. Не выскажешь всего, что̀ тамъ творится. Ежедневно сюда являются бѣглецы; послѣдніе изъ нихъ оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видѣли они, какъ французы обращали церкви въ кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали въ ретирады, обобравъ всѣ украшенія. Они обѣдаютъ и ужинаютъ на престолахъ, и всячески святотатствуютъ. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшіе въ руки этихъ злодѣевъ. Шаховскіе еще остаются здѣсь на сегодняшній день, слѣдовательно мы все будемъ вмѣстѣ. Завтра они ѣдутъ къ сестрѣ во Владимірскую губернію, а зиму еще не знаютъ, гдѣ проведутъ. Валуевы все съ нами. Тетка пишетъ имъ изъ Владиміра, но не говоритъ имъ о братѣ; по слогу я вижу, что она знаетъ о смерти сына, но дочерямъ желаетъ сообщить какъ можно позднѣе это грустное извѣстіе. Намъ говорятъ, что между тѣмъ, какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ, и что въ Петербургѣ въ русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, ка́къ русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе издалека, разсказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ,

что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосу нѣтъ. Французы, несмотря на то, что они негодяи, не такъ судятъ. Поймали нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ во Францію, между прочимъ одного, посланнаго до вступленія французовъ въ Москву. Онъ везъ письма, въ которыхъ эти подлецы обѣщали своимъ соотечественникамъ описать подробно всѣ удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ Россіи, воображая, что они будутъ тамъ танцовать и веселиться. Они говорятъ о своемъ нетерпѣніи увидать самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Другой же курьеръ, отправленный уже изъ Москвы, везъ извѣстія иного рода. Они писали, что не видывали болѣе варварскаго народа, что онъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріятелемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибы даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ. Когда слышишь это и читаешь петербургскія вѣсти въ родѣ вышеупомянутой, руки упадаютъ. Но не угодно ли подивиться этимъ негодяямъ французамъ, называющимъ насъ варварами, потому что мы не принимаемъ ни ихъ любезностей, ни ихъ законовъ? Можно ли завираться до такой степени! Какъ осмѣливаются они называть варварами народъ, сидящій тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападаютъ, и скорѣе соглашается всего лишиться, чѣмъ быть въ порабощеніи. Образованными они зовутъ орду бродягъ, вырвавшихся изъ ада, чтобы все жечь, разорять и проливать кровь. Что́ они ни говори, а быть русскимъ или испанцемъ есть величайшее счастіе; хотя бы мнѣ пришлось остаться въ одной рубашкѣ, я бы ничѣмъ инымъ быть не желала, *вопреки всему*. Знаешь ли, что нашъ генералъ, у котораго въ турецкую кампанію ноги были въ параличѣ, окончательно лишился одной изъ нихъ въ битвѣ 26-го сентября. Братъ его, женатый на Нарышкиной, былъ контуженъ въ голову и оглохъ. Понемногу узнаемъ о судьбѣ знакомыхъ, но далеко не всѣхъ. Мы часто видимся съ Разумовскими. Графъ теперь неоцѣненный собесѣдникъ. Вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ. Двое или трое людей изъ его прислуги, оставившіе Москву по вступленіи французовъ, привезли извѣстіе, что дома его въ городѣ и Петровскомъ истреблены со всѣмъ, что́ въ нихъ находилось, то-есть милліона на два вещей. Это нисколько не омрачило его. Онъ по прежнему всегда добродушно любезенъ, за что́ всѣ и любятъ его. Скажи мнѣ, видѣла ли ты Растопчина? Каковъ онъ? Его потери тоже значительны.

22-го октября.—Французы оставили Москву. Растопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ,

онъ намѣренъ вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепелъ отъ дорогого города, но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ, и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотрѣть, чтó съ ней сталось, и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится навѣки отказаться отъ счастія вновь увидать ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ, словомъ все, чтó такъ дорогу каждому существу, одаренному душой и разумомъ. Растопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, за то въ немъ все въ дребезги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ипполитъ [1]), котораго ты вѣрно встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Растопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Растопчину; не то что отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ домà остались неприкосновенными потому, что у дверей разставлены были часовые, лишь только французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебѣ прокламація Растопчина, привѣшенная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія французовъ, графъ сжегъ все, чтó ему такъ дорого стоило, всѣ избы крестьянскія, отправилъ крестьянъ въ Воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каковъ Наполеонъ, и

---

[1]) Подчасскій.

что онъ самъ сжегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человѣка, который такъ вѣрно его цѣнитъ. Шаховскіе уѣхали въ среду утромъ. Михаилъ Віельгорскій уже три дня какъ здѣсь, и нынче ѣдетъ въ Пензенское свое имѣніе, гдѣ оставилъ жену, и намѣренъ пробыть тамъ до зимы. Вѣроятно по первому снѣжному пути вернется въ Тамбовъ. Катиша, Даша, Валуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжемъ. Въ нынѣшнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служитъ намъ развлеченіемъ, а со временемъ, быть можетъ, станетъ необходимостью. Вообрази, что домъ Разумовскихъ [1]) со всѣмъ, что въ немъ находилось, остался нетронутымъ; такъ какъ его начали разламывать для перестройки, то французы вообразили, что въ домѣ безъ оконъ вѣрно ничего нѣтъ и не совали туда носу. Это удивительное счастіе, что онъ и не сгорѣлъ; все цѣло, даже вино въ погребахъ. За то Петровское все разорено; шуточка эта стоитъ милліонъ. О нашемъ домѣ мы не вѣдаемъ; Богъ съ нимъ, лишь бы французовъ истребили.

28-го октября. — Ни отъ чего я такъ не страдаю, какъ отъ холода. Какъ нарочно я попала въ Тамбовъ въ такіе холода, которымъ сами старожилы дивятся. Всѣ дома насквозь проморожены. Нашъ какъ погребъ. Мы всѣ спимъ въ одной комнатѣ и льнемъ къ печкамъ. Вотъ каково наше житье, дружокъ. Все это испытанія; ихъ надо переносить терпѣливо и покорно, ожидая лучшаго въ будущемъ. Наконецъ Валуевы узнали о смерти брата; ихъ такъ жалко особенно потому, что онъ умеръ вдалекѣ отъ семьи.

Со времени сраженія подъ Малоярославцемъ мы ничего не слыхали о нашей арміи.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужинала у губернаторши; тамъ я слышала прекрасную музыку, которая, напомнивъ мнѣ прошлое, причинила мнѣ страданіе. Наполеону мы обязаны тѣмъ, что страдаемъ отъ того, чѣмъ прежде наслаждались. Впрочемъ, все, что намъ суждено испытать, не отъ насъ зависитъ, а назначено свыше.

11-го ноября. — Я чувствую, что съ іюня мѣсяца состарѣлась на десять лѣтъ. Все, что вижу, до сихъ поръ не таково, чтобы мнѣ помолодѣть. Письма твои принесли мнѣ большую пользу: они

[1]) На Тверской (нынѣ Шаблыкина), гдѣ помѣщается англійскій клубъ.

вывели меня изъ глубокой грусти, въ которую я была погружена. Увы, милый другъ, какъ и ты, я въ постоянной сердечной тревогѣ. Брата Николая назначили адъютантомъ въ 6-й саперный баталіонъ, которымъ командуетъ храбрый Эммануилъ Сенъ-При. 29-го октября получили мы извѣстіе объ этомъ назначеніи. Братъ наскоро экипировался, что̀ стоило ему большого труда, ибо здѣсь въ степяхъ ничего нельзя достать, и уѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Сначала онъ отправится въ Москву, оттуда на 3 или 4 часа съѣздитъ въ Высокое; потомъ поѣдетъ вслѣдъ за арміей, которая вѣроятно очень уже далеко ушла, потому что 26-го октября она находилась въ окрестностяхъ Смоленска, а съ той поры она не переставала идти усиленнымъ шагомъ.

Двоюродные братья мои Валуевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаемъ Александра, который долженъ пріѣхать за сестрами. Съ 30-го октября тетка моя въ Москвѣ. Лишь по прибытіи ея въ разоренный городъ объявили ей о смерти сына, и впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было тѣмъ ужаснѣе, что она окружена была развалинами; письмо ея полно отчаянія. Отъ дома ея остались лишь стѣны; службы всѣ сгорѣли и ей пришлось остановиться въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ Воротъ: это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. Поэтому всѣ городскія власти, какъ высшія, такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ человѣкъ до 500. Теткѣ пришлось перейти въ домъ Яковлева въ Леонтьевскій переулокъ. Сыновья ея должны будутъ отправиться въ окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооруженіе, они поступили въ полкъ, который Мамоновъ началъ организовать на свой счетъ; тутъ случилась московская катастрофа, полкъ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль, гдѣ долженъ былъ найти всѣ способы для окончательнаго сформированія.

При воззваніи Растопчина двоюродные братья мои, равно Лунинъ и Барановъ просили о переводѣ ихъ въ армію. Имъ было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Растопчину, ни кому другому. Тогда они по одиночкѣ вышли въ отставку, а потомъ снова вступили въ свой полкъ. Потому я и полагаю, что имъ придется тоже послѣдовать за арміей, что̀ приводитъ сестеръ въ отчаяніе, то-есть Анету и Полину, потому что Софи ничего не чувствуетъ: пока другіе плачутъ, она позвала къ себѣ парикмахера, бѣжавшаго изъ Москвы, какъ и мы, велѣла обрѣзать себѣ волосы и завивается. Мнѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что сойдетъ съ ума, какъ ея старшая сестра. Что̀ касается двухъ другихъ, на нихъ жалко смотрѣть. Онѣ такъ и убиваются, страшно исхудали. Кстати о полкѣ Мамонова: въ немъ находится

большая часть извѣстной московской молодежи; тутъ Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возымѣлъ дерзкую отвагу участвовать въ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи [1]). Подъ нимъ убили двухъ лошадей, и самъ онъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія, онъ вернулся въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло, которому, какъ всѣ говорятъ, не было подобнаго. Не понимаю, какъ это несчастное сраженіе могло хотя на минуту обрадовать васъ. Хотя по словамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ (нѣкоторыхъ я встрѣчала), это не потерянное сраженіе, однако на другой же день всѣмъ ясны были его послѣдствія. Въ Москвѣ напечатали извѣстія, дошедшія до насъ, въ которыхъ говорилось, что, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, ослабѣвшій непріятель отступилъ на 8 верстъ, но что для окончательнаго рѣшенія битвы въ пользу русскихъ, на слѣдующій день, 27-го, сдѣлаютъ нападеніе на французовъ, дабы принудить ихъ къ окончательному отступленію. Таково было оффиціальное письмо Кутузова къ Растопчину, которое и помѣстили въ печатное извѣстіе. Вмѣсто всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселѣ неизвѣстна причина этого неожиданнаго отступленія. Тутъ кроется тайна. Быть можетъ, мы ее когда-нибудь узнаемъ, а можетъ и никогда; но что̀ вѣрно и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться,—это въ существованіи важной причины, по которой Кутузовъ измѣнилъ планъ касательно 27-го числа, торжественно имъ объявленный вечеромъ 26-го числа.

Какъ бы то но было, мы не имѣли даже и тѣни надежды на блестящую побѣду; ибо три дня спустя по прочтеніи вышеупомянутаго извѣстія мы узнали, что войско находится въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, а 7-го сентября получили ужасное извѣстіе о гибели дорогого города. Въ теченіе шести недѣль мы постоянно находились въ тревогѣ и глубокой горести, не получая ни единой отрадной вѣсти.

Послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, мы стали получать болѣе удовлетворительныя новости: непріятель не могъ идти на Калугу и долженъ былъ возвращаться по той же дорогѣ, по которой пришелъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ. Въ Бѣлоруссіи французовъ ожидаютъ наши войска, такъ что врядъ ли они ускользнутъ отъ насъ. Надо надѣяться, что они будутъ окончательно разбиты. Я не прихожу въ отчаяніе насчетъ нашей будущности, надѣясь на

---

[1]) A fait l'extravagance d'assister, comme simple spectateur, à l'affaire de Borodino.

Божіе милосердіе. Не тревожься и ты о будущей веснѣ; милый другъ.

Я не сержусь на Растопчина, хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По-моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что̀ было въ Москвѣ съ конца іюля. Лишь человѣкъ, подобный Растопчину, могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя, и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что еслибы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, что̀ бы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ не подпуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось, и, безъ сомнѣнія, имѣло болѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удерживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города. Онъ напечаталъ объявленіе, которое я читала и въ которомъ онъ говоритъ, что его удивляютъ слухи, будто онъ препятствуетъ выѣзду жителей изъ Москвы, что̀ ему это и въ голову не приходило; напротивъ онъ радъ былъ, что уѣзжаютъ люди, опасавшіеся остаться. Между тѣмъ онъ зналъ то, чего вы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій, бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ, и могли бы зайти далѣе, еслибы за ними не было бдительнаго присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослѣплена Растопчинымъ, потому не можешь упрекать меня въ лицепріятіи. Но, увѣряю тебя, что я чувствую къ нему величайшую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ, что̀ бы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.

Я бы желала, чтобы ты послушала, какъ говорятъ здѣсь о Москвѣ, здѣсь, то-есть въ губерніяхъ, составляющихъ коренную Рос-

сію, гдѣ почти не подозрѣваютъ о существованіи иной столицы, кромѣ Москвы, къ которой питаютъ какое-то священное благоговѣніе. Что̀ касается недовольства Растопчинымъ, оно меня нисколько не удивляетъ; къ несчастію, люди никогда не видятъ вещей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Мы досадуемъ на свои потери и ищемъ кого бы за это обвинить, нисколько не руководствуясь справедливостью въ обвиненіяхъ нашихъ.

Нашъ московскій домъ сгорѣлъ въ ночь съ 4-го на 5-е сентября; сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и всѣ смежные дома. 2-го числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ, они ушли. Точно та же исторія повторилась на другой день, причемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую Слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощеніе долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обобрали у людей и велѣли открыть кладовыя; не найдя въ нихъ ничего съѣдомаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячъ на тридцать вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежные кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ въ часъ, толпа негодяевъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать; люди внизу слышали адскій шумъ, потомъ эти канибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ сосѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ вскорѣ сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ заключавшимся (чему я очень рада, ибо по-моему лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ). Тогда люди наши, полунагіе, отправились въ Высокое, куда однако прибыли здоровыми. Это милое убѣжище, благодаря Бога, осталось въ цѣлости, хотя его положеніе было небезопасно, такъ какъ оно находится между Клиномъ, гдѣ расположены наши войска, селомъ Пятницей, наполненномъ казаками, порядочными грабителями, Волоколамскомъ, Рузой, городами, разоренными французами, и наконецъ вблизи Можайска, такъ что пушечные выстрѣлы 26-го числа слышны были въ Высокомъ. Мы полагали, что имѣніе это погибнетъ ранѣе Москвы, и потому я велѣла перевезти множество вещей въ Москву. Ты видишь, какъ ошибочны человѣческія предположенія! Москва почти не существуетъ, а Высокое цѣлехонько. Въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 12-ти и 14-ти отъ Высокаго, ежедневно убивали сотни мародеровъ, а въ

Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ. Урожай былъ прекрасный, хлѣбъ убрали какъ по обыкновенію, скотъ процвѣтаетъ, такъ что люди наши нашли и убѣжище и обильное пропитаніе въ нашемъ миломъ имѣніи, которымъ мы всѣ дорожимъ, потому что батюшка самъ занимался его устройствомъ. Мы многимъ обязаны нашему управляющему. Будучи вполнѣ свободенъ, онъ добровольно остался на мѣстѣ, и своею твердостью и присутствіемъ духа сберегъ намъ все до послѣдней нитки. Во всей Московской губерніи врядъ ли найдется два имѣнія, уцѣлѣвшія подобно нашему.

Съ Божьею помощью, на будущее лѣто мы намѣрены посѣтить эти милыя мѣста, бывшія нѣкогда свидѣтелями нашего благоденствія. Зиму мы проведемъ здѣсь. Квартира наша невыносима, печи дымятъ, и я по крайней мѣрѣ два дня въ недѣлю лежу съ головною болью. Собираемся искать другую квартиру. Віельгорскіе и не думаютъ ѣхать въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что Катиша сюда пріѣдетъ родить, такъ какъ вскорѣ здѣсь соберется вся ихъ семья. Пребываніе здѣсь не представляетъ ровно никакихъ пріятностей, да кто о нихъ и думаетъ въ настоящеее время! Я желала бы побывать въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ тобой; вообще же я предпочитаю мѣста самыя удаленныя отъ шума.

Всѣ наши московскіе знакомые въ Нижнемъ, исключая Пушкиныхъ и г-жи Лобковой съ матерью, живущихъ въ Ярославлѣ. Никто не думаетъ ѣхать въ Питеръ. Въ началѣ волненія всѣ бросились въ Нижній, считая его безопаснымъ убѣжищемъ, а теперь, поуспокоившись, стараются забраться въ отдаленныя мѣста, гдѣ можно жить съ маленькими средствами, не дѣлая долговъ и стараясь поправить свои финансы. На прошлой недѣлѣ меня закидали письмами изъ Нижняго. Лица, ежедневно посѣщавшія насъ въ Москвѣ, узнавъ, гдѣ я нахожусь, всѣ написали ко мнѣ. Меня очень тронуло ихъ вниманіе, но я пугаюсь при видѣ множества писемъ, на которыя нужно отвѣчать. Гагарина благополучно родила въ деревнѣ, не имѣя другой помощницы, кромѣ своей горничной; она сама пишетъ мнѣ, равно и всѣ Оболенскіе, Соллогубъ, Небольсина и т. д. Не вѣдаю, гдѣ Вяземскіе; полагаю, онъ въ полку. Мы знаемъ, что были безсовѣстные негодяи, услуживавшіе Наполеону въ Москвѣ. Не знаю, съ чего ты взяла, что Визапуръ—русскій дворянинъ; онъ не что иное, какъ мулатъ, явившійся Богъ знаетъ откуда, и годный только стоять на запяткахъ у кареты, вмѣсто негра. Загряжскій давно съ ума сошелъ; не знаю, кто такой Бестужевъ; довольно вѣрно то, что большая часть измѣнниковъ купцы, иностранцы всѣхъ націй, вообще—люди ничего не значущіе, дворянъ же весьма немного.

18-го ноября.—Мы остались въ одиночествѣ. Валуевы уѣхали вчера съ своимъ братомъ. Большая часть нашихъ знакомыхъ уѣхали въ Москву или въ ея окрестности. Осталась наша семья, состоящая изъ пяти лицъ, считая и Мишеля, да Разумовскіе. Общество сихъ послѣднихъ весьма удовлетворительно для матушки, но не для меня. Предстоящая зима кажется мнѣ весьма жалкою въ сравненіи съ прошлыми зимами. Однако я не отчаяваюсь и увѣрена, что съ Божіею помощью не буду слишкомъ тосковать. Я такъ распредѣлила свои занятія, что не имѣю ни минуты свободной и не вижу, какъ идетъ время. Пока мнѣ не приходилось страдать отъ холода въ нашей гадкой квартирѣ, я смотрѣла равнодушно на изодранныя драпировки, парусинную мебель, кривые столы; теперь же все это мнѣ кажется невыносимымъ. Впрочемъ, надъ нами сжалился одинъ здѣшній помѣщикъ и велѣлъ намъ привезти мебель изъ своего имѣнія. Я достала себѣ теплые ботинки, которыхъ не снимаю съ ногъ; эта обувь, равно и весь мой нарядъ, придаетъ мнѣ видъ пятидесятилѣтней старухи. Я никогда не была щеголихой, и потому мнѣ ничего не значитъ обойтись безъ щегольства. Но я не могу съ такой же философіей отказаться отъ талантовъ, которые развивала съ самаго дѣтства и которыми забавляла тѣхъ, кому желала доставить удовольствіе. Я болѣе не буду въ состояніи позабавить тебя пѣніемъ, потому что я совершенно потеряла голосъ. Вчера я попробовала кое-что спѣть и рѣшительно не могла взять ни одной ноты. Прощайте всѣ мои романсы, аріи, дуэты, которыми я потѣшала моихъ добрыхъ друзей! Помнишь ли ты наши ужины у дяди? Гдѣ-то онъ теперь, милый дядя! Говорятъ, домъ его сгорѣлъ. Кстати, я отказываюсь отъ многаго изъ сказаннаго мной о Растопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала. Судя по послѣднимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ о всемъ случившемся до и по отдачѣ Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила его полиція, которая, выйдя изъ города въ величайшемъ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владиміромъ. Много есть другихъ мелочей, не дѣлающихъ ему чести. Онъ съ Кутузовымъ, какъ кошка съ собакой. Бенигсенъ одно время не въ ладу былъ съ Кутузовымъ, но они скоро помирились и теперь другъ съ другомъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я обѣщала тебѣ сообщить подробности о старикѣ Кульманѣ; вотъ онѣ. Не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ Москвы, онъ остался въ городѣ. Въ первые же три дня по вступленіи французовъ, его ограбили, сожгли его домъ, словомъ—онъ всего лишился. Въ лохмотьяхъ, питаясь тѣмъ, что̀ французы выбрасывали на улицу, въ отчаяніи, онъ просилъ при-

нить его въ лекаря въ одинъ изъ наполеоновскихъ госпиталей. Это доставило ему способъ существованія въ теченіе шести ужасныхъ недѣль, которыхъ не забудетъ ни одинъ русскій. Когда французы удалились и наши власти вернулись въ городъ, Кульмана схватили и посадили въ тюрьму. Оттуда онъ написалъ матушкѣ письмо, раздирающее душу. Этотъ несчастный человѣкъ, служившій нашему отечеству сорокъ лѣтъ, занимая мѣста, на которыхъ онъ могъ разжиться въ теченіе года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Несмотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтренности и неразумію, столь страннымъ въ старикѣ, и столь намъ извѣстнымъ. Нѣмецъ нашего Мишеля, бѣдный Клексенъ, сгорѣлъ въ нашемъ домѣ, гдѣ остался послѣ нашего отъѣзда. Съ отчаянія онъ началъ пить и въ тотъ роковой день, когда подожгли Никитскую, онъ былъ такъ пьянъ, что его никакими силами не могли вытащить изъ угла, въ которомъ онъ спрятался, и такимъ образомъ онъ сталъ жертвою своей глупости и адскаго неистовства націи, считаемой за самую образованную во всей Европѣ.

Ежедневно сюда приводятъ плѣнныхъ; они крайне дерзки, такъ что губернаторъ, человѣкъ очень порядочный, обращается съ ними, какъ съ собаками.

25-го ноября. — Сколько пріятныхъ новостей, милый другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалился надъ нашими страданіями, и что мы будемъ имѣть счастіе отмстить за гибель милой столицы, унизивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшаго причиною всѣхъ нашихъ мукъ!

Нынѣ мы получили извѣстія отъ 8-го ноября, и онѣ столь удовлетворительны, что можемъ себѣ позволить предаться чувству похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли, что́ значитъ радоваться. Какъ бы то ни было, дышется свободнѣе и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены. Еслибы не попалъ братъ Николай въ тотъ омутъ, отъ котораго зависитъ наша общая участь, мнѣ кажется, мнѣ бы нечего было желать. Однако, скажи мнѣ кто либо прошлый годъ, какъ проведу я зиму 12-го года, я навѣрное стала бы жаловаться на горькую участь, меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трехъ старцевъ (одинъ изъ нихъ отъ меня безъ ума); подъ носомъ у меня колода картъ для игры въ бостонъ, въ вечеръ я проигрываю два или три рубля. Чтобы разно-

образить удовольствія, я и мой старый поклонникъ играемъ въ пикетъ по пятаку за очокъ. Затѣмъ, взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, въ которой ты меня знала, и теперешнюю мою жизнь, и скажи, что̀ ты думаешь объ этомъ сравненіи.

Каждый день я катаюсь въ саняхъ и потомъ вышиваю безъ устали. Это, признаюсь, мнѣ служитъ отдыхомъ и составляетъ любимѣйшее мое занятіе.

Ты желаешь знать, не приведутъ ли насъ въ Питеръ общія несчастія и потеря дома въ Москвѣ. На это я скажу тебѣ, что вашъ блестящій городъ увидитъ насъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно: ежели служба Николиньки принудитъ его поселиться въ Питерѣ, тогда матушка все броситъ, чтобы послѣдовать за милымъ сыномъ, чтобы своимъ присутствіемъ охранить его отъ соблазновъ, словомъ—отъ безчисленныхъ пороковъ, какими богата ваша сторона, и которымъ 17-ти-лѣтній юноша не въ силахъ противостоять. Николай такъ добръ, такъ довѣрчивъ, что болѣе другого нуждается въ руководителѣ, что̀ онъ и самъ сознаетъ. До сихъ поръ онъ радуетъ всѣхъ насъ своимъ хорошимъ поведеніемъ, прекраснымъ характеромъ; ты понимаешь, что мы все забудемъ, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть можетъ, встрѣтимся мы на берегахъ Невы, ежели дядя Кошелевъ потребуетъ насъ; но я надѣюсь, что онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ такъ несчастливъ во многихъ отношеніяхъ, что матушка не въ силахъ будетъ долго противиться его просьбѣ, ежели онъ серьёзно того пожелаетъ; иначе лишь служба Николая можетъ насъ вызвать въ Питеръ. Мы — москвичи болѣе, чѣмъ когда-либо!

Странно, что, со времени несчастія, Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Многія лица, между прочимъ Апраксины, предполагая, что мы можемъ перебраться въ Петербургъ, написали матушкѣ, совѣтуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить слѣды бѣдствій, которыя потерпѣла милая столица, жертвуя собою для общаго блага. Вотъ наши планы. Зиму мы проведемъ здѣсь, и старый Нѣмчиновъ будетъ за мной ухаживать, сколько ему угодно. Весной мы намѣреваемся посѣтить принадлежащее намъ имѣніе въ Саратовской губерніи, котораго никто изъ насъ не знаетъ. Потомъ отправимся въ наше милое Высокое, пробудемъ тамъ до зимы и тогда вернемся въ дорогую Москву, гдѣ уже строятся нѣсколько зданій и на будущую зиму можно будетъ нанять домъ. Москва, говорятъ, полна народу; въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шестинедѣльнаго пребыванія въ го-

родѣ французы перебили множество народа. Не только городъ, но и окрестности усѣяны трупами, заражающими воздухъ. Представь, чтó будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ. Николай пишетъ, что за пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля,—все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны. Къ тому надо прибавить, что въ началѣ ноября еще не похоронены были убитые 26-го августа; Богъ знаетъ, схоронены ли они теперь. За 25 верстъ слышно было зловоніе, и ежели не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, весною запахъ слышенъ будетъ и въ Высокомъ, находящемся не болѣе, какъ въ пятидесяти верстахъ отъ несчастнаго Бородина, чтó разрушило бы наши планы, и не знаю, куда бы мы дѣлись лѣтомъ въ такомъ случаѣ. Невѣстка моя беременна, и къ 1-му іюня намъ необходимо гдѣ-нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочемъ, я стараюсь какъ можно менѣе думать о будущемъ. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было бы неблагодарностію съ нашей стороны, ежели бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полной увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо.

Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ французы до и по вступленіи своемъ въ Москву? Во всемъ виденъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе Провидѣнія, которое, наказавъ насъ, по правосудію Своему, не допустило однако до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, чтó случилось. Божія благость спасла насъ отъ горя, которое для насъ было бы тяжеле многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ разсказали, что чудовища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспоминала о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится лучшій и любимѣйшій изъ отцовъ. Николай по прибытіи въ Москву тотчасъ отправился въ монастырь, и пишетъ намъ, что памятникъ батюшки, равно и всѣ другіе памятники, остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но чтó для насъ наиважнѣйшее, то цѣло, благодаря Бога.

Въ реляціи Кутузова сказано, что въ дѣлѣ 8-го числа финляндскій гвардейскій полкъ отличился храбростью. Въ этомъ полку находится братъ Даши Ухтомской; потрудись, милый другъ, узнать,

не въ числѣ ли раненыхъ или убитыхъ значится князь Ухтомскій. Послѣ Бородинскаго дѣла въ этомъ полку осталось въ живыхъ семь офицеровъ, въ числѣ ихъ былъ и Ухтомскій. Богъ знаетъ, посчастливилось ли ему и на этотъ разъ. Бѣдная сестра его, которую я люблю съ дѣтства, въ ужасномъ страхѣ. Я получила отъ нея письмо и, судя по немъ, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ея отъ 16-го октября; ей еще, значитъ, не было извѣстно, что произошло сраженіе подъ Малоярославцемъ.

27-го ноября.—Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги: это страшная мука, особенно когда живешь въ картонномъ домикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ, ихъ посѣщающихъ. Что́ же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ, или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ!

Я знаю, что въ Москвѣ до 31-го августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, то-есть со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она разорялась и ничего не выручала. Играли русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправѣ ненавидѣть Москву и не терпѣть всего, въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то по крайней мѣрѣ всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга разумѣется, одинаково заблуждались.

Здѣсь, въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ, чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой. До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; кре-

стьяне лишь только услышать, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ августа мѣсяца французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе разсказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа до-сюда они были, какъ на иголкахъ; если забывшись, по привычкѣ, начинали говорить по-французски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву?

Я забыла разсказать тебѣ о перемѣнѣ моихъ отношеній къ двоюродному брату Валуеву. Изъ заклятаго врага онъ сдѣлался моимъ поклонникомъ. Я получила отъ него такое посланіе изъ Рязани, въ концѣ коего недостаетъ лишь предложенія; въ послѣднемъ случаѣ оно было бы вполнѣ трогательно. Во время трехдневнаго пребыванія своего у насъ, онъ преслѣдовалъ меня комплиментами и ласками, стараясь оправдаться передо мною въ своихъ прежнихъ ошибкахъ въ отношеніи меня, и зная, что онѣ мнѣ извѣстны. Я не избѣгала объясненія, и вечеромъ наканунѣ его отъѣзда высказала ему откровенно мое мнѣніе о разныхъ вещахъ. Онъ весьма покорно выслушалъ мои замѣчанія, сознавался, что былъ невыносимъ, говорилъ, что исправился и т. д. Въ заключеніе всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта перемѣна мнѣ кажется чудомъ, въ родѣ переворота въ судьбѣ Наполеона. Насталъ годъ чудесъ!

Еслибы не твое великодушіе, мы рѣшительно не вѣдали бы, что́ на свѣтѣ происходитъ. Ныньче получили мы извѣстіе, что Николай съ Ипполитомъ отправились въ армію 19-го числа; теперь они уже доѣхали.

Знаешь ли, что́ сдѣлали французы изъ гостиныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда-нибудь въ нихъ встрѣтимся)? Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа, они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни; въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до октября; въ эту пору одна изъ служанокъ, влюбившись въ какого-то негодяя-поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба, словомъ—мѣста, гдѣ что-либо хранилось. Потери Разумовскихъ простираются почти до двухъ милліоновъ.

Если желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называющемъ насъ варварами, прими къ свѣдѣнію, что во

всѣхъ домахъ, гдѣ жили французскіе генералы и высшіе чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ домъ отдѣлали, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тутъ жили.

2-го декабря.—Вчера въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Тамбовѣ, была я на обѣдѣ, данномъ для матушки однимъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Здѣсь для меня все ново, и есть что́ изучать. Я замѣтила, что есть возможность составить кружокъ изъ мужчинъ; они не щеголи и не отличаются любезностью, но за то разумные и даже пріятные собесѣдники. Что́ касается женщинъ, только губернаторша—милая особа, остальныя нестерпимы. Всѣ съ претензіями крайне смѣшными. У нихъ изысканные, но нелѣпые туалеты, странный разговоръ, манеры какъ у кухарокъ; при томъ онѣ ужасно жеманятся, и ни у одной нѣтъ порядочнаго лица. Вотъ каковъ прекрасный полъ въ Тамбовѣ! Ты понимаешь, что я какъ можно рѣже буду видѣться со всѣми этими лицами, развѣ въ случаѣ необходимости. Мы каждый день видимся съ Разумовскими; она по прежнему безалаберна, а мужъ ея любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Нынче мы у нихъ будемъ ужинать. Щукина не слишкомъ пріятная особа, я съ ней мало знаюсь, мы только вмѣстѣ играемъ въ карты; мужъ ея претошный. У нихъ живетъ племянница, которая замужемъ за какимъ-то Ивановымъ,—глупое и невыносимое существо, какъ разъ подъ пару здѣшнимъ чопорнымъ дамамъ; она уже успѣла съ ними подружиться. Все это общество мнѣ не по вкусу, я бы его себѣ не избрала; но, за неимѣніемъ лучшаго, приходится имъ довольствоваться.

Вчера я видѣла пріѣхавшаго изъ арміи; онъ оставилъ главную квартиру 19-го ноября. Извѣстія, имъ привезенныя, такъ хороши, что, будучи русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которую пріобрѣтаетъ наше милое отечество. Французы, особенно злодѣй Наполеонъ и его приверженцы, растерялись. Я согласна: пусть эти дураки называютъ Россію варварской страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными Австрія, Пруссія и Франція.

Сюда прислали четверыхъ плѣнныхъ французскихъ генераловъ. Князь Кутузовъ особенно рекомендовалъ одного изъ нихъ здѣшнему губернатору, родственнику своему, присовокупляя, что, слышавши, что съ плѣнными обращаются сурово, онъ желаетъ, чтобы измѣнили эту систему, ибо жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ

не согласно съ русскимъ характеромъ, потому съ большими генералами будутъ обращаться, какъ обращались въ Москвѣ съ Клерфельтомъ и Левенгеймомъ. Добраго старика Кутузова армія обожаетъ; вездѣ его встрѣчаютъ съ восторженными привѣтствіями. Растопчину съ нимъ тягаться не подъ силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все, что я видѣла, слышала и чувствовала, что мнѣ приходила мысль идти въ здѣшній монастырь, для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ.

10-го декабря.—Ты удивишься, узнавъ, что я собираюсь на балъ. Да, послѣ завтра я буду выплясывать съ тамбовскими щеголями. 12-е декабря, какъ тебѣ извѣстно, празднуется во всей Россіи. Вотъ и здѣшній губернаторъ, добрѣйшій человѣкъ, вздумалъ потѣшить общество и даетъ балъ, къ которому готовятся всѣ наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляетъ, что мнѣ приходится явиться на балъ послѣ всѣхъ тревогъ и скорбей, испытанныхъ мною въ теченіе шести мѣсяцевъ; однако, я не прочь взглянуть на провинціальныя собранія. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстія изъ арміи сдѣлались утѣшительнѣе, въ Россіи снова начали веселиться. Вотъ уже три недѣли, какъ здѣсь пляшутъ по воскресеньямъ, въ жалкомъ, уродливомъ домѣ, въ которомъ жители Тамбова веселятся болѣе, нежели веселились мы въ прекрасномъ московскомъ зданіи.

Наше московское собраніе только-что собирались отдѣлать и украсить на нынѣшнюю зиму, а негодяи-французы превратили его въ пепелъ.

Ты вѣрно видала г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нея было большое имѣніе въ Смоленской губерніи. Жила она открыто, пользуясь всѣми удобствами жизни. Теперь же съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ одинъ меньше другого, она принуждена продавать платья и бѣлье, чтобы не умереть съ голоду. И сколько такихъ случаевъ!

Я часто получаю посланія отъ Валуевыхъ; онѣ такъ привязались ко мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ съ нами, что при всякомъ удобномъ случаѣ посылаютъ мнѣ дружескія письма. Подробности, которыя онѣ сообщаютъ мнѣ о Москвѣ, крайне интересны для человѣка, любящаго этотъ городъ, какъ я его люблю. Меня радуетъ привязанность народа, вообще всей націи русской, къ этой древней и почтенной столицѣ нашего милаго отечества. Москва теперь какъ муравейникъ. Въ нее стекаются отовсюду. Туда идутъ транспорты даже изъ здѣшнихъ мѣстъ; поэтому тамъ жизнь

дешевле прежняго. Въ Москвѣ теперь можно все достать, даже предметы роскоши, какъ-то: шелковыя матеріи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говоритъ Аннета, лучше прежняго. Всѣ лица, которыхъ дома уцѣлѣли, занимаются ихъ устройствомъ.

Кстати, я тебѣ не упоминала о великолѣпномъ проектѣ благотворительности, составленномъ нашими дамами. Каково твое мнѣніе о немъ? Право, женское судилище, съ предсѣдательницей во главѣ, напоминаетъ мнѣ сенатъ фей Уржели, во главѣ коего находилась королева Берта. Не знаю, видѣла ли ты эту пьесу; но увѣряю тебя, что предполагаемый комитетъ мнѣ ее напоминаетъ. Откровенно говоря, если хотятъ дѣлать добро и благотворить, то можно обойтись безъ гласности. Въ предпріятіи же этихъ дамъ я вижу желаніе высказаться. Это признакъ тщеславія, непріятнаго и въ мужчинѣ, и которое вовсе не нравится мнѣ въ женщинѣ, назначеніе коей держаться въ сторонѣ.

У насъ въ гостиной съ десятокъ помѣщиковъ, явившихся сообщить намъ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна.

17-го декабря.—Я ѣздила на балъ, чтобы не обидѣть тамбовскихъ обитателей, старалась быть веселой и до четырехъ часовъ утра танцовала Богъ знаетъ съ какими рожами. Праздникъ былъ блестящій; даже въ столицѣ онъ бы имѣлъ успѣхъ. Никогда не встрѣчала я такой коллекціи оригиналовъ, какую пришлось мнѣ видѣть въ этотъ день.

Тамбовъ теперь въ полномъ блескѣ. Все дворянство собралось на выборы, отъ бѣдняка до богача. Пора выборовъ самая веселая въ губернскихъ городахъ. На балѣ графъ Левъ [1]) насчиталъ до двадцати мундировъ одинъ другого оригинальнѣе. Тутъ, судя по мундирамъ, находились представители четырехъ царствованій; были нѣкоторые и въ сюртукахъ. Цѣлыхъ три дня послѣ бала мнѣ нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала и вообще не охотно ѣхала на балъ. Вѣсти московскія не утѣшительны. Тамъ свирѣпствуютъ повальныя болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Несчастная столица переходитъ отъ одного бѣдствія къ другому. Надо надѣяться, что приняты будутъ строгія мѣры къ отвращенію зла и что въ стѣнахъ милаго города снова водворится здоровье, миръ и счастіе, которыми онъ пользовался въ теченіе вѣковъ.

Нашъ старый маіоръ, котораго ты знаешь, умеръ вслѣдствіе непріятностей, перенесенныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ извергов. Однако, мы очень счастливы: изъ нашихъ никто не по-

---

[1]) Разумовскій.

гибъ, кромѣ Клемана и маіора. У Разумовскихъ же умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіе недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастіе видѣть звѣрскіе поступки извергавъ въ отношеніи къ его одиннадцатилѣтней дочери. Несчастная тоже при-смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ голицынской больницѣ, въ церкви, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одиннадцати лѣтъ, бывшую жертвой самаго гнуснаго злодѣйства. Сначала отъ подобныхъ новостей меня била лихорадка, но мы обязаны французамъ привычкою къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ: онѣ такъ часто повторяются, что не могутъ производить постоянно сильнаго впечатлѣнія.

Сумарокова въ Москвѣ и пишетъ мнѣ, что она объѣздила весь городъ и преимущественно ту сторону, гдѣ мы жили. Съ трудомъ отыскала она развалины нашего милаго дома [1]). Она говоритъ, что не видавшій настоящаго положенія Москвы еще не можетъ вполнѣ ненавидѣть злодѣевъ. Я не хочу ненавидѣть ихъ, прошу Бога простить имъ ихъ злодѣйства; но положительно можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи не найдешь поступковъ, подобныхъ преступнымъ дѣйствіямъ ихъ въ нашемъ отечествѣ.

Графиня Орлова, Лобкова съ племянницей, гр. Апраксина и многія другія намѣрены провести зиму въ Москвѣ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальме, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600,000 рублей товару, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ, Волковъ, отказался отъ своей доли. Спиридовъ, московскій комендантъ, и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна [2]).

Я еще не говорила тебѣ, что я достала дрянные фортепьяны и ноты; матушка заставляетъ меня пѣть. Если у тебя есть какія-нибудь хорошенькія пьесы, пришли ихъ мнѣ, дружокъ. Здѣсь подобныя вещи нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Трудно веселиться въ Тамбовѣ; благодаря всѣмъ моимъ усиліямъ, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характеръ, которому скука невѣдома.

---

1) Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, нынѣ графини Закревской.

2) Ср. „Р. Архивъ“ 1866, стр. 705 и 729.

О Николаѣ не имѣемъ извѣстій, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ походѣ. Сестра тоже не можетъ часто писать, потому что слѣдуетъ за Чичаговской арміей. Послѣднее ея письмо было изъ Пинска отъ 2-го ноября. Чтó дѣлать, надо терпѣть: горю ничѣмъ не поможешь.

Не стыдно ли вамъ отнимать у насъ Віельгорскихъ? Впрочемъ, берите ихъ. Катиша непремѣнно хочетъ ѣхать, вопреки всему семейству и своему безхарактерному мужу.

24-го декабря.—Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что сами они почти-что чумные. Прислуга наша, пріѣхавшая изъ Высокаго, разсказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить; находящіеся въ нихъ умираютъ или оживаютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы. Принцъ Ольденбургскій умеръ на третьи сутки.

Не могу выразить тебѣ, до чего меня растрогали нынче утромъ разсказы нашей бѣдной прислуги о всемъ, чтó она вытерпѣла съ конца августа до конца октября. Московскіе пожары и пожары въ деревняхъ, лежащихъ по Можайской дорогѣ, освѣщали Высокое въ теченіе трехъ недѣль такъ, что ночью тамъ было свѣтло какъ въ полдень. Въ теченіе мѣсяца наши и крестьянскія вещи лежали въ телѣгахъ. Люди насушили сухарей и собирались скрыться въ лѣсъ, единственное надежное убѣжище отъ французовъ. Непріятели были въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Рѣшительно чудомъ спасся этотъ милый уголокъ!

Съ истинной радостью думаю я, милый другъ, что намъ остается всего недѣля до Новаго года. Уповаю на милосердіе Божіе и надѣюсь, что наступающій годъ не похожъ будетъ на тотъ, съ которымъ мы разстаемся.

Тамбовъ наполненъ плѣнными. Французы считаютъ понесенный ими разгромъ за поправимую неудачу. Поляки, зная, какъ ихъ ненавидятъ у насъ, выдаютъ себя за голландцевъ или за нѣмцевъ. Жалки испанцы и португальцы: они на свободѣ и ежедневно приходятъ просить милостыню. Я съ ними говорила. Они Россію превозносятъ до небесъ, а Наполеона ненавидятъ и радуются его паденію. Между прочими, тутъ есть одинъ генералъ португальскій; съ нимъ было два сына: одного убили у него на глазахъ, другой пропалъ безъ вѣсти; да дома осталась у него семья, о которой онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не имѣетъ извѣстій. Несчастный старикъ слова не можетъ сказать безъ слезъ. Сама я ни одного генерала не видала и сержусь на тѣхъ, кто заговариваетъ съ французами, отъ которыхъ дождешься лишь дерзостей. Когда ихъ от-

щелкаютъ, они тотчасъ осядутъ и становятся низкопоклонными. Прелестный характеръ, нечего сказать!

31-го декабря.—Ты не поняла меня относительно взгляда моего на монашескую жизнь, милый другъ. Еслибы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то, живя въ уединеніи, мы приближались бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Но лучшія учрежденія искажаются подъ рукой человѣческой. Многое достойно осужденія въ жизни монаховъ, однако нѣкоторые изъ нихъ приносятъ пользу. Въ свѣтѣ же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Чтó бы ты мнѣ ни говорила, я всетаки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разнаго рода непріятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всѣхъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого-либо болѣе, чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ.

Впрочемъ, не бойся: пока я нужна кому-либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастіе посвящать матушкѣ все мое время.

Цѣлую недѣлю мы возились съ крестьянами изъ Саратовскаго имѣнія, посланными отъ сельскаго міра. Весною отправимся въ Саратовъ, оттуда въ Сарепту къ гернгутерамъ. Они всего въ 150 верстахъ отъ насъ. Ныньче утромъ получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны больными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ погребенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ чумы! Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ тоже свирѣпствуютъ болѣзни, равно и въ Казани, гдѣ умеръ бѣдный князь Петръ Салтыковъ. Сегодня отправили къ вамъ партію плѣнныхъ испанцевъ и португальцевъ. Берегитесь, чтобы они васъ не зачумили. У насъ остались поляки, французы и нѣмцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшія неистовства совершены были въ Москвѣ нѣмцами и поляками, а не французами. Такъ говорятъ очевидцы, бывшіе въ Москвѣ въ теченіе шести ужасныхъ недѣль.

Я теперь ненавижу Растопчина и имѣю на то причины. О! ежели мы съ тобой когда-нибудь увидимся, сколько мнѣ придется разсказать тебѣ. Мнѣ кажется, въ мѣсяцъ всего не передашь.

II.

1813-й годъ.

Январь — іюнь.

Тамбовъ, 6-го января.—Нынче я не буду много писать тебѣ, мой милый другъ. Денежныя письма получаются въ здѣшнемъ почтамтѣ во вторникъ, рано утромъ, а мнѣ невозможно дожидаться твоего письма, которое я надѣюсь получить съ завтрашней почтой. Ни сегодня, ни даже завтра утромъ не будетъ мнѣ времени долго писать потому, что со вчерашняго дня у меня гоститъ Мари Сумарокова. Она останется до среды. Дорогая моя пріятельница не могла провести шести недѣль въ полутораста верстахъ отъ меня, не повидавшись со мной, выпросила у старой княгини Голицыной четырехъ-дневный отпускъ и пріѣхала ко мнѣ на два дня, не смотря на страшный холодъ. Она пріѣхала вчера въ 25° мороза въ жалкой кибиткѣ, сопровождаемая горничной и лакеемъ. Не могу выразить тебѣ, какъ сильно тронуло меня ея посѣщеніе; я тѣмъ болѣе цѣню его, что въ настоящемъ положеніи моемъ я лишена многихъ радостей, о которыхъ остается лишь вспоминать. Свиданіе съ Мари живо напомнило мнѣ счастіе, которымъ мы пользовались въ прошедшія времена; при этомъ я еще сильнѣе почувствовала разницу между теперешней и прошлой моей жизнію. Къ сожалѣнію, очарованіе скоро исчезнетъ. Мари не можетъ остаться дальше среды; по ея отъѣздѣ я буду себя чувствовать еще болѣе одинокой, чѣмъ прежде. Мы много говорили о тебѣ, милый другъ, и я очень обрадовалась, узнавъ, что особа, которую люблю, прекраснаго мнѣнія о тебѣ, хотя не имѣла случая съ тобой сблизиться.

Віельгорскіе тоже здѣсь съ Новаго года. Я была бы вполнѣ довольна, еслибъ могъ не разойтись нашъ теперешній кружокъ; но чета эта уѣзжаетъ 9-го или 10-го и пріѣдетъ въ Петербургъ въ началѣ февраля. Пишу тебѣ при гостяхъ. Вокругъ меня болтаютъ немилосердно. Здоровье мое все плохо; мнѣ даже кажется, что мнѣ хуже съ тѣхъ поръ, какъ я стала лечиться. Все-таки я слушаюсь доктора; пусть со мной дѣлаютъ, что́ хотятъ. Прощай,

милый дружокъ. Какъ бы я желала повидаться съ тобой! Мы бы о многомъ потолковали. Дѣлать нечего, буду терпѣливо переносить разлуку. Посылаю поклонъ твоему мужу. Все наше общество привѣтствуетъ тебя.

14-го января.—Письма уже разнесены, а я не получила отъ тебя посланія, *миленькая*. Впрочемъ, я еще не теряю надежды: здѣсь почта обходится со мной такъ же дурно, какъ и въ Москвѣ; мнѣ доставляютъ письма сутками позже, чѣмъ другимъ. Я все хвораю; на прошлой недѣлѣ я себя такъ дурно чувствовала, что страшно перепугала всѣхъ родныхъ. Думали, что у меня начинается горячка. Хотя ея нѣтъ—мнѣ все-таки не легче. Ничего нѣтъ удивительнаго. Не говоря о другихъ причинахъ, однѣ наши квартиры могутъ разстроить здоровье. Мари Сумарокова дастъ тебѣ понятіе о той, которую мы занимаемъ. Она вѣрно увидится съ тобой по возвращеніи въ Петербургъ. Я свыклась съ нашимъ помѣщеніемъ и не замѣчаю, до чего оно безобразно; но возгласы пріѣзжихъ свидѣтельствуютъ, что нашъ домишко никуда не годенъ. Мнѣ это было бы рѣшительно все равно, еслибъ онъ могъ насъ защитить отъ холода и вѣтра, которые свирѣпствуютъ въ нынѣшнемъ году. Никогда не было такой жестовой зимы. Полы и стѣны нашего жилища хуже картонныхъ, мы всѣ постоянно простужаемся; у меня простуда сопровождается разными недугами. Віельгорскіе и Мари разскажутъ тебѣ, какая я стала хворая. Я все почти лежу въ постели, а если появляюсь въ обществѣ, то не иначе, какъ въ старушечьемъ нарядѣ, не смѣю надѣть корсета, и постоянно ношу капотъ и кутаюсь въ шаль, которая покрываетъ меня съ ногъ до головы. Прибавь къ этому громадный чепецъ, и тогда представишь себѣ, что я за чучело. Признаюсь, что мнѣ это начинаетъ страшно надоѣдать, призываю на помощь весь свой разумъ, чтобы не возненавидѣть Тамбовъ, гдѣ мнѣ приходится такъ хворать, послѣ стольвихъ несчастій. Твое письмо возбудило во мнѣ сильное безпокойство; въ одно время съ нимъ я получила письмо отъ Катеньки и Николая изъ Вильны, отъ 11-го декабря, а ты пишешь 17-го, и сообщаешь извѣстіе о горячкѣ, свирѣпствующей въ этомъ городѣ. Вообрази, какъ мучусь я за брата и сестру, не имѣя надежды получать аккуратно ихъ письма. Въ послѣднемъ письмѣ они разсказываютъ намъ, что, будучи въ разлукѣ, они ужасно терпѣли отъ холода, недостатка въ хлѣбѣ и разныхъ другихъ лишеній и встрѣтились въ Вильнѣ, въ минуту, когда вовсе не ожидали увидѣться, чтó было для нихъ истиннымъ счастіемъ. Волосы становятся дыбомъ отъ

ихъ разсказовъ о бѣдствіяхъ непріятельской арміи, о несчастныхъ французахъ, итальянцахъ, испанцахъ и проч., которые замерзаютъ на пути или умираютъ съ голоду. Катенька пріютила многихъ, особенно женщинъ и малолѣтныхъ дѣтей; ихъ цѣлыя тысячи слѣдуютъ за арміей Наполеона. Вся дорога отъ Минска до Вильны усѣяна этими несчастными. Кстати, я вспомнила, что ты спрашивала меня однажды, по какому случаю сестра находится въ арміи Чичагова; я все забывала отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ тебѣ объясненіе. Во время кратковременнаго пребыванія своего въ Петербургѣ, прошлой зимой, мужъ ея получилъ повелѣніе отъ самого императора доставлять провіантъ войскамъ, находившимся въ то время въ Молдавіи. Такимъ образомъ, Рахмановы отправились изъ Москвы на турецкую границу, гдѣ и пробыли до времени заключенія мира съ Портою. Тогда войско направилось въ Польшу; зять мой, въ качествѣ провіантмейстера, послѣдовалъ за нимъ; сестра ни на шагъ не отставала отъ мужа. За то и приходилось ей быть свидѣтельницей происшествій, которыя немногимъ женщинамъ случается видѣть. Три дня была она на бивакахъ, ѣла, пила и спала въ каретѣ, несмотря на морозъ. По дорогѣ отъ Любичева до Борисова, она чуть не попалась въ руки австрійскихъ мародеровъ; ее спасъ отрядъ казаковъ, составлявшій ея конвой; однако она была свидѣтельницей ихъ схватки съ нѣмцами. На другой день послѣ борисовскаго дѣла ее привезли на поле сраженія, усѣянное трупами, и наконецъ, цѣлые два дня она была подъ непріятельскими выстрѣлами. Все это нравственно потрясло бѣдную Катеньку; но она до того привязана къ мужу, что готова за нимъ слѣдовать всюду, куда повлечетъ его судьба. Пріѣхавъ въ Вильно, она слегка заболѣла, что послужитъ ей предлогомъ, чтобъ не являться на празднествахъ, которыя тамъ готовятся. Тутъ она встрѣтила множество знакомыхъ; но никого не принимаетъ, кромѣ родныхъ и Эммануила Сенъ-При, котораго мы съ дѣтства привыкли считать за ближайшаго родственника. Николай не разъ былъ въ дѣлѣ; но пока цѣлъ и невредимъ. Софи Бибиковой дорого обошелся шифръ; брата ея Павла убили въ незначительной схваткѣ. Семейство, кажется, находится въ своемъ имѣніи близъ Нижняго. Я тебѣ говорила, милый другъ, что ты почти никого не встрѣтишь въ Петербургѣ изъ насъ, погорѣвшихъ. Всѣ понесли громадныя потери, хотя не сожалѣемъ о нихъ, но все-таки, по разуму, слѣдуетъ отложить въ сторону удовольствія и подумать о поправленіи финансовъ, болѣе или менѣе разстроенныхъ. Прошлогодняя кампанія кончилась такъ блистательно для Россіи, что всѣ мы, москвичи, рады, что

нашу собственность принесли въ жертву общему благу отечества; но какъ мы, москвичи, разсчетливы и не тратимъ свыше своихъ средствъ, то и обрекаемъ себя въ теченіе этой зимы, и можетъ быть еще долѣе, вести образъ жизни для насъ совершенно новый, чтобы немножко оправиться послѣ нашихъ несчастій. Большое спасибо тебѣ, дружокъ, за четверостишіе Державина, посвященное императрицѣ Елисаветѣ. Эта несравненная женщина создана, чтобы плѣнять всѣ сердца, за то ей и отдаютъ должную справедливость во всѣхъ уголкахъ ея имперіи, даже въ странахъ самыхъ отдаленныхъ отъ ея мѣстопребыванія. Это же самое четверостишіе Валуевы прислали мнѣ изъ Москвы вмѣстѣ съ другими стихотвореніями. Въ однихъ восхваляютъ Кутузова, въ другихъ горько насмѣхаются надъ Сперанскимъ, Барклаемъ и Чичаговымъ. Каждому воздаютъ по заслугамъ. Мнѣ понравилось, что въ стихахъ говорится: «Первый Михаилъ призвалъ—Сперанскій, второй Михаилъ принималъ—Барклай, третій Михаилъ прогналъ—князь Кутузовъ».

Мари уѣхала въ среду утромъ въ 28° морозу. Меня очень тревожила ея поѣздка: я боялась, чтобы съ ней не случилось какой-нибудь непріятности въ дорогѣ. Конечно, я считала бы себя виновницей этого приключенія. Сегодня утромъ я узнала, что она доѣхала благополучно. Віельгорскіе уѣхали въ пятницу. У насъ остались одни Разумовскіе, такъ что теперь мы находимся посреди тамбовцевъ. Не безъ сожалѣнія уступаемъ мы вамъ молодую чету. Особенно люблю я Мишеля,—онъ добрѣйшій человѣкъ. Еслибъ у него побольше было характеру, это было бы счастіемъ для него и для жены. Прилагаю два письма, которыя прошу тебя передать ему при свиданіи. Онъ надѣется прибыть въ Петербургъ 25-го, быть можетъ пріѣдетъ позднѣе, потому что долженъ остановиться въ Рязани.

Въ такомъ случаѣ, *миленькая*, побереги эти письма до его пріѣзда. Несмотря на болѣзнь, я хотѣла начать твой чепецъ; но, прикинувъ выкройку, увидала, что она не годится. Пришлось бы слишкомъ долго ждать, пока ты пришлешь другую; рѣшаюсь сшить тебѣ чепчикъ по новому фасону, который Мари привезла изъ Петербурга. Если ты не полагаешься на мой вкусъ, какъ провинціальный, пришли мнѣ другую выкройку. Всѣ мои рукодѣлія отложены въ сторону. Когда мнѣ нездоровится, я могу лишь вязать. Двѣ недѣли сряду мы не получали «Сѣверной Почты». Прошлый разъ, отправляя тебѣ деньги, я забыла заплатить за журналъ. Извини за небрежность. Скажи пожалуйста, сколько я тебѣ должна? Я слышала отъ Мари, что Голицыны въ Петербургѣ. Здѣшніе

же, то-есть старая княгиня и Өедоръ съ женой, узнавъ, что мы лѣтомъ будемъ въ ихъ сосѣдствѣ, убѣдительно просятъ насъ побывать въ Зубриловкѣ. Если всѣ наши планы будутъ приведены въ исполненіе, мы и къ нимъ отправимся. Мнѣ пріятно будетъ увидѣть Мари; я также желаю поклониться праху стараго князя, память о немъ была и всегда будетъ дорога моему сердцу. Ежедневно приводятъ сюда плѣнныхъ французовъ;—говорю о генералахъ, нижними чинами мы не интересуемся. Господа эти въ началѣ бываютъ очень дерзки, ихъ грубости не потакаютъ; какъ разъ ихъ отщелкаютъ, они становятся крайне любезными. Они простить намъ не могутъ штуки, которую мы имъ сыграли. Въ Москву они шли съ намѣреніемъ повеселиться, потанцовать съ нами, и что же? нашли пустые дома, сожгли ихъ, не видавъ въ глаза ихъ владѣльцевъ и не получивъ ни гроша контрибуціи. Господа эти всѣмъ дѣлаютъ визиты. Съ ними обращаются иначе, нежели съ плѣнными, взятыми въ началѣ войны. До сихъ поръ я ни одного изъ нихъ не видала; но не миную встрѣчи съ ними потому, что они вездѣ бываютъ и уже сдѣлали визитъ графу Льву. Въ числѣ восьми или десяти генераловъ, живущихъ здѣсь, находится Ожеро́, котораго розыскиваетъ, судя по газетамъ, банкиръ Раль. Онъ привезъ съ собой полный походный штатъ; у него своя кухня, экипажи и т. д. Всѣ прочіе у него обѣдаютъ.

Кульмана совершенно оправдали; но онъ этимъ обязанъ не Растопчину. Графъ никого не спасаетъ, а напротивъ, вводитъ въ бѣду. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ, оказались ложными. Выходитъ, что Кульмана оправдали благодаря ходатайству Модераха и Болотникова. Бѣднякъ тотчасъ же выйдетъ въ отставку и пріѣдетъ къ намъ. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ съ самаго пріѣзда въ Россію; вѣроятно, у насъ и умретъ. Москва биткомъ набита. Во многихъ домахъ уже начали принимать, между прочимъ у г-жи Лапковой, тетки красавицы Давыдовой. Ихъ домъ остался въ цѣлости, и такъ какъ онъ очень великъ,—половину его г-жа Лапкова уступила графинѣ Апраксиной (которая едва не сдѣлалась твоей свекровью); они обѣ принимаютъ каждый вечеръ, а прежде, замѣть, Лапкова никогда и никого не угощала.

Въ Москвѣ такъ тѣсно, что отъ тѣсноты одной боятся, чтобы не сдѣлались болѣзни. Наѣхало много, особенно мужчинъ. Однако я написала тебѣ чуть не цѣлую тетрадь, хотя я и больна. Вообрази, сколько бы я наговорила, еслибъ была здорова. Цѣлую недѣлю я не была на воздухѣ; вся укуталась въ вату и не смѣю выдти изъ комнаты. Если буду себя лучше чувствовать,

на будущей недѣлѣ предстоитъ ѣхать на обѣдъ къ одному здѣшнему помѣщику; вещь очень скучная, признаюсь тебѣ, хотя супругъ твой не согласится со мною. Нѣжно обнимаю тебя.

21-го января.—У насъ много новаго, милый другъ. Во-первыхъ, генералъ Титовъ прибылъ съ тридцатью тысячами ополченцевъ. Войско это ведетъ онъ въ Малороссію. Двѣнадцать тысячъ солдатъ родомъ изъ Пензы, порядочные бунтовщики; стоитъ того послушать, какъ Титовъ о нихъ отзывается. Самое появленіе его въ нашей гостиной было крайне комично; съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, я смѣюсь болѣе, чѣмъ во всѣ прошлые мѣсяцы. Представь себѣ Титова, облаченнаго въ халатъ изъ толстаго сѣраго сукна, который онъ называетъ мундиромъ; между тѣмъ, это не что иное, какъ крестьянскій зипунъ, ужасно широкій; къ этому прибавь всѣ ордена генерала (а ихъ немалое количество), толстые эполеты, которые торчатъ до ушей, и наконецъ, самое его лицо съ вѣчной гримасой и съ постоянно мѣняющимся выраженіемъ; бо̀льшею частію оно изображаетъ бѣшенство и негодованіе, причемъ Титовъ страшно выпучиваетъ глаза. Съ ужасными криками и возгласами влетѣлъ онъ въ нашу гостиную. Бросился обнимать матушку, чего она никакъ не ожидала, потомъ хотѣлъ заключить меня въ свои объятія. Мнѣ пришлось защищаться чуть не кулаками. Генералъ пришелъ въ такой азартъ, что готовъ былъ облобызать весь свѣтъ, въ особенности меня, потому что онъ всегда ко мнѣ благоволилъ. Среди всѣхъ этихъ нѣжностей онъ твердилъ намъ, что мы глупы и что страиная пришла намъ фантазія поселиться въ Тамбовѣ, а не въ Нижнемъ, гдѣ находятся всѣ наши друзья и знакомые. Въ этомъ онъ правъ. Съ часъ бесѣдовали мы такимъ образомъ; вдругъ вздумалось мнѣ спросить у него, какъ принялъ онъ извѣстіе о взятіи Москвы. При этомъ лицо его такъ страшно исказилось, что я отступила на нѣсколько шаговъ, и онъ проревѣлъ: «Я хныкалъ, какъ прачка! Всего ужаснѣе то, что я лишился дома и сундука съ моимъ прекраснымъ бѣльемъ, скатертями, салфетками. Тутъ же пропало полотно, которое я собирался вамъ подарить!» Точно у этого добряка было лучшее бѣлье въ городѣ. Однажды ему случилось быть на Лейпцигской ярмаркѣ, и онъ купилъ тамъ за дешевую цѣну отличныя поло̀тна и столовое бѣлье. Вотъ тебѣ образчикъ нашихъ разговоровъ съ генераломъ. Цѣлыхъ три дня мы болтаемъ, стараясь какъ можно болѣе попользоваться его обществомъ. Никогда не былъ онъ такъ разговорчивъ, какъ теперь; притомъ коверкаетъ французскій языкъ

болѣе, чѣмъ когда-либо. Про своихъ солдатъ онъ говоритъ: «Это бунтующіе бунтовщики». Разумовскій иначе его не называетъ, какъ начальникомъ бунтовщиковъ. Въ сущности его должность весьма непріятная: ему приходится командовать двѣнадцатью тысячами солдатъ, которые подняли бунтъ и не хотѣли идти въ походъ, говоря, что у нихъ не обрита борода и ихъ не приводили къ присягѣ, значитъ они не настоящіе солдаты. Если бы Государь нуждался въ войскѣ, то велѣлъ бы объявить рекрутскій наборъ, говорятъ они, а въ ополченіе государственныхъ крестьянъ не берутъ, значитъ, все это выдумка помѣщиковъ, которые хотятъ выдать ихъ французамъ, и что указъ вовсе не отъ Государя, а отъ ихъ же начальниковъ. Эта исторія происходила въ ста верстахъ отъ насъ, на границѣ Пензенской губерніи. Пришлось высѣчь кнутомъ триста главныхъ мятежниковъ, да сотни двѣ или три прогнать сквозь строй; наконецъ принуждены были выстрѣлить въ нихъ картечью; причемъ пало человѣкъ пятьдесятъ. Послѣ этого бунтовщики двинулись; но до сихъ поръ видно, что у нихъ недоброе на умѣ. Дорогой они переговаривались довольно подозрительно. Эти молодцы ограбили два города, сожгли нѣсколько деревень и даже имѣли намѣреніе перерѣзать своихъ начальниковъ и помѣщиковъ. Эта разбойничья шайка находится теперь въ нашемъ городѣ и мы отъ нея избавимся лишь черезъ три дня. Я желаю, чтобы они ушли подальше: пока они въ нашей губерніи, я не успокоюсь, хотя за ними и слѣдуетъ батальонъ регулярнаго войска и четыре пушки. Въ отрядѣ Титова находится полковникъ Дмитріевъ, женатый на Рихтеръ, которую ты вѣрно прежде видала въ Москвѣ. Эта чета пробудетъ здѣсь еще два дня. Мы всѣ восхищаемся храбростію женщины, которая ѣдетъ вслѣдъ за бунтовщиками. Когда вспыхнулъ бунтъ, она была около мужа и чуть не пала жертвой мятежа, потому что мятежники хотѣли схватить казенный ящикъ, который, полагали, находится подъ ея охраной. Она едва успѣла убѣжать съ ребенкомъ и деньгами. Человѣкъ двѣнадцать мятежниковъ бросились за ней въ погоню; но не догнали ея. Мужъ ея былъ свидѣтелемъ всего возстанія, и самъ не понимаетъ, какъ онъ остался цѣлъ. Мы не были съ ними знакомы въ Москвѣ, только встрѣчались иногда; здѣсь же мы положительно неразлучны.

Генералъ остается здѣсь на три недѣли. Онъ ждетъ, чтобы весь отрядъ войска, находящійся у него подъ начальствомъ, прошелъ черезъ Тамбовъ. Отрядъ этотъ составляютъ ополченцы изъ губерній: Казанской, Симбирской и Пензенской. Первыя двѣ милиціи держатъ себя исправно, такъ что когда Пензенская уда-

лится отсюда, мы будемъ совершенно покойны. На-дняхъ должны пріѣхать сюда долговязый Васильчиковъ, Гурьевъ и одинъ изъ Голицыныхъ; всѣ эти господа служатъ при Титовѣ и проведутъ съ нами дней десять. Титовъ говоритъ, что обѣщалъ имъ остановиться подольше въ Тамбовѣ въ припадкѣ любезности, случающемся съ нимъ, по его словамъ, разъ въ недѣлю; въ остальные же дни онъ весьма суровъ, а прежде онъ бывалъ любезенъ лишь разъ въ году. Несмотря на всѣ эти развлеченія, весьма обыкновенныя въ прежнее время и рѣдкія въ теперешней жизни нашей, мы сильно были встревожены эти дни. Горничная матушки была при смерти. Эта отличная женщина служила ей двадцать девять лѣтъ; всѣ мы родились и выросли при ней. Теперь ей полегче; но болѣзнь ея тянется уже три года; нельзя слишкомъ разсчитывать на ея выздоровленіе. Боюсь, чтобы мы ея не лишились. Потеря эта была бы весьма чувствительна для матушки, которая очень къ ней привязана. Она совершенно свободна, но никогда не рѣшалась съ нами разстаться, даже имѣя случай выгодно выдти замужъ. Во всякое время намъ тяжело было бы потерять ее, тѣмъ болѣе при теперешнихъ обстоятельствахъ. Кстати о горничныхъ. Я свою выдала замужъ за каммердинера брата моего, и теперь мнѣ прислуживаетъ тринадцати-лѣтняя дѣвчонка, которая рѣшительно ничего не умѣетъ дѣлать. Вообще, нынѣшній годъ приходится мнѣ переносить всевозможныя лишенія и испытанія. Впрочемъ, это лишеніе для меня самое маловажное, хотя я очень привыкла къ Надеждѣ; но я такъ мало нуждаюсь въ прислугѣ, что могу безъ нея обойтись. У насъ въ домѣ много больныхъ. Три дня тому назадъ намъ съ мама пришлось самимъ приготовить себѣ на ночь постели: единственной служанкѣ, оставшейся у насъ, сдѣлалось дурно въ ту минуту, какъ она намъ понадобилась. Я свыклась съ такого рода жизнію; несноснѣе всего холодъ, отъ котораго намъ приходится страдать. Я сплю въ салопѣ, покрываюсь двумя шубами, и несмотря на это почти все время дрожу. Однако вотъ уже нѣсколько дней я чувствую себя здоровѣе, чему очень рада; съ здоровьемъ все можно перенести. Мы не имѣемъ извѣстій отъ Катеньки и Николая вотъ уже цѣлыя двѣ недѣли. Пишетъ ли тебѣ братъ? [1]) Не посылай мнѣ болѣе нотъ. У насъ отняли несчастное фортепіанишко, которое было намъ дано на время, такъ что теперь я не могу пѣть. Вмѣстѣ съ домомъ и вещами суждено мнѣ было лишиться голоса и моего

[1]) Князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій, убитый въ сраженіи при Бріеннѣ, родной братъ В. Ив. Ланской.

небольшого таланта. Стараюсь и съ этимъ примириться и понемногу пріучаю себя къ забвенію всего, чтó способно возбудить во мнѣ сожалѣнія о прошломъ. Прощай, милый другъ. Перо валится изъ окоченѣвшей руки. Вотъ уже цѣлыхъ шесть недѣль у насъ стоитъ 25° морозу. Хотя и не выхожу изъ дому, а совсѣмъ замерзла, не могу связать двухъ мыслей. Я тебѣ не говорила еще о здѣшнемъ губернаторѣ. Онъ достойнѣйшій человѣкъ, и потому его отставили, вслѣдствіе доноса толстаго гусара Кологривова. Онъ всячески оклеветалъ Нилова; факты и, наконецъ, свидѣтельство всей губерніи опровергаютъ его слова; здѣсь долго будутъ сожалѣть о Ниловѣ; однако Кологривову повѣрили и Нилова смѣнили. Всѣхъ это огорчаетъ, а меня нисколько даже не удивляетъ: я убѣждена, что призваніе честныхъ людей въ этомъ мірѣ страдать отъ негодяевъ. Неужели мужъ твой и за это мнѣніе будетъ возставать противъ меня? Пусть онъ поспоритъ со мной, я докажу ему какъ дважды два четыре, что я права. Какъ я ни оцѣпенѣла отъ холода, а все не могу разстаться съ тобой, пока не испишу послѣдній клочокъ бумаги. Однако прощай, *премиленькая*, всей душой люблю тебя.

28-го января.—Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала я нынѣшней почты, милый другъ. Давно не получала я отъ тебя писемъ—боялась, чтобъ на этотъ разъ надежда моя не была обманута. Наконецъ, принесли мнѣ твое письмо отъ 3-го сентября; оно долго гдѣ-то валялось, наконецъ попало въ московскій почтамтъ, откуда переслалъ мнѣ его нашъ управляющій. По почерку я заключаю, что ты не совсѣмъ здорова. Пока я тревожилась о тебѣ, принесли мнѣ письмо твое отъ 9-го января, гдѣ ты сообщаешь мнѣ, что хворала и чуть не выкинула. Извѣстіе это меня очень огорчило. Матушка говоритъ, что въ твои лѣта, если хорошенько беречься при первой беременности, то можно избѣжать несчастныхъ случаевъ. Теперь я побраню тебя, милый дружокъ. Можно ли такъ бояться минуты, которая должна тебя осчастливить. Ты будешь матерью крошечнаго существа, такого миленькаго, прелестнаго, оно у меня уже теперь вертится передъ глазами. Предаваясь Божіей волѣ и будучи разумной, можно ли опасаться неизбѣжнаго случая, который для тебя будетъ источникомъ счастія? Ты болѣе многихъ способна цѣнить его. У тебя такое нѣжное и любящее сердце. И, Боже мой, почему для насъ одна минута страшнѣе другой? Во всякое время нашей жизни мы находимся въ рукахъ Провидѣнія, которое всѣмъ управляетъ. Развѣ не видимъ мы, какъ выздоравливаютъ больные, которыхъ

мы считали неизлечимыми, а иногда люди цвѣтущіе здоровьемъ внезапно умираютъ. Вооружись мужествомъ, это прекрасная добродѣтель для женщины; прогоняй отъ себя страхъ, не бойся страданій, помни, что они доставятъ тебѣ счастіе; а главное, предайся волѣ Божіей. Господь требуетъ отъ насъ смиренія и покорности Его святой волѣ, и тогда осыпаетъ насъ всевозможными благами. Одного я опасаюсь, не слишкомъ ли сильно подѣйствуетъ на тебя видъ страданій твоего свекра. Быть можетъ, въ настоящую минуту ты въ глубокомъ траурѣ, боюсь, чтобы похороны не подѣйствовали на твое здоровье. Ты прежде боялась всего, что̀ напоминаетъ о смерти. Часто думаю я о тебѣ въ настоящемъ моемъ положеніи. Живу въ тѣснотѣ, постоянно у меня передъ глазами больная горничная моей матери, ей все становится хуже и хуже. На прошлой недѣлѣ ее соборовали. Я присутствовала при этомъ таинствѣ и нахожу, что не безъ пользы для меня. Къ счастію моему, я съ дѣтства привыкла не страшиться печальныхъ обрядовъ и не удаляюсь отъ нихъ, да и негдѣ спрятаться въ нашей квартиркѣ. Мое здоровье не особенно цвѣтущее. Мы получили письмо отъ брата и сестры отъ 26-го декабря. Катенька оставила Вильну и вмѣстѣ съ мужемъ ѣдетъ вслѣдъ за арміей Чичагова. Николай тоже уѣхалъ вмѣстѣ съ Сенъ-При, отъ котораго я получила прелюбезное письмо недѣлю тому назадъ. Я попеняю сестрѣ за то, что она мнѣ ни слова не пишетъ о твоемъ братѣ. Признаюсь, она бы избавила меня отъ лишнихъ тревогъ. Я не разъ думала, что ты мнѣ не пишешь потому, что случилось что-либо недоброе съ твоимъ братомъ. Вотъ уже нѣсколько времени я все слышу, что сюда ожидаютъ твоего дядю Сергѣя. Буду ждать его съ нетерпѣніемъ, потому что онъ привезетъ мнѣ маленькое посланіе отъ тебя. Не знаю насколько дурна твоя тетка, одному радуюсь, что тебѣ больше не придется имѣть съ ней дѣла. Должно быть, мнѣ во снѣ приснилось, что ты разошлась съ семействомъ Апраксиныхъ. Я очень рада, что между вами не было размолвки. Ссоры—негодная вещь, особенно между родственниками. Надо тебѣ сказать, что мы въ большомъ ладу съ кузеномъ, онъ намъ посылаетъ премилыя письма. Вмѣстѣ съ братомъ онъ отправляется въ армію, что̀ весьма тревожитъ тетушку. Аннета прислала мнѣ смѣшную пѣсню, въ ней говорится о пляскѣ Наполеона. Если она тебѣ незнакома, хочешь, я тебѣ ее пришлю? Презабавная вещь. Титовъ все еще здѣсь, но у него дѣла по горло, и мы почти не видимся.

Съ недѣлю тому назадъ мнѣ пришлось ужинать у Разумовскихъ съ однимъ плѣннымъ генераломъ. Никому не извѣстно,

какой онъ націи. Мнѣ кажется, что онъ полякъ. Ему лѣтъ шестьдесятъ. Повидимому я очень понравилась ему, онъ все время сидѣлъ возлѣ меня, пока я играла въ карты, и не переставалъ желать, чтобы я выигрывала; точно, мнѣ очень везло въ этотъ вечеръ, желаніе его сбылось. Каждый день сюда приводятъ новыхъ плѣнныхъ. Въ душѣ я ихъ ненавижу; но у меня не хватаетъ духу быть къ нимъ невнимательной, и если въ обществѣ мнѣ приходится съ ними говорить, я бываю очень любезна. Настоящихъ французовъ до сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать; но, вѣроятно, я съ ними обошлась бы такъ же, какъ и съ другими. Прощай, мой дорогой другъ.

29-го января.—Вчера написала тебѣ по почтѣ, милый другъ, а сегодня пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы передать тебѣ извѣстіе о Віельгорскихъ. Когда я запечатала письмо, графъ Левъ прислалъ намъ длинное посланіе своего управляющаго, который докладываетъ ему, что Мишель не остановился въ приготовленномъ ему помѣщеніи въ домѣ Разумовскихъ, а живетъ у Ѳедора Голицына. Какъ только они пріѣхали, жена Мишеля почувствовала сильную боль, а 24-го января родила. Все это произошло вслѣдствіе глупости этой четы, которая уѣхала въ самую распутицу. Даже здоровые мужчины, пріѣзжая сюда изъ Москвы, жалуются, что ихъ всѣхъ растрясло. Вообрази, каково было Катишѣ. Дѣло въ томъ, что несчастнымъ Віельгорскимъ приходится очень плохо. Прежде чѣмъ самимъ выѣхать изъ деревни, они отправили въ Петербургъ всѣ свои вещи и пустились въ дорогу, не взявъ даже тюфяка. Они спали на диванахъ и полагали, что и въ Москвѣ обойдутся безъ постелей, но въ теперешнемъ положеніи Катиши это очень неудобно. Мама всячески отговаривала ихъ отъ поѣздки. Мишелю вовсе не хотѣлось ѣхать; но Катиша настояла на своемъ и поплатилась за упрямство. Надо признаться, необходимо, чтобы старшіе руководили молодыхъ особъ, а воспитанницамъ Смольнаго монастыря недостаточно одного ментора, имъ нужно цѣлый десятокъ. Прежде всего въ нихъ слѣдуетъ развить здравый смыслъ, а потомъ выработать характеръ. Изъ всѣхъ воспитанницъ Смольнаго, которыхъ я знаю, единственное исключеніе составляетъ моя невѣстка. Іосифъ, намѣревавшійся погостить у насъ, узнавъ о несчастномъ положеніи своихъ, ныньче же отправляется въ Москву. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вручить ему письмо, которое онъ отправитъ къ тебѣ изъ Москвы.

Ныньче я дамъ тебѣ маленькое порученіе, дружокъ. Надѣюсь, что мужъ твой не откажется помочь тебѣ исполнить мою просьбу.

Я говорила тебѣ, что всѣ мои книги сгорѣли въ Москвѣ, такъ, что еслибы не г-жа Нилова, мнѣ невозможно было бы учить Мишу. Она снабдила меня необходимыми учебниками. Намъ предстоитъ провести три лѣтнихъ мѣсяца въ Саратовѣ. Я лишена буду книгъ, которыми пользуюсь въ Тамбовѣ и, если ты не поможешь мнѣ, пріятелю твоему Мишѣ долго придется бить баклуши. Пришли мнѣ «Историческій словарь знаменитыхъ людей» въ двѣнадцати томахъ, in quarto. Онъ у меня былъ, но я имѣла глупость оставить его въ Москвѣ. Девять первыхъ томовъ давно куплены были матушкой; три послѣдніе вышли гораздо позднѣе, и я пріобрѣла ихъ прошлой зимой. Это отличный сборникъ; съ помощью его я прохожу съ братомъ весь курсъ исторіи; мы перебираемъ по порядку царствованія разныхъ династій. Благодаря роспискѣ, которую ты мнѣ прислала, я получила вчера 5 № «Сѣверной Почты». Титовъ тебѣ низко кланяется. Онъ не на шутку занятъ мной. Но когда онъ мнѣ проигрываетъ въ карты, страсть его улетучивается. Вчера онъ засадилъ меня за ломберный столъ и затѣялъ игру вовсе мнѣ незнакомую, несмотря на то я выиграла у него 50 рублей. Онъ мнѣ кинулъ въ лицо карты, началъ рвать себѣ волосы, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Черезъ полчаса все прошло, и онъ сталъ меня увѣрять, что еслибъ ему вздумалось жениться, онъ посватался бы за меня. Прощай дружокъ, заканчиваю письмо потому, что у насъ обѣдаютъ гости, и мнѣ надо принарядиться насколько это возможно въ Тамбовѣ.

4-го февраля.—Вчера дядя твой принесъ мнѣ письмо и ноты, которые ты мнѣ посылаешь. Искренно благодарю тебя за аккуратное исполненіе моихъ порученій; но ты позабыла сказать мнѣ, сколько я тебѣ должна за посылку. А я желаю не уступать тебѣ въ аккуратности и поскорѣе уплатить свой долгъ. Я ожидала извѣстія о кончинѣ твоего свекра. Надѣюсь, что съ Божіею помощью горе и тревоги, причиненныя тебѣ этой потерей, не слишкомъ повредятъ твоему здоровью. Понимаю, какъ тяжелы были для тебя неудобства, которыя тебѣ пришлось переносить во время болѣзни свекра, особенно въ твоемъ положеніи; но я не жалѣю, что ты терпѣла эти неудобства, потому, что ты исполняла свой долгъ. Жертвовать нашимъ покоемъ для спокойствія страждущихъ—величайшій нашъ долгъ въ отношеніи каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе ближайшихъ нашихъ родственниковъ. Радуюсь, что ты неизмѣнна, такой желаю чтобы осталась ты навсегда. На твоемъ мѣстѣ я поступала бы по твоему; такъ слѣдуетъ дѣйство-

вать, чтобы сохранить безупречную совѣсть—величайшее и единственное истинное благо. Быть можетъ, письмо мое застанетъ тебя матерью семейства. Заранѣе поздравляю тебя. Да благословитъ тебя Богъ и да поможетъ тебѣ исполнить всѣ материнскія обязанности, и да пошлетъ онъ тебѣ утѣшеніе и вознагражденіе, которыя посылаетъ всѣмъ исполняющимъ его заповѣди. Предвижу, что на нѣкоторое время переписка наша пріостановится. Какъ мнѣ это ни прискорбно, но я охотно примиряюсь съ этой непріятностію; такъ я всегда поступаю, когда вижу, что непріятность неизбѣжна. Я буду продолжать аккуратно посылать тебѣ мой дневникъ въ видѣ писемъ. Для меня большое наслажденіе болтать съ тобой, дружокъ. Одно меня безпокоитъ, признаюсь тебѣ, что ежели, со временемъ, ребенокъ, котораго ты такъ страстно желала имѣть, будетъ отвлекать тебя отъ постороннихъ занятій, это отзовется на нашей перепискѣ. Впрочемъ, съ моей стороны было бы безуміемъ ревновать тебя къ мужу или ребенку. Это два существа, имѣющія безграничное право на твою любовь. Не въ силахъ буду сердиться на тебя, если ты въ самомъ дѣлѣ покинешь меня; буду горевать втихомолку, про себя. Не весело предвидѣть такое огорченіе въ будущемъ. Я молюсь всѣмъ святымъ, прося, чтобы горе это миновало меня. Ты желаешь знать мое мнѣніе о нотахъ. Охотно сообщила бы его тебѣ; но, представь, что я нахожусь въ положеніи Тантала. Ноты постоянно у меня передъ глазами, а фортепьяно у меня отняли, играть не на чемъ. Другого инструмента нигдѣ отыскать не могли. Лишеніе, положимъ, не очень велико, а все-таки я съ нетерпѣніемъ ожидаю переѣзда въ Саратовъ. Тамошній губернаторъ большой музыкантъ, онъ давно знакомъ съ нашимъ семействомъ. У него есть цѣлый оркестръ. Надѣюсь, что съ его помощью мнѣ возможно будетъ заняться музыкой. Это такое пріятное развлеченіе, особенно когда съ тѣхъ поръ, какъ себя помнишь, постоянно слышала музыку. «Весталку» я давно знаю. Еще въ Москвѣ у меня была эта опера, я ее тамъ и оставила со множествомъ другихъ нотъ. Я очень рада, что ты выбрала для меня именно эту оперу. Это такая прекрасная музыка!

Не знаю, какъ мнѣ отозваться о твоемъ дядѣ. Я очень сомнѣваюсь въ его учтивости. Когда онъ явился къ намъ, я сидѣла въ гостиной, и матушка познакомила меня съ нимъ. Несмотря на это, онъ ей, а не мнѣ, отдалъ твою посылку и письмо, адресованныя на мое имя; мама передала мнѣ ихъ въ его же присутствіи. Онъ съ добрый часъ просидѣлъ у насъ, со мной не сказавъ ни слова, и ушелъ, обѣщаясь еще побывать. Посмотримъ,

какъ онъ обойдется со мной въ другой разъ. Впрочемъ, я охотно избавила бы его отъ бесѣды со мною. Когда я вспомню, что онъ и супруга его такъ много тебя огорчали, мнѣ стóитъ большого труда удержаться и не высказать ему, какъ я его ненавижу. Матушка спросила его: «чтó вы теперь намѣреваетесь дѣлать, послѣ постигшаго васъ горя?» Онъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно. Вотъ почему я повторяю тебѣ этотъ же вопросъ. Ты можешь себѣ представить, какъ бы я обрадовалась, еслибы вы рѣшились хотя на время покинуть блестящій Петербургъ и пожить въ нашей милой Москвѣ. Еслибъ я могла провести съ тобой будущую зиму, это бы вознаградило меня за всѣ горести, перенесенныя мной въ теченіи нынѣшняго года. Присутствіе твое придало бы прелесть даже Тамбову. Какъ славно зажили бы мы вмѣстѣ въ милой Москвѣ, которая, со времени своихъ несчастій, стала еще дороже для каждаго русскаго. Не смѣю и надѣяться на такое счастіе! Хотя видъ Москвы и огорчилъ твоего дядю, онъ говоритъ однако, что, кромѣ уцѣлѣвшихъ домовъ, исправили до 500 строеній, отъ которыхъ послѣ пожара остались однѣ стѣны, а теперь въ нихъ можно жить даже нынѣшней зимой. Можешь судить, сколько настроятъ домовъ въ теченіи лѣта. Дядю твоего удивила также дешевизна, особенно при сравненіи съ Петербургомъ, гдѣ все такъ дорого. Не подумай, что въ Москвѣ дешево все потому, что мало жителей: ихъ уже теперь около ста тысячъ, они гнѣздятся гдѣ попало, лишь бы жить въ Москвѣ, къ которой они привязаны душой и тѣломъ. Растопчинымъ крайне недовольны. Я всегда считала его легкомысленнымъ, но не воображала, чтобы онъ былъ до такой степени ничтоженъ. Это дурная личность во всѣхъ отношеніяхъ. Сначала онъ поставилъ полицію на хорошую ногу, а теперь она дѣлаетъ Богъ знаетъ чтó, грабитъ, мошенничаетъ, а графъ притворяется, будто ничего не вѣдаетъ. Словомъ—съ знаменательнаго числа, со 2-го сентября, полиція, которой назначеніе возстановлять порядокъ, состоитъ изъ шайки разбойниковъ, и первая даетъ примѣръ грабежа и всевозможныхъ несправедливостей. (¹)

Теперь въ Тамбовѣ находится множество полу-военныхъ—такъ называю я ополченцевъ. Нижегородская милиція удалилась, направляясь въ Подольскую и Волынскую губерніи.

Въ теченіи трехъ недѣль мы перевидали много знакомыхъ. Всѣ они были здѣсь проѣздомъ, и оставались у насъ недолго. Волшебный фонарь скоро закроется. Генералъ Титовъ, осмотрѣвъ все свое войско, состоящее изъ 35 тысячъ, уѣзжаетъ самъ нынче въ ночь и увозитъ обоихъ своихъ адъютантовъ, изъ которыхъ

одинъ Голицынъ (изъ младшихъ братьевъ). Вчера были имянины матушки. Титовъ провелъ съ нами весь день, былъ крайне милъ и любезенъ. Мы искренно сожалѣемъ объ его отъѣздѣ; онъ точно доставлялъ намъ большое удовольствіе. Нѣсколько дней тому назадъ, ужиная у насъ и найдя меня, вѣроятно, милѣе обыкновеннаго, онъ вздумалъ выразить мнѣ свою нѣжность и восторгъ и назвалъ меня «гвоздичной розой (rose à l'oeillet)». Невѣстка моя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мнѣ нравится. По какому-то чуду, больная наша чувствуетъ себя гораздо лучше. Не слишкомъ полагаюсь на ея выздоровленіе, по крайней мѣрѣ теперь она не рискуетъ умереть каждую минуту. Прощай, милый другъ.

11-го февраля. — Я немного напишу тебѣ сегодня, дружокъ, потому что очень страдала. Съ недѣлю у меня судороги то въ головѣ, то въ груди. Теперь мнѣ полегче, и я этимъ пользуюсь, чтобы увѣдомить тебя о моей горькой участи; съ нѣкотораго времени я постоянно хвораю. Жду не дождусь минуты отъѣзда изъ Тамбова. Даже и здѣсь преслѣдуетъ меня сватовство. Я думала, что хотя нынѣшнюю зиму меня оставятъ въ покоѣ. Не тутъ-то было. Здѣсь есть одинъ богачъ, когда я взгляну на его рожу, мнѣ становится тошно; такъ вотъ говорятъ, будто я за него выхожу замужъ. Я имѣю основаніе думать, что онъ не прочь предложить мнѣ руку и сердце, и почти убѣждена, что онъ говоритъ обо мнѣ и самъ распускаетъ подобные слухи. Мнѣ извѣстно, что онъ былъ въ одномъ домѣ, съ которымъ мы мало знакомы, и разузнавалъ, какого о немъ мнѣнія я и мое семейство. У людей бываетъ различная судьба; моя — вѣчно и вездѣ встрѣчать противныхъ уродовъ, которые имѣютъ претензію посягать на мою свободу. Жалко, что ты не можешь взглянуть на теперешняго искателя моей руки. Ты бы прохохотала цѣлый мѣсяцъ. Онъ перещеголялъ Небольсина, о которомъ, помнишь, мы говорили разъ въ каретѣ, и ты еще называла его гадкимъ. Вообрази, что я всюду встрѣчаю гадкихъ. Мой злой геній вѣчно ставитъ ихъ на моей дорогѣ. У насъ оттепель и дождь идетъ. Говорятъ, что это недолго продолжится. Да, надо тебѣ сказать, что старый мой поклонникъ, о которомъ я прежде писала тебѣ, досталъ мнѣ жалкое крошечное фортепьяно; но, по крайней мѣрѣ, я могу имъ пользоваться до самаго отъѣзда. Прощай, мой добрый другъ. Даже это коротенькое письмо утомило меня.

18-го февраля.—Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ пріѣз-

домъ брата. Гдѣ бы я ни находилась, всегда принимаю я участіе во всемъ, чтó тебя касается. Желаю, чтобы онъ подольше остался въ Петербургѣ, и чтобы, кромѣ кровнаго родства, между вами установилось и духовное, то-есть, чтобы князь Иванъ былъ крестнымъ твоего ребенка. Теперь у меня постоянно одно желаніе; чтобы ты благополучно родила и поскорѣе оправилась. Я все ждала нынѣшней почты, ожидая желаемаго извѣстія; но письма не получила, и спѣшу тебѣ написать, чтобъ вó-время отправить свое посланіе. Впрочемъ, мнѣ еще слѣдуетъ отвѣтить тебѣ на то письмо, въ которомъ ты такъ настойчиво требуешь, чтобы я высказала свое мнѣніе о твоемъ дядѣ. Знаешь ли, что въ этомъ желаніи проглядываетъ маленькая злость. Еслибъ ты не знала заранѣе, чтó я тебѣ отвѣчу, ты бы не настаивала. Впрочемъ, собственно говоря, я не могу составить правильнаго понятія о твоемъ достопочтенномъ родственникѣ потому, что я его не видала послѣ того визита, въ который онъ довольно безцеремонно обошелся со мной. Не знаю, гдѣ онъ, чтó онъ дѣлаетъ; насъ онъ болѣе не посѣщалъ, изъ чего я заключаю, что его нѣтъ въ Тамбовѣ. Теперь одно меня интересуетъ, а именно: узнать, когда онъ отправляется обратно въ Петербургъ. Мнѣ хочется послать съ нимъ чепчикъ, который я тебѣ приготовила; если онъ хорошо исполнитъ мое порученіе, я сочту его за самаго любезнаго кавалера. Не могу судить о его умѣ и способностяхъ потому, что мы ни слова не сказали другъ другу. Откровенно говоря, твои отзывы о немъ не лестны; но меня интересуетъ только одна сторона его характера: я желаю узнать, способенъ ли онъ аккуратно доставить посылку изъ одного мѣста въ другое.

Вотъ и масляница пришла. Я знаю это только по числамъ, потому что жизнь наша идетъ очень однообразно, лишь по календарю узнаешь праздники. Однако, въ концѣ недѣли мнѣ предстоитъ ѣхать на балъ, чему я вовсе не рада, не предвижу ни малѣйшаго удовольствія. Съ нетерпѣніемъ жду весны, она прерветъ однообразіе нашей жизни. Мы ожидаемъ извѣстій отъ сестры—изъ Эльбинга, и отъ брата—изъ герцогства Варшавскаго. Благодарю Бога, что они простились съ Вильной, гдѣ столько людей умерло отъ разныхъ болѣзней; эта язва свирѣпствуетъ почти во всей Россіи. Намъ пишутъ изъ разныхъ губерній, и отовсюду жалуются и опасаются за будущее. До сихъ поръ, благодаря Бога, у насъ нѣтъ никакой эпидеміи, несмотря на множество плѣнныхъ и рекрутовъ, которые тѣснятся въ нашемъ жалкомъ городкѣ. Плѣнные точно достойны сожалѣнія; глядя на ихъ страданія, забываешь о злѣ, которое они намъ сдѣлали. Между ними

я отыскала башмачника-француза—мама вылечила его отъ лихорадки. Находка эта была какъ нельзя болѣе кстати. У меня оставалась всего одна пара башмаковъ, а русскаго башмачника я нигдѣ не могла найти. Еслибы я зимой не носила въ комнатѣ теплыхъ сапогъ, у меня давно бы не хватило обуви. У насъ въ комнатахъ было такъ холодно и съ полу такъ дуло, что мнѣ необходима была теплая обувь. Итакъ, я буду носить ботинки французской работы. Стόитъ лишь пожелать—и меня будутъ причесывать, одѣвать, кормить и возить французы. Между плѣнными, которые приходятъ къ мама́ лечиться или просить милостыни, есть всевозможные ремесленники.

Не помню, говорила ли я тебѣ, что гр. Разумовская ѣздила къ сестрѣ своей Болтиной въ Симбирскъ. Дня четыре или пять тому назадъ она вернулась и привезла съ собой кн. Софи, съ которой мнѣ все приходится играть въ макаὸ. Въ жизнь свою не видывала я никого смѣшнѣе этой дѣвы, когда она играетъ въ карты и рискуетъ проиграть пять или десять рублей. Это настоящая комедія, въ особенности если она играетъ съ барономъ де-Мельвиль, котораго ты знаешь. Онъ тоже смѣшитъ меня своей ненавистью къ французамъ новаго покроя; онъ бѣсится при видѣ плѣнныхъ генераловъ, а ихъ въ городѣ цѣлые десятки. Никогда не приходилось мнѣ встрѣчать такой смѣшной антипатіи, проявляющейся столь страннымъ образомъ. Что касается Разумовскихъ, мужъ очень милъ, а жена по обыкновенію сумасбродничаетъ. Кто-то сказалъ ей на смѣхъ, что въ Тамбовѣ весной воздухъ бываетъ очень вреденъ. Она такъ переполошилась, что третьяго дня я ожидала минуты, когда она броситъ гостей въ своей гостиной и отправится искать болѣе здоровой атмосферы. Она все повторяетъ, что тотчасъ уѣдетъ, не слушая ни мужа, ни сестеръ, которыхъ эта новая выходка немало тревожитъ. Фантазія ея кажется еще глупѣе потому, что всегда было невозможностью узнать, гдѣ найдешь здоровье или избавишься отъ болѣзней, а въ настоящее время еще труднѣе рѣшить этотъ вопросъ потому, что почти вездѣ свирѣпствуютъ горячки. Къ счастью нашему до сихъ поръ онѣ здѣсь не появляются, я нахожу крайне безразсуднымъ располагать своей будущностью. Гр. Разумовская даетъ мнѣ поводъ къ серьёзнымъ размышленіямъ, особенно теперь, когда я часто съ ней вижусь. Кончаю листъ, больше писать мнѣ некогда, а многое имѣю передать тебѣ. Прощай, мой добрый другъ.

25-го февраля. — Поздравивъ твоего мужа и поблагодаривъ

за письмо отъ 6-го февраля, обращаюсь къ тебѣ, милый другъ. Еслибы ты знала, какъ меня обрадовало это письмецо, и съ какимъ нетерпѣніемъ я жду, чтобы мнѣ написали, что ты встала съ постели и силы твои вернулись. Желаю, чтобы дочка твоя была совершенно здорова. Предвижу, что этотъ ребенокъ причинитъ тебѣ много безпокойства и тревогъ. Дѣти подвергаются тысячѣ случайностей, которыя вовсе не опасны, но ты на все мрачно смотришь и малѣйшій крикъ примешь за предвѣстника несчастья. Хочется мнѣ посовѣтовать тебѣ быть разумной, насколько это возможно для молоденькой двадцати-двухъ-лѣтней маменьки; но, въ одномъ изъ твоихъ писемъ, ты говорила мнѣ, что ты измѣнилась во многихъ отношеніяхъ, что мнѣ тебя и не узнать; надѣюсь, что ты утратила способность пугаться самыхъ пустыхъ вещей. Изъ всѣхъ моихъ словъ ты видишь, какъ меня интересуетъ твое прошедшее, настоящее и будущее. Теперь поговоримъ о происшествіи, о которомъ я не смѣла упомянуть въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Мнѣ кажется, теперь можно о немъ писать тѣмъ болѣе, что всѣмъ оно извѣстно и скрыть его трудно. Ты догадываешься конечно, что дѣло идетъ о Віельгорскомъ. Можешь себѣ представить, какъ насъ поразила грустная кончина его жены. Жаль было смотрѣть на брата, когда онъ получилъ письмо, принесшее это горестное извѣстіе. Онъ не зналъ, какъ ему поступить съ Дашей. Со всевозможными предосторожностями сообщилъ онъ ей грустную вѣсть. Слава Богу, она не оставила слишкомъ глубокихъ слѣдовъ въ умѣ Даши, что̀ было бы вредно въ ея положеніи. Посмотри, какъ Провидѣніе разстроиваетъ наши планы: мы встрѣчаемъ погибель тамъ, гдѣ надѣялись ея избѣгнуть. Участь бѣдной Катиши можетъ служить урокомъ для тѣхъ, кто захочетъ имъ воспользоваться. Боясь родить вдалекѣ отъ Петербурга, то-есть безъ помощи слабой медицины, она предприняла путешествіе, которое ей стоило жизни. Іосифъ вернулся изъ Москвы на-дняхъ и разсказалъ намъ всѣ подробности этого несчастнаго происшествія. Віельгорскіе выѣхали въ самую распутицу, такъ что Катиша пріѣхала въ Рязань совершенно разбитая. Вмѣсто того, чтобы хорошенько отдохнуть, она, отъ нетерпѣнія поскорѣе попасть въ Петербургъ, черезъ три дня пустилась въ дальнѣйшій путь. Во время ѣзды она почувствовала сильнѣйшія страданія и кричала отъ боли. Не зная, что̀ дѣлать, Мишель остановился въ полусгорѣвшей деревенькѣ; тутъ они провели ужаснѣйшую ночь. Каждую минуту ждали, что Катиша умретъ. Утромъ они кое-какъ добрались до Москвы, гдѣ несчастная женщина промучилась сорокъ часовъ, и наконецъ ро-

дила дочь. Она лишилась послѣднихъ силъ. На другой день послѣ родовъ у нея сдѣлался бредъ: она никого не узнавала, и все повторяла, что если она опять будетъ беременна, ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ въ дорогу. Дней шесть она прострадала и умерла безъ причастія. Есть нѣчто странное въ этой судьбѣ. Во-первыхъ, еще осенью, когда заходила рѣчь о родахъ Катиши, Мишель говорилъ, что она родитъ, гдѣ Богъ приведетъ, что человѣкъ вѣрующій не долженъ располагать тѣмъ, чтó отъ него не зависитъ, что не по собственной волѣ попалъ онъ въ Пензу, а привело его Провидѣніе, на которое онъ и полагается. Разсказывалъ о женщинахъ, которыя родили благополучно безъ медицинской помощи и о тѣхъ, которыя умирали окруженныя докторами. Вдругъ онъ поддался настояніямъ жены и согласился ѣхать въ Петербургъ. Она же, увлеченная своей участью, хотя ѣхала по собственному желанію, но въ ея словахъ высказывался страхъ. Нѣсколько разъ говорила она Дашѣ, что она увѣрена, что въ Петербургѣ ей будетъ скучно. Разъ, говоря о поѣздкѣ, она прибавила: это еще не важно пуститься въ дорогу, а надо знать, чѣмъ кончится путешествіе. Наконецъ, прощаясь съ невѣсткой, она сказала ей, что убѣждена въ томъ, что онѣ больше не увидятся. Однако все-таки уѣхала. Пусть теперь рѣшать, чтó за сила заставляетъ насъ дѣйствовать. Даже люди разумные надѣются съ помощью ума и познаній избѣгнуть своей участи. Жалко Мишеля тѣмъ болѣе, что онъ самъ себѣ приписываетъ свое несчастіе. Одному Богу извѣстно, чтó онъ теперь предприметъ; но нельзя не сожалѣть о немъ.

Я узнала тебя по вопросу: очень ли я люблю Мари Сумарокову? Впрочемъ, вопросъ этотъ былъ для меня пріятенъ; по крайней мѣрѣ я вижу, что ты дорожишь моей привязанностью. Да, я очень люблю Мари, и съ моей стороны было бы неблагодарностью не любить ее послѣ того, какъ она мнѣ всячески доказывала свою дружбу; но, будь покойна: тебѣ нечего ревновать. Многіе завидуютъ тебѣ. Не знаю, правы они или нѣтъ; только одно могу сказать, тебѣ нечего безпокоиться. Вотъ и постъ насталъ. Я начала говѣть.

На прошлой недѣлѣ я была на дѣтскомъ балѣ, встрѣтила твоего дядю и имѣла честь долго съ нимъ бесѣдовать. Не стóитъ передавать тебѣ нашего разговора. Рѣчь шла о впечатлѣніи, которое оставитъ во мнѣ пребываніе въ Тамбовѣ, какъ оно разовьетъ во мнѣ способность философствовать, что я напишу цѣлое философское сочиненіе по моемъ отъѣздѣ отсюда. Ничего дѣльнаго онъ не сказалъ. Однако онъ понялъ, что я скучаю въ Тамбовѣ;

бóльшей догадливости я и не ожидала отъ него послѣ того, чтó я о немъ слышала. Видѣла я также человѣкъ двѣнадцать французскихъ генераловъ и офицеровъ, между прочими и того, который поджогъ Кремль, его зовутъ Сансономъ (Samson). Здѣшніе жители принимаютъ ихъ къ себѣ. Гр. Разумовская, по свойственному ей сумасбродству, дала имъ обѣдъ; графъ, по обыкновенію, долженъ былъ уступить женѣ, и согласился ихъ принять, хотя наканунѣ, говоря объ этихъ господахъ, сказалъ мнѣ: «Голыши эти хотятъ явиться ко мнѣ; но я не желаю находиться въ ихъ обществѣ и не приму ихъ». Двое изъ нихъ особенно—слова не скажутъ безъ уличной брани, есть тутъ дамы или нѣтъ, имъ все равно. Ты понимаешь, что мы съ ними не знаемся; наше общество составляютъ Разумовскіе и еще лица два-три.

Больно слышать разсказы Іосифа о Москвѣ. Признаюсь: не могу подумать безъ ужаса о впечатлѣніи, которое произведетъ на меня видъ разореннаго милаго города. Тѣ, кто его едва знали, не могутъ хладнокровно о немъ говорить. Каково же будетъ мнѣ; я другого города и не знала, кромѣ Москвы! Благодаря Растопчину, тамъ ужасный грабежъ; графъ даетъ полную свободу полиціи. Чтó ему ни говорятъ, онъ отвѣчаетъ шутками. Забыла сказать тебѣ, что аббатъ Сюрюгъ (Surugues), о смерти котораго ты вѣрно слышала, оставался въ Москвѣ во все время пребыванія тамъ французовъ, и постоянно повторялъ, что онъ стыдится быть французомъ послѣ того, какъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ неистовствъ, совершенныхъ его соотечественниками. Въ настоящее время и русскіе ведутъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало для славы націи. Съ нѣкоторыми плѣнными обращаются возмутительно. Увѣряю тебя, что подробности касательно этого предмета, которыя мнѣ приходится слышать, дѣлаютъ на меня такое ужасное впечатлѣніе, что меня схватываетъ лихорадка. Часто я бѣгу, лишь только рѣчь коснется этого предмета, чтобы ничего не слышать. Прощай, дружокъ; меня зовутъ обѣдать.

4-го марта.—Лежу въ кровати и съ трудомъ пишу тебѣ, милый другъ. Грудь и плечи у меня покрыты сыпью. Не знаю, гдѣ я схватила эту гадкую сыпь. Мнѣ больно, неловко, я лишена возможности заниматься. О вышиваніи въ пяльцахъ и думать нечего. Пригласили ко мнѣ здѣшняго доктора. Онъ прописалъ мнѣ множество микстуръ; посмотримъ, какъ онѣ подѣйствуютъ. Скучаю и досадую, что не могу дошить твоего чепчика. Съ трудомъ окончила я свое говѣнье, потому что захворала въ прошлый четвергъ. Съ грѣхомъ пополамъ дотащилась до церкви въ

пятницу, исповѣдывалась, а въ субботу, пріобщившись, вернулась, и съ тѣхъ поръ не выхожу изъ комнаты; время провожу довольно скучно, какъ видишь. Надо терпѣть, елико возможно; съ помощію Божіей хватитъ и терпѣнья. Мы на землѣ не для того, чтобы постоянно веселиться и блаженствовать. Страданія, какъ нравственныя, такъ и физическія, приносятъ намъ пользу. Онѣ заставляютъ насъ опомниться и пробуждаютъ отъ апатіи, которой мы такъ склонны предаваться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Тамбовѣ, то-есть въ теченіе шести мѣсяцевъ, я вдесятеро болѣе помышляла о смерти, нежели во всю мою прошлую жизнь. Мысль о смерти хотя и страшна, но дѣйствуетъ на человѣка благотворно. При этой мысли живо представляется, какъ пусты и ничтожны земныя радости, когда подумаешь, что въ одну минуту онѣ могутъ исчезнуть безвозвратно! По слабости человѣческой намъ кажется, что минута эта еще очень далека, а быть можетъ смерть за спиной; а когда подумаешь о загробной жизни, невольно почувствуешь, какъ безразсудно привязываться къ земной.

Никогда не писала я тебѣ въ такомъ настроеніи; можетъ, лучше было бы вовсе не писать теперь; но я не могла рѣшиться пропустить почту. Не хочу добровольно подвергать себя лишенію; мнѣ такъ пріятно съ тобой бесѣдовать. Вотъ цѣлыхъ двѣ недѣли не получали мы извѣстій изъ арміи. Съ нетерпѣніемъ жду вторника; въ этотъ день здѣсь получаются письма со всѣхъ концовъ свѣта. Почему именно въ этотъ день, не вѣдаю.

Третьяго дня дядя твой приходилъ къ намъ прощаться. Онъ видѣлъ меня полусгорбленной, я еще сидѣла въ гостиной; онъ можетъ тебѣ дать понятіе о моемъ жалкомъ положеніи. Невѣстка моя хвораетъ со вчерашняго дня; причина ея болѣзни—постная пища, къ которой она не привыкла ни въ Смольномъ, ни при дворѣ. Прощай, милый другъ.

18-го марта.—Цѣлыхъ четыре недѣли не получала я ни строки отъ тебя, милый другъ. Хотя ты меня предупреждала, что замолчишь на время, слѣдовательно я должна была ожидать перерыва въ нашей перепискѣ, но я не могу свыкнуться съ этимъ лишеніемъ. Теперь пора уже получить отъ тебя письмо; боюсь, что мнѣ придется долго прождать его: дороги очень плохи, навѣрное опоздаетъ почта. У насъ давно появились признаки весны, а именно: грязь по уши и ужасное зловоніе, которое происходитъ отъ кучъ навоза, лежащихъ на улицѣ; здѣсь удобреніемъ устилаютъ мостовыя, нѣтъ другого способа употреблять его. Если снѣгъ

будетъ продолжать таять, дней черезъ десять покажется зелень. Я рада буду, когда назначатъ день отъѣзда. Тамбовъ не оставитъ по себѣ пріятнаго воспоминанія: я здѣсь такъ много перенесла горя и столько хворала! Послѣ сыпи я чувствую себя лучше. Прошлый вторникъ я не писала потому, что была слаба; къ тому же, меня очень разстроила внезапная перемѣна въ состояніи больной горничной. Я сидѣла одна дома, наши всѣ разошлись; вдругъ мнѣ приходятъ сказать, что больная при смерти, и спрашиваютъ, какъ съ ней быть. Меня это до того взволновало, что я не могла никому писать. Наконецъ, посылаю тебѣ чепчикъ; прими его благосклонно, не будь взыскательна. Дочкѣ твоей также посылаю чепчичекъ; надѣюсь, что она тоже не будетъ слишкомъ взыскательна. Мнѣ досадно на себя за то, что чепчикъ ея удался лучше твоего. Надо же быть такой неловкой. При всемъ моемъ желаніи и стараніи, почти всегда въ жизни случалась мнѣ неудача—какъ въ важныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ. Не забудь увѣдомить меня, можно ли за умѣренную цѣну купить книги, которыя я просила тебя достать. Іосифъ Віельгорскій нашелъ ихъ въ Москвѣ, но купить не рѣшился, зная, что я поручила тебѣ прислать ихъ мнѣ. Живущіе теперь въ Москвѣ могутъ легко и за дешевую цѣну пріобрѣсти хорошенькія библіотеки. Верстахъ въ четырехъ отъ города, въ одной деревнѣ, нѣсколько житницъ набиты книгами, которыя продаются за безцѣнокъ. Будь я на мѣстѣ, я бы воспользовалась этимъ случаемъ, но отсюда нѣтъ возможности покупать. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Тамбовѣ, я не прочла ни одной книги, скоро придется взяться за азбуку.

Мы проводимъ время по прежнему; нечего разсказывать объ этомъ. Ровно два мѣсяца не получали мы писемъ отъ брата и сестры. Прощай, моя милая. Въ эту пору, въ прошломъ году, ты съ мужемъ была въ Москвѣ, а теперь мы такъ далеко другъ отъ друга. Правда, что день на день не приходится.

25-го марта.—Спасибо твоему мужу, что онъ посовѣтовалъ тебѣ написать мнѣ хоть двѣ страницы. Въ настоящее время эти двѣ странички доставили мнѣ громадное удовольствіе, но во всякую другую пору онѣ не могли бы удовлетворить меня. Я очень люблю работать на дѣтей. Теперь принимаюсь шить приданое будущему племяннику. Недавно услыхала я о смерти Ивана Обрескова. Меня бы не очень тронула его кончина въ прежнее время, потому что я знала его очень мало; но теперь, когда я подумаю, что онъ умеръ за границей отъ горячки, да вспомню, что у меня тамъ братъ и сестра, невольно взгрустнется. Одно

средство остается — терпѣніе, покорность. Ни добро, ни зло не въ нашей власти; надо покоряться волѣ Всевышняго, тогда бываетъ легче переносить горе.

Лѣто замѣтно приближается. Рѣка того и смотри разольется; снѣгу нѣтъ, вездѣ мокрота, можетъ недѣли черезъ двѣ покажется зелень. Погода чудесная, такъ и тянетъ на воздухъ, но грязь непроходимая. Дышешь свѣжимъ воздухомъ, сидя у открытаго окна. Мнѣ кажется, что между здѣшнимъ климатомъ и московскимъ существуетъ большая разница. Сужу по осени и веснѣ, которыя мнѣ пришлось провести въ Тамбовѣ. Въ Москвѣ зима наступаетъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ здѣсь, и кончается позднѣе. Будь здѣсь еще теплѣе, я все-таки охотно бы покинула эти края, чтобы вернуться на милую родину. Получаю оттуда пріятныя вѣсти: многіе изъ близкихъ знакомыхъ поселились снова въ Москвѣ, другіе собираются вернуться туда. Съ помощью Божьей, ежели мы выберемся отсюда, надѣюсь, что будущая зима вознаградитъ меня за тяжелую зиму 12-го года. Домà Оболенскихъ и Щербатовыхъ уцѣлѣли; они мнѣ пишутъ и просятъ не забывать о мѣстѣ свиданія родныхъ и друзей. Я и не думаю забывать Москву: теперь въ развалинахъ она мнѣ еще дороже, чѣмъ была въ свою блестящую пору. Пожертвованію Москвою обязана Россія своимъ освобожденіемъ; благодаря ему, она теперь торжествуетъ. Блескъ Москвы ослѣпилъ чудовище, виновника ея гибели. Пушкины собираются искать себѣ въ Москвѣ квартиру на зиму. Завтра день моего рожденія; будетъ ровно годъ, какъ мы разстались съ тобой. Этотъ годъ стóитъ десятилѣтія. Не о чемъ больше писать, развѣ сказать тебѣ, что плѣнные произвели меня во француженки. Множество солдатъ приходятъ къ намъ за медицинскими пособіями. Они привыкли слышать, какъ здѣсь коверкаютъ французскій языкъ, потому, услыхавъ меня, они вообразили, что я ихъ соотечественница, и нѣтъ возможности ихъ въ этомъ разувѣрить. Какъ я ни старалась убѣдить ихъ, что они ошибаются и что я вовсе не желаю быть подданной ихъ негодяя-Наполеона, они все стоятъ на своемъ. Вчера я встрѣтила одного генерала, перваго порядочнаго человѣка изъ всѣхъ, которыхъ я видѣла; ему тоже вздумалось принять меня за француженку, но ему я легко доказала, что я русская и душой и сердцемъ. Прощай, милый другъ, цѣлую тебя и дочку твою.

8-го апрѣля.—Не знаю съ чего начать; мнѣ надо о столькихъ предметахъ поговорить съ тобой. Цѣлыхъ двѣ недѣли не писала тебѣ. Я ожидала, что тебя поразитъ кончина Віельгор-

ской. Но позволь тебя побранить за размышленія объ этомъ происшествіи. Мнѣ не нравится вопросъ, который ты сдѣлала своему мужу: «За что мы счастливѣе Віельгорскихъ?» Какъ будто ты думаешь, что Небо несправедливо, или полагаешь, что нѣтъ другого счастія, кромѣ преходящихъ земныхъ радостей. Я давно замѣтила, что особы, очень счастливыя въ супружествѣ, подвержены этому заблужденію. Однажды, напримѣръ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, недавно женившійся и страстно влюбленный въ свою жену, сказалъ ей, посмотрѣвъ на образъ, изображающій входъ праведника въ царство небесное: «если на небѣ насъ ждетъ счастіе подобное тому, которымъ мы пользуемся теперь, намъ болѣе не о чемъ просить Бога». Надѣюсь, что ты еще не высказывала подобныхъ сужденій; основываясь на твоихъ разсказахъ о мужѣ, я предполагаю, что онъ бы ихъ не одобрилъ. Нечего сравнивать свою судьбу съ чужой; отъ насъ Провидѣніе требуетъ одной покорности. Почему знать, можетъ быть черезъ годъ Катиша была бы самымъ несчастнымъ существомъ на свѣтѣ; быть можетъ, Провидѣніе, взявъ ее изъ этого міра, спасло ее отъ цѣлаго ряда горестей и страданій, вслѣдствіе которыхъ она сама пожелала бы умереть. На землѣ столько разнаго рода несчастій! Быть можетъ, теперь она съ чистой душой предстала передъ Всевышнимъ, а по прошествіи года она можетъ быть утратила бы душевную чистоту. Какъ можешь ты, милый другъ, предаваться мыслямъ столь неразумнымъ! Знаю, что раннія кончины дѣлаютъ сильное впечатлѣніе на слабый родъ человѣческій, особенно на насъ, молодыхъ людей; но впечатлѣніе это можетъ принести намъ большую пользу. Думая о смерти, менѣе подвергаешься заблужденіямъ, сознавая непрочность всего земного. Отъ скольких предосудительныхъ поступковъ воздерживались бы люди, еслибы помнили ежеминутно, что не нынче, такъ завтра они могутъ умереть. Господь все устроилъ такъ премудро, что даже то, чтó мы считаемъ зломъ, служитъ источникомъ благъ. Всего труднѣе намъ постигнуть милосердіе Божіе: оно безгранично и недоступно нашему ограниченному уму. Слѣдовательно можно предполагать, что люди, которыхъ Господь болѣе или менѣе долго оставляетъ на землѣ, находятся въ здѣшнемъ мірѣ для того, чтобы у нихъ было время приготовиться къ великому переходу изъ одного міра въ другой. Одинъ въ двадцать лѣтъ созрѣлъ для вѣчности, а другой, быть можетъ, только въ пятьдесятъ. Пожалуй, я наскучила тебѣ своей проповѣдью. Чтó же дѣлать. Отъ тебя я никогда не скрываю своихъ мыслей. Быть можетъ, онѣ стали слишкомъ серьёзными съ тѣхъ поръ, какъ я не

пользуюсь никакими развлеченіями. Не оттого ли мы съ тобою различно судимъ, что положенія наши не сходны. Какъ скоро теперь существуетъ разница въ нашихъ мнѣніяхъ, я не могу и не хочу скрывать ее отъ тебя; еслибъ я обязана была говорить тебѣ не то, чтó думаю, я тотчасъ же перестала бы писать. Тебя характеризуетъ сужденіе твое о Мишелѣ: «Онъ несчастливъ, говоришь ты, очень несчастливъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, признаюсь тебѣ, я желаю, чтобы онъ чувствовалъ свое горе. Ужасно было бы, еслибы о насъ не сожалѣли тѣ, кого мы сильно любили». Такъ можетъ разсуждать кн. Оболенская изъ Газетнаго переулка, которая заболѣла отъ чтенія Амаліи Мансфильдъ и которая отъ избытка сострадательности сожалѣла даже объ Эдмундѣ, величайшемъ негодяѣ, и восхищалась переодѣтой Мальвиной, сидящей у изголовья своего любовника. Это ея рѣчи; въ нихъ я узнаю эту живую и пылкую голову. Я согласна съ тобой, что было бы ужасно тяжело, испытывая какое-нибудь сильное несчастіе въ этой жизни, видѣть, что человѣкъ, котораго любишь, не принимаетъ участія въ нашемъ горѣ. Но это относится только къ земной жизни. Когда Господь беретъ насъ изъ этого міра, чтобы дать намъ вкусить блаженство, испытываемое праведниками, онъ освобождаетъ насъ отъ земныхъ привязанностей, и я убѣждена, что все происходящее на землѣ нисколько не мѣшаетъ счастію умершихъ. Еслибъ Мишель утѣшился или былъ равнодушенъ къ смерти жены, то далъ бы своимъ ближнимъ дурное понятіе о своемъ сердцѣ; ты бы на него вознегодовала, я также не одобрила бы его; но Катиша отъ этого бы не страдала. Будь мы вмѣстѣ, я бы тебѣ ясно доказала это; но въ письмахъ неудобно: цѣлаго тома недостаточно, чтобы высказать ясно то, чтó можешь передать на словахъ въ какіе-нибудь полчаса. Право, милый другъ, ты вѣрно хотѣла вывести меня изъ терпѣнія, спрашивая, сержусь ли я, что нахожусь такъ далеко отъ тебя. Я и безъ того не мало негодую на это разстояніе. Вообрази, что только вчера получили мы сестрино письмо отъ 7-го февраля и братнино отъ 29-го января. Кому-то, уѣзжавшему изъ арміи, поручено было отправить эти письма на почту въ какомъ-то городѣ, и вотъ наконецъ мы получили ихъ черезъ два мѣсяца. Что касается медленности, съ которой доходятъ къ тебѣ мои письма, я ее приписываю свойственному мнѣ несчастію. Матушка получаетъ отвѣты отъ всѣхъ, кому пишетъ, черезъ пять недѣль, и то по причинѣ дурной дороги; зимой письма доходили черезъ четыре недѣли. Не понимаю, почему мои письма такъ мѣшкаютъ. Сумарокова тоже жалуется на неаккуратность почты. Я себѣ отыскала покро-

вителя на почтѣ; авось теперь дѣла пойдутъ лучше. Прошлый вторникъ были мои имянины и гр. Разумовской, у которой я ужинала въ большомъ обществѣ. Тамъ я встрѣтила четырехъ плѣнныхъ генераловъ, французовъ, и рѣшила, что надо быть сумасшедшей, подобно Разумовской, или безхарактерной, какъ ея мужъ, чтобы пустить этихъ господъ въ свою прихожую. Изъ четырехъ только одинъ отличается любезностью, свойственной французамъ прошлаго столѣтія. Ему лѣтъ шестьдесятъ-пять; во время революціи онъ эмигрировалъ въ Англію, гдѣ и женился. Вернувшись впослѣдствіи во Францію, съ цѣлью отыскать хотя часть своего состоянія, онъ, не знаю какимъ образомъ, попалъ на службу къ Наполеону, съ нимъ пришелъ въ Россію, гдѣ и взятъ былъ въ плѣнъ. Онъ хотя и немолодъ, но довольно пріятенъ, и не будетъ лишнимъ въ любой гостиной. Другой изъ нихъ, полуголландецъ, полу-полякъ, тоже старъ, личность ничтожная; когда съ нимъ говорятъ, онъ склоняется чуть не до земли; любезенъ до приторности, не смѣетъ шевельнуться, не получивъ на то позволенія; самъ по себѣ онъ не интересенъ; къ тому же и дѣло, которому онъ служилъ, не можетъ быть симпатичнымъ для русскихъ. Но эти господа еще сносны въ сравненіи съ остальными двумя—настоящими современными французами, которыхъ Наполеонъ произвелъ въ генералы и сдѣлалъ барами; тебѣ не случалось встрѣчать и конюховъ до такой степени грубыхъ. Всѣ французы—купцы, парикмахеры и портные гораздо приличнѣе этихъ господъ и говорятъ даже лучше ихъ. У этихъ—что слово, то дерзость. Страшные хвастуны; ко всѣмъ словамъ примѣшиваютъ угрозы, предсказываютъ пораженіе намъ, русскимъ, и т. д. Одинъ изъ нихъ сказалъ графинѣ, что онъ желаетъ мира, но врядъ ли мы скоро его дождемся; этому воспрепятствуютъ англійскіе стерлинги, которыми подкупаютъ русскихъ. Онъ же хвастался, что, находясь по близости одного богатаго монастыря въ Пиренеяхъ, онъ хотѣлъ-было посѣтить мадонну и на славу тамъ попировать; но корпусъ, въ которомъ онъ находился, вдругъ повернулъ въ другую сторону, что̀ и помѣшало ему исполнить свое намѣреніе. Нечего удивляться ихъ поведенію у насъ, когда они осмѣливаются хвастаться своимъ безпутствомъ за столомъ у одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ баръ. Но непонятно, какъ допускаетъ ихъ къ себѣ этотъ русскій баринъ. Бѣдный графъ не способенъ разсуждать. Въ отсутствіи жены ему случилось обѣдать со всѣми этими негодяями у бездѣльника генерала Ширкова, присланнаго сюда изъ Петербурга, который въ большой дружбѣ съ этой французской челядью. Съ этого обѣда графъ пришелъ къ намъ въ

сильномъ негодованіи на все, чтó видѣлъ и слышалъ, повторяя, какъ низко пала французская нація со времени революціи, и говорилъ, что не позволитъ этимъ господамъ переступить своего порога. Черезъ двѣ недѣли, когда графиня вернулась изъ Симбирска, эти господа у него обѣдали, а теперь онъ даже очень часто съ ними видится. Мнѣ смѣшно, что Сержъ на это сердится, и точно—это изъ рукъ вонъ. Даже тамбовцевъ поражаетъ неприличіе подобнаго поведенія. Разумовская совсѣмъ съ ума спятила; правда, что избытокъ счастія портитъ людей. Во вторникъ гости помѣшали мнѣ писать къ тебѣ. Съ 11 часовъ утра и до двухъ пополуночи я играла въ карты; здѣсь только и дѣлаютъ, что въ карты играютъ. Возвращаясь домой ночью, я немного простудилась, чтó и помѣшало мнѣ взяться за перо въ среду. У меня была сильная лихорадка; до сихъ поръ я ужасно кашляю; матушка тоже все хворала, домъ нашъ походилъ на госпиталь.

Прощай, милый другъ. Это письмо равняется цѣлымъ двумъ.

15-го апрѣля. — Вотъ настали и праздники, милый другъ; мы начали ихъ довольно грустно. Въ первый день пасхи скончалась горничная матушки. Ея долгая агонія окончилась въ минуту, которой позавидуетъ всякій христіанинъ. Хотя мы и подготовлены были къ ея смерти, все-таки потеря эта насъ сильно огорчила. Матушка горько ее оплакиваетъ. Дѣвушка эта служила ей 29 лѣтъ; мы всѣ къ ней были привязаны. Напрасно ты приписываешь вліянію нездоровья и мрачныхъ мыслей тонъ письма, въ которомъ я извѣщаю тебя о своей болѣзни. Вовсе не болѣзнь моя, а скорѣе грустныя обстоятельства придали серьёзное настроеніе моему уму и пріучили меня къ мысли о смерти. Цѣлыхъ четыре мѣсяца была у меня на глазахъ больная женщина. Обыкновенно въ свѣтѣ боятся думать о смерти, между тѣмъ мысль эта заслуживаетъ серьёзнаго вниманія. Скажу тебѣ прямо, я желала бы сохранить теперешнее настроеніе мое всюду, гдѣ бы я ни была. Къ несчастію, не могу за себя отвѣчать. Разсѣянный образъ жизни, частыя развлеченія, словомъ—тысячи разныхъ мелочей могутъ отвлечь меня отъ серьёзныхъ мыслей, и я попаду въ водоворотъ, въ которомъ всѣ мы вертимся болѣе или менѣе. Благодарю тебя за предложеніе прислать мнѣ книгу, которая у васъ надѣлала столько шуму. Мнѣ всего три недѣли остается пробыть въ Тамбовѣ; книга эта получится здѣсь безъ меня, и когда-то еще попадетъ она въ мои руки. Къ тому же ты говоришь, что въ ней много хорошаго; но есть вещи непонятныя для слабаго человѣческаго ума, а я нахожу безполез-

нымъ читать о вещахъ непонятныхъ. Для меня непостижима страсть нѣкоторыхъ лицъ отягощать свой умъ чтеніемъ книгъ мистическаго содержанія. Если чтеніе это не возбуждаетъ въ нихъ сомнѣній, за то воспламеняетъ воображеніе; они все преувеличиваютъ, чтó несогласно съ христіанской простотой. Будемъ читать апостоловъ, Евангеліе; но и въ этихъ книгахъ не надо стараться проникать въ тайны; какъ смѣемъ мы, жалкіе грѣшники, проникать въ глубокія тайны Провидѣнія, пока мы находимся въ тѣлесной оболочкѣ, которая служитъ непроницаемой преградой между нами и вѣчностью! Ограничимся изученіемъ высокихъ правилъ, которыя Спаситель оставилъ намъ, чтобы мы ими руководствовались въ земной жизни; будемъ слѣдовать имъ и поступать согласно съ ними; будемъ смиренны: чѣмъ менѣе паритъ нашъ слабый умъ, тѣмъ пріятнѣе онъ Богу, который отвергаетъ всякое знаніе, не отъ него истекающее. Чѣмъ менѣе будемъ мы углубляться въ то, чтó ему угодно было сокрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе вразумитъ онъ насъ своимъ св. Духомъ. Есть прекрасныя книги, ихъ полезно читать; онѣ ясны и говорятъ о томъ, какъ мы должны поступать въ жизни, а не о томъ, чтó мы должны стараться узнать; Христосъ сказалъ, что онъ будетъ судить по дѣйствіямъ, не спрашивая о познаніяхъ нашихъ. Въ числѣ этихъ книгъ находится книга почтеннѣйшаго отца Иннокентія Массона, генерала ордена картезіанцевъ (du révérendissime père Innocent le Masson, général des Chartreux). Заглавіе ея: «Вступленіе въ жизнь духовную, извлеченное изъ Св. Писанія, изъ Вступленія въ благочестивую жизнь св. Франциска Салійскаго и изъ Подражанія Христу» (Introduction à la vie intérieure et parfaite, tirée de l'Ecriture Sainte, de l'Introduction à la vie dévote de St. François de Sâles et de l'Imitation de Jésus Christ). Попрошу тебя и мужа твоего поискать эту книгу и купить ее. Я тебѣ напишу, куда мнѣ ее прислать. Если всѣ мы будемъ здоровы, черезъ три недѣли отправимся въ Саратовъ. У насъ большое имѣніе въ Саратовской губерніи. Матушкѣ необходимо побывать въ немъ; тамъ произошли кое-какіе безпорядки. Мы проѣздимъ недѣль шесть, и вернемся къ той порѣ, какъ невѣсткѣ придется родить, то-есть къ половинѣ іюня; намъ некогда терять времени. Братъ позаботился, чтобы было кому помочь въ случаѣ опасности; у него на-územ готовѣ хорошій акушеръ, который попалъ сюда случайно, а главное—мы надѣемся на помощь Божію. Продолжай адресовать мнѣ письма въ Тамбовъ; братъ останется здѣсь и будетъ мнѣ ихъ пересылать. Мы получили длинное письмо отъ сестры и братнино отъ 7-го марта. Теперь они вмѣстѣ. Сенъ-При тоже

пишетъ мнѣ вотъ уже четвертый разъ. Изъ моихъ шести писемъ онъ не получилъ ни одного. Николенькой онъ вполнѣ доволенъ. Бѣдный мальчикъ былъ очень боленъ; теперь, говоритъ, совсѣмъ поправился. Прощай, дружокъ. Въ степяхъ нашихъ уже показалась травка. Меня радуетъ, что мужъ твой одобряетъ мои письма, и даже иногда ссылается на нихъ. Отъ души люблю его за то, что ты съ нимъ такъ счастлива. Всѣ мои тебя привѣтствуютъ. Особенно Даша проситъ ее не забывать.

22-го апрѣля. — Рѣшено, что здѣсь намъ не знать покоя. Вообрази, старшій братъ мой заболѣлъ сильной лихорадкой. Неизвѣстно, какого рода эта лихорадка; она только вчера обозначилась. Если это перемежающаяся, свойственная здѣшнему климату и происходящая отъ сырости почвы, нечего слишкомъ тревожиться; но дѣло-то въ томъ, что доктора полагаютъ, что она можетъ перейти въ горячку, тогда будетъ плохо. Пока Сержъ не поправится, матушка не рѣшится ѣхать, а между тѣмъ, выѣхавъ отсюда позднѣе, мы не успѣемъ вернуться къ родамъ Даши. Дѣла требуютъ, чтобы мы ѣхали скорѣе, такъ что рѣшительно не знаю, когда мы попадемъ къ нашимъ пенатамъ въ Высокое. Въ теченіи десяти мѣсяцевъ мнѣ приходится терпѣть, и я убѣдилась, что терпѣніе—прекрасное качество и необходимое въ жизни. Благодарю тебя за милое письмо. Теперь я объ одномъ молю Бога, чтобъ не схватить мнѣ лихорадки. Воздухъ такъ сыръ въ Тамбовѣ: до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно по уши завязнуть въ грязи, которая распространяетъ зловоніе. Надо имѣть желѣзное здоровье, чтобъ здѣсь не захворать. Гдѣ нѣтъ грязи, тамъ пыль черная, какъ сажа. Вчера, гуляя, я чуть не ослѣпла отъ пыли; вернувшись, я должна была переодѣться и вымыться. Вотъ какъ милъ Тамбовъ въ настоящую пору. Придется сидѣть здѣсь до половины іюля. Братъ намѣревается нанять домъ на краю города; въ немъ мы поселимся всѣ вмѣстѣ по возвращеніи изъ Саратова; тутъ намъ будетъ просторнѣе. Высокое мнѣ представляется такимъ привлекательнымъ при сравненіи съ гадкимъ Тамбовомъ! Лишь бы мнѣ попасть туда, не видѣвъ Москвы. Страшусь минуты, когда придется мнѣ взглянуть на милый разоренный городъ,—мнѣ такъ больно будетъ видѣть его. Хоть и разсказываютъ, что въ немъ много настроили, до четырехъ тысячъ домовъ, все же это не то, чтó я оставила; не могу забыть прежней Москвы.

Нынче я слышала, что наша главная квартира находится въ Дрезденѣ. Если это правда, значитъ братъ гораздо дальше; Сенъ-

При командуетъ авангардомъ; слѣдовательно Николай давно разстался съ сестрой. На первой недѣлѣ поста они вмѣстѣ говѣли. Щукина въ лихорадкѣ. У Разумовскаго подагра, мы теперь видимся гораздо рѣже. Я очень хорошо познакомилась съ барономъ де-Мельвиль, ты вѣрно его знаешь. Онъ полюбилъ и меня и матушку, сопутствуетъ намъ въ прогулкахъ, проводитъ у насъ вечера, словомъ—мы большіе друзья. Такъ какъ бѣдный баронъ неразлученъ со Щукиными,—ему приходится вмѣстѣ съ ними встрѣчаться съ французскими плѣнными генералами у Разумовскихъ. Какъ только онъ ихъ завидитъ, сейчасъ же бѣжитъ къ намъ, что́ часто случается. Здѣсь готовится любительскій спектакль. Всего забавнѣе, что Разумовскихъ и насъ исключили изъ числа зрителей. Это г-жа Кологривова, жена гусара, изволитъ забавляться. Она объявила актерамъ, хотѣвшимъ прислать намъ билеты, что если они это сдѣлаютъ, она не будетъ играть. Прощай, милый другъ; иду къ брату.

3-го мая. — Прошлый вторникъ я не писала тебѣ, милый другъ, потому что измучилась со сборами въ дорогу. Теперь всѣ приготовленія окончены, остается сѣсть въ экипажъ, и я пользуюсь нѣсколькими свободными минутами, чтобы увѣдомить тебя о моемъ отъѣздѣ изъ Тамбова. Мы ѣдемъ завтра въ восемь часовъ утра. Еслибы не разлука съ братомъ и невѣсткой, я была бы очень рада оставить городъ, гдѣ проводила время довольно скучно, и ѣхать въ другой, котораго мѣстоположеніе несравненно красивѣе. Говорятъ, что Саратовъ по мѣстоположенію одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Россіи. Тамъ Волга шириною въ три версты. Съ тѣхъ поръ, какъ я существую, не приходилось мнѣ видѣть массы воды значительнѣе нашей жалкой Москвы-рѣки въ полноводіе. Слѣдовательно, все это будутъ для меня предметы новые и любопытные. Я спѣшу познакомиться съ мѣстами, вовсе не похожими на всѣ, видѣнныя мною до сихъ поръ. Имѣніе наше находится посреди французскихъ и нѣмецкихъ колоній, о которыхъ я такъ много слыхала, и наконецъ буду имѣть случай взглянуть на нихъ. Словомъ,—я была бы очень рада предстоящему путешествію, еслибы не пришлось мнѣ разстаться съ Серёжей. Разлука эта все портитъ. Я знаю, что въ Тамбовѣ невозможно пріятно провести ни одного времени года; особенно невыносимъ онъ лѣтомъ. Живешь среди безпредѣльной степи; о прогулкахъ и думать нечего, потому что нѣтъ возможности пріятно погулять ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Если въ продолженіи четырехъ дней не было дождя, приходится терпѣть отъ гадкой пыли, на кото-

рую я не разъ жаловалась тебѣ. Видѣться почти не съ кѣмъ; какое было общество, и то разбрелось понемногу. Ты можешь судить, какъ мало развлеченій имѣютъ въ виду наши молодые. Я увѣрена, что они съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать нашего возвращенія. Я начинаю не на шутку сердиться на тебя, дружокъ; мнѣ кажется, что ты серьёзно думаешь, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣться съ тобой. Признаюсь, Петербурга я не жалую. Быть можетъ, я слишкомъ предубѣждена противъ этой столицы. Но я имѣю весьма незавидное мнѣніе о духѣ, въ ней господствующемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ненависть заглушила во мнѣ всѣ другія чувства и даже желаніе повидаться съ тѣми, кого люблю. Помнишь ли, прошлой осенью ты говорила мнѣ въ одномъ письмѣ, что у васъ достаетъ честности лишь настолько, чтобы другъ друга не перерѣзать. То же и я думаю. Быть можетъ, убѣждалась въ этомъ не разъ по собственному опыту. Всѣ непріятности, которыя мнѣ приходилось имѣть въ жизни, получала я оттуда; даже въ семействѣ нашемъ, когда случались маленькія неурядицы, Петербургъ былъ причиной ихъ—прямой или косвенной. Что же удивительнаго, если я не люблю этого города? Не только я его не люблю, но даже боюсь какъ преисподней; я считаю его источникомъ всевозможныхъ бѣдъ. Меня сильно огорчило извѣстіе о смерти Александра Пушкина. Я жалѣю менѣе о немъ самомъ, нежели о семействѣ его; воображаю, въ какомъ оно страшномъ горѣ, особенно когда знаешь, что родному брату приходится подставлять лобъ тому же врагу; сердце болѣзненно сжимается при каждомъ извѣстіи подобнаго рода. Тигру-Наполеону обязана я потерею двухъ двоюродныхъ братьевъ. Я живо представляю себѣ, какъ обрадовались петербургскіе эмигранты прокламаціи Людовика XVIII-го, судя по восторгу Щукинскаго барона. Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, и первой его заботой было сообщить нумеръ газеты, гдѣ помѣщена прокламація, всѣмъ французскимъ плѣннымъ въ Тамбовѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ бѣшенство, и кричали, что предпочитаютъ умереть въ сибирскихъ пустыняхъ, нежели знать, что во Франціи новая династія замѣнила Наполеона. Баронъ неистовствуетъ, а я умираю со смѣху. Блестящій ходъ нашихъ дѣлъ немало портитъ крови всѣмъ этимъ негодяямъ-французамъ. Однако они значительно присмирѣли и самохвальства у нихъ поубавилось.

Мы оставляемъ здѣсь Разумовскихъ почти всѣхъ больными перемежающейся лихорадкой. Щукинъ съ своимъ барономъ вчера уѣхалъ въ Москву. Онъ будетъ искать для насъ квартиру на

зиму. Знаешь ли, что я очень люблю этого старика. Онъ весьма добръ, крайне услужливъ, очень благороденъ и гораздо разумнѣе графа Льва, котораго денежныя дѣла такъ разстроены, что онъ не знаетъ, куда податься. Между тѣмъ супруга его мотаетъ, елико возможно. Въ Тамбовѣ не пройдетъ дня, чтобы она не дѣлала покупокъ въ самыхъ жалкихъ лавчонкахъ, въ родѣ лавочекъ, встрѣчавшихся въ Москвѣ на перекресткахъ. Она сотни рублей издерживаетъ на покупку всякаго хлама, которымъ тотчасъ же, я увѣрена, надѣляетъ своихъ горничныхъ. Слышала ли ты про женитьбу моего кузена Валуева? У меня прибавилась кузина—нѣмка. Свадьба эта устроилась такъ неожиданно, что всѣ разинули рты отъ удивленія. Александръ отправился въ армію съ младшимъ братомъ, намѣреваясь участвовать въ походѣ въ томъ чинѣ, на который разсчитывалъ. Пріѣхавъ въ Ригу, онъ занемогъ лихорадкой; братъ его продолжалъ путь, а онъ остановился, чтобы полечиться. Во время своего выздоровленія, продолжавшагося двѣ недѣли, онъ по-уши влюбился въ дѣвицу Бейнъ; между тѣмъ, родные полагали, что онъ приближается къ главной квартирѣ, а онъ вдругъ явился къ нимъ и умолялъ ихъ дать свое согласіе на женитьбу, которая должна его осчастливить. Дѣвица не богата, но хорошаго семейства, и, какъ говорятъ, прекрасно образована. Александръ увѣряетъ, что она представляетъ единственный образецъ всевозможныхъ совершенствъ; кому не извѣстны восторженные отзывы влюбленныхъ, и то хорошо, ежели четвертая часть ихъ похвалъ окажется заслуженной. Дядя и тетка позволили ему жениться. Теперь онъ, должно быть, вернулся въ Ригу, гдѣ и будетъ свадьба, а къ концу мая пріѣдетъ въ Москву. Знаешь ли ты, что Василій Обресковъ, нѣкогда бывшій поклонникомъ Грибоѣдовой, женится на княжнѣ Полинѣ Хованской. Старуха Нелединская умерла въ Ярославлѣ. Другъ твой, старикъ Шаховской, тоже скончался. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Когда будешь писать нашимъ Шаховскимъ, сдѣлай одолженіе, скажи Полинѣ, что я очень благодарю ее за память обо мнѣ и что черезъ два съ половиной мѣсяца надѣюсь быть въ ея сосѣдствѣ, потому, съ ея стороны, было бы весьма любезно упросить матушку пріѣхать къ намъ въ Высокое. Такъ какъ ты непремѣнно хочешь шить мнѣ приданое, я попробую поискать въ Саратовѣ толстаго помѣщика, годнагѓо мнѣ въ женихи. Здѣшніе мнѣ не по вкусу. Они лишь умѣютъ деньги копить, оттого всѣ они богаты, какъ Крезы. Между ними однако есть весьма честные люди. Мы должны быть признательны имъ за всѣ услуги, которыя они оказали намъ во время нашего пребыванія здѣсь. Но большин-

ство, въ нравственномъ отношеніи, никуда не годно. Я уже не говорю о свѣтскихъ приличіяхъ; о нихъ здѣсь и понятія не имѣютъ. Будь такъ добра, купи мнѣ Eugène de Rothelin и пришли сюда въ половинѣ іюня. Я ѣду со множествомъ книгъ, которыми надѣлилъ меня нѣкто кн. Гагаринъ, премилый человѣкъ. Онъ московскій эмигрантъ. Тамъ мы не были знакомы, а здѣсь пришли въ восторгъ другъ отъ друга. Человѣкъ этотъ не выше моего стола; дуренъ на славу, но столько же милъ и любезенъ, какъ и невзраченъ. У него есть жена и четверо дѣтей. Тороплюсь тебя увѣдомить объ этомъ, чтобы предупредить всякаго рода предположенія съ твоей стороны. Въ итогѣ онъ весьма умный человѣкъ и пріятный въ обхожденіи. Невѣстка, которой я поручу отправить это письмо, прибавитъ къ нему свою приписку къ кн. Луизѣ Биронъ; потрудись передать ее по назначенію. Если случится тебѣ встрѣтить Мари Сумарокову, скажи, что я не пишу ей потому, что она увѣдомила меня о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Петербурга въ половинѣ мая. Зная, что письма мои получаются черезъ три недѣли, я сочла лишнимъ писать ей съ слѣдующей почтой. Я поручила этой милой Мари купить мнѣ полу-нарядную шляпу, но, между нами будь сказано, она прислала мнѣ нѣчто крайне-безобразное. Искренно привѣтствую твоего мужа; право, слѣдовало бы ему посѣтить лѣтомъ ваши подмосковныя владѣнія. Когда-то вы имѣли это намѣреніе, почему бы вамъ его теперь не осуществить. Передай тысячу любезностей Мишелю Віельгорскому. Братъ его Іосифъ отправился на Кавказъ. Нѣжно цѣлую маленькую наслѣдницу. Мы получили письмо отъ сестры, отъ 23-го марта; но вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ не имѣемъ извѣстій о Николаѣ. Если увидишь Тарквиніо, кланяйся ему и скажи, что я приглашаю его вернуться въ Москву на зиму. Прощай, милый другъ. По пріѣздѣ въ Саратовъ опишу тебѣ наше путешествіе съ мельчайшими подробностями. Обнимаю тебя.

Саратовъ, 18-го мая. — Пишу тебѣ съ береговъ Волги, милый другъ. Теперь я въ 900 верстахъ отъ Москвы и за 1600 верстъ отъ Петербурга, а отъ брата и сестры за тридевять земель. Страшно подумать, какъ я далеко отъ людей, которыхъ душой люблю. Мы пріѣхали сюда въ понедѣльникъ вечеромъ; я тотчасъ освѣдомилась, когда идетъ почта въ Петербургъ; къ прискорбію моему узнала, что она уѣхала утромъ и теперь лишь, черезъ недѣлю, пойдетъ мое письмо. Даша прислала намъ съ нарочнымъ всѣ письма, полученныя послѣ нашего отъѣзда; въ

числѣ ихъ, къ великому огорченію моему, я не нашла посланія отъ тебя. Не смѣю жаловаться, потому что передъ отъѣздомъ разомъ получила два письма. Но надо испытать мое теперешнее положеніе, чтобы понять, какъ отрадно получать письма, когда находишься вдалекѣ отъ тѣхъ, кого любишь и окруженъ чужими. Теперь подробно опишу тебѣ наше путешествіе.

4-го мая, въ 7 часовъ утра, выѣхали мы изъ Тамбова. Дорога была довольно сносная, только дулъ сильнѣйшій вѣтеръ. Въ среду рано утромъ достигли мы береговъ Хопра. Въ Тамбовѣ намъ говорили, что мы найдемъ удобный паромъ, на которомъ и переправимся черезъ эту гадкую рѣку. Мы и ѣдемъ себѣ въ надеждѣ на паромъ; мѣстами дорога была такъ плоха, что не разъ мы рисковали сломать себѣ шею. Вообрази наше отчаяніе: добравшись до берега, мы увидѣли вмѣсто парома жалкій плотъ, просто кое-какъ сколоченныя доски, на нихъ и телѣги нельзя перевезти. Стали мы разспрашивать крестьянъ и узнали, что въ 10-ти верстахъ, въ имѣніи Голицыныхъ, есть отличный паромъ. Мы имѣли намѣреніе побывать у старой княгини лишь на возвратномъ пути, и то ежели время позволитъ. Дѣлать было нечего, мы повернули въ Зубриловку, крестьяне указали намъ дорогу; но что это была за ужасная дорога! Впослѣдствіи мы узнали, что по ней ѣздятъ только зимой за дровами. Представь, каково было ѣхать двумъ колясками. Я не трусиха; лишь пріѣхавъ на мѣсто поняла я, какой мы подвергались опасности; но матушка плакала, какъ дитя; жалко было на нее смотрѣть: она безпрестанно выходила изъ экипажа, ожидая, что настанетъ нашъ послѣдній часъ. Наконецъ добрались мы до княгини; она приняла насъ съ распростертыми объятіями и ранѣе, какъ черезъ день, ни за что не хотѣла насъ выпустить. Я много слышала объ ея имѣніи, но не бывала въ немъ по причинѣ отдаленности его отъ Москвы. Съ удовольствіемъ осмотрѣла я всѣ мѣста и не видала, какъ пролетѣло время. Тутъ похороненъ старый князь; мнѣ было пріятно побывать на его могилѣ; я любила его, какъ отца и вовѣкъ его не забуду. Въ четвергъ мы уѣхали изъ Зубриловки, обѣщаясь опять заѣхать къ княгинѣ на возвратномъ пути, тогда и Мари Сумарокова будетъ дома; воображаю ея отчаяніе, когда она узнаетъ, что мы пріѣзжали въ ея отсутствіе. Княгиня пришла въ ужасъ, узнавъ, гдѣ мы ѣхали, и дала намъ опытнаго провожатаго. Остальные четыре дня мы путешествовали благополучно; только одна случилась непріятность: лошадь пала дорогой. Я очень страдала отъ жару; представь, что во всѣ дни

термометръ не спускался ниже 25°; въ Москвѣ бываетъ такъ жарко въ концѣ іюня и началѣ іюля. Сегодня пріѣхала сюда черная, какъ ворона. Долго мнѣ не избавиться отъ загара, еще немало предстоитъ путешествовать въ эту жару. Мы здѣсь застали Павла Голицына; черезъ день послѣ нашего пріѣзда онъ отправился на Кавказъ. Не могу тебѣ выразить, какъ меня обрадовала встрѣча съ близкимъ знакомымъ. Мнѣ не вѣрится, что я въ Россіи; во всякомъ случаѣ мы очень близко отъ Азіи. Какъ переѣдешь Волгу, рѣшительно не знаешь, куда попалъ. Городъ очень хорошъ. Волга прелестна, особенно въ настоящую пору: отъ таянія льда въ ея притокахъ она переполнилась водой, вышла изъ береговъ и разлилась по равнинѣ верстъ на десять. У насъ прекрасная квартира, мебель, ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Все это благодаря губернатору, онъ обѣщалъ доставить намъ всевозможный комфортъ. Въ сравненіи съ тамбовскимъ домомъ, здѣшняя квартира кажется мнѣ дворцомъ. Изъ окошка у меня видна Волга, красивѣйшая рѣка въ Россіи. Она течетъ такъ величественно среди пространной равнины, окаймленной съ одной стороны горами, высота которыхъ меня ужасаетъ; такихъ горъ я не видывала. Очертаніе ихъ очень разнообразно; тѣ, которыя видны изъ моего окна, напоминаютъ мнѣ виды Италіи и Сициліи, которыя я видала на картинахъ. Не только мѣстоположеніе Саратова прелестно, но онъ къ тому же оживленъ торговлей; съ удовольствіемъ смотришь на здѣшнюю дѣятельность. Увѣряю тебя, что въ лучшую пору, въ Москвѣ, я не видала такого оживленія. Здѣсь есть хорошенькій театръ, была постоянная труппа, какъ говорятъ, очень порядочная. Въ началѣ войны ее отпустили, и всю зиму обходились безъ театра, будучи озабочены дѣлами поважнѣе удовольствій. Теперь, когда Россія пользуется безпримѣрнымъ въ исторіи торжествомъ, во всѣхъ ея концахъ снова вспомнили объ удовольствіяхъ, и здѣсь также собираются опять выписывать актеровъ. Зданіе дворянскаго собранія очень красиво снаружи; говорятъ, что оно также хорошо и внутри; но мнѣ не придется въ немъ побывать, потому что здѣсь даютъ балы только зимою.

Не могу судить о здѣшнемъ обществѣ; я видала его лишь издали. Кажется оно довольно порядочное. Въ прошлую среду были мы на званомъ обѣдѣ у губернатора. Гостей собралось очень много. Не могу вспомнить безъ смѣха о роли, которую мнѣ пришлось играть; мой шифръ привлекалъ на меня всеобщее вниманіе; я не менѣе произвела эффекта здѣсь, чѣмъ какая-нибудь

принцесса въ Петербургѣ или Москвѣ. Въ концѣ обѣда губернаторъ провозгласилъ тостъ за здоровье матушки,—это меня не удивило; но когда стали пить за мое здоровье, причемъ 60 человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, я совершенно растерялась, никакъ не ожидая такой любезности. Къ столу меня велъ подъ руку самый важный изъ чиновниковъ послѣ губернатора. Онъ же привелъ меня обратно въ гостиную. Ты бы посмѣялась, глядя на меня: я самой себѣ казалась очень смѣшной посреди всѣхъ этихъ почестей. Въ тотъ же вечеръ я ужинала у губернатора; третьяго дня вечеромъ мы были у него за́-просто. Я тебѣ обѣщала найти себѣ здѣсь жениха помѣщика; но, увы, помѣщики мнѣ нигдѣ не нравятся. Развѣ выбрать кого-нибудь изъ плѣнныхъ, чтобы доставить тебѣ возможность заняться моимъ приданымъ? Ихъ же здѣсь безчисленное множество; вдесятеро болѣе, чѣмъ въ Тамбовѣ. Изъ 160 человѣкъ офицеровъ, маіоровъ и генераловъ, губернаторъ принимаетъ только семь или восемь человѣкъ. Они никогда не являются къ нему безъ зова; въ пріемные дни ихъ не видно, а иногда по вечерамъ, когда бываетъ немного гостей, ихъ приглашаютъ послушать музыку. Такимъ образомъ на-дняхъ я видѣла трехъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ знатнѣйшей французской фамиліи. Его зовутъ г. де-Ла-Рошъ-Жакленъ (de la Roche Jacquelin). Во время революціи его старшій братъ или отецъ находился во главѣ роялистовъ въ Вандеѣ, потомъ эмигрировалъ въ Англію. Молодой человѣкъ, котораго я видѣла, вернулся во Францію годъ тому назадъ, по какой причинѣ, не вѣдаю. Дѣло въ томъ, что во время войны Наполеонъ, говорятъ, насильно принудилъ его вступить на службу капитаномъ, и онъ очутился подъ командой у 36 бывшихъ конюховъ, а въ настоящую пору—генераловъ. Не знаю, что у него на душѣ, но наружность его очень пріятная, манеры прекрасныя. Онъ воспитывался у бабушки, дамы временъ Людовика XIV; кажется, очень понятно, что его пріучили къ самому утонченному обхожденію. Хочешь, я выйду за него замужъ? Это легко устроить, лишь бы онъ отказался отъ чести быть подданнымъ маленькаго корсиканца и выбралъ себѣ другого властелина, который бы мнѣ пришелся болѣе по вкусу. Но, посмотримъ, не больше ли понравится тебѣ другой изъ плѣнныхъ. Онъ итальянецъ, богатъ, какъ Крезъ, красавецъ, страстно любитъ музыку, какъ разъ годится въ герои романа, фамилія его Рагани. Этого не трудно поймать. Если я порядочно пропою двѣ или три итальянскія аріи, онъ будетъ у моихъ ногъ. Я уже немного

пробовала пѣть. Еслибы ты знала, дружокъ, какъ въ провинціи выигрываешь имѣя хоть маленькій талантъ. Я здѣсь чудеса творю своимъ пѣніемъ, хотя я вполовину утратила свой прежній голосъ; ты можешь судить, какъ незавидно мое пѣніе. Однако я всѣхъ привела въ восторгъ, даже итальянца, который лѣтъ шесть не слыхалъ хорошей музыки. Прошлую зиму здѣшній губернаторъ слышалъ меня въ Москвѣ и попросилъ доставить ему удовольствіе—спѣть. Я отказывалась, но матушка велѣла мнѣ спѣть. Къ счастію, я была въ голосѣ, но меня стѣсняло присутствіе итальянца, знатока музыки. Сначала я дрожала, потомъ оправилась и спѣла недурно. Еслибъ ты видѣла восторгъ Рагани! Звукъ итальянскаго языка магически на него подѣйствовалъ и онъ пришелъ въ неописанный экстазъ. Затѣмъ произошелъ маленькій споръ у Рагани съ французомъ. Одинъ просилъ меня спѣть романсъ, а другой каватину, и начали они доказывать другъ другу превосходство той музыки, которая каждому изъ нихъ нравится. Всѣ романсы я позабыла; помню немного только итальянскія аріи, слѣдовательно могла исполнить лишь просьбу Рагани. Поспѣши сообщить мнѣ твое мнѣніе на счетъ этихъ господъ, а то черезъ двѣ недѣли я разстанусь съ ними и отправлюсь прельщать крестьянъ Камышинскаго уѣзда. Я много слышала о графѣ де-Сегюрѣ и о баронѣ Сенъ-Маркѣ, но я еще не видала ихъ. Меня удивляетъ, что изъ ста-шестидесяти человѣкъ плѣнныхъ, всего восемь порядочныхъ, а то все дрянь. Какъ выродилась эта бѣдная нація! Вчера утромъ я встрѣтила въ лавкѣ принца Гогенлоэ. Онъ красивый малый, но ярый бонапартистъ, болѣе другихъ стоитъ за Наполеона, поэтому онъ мнѣ нравится менѣе всѣхъ.

Теперь разскажу о дамахъ, съ которыми часто встрѣчалась. Начну съ жены губернатора: она остроумна, толкуетъ о книгахъ, о разныхъ авторахъ, о воспитаніи, любитъ иностранцевъ, убѣждена, что лишь они умѣютъ воспитывать дѣтей. Ее очень удивило, что у насъ съ сестрой никогда не было гувернантки-француженки. Она не глупа, но у нея слишкомъ много претензій. Она отлично исполняетъ свои обязанности, но и немало гордится своими достоинствами. Сестра ея гораздо моложе, недурна собой; тоже съ большими претензіями, и очень покровительствуетъ плѣннымъ; ко мнѣ она необыкновенно благоволитъ. Остается тебѣ сдѣлать выборъ, и у меня тотчасъ будетъ женихъ. Губернаторъ премилый человѣкъ, онъ совершенно на своемъ мѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ первой жены у него двѣ до-

чери, обѣ замужемъ. Онѣ очень пріятныя особы; съ одной изъ нихъ я очень сошлась. Вотъ сколько я тебѣ разсказала. Пожалуйста не засни, читая это письмо. Нынче весь день проведу у губернатора. Сегодня у него пріемный день. Что за жара здѣсь, дружокъ! Безпрестанно слышенъ громъ, но воздухъ не освѣжается. Пожалѣй, что мнѣ приходится наряжаться при такой температурѣ. Прощай, мой милый другъ; отъ души обнимаю тебя.

Сейчасъ получила твое письмецо. Меня разсмѣшило письмо твоего мужа. Хотѣлось бы мнѣ сказать тебѣ многое касательно сношеній между живыми и умершими, но теперь мнѣ некогда; къ тому же я боюсь, что письма наши превратятся въ метафизическія пренія, и наконецъ, вопросъ этотъ такъ сложенъ, что въ цѣломъ томѣ всего не выскажешь.

Мы всѣ радуемся побѣдѣ Виттенштейна и оплакиваемъ потерю, которую понесла Россія въ лицѣ Кутузова.

25-го мая. — Тебѣ и въ голову не приходитъ, дружокъ, что, отославъ тебѣ послѣднее смѣшное письмо, я чуть не отправилась на тотъ свѣтъ. Я и сюда привезла свою хворость. Написавъ тебѣ, я поѣхала на ужинъ къ губернатору, и такъ славно простудилась, что меня схватили колики и хлынула кровь горломъ. Пять лѣтъ тому назадъ я чуть не умерла отъ такого припадка; ты можешь вообразить, какъ мамá встревожилась. По милости Божіей и благодаря хорошему доктору я встала на ноги и чувствую лишь маленькую слабость. Нынче же вечеромъ собираюсь на ужинъ къ губернатору; не рискую простудиться потому, что одѣлась пó зимнему. Представь себѣ, только-что я запечатала письмо, въ которомъ жаловалась тебѣ на тропическій жаръ, началась гроза, и термометръ спустился по крайней мѣрѣ на 15°. Этому быстрому измѣненію температуры я и обязана своей простудой. Хоть душой и сердцемъ я русская, но тѣло мое никакъ не выноситъ суровости нашего климата. Осторожностью я не отличаюсь. Нынче праздновали побѣду 20-го апрѣля. Я была въ церкви и слышала, какъ палили изъ пушекъ. Молясь и благодаря Бога за помощь нашимъ войскамъ, я чувствовала, какъ сердце мое болѣзненно сжималось при пушечномъ громѣ. Невольно подумаешь: быть можетъ, подъ подобными выстрѣлами въ далекой странѣ падаютъ тысячи соотечественниковъ, а можетъ и близкіе намъ люди. Мы въ постоянной тревогѣ о Николинькѣ съ тѣхъ поръ, какъ узнали о дѣлѣ 20-го апрѣля. Въ

газетахъ мы прочли, что его генералъ, а значитъ и онъ, также были въ Дрезденѣ 3-го апрѣля. Оттуда до Лейпцига не далеко, а вотъ цѣлыхъ два мѣсяца братъ не писалъ намъ. Вчера получили письмо отъ сестры отъ 1-го апрѣля, гдѣ она говоритъ, что, съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ Николаемъ, то-есть съ 9-го марта, не имѣла отъ него извѣстій. Конечно, надо покоряться, смиряться, но не легко, признаюсь, переживать эти тревоги. Благодарю тебя за обѣщаніе достать книгу, которую я у тебя просила. Мнѣ знакомо вступленіе къ сочиненію святого Франциска Салійскаго «О благочестивой жизни». Мамá тоже читала его, но все-таки мы бы желали, если возможно, пріобрѣсти эту книгу. Черезъ два дня отправляемся въ имѣніе; насъ задержало мое нездоровье. На возвратномъ пути мы всего на однѣ сутки остановимся здѣсь. Я этимъ воспользуюсь, чтобъ написать къ тебѣ. Огорчило меня извѣстіе о смерти Өедора Нащокина. Какое горе для его сестры! Боже мой, сколько проливается слезъ! Какъ много трауровъ! отъ болѣзней умираютъ столько же, какъ и отъ пуль и бомбъ. Когда-то вернутся счастливые дни. Потерявъ ихъ, быть можетъ, безвозвратно, мы узнали имъ всю цѣну. Я нахожусь въ такомъ мрачномъ настроеніи, что, встрѣтивъ нынче утромъ итальянца, который очень усердно справлялся о моемъ здоровьѣ (боясь вѣрно, что я уѣду и ему не придется болѣе слышать моего пѣнія), я не вытерпѣла и сказала ему, что нахожу русскихъ слишкомъ мягкими въ обращеніи съ иностранцами, которые сдѣлали намъ столько нравственнаго зла. Это его такъ озадачило: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы я такимъ образомъ отблагодарила его за участіе и за стараніе узнавать черезъ всѣхъ знакомыхъ о состояніи моего здоровья. Здѣсь есть графы де-Сегюръ, бароны де-Сенъ-Маркъ, принцы де-Бово. Не странно ли встрѣчать такія громкія фамиліи среди разбойниковъ, сопутствовавшихъ адскому чудовищу? Всѣ эти лица эмигрировали, но надежда вернуть свое состояніе заставила ихъ возвратиться во Францію и сдѣлаться подданными Наполеона, продавъ свою совѣсть. Наши эмигранты иначе дѣйствовали. Когда при этихъ господахъ упоминаешь о тѣхъ, которые находятся въ нашей службѣ, они молча потупляются. Правда ли, что умеръ генералъ Ламбертъ? Прощай, милый другъ.

29-го мая.—Ѣду въ ночь, милый другъ, оставляю здѣсь этотъ лоскутокъ бумаги, чтобы ты не подумала, что я пропала безъ вѣсти. Проѣздимъ мы недѣли двѣ; въ это время мнѣ навѣрное

не придется писать тебѣ. Не безъ сожалѣнія прощаюсь съ Саратовомъ, какъ подумаю, что придется вернуться въ Тамбовъ на цѣлый мѣсяцъ; только однимъ утѣшаюсь, что увижу брата и Дашу. Здѣсь окрестности еще красивѣе самого города. Съ воскресенья я совершала прогулки ежедневно въ разныя стороны; всѣ мѣстности одна другой лучше. Вчера мы катались по Волгѣ въ шлюпкѣ, съ музыкантами, пѣсенниками и т. д. Рѣка такъ широка, что мнѣ легко было вообразить, будто я ѣду по морю. Погода чудесная, но какъ на землѣ ко всему примѣшивается зло,—въ здѣшнихъ мѣстахъ преслѣдуютъ насъ мошки и комары, особенно невыносимы они вечеромъ. Въ окрестностяхъ Москвы они тоже встрѣчаются, но ихъ гораздо меньше, чѣмъ здѣсь. Когда доберусь до Высокаго, не буду жаловаться ни на какихъ насѣкомыхъ. Здѣсь они несравненно крупнѣе и сердитѣе. Во время прогулки по берегу Волги, они мнѣ страшно искусали лицо и шею. Теперь у меня останутся знаки, по крайней мѣрѣ, недѣли на три.

Изъ газетъ мы узнали, что братъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи, потому что корпусъ Сенъ-При занятъ былъ осадой Глогау. Хоть и говорятъ, что не слѣдуетъ желать, чтобъ Николай во время всей войны не былъ ни разу въ сраженіи, но, признаюсь, я благодарю Бога, когда узнаю, что онъ не участвовалъ въ какой-либо схваткѣ. Романъ мой съ итальянцемъ идетъ какъ по маслу,—дѣло за тобой; но по всей вѣроятности рѣшеніе твое опоздаетъ, тѣмъ дѣло и кончится. Вчера онъ чуть съ ума не сошелъ отъ восторга, услыхавъ итальянскій речитативъ. Однако серьёзно увѣряю тебя, что онъ замѣчательно красивъ; его можно сравнить лишь съ государемъ; разница въ томъ, что императоръ—блондинъ, а у Рагани—смуглый южный типъ. Пора кончить болтовню, а то, пожалуй, ты подумаешь, что я занята синьоромъ болѣе, чѣмъ онъ мной. Оставляю шутливый тонъ и прошу тебя весьма серьёзно вѣрить въ мою искреннюю привязанность къ тебѣ, дружокъ. Обнимаю тебя и маленькую принцессу.

Тамбовъ, 24-го іюня.—Опять я въ прелестномъ Тамбовѣ. Теперь онъ мнѣ кажется еще противнѣе при сравненіи съ Саратовомъ. Что за пыль, какая духота! Я думаю, во всемъ свѣтѣ нѣтъ мѣста хуже этого города. По мѣстоположенію, по ясности неба, Саратовъ можно причислить къ самымъ пріятнымъ мѣстностямъ въ лѣтнюю пору. Я получила письмо, въ которомъ ты меня спрашиваешь, такимъ ли я нашла Саратовъ, какимъ воображала. Могу тебя увѣрить, что онъ превзошелъ мои ожиданія. Мы съ

мамá объ одномъ сожалѣемъ, что не отправились изъ Москвы прямо въ Саратовъ. Тамъ бы мы нашли удобное помѣщеніе, не терпѣли бы отъ холода, благодаря которому я здѣсь все время хворала. Представь, что теперь, по возвращеніи, мы нашли еще больше неудобствъ. Братъ нанялъ квартиру двѣ недѣли тому назадъ; вдругъ наканунѣ нашего пріѣзда хозяинъ дома вздумалъ самъ ее занять, помѣстился въ ней и опасно заболѣлъ. Другой квартиры нѣтъ возможности найти: теперь здѣсь ярмарка и сюда съѣзжаются всѣ помѣщики; ихъ не малое количество, такъ что даже всѣ чердаки заняты. Посреди всѣхъ этихъ хлопотъ, 19-го іюня въ 6 часовъ пополудни Даша родила. 20-го мы пріѣхали въ 7 часовъ утра, и оказалось, что намъ негдѣ пріютиться; братъ не имѣлъ ни возможности, ни времени пріискать намъ убѣжища, а во время родовъ жены онъ окончательно потерялъ голову. Съ большимъ трудомъ нашли мы помѣщеніе, но оно хуже тѣхъ, которыя въ былое время занимали наши прачки. Тутъ милліоны блохъ, клоповъ, тараканов и всевозможныхъ насѣкомыхъ. Въ первую ночь я чуть не расплакалась какъ ребенокъ; дорóгой я ночей семь глазъ не смыкала и вдругъ, пріѣхавъ на мѣсто, не могу заснуть. Собрала всѣ свои силы и рѣшилась твердо переносить всѣ напасти; теперь скоро распрощусь я съ Тамбовомъ и уѣду на родину. Слава Богу, невѣстка теперь внѣ опасности; намъ можно будетъ ускорить отъѣздъ. 8-го іюля годовщина братниной свадьбы, а 9-го на зарѣ мы будемъ на дорогѣ въ Москву. Не пиши мнѣ болѣе въ Тамбовъ, а адресуй письма твои въ Москву, въ домъ ея высокопревосходительства, Дарьи Александровны Валуевой, на Самотекѣ. Тяжело мнѣ будетъ взглянуть на разоренную Москву, но нельзя миновать этой скорби, хоть бы скорѣе отъ нея отдѣлаться. За то сколько радостей ожидаютъ меня въ Москвѣ! Я увижу множество старинныхъ знакомыхъ, буду вести прежній образъ жизни. Скоро годъ, какъ не приходилось мнѣ видѣть ни одного близкаго лица. Необходимо было заводить новыя знакомства, дѣлать церемонные визиты. Въ Саратовѣ я почти-что попала въ прежнюю колею. Тамъ можно поговорить, погулять, заняться музыкой, потанцовать; словомъ, я нашла тамъ знакомый мнѣ образъ жизни, здѣсь же я лишь въ совершенствѣ выучилась въ карты играть. Въ Саратовѣ у меня вернулась охота къ пѣнію, которымъ я займусь, когда мы совсѣмъ устроимся въ Москвѣ. Кстати, по поводу музыки скажу тебѣ, что еслибъ я подольше осталась въ Саратовѣ, то превратилась бы въ синьору Рагани. За два дня до отъѣзда я усло-

вилась съ дочерью губернатора отправиться гулять въ пять часовъ утра и взобраться на гору, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ видомъ. Не знаю, какимъ образомъ итальянецъ провѣдалъ о нашемъ намѣреніи, только онъ былъ первымъ лицомъ, которое я встрѣтила, выйдя изъ дома. Представь, что во все время, пока я была въ Саратовѣ, куда бы я ни отправилась, вездѣ встрѣчала его. Съ трехъ часовъ утра онъ расхаживалъ по площади противъ нашего дома; однако притворился, будто встрѣтился съ нами неожиданно, и попросилъ позволенія сопутствовать намъ. Въ этотъ же день я узнала, что его не разъ видали на этой площади въ два или три часа утра. Когда гости разъѣзжались отъ губернатора, онъ, какъ влюбленный, расхаживалъ мимо нашихъ оконъ. Какъ тебѣ нравятся эти романическіе пріемы? Наконецъ, въ день разлуки мой итальянецъ такъ расчувствовался, что, еслибъ не быстрый отъѣздъ, онъ, пожалуй, похитилъ бы меня. Надѣюсь, что онъ уже давно утѣшился и мало обо мнѣ думаетъ. Уроженцы юга дѣйствуютъ не по нашему. Разрѣшенія твоего я не получала, а безъ него не осмѣливаюсь избрать себѣ властелиномъ прекраснаго итальянца. Точно, я не видывала мужчины красивѣе его; къ тому же онъ очень уменъ и любезенъ, — послѣднее качество рѣдко встрѣчается у итальянцевъ; но онъ слишкомъ уже легко воспламеняется; на этотъ разъ онъ попалъ на ледяную особу. Будетъ болтать вздоръ. Я и забыла сказать тебѣ, что у меня есть маленькій племянникъ; его назвали Сергѣемъ. Даша исполнила твое приказаніе: родила какъ нельзя благополучнѣе и собирается сама кормить ребенка. Здѣсь получили мы два письма отъ Николиньки. Послѣднее отъ 24-го апрѣля. Бѣдный мальчикъ участвовалъ въ сраженіи 20-го апрѣля и остался цѣлъ и невредимъ, равно и послѣ схватки, бывшей 23-го числа. Съ тѣхъ поръ было еще нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ; не знаю, участвовалъ ли онъ въ нихъ; навѣрное, что такъ, потому что онъ находится въ авангардѣ. Разскажу тебѣ одинъ случай, бывшій со мной въ Саратовѣ. Когда братъ поѣхалъ въ армію зимой, онъ встрѣтилъ въ Вильнѣ Сенъ-При, которому государь поручилъ надзоръ надъ плѣнными и ранеными французами. Ихъ оставляли безъ всякой помощи, такъ что изъ сорока тысячъ въ живыхъ осталось едва три тысячи. Сенъ-При положился на усердіе Николая; братъ писалъ намъ, что у него въ госпиталяхъ куча дѣла. За два дня до нашего отъѣзда въ Саратовъ привели 150 плѣнныхъ, взятыхъ въ Вильнѣ во время жалкаго отступленія французовъ. Я была у губернатора, когда къ нему привели этихъ

плѣнныхъ. Мишель сталъ съ ними разговаривать, и передалъ мнѣ, что всѣ они знаютъ Николиньку. Я приблизилась къ нимъ. Когда имъ сказали, что я сестра Волкова [1]), адъютанта Сенъ-При, я думала, что они меня задавятъ: всѣ они тѣсно меня окружили, и начали кричать одинъ громче другого, что братъ мой ангелъ, что многіе изъ нихъ ему обязаны жизнію, что онъ сдѣлалъ имъ много добра. Я съ дуру расплакалась, будто услышала что-либо грустное. Я знаю, что Николинька добръ, какъ ангелъ, и меня такъ тронуло это выраженіе благодарности къ брату, находящемуся за двѣ тысячи верстъ, со стороны людей, съ которыми я, быть можетъ, никогда болѣе не встрѣчусь, что отъ радости я чуть не задохнулась. Всѣ эти французы, итальянцы, нѣмцы (между ними люди всѣхъ націй) перепугались, увидя мои слезы. Начались похвалы Сенъ-При. Ему, какъ начальнику, они еще больше обязаны; онъ всѣмъ распоряжался. «Графъ Сенъ-При—спаситель всѣхъ насъ, кричали они; еслибъ не онъ—изъ насъ никого не было бы въ живыхъ». Никогда въ жизни не приходилось мнѣ слышать такихъ восторженныхъ похвалъ. Нельзя не любить этого честнаго Эммануила. Вездѣ онъ неизмѣненъ, и оставляетъ по себѣ всюду пріятныя воспоминанія. Какъ я рада, что у Николиньки такой достойный руководитель!

До тебя дошли невѣрные слухи, дружокъ. Зять Пушкиныхъ Волконскій не умиралъ. Ухтомская, которая давно живетъ съ Пушкиными, пишетъ мнѣ и разсказываетъ, въ какомъ горѣ семейство Александра; но не говоритъ о Волконской. Избави Богъ: двѣ такія потери въ одномъ семействѣ! Жду Мари Сумарокову. Скоро Ѳедоръ Голицынъ будетъ здѣсь проѣздомъ въ деревню; я постараюсь выпросить Мари на недѣлю.

Что касается политическихъ новостей, признаюсь, я ими недовольна. Говорятъ объ амнистіи все какъ-то неясно. Бѣдный Кутузовъ! Почемъ знать; будемъ молить Бога, все, чтó Онъ сдѣлаетъ, будетъ къ лучшему! Въ письмѣ отъ 5-го мая сестра намъ говоритъ, что женщинамъ велѣно оставаться въ Силезіи, въ Саксонію ихъ не пускаютъ. Благодарю тебя за обѣщаніе прислать мнѣ шляпу. Надѣюсь, что она будетъ получше ранжеваго лукошка, которое выбрала для меня Сумарокова. Кстати, я вспомнила, что сегодня рожденье твоего брата. Искренно желаю, чтобъ ты получила отъ него пріятныя вѣсти. Богъ дастъ, всѣ наши воины вернутся цѣлы и невредимы, и мы дождемся прочнаго

---

[1]) Николай Аполлоновичъ, впослѣдствіи московскій уѣздный предводитель дворянства.

мира. Надѣюсь, что ты довольна этимъ письмомъ. Ты все просишь писать поподробнѣе. Цѣлую тебя и твою маленькую *невѣсту*. Я нахожу презабавной мысль искать ей жениховъ съ этихъ поръ; вѣрно мужъ твой сердится за эту выдумку. Какъ бы тамъ ни было, а у меня для нея цѣлыхъ два жениха: сынъ сестры и потомъ братнинъ сынокъ. Даже и Миша годится въ женихи маленькой наслѣдницѣ. Онъ премилый, очень уменъ и со временемъ, я полагаю, будетъ любезнымъ кавалеромъ; отвѣчаю за его доброе сердце. Хочешь его въ зятья? Скажи мнѣ, я сейчасъ начну устраивать дѣло. Ты спрашиваешь, ѣздилъ ли съ нами маленькій братъ. Знать ты давно его не видала. Онъ головой выше Сержа, несмотря на свои 13 лѣтъ. Просто—великанъ. Въ Саратовѣ и въ деревнѣ всѣ удивлялись его росту.

30-го іюня.—Меня очень обрадовало послѣднее твое письмо, милый другъ. Благодарю за участіе, которое ты принимаешь во всемъ, чтó близко моему сердцу. Письмо твое успокоило и матушку и меня; изъ словъ твоихъ о Николинькѣ мы вывели заключеніе, что съ нимъ не случилось ничего дурного. Со 2-го апрѣля не имѣемъ отъ него извѣстій. Читаемъ и перечитываемъ каждую фразу, гдѣ упоминается о немъ; стараемся отыскать, нѣтъ ли въ ней чего-либо недосказаннаго. Наконецъ, мы съ мамá разочли, что 6-го іюня ты и дядя Кошелевъ навѣрное бы узнали, еслибъ случилось чтò недоброе. Для подтвержденія твоихъ словъ, какъ нарочно, явился Ѳедоръ Голицынъ, выѣхавшій изъ Москвы 14-го іюня. Мы его разспрашивали о братѣ; онъ увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно. Наконецъ, Мари Сумарокова, съ которой я видѣлась, весело и беззаботно разговаривала со мной о братѣ. Она спѣшила въ Зубриловку, боясь прогнѣвать старушку княгиню; мнѣ не удалось удержать ее до 1-го іюля. Однако, она обѣщала выпросить позволеніе погостить у меня недѣль шесть зимой въ Москвѣ. Ѳедоръ Голицынъ напугалъ меня, описывая мнѣ положеніе Москвы. Правда, онъ любитъ преувеличивать, но вѣдь не онъ одинъ говоритъ о грустномъ видѣ Москвы, единственнаго знакомаго и любимаго мной города. Все, чтó мнѣ приходится слышать о дѣлахъ общественныхъ и частныхъ, не утѣшительно. Но чтó Богу угодно, то пусть и будетъ. Станемъ надѣяться и ожидать лучшаго.

Со мной вѣчно случаются неожиданности. Вообрази, что мнѣ возвратили письма, которыхъ я не могла добиться цѣлыхъ пять лѣтъ. Вмѣстѣ съ ними получила я глупое и пошлое письмо отъ одной особы, и сожгла его вмѣстѣ съ моими собственными пись-

мами. Теперь я спокойна: всѣ, рѣшительно всѣ письма уничтожены, даже писанныя въ дѣтствѣ. Каковъ обманщикъ; онъ увѣрялъ, что вся переписка сожжена. Да проститъ ему Богъ! Больно подумать, что таковъ вышелъ сынъ достойнаго и уважаемаго человѣка, да и братцы-то его не лучше. Желаю ему счастія и постараюсь забыть все горе, которое онъ мнѣ причинилъ.

Невѣстка моя здорова, она не могла кормить сына дольше недѣли. Теперь стараются освободить ее отъ молока. Племяннику полегче; на прошлой недѣли мы думали, что онъ умретъ. У насъ стояли сильные жары; вечера были чудесные, но гулять здѣсь негдѣ. Ныньче прохладнѣе, вотъ почему я такъ расписалась. Новая наша квартира немногимъ лучше прежней. По крайней мѣрѣ теперь мы живемъ рядомъ съ братомъ. Кланяйся мужу. Цѣлую тебя и твою дочку. Ты вѣрно слышала, что дочь Корсаковой, Ржевская, умерла. Жизнь ея была незавидная; вѣрно, ей хорошо въ томъ мірѣ. Если ужъ она не въ раю, то какъ же намъ надѣяться туда попасть?

М. Свистунова.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ *)

Ученіе о свободѣ человѣческой воли.—Метафизическая теорія о безучастіи закона причинности въ явленіяхъ воли.—Теорія необходимости и ея деморализующее вліяніе на сторонниковъ теоріи.—Человѣкъ имѣетъ свободную волю, какъ способность измѣнять свой личный характеръ по собственному желанію.—Вопросъ о невмѣняемости преступленій и объ общественномъ правѣ наказанія.—Неправильные выводы Бокля изъ статистическихъ обобщеній.—Вліяніе великихъ людей и правительствъ на общественный прогрессъ.

Обѣ новѣйшія науки: этологія и соціологія, разсмотрѣнныя и съ большимъ искусствомъ подтвержденныя Миллемъ въ ихъ правѣ на научное достоинство, имѣютъ въ своемъ основаніи ученіе о свободѣ человѣческой воли. Это ученіе служило съ давнихъ временъ, еще со временъ Пелагія, предметомъ ожесточенныхъ споровъ между философами и теологами. Каждая спорящая сторона опасалась лишиться въ этомъ ученіи главной поддержки всѣхъ своихъ лучшихъ или наиболѣе выгодныхъ стремленій. Теперь, когда положительная наука находитъ свои права въ этомъ спорѣ и вводитъ ученіе о свободѣ воли въ предѣлы своихъ изысканій, старинныя метафизическія теоріи теряютъ всякое серьёзное значеніе въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ, и послѣд-

*) См. выше: май 5; іюнь 473; іюль 132 стр.

нею надеждою старыхъ метафизическихъ теорій остаются лишь нравственныя послѣдствія новаго и дѣйствительно научнаго объясненія «свободы воли». Къ сожалѣнію, научное объясненіе этого явленія послужило поводомъ для многихъ недоразумѣній относительно нравственнаго достоинства новой теоріи, такъ что многіе не принимали ея только вслѣдствіе опасенія за тѣ нравственныя послѣдствія, которыми грозила новая теорія. Но въ дѣйствительности научная теорія нисколько не виновна въ возникшихъ недоразумѣніяхъ и способна вмѣстить въ предѣлы своего объясненія всѣ тѣ факты и нравственныя требованія, которымъ старалась удовлетворять древняя теорія свободы человѣческой воли. Именно Джону Стюарту Миллю принадлежитъ честь оправданія и защиты научной теоріи отъ всякаго рода нареканій, которымъ подвергалась она какъ со стороны черезчуръ отважныхъ сторонниковъ ея, такъ и со стороны рѣшительныхъ противниковъ [1]).

Научная теорія основывается на доказательствахъ опыта, и все ея дѣло заключается въ томъ, чтобы распространить на человѣческіе поступки законъ причинности, подъ который, какъ мы видѣли, подведены уже всѣ явленія окружающей насъ природы, какъ неорганической, такъ и органической, со включеніемъ и человѣческаго организма. Прежняя теорія, напротивъ, утверждала, что человѣческая воля опредѣляется сама собою, а не какими-либо предыдущими явленіями, что воля, слѣдовательно, не можетъ быть слѣдствіемъ какихъ-либо причинъ, а если и можетъ, то никакъ не безусловно, не въ формѣ закона природы.

Однако современная наука, въ лицѣ Конта и Милля и массы ихъ послѣдователей во всѣхъ отрасляхъ ученыхъ изслѣдованій, успѣла уже показать, что изъ эмпирическихъ законовъ, которыми весьма обильно снабжены этологія и соціологія, возможно выводить такіе же причинные законы, какими объясняются всѣ явленія природы,—то-есть, что между характеромъ отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества и обстоятельствами, среди которыхъ проходитъ личная или общественная жизнь, существуетъ несомнѣнная, законная связь причинъ со слѣдствіями. На эту связь указываетъ намъ множество фактовъ: въ существованіи ея мы убѣждаемся самонаблюденіемъ своихъ собственныхъ желаній и поступковъ, или наблюденіемъ поступковъ другихъ людей, которое дѣлаетъ насъ нерѣдко способными предвидѣть чужіе поступки съ тою точностью, съ какою мы предсказываемъ обычныя физи-

---

[1]) См. Hamilton's Philosophy, глава XXVI; A System of Logic etc., книга 6, главы 2 и 11.

ческія явленія; наконецъ, связь эта подтверждается статистическими результатами наблюденія цѣлыхъ массъ людей, дѣйствующихъ въ совокупности, причемъ вліянія, дѣйствующія лишь на немногихъ личностей, нейтрализуются между собою, и весь результатъ становится такимъ, какъ будто бы воли всѣхъ людей въ массѣ находились подъ вліяніемъ лишь общихъ для каждаго человѣка опредѣляющихъ причинъ: возьмите, напримѣръ, статистическіе факты Бокля объ отношеніи числа убійствъ, законныхъ и незаконныхъ рожденій, самоубійствъ или писемъ безъ адреса— къ общему числу населенія, и вы не можете не признать, что эти эмпирическія обобщенія необходимо обусловливаются извѣстными причинами, и что эти причины могутъ объяснить всѣ тѣ стороны человѣческаго характера, вліяніе которыхъ проявляется въ статистическихъ данныхъ. А между тѣмъ, научная практика говоритъ, что подъ статистическія и историческія обобщенія подходятъ всѣ явленія общественной жизни. Даже такое психическое явленіе, какъ разсѣянность или забывчивость при надписаніи адреса на письмахъ, совершается однообразно, какъ бы по закону природы. Въ фактахъ подобнаго рода мы можемъ, слѣдовательно, дѣлать столь же вѣрныя предсказанія, какъ въ тѣхъ физическихъ явленіяхъ, въ которыхъ слѣдствіе обусловливается многими причинами. Всѣ случаи, въ которыхъ наука не рѣшается дѣлать предсказаніе, совершенно схожи съ тѣми задачами въ астрономіи и химіи, гдѣ изслѣдователь долженъ рѣшать вопросъ по слишкомъ скуднымъ свѣдѣніямъ о причинахъ, вызывающихъ изучаемое слѣдствіе. Имѣя такимъ образомъ въ виду, что мы заключаемъ о законности человѣческихъ поступковъ совершенно также, какъ заключаемъ мы о всѣхъ другихъ явленіяхъ въ природѣ, мы обязаны, въ случаѣ съ поступками, вести себя относительно теоріи самовольности точно также, какъ поступаемъ тогда, когда имѣемъ дѣло съ естественными явленіями. И воля, поэтому, можетъ быть для насъ лишь нравственнымъ дѣйствіемъ, исходящимъ изъ соотвѣтствующихъ ей нравственныхъ причинъ съ тою же непремѣнностью и неизмѣнностью, съ какою физическія дѣйствія исходятъ изъ физическихъ причинъ.

Метафизика не способна объяснить по-своему статистическія обобщенія въ общественныхъ явленіяхъ; но такъ какъ ей не желательно признать, что ими доказывается существованіе тѣхъ же законовъ послѣдовательности и сосуществованія, которыми характеризуются всѣ другія естественныя явленія, то она находитъ наиболѣе удобнымъ скрыть свою несостоятельность опять за тѣмъ же всеобщимъ доводомъ интуитивной философіи: за *сознаніемъ*

или личнымъ впечатлѣніемъ всякаго человѣка. Мы, — говоритъ сэръ Гамильтонъ, — «мы сознаемъ или нашу свободу или, во всякомъ случаѣ, нѣчто такое, что̀ подразумѣваетъ (*implies*) свободу». Это сознаніе свободной воли приверженецъ того же философа, Мэнсель, поясняетъ слѣдующимъ образомъ: «въ каждомъ актѣ воли я вполнѣ сознаю, что я могу въ каждый моментъ дѣйствовать любымъ изъ двухъ путей, и что при всѣхъ одинаковыхъ предшествовавшихъ явленіяхъ я могу сегодня пойти по этому пути, а завтра по другому». «Такъ,—отвѣчаетъ Милль,— хотя предшествующія явленія остаются тѣ же самыя, но *нѣтъ*, если мое сужденіе о предшествующихъ явленіяхъ останется тѣмъ же. Если мое поведеніе измѣнилось, то должны были измѣниться или внѣшнія побужденія къ поступку или моя оцѣнка этихъ побужденій». Въ дѣйствительности рѣшеніе воли происходитъ иначе. Сознаніе рѣшаетъ здѣсь не то, что я могъ бы рѣшить что-либо и тѣмъ и инымъ путемъ, но что я могъ бы принять этотъ иной путь, *еслибъ предпочелъ его;* но я не могъ бы избрать его, еслибъ предпочиталъ другой. Подъ этимъ *предпочтеніемъ* разумѣется здѣсь не одно только предпочтеніе само по себѣ, но и все дѣйствіе, его сопровождающее. Извѣстно, что человѣкъ можетъ избирать одно дѣйствіе съ предпочтеніемъ другого, но безъ его послѣдствій или безъ нарушаемаго имъ нравственнаго закона. Однако такое предпочтеніе—не дѣйствительное и потому не можетъ имѣть никакого вліянія на предметъ спора. Между тѣмъ, на немъ-то именно интуитивная философія строитъ свою защиту того положенія, что сознаніе или совѣсть будто бы преобладаетъ надъ желаніями, какъ будто между совѣстью и *желаніемъ* поступать справедливо есть какая-нибудь разница. Положимъ, что человѣку предстоитъ рѣшить вопросъ: убить ли, или не убить. Говорятъ, что если онъ избираетъ первое, то сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ могъ бы избрать и отказъ; но вопросъ въ томъ, сознавалъ ли онъ, что могъ бы отказаться отъ убійства, еслибы его отвращеніе отъ преступленія и его страхъ передъ послѣдствіями преступленія были слабѣе искушенія? Если я рѣшаюсь отказаться отъ убійства, то могу сознавать, что я могъ бы совершить его лишь въ томъ случаѣ, еслибъ желаніе совершить его было бы сильнѣе моего отвращенія къ убійству. «Когда мы думаемъ о себѣ предположительно, что могли бы поступить иначе, чѣмъ поступили, мы всегда предполагаемъ разницу въ предыдущихъ явленіяхъ; мы представляемъ себѣ тогда, что мы знали что-то, чего не знали, либо не знали чего-то, что̀ знали— разница во внѣшнихъ побужденіяхъ;—или: что мы желали (или

не желали) чего-то болѣе или менѣе того, насколько дѣйствительно желали (или не желали), — разница во внутреннихъ побужденіяхъ». Отсюда ясно, что мы не можемъ сознавать себя способными дѣйствовать въ противоположность сильнѣйшему изъ нашихъ нынѣшнихъ желаній или отвращеній. Разница между дурнымъ и хорошимъ человѣкомъ заключается не въ способности послѣдняго поступать противно своимъ сильнѣйшимъ желаніямъ, а въ томъ, что его желаніе поступать справедливо и его отвращеніе отъ злыхъ поступковъ настолько сильны, что могутъ преодолѣть и даже разрушить всѣ другія желанія и отвращенія, противоположныя первымъ. Благодаря этой способности человѣческаго ума къ нравственной борьбѣ возможно и нравственное воспитаніе, цѣлью котораго служитъ воспитаніе воли.

Наша воля, какъ мы видѣли, управляется сильнѣйшимъ побужденіемъ въ смыслѣ пріятности или непріятности: желаніемъ или отвращеніемъ. Мэнсель, желая уронить этотъ выводъ, измѣнилъ значеніе его увѣреніемъ, что подъ *сильнѣйшимъ* побужденіемъ слѣдуетъ будто бы разумѣть «преобладающее», и что этотъ выводъ, слѣдовательно, означаетъ лишь, что преобладающее побужденіе преобладаетъ надъ волею и что, слѣдовательно, въ нашемъ выводѣ нѣтъ никакого серьёзнаго содержанія. Но не говоря о томъ, что сильнѣйшее побужденіе стоитъ въ выводѣ въ отношеніи не къ волѣ, а къ желаніямъ и отвращеніямъ, даже и въ Мэнселевской формѣ выводъ этотъ имѣетъ все-таки реальное значеніе. Нѣтъ ничего нелѣпаго въ томъ положеніи, что если на чашкахъ вѣсовъ лежатъ двѣ различныхъ тяжести, то болѣе тяжелая подыметъ менѣе тяжелую; это положеніе, однако, имѣетъ смыслъ, такъ какъ оно означаетъ, что во многихъ или въ большинствѣ случаевъ есть нѣчто тяжелѣйшее, и что оно всегда одно и тоже. Также точно, если подъ сильнѣйшимъ побужденіемъ разумѣется лишь преобладающее, то при одинаковости всѣхъ другихъ предыдущихъ явленій побужденіе, преобладавшее сегодня, будетъ преобладать и завтра и ежедневно.

Итакъ, законности въ явленіяхъ свободы воли отрицать невозможно, а слѣдовательно, и нельзя не допустить возможности предсказыванія поведенія человѣка, если намъ извѣстны его умственныя побужденія, характеръ и наклонности, и если передъ нами раскрыты всѣ обстоятельства, среди которыхъ проводитъ онъ свою жизнь. Даже наше сознаніе часто говоритъ, что, хотя мы сознаемъ себя свободными, мы все-таки требуемъ отъ другихъ, чтобы и они тоже понимали нашъ характеръ и не сомнѣвались, что въ данномъ случаѣ мы поступимъ непремѣнно такъ,

а не иначе. Откуда же берется это требованіе, какъ не изъ увѣренности въ томъ, что наши поступки совершаются столь же законнымъ образомъ, какъ и всѣ другія естественныя явленія? Разумѣется, это сознаніе пріобрѣтенное, однако оно существуетъ рядомъ съ тѣмъ, на которое возлагаютъ всѣ свои надежды приверженцы внѣ-законнаго дѣйствія воли.

Чувство нравственной свободы, однако, не химера, какъ полагаютъ нѣкоторые сторонники новаго ученія: это чувство основано на нашей способности измѣнять свой личный характеръ по нашему желанію, подобно тому, какъ мѣняемъ мы естественныя явленія посредствомъ перемѣны вліяющихъ на эти явленія обстоятельствъ. Но цѣлая школа приверженцевъ теоріи законности въ явленіяхъ воли, ссылаясь на всепоглощающую силу общественныхъ вліяній, отвергаетъ вполнѣ принципъ «свободы воли», и признаетъ въ явленіяхъ воли какую-то фаталистическую *необходимость* развитія человѣческаго характера изъ его личной организаціи, окружающихъ человѣка обстоятельствъ и его общественнаго воспитанія. Личнаго воздѣйствія, личнаго вліянія на свой характеръ теорія «необходимости» въ человѣкѣ не допускаетъ. Эта теорія смотритъ на явленія человѣческаго поведенія, какъ на явленія *неизмѣнной* причинности, гдѣ извѣстная причина неизбѣжно, необходимо вызываетъ извѣстное слѣдствіе, гдѣ отвратить или измѣнить необходимый результатъ извѣстной причины нѣтъ никакой возможности. Утверждая такимъ образомъ, что человѣческій характеръ и сама воля человѣческая опредѣляются вліяніемъ обстоятельствъ и личной организаціи съ тою самою строгостью и непоколебимостью, какъ въ тѣхъ явленіяхъ природы, гдѣ причина безпрепятственно вызываетъ свое слѣдствіе, — приверженцы теоріи необходимости должны становиться фаталистами. И дѣйствительно, они полагаютъ не только то, что все происходящее есть необходимый результатъ создающихъ причинъ, но еще то, что борьба противъ послѣднихъ безполезна. Признавая, что наши поступки исходятъ изъ нашего характера, и что нашъ характеръ есть слѣдствіе нашей организаціи, нашего воспитанія и нашихъ обстоятельствъ, приверженецъ необходимости легко приходитъ къ убѣжденію, что его собственный организмъ или его воспитаніе и положеніе въ обществѣ создали *для него* такой характеръ, измѣнить который онъ не въ силахъ, такъ что даже не стóитъ и желать перемѣны... Еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи мысли, и мы приходимъ къ отрицанію нравственной отвѣтственности за поступки, и къ невмѣняемости преступленій всякаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если наши поступки

обусловливаются нашимъ характеромъ, а нашъ характеръ *дѣлается* не нами, а *для насъ* общественными обстоятельствами и физическою организаціею, то вся отвѣтственность за наши поступки должна лечь на тѣхъ, кто создавалъ нашъ характеръ, то-есть на общественныя обстоятельства или на само общество. Какъ разъ кстати, статистическія обобщенія Бокля дѣйствительно доказываютъ, что человѣческіе поступки находятся въ дѣйствительной и непремѣнной связи съ разными общественными состояніями: вліяніе общества на характеръ людей, слѣдовательно, вполнѣ подтверждается... Такова въ главныхъ чертахъ теорія необходимости, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что новая теорія «свободы воли», пустившись въ свѣтъ въ такой непріятной въ нравственномъ отношеніи формѣ, должна была возбудить противъ себя не только массу разныхъ нареканій злѣйшаго свойства, но и дѣйствительную деморализацію въ самихъ приверженцахъ ея. Самъ Джонъ Стюартъ Милль испыталъ на себѣ подавляющее вліяніе фатализма теоріи необходимости. Когда, будучи юношею, онъ находился подъ вліяніемъ того мрачнаго взгляда на цѣль жизни, которое мы описали въ нашей первой статьѣ,—на Миллѣ тяготѣло, точно кошмаръ, ученіе необходимости. «Я чувствовалъ,— говоритъ онъ,—какъ будто наука доказала мнѣ, что я долженъ быть безпомощнымъ рабомъ предыдущихъ обстоятельствъ, какъ будто мой характеръ, подобно характеру всѣхъ другихъ людей, сдѣланъ для меня факторами, независимыми отъ нашего надзора, и вполнѣ находится внѣ моей власти. Я часто говаривалъ: какъ бы хорошо почувствовалъ я себя, еслибъ пересталъ вѣрить въ ученіе объ образованіи характера посредствомъ обстоятельствъ. Припоминая желаніе Фокса (извѣстнаго парламентскаго дѣятеля), касательно ученія о возстаніи противъ правительства, который хотѣлъ, чтобы это ученіе короли никогда не забывали и подданные никогда не помнили,—я сказалъ: блаженны были бы люди, еслибъ въ ученіе о необходимости вѣрили лишь настолько, насколько оно касается характера другихъ, и отвергали это ученіе относительно образованія своего личнаго характера» [1]).

Но Милль вскорѣ понялъ, что деморализація, которую онъ испытывалъ, зависитъ просто отъ иллюзіи, возбуждается словомъ «необходимость» въ объясненіи причинной связи между человѣческими поступками и обстоятельствами жизни. Даже въ самой природѣ масса явленій слѣдуетъ причинному закону далеко не съ тою неизмѣнностью, какой требуетъ теорія необходимости

[1]) Autobiography, глава V.

для вывода своихъ нравственныхъ отрицаній; въ природѣ весьма часто, вслѣдствіе столкновенія причинъ между собою, дѣйствующая причина не производитъ никакого слѣдствія, или только часть слѣдствія. Что же касается до человѣческихъ поступковъ и общественныхъ вліяній, всѣ они—явленія весьма измѣнчивыя и непостоянныя, зависимыя отъ множества самыхъ разнородныхъ побужденій, безпрестанно борющихся между собою, и потому далеко не соотвѣтствующихъ требованію теоріи необходимости. Всѣ эти явленія истекаютъ изъ многихъ причинъ, иногда противодѣйствующихъ другъ другу, и легко понять, что слѣдствіе въ большинствѣ случаевъ является не прямымъ результатомъ какой-либо причины въ отдѣльности, а лишь исходомъ борьбы между разными причинами. Поэтому, подъ «необходимостью» происхожденія человѣческихъ поступковъ слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ непремѣнное происхожденіе ихъ, когда имъ ничто не препятствуетъ.

Когда говорятъ, что люди, которымъ не даютъ ѣсть, необходимо умрутъ съ голода, то здѣсь разумѣется, что они дѣйствительно умрутъ, *что́ бы мы ни дѣлали;*—то же самое можно сказать о всѣхъ тѣхъ естественныхъ вліяніяхъ на человѣческую природу, которыя вошли въ привычку и т. п. Но есть другія вліянія въ природѣ, которыя не считаются *необходимыми*, напримѣръ, смерть отъ яда, ибо въ этомъ случаѣ существуетъ противоядіе. Человѣческіе поступки какъ разъ подходятъ именно къ *этому* разряду причинныхъ вліяній: за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ сумасшествія, человѣкъ въ своемъ поведеніи никогда не управляется какимъ-либо побужденіемъ столь безусловно, чтобы вмѣстѣ съ этимъ побужденіемъ не дѣйствовали и многія другія. На этомъ фактѣ, то-есть на взаимной борьбѣ различныхъ побужденій, и основана наша власть измѣнять свой характеръ въ извѣстной степени: сильнѣйшее побужденіе одерживаетъ верхъ надъ всѣми другими. Если, въ концѣ-концовъ, характеръ оказывается сдѣланнымъ для насъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что мы сами нисколько не участвовали въ полномъ образованіи его, или, по крайней мѣрѣ, какой-либо части нашего характера. Кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ и нашей организаціи, въ образованіи характера имѣетъ важное значеніе также *желаніе* самой личности измѣнить свой характеръ. Непосредственно или разомъ мы не можемъ мѣнять нашъ характеръ, но если наши привычки не слишкомъ глубоко внѣдрились въ нашу нравственную природу, и если мы знаемъ, какія обстоятельства препятствуютъ, и какія способствуютъ желаемой нами перемѣнѣ въ характерѣ, то намъ стоитъ

только приняться за перемѣну обстоятельствъ, и мы, *по собственному желанію*, измѣнимъ свой характеръ. Правда, что защитникъ теоріи необходимости можетъ привязаться къ фразѣ: «по собственному желанію», и сказать, что само это желаніе есть тоже результатъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и онъ будетъ правъ, такъ какъ это желаніе, хотя не обусловливается ни нашею организаціею, ни нашимъ воспитаніемъ, истекаетъ однако изъ опыта, изъ испытанія непріятныхъ и болѣзненныхъ послѣдствій прежняго характера, или изъ возбужденнаго чувства восторга передъ новымъ идеаломъ. Однако такое объясненіе нисколько не лишаетъ насъ увѣренности въ томъ, что мы *имѣемъ способность* мѣнять нашъ характеръ, и что мы можемъ воспользоваться этою способностью, если только пожелаемъ. Лишеніе же насъ этой увѣренности рождаетъ въ насъ совершенно другое, подавляющее психическое настроеніе. Но одинъ тотъ фактъ, что наше желаніе мѣнять нашъ характеръ исходитъ изъ опыта, ясно показываетъ, что мы *знаемъ*, что мы *способны* мѣнять нашъ характеръ, если пожелаемъ; — а такое знаніе чрезвычайно важно для поясненія и оправданія нашего характера съ нравственной точки зрѣнія. «Только тотъ чувствуетъ себя нравственно свободнымъ, который сознаетъ, что его привычки и искушенія не властвуютъ надъ нимъ, что онъ самъ господинъ надъ ними, что если онъ и подчиняется имъ, то все-таки съ сознаніемъ возможности противодѣйствія... Для полноты сознанія нашей свободы необходимо, чтобы намъ удалось сдѣлать нашъ характеръ тѣмъ, чѣмъ мы желали. Въ крайнемъ случаѣ, чтобы чувствовать себя свободными, наше желаніе можетъ быть недостаточнымъ для измѣненія нашего характера, но оно должно быть столь сильнымъ, чтобы побѣдить характеръ въ случаѣ столкновенія съ нимъ». Въ этомъ понятіи о нравственной свободѣ заключается и понятіе объ отвѣтственности за свои поступки, какъ за свой характеръ. Чувство отвѣтственности, слѣдовательно, существуетъ въ человѣкѣ, но оно не врожденное, а пріобрѣтаемое опытомъ жизни и воспитываемое общественными учрежденіями; оно исходитъ изъ признанія извѣстныхъ правъ и обязанностей за собою по отношенію къ другимъ людямъ; оно есть сознаніе справедливости наказанія за нарушеніе этихъ правъ и обязанностей. Кто не признаетъ чужихъ правъ, не можетъ имѣть и чувства отвѣтственности; напримѣръ, восточные деспоты или люди, зараженные сословными предразсудками, — послѣдніе сознаютъ нравственную отвѣтственность лишь относительно людей своего сословія, но отнюдь не относительно людей, принадлежащихъ къ подчиненнымъ классамъ. Отвѣтственность эта выра-

жается или только совѣстью, сознаніемъ своей неправоты, или признаніемъ справедливости преслѣдованія со стороны нашихъ ближнихъ, или цѣлаго общества, или самого Божества.

Приверженцы теоріи необходимости, проповѣдующіе полную невмѣняемость, возражаютъ противъ справедливости права наказанія, что такъ какъ характеръ человѣка дѣлается не имъ самимъ, а обстоятельствами, то и нѣтъ никакой справедливости въ наказаніи его за то, чего онъ не могъ сдѣлать или отъ чего онъ не могъ воздержаться. Гораздо лучше,—говорятъ они,—«попытаемся убѣдить этихъ несчастныхъ поступать инымъ образомъ, и дать всѣмъ, и особенно юношеству, воспитаніе въ такихъ привычкахъ и наклонностяхъ, которыя вели бы ихъ къ добрымъ дѣламъ»; но какъ это сдѣлать, если наказаніе будетъ исключено изъ орудій воспитанія, они не говорятъ. Мало того,—приверженцы невмѣняемости упускаютъ еще изъ виду, что *опасеніе наказанія* есть одно изъ побужденій, имѣющихъ важное вліяніе на рѣшеніе воли. Они утверждаютъ, что человѣкъ нарушаетъ права другихъ оттого, что онъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что не могъ воздержаться отъ нарушенія, или не исполняетъ своихъ обязанностей, потому что не въ силахъ побороть затрудненія, соединенныя съ ихъ исполненіемъ. Но, а если опасеніе наказанія можетъ служить тѣмъ добавочнымъ побужденіемъ, которое укрѣпитъ его воздержаніе въ первомъ случаѣ, и его силы во второмъ?.. Наказаніе, правильно направленное и разумно примѣняемое, какъ извѣстно, дѣйствительно способствуетъ достиженію подобныхъ результатовъ; нужно только, чтобы при назначеніи его интересы охраненія общества не пріобрѣтали предпочтенія передъ интересами обвиняемаго гражданина. Что же касается до наказанія лица въ видахъ исправленія его самого, оно можетъ быть несправедливымъ лишь настолько, насколько несправедливо понужденіе больного къ пріему лекарства. Естественнымъ условіемъ оправданія карательнаго права можетъ служить справедливая цѣль, къ которой стремится общество въ назначеніи извѣстнаго наказанія. Но если наказаніе является орудіемъ нарушенія справедливыхъ правъ гражданина, то оно несправедливо. Во всякомъ случаѣ, если признаются справедливыя права, то защита ихъ не можетъ быть несправедливою. Вѣримъ ли въ свободу воли или не вѣримъ, наказаніе справедливо, насколько соотвѣтствуетъ достиженію справедливой общественной цѣли, какъ справедливо убивать дикаго звѣря въ видахъ достиженія той же цѣли. Разумѣется, есть преступныя дѣйствія, совершаемыя человѣкомъ въ такомъ положеніи обстоятельствъ или въ такомъ пси-

хическомъ настроеніи, когда никакое опасеніе наказанія не можетъ остановить его, — когда онъ бываетъ, напримѣръ, подъ давленіемъ какихъ-нибудь физическихъ или нравственныхъ причинъ;—въ подобныхъ случаяхъ наказаніе было бы тоже несправедливостью, которую сознавалъ бы и самъ осужденный. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ наказаніе является орудіемъ охраненія общественныхъ интересовъ, самъ осужденный не можетъ роптать на наказаніе, такъ какъ его преслѣдуютъ тогда за недостаточное уваженіе къ справедливости или за недостаточное отвращеніе отъ зла. Слабость или твердость этихъ чувствъ въ человѣкѣ служитъ мѣриломъ недостатковъ или достоинства человѣка: этимъ мѣриломъ мы всегда руководствуемся при оцѣнкѣ отдѣльныхъ поступковъ или цѣлаго характера лица. Если желаніе справедливости и отвращеніе отъ зла уступили мелкому искушенію, то мы называемъ характеръ слабымъ и строго осуждаемъ его. Если же искушеніе, которому человѣкъ уступилъ, столь сильно, что даже строгія чувства добродѣтели могли бы пасть, то наше нравственное осужденіе выражается слабѣе. Если, напротивъ, нравственныя желанія и отвращенія одержали верхъ, но надъ силою не очень крупною, то мы признаемъ поступокъ хорошимъ, хотя и не великаго достоинства; наша оцѣнка достоинствъ, однако, все возростаетъ пропорціонально величинѣ затрудненій, которую одолѣваетъ нравственное чувство.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о статистическихъ обобщеніяхъ Бокля, которыя, по мнѣнію самого Бокля, доказываютъ, что преступленія совершаются въ обществѣ будто бы всегда въ однихъ размѣрахъ, и что, слѣдовательно, не только общее число убійствъ, но и каждое отдѣльное убійство зависитъ исключительно отъ общественнаго состоянія. «Годъ за годомъ, — говоритъ Бокль,— то же самое число пишущихъ письма забываетъ надписать адресъ, такъ что мы можемъ въ дѣйствительности предсказать, какое число лицъ забудутъ надписать адресъ на своихъ письмахъ во всякій слѣдующій періодъ». Такимъ образомъ выходитъ, повидимому, что общество само опредѣляетъ, какое число лицъ должно непремѣнно совершить убійство или послать письмо безъ адреса, и т. д. Каждый отдѣльный убійца является какъ бы простымъ орудіемъ въ рукахъ общихъ причинъ общественной жизни; если какой-нибудь убійца успѣлъ бы воздержаться, то другой человѣкъ, который могъ бы не убивать, непремѣнно сталъ бы убійцею, чтобы довести статистическую цифру до ея нормы. Нашъ выводъ доходитъ до нелѣпости... Между тѣмъ очевидно, что каждое отдѣльное убійство зависитъ не отъ одного только

общественнаго состоянія, но также отъ могущественныхъ спеціальныхъ или личныхъ причинъ. Статистическая цифра только потому скрываетъ совершенно эти спеціальныя причины, что она заключаетъ въ своемъ полѣ наблюденія всевозможныя сочетанія спеціальныхъ причинъ: всѣ разновидности личнаго характера и личныхъ искушеній. Статистическое обобщеніе, какъ общій опытъ, точно отдѣляетъ дѣйствіе общихъ причинъ отъ дѣйствія частныхъ, и показываетъ чистый результатъ однихъ общихъ причинъ, а до вліянія частныхъ не касается. Между тѣмъ Бокль, упустивъ изъ виду эту разницу между частными (личными) и общими причинами, пришелъ, въ концѣ-концовъ, къ полному отрицанію частныхъ причинъ, къ отрицанію улучшенія нравственныхъ свойствъ человѣка, и вліянія этихъ свойствъ на общественный прогрессъ. Но къ такому выводу могутъ приводить статистическія цифры лишь въ томъ случаѣ, если ихъ берутъ въ предѣлахъ одной страны и лишь «изъ года въ годъ», причемъ въ результатѣ мы получаемъ лишь одни общія нравственныя причины. Но если сдѣлать сравненіе цѣлаго вѣка съ другими, или какой-нибудь страны съ другими, или одной части страны съ ея остальными частями,—то число ежегодныхъ преступленій дастъ совсѣмъ другой средній выводъ, въ которомъ опредѣлится вліяніе нравственности. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ каждое преступленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ нравственныхъ свойствъ убійцы, то всѣ убійства, совершенныя въ извѣстный срокъ въ данной странѣ, должны зависѣть отъ совокупныхъ нравственныхъ свойствъ всего населенія. Однако отсюда не слѣдуетъ заключать, что средняя нравственность людей непремѣнно мѣняется вѣкъ за вѣкомъ, то въ той, то въ другой странѣ. Перемѣна нравственности все-таки зависитъ, какъ утверждаетъ и Бокль, отъ вліянія умственныхъ элементовъ человѣчества на опредѣленіе прогресса, то-есть отъ природы ихъ мнѣній или вѣрованій, отъ суммы знанія и отъ развитія умственныхъ способностей. Милль, впрочемъ, признаетъ нравственность и матеріальное состояніе столь же могущественными дѣятелями, какъ умъ или знаніе, но съ тою разницею, что оба первыя вліянія являются въ значительной степени какъ бы слѣдствіемъ умственнаго состоянія обществъ, и во всѣхъ случаяхъ имъ же ограничены.

Есть еще одно ложное отрицаніе, истекающее изъ теоріи необходимости, это — отрицаніе вліянія великихъ людей и правительствъ на общественный прогрессъ. И въ этомъ вопросѣ теорія необходимости принимаетъ фаталистическую точку зрѣнія, исключая изъ своего кругозора всѣ частныя причины и ограничиваясь

въ своихъ заключеніяхъ лишь дѣйствіями общихъ. Между тѣмъ вліяніе замѣчательнаго человѣка или цѣлаго правительства можетъ сказываться въ общественныхъ явленіяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе людей на природу, такъ какъ человѣческіе и общественные факты гораздо легче поддаются различнымъ перемѣнамъ, чѣмъ факты механики или химіи. Между общими причинами прогресса самою дѣйствительною признается совокупное знаніе и умственное развитіе всего человѣческаго рода:—но если *всего* человѣческаго рода, почему же не того, либо другого могущественнаго правительства или замѣчательнаго мыслителя, или какой-либо господствующей части общества? Разумѣется, что при обширномъ полѣ изслѣдованія характеристическія черты обыкновенныхъ личностей нейтрализуютъ другъ друга, но исключительныя личности, занимавшія въ данный вѣкъ важное общественное положеніе, не могутъ нейтрализовать другъ друга: не было ни второго Ѳемистокла, ни второго Лютера съ одинаковыми способностями и противоположными наклонностями, которые нейтрализовали бы вліяніе первыхъ. Поэтому очевидно, что воля замѣчательныхъ людей и правительствъ, или ихъ мнѣнія и намѣренія, должны входить необходимымъ звеномъ въ причинную цѣпь, въ которой общія причины производятъ свои слѣдствія. Мы сами видимъ изъ исторіи, что вліяніе крупной исторической личности продолжается многія тысячелѣтія. Можно допустить, однако, что если пройдутъ милліоны лѣтъ, то отъ этого вліянія не останется и слѣда, но такіе теоретическіе выводы не имѣютъ никакого практическаго значенія. Напротивъ, признаніе важности великихъ людей и правительствъ въ исторіи даетъ дѣйствительные результаты въ практической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе этихъ дѣятелей сказывается если не на порядкѣ прогресса, то на *скорости* его движенія. Принципъ «необходимости» въ прогрессѣ ограничиваетъ вліяніе отдѣльныхъ лицъ извѣстными предѣлами, такъ какъ извѣстныя истины или открытія не могутъ быть сдѣланы раньше другихъ, и извѣстнымъ общественнымъ улучшеніямъ должны предшествовать другія; но что касается до *скорости* пріобрѣтенія или распространенія знаній, или перехода отъ одного улучшенія къ другому,—она опредѣляется характеромъ дѣйствующихъ историческихъ лицъ. Однако, *границы отклоненія* въ возможномъ развитіи общественной, какъ и животной жизни, составляютъ пока весьма темный предметъ, разъясненіе котораго принадлежитъ всецѣло общественной наукѣ. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ достовѣренъ, что подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ развились разныя части человѣчества болѣе или менѣе различнымъ

образомъ и въ различныя формы, и что въ числѣ вліявшихъ обстоятельствъ находился и личный характеръ великихъ мыслителей и практическихъ организаторовъ: индивидуальность Конфуція опредѣлила всю дальнѣйшую исторію Китая, а индивидуальность Ликурга—исторію Спарты, и вмѣстѣ съ нею всей Греціи или всего цивилизованнаго міра. Съ другой стороны, личное значеніе замѣчательныхъ людей или правительствъ въ исторической жизни народовъ препятствуетъ наукѣ предсказывать точное время и непремѣнность появленія этихъ людей и правительствъ. Наука способна, однако, опредѣлить, какія общія причины въ прошлой исторіи вводятъ человѣчество въ то подготовительное состояніе, когда на немъ можетъ съ успѣхомъ проявиться вліяніе великаго человѣка; но если наука можетъ опредѣлить тѣ общія обстоятельства страны и народа, съ которыми возможно существованіе и дѣятельность великаго человѣка, то значитъ, что она можетъ замѣтить и самый удобный для появленія такого человѣка или правительства періодъ; но дѣйствительное наступленіе такого періода опредѣляется характеромъ и способностями дѣйствующихъ личностей или правительствъ.

Бываютъ, разумѣется, случаи, что великіе люди или великія дѣла не оставляютъ послѣ себя видимыхъ великихъ результатовъ; но не слѣдуетъ забывать, что вліяніе такихъ людей и дѣлъ распространяется весьма часто незамѣтнымъ образомъ на громадную массу различныхъ условій жизни. Можетъ случиться, что изъ десяти важныхъ поступковъ одного рода, девять окажутся преждевременными, но за то десятый вознаградитъ съ избыткомъ всѣ. Даже люди, которые, вслѣдствіе неудобныхъ для ихъ дѣла обстоятельствъ, остались забытыми въ своемъ вѣкѣ, пріобрѣтаютъ высокую извѣстность въ дальнѣйшемъ потомствѣ. Возьмите, напримѣръ, первыхъ отщепенцевъ католицизма: ихъ сожигали и истребляли, ихъ книги уничтожали, ихъ память подвергали проклятію, а о нѣкоторыхъ изъ нихъ узнали лишь по судебнымъ приговорамъ, валявшимся въ архивахъ нѣсколько столѣтій послѣ смерти этихъ бойцовъ за истину. Но ихъ примѣръ, ихъ дѣла, ихъ мученичество, наконецъ, возбуждали мужество въ другихъ, побуждая ихъ къ довершенію великаго дѣла. Еслибы люди не воспитывали въ себѣ этого геройскаго самоотверженія, человѣчество оставалось бы всегда въ варварскомъ или просто животномъ состояніи.

Въ примѣръ благотворнаго дѣйствія правительствъ Милль приводитъ либеральное правленіе въ Испаніи въ XVIII вѣкѣ. Боклъ, критикуя это самое правительство, утверждалъ, что оно, несмотря на всѣ свои старанія, не могло измѣнить дурныхъ сторонъ харак-

тера испанцевъ, и что стбило послѣ пятидесятилѣтняго хорошаго правленія установиться вновь дурному, какъ вмѣстѣ съ нимъ вся Испанія пришла вновь въ полный упадокъ. Но въ дѣйствительности этого не было: что нынѣшняя Испанія представляется страною не очень привлекательною въ политическомъ отношеніи—съ этимъ согласиться можно, но она все-таки несравненно лучше прежней Испаніи—той, которая была до появленія либеральнаго правительства Карла III и Аранды. Это правительство внесло въ Испанію свѣтъ европейской науки и просвѣщенія, который съ тѣхъ поръ никогда не угасалъ и постоянно распространялся. Прежде, напротивъ, все было въ упадкѣ: не только умственная дѣятельность, но и матеріальная. Дѣламъ Карла III и Аранды Испанія обязана своимъ избавленіемъ отъ инквизиціи и монаховъ, а также тѣмъ, что у нея есть теперь стремленіе къ свободѣ и равенству, и что въ ней можетъ установиться правленіе посредствомъ парламента и вольной печати; что, наконецъ, въ ней проведены желѣзныя дороги и развивается промышленная дѣятельность.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Искусство жизни.—Характеристическія черты утилитарной теоріи Милля.—Переходъ стремленія къ личному счастью въ стремленіе къ общественному.—Личная совѣсть.—Чтò слѣдуетъ разумѣть подъ счастьемъ и много ли его въ современной жизни.—Счастье и довольство.—Возможность достиженія довольства.—Мѣсто добродѣтели въ утилитарномъ ученіи.—Понятіе и чувство справедливости.—Принципъ общей пользы въ вопросахъ справедливости.—Область справедливости и область свободной нравственности.—Значеніе правилъ справедливости въ жизни.—Принципъ равенства. — Отношенія Милля къ религіознымъ вопросамъ.

Ученіе о свободѣ воли, въ смыслѣ Милля, служитъ, какъ мы видѣли, несомнѣннымъ доказательствомъ какъ того, что явленія свободной воли подчиняются требованіямъ закона причинности, такъ и того, что въ насъ существуетъ способность цѣлесообразно примѣнять выводы науки къ нашей личной и общественной жизни. Всякое цѣлесообразное примѣненіе научныхъ выводовъ къ какой-либо отрасли практической дѣятельности называется *искусствомъ*, а примѣненіе ихъ къ развитію личнаго и общественнаго состоянія или характера людей — *искусствомъ жизни*.

Въ наукѣ мы изучаемъ то, чтó *есть*; въ искусствѣ основнымъ вопросомъ служитъ то, чтó *должно быть*. Наука распредѣляетъ

и разъясняетъ свои истины такъ, чтобы мы могли окинуть однимъ взоромъ всеобщій порядокъ всего міра; искусство основано на тѣхъ же общихъ законахъ, но оно принимаетъ въ себя лишь тѣ послѣдствія ихъ, которыя необходимы для образованія правилъ, примѣненіе которыхъ къ практической жизни могло бы удовлетворять всѣ ея потребности. Наука показываетъ всѣ условія и матеріалы, какіе нужны для достиженія цѣли, къ которой стремится искусство, но само искусство ставитъ эту цѣль,—причемъ научные выводы служатъ лишь подтвержденіемъ возможности осуществленія ея въ дѣйствительности или сообразности ея съ потребностями жизни. Такъ какъ искусство жизни обнимаетъ собою всѣ потребности жизни, взятыя въ совокупности, то оно должно обладать такими принципами, которые опредѣляютъ достоинство спеціальной цѣли каждаго другого искусства въ отдѣльности, то-есть оно должно господствовать надъ всѣми искусствами. Строительное искусство утверждаетъ, что желательно имѣть зданія; архитектура (какъ изящное искусство) утверждаетъ, что желательно имѣть зданіи красивыя и великолѣпныя. Точно также гигіена ставитъ главною цѣлью сохраненіе здоровья, а врачебное искусство указываетъ на желаніе лечить болѣзни. То же самое можно сказать о цѣляхъ всѣхъ другихъ искусствъ; въ каждой изъ нихъ заявляется, что *должно* удовлетворить извѣстное желаніе, но только одно искусство жизни можетъ рѣшить, насколько и въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать осуществленія тѣхъ или другихъ цѣлей, или, другими словами, потребностей общественной жизни.

Въ жизни, въ человѣческихъ поступкахъ и работахъ, проявляются три стремленія: къ справедливому, полезному или цѣлесообразному и прекрасному, и искусство жизни, поэтому, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: нравственности, политики и эстетики. Къ сожалѣнію, искусство жизни находится пока лишь въ зачаточномъ состояніи и о принципахъ его мы имѣемъ пока лишь опытныя, эмпирическія обобщенія. Новѣйшая наука даетъ намъ, правда, нѣкоторыя указанія относительно хода человѣческой жизни въ общемъ движеніи прогресса, но эти указанія ограничиваются лишь общими положеніями о томъ, чтò *есть*, между тѣмъ какъ практика жизни требуетъ опредѣленныхъ правилъ для опредѣленія годности или негодности разныхъ общественныхъ цѣлей и предметовъ потребности. Въ основѣ этихъ правилъ, по мнѣнію Милля, долженъ быть одинъ масштабъ, такъ какъ при многихъ основныхъ началахъ практическое дѣло не могло бы идти вѣрнымъ путемъ, подвергаясь одновременно и порицанію и одобренію съ точки зрѣ-

нія разныхъ началъ. Такъ называемая моральная (или интуитивная) философія нашла это начало, этотъ масштабъ, въ нравственномъ чувствѣ или инстинктѣ. Но Милль возстаетъ противъ этого масштаба, какъ потому, что онъ называется не своимъ именемъ, и что ему придаютъ нѣкоторое мистическое значеніе, такъ и потому, что онъ примѣняется философами лишь къ одной сторонѣ искусства жизни: къ нравственности. Милль указываетъ, въ особомъ сочиненіи («Utilitarianism»), на другой принципъ, приложимый и къ политикѣ и къ эстетикѣ также: принципъ всей житейской телеологіи — принципъ споспѣшествованія человѣческому счастью, который онъ называетъ *общею пользою* или *утилитаризмомъ*.

Милль выводитъ свой принципъ, по всѣмъ правиламъ индуктивной логики, изъ опыта и наблюденія надъ результатами человѣческаго поведенія, опредѣляя по законамъ человѣческой природы и всеобщимъ условіямъ существованія, какіе роды поступковъ ведутъ къ счастью, и какіе—къ несчастью, и настаивая постоянно на важномъ фактѣ человѣческаго совершенствованія. Въ его взглядѣ есть много новаго, чего не принимали прежніе утилитаристы: ни Эпикуръ, ни Бентамъ, о своей солидарности съ которыми Милль постоянно напоминаетъ въ своемъ сочиненіи. Правда, что Милль ничего не прибавилъ къ содержанію нравственной науки, но утилитаризмъ его пріобрѣлъ столько улучшеній изъ ученія противоположной школы и изъ наблюденія надъ современною жизнью, что онъ становится совершенно неуязвимымъ со стороны интуитивистовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ всѣхъ сторонниковъ старой теоріи «общей пользы» отказаться отъ послѣдней защиты чисто эгоистическихъ стремленій.

Извѣстно, что какъ Эпикуръ съ своею школою въ древности, такъ и философы XVIII вѣка съ Бентамомъ въ концѣ, говорили, что всѣ человѣческія дѣйствія обусловливаются стремленіемъ къ личному счастію, и что этимъ же стремленіемъ человѣкъ приноситъ также общую пользу; Милль, сверхъ того, видитъ въ стремленіи къ общей пользѣ результатъ нравственнаго совершенствованія человѣка подъ вліяніемъ цивилизаціи, и онъ требуетъ поэтому, во имя прогресса или общаго счастья, чтобы человѣкъ не забывалъ о воспитаніи въ себѣ нравственной энергіи. Прежніе утилитаристы дѣлили наслажденія на высшія и низшія по количеству, то-есть по степени ихъ энергіи и продолжительности, а Милль дѣлитъ ихъ по качеству, по важности ихъ въ стремленіи человѣка къ достиженію общаго счастья, а не личнаго только, и выше всѣхъ поступковъ Милль ставитъ полное

самоотверженіе въ пользу общаго блага. «Есть много добродѣтельныхъ поступковъ, — писалъ Милль еще въ своей «Системѣ Логики» [1]), — которые доставляютъ человѣку больше страданій, чѣмъ наслажденья, которые ведутъ его даже къ жертвѣ своимъ собственнымъ счастьемъ; но практика оправдываетъ подобные поступки, такъ какъ они даютъ всему человѣчеству больше счастья, чѣмъ было бы у него въ томъ случаѣ, когда люди не умѣли бы жертвовать собою... Для личности достоинство характера должно быть высшей цѣлью просто потому, что богатое существованіе идеально-возвышеннаго характера или лишь приближенія къ идеальной высотѣ его способствуетъ болѣе всего другого счастью человѣческой жизни, какъ въ сравнительно скромномъ смыслѣ удовольствія и отсутствія страданій, такъ и въ томъ великомъ значеніи, когда жизнь перестаетъ быть обыденнымъ явленіемъ, чѣмъ-то ребяческимъ и пустымъ, и становится предметомъ желанія человѣческихъ существъ, обладающихъ высоко-развитыми способностями». Кромѣ столь серьёзнаго отношенія къ связи между общимъ счастіемъ и характеромъ личности, Милль, въ отличіе отъ прежнихъ утилитаристовъ, является сильнымъ защитникомъ принципа равенства, который представленъ въ его сочиненіяхъ какъ бы «непосредственнымъ слѣдствіемъ» самаго утилитаризма; однако не слѣдуетъ думать, что Милль принимаетъ принципъ равенства въ какомъ-нибудь сверхъестественномъ смыслѣ или безусловно.

Противъ интуитивной школы, противъ метафизиковъ, преданныхъ апріорнымъ, предвзятымъ началамъ, и которые, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, признали теперь «счастье» однихъ изъ трехъ основаній нравственнаго чувства, Милль доказываетъ, что и другіе два: *добродѣтель* и *справедливость*, суть не что иное, какъ части счастья, части весьма важныя, правда, и необходимыя, но все-таки заключающіяся въ принципѣ утилитаризма, какъ части въ своемъ цѣломъ. Общаго счастья нельзя достигнуть безъ справедливости и добродѣтели: сами же добродѣтель и справедливость безъ контроля утилитаризма не могутъ давать никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, соотвѣтствующихъ тому развитію человѣчества, которое выражается въ исторіи явленіемъ прогресса. Человѣкъ достигаетъ высшей добродѣтели и справедливости не ради искусства для искусства, не ради какихъ-либо мистическихъ представленій, но лишь потому, что въ своей добродѣтели и справедливости сознаетъ наилучшее средство къ

---

[1]) A System of Logic, т. II, кн. 6, глава 12, § 7.

достиженію наибольшаго счастья. Съ другой стороны, самъ прогрессъ лишается всякаго смысла, если онъ не ведетъ человѣчество къ матеріальному и нравственному совершенствованію, то-есть, къ общему счастью. И въ дѣйствительности, исторія доказываетъ, съ фактами за нѣсколько тысячелѣтій въ рукахъ, что человѣчество совершенствуется не въ матеріальномъ отношеніи только, но и въ нравственномъ.

Усвоеніе Миллемъ ученія о самопожертвованіи ради общественнаго благополучія или общаго счастія всего человѣчества служитъ яснымъ доводомъ, что его утилитаризмъ заключаетъ въ себѣ не эпикурейство только, а также стоицизмъ и непосредственную проповѣдь христіанства; Милль прямо заявляетъ, что «въ золотомъ правилѣ Іисуса Назаретскаго можно прочесть всю душу утилитарной нравственности», и что «поступать такъ, какъ желаешь, чтобы съ тобой поступали, и любить своего ближняго, какъ самого себя, это—идеальное совершенство утилитарнаго ученія».

Миллевскій утилитаризмъ, какъ мы видимъ, не есть ни простое эпикурейство, ни то эгоистическое ученіе, которое ставитъ на первый планъ личное счастіе, состоящее изъ наслажденій, отличающихся между собою по количественному, а не по нравственному достоинству. Миллевскій утилитаризмъ заключаетъ въ себѣ, напротивъ, такія нравственныя ученія, которыя, исходя изъ естественныхъ основъ человѣческой природы и научныхъ законовъ общественнаго прогресса, ставятъ себѣ опредѣленную общеполезную для всего человѣчества цѣль, достиженіе которой представляется возможнымъ лишь путемъ совершенствованія нравственнаго характера людей и возбужденія въ людяхъ всѣхъ лучшихъ нравственныхъ стремленій, со включеніемъ справедливости и добродѣтели. Этотъ новый утилитаризмъ можетъ рѣшать не только всѣ нравственные вопросы, но и всѣ недоразумѣнія, возникшія по этимъ вопросамъ вслѣдствіе возраженій такъ-называемой моральной философіи, которая въ своихъ выводахъ и объясненіяхъ никогда не могла установить ни одного прочнаго начала, которое соотвѣтствовало бы даннымъ опыта и требованіямъ научной логики. Моральная философія не придавала никакого серьёзнаго смысла факту человѣческаго прогресса, и потому не могла догадаться о дѣйствительной цѣли человѣческихъ стремленій; ея телеологія, хотя тоже побуждаемая желаніемъ нравственнаго возвышенія людей, ставила часто такія странныя цѣли человѣческой жизни, что онѣ или прямо противорѣчили свойствамъ человѣческой природы и естественнымъ законамъ земного существованія, или обле-

кались въ мистическія формы. Даже въ самое послѣднее время, когда наиболѣе проницательные изъ метафизиковъ признали, наконецъ, что элементъ счастья долженъ присутствовать въ каждомъ нравственномъ поступкѣ, всѣ они все-таки отвергаютъ цѣль утилитарнаго ученія и продолжаютъ настаивать на томъ, что справедливость и добродѣтель должны служить сами себѣ цѣлью, помимо доставленія и охраненія счастья: въ утилитарномъ принципѣ имъ все еще мерещатся притязанія голаго эгоизма. Большинство моральныхъ критиковъ книги Милля «Utilitarianism»: Лекки [1]), Торнтонъ [2]), Стифенъ [3]) и многіе другіе менѣе извѣстные, искали въ ней различныя противорѣчія касательно примѣненія утилитаризма къ правильному объясненію нравственности человѣческихъ поступковъ, но всѣ ихъ находки показали только, что они сами не умѣютъ примѣнять правилъ миллевскаго ученія, и не то нарочно, не то легкомысленно спутываютъ положенія Милля съ положеніями его историческихъ предшественниковъ. Только одинъ Джонъ Гротъ [4]), извѣстный историкъ Греціи, хотя не соглашается принять ученія Милля вполнѣ, тѣмъ не менѣе отдаетъ ему полную справедливость, признавая это ученіе соотвѣтствующимъ самымъ высокимъ и лучшимъ требованіямъ нравственности; особенно сильно Гротъ возстаетъ противъ того, зачѣмъ Милль становится въ рядъ утилитаристовъ и признаетъ себя какъ бы послѣдователемъ Эпикура, между тѣмъ какъ въ его ученіи исключены всѣ дурныя стороны стараго утилитаризма и включены всѣ лучшія стороны другихъ моральныхъ системъ. Однако, порицаніе Грота нельзя признать справедливымъ, такъ какъ Милль выводитъ свою теорію изъ опыта личной и общественной жизни, а не изъ «сознанія» или *a priori*, какъ привыкли выводить интуитивные или моральные философы. Съ другой стороны, Милль ставитъ свою нравственную цѣль согласно съ свойствами или требованіями человѣческой природы, между тѣмъ какъ интуитивисты придаютъ своимъ апріорнымъ положеніямъ какой-то мистическій авторитетъ. Пріемы Милля, напротивъ, имѣютъ за себя авторитетъ науки, и въ томъ нѣтъ ничего дурного, что состоятельная и высокая нравственность, найдя наконецъ поддержку въ научныхъ истинахъ, пріобрѣтаетъ въ утилитаризмѣ Милля самостоятельность безъ всякой примѣси трансцендентализма...

---

[1]) A History of European morals. См. предисловіе. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1869.

[2]) Old-fashioned Ethics etc. См. статью: Anti-Utilitarianism. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873.

[3]) Liberty, Equality, Fraternity. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873.

[4]) An examination of the Utilitarian Philosophy. 1870.

Сущность новѣйшаго утилитаризма заключается въ объясненіи перехода личнаго чувства самосохраненія въ общественное. Милль объясняетъ ее, какъ вообще объясняется сущность каждаго искусства. Первый вопросъ въ этомъ ученіи — вопросъ цѣли. Какую цѣль ставитъ себѣ искусство жизни, чего желаетъ оно въ общественныхъ дѣлахъ? Утилитаризмъ заявляетъ, основываясь на наблюденіяхъ и опытѣ психологической науки, что въ жизни желательно создать счастье, и что только одно *это* желательно; всѣ другія вещи желательны, лишь какъ средства для достиженія этой цѣли. Существованіе подобныхъ желаній опредѣляется тѣмъ очевиднымъ явленіемъ, что люди дѣйствительно *желаютъ*. Но доказать, что люди желаютъ общаго счастья можно лишь тѣмъ фактомъ, что каждый человѣкъ желаетъ своего собственнаго счастья, насколько оно представляется достижимымъ. Счастье каждаго лица становится для него добромъ, а общее счастье, слѣдовательно, есть добро совокупности всѣхъ людей. Всѣ поступки признаются хорошими пропорціонально ихъ стремленію къ счастью, и дурными, когда они стремятся вызвать несчастье. Подъ счастьемъ разумѣется удовольствіе и отсутствіе страданій, а подъ несчастьемъ — страданія и отсутствіе удовольствія. Слѣдовательно, всѣ желаемыя вещи требуются или ради удовольствія, имъ присущаго, или ради средства къ достиженію удовольствія и предупрежденія страданій. Желать вещь, значитъ находить ее пріятною, а не желать ея или отвращаться отъ нея, значитъ находить ее непріятною.

Фактическимъ и естественнымъ доказательствомъ того, что признаніе необходимости своего личнаго счастья приводитъ человѣка къ признанію необходимости общаго счастья другихъ людей, или своего народа, или всего человѣчества, служитъ, по мнѣнію Милля, то могущественное *естественное* чувство, которое развивается въ людяхъ подъ разнообразными вліяніями общественнаго сожительства, и становится тѣмъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ сильнѣе крѣпчаютъ общественныя связи въ постепенномъ ходѣ прогресса; это—*желаніе* быть въ единствѣ съ нашими ближними. «Общественное состояніе,—объясняетъ Милль,— столь естественно, столь необходимо и столь привычно человѣку, что только при нѣкоторыхъ необычайныхъ обстоятельствахъ или усиліемъ произвольнаго отвлеченія онъ можетъ вообразить себя чѣмъ-либо инымъ, а не членомъ общества, и это мысленное сочетаніе упрочивается въ немъ все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ человѣчество отдаляется отъ состоянія дикой независимости. Поэтому, каждое условіе, существенное для общественнаго состоянія, ста-

новится все болѣе неотъемлемою частью понятія человѣка о состояніи вещей, въ которомъ онъ родился, о назначеніи его, какъ человѣческаго существа. Но общество между человѣческими существами, за исключеніемъ отношеній господина и раба, возможно лишь на одномъ томъ основаніи, когда интересы всѣхъ принимаются въ разсчетъ. Общество между равными можетъ существовать лишь при условіи, чтобы интересы всѣхъ признавались равными... Подвигаясь съ каждымъ вѣкомъ къ тому состоянію, въ которомъ нельзя будетъ жить иначе, какъ на послѣднемъ условіи, люди доходятъ до того, что теряютъ способность вполнѣ отрѣшаться отъ положенія интересовъ другихъ людей. Они сознаютъ необходимость по крайней мѣрѣ воздерживаться отъ всѣхъ грубыхъ нарушеній и заявлять (хотя бы ради собственной безопасности) постоянный протестъ противъ нихъ. Въ настоящее время люди уже знакомы съ фактомъ взаимнаго содѣйствія и съ установленіемъ цѣлью своей дѣятельности коллективнаго, общаго интереса, вмѣсто личнаго. Въ такомъ взаимномъ содѣйствіи ихъ цѣли отождествляются, и въ нихъ возникаетъ, по крайней мѣрѣ на время, понятіе о признаніи чужихъ интересовъ своими собственными. Такое укрѣпленіе общественныхъ связей и весь здоровый ростъ общества не только возбуждаютъ въ каждой личности сильное стремленіе къ практическому соглашенію своего личнаго интереса съ благосостояніемъ другихъ людей, но также ведетъ человѣка все болѣе и болѣе къ отождествленію своихъ личныхъ сочувствій съ благополучіемъ его ближнихъ или, по крайней мѣрѣ, съ постоянно возрастающею степенью практической заботливости объ этомъ благополучіи. Человѣкъ, какъ бы по инстинкту, начинаетъ тогда сознавать себя какъ существо, которое, *конечно*, заботится о другихъ»... Дойдя до этого состоянія, человѣкъ не можетъ не проявлять своихъ новыхъ стремленій во всей своей дѣятельности, и поощрять другихъ къ тому же. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія цивилизаціи, это желаніе поощрять другихъ къ поддержанію общихъ интересовъ развивается все сильнѣе и становится все болѣе естественнымъ. Каждый шагъ въ политическомъ совершенствованіи, удаляя источники враждебнаго столкновенія интересовъ, и уравнивая тѣ неравенства юридическихъ привилегій между личностями и цѣлыми сословіями, которыя ставили цѣлыя массы людей внѣ общественнаго попеченія—придаетъ симпатическому чувству человѣка все бо́льшее значеніе и открываетъ его стремленіямъ все болѣе широкое поле дѣятельности. Въ то же время, съ совершенствованіемъ состоянія человѣческаго ума постоянно умножаются вліянія, которыя стремятся возродить въ каж-

дой личности чувство единства со всѣми остальными, а это послѣднее чувство, совершенствуясь въ свою очередь, можетъ, въ концѣ-концовъ, лишить человѣка всякой мысли или желанія достигать какого-либо благополучнаго состоянія, въ выгодахъ котораго не участвовали бы всѣ люди. Это чувство единства, въ такомъ случаѣ, можетъ, при благопріятной обстановкѣ, стать основою даже такой религіи, напримѣръ, какая описана Огюстомъ Контомъ въ его «Système de Politique Positive». «Я полагаю,— говоритъ Милль о религіи Конта — что эта система обильно доказала возможность дать человѣчеству въ руки, даже безъ помощи вѣры въ Провидѣніе, какъ психическую силу, такъ и общественную состоятельность религіи. Эта религія, охвативъ человѣческую жизнь, могла бы окрасить въ свой цвѣтъ всѣ мысли, чувства и поступки такимъ образомъ, что величайшее могущество, которымъ когда-либо пользовалась какая-нибудь религія, могло бы стать только типомъ и предчувствіемъ передъ могуществомъ новой, и вся опасность послѣдней заключалась бы не въ недостаточности ея силы, а скорѣе въ той чрезмѣрности обаянія, которая могла бы увлечь ее въ излишнее вмѣшательство въ человѣческую свободу и индивидуальность» [1]). Изъ этого превосходнаго описанія человѣческаго стремленія къ общественности не слѣдуетъ заключать, что Милль совершенно пренебрегаетъ личными потребностями человѣка, и что онъ будто бы не видѣлъ всѣхъ опасностей излишняго развитія общественности насчетъ личной независимости. На самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ, кромѣ общественной пользы, еще частную, то-есть интересы и счастье немногихъ лицъ, почему-либо интересующихъ человѣка. Мы живемъ теперь въ столь «ранній» періодъ цивилизаціи, когда люди еще далеки отъ достиженія того совершенства въ ихъ взаимныхъ сочувствіяхъ, которое не допускало бы никакого существеннаго разлада въ общемъ направленіи ихъ поведенія въ жизни. Утилитарное ученіе не можетъ не принять этого факта къ своему соображенію; и въ дѣйствительности оно вовсе не требуетъ невозможнаго, понимая очень хорошо, что нынѣшніе люди не могутъ сосредоточиваться на столь широкой общности, какъ весь міръ или общество вообще. Громадное большинство добрыхъ дѣлъ совершается ради счастья не міра, а отдѣльныхъ личностей. Что же касается до умноженія счастья, его достигаютъ лишь путемъ добродѣтели, то-есть при сильно развитомъ симпатическомъ чувствѣ; но утилитаризмъ, подобно другимъ нравственнымъ философіямъ, утверждаетъ, что случаи для добро-

---

[1]) Utilitarianism, глава 3-я.

дѣтели встрѣчаются не слишкомъ часто, а число людей, способныхъ на добродѣтель, еще меньше. «Чувство общественности въ большинствѣ людей оказывается слабѣе ихъ эгоистическихъ стремленій, а часто этого чувства вовсе нѣтъ. Но за то у тѣхъ, кто обладаетъ общественнымъ чувствомъ, оно пріобрѣтаетъ всѣ свойства естественнаго влеченія. Умамъ этихъ людей оно не представляется ни суевѣріемъ воспитанія, ни закономъ, деспотически наложеннымъ общественною силою, но свойствомъ, безъ котораго жизнь теряетъ свою драгоцѣнность». Въ этомъ-то постоянно, хотя медленно, развивающемся и укрѣпляющемся свойствѣ человѣческаго ума Милль находитъ окончательное подтвержденіе состоятельности нравственной теоріи утилитаризма; изъ этого же свойства исходитъ важное нравственное чувство: *личная совѣсть*, которое служитъ внутреннею санкціей обязательной области нравственности, такъ какъ оно опредѣляетъ, что̀ должно и чего не должно.

Подъ внѣшнею санкціей *дома* въ утилитарной теоріи будетъ то же, что и въ другихъ системахъ: надежда на благорасположеніе нашихъ ближнихъ и страхъ передъ ихъ гнѣвомъ, внѣшнія награды и наказанія. Что касается до внутренней санкціи, и она играетъ здѣсь такую же роль, какъ вездѣ. Личная совѣсть, какъ извѣстно, есть чувство болѣе или менѣе сильной боли, сопровождающей нарушеніе долга; непріятность этой боли бываетъ въ иныхъ, хорошо въ нравственномъ отношеніи воспитанныхъ людяхъ, столь могущественна, что нарушеніе долга становится невозможнымъ. Но это чувство нельзя признать естественнымъ, такъ какъ у иныхъ людей его вовсе не бываетъ и такъ какъ вся сила его пріобрѣтается чрезъ посредство воспитанія въ человѣкѣ преданности общественнымъ интересамъ. Поэтому само чувство совѣсти можетъ возбуждать въ человѣкѣ многоразличныя представленія, служившія при воспитаніи элементами для составленія совѣсти: здѣсь дѣйствовали и любовь, и страхъ, и разныя формы религіознаго чувства, воспоминанія дѣтства и всей прожитой жизни, вліяніе самоуваженія или желанія уваженія со стороны другихъ, и даже, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, самоуниженія. Человѣкъ, нарушая свое понятіе о долгѣ, разбиваетъ всѣ эти чувства, пріобрѣтенныя имъ изъ своихъ сношеній съ другими людьми. Разумѣется, составъ совѣсти, какъ предметъ пріобрѣтаемый, можетъ измѣняться, какъ мѣняются всѣ нравственныя чувства, и утилитарное ученіе можетъ, поэтому, внушить ей свои правила, и эти правила могутъ укрѣпиться въ умѣ вполнѣ прочно и притомъ съ непоколебимымъ вліяніемъ, такъ какъ они извлечены изъ психо-

логическаго начала человѣческой природы: изъ стремленія къ общественности. Что имѣетъ подъ собою естественную основу, того никакой анализъ разрушить не можетъ. Но не будь въ человѣкѣ общественнаго свойства, и совѣсть не могла бы имѣть силы естественнаго чувства.

Поставивъ счастье высшимъ принципомъ нравственности, утилитаризмъ долженъ опредѣлить, чтó слѣдуетъ разумѣть подъ счастіемъ, и существуетъ ли возможность его достиженія. Счастье— это конкретное цѣлое, а не отвлеченное представленіе, и хотя всѣ люди къ нему стремятся, но не всѣ понимаютъ его одинаково; сущность его и содержаніе не остаются всегда однимъ и тѣмъ же, но постепенно расширяются и принимаютъ все болѣе опредѣленный характеръ, соотвѣтственно съ нравственнымъ и умственнымъ прогрессомъ человѣчества; предѣлы его и самый прогрессъ достиженія находятся въ зависимости отъ обстоятельствъ жизни. Въ настоящее время Милль находитъ, что вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и дурныхъ общественныхъ или государственныхъ учрежденій и законовъ, а также недостаточнаго и жалкаго воспитанія гражданъ, даже въ странахъ, наиболѣе удалившихся отъ состоянія варварства, девятнадцать-двадцатыхъ населенія живутъ въ невольной нуждѣ, безъ всякаго счастья. Остальная двадцатая пользуется довольствомъ, но между довольствомъ и счастьемъ есть тоже разница, иногда весьма большая. Есть люди, которые готовы жить, какъ животныя, если имъ доставятъ возможность пользоваться животными наслажденіями, но люди умные или образованные никогда не согласятся на подобное довольство. Человѣкъ съ болѣе высокими способностями можетъ подвергаться болѣе сильнымъ страданіямъ и гораздо болѣе чувствителенъ къ вреднымъ нравственнымъ причинамъ, чѣмъ люди низшаго типа, но, несмотря на то, онъ не промѣняетъ этихъ страданій на низшій типъ жизни. Назовите эту настойчивость, какъ хотите: гордостью ли, властолюбіемъ, любовью ли къ свободѣ, или привязанностью къ личной независимости, или, какъ называетъ ее самъ Милль, *чувствомъ собственнаго достоинства*, эта настойчивость встрѣчается у всѣхъ людей въ той или другой формѣ, хотя далеко не всегда въ точной пропорціи съ развитіемъ высшихъ способностей. Только тогда, когда оно сильнѣе, когда все, чтó противорѣчитъ этому чувству, можетъ становиться предметомъ желанія лишь на мгновеніе, это чувство составляетъ существенную часть счастья. Полагать, что дѣятельность этого чувства, его предпочтеніе одного рода жизни другому, сопровождается жертвою счастья, — значитъ не понимать разницы между довольствомъ и

счастьемъ. Несомнѣнно, что человѣкъ съ низшими способностями и низшими наслажденіями имѣетъ въ наше время болѣе шансовъ къ ихъ полному удовлетворенію, и что даровитая личность можетъ находить свое счастье совершенно недостижимымъ. Но даровитая личность можетъ научиться переносить несовершенство своего существованія, если оно вообще терпимо, и она не станетъ завидовать какому-либо существу, которое не понимаетъ всей важности этого несовершенства. Милль говоритъ:—«Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольною свиньей; лучше недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ. И если дуракъ или свинья иного мнѣнія, то лишь потому, что они знаютъ только свою сторону вопроса; другая же партія сравненія знаетъ обѣ стороны». Если мы примѣнимъ недовольство развитаго человѣка не къ его личному счастью, а къ положенію счастья общественнаго, то мы найдемъ въ этомъ недовольствѣ, если оно глубоко обдуманное и справедливое, одинъ изъ источниковъ, одну изъ двигающихъ причинъ всего человѣческаго прогресса и нравственнаго совершенствованія. Само недовольство, такимъ образомъ, становится въ развитомъ человѣкѣ опорою стремленія къ общему счастью.

При настоящемъ положеніи вещей въ цивилизованномъ мірѣ, люди съ наклонностями къ общему счастью бываютъ нерѣдко не только поставлены въ положеніе простого недовольства, но и доведены до сознанія необходимости самопожертвованія ради счастья другихъ. «Эта жертва,—говоритъ Милль,—есть высшая добродѣтель, какую только можно найти въ человѣкѣ». Но съ другой стороны, можно утверждать, не впадая въ парадоксъ, что при столь ненормальной житейской обстановкѣ сознаніе возможности обходиться безъ счастья даетъ лучшіе виды на достиженіе такого счастья, какое достижимо. «Ибо только такое сознаніе можетъ поднять человѣка выше шансовъ жизни, возбуждая въ немъ мысль о томъ, что будь, что́ будетъ, но ни судьба, ни удача не преодолѣютъ его: такая мысль освобождаетъ его отъ излишнихъ опасеній касательно бѣдствій жизни, и способствуетъ ему, какъ многимъ стоикамъ въ злѣйшія времена Римской Имперіи, открывать въ тишинѣ источники доступнаго ему удовлетворенія, нисколько не безпокоясь ни о продолжительности ихъ существованія, ни о неизбѣжномъ ихъ изсяканіи». Еще въ другомъ мѣстѣ Милль прямо говоритъ: — «мы не должны ожидать отъ жизни слишкомъ многаго». Всѣ эти утвержденія и объясненія ясно показываютъ, что этотъ серьёзный ученый, испытавшій на своемъ долгомъ вѣку всевозможныя высокія стремленія и отлично изучившій какъ современный политическій строй, такъ и много-

различныя вліянія общественной жизни не въ Англіи только, но въ особенности во Франціи и въ другихъ странахъ Европы, гдѣ онъ путешествовалъ, — что этотъ ученый, который превосходно понималъ зависимость общественнаго движенія отъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ причинъ, пришелъ къ весьма печальному заключенію относительно образа жизни въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ даже его лучшихъ людей. Но Милль утѣшался тѣмъ, что мы живемъ теперь лишь въ «сравнительно ранній періодъ человѣческаго улучшенія», и что улучшеніе есть необходимый элементъ общественнаго существованія. Дальнѣйшее улучшеніе можетъ, слѣдовательно, дать гораздо болѣе широкій просторъ человѣческому счастью: «наибольшее счастье», по выраженію Бентама; однако утверждать положительно, что есть высшая точка развитію счастья, что этому развитію можетъ быть конецъ, съ достиженіемъ котораго долженъ былъ бы прекратиться и прогрессъ, —Милль не рѣшается. Напротивъ, въ Миллѣ ничто не возбуждаетъ столько опасеній за будущность человѣчества, за его прогрессивное движеніе, какъ излишнее развитіе силы общественнаго мнѣнія или демократіи численнаго большинства насчетъ «эксцентричности» людей. Главнымъ двигателемъ общественнаго и личнаго совершенствованія Милль считаетъ *индивидуальность*, личную свободу человѣка. Въ своемъ сочиненіи «On Liberty» Милль посвящаетъ цѣлую главу въ защиту личности, «какъ одного изъ элементовъ благосостоянія». Описывая тамъ, какъ въ Англіи «коллективная посредственность», а во Франціи политическій деспотизмъ стремятся подавить и стереть личную независимость гражданъ, Милль предвѣщаетъ всей цивилизаціи такой же застой, въ какомъ пребывалъ Китай, если вся разумная часть европейскаго общества не организуетъ крѣпкой оппозиціи противъ грозящей опасности. Эта опасность, однако, не должна возбуждать сопротивленія противъ всякаго распространенія общественности. Самъ Милль, какъ мы видѣли выше, когда онъ развивалъ мысль о все болѣе укрѣпляющихся и все далѣе и глубже распространяющихся связяхъ между людьми, какъ членами одного общества или цѣлаго человѣчества, относился къ этому факту съ явнымъ одобреніемъ, одобряя притомъ и упроченіе начала равенства въ государственныхъ и общественныхъ правахъ; но лишь потому, что развивающіяся въ наше время общественныя связи имѣютъ и свою хорошую сторону, такъ какъ ни дружныя товарищества, учреждаемыя для какихъ-либо дѣлъ, ни отмѣна всевозможныхъ политическихъ привилегій или монополій не только не угнетаютъ личной независимости гражданъ,

но, напротивъ, даютъ индивидуальностямъ наибольшую возможность и наилучшее удобство для развитія своихъ личныхъ силъ. Можно однако опасаться, что стремленіе къ общественности, или развитіе общественнаго чувства можетъ принять ложное направленіе, и, превративши общество въ строго дисциплинарное тѣло, сдѣлаться орудіемъ угнетенія личной свободы и личнаго характера. Такое опасеніе Миллъ дѣйствительно высказываетъ, но оно нисколько не мѣшаетъ ему требовать дальнѣйшаго распространенія и укрѣпленія общественныхъ сочувствій между людьми, пока не уничтожатся всѣ крупныя бѣды нынѣшняго переходнаго времени: нищета, болѣзни, случайныя несчастія и т.-п., которыя всѣ значительно облегчаются и даже могутъ быть устранены (хотя медленно и не отовсюду) путемъ простыхъ реформъ въ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, и въ особенности широкою и дѣльно организованною системою образованія, при дружномъ содѣйствіи всѣхъ, до кого эти факты касаются.

Какъ бы то ни было, осуществленіе всѣхъ улучшеній, о которыхъ мы только-что говорили, создастъ если не все счастье, то столь полное довольство, о которомъ нынѣшніе люди могутъ только мечтать. Въ довольной жизни Миллъ отличаетъ двѣ существенныя вещи: *спокойствіе* и *возбужденіе*. Съ большимъ запасомъ спокойствія многіе люди удовлетворяются весьма малымъ количествомъ удовольствія; а при большомъ запасѣ возбужденія, многіе примиряются съ значительнымъ количествомъ страданій. Возбужденіе и спокойствіе могутъ въ жизни постоянно смѣнять другъ друга. Только тѣ, въ комъ бездѣйствіе становится порокомъ, не желаютъ возбужденія послѣ періода отдыха; только тѣ, въ комъ потребность въ возбужденіи становится болѣзнью, чувствуютъ себя во время отдыха послѣ возбужденія мрачными и разстроенными, вмѣсто того чтобы наслаждаться по мѣрѣ наступленія возбужденія. Если подобные факты происходятъ съ людьми довольно зажиточными, то Миллъ прямо причисляетъ ихъ къ тому разряду, «которые заботятся лишь о себѣ». «У людей, не имѣющихъ ни общественныхъ, ни личныхъ привязанностей, возбужденія жизни значительно сокращены и во всякомъ случаѣ теряютъ цѣну по мѣрѣ приближенія того времени, когда всѣ себялюбивые интересы должны закончиться смертью. Между тѣмъ, люди, оставляющіе послѣ себя предметы личной привязанности, и особенно тѣ изъ нихъ, которые питали любовь къ совокупнымъ интересамъ человѣчества, удерживаютъ и наканунѣ смерти столь же живой интересъ къ жизни, какъ и въ цвѣтѣ юности и здоровья».

Имѣя въ виду великое значеніе добродѣтели въ жизни чело-

вѣка, утилитаризмъ даетъ ей столь же важное мѣсто, какъ своему главному принципу: общему счастью. Милль доказываетъ, что хотя добродѣтель, какъ преданность совокупнымъ интересамъ человѣчества, составляетъ лишь часть счастья, однако, будучи по своей сущности общеполезной во всякомъ случаѣ, можетъ служить общему счастью всегда, просто какъ добродѣтель. Поэтому утилитаристы являются такими же безкорыстными и чистыми приверженцами добродѣтели ради добродѣтели, какъ и приверженцы моральной философіи. Но изъ того, что добродѣтель становится, такимъ образомъ, столь же важною цѣлью утилитарной нравственности, какою она считалась прежде лишь въ интуитивномъ ученіи, еще не слѣдуетъ, что обѣ системы совпали: утилитаризмъ все-таки продолжаетъ ставить стремленіе къ добродѣтели въ одинъ рядъ съ другими стремленіями къ счастью, между тѣмъ какъ интуитивисты всю человѣческую жизнь подчиняютъ добродѣтели, не исключая и общаго счастья. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ стремленіе къ добродѣтели лишено главнаго своего руководителя и не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что добродѣтель въ разныхъ интуитивныхъ ученіяхъ толковалась различно и искала, въ видахъ пріобрѣтенія незыблемаго авторитета, сверхъестественнаго освященія, порождая при этомъ столь вредныя явленія, какъ фанатизмъ и аскетизмъ. Въ этихъ ученіяхъ добродѣтель изъ преданности общему счастью превращается въ предательство общаго счастья какимъ-либо мистическимъ интересамъ, принимаемымъ, по невѣжеству или по заблужденію, за главную цѣль человѣческой жизни. Но эти интересы—интересы вымышленные, фантастическіе, между тѣмъ какъ общее счастье—интересъ естественный, психологическій.

Мы до сихъ поръ разсматривали нравственныя отношенія въ смыслѣ споспѣшествованія достиженію общаго счастья; мы указывали на тѣ чувства и стремленія, которыя возбуждаютъ въ человѣческой природѣ желаніе личнаго и общаго счастья, и на тѣ обстоятельства въ общественной жизни, которыя способствуютъ исполненію этого желанія. Теперь намъ остается разсмотрѣть нравственныя отношенія еще въ другомъ смыслѣ, тоже весьма важномъ. Кромѣ желанія и возможности достигать общаго счастья, намъ важно также, чтобы люди шли къ этой великой цѣли не мѣшая другъ другу, чтобы каждый въ этой общей работѣ дѣлалъ свое дѣло безъ всякаго вреда другимъ. Обезпеченіе этого основного условія въ дѣлѣ стремленія къ счастью должно было, разумѣется, играть самую видную роль въ исторіи человѣческихъ обществъ, и вліяніе этого факта дѣйствительно сказалось на че-

ловѣческой природѣ столь сильно, что въ психической сферѣ человѣка мы имѣемъ особое понятіе и особое чувство для опредѣленія тѣхъ нравственныхъ отношеній или правилъ, соблюденіе которыхъ можетъ обезпечить требуемое условіе. Это понятіе и это чувство—понятіе и чувство *справедливости*.

Справедливость занимаетъ въ нравственной жизни человѣка самое видное мѣсто; на нее постоянно ссылаются во всѣхъ важныхъ событіяхъ жизни, и всѣмъ кажется, что она даетъ самыя ясныя и вѣрныя рѣшенія; о ней говорятъ какъ объ естественномъ инстинктѣ для отличенія справедливаго отъ несправедливаго; между нею и общеполезностью не хотятъ признавать ничего общаго, хотя справедливый поступокъ не можетъ не быть общеполезнымъ. Милль обратилъ на разныя объясненія справедливости особенное вниманіе и подробно доказалъ, что всѣ отдѣльные принципы справедливости допускаютъ въ разныхъ случаяхъ разное толкованіе, и что при практическомъ примѣненіи этихъ принциповъ каждая спорящая сторона можетъ остаться справедливою при своемъ принципѣ, и никакое дѣло, слѣдовательно, не двинулось бы съ мѣста, еслибъ не было такого общаго прибѣжища, какъ практичность или общеполезность. «Насъ постоянно увѣряютъ,—говоритъ Милль,—что *общеполезность* — недостовѣрный масштабъ, который объясняется разными людьми различно, и что есть только одинъ выходъ изъ недоразумѣній, это—неизмѣнныя, неизгладимыя и безошибочныя предписанія справедливости, которыя заключаютъ свою достовѣрность въ самихъ себѣ и независимы отъ колебаній мнѣнія». Но въ дѣйствительности и справедливость не отличается математическою точностью, и о справедливомъ спорятъ въ обществѣ такъ же горячо, какъ и о полезномъ. «Разныя понятія о справедливости существуютъ не только у разныхъ націй и разныхъ личностей, но даже въ умѣ одной и той же личности справедливость представляется не въ одномъ правилѣ или принципѣ, а во многихъ, предписанія которыхъ не всегда между собою согласны, и при выборѣ которыхъ личность руководится еще какимъ-нибудь внѣшнимъ масштабомъ или своими личными капризами». Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ общественной кары. Одни скажутъ вамъ, что наказывать людей ради примѣра другимъ несправедливо; что справедливо наказывать ради пользы самого караемаго; другіе утверждаютъ, напротивъ, что наказаніе людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, ради ихъ собственной пользы, есть деспотизмъ и несправедливость, такъ какъ только они сами могутъ судить о своихъ пользахъ и никто не имѣетъ права надзирать за ихъ мнѣніями; но ихъ можно нака-

зывать для предупрежденія вреда обществу, такъ какъ въ этомъ предупрежденіи общество воспользуется лишь своимъ законнымъ правомъ самозащиты. Но тутъ можетъ заявить защитникъ теоріи необходимости воли, что общественная кара совершенно несправедливое дѣло, такъ какъ характеръ преслѣдуемаго лица созданъ не преступникомъ, а самимъ обществомъ. Всѣ эти мнѣнія, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія одной справедливости, оказываются совершенно вѣрными и неопровержимыми, такъ какъ каждое изъ нихъ основано на признанномъ правилѣ справедливости. Первое указываетъ на несправедливость избранія одной личности для принесенія ея, безъ личнаго согласія, въ жертву интересамъ другихъ людей. Второе основано на признанной справедливости самозащиты и на несправедливости принужденія лица къ признанію чужихъ мнѣній о томъ, чтó хорошо ему самому; наконецъ,—защитникъ необходимости взываетъ къ общепринятому принципу, что несправедливо карать человѣка за то, чего онъ не могъ не сдѣлать. Всѣ эти объясненія показываютъ, что каждое изъ этихъ мнѣній давитъ и уничтожаетъ другое, пока держится своего принципа справедливости и не принимаетъ въ себя никакихъ другихъ соображеній. Такая путаница мнѣній встрѣчается въ вопросахъ справедливости всегда, если спорящія стороны имѣютъ цѣлью лишь рѣшеніе теоретической справедливости. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, въ книгѣ Милля есть еще три примѣра другихъ: о справедливой соразмѣрности наказаній съ преступленіями, о справедливой заработной платѣ въ кооперативномъ товариществѣ, о справедливомъ принципѣ распредѣленія налоговъ. Всѣ эти споры рѣшаются на практикѣ соображеніями общеполезности и примѣнимости: только общая польза даетъ этимъ справедливостямъ дѣйствительный нравственный смыслъ. Отвлеченная справедливость, ея оцѣнка и ея правила, взятыя сами по себѣ, могутъ имѣть нравственный смыслъ только въ примѣненіи къ практической жизни сообразно съ требованіями общей пользы. Общая же польза рѣшаетъ вопросъ справедливости даже въ примѣненіи къ законамъ, хотя сама идея справедливости была, въ первоначальной своей формѣ, не чѣмъ инымъ, какъ сообразностью съ закономъ—*законностью*. Древніе народы, полагавшіе, что законы исходятъ отъ сверхъестественныхъ существъ, иначе и не могли понимать справедливость. Но греки и римляне сообразили, что такъ какъ законы составляются людьми, то они могутъ быть столь же ошибочными и несоотвѣтствующими своему назначенію (требованіямъ общей пользы), какими бываютъ и другія дѣла рукъ человѣческихъ, — что, слѣдовательно, законность не всегда бы-

ваетъ справедливостью, и что могутъ быть такіе законы, нарушеніе которыхъ неспособно вызвать то чувство раздраженія, которымъ характеризуется справедливая месть. Справедливость или несправедливость закона тоже опредѣляется требованіями общественной пользы. Чувство несправедливости,—говоритъ Милль,—должно возбуждаться не противъ всѣхъ нарушеній закона, но только противъ нарушеній такихъ законовъ, которые *должны* существовать, со включеніемъ тѣхъ, которыхъ еще нѣтъ; оно должно возбуждаться также противъ самыхъ законовъ, если предполагается, что они противны тому, чтó должно быть закономъ. Всѣ законы, напримѣръ, устанавливавшіе давно неравенство въ видахъ достиженія какой-либо общественной цѣли, становились подъ конецъ, когда цѣль была достигнута, ненавистными, и когда ихъ отмѣняли, потомки изумлялись, какимъ образомъ ихъ отцы и дѣды могли жить подъ столь страшною тиранніей. Такимъ примѣромъ будетъ служить у насъ крѣпостное право, введенное съ цѣлью сдѣлать русскій народъ осѣдлымъ, но ставшее, въ концѣ-концовъ, безобразнымъ рабствомъ всей народной массы.

Какъ ни близки между собою области справедливости и просто полезной дѣятельности, однако онѣ легко раздѣляются между собою, въ особенности тѣмъ сильнымъ чувствомъ мести, которое вызывается всѣми несправедливостями. Милль представляетъ шесть такихъ положеній: 1) несправедливо лишать человѣка чего бы то ни было, чтó принадлежитъ ему по закону; 2) несправедливо лишать того, чтó принадлежитъ человѣку по нравственному праву; 3) несправедливо давать кому бы то ни было то, чего онъ не заслужилъ, и не давать того, чтó онъ заслужилъ; 4) несправедливо обманывать, нарушать договоръ, не исполнять обѣщаній и т. п.; 5) несправедливо оказывать пристрастіе тамъ, гдѣ его не должно быть; 6) несправедливо не оказывать равнаго покровительства правамъ всѣхъ, и вводить неравенство туда, гдѣ оно не общеполезно.

Во всѣхъ приведенныхъ нами несправедливостяхъ, противъ которыхъ протестуетъ каждое правило, заключается непремѣнно предположеніе о существованіи обиженнаго лица, и его нарушеннаго права. Это право, которому со стороны общества соотвѣтствуетъ нравственная обязанность его охраненія, составляетъ характеристическое отличіе справедливости при сравненіи ея съ остальною областью нравственности, гдѣ господствуетъ чувство общественности. Справедливость означаетъ нѣчто, чтó не только справедливо сдѣлать и несправедливо не сдѣлать, но чего можетъ требовать отъ насъ извѣстная личность, какъ своего нравственнаго

права. Напротивъ, въ области чистой нравственности (напримѣръ, въ великодушіи или благотворительности) мы дѣйствуемъ совершенно свободно, безъ всякаго внѣшняго принужденія. Конечно, въ видахъ общаго счастія, мы чувствуемъ желаніе, чтобы всѣ нравственные поступки были признаны *должными*, то-есть, чтобы вся область взаимныхъ сношеній между людьми была областью *долга*. Правда также, что, даже отдѣляя область справедливости отъ области свободной нравственной дѣятельности, мы все-таки настаиваемъ на понужденіи то въ формѣ общественнаго мнѣнія, то путемъ воспитанія личной совѣсти,—но тѣмъ не менѣе раздѣленіе остается; потому что, какъ полагаетъ Милль, интересы чистой нравственности всего лучше соблюдаются при свободѣ и когда самымъ прочнымъ образомъ укрѣплены интересы справедливости: взаимное сочувствіе между людьми необходимо крѣпчаетъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ довѣрія къ ихъ общей взаимной безопасности. Стремленіе къ общему счастію и сама общественная жизнь становятся невозможными, если за личностью не обезпечено право на безопасность всѣхъ ея живѣйшихъ интересовъ. Нарушеніе этого права вызываетъ въ человѣкѣ раздражительную идею несправедливости съ желаніемъ наказать вреднаго нарушителя безопасности.

Желаніе наказать исходитъ изъ двухъ чувствъ, въ высшей степени естественныхъ, и изъ которыхъ каждое походитъ на инстинктъ: изъ личнаго чувства самосохраненія и изъ общественнаго. Мстить и раздражаться противъ вреда, наносимаго намъ самимъ или тѣмъ, кому мы сочувствуемъ—дѣло совершенно естественное. Это чувство мы находимъ во всемъ животномъ мірѣ, такъ какъ каждый звѣрь старается навредить тому, кто ему вредитъ. Люди отличаются въ этомъ случаѣ лишь въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, своею способностью сочувствовать всему человѣческому и даже всѣмъ чувствующимъ существамъ; во-вторыхъ, люди обладаютъ болѣе развитымъ умомъ, который даетъ болѣе широкій просторъ всѣмъ чувствамъ, симпатическимъ ли, или лишь личнымъ исключительно. Благодаря своему высокому уму люди способны, даже помимо своего общественнаго чувства, признавать свои личные интересы общими съ интересами цѣлаго общества, и отдавать свою личную безопасность на общее дѣло безопасности всего общества. Та же причина, при помощи общественнаго чувства, привязываетъ человѣка къ интересамъ цѣлаго племени, цѣлой страны, или всего человѣчества, такъ что всякій вредъ, наносимый этимъ коллективнымъ единицамъ, возбуждаетъ человѣка къ сопротивленію. Чувство справедливости представляется

такимъ образомъ не чѣмъ инымъ, какъ животнымъ чувствомъ мести, пріобрѣтшимъ нравственное достоинство вслѣдствіе охраненія важнѣйшихъ общественныхъ интересовъ.

Нравственныя правила справедливости, запрещая людямъ вредить другъ другу, играютъ дѣйствительно первостепенную роль въ общественной жизни; они служатъ главнымъ элементомъ въ опредѣленіи всѣхъ общественныхъ чувствъ. Ими сохраняется миръ и согласіе между людьми, такъ какъ, не будь неповиновеніе этимъ правиламъ лишь исключеніемъ, и каждый человѣкъ въ обществѣ сталъ смотрѣть бы на другого, какъ на вѣроятнаго врага, противъ котораго ему было бы необходимо постоянно оберегаться. Имѣя въ виду столь страшное положеніе какъ для своей личной безопасности, такъ и для свободы своей дѣятельности, каждый человѣкъ, разумѣется, видитъ въ правилахъ справедливости и строгомъ исполненіи ихъ самый важный интересъ своей жизни. Оттого-то онъ готовъ употребить самыя сильныя средства противъ нарушителя этихъ правилъ и самъ возбуждается ими къ извѣстной нравственной стойкости. Вотъ почему съ идеей и чувствомъ справедливости соединенъ принципъ возмездія: зло за зло, добро за добро. Послѣднее правило кажется людямъ не столь яснымъ, какъ первое, но въ дѣйствительности человѣкъ, пользующійся чужими услугами, но самъ отказывающійся услужить въ минуту необходимости, наноситъ существенный вредъ, обманывая одно изъ самыхъ естественныхъ и разумныхъ ожиданій, которыя онъ самъ возбуждалъ, по крайней мѣрѣ молчаливо. Самыми страшными изъ этихъ обмановъ Милль находитъ обманъ въ дружбѣ и обманъ въ любви: «только немногія несправедливости крупнѣе этого лишенія взаимности; ни одна не возбуждаетъ столько мщенія, какъ въ самомъ страдающемъ лицѣ, такъ и въ сочувствующемъ наблюдателѣ».

Признавая долгомъ поступать со всѣми, какъ кто заслуживаетъ, воздавая добромъ за добро и подавляя зломъ зло, Милль приходитъ къ новому правилу справедливости: къ обхожденію со всѣми одинаково хорошо, если всѣ они одинаково хорошо того заслуживаютъ. Перенося это правило на все общество, мы получаемъ Миллевскій принципъ равенства: «общество должно обходиться со всѣми равно хорошо, если всѣ они равно хорошо служили ему, равно хорошо безусловно». Милль требуетъ, чтобъ къ этому «высшему отвлеченному началу общественной и распредѣлительной справедливости» стремились въ самой сильной степени всѣ учрежденія и усилія всѣхъ добродѣтельныхъ гражданъ. Начало равенства заключается въ самомъ значеніи общей пользы

или въ принципѣ высшаго счастія. Этотъ послѣдній принципъ былъ бы пустою безсмысленною фразою, еслибъ «счастіе одного лица, предполагаемое равнымъ по степени (съ допущеніемъ разности по роду), не считалось совершенно тѣмъ же, что счастіе другого». Съ исполненіемъ этого условія, Бентамово изреченіе: «каждый считается за одного, никто не больше чѣмъ за одного» могло бы быть написано подъ принципомъ общей пользы, какъ объяснительный комментарій... [1]).

Нравственная философія Милля основана, какъ мы видѣли, на важнѣйшихъ свойствахъ или чувствахъ человѣческой природы, и включаетъ въ себя всѣ лучшія нравственныя правила, выработанныя опытомъ исторической жизни. Цѣль ея: общее счастье— довольно опредѣленная и привлекательная, сама основана на томъ психологическомъ фактѣ, что человѣческой природѣ свойственно *желать* лишь какую-либо часть счастья или средства къ счастью. Милль указываетъ, наконецъ, на возможность достиженія если не общаго счастья, то общаго довольства. Правила, которыя онъ ставитъ приверженцамъ своего ученія, обнимаютъ собою все, чтó есть нравственнаго въ жизни, — правила ясныя, но не болѣе обременительныя, чѣмъ правила въ другихъ нравственныхъ философіяхъ. Однимъ словомъ, Милль даетъ въ своемъ утилитаризмѣ прочное зданіе доброй нравственности, могущей собственными силами воодушевлять и научать людей къ дружной общественной жизни и сильному охраненію личныхъ и общественныхъ интересовъ. Во всѣхъ своихъ предписаніяхъ утилитаризмъ совершенно самостоятеленъ, никуда не обращается за религіознымъ освященіемъ, какъ это часто дѣлаютъ другія моральныя философіи. Милль утверждаетъ, разумѣется, что его ученіе не *безбожное*, что если Богъ желаетъ прежде всего счастья своимъ созданіямъ, и что если таково именно было его намѣреніе при ихъ твореніи, — то утилитаризмъ не только не безбожная доктрина, но гораздо болѣе религіозная, чѣмъ всякая другая. Поэтому, какое бы пособіе ни оказывала религія (натуральная или откровенная — все равно) нравственнымъ изслѣдованіямъ, оно всегда открыто утилитаристу точно такъ же, какъ всѣмъ другимъ моралистамъ. «Онъ можетъ пользоваться имъ, какъ свидѣтельствомъ Бога о полезности или вредности даннаго ряда поступковъ, съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ могутъ пользоваться имъ другіе

---

[1]) Сравн. Utilitarianism; глава 5.

для указанія трансцендентальнаго закона, не имѣющаго никакой связи ни съ полезностью, ни съ счастьемъ» [1]).

При многочисленности разныхъ религій, какъ христіанскихъ, такъ и не-христіанскихъ, существующихъ въ настоящее время и толкующихъ нравственность каждая по своему, дѣйствительнымъ руководителемъ человѣческой нравственности можетъ быть лишь такое ученіе, которое выводитъ правила и ставитъ цѣль жизни при помощи выводовъ науки, и основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Правда, что такое ученіе не можетъ рѣшительно утверждать, что прогрессъ долженъ придти къ опредѣленному результату, но для практической жизни достаточно знать, по какому направленію онъ идетъ и допускаетъ ли осуществленіе лучшихъ стремленій психической природы человѣка. Предположенія Милля относительно этихъ запросовъ практической жизни составлены и подтверждены по всѣмъ правиламъ современной науки, и если, по его мнѣнію, они могутъ нуждаться въ религіозномъ освященіи, то лишь ради пріобрѣтенія наибольшей силы въ пропагандѣ. Такая религія должна себѣ ставить цѣлью цѣль утилитарнаго ученія: общее счастье. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что изъ всѣхъ религій, какія когда-либо проповѣдывались на земномъ шарѣ, Миллю понравилась больше всего религія Огюста Конта, которая однако руководствуется въ своей проповѣди общаго счастья не тѣмъ принципомъ человѣческой природы, который предпочитается Миллемъ. Контъ будитъ въ человѣкѣ *альтрюизмъ*, требуя, чтобы люди жили для другихъ (vivre pour autrui); Милль также восхищается общественнымъ свойствомъ человѣка, какъ гарантіей общественныхъ интересовъ, но выше всего онъ ставитъ личность человѣка и безъ «самодержавія личности надъ своимъ тѣломъ и душою» (over his own body and mind, the individual is sovereign) онъ не понимаетъ возможности общаго счастья. Изъ письма Джона Морли (редактора «Fortnightly Review»), въ которомъ описывается послѣднее свиданіе Морли съ Миллемъ, очевидно, что Милль полагалъ, что есть двѣ вещи, которыя способны возбудить людей къ надѣленію этихъ вещей нравственнымъ авторитетомъ религіи, имѣющей основаться на принципѣ единства человѣческаго рода: «во-первыхъ, люди будутъ все сильнѣе чувствовать и все яснѣе представлять себѣ тотъ странный фактъ, что какая-нибудь частица сегодняшняго поведенія можетъ стать предметомъ проклятій мужчинъ и женщинъ будущихъ поколѣній и даже цѣлыхъ вѣковъ послѣ смерти автора злого дѣла; — во-вторыхъ, люди будутъ все

[1]) Utilitarianism, глава 2.

болѣе чувствовать, что они могутъ удовлетворить свое чувство благодарности къ видимымъ или невидимымъ благодѣтелямъ или отплатить за наслѣдованныя ими неисчислимыя благодѣянія не иначе, какъ усерднымъ сохраненіемъ преданій почитанія» [1]).

Милль былъ увѣренъ, что *солидарность человѣчества*, какъ принципъ религіознаго почитанія, можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ «идеальнаго предмета, преданность и чувство долга къ которому способны контролировать и дисциплинировать всѣ чувства и склонности вѣрующаго, и предписывать ему правила жизни». Этотъ идеалъ «восходитъ въ неизвѣстныя отдаленности прошлаго, обнимаетъ многоразличное настоящее и нисходитъ въ неопредѣленное и непредвидимое будущее. Составляя *собирательное бытіе* безъ конца и безъ начала, онъ взываетъ къ чувству безконечнаго, которое глубоко укоренено въ человѣческой природѣ и кажется необходимымъ для обаятельности всѣхъ нашихъ высшихъ идей. Изъ огромной развертывающейся ткани человѣческой жизни, часть, наиболѣе намъ извѣстная, безвозвратно прошла; ей мы не можемъ служить, но любить ее еще можемъ: она заключаетъ въ себѣ наибольшее число тѣхъ, которые любили насъ или отъ которыхъ мы получали благодѣянія, и длинный рядъ тѣхъ, которые своими трудами и жертвами въ пользу человѣчества, заслужили вѣчную и благодарную память... Великіе умы, даже теперь, живутъ въ мысли съ великими мертвыми гораздо болѣе, чѣмъ съ живыми, и, кромѣ мертвыхъ, съ тѣми идеальными человѣческими существами, которыя еще будутъ, но которыхъ имъ не суждено увидѣть. Если мы почитаемъ, какъ должны, тѣхъ, которые служили человѣчеству въ прошломъ, мы почувствуемъ тогда, что и мы трудимся для этихъ благодѣтелей своею службою тому, чему посвящали они свою жизнь. И когда мышленіе, руководимое исторіей, научаетъ насъ тѣсной связи каждаго вѣка съ каждымъ другимъ, показывая намъ въ земномъ назначеніи человѣчества игру великой драмы или актъ продолжительной эпической поэмы,—то всѣ поколѣнія человѣчества неразрывно сливаются въ одинъ образъ, соединяя всю власть, какую можетъ имѣть надъ умомъ идея прошедшаго, съ нашими лучшими чувствами къ живому міру, насъ окружающему, и къ предшественникамъ, которые сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы есть» [2]).

Милль полагаетъ, что развитіе почитанія человѣческой жизни и дѣятельности въ столь возвышенной или религіозной формѣ

---

[1]) „The Fortnightly Review", June 1, 1873, стр. 676.

[2]) „The Westminster Review", July, 1865, стр. 8, 9.

можетъ значительно усилить въ людяхъ стремленіе къ самосовершенствованію ради счастья всего человѣчества. И онъ не забываетъ упомянуть, что самъ Контъ, противопоставляя свое «*Grand Être*» идеально совершенному Божеству, видѣлъ въ первомъ низшее Провидѣніе относительно другого, Высшаго Провидѣнія, къ которому можно оказывать справедливое почитаніе и благоговѣніе лишь нашею любовью и преданностью къ первому, то-есть къ человѣчеству, осыпавшему насъ столь многими благодѣяніями, которыми мы обязаны трудамъ и добродѣтели прежнихъ поколѣній [1]).

Стремленіе Милля создать предметъ религіознаго обожанія исходитъ, разумѣется, изъ желанія возбудить въ людяхъ наибольшее рвеніе къ достиженію высшихъ нравственныхъ цѣлей. Между тѣмъ изъ «Автобіографіи» Милля извѣстно, что онъ былъ человѣкомъ, который хотя «не отказывался отъ религіозной вѣры, но никогда не имѣлъ ея», и который неутомимо преслѣдовалъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ клерикальныя притязанія и клерикальную точку зрѣнія. Имѣя эти факты передъ глазами, нѣкоторые слѣпые приверженцы клерикальнаго начала упрекали Милля въ непослѣдовательности, между тѣмъ какъ другіе, державшіеся того самаго направленія, къ которому первые приравнивали Милля, увѣряли, что Милль будто бы дѣйствуетъ двусмысленно изъ боязни британскаго общественнаго мнѣнія, закоснѣлаго въ религіозномъ лицемѣріи. Но, въ дѣйствительности, Милль понималъ религію совсѣмъ не такъ, какъ толковали эти цѣнители его произведеній. Онъ не находилъ ничего неестественнаго въ существованіи религіознаго чувства и указывалъ на примѣръ французской революціи, которая, разрушивъ церковь, нисколько не повредила дѣйствительнымъ религіознымъ интересамъ. Исторія показываетъ, сверхъ того, что религіозное чувство можетъ совершать дѣйствительно великія дѣла. Въ наше время Милль одобрялъ даже современное стремленіе на Западѣ къ чистому деизму. Когда ему возразили, что такое стремленіе замедляетъ прогрессъ отвлеченіемъ умовъ нѣкоторыхъ лучшихъ людей отъ общественныхъ дѣлъ, Милль отвѣчалъ, что, помимо вопроса объ истинѣ, это стремленіе полезно, какъ предварительная вѣра, подготовляющая людей къ отождествленію общеполезнаго служенія людямъ съ служеніемъ Богу [2]). Наконецъ, Милль не отказывался подавать совѣты даже членамъ англиканской церкви, если можно было предположить, что эти члены смотрѣли на религію, какъ

[1]) Тамъ же, стр. 6.

[2]) „The Fortnightly Review“, June 1, 1873, стр. 676.

на орудіе человѣческаго совершенствованія. Въ рѣчи, произнесенной имъ, въ сентъ-эндрюзскомъ университетѣ, 1-го февраля 1867 года, Милль, между прочимъ, сказалъ, обращаясь къ богословскому факультету:

«Тѣ изъ васъ, которые назначены въ духовную профессію, должны держаться извѣстнаго числа доктринъ столь строго, что съ потерею вѣры въ эти доктрины имъ нельзя будетъ оставаться въ положеніи, въ которомъ бы имъ пришлось поучать неискренно. Но употребите ваше вліяніе на то, чтобы такихъ доктринъ стало возможно меньше. Несправедливо подкупать людей, чтобы они дѣйствовали противъ убѣжденія, оставались глухими къ возраженіямъ, или, несмотря на убѣдительность возраженій, продолжали заявлять полную и непоколебимую вѣру, когда ихъ вѣрованіе уже поколеблено. Но справедливо также, если люди честно заявляютъ о перемѣнѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ религіозныхъ мнѣній, чтобы эта честность непремѣнно исключала ихъ отъ всякаго участія въ духовномъ воспитаніи націи, къ которому они прекрасно подготовлены. Стремленіе вѣка идетъ къ ослабленію формальностей и къ менѣе строгому толкованію основныхъ церковныхъ постановленій. Это самое обстоятельство, разрушая опредѣленность границъ государственной церкви и побуждая каждаго ставить себѣ особую границу, затрудняетъ личную совѣсть. Но я вполнѣ соглашаюсь съ тѣми священниками, которые предпочитаютъ оставаться въ государственной церкви до тѣхъ поръ, пока они способны принимать ея постановленія и уставы въ какомъ-либо смыслѣ или объясненіи, согласномъ съ обычною честностью и все равно—будетъ ли то объясненіе всѣми принятое, или иное. Если изъ церкви уйдутъ всѣ, кто придаетъ условіямъ ея исповѣданія широкое и либеральное значеніе, или кто желалъ бы расширенія этихъ условій,—то національное пособіе для религіознаго обученія и богослуженія попадетъ въ руки лишь тѣхъ, кто придаетъ церковнымъ постановленіямъ самый узкій, самый буквальный и чисто-текстовой взглядъ, кто, хотя сами не суевѣры, должны будутъ находиться подъ давленіемъ союза съ суевѣрами, и кто, несмотря на всѣ свои великія заслуги, не становятся людьми, способными улучшить церковь даже тогда, когда подобное улучшеніе возможно. Итакъ, еслибъ я не счелъ невѣжливымъ съ моей стороны дать совѣтъ въ подобномъ дѣлѣ, я сказалъ бы: пусть всѣ останутся въ церкви, кто можетъ остаться по совѣсти. Церковь улучшается внутри гораздо легче, чѣмъ извнѣ. Почти всѣ знаменитые реформаторы религіи начинали священниками, но они не полагали, что ихъ духовная профессія не

соотвѣтствуетъ будто бы преобразовательной дѣятельности. Правда, что большинство ихъ окончило свои дни внѣ церквей, въ которыхъ они родились, но такъ случилось потому, что церкви сами, въ злую для себя минуту, исключили ихъ. Сами же они не считали нужнымъ удаляться» [1]).

Философія, которой держался Милль, также не позволяла ему отвергать все сверхъестественное. Признавъ человѣческое знаніе относительнымъ и указавъ его непосредственные предѣлы, Милль не могъ не признать еще многаго такого, что̀ можетъ существовать и что̀ мыслимо, но что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ недоступно нашему знанію. Прямое отрицаніе существованія этихъ вещей могло бы ввесть въ ошибку. Говоря о мнѣніи Конта, что всякое реальное знаніе о началѣ міра недоступно для человѣческихъ способностей, Милль прямо говоритъ, что «положительный способъ мышленія не есть непремѣнное отрицаніе сверхъестественнаго; онъ только отбрасываетъ назадъ вопросъ о началѣ всѣхъ вещей. Если вселенная имѣла начало,—ея начало, по самымъ условіямъ факта, было сверхъестественное; законы природы не могутъ объяснить своего собственнаго происхожденія... Положительная философія утверждаетъ, что внутри существующаго порядка вселенной, или ея части, доступной нашему знанію, прямая опредѣляющая причина каждаго явленія не сверхъестественнаго свойства, но естественнаго. Согласно съ этимъ утвержденіемъ можно вѣрить, что вселенная создана и даже безпрерывно управляется разумомъ, если допустить, что разумный управитель придерживается установленныхъ законовъ, которые измѣняются или пріостанавливаются лишь подъ вліяніемъ другихъ законовъ той же сущности, и отъ которыхъ никогда не можетъ быть никакого отступленія. Всякій, кто видитъ въ явленіяхъ лишь части постояннаго порядка, изъ которыхъ каждая служитъ неизмѣннымъ послѣдующимъ какого-либо предыдущаго условія или сочетанія условій — вполнѣ принимаетъ положительный способъ мышленія, и это все равно — признаетъ ли онъ, или нѣтъ, существованіе всеобщаго предыдущаго, первоначальнымъ послѣдующимъ котораго была вся система природы; все равно также, признается ли этотъ всеобщій предыдущій разумомъ или нѣтъ» [2]).

Юр. Россель.

---

[1]) См. Inaugural Address.

[2]) „The Westminster Review“, April, 1865, стр. 346, 347.

КУЙ ЖЕЛѢЗО ПОКА ГОРЯЧО

Новый англійскій романъ.

„*Taken at the flood*“, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XLVIII *).

Торжество Сильвіи.

Послѣ взрыва страсти на кладбищѣ, освѣщенномъ луной, Эдмондъ Стенденъ ушелъ домой уничиженный, терзаемый угрызеніями совѣсти и такой несчастный, какимъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя въ жизни. Мысль, что Сильвія снова принадлежитъ ему, возбуждала въ немъ чувство не торжества, но глубокаго стыда. Онъ чувствовалъ себя какъ бы воромъ, карманы котораго биткомъ набиты краденымъ золотомъ. Радость обладанія заглушалась мучительнымъ сознаніемъ своей виновности. Его счастіе, его сокровище, единственный предметъ, котораго онъ страстно желалъ, былъ ему возвращенъ, но за такую дорогую цѣну, что утрачивалъ всю свою прелесть.

Недолго оставался онъ на Перріамскомъ кладбищѣ послѣ рокового сознанія въ своей слабости. Онъ поцѣловалъ блѣдный лобъ, милыя розовыя губки, какъ цѣловалъ ихъ въ былые дни; заглянулъ въ глубину ясныхъ очей, пытаясь прочитать, что̀ скрывалось въ ихъ глубинѣ, и распрощался съ Сильвіей. Онъ хотѣлъ-

---

*) См. выше: янв. 331; февр. 763; мар. 231; май, 251; іюнь, 705; іюль, 305 стр.

было проводить ее до дверей ея дома, но она ему этого не позволила. О будущемъ никто изъ нихъ не заговаривалъ. Она была болѣе нежели довольна. Она ликовала въ душѣ, потому что разстроила бракъ Эсѳири Рочдель съ ея бывшимъ женихомъ. Послѣ сегодняшняго признанія онъ не посмѣетъ жениться на миссъ Рочдель. Отнынѣ онъ принадлежалъ ей, Сильвіи Перріамъ.

Поэтому она не обидѣлась его торопливымъ и смущеннымъ прощаніемъ. Она знала, что онъ сожалѣетъ о томъ, чтó сдѣлалъ. Это позднее раскаяніе нисколько не тревожило ее. Дѣло было сдѣлано.

Уединясь въ свои покои, она предалась восторгамъ радости. Она кротко улыбалась себѣ въ зеркало, расчесывая свои длинные волосы въ уборной, которую превратила въ храмъ женской роскоши. Какую побѣду одержала она надъ своимъ заклятымъ врагомъ, миссисъ Стенденъ. Какъ измѣнилось ея положеніе съ тѣхъ поръ, какъ спѣсивая вдова соблаговолила сдѣлать визитъ къ дочери сельскаго школьнаго учителя въ знакъ снисхожденія и примиренія съ ней.

«Явится ли она ко мнѣ съ визитомъ теперь, когда узнаетъ, что Эдмондъ все-таки женится на мнѣ?» гадала Сильвія. — «Не думаю. Врядъ ли она рѣшится патронировать лэди Перріамъ».

О раненомъ или, быть можетъ, разбитомъ сердцѣ Эсѳири Рочдель Сильвія вовсе не думала. Разбитыя чужія сердца никогда не тревожили ее. Кромѣ того, она всегда ненавидѣла миссъ Рочдель. Она ненавидѣла ее за то, что та была богаче ея, а главное за то, что она была лучше, чище, правдивѣе.

Она позвонила, и когда пришла ея горничная,—у ней была теперь своя горничная,—то велѣла прислать къ ней миссисъ Картеръ. Она была въ довѣрчивомъ расположеніи духа, а ей не съ кѣмъ было подѣлиться своими впечатлѣніями, кромѣ этой женщины.

Миссисъ Картеръ мигомъ явилась на этотъ непривычный зовъ. Она тщательно притворила за собой дверь, подошла къ креслу Сильвіи и склонилась надъ ней съ нѣжнымъ взглядомъ, которому застѣнчивость придавала трогательное выраженіе.

— Лучше ли вамъ, мое сокровище?—кротко спросила она.

— Лучше ли? Мнѣ совсѣмъ хорошо. Чтó, вашъ паціентъ спитъ?

— Да, онъ спитъ съ девяти часовъ.

— Онъ крѣпко спитъ, не правда ли?—спросила Сильвія.

— Очень крѣпко. Слава Богу, ночью ему очень покойно.

— А днемъ,—сказала Сильвія съ разсерженнымъ взглядомъ.—

Я полагаю, что и днемъ его спокойствіе не нарушается. Вы удовлетворяете всѣ его нужды... чего еще онъ можетъ желать?

— Я стараюсь изъ всѣхъ силъ, чтобы ему было покойно и даже исполняю, по-возможности, всѣ его капризы. Но, не смотря на это...

— Ну, что же дальше?—спросила Сильвія нетерпѣливо, когда миссисъ Картеръ умолкла, нервно играя шнуркомъ своего хорошенькаго, чернаго шелковаго передничка.

Она всегда тщательно заботилась о своемъ костюмѣ... никто и никогда не видѣлъ ее растрепанной. Досуги ея монотонной жизни дозволяли ей тратить время на свою особу.

— Не смотря на всѣ мои заботы, онъ чувствуетъ себя по временамъ очень несчастнымъ,—произнесла она.

Сильвія пожала плечами и отвернулась отъ нея съ жестомъ нетерпѣнія.

— Я полагаю, что характеръ его болѣзни дѣлаетъ его несчастнымъ,—отвѣчала она холодно.

— Не думаю, чтобы одно это.

— Чего же ему нужно?

— Нѣсколько болѣе свободы.

Леди Перріамъ повернулась къ ней съ бѣшенымъ взглядомъ. Хорошенькое личико ея дышало гнѣвомъ.

— Я запрещаю вамъ разъ навсегда говорить о немъ,—произнесла она. — Дѣлайте свое дѣло. Вамъ за это платятъ, и щедро платятъ. Но не приходите напѣвать мнѣ о томъ, что онъ будто бы несчастливъ... точно мои интересы—послѣднее для васъ дѣло.

— Справедливо ли говорить это, Сильвія, послѣ того, что я для васъ сдѣлала?

— Вы раздѣлываете сдѣланное всякій разъ, какъ о немъ упоминаете. Услуга перестаетъ быть услугой, когда ею безпрестанно попрекаютъ человѣка.

— Какъ часто попрекали вы меня своими благодѣяніями,—возразила мать съ горечью.—Зачѣмъ вы позвали меня сегодня вечеромъ, если намѣрены обижать меня?

— Я не хотѣла васъ обижать, но вы разсердили меня, заговоривъ о ненавистномъ для меня предметѣ.

— Но вѣдь вы, Сильвія, сами спросили меня.

— Вамъ бы слѣдовало имѣть побольше такта. Я хотѣла прямого отвѣта на свой вопросъ, но вовсе не желала упрековъ или жалобъ.

Миссисъ Картеръ поглядѣла на лэди Перріамъ съ тѣмъ полуудивленнымъ, полу-огорченнымъ выраженіемъ, которое часто по-

являлось у ней на лицѣ. Она думала объ удивительномъ сходствѣ между характеромъ отца и дочери. И тотъ и другая были несправедливыми эгоистами... и тотъ и другая были совсѣмъ равнодушны къ чужому горю.

Лэди Перріамъ перестала сердиться и сообщила матери о своемъ торжествѣ. Она сдѣлала это не изъ любви къ матери, которую удостоила признать со времени своего вдовства, и въ уединеніи своихъ покоевъ... причемъ весь маленькій міровъ Перріамъ-Плэса считалъ мать Сильвіи только нанятой сидѣлкой. Она сдѣлала это не подъ вліяніемъ дочерней любви, но единственно изъ желанія поговорить съ кѣмъ-нибудь, найти сочувственнаго слушателя, кому бы передать повѣсть о томъ, какъ женская хитрость восторжествовала надъ честью мужчины.

— Только тогда, когда я отказалась отъ него, я привела его къ своимъ ногамъ,—сказала она, окончивъ свой разсказъ.

— До того онъ былъ твердъ, какъ гранитъ. Я сказала ему, чтобы онъ шелъ къ Эсөири Рочдель. Онъ увидѣлъ, что я ухожу отъ него... и въ слѣдующій моментъ я была въ его объятіяхъ и онъ сталъ такъ же мнѣ близокъ, какъ когда мы прощались у могилы де-Боссина. Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову пригласить его на кладбище. Обстановка пробудила въ немъ прежнія чувства. И теперь онъ снова мой... мой Эдмондъ, и я настолько богата, что могу плюнуть на деньги миссисъ Стенденъ. Мы женимся, какъ только исполнится годъ моему трауру, и онъ придетъ, и своимъ присутствіемъ освѣтитъ для меня этотъ мрачный домъ. Я перестану бояться, когда онъ будетъ со мной. Пусть наступитъ худшее: онъ будетъ моимъ покровителемъ.

Миссисъ Картеръ серьёзнымъ взоромъ глядѣла на нее въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, и затѣмъ упала на колѣни передъ ея кресломъ, сжала ея руки и вскричала, глядя съ умоляющимъ видомъ въ ея лицо:

— О, Сильвія! зачѣмъ Господь наградилъ тебя всѣмъ, кромѣ сердца и совѣсти? Я терзаюсь, когда слышу твои рѣчи. Я бы желала лучше видѣть тебя разстроенной, убитой, чѣмъ слышать, какъ ты толкуешь о счастіи... мечтаешь о счастливомъ будущемъ... и знать про то, чтó мнѣ извѣстно...

ГЛАВА XLIX.

„Хуже смерти“.

Сонъ не смыкалъ глазъ Эдмонда Стендена въ эту ночь. Глаза его щипало, точно онъ глядѣлъ пристально на самое яркое пламя. Онъ и не пробовалъ ложиться спать, а просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ письма до тѣхъ поръ, пока пѣтухи на птичьемъ дворѣ Деканова дома не начали привѣтствовать утра своимъ крикомъ и имъ не откликнулись другіе пѣтухи изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Только разъ оторвался онъ отъ своего занятія... чтобы потушить свѣчи и поднять штору. Какъ холодно и мрачно глянуло ему въ лицо утро... даже лѣтняя природа подернулась для него какой-то дымкой.

Было ровно шесть часовъ, когда онъ запечаталъ послѣднее письмо... онъ написалъ ихъ цѣлыхъ три... сложилъ письма въ кучку на каминѣ, гдѣ ихъ нельзя было не примѣтить въ ихъ большихъ, дѣлового вида конвертахъ. Въ половинѣ шестого онъ одѣлся и уложилъ свой чемоданъ. Онъ велѣлъ безъ шума снести его по широкой лѣстницѣ и пронести по длинному корридору прямо къ конюшнѣ. Здѣсь было кому ему помочь, потому что и кучеръ и грумъ уже встали. Онъ велѣлъ заложить кабріолетъ, положилъ въ него свой чемоданъ и уѣхалъ, когда часы пробили семь. Все время сердце его трепетно билось. Эсѳирь и его мать вставали рано. Та или другая могла услышать стукъ колесъ и увидать, что онъ уѣзжаетъ. Однако это было бы не важно. Гнусная истина скоро, скоро обнаружится.

— Я не зналъ, что вы уѣзжаете сегодня поутру, сэръ, а не то заранѣе запрягъ бы лошадь,—сказалъ грумъ заботливо.

— Я самъ этого не зналъ до вчерашняго вечера. Я уѣзжаю въ Германію на нѣсколько мѣсяцевъ по дѣлу. Да, кстати, Эвансъ, когда вы отвезете меня на станцію, то вернитесь домой, какъ можно скорѣе и скажите Джэнъ, чтобы она отдала матушкѣ письма, которыя найдетъ въ моемъ кабинетѣ на каминѣ. Она вѣроятно уже найдетъ ихъ къ тому времени, какъ вы вернетесь, но вѣдь возможно также, что она ихъ и проглядитъ.

На Монкгемптонской станціи м-ръ Стенденъ встрѣтилъ одного знакомаго. Въ какое бы время вы ни уѣзжали изъ провинціальнаго города, всегда найдется какой-нибудь знакомый, который соберется уѣзжать какъ разъ въ тотъ самый часъ, какъ и вы. М-ръ Стенденъ отвѣчалъ довольно коротко и непривѣтливо на

обычные разспросы: далеко ли и на долго ли онъ уѣзжаетъ? Онъ сѣлъ въ другой вагонъ, чѣмъ его знакомый, и вообще велъ себя нелюбезно. Онъ слишкомъ былъ сердитъ на самого себя, чтобы быть вѣжливымъ съ другими. Что онъ дѣлалъ? Бѣжалъ отъ послѣдствій своего проступка! подло и трусливо спасался отъ безчестія, какое навлекъ на себя! Онъ не въ силахъ былъ взглянуть Эсѳири въ лицо и сказать ей, какъ онъ ее обманулъ. Онъ не могъ перенести мысли, что ея кроткія глазки, никогда не глядѣвшіе на него сердито, отуманятся слезами. Онъ могъ представить себѣ, какъ поблѣднѣетъ это личико, но не могъ вынести этого зрѣлища. Онъ написалъ своей бывшей невѣстѣ длинное, страстное, отчаянное письмо, гдѣ каялся во всемъ, мѣшая себя съ грязью, но не смягчая горькой истины. Онъ ошибался, когда вообразилъ, что излечился отъ своей первой роковой страсти; онъ обманывалъ самого себя, когда вообразилъ, что любитъ ее... тяжкое, унизительное признаніе для мужчины, произносящаго его, и обидное для женщины, выслушивающей его.

Онъ уѣхалъ въ Лондонъ съ раннимъ курьерскимъ поѣздомъ, спѣша отъѣхать подальше отъ дому, прежде чѣмъ Эсѳирь Рочдель получитъ письмо.

Никто не слыхалъ отъѣзда Эдмонда Стендена. Жизнь шла обычнымъ, методическимъ образомъ въ этомъ спокойномъ, аккуратномъ домѣ, хотя молодой человѣкъ и велѣлъ запречь кабріолетъ и уѣхалъ такимъ неожиданнымъ образомъ. Прислуга, настолько респектабельная, что не была почти и любопытна, заключила, что этотъ ранній отъѣздъ давно рѣшенное дѣло. М-ръ Стенденъ собирался постранствовать въ чужихъ краяхъ, прежде чѣмъ жениться и стать осѣдлымъ, провинціальнымъ джентльменомъ. Миссисъ Стенденъ была всегда несообщительна. Она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя повѣряютъ свои тайны горничной или жалуются на свою судьбу передъ кухаркой. Прислугѣ Деканова дома жилось хорошо. Она получала хорошее жалованье и заботливый уходъ, когда бывала больна, но ее держали на почтительномъ разстояніи и она не столько любила, сколько уважала свою госпожу.

Эсѳирь спустилась внизъ около семи часовъ, ровно черезъ пять минутъ послѣ того, какъ кабріолетъ увезъ ея невѣрнаго жениха. Она сошла въ садъ, прошлась по аллеѣ, усыпанной пескомъ, нарвала букетъ изъ розъ, думая невеселую думу объ Эдмондѣ. Онъ казался скучнымъ и усталымъ въ послѣднее время... какъ будто охладѣлъ къ ихъ долгимъ прогулкамъ, занятіямъ музыкой,

маленькимъ семейнымъ радостямъ. Его заваливаютъ работой въ банкѣ. Да, это такъ. Онъ теперь всегда пріѣзжаетъ усталый.

Эсѳирь обошла садъ и огородъ, пригласила Тротти, старшую изъ племянницъ Эдмонда, прогуляться съ собой по полямъ, и изъ всѣхъ силъ старалась успокоить Тротти насчетъ присутствія мирныхъ бурыхъ и красныхъ коровъ, медленные взгляды которыхъ повергали Тротти въ неописанный ужасъ, и затѣмъ, поручивъ Тротти нянькѣ, тихо прошла въ домъ.

Бываютъ дни, когда грустныя мысли приходятъ незванныя. Когда Эсѳирь Рочдель входила въ стеклянную дверь, въ умѣ ея промелькнуло воспоминаніе о томъ лѣтнемъ утрѣ, когда Эдмондъ объявилъ ей о своей помолвкѣ на Сильвіи Керью. Простое воспоминаніе объ этомъ сообщеніи заставило ее вздрогнуть отъ боли. Она помнила, какъ ей тяжело было выслушать Эдмонда и какого труда ей стоило скрыть отъ него свое страданіе.

«Не думаю, чтобы я могла перенести другой ударъ подобнаго рода», сказала она самой себѣ. «Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ довелось опять такъ страдать, то страданіе убило бы меня. Но съ какой стати приходятъ мнѣ въ голову такія фантазіи, когда все перемѣнилось съ тѣхъ поръ и я вполнѣ счастлива?»

Она пыталась прогнать мысли, казавшіяся просто безумными, вошла въ столовую и, тихонько напѣвая одну изъ любимыхъ мелодій Эдмонда, принялась связывать букетъ.

Миссисъ Стенденъ не сидѣла за самоваромъ съ открытымъ молитвенникомъ, какъ это бывало обыкновенно. Она стояла у стола съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ и читала письмо.

Джэнъ, служанка, входила въ комнату съ подносомъ какъ разъ въ ту самую минуту, когда Эсѳирь возвращалась изъ сада.

— Скажите, что я чувствую себя нездоровой и не могу читать молитвы сегодня утромъ,—сказала миссисъ Стенденъ, не отводя глазъ отъ письма.

Служанка слегка изумилась. Нездоровье, если оно не было особенно серьёзнаго свойства, никогда не мѣшало миссисъ Стенденъ въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ.

Она читывала молитвы, страдая мигренью и невралгіей, изнемогая отъ катарра; между тѣмъ сегодня утромъ она казалась и сильной и здоровой, а говорила, что слишкомъ больна для того, чтобы исполнить эту обязанность.

— Не случилось ли какой бѣды, тётя? спросила Эсѳирь, волнуясь.

Блѣдное лицо тетки испугало ее. Не горе, а гнѣвъ исказили его черты.

— Случилась большая бѣда,—возразила миссисъ Стенденъ.— Мой единственный сынъ... мой любимый сынъ... подлецъ и негодяй!

— Тётя, вы съ ума сошли! вскричала Эсѳирь, охватывая руками суровую фигуру и дико взглядывая въ блѣдное, но рѣшительное лицо.

Страшныя мысли мелькнули у нея въ умѣ. Эдмондъ поддѣлалъ ассигнаціи или документы, или сдѣлалъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Служащіе въ банкахъ такъ часто поддѣлываютъ ассигнаціи. Это было какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ ихъ довѣреннаго положенія. Онъ былъ преступникъ... его отвели въ тюрьму. Но что̀ бы съ нимъ ни случилось, она была его нареченной женой и не покинетъ его ни въ ссылкѣ, ни на эшафотѣ, еслибы таковой угрожалъ ему.

— Чѣмъ бы онъ ни былъ, что̀ бы онъ ни сдѣлалъ, я все-таки же люблю его,—сказала она высокомѣрно съ той упрямой гордостью, какую внушаетъ женщинамъ ихъ преданность недостойному человѣку.

— Бѣдное дитя,—воскликнула миссисъ Стенденъ съ горькимъ, полу-презрительнымъ состраданіемъ.—Онъ не нуждается въ твоей любви, не цѣнитъ твоей преданности. У него есть то, что̀ ему нужно: любовь негодной женщины.

— Тётя!—закричала дѣвушка, широко раскрывая глаза и вытягивая впередъ руку, какъ бы затѣмъ, чтобы отклонить отъ себя ударъ.

Догадка о томъ, что̀ случилось, мелькнула въ ея умѣ.

— Тётя,—повторила она жалобно:—что̀ онъ сдѣлалъ?

— Отвернулся отъ тебя изъ-за Сильвіи Керью, ахъ! бишь, лэди Перріамъ. Но вотъ, лучше прочитай письмо, которое онъ тебѣ пишетъ, и посмотри, какъ-то онъ извиняется передъ тобой. Въ письмѣ ко мнѣ онъ старается объяснить свое поведеніе, но не оправдывается. Онъ слишкомъ уменъ для этого. Но онъ не сынъ мнѣ больше. Я отказываюсь отъ него навѣки.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—закричала дѣвушка.—Нѣтъ, вы не должны отказываться отъ него за зло, причиненное мнѣ. Онъ вашъ сынъ и останется навсегда вашимъ сыномъ. Вѣдь материнская любовь тѣмъ именно и отличается, что переживаетъ всякую другую любовь. Вы его мать и не можете изгнать его изъ своего сердца. Вы не могли бы этого сдѣлать, будь онъ самый порочный изъ людей. Гдѣ письмо?

Она почти машинально протянула руку, чтобы взять письмо, лежавшее передъ ней на подносѣ, какъ будто оно было пріят-

нѣйшее въ мірѣ письмо, а не змѣя, уязвившая Клеопатру и преобразившаяся въ лоскутокъ почтовой бумаги. Затѣмъ спросила, жалобно взглянувъ на миссисъ Стенденъ:

— Зачѣмъ онъ мнѣ пишетъ? развѣ онъ не могъ лично сказать мнѣ это? Неужели онъ думалъ, что я стану упрекать его?

— Онъ устыдился своего позора, Эсѳирь, и обратился въ бѣгство... точно проворовавшійся приказчикъ. Онъ уѣхалъ въ Германію.

Новый стонъ вырвался изъ блѣдныхъ устъ молодой дѣвушки... стонъ разбитаго сердца, надежды котораго разлетѣлись прахомъ. Она сломала печать и прочитала письмо своего вѣроломнаго жениха. Чувство униженія не могло быть глубже того, какое дышало въ каждой строкѣ этого страстнаго посланія:

«Я ненавижу и презираю себя сильнѣе всякихъ словъ», писалъ онъ, «но все еще люблю ее. Я видѣлся съ нею—нѣтъ нужды объяснять вамъ, какъ состоялось наше свиданіе; достаточно сказать, что я съ ней видѣлся. Я не преднамѣренно измѣнилъ вамъ. Я не сознательно вернулся къ прежнему игу. Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, Эсѳирь, я думалъ, что я излечился. Я вѣрилъ, что люблю васъ. Я былъ искрененъ въ тотъ вечеръ на Кроплейскомъ лугу, когда я просилъ васъ быть моей женой. Только тогда, когда я столкнулся лицомъ къ лицу съ Сильвіей Перріамъ, только тогда, когда я опьянѣлъ отъ звука ея голоса, отъ блеска ея глазъ, отъ роковой прелести, какою дышетъ для меня каждый ея взглядъ и каждое движеніе... только тогда, клянусь Богомъ, узналъ я, что старое безуміе живетъ въ моемъ сердцѣ, что я никогда не забывалъ ее, никогда не переставалъ ее любить, не переставалъ быть ея рабомъ. Можете ли вы простить меня? Нѣтъ, я самъ слишкомъ сознаю свою низость, чтобы ожидать прощенія или умолять о немъ. Забудьте меня, если можете. Или же, если не можете выбросить меня изъ своей памяти, презирайте меня, какъ я самъ презираю себя. Я не могу вынести заслуженнаго мною гнѣва. Я оставляю Декановъ домъ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, чтобы никогда въ него не возвращаться. Я принимаю старое рѣшеніе матушки лишить меня наслѣдства. Я не заслуживалъ его, когда оно было произнесено впервые, но теперь признаю его справедливость. Я не имѣю правъ на состояніе человѣка, который никогда не лгалъ, я, опозоренный своимъ вѣроломствомъ относительно васъ! А теперь, моя названная сестра, моя нареченная жена, прощайте; другого слова не можетъ быть произнесено между нами! Еслибы я уважалъ васъ меньше, то явился бы съ повинной и просилъ бы принять мою

руку. Мы жили бы не хуже девяти-десятыхъ мужчинъ и женщинъ, клянущихся другъ другу въ вѣчной любви и преданности; но я ничего не предложу моей непорочной Эсѳири, если не могу предложить ей всего своего сердца. Страсть заставила меня забыться и я сознался въ любви женщинѣ, которая насмѣялась надо мной два года тому назадъ. Это признаніе, хотя и сдѣланное въ порывѣ увлеченія, кладетъ между нами преграду, черезъ которую я не попытаюсь перешагнуть». Этимъ оканчивалось письмо. Эсѳирь стояла, устремивъ глаза въ строчки, не проливъ ни слезинки. То былъ тотъ вторичный ударъ, казавшійся ей немыслимымъ десять минутъ тому назадъ. Онъ разразился надъ нею совсѣмъ внезапно. Неужели онъ будетъ такимъ смертельнымъ, какимъ ей представлялся? До сихъ поръ она казалась удивительно стойкой. Она спокойно свернула роковое письмо, взяла обѣими руками холодную руку миссисъ Стенденъ и нѣжно пожала ее. Затѣмъ принялась цѣловать суровое, рѣшительное лицо, стараясь смягчить его поцѣлуями.

— Я прощаю ему, тётя,—сказала она,—отъ всего сердца. Неужели вы не можете также простить ему.

— Нѣтъ, я не могу простить ему. Я никогда не прощу ему за то, что онъ обошелся съ тобой такъ жестоко... за то, что онъ обманулъ тебя, измѣнилъ тебѣ, посмѣялся надъ тобой.

— Онъ самъ обманулся.

— Онъ не имѣлъ права обманываться, когда зналъ, что такой самообманъ доставитъ тебѣ горе. О, Эсѳирь, прости меня,—вскричала мать съ внезапнымъ порывомъ нѣжности:—это моя вина, до нѣкоторой степени моя собственная вина. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы ты была его добрымъ геніемъ, его утѣшителемъ. Я вѣчно расхваливала тебя ему, старалась сблизить его съ тобой.

— Знаю, знаю,—отвѣчала Эсѳирь поспѣшно и съ страдальческимъ взоромъ.—Все это происходило отъ вашей любви ко мнѣ, но было ошибкой. Забудемъ объ этомъ, если можемъ; хорошо, что это случилось теперь, а не позже. Еслибы заблужденіе продлилось нѣсколько долѣе, я могла бы сдѣлаться его женой, и каково было бы, еслибы онъ *тогда* догадался, что любитъ другую. Подумайте, какъ мы дешево отдѣлались.

— Дешево отдѣлались!—повторила миссисъ Стенденъ мрачно:—какъ можешь ты это говорить, когда онъ бросилъ тебя для этой лживой, скверной женщины и ринулся очертя голову на свою погибель.

ГЛАВА L.

Сильвія разочарована.

Послѣ свиданія на кладбищѣ, лэди Перріамъ считала покорность Эдмонда ея волѣ рѣшенымъ дѣломъ. Онъ явится на слѣдующее утро къ ней, онъ объявитъ себя ея рабомъ, и имъ придется только рѣшить, какъ скоро приличія дозволятъ имъ обвѣнчаться.

Не прежде, конечно, какъ истечетъ годъ со смерти сэра Обри... эта отсрочка казалась неизбѣжной. Какъ ни хотѣлось ей скорѣе пользоваться обществомъ и покровительствомъ Эдмонда, какъ ни манила ее безопасность, какую обѣщалъ ей этотъ бракъ, она обязана была до нѣкоторой степени подчиняться общественнымъ обычаямъ. Не прежде, какъ истечетъ годъ и подснѣжники снова зацвѣтутъ на поляхъ, можетъ она сдѣлаться женой Эдмонда Стендена.

Онъ могъ тѣмъ временемъ пожалѣть о своемъ обязательствѣ и отвернуться отъ нея.

«Отвернуться отъ меня», вскричала она съ торжествующимъ смѣхомъ: «нѣтъ, онъ врядъ ли это сдѣлаетъ. Я знаю теперь свою власть надъ нимъ. Онъ крѣпко боролся со мной вчера вечеромъ; но полагаю, что это его послѣдняя борьба. Больше онъ не попытается свергнуть мое иго».

Весь этотъ день, тотъ день, когда Эдмонда Стендена увозилъ курьерскій поѣздъ, лэди Перріамъ поджидала своего милаго. Она не сомнѣвалась, что до наступленія вечера онъ явится къ ней. Онъ не станетъ заботиться о впечатлѣніи, какое можетъ произвести его визитъ, о сплетняхъ, скандалѣ, которые онъ возбудитъ. Онъ пріѣдетъ, сломя голову, презирая людскіе толки, пріѣдетъ подтвердить свое вчерашнее признаніе, закрѣпить ихъ новый союзъ.

Онъ пріѣдетъ, быть можетъ, до двѣнадцати часовъ. Врядъ ли онъ станетъ ждать обычнаго для визитовъ времени. Она едва притронулась къ завтраку, поданному ей не въ торжественной столовой, но въ будуарѣ, на маленькомъ кругломъ столикѣ, на блюдѣ изъ китайскаго фарфора, убранномъ всѣми возможными цвѣтами: розами, сиренями, бархатистыми геранями...

Завтракъ, скучная церемонія для вдовствующей лэди Перріамъ, наконецъ окончился. Она перебрала съ полдюжины книгъ, не будучи въ состояніи прочитать ни одной—такъ разсѣянны были

ея мысли. Она поглядѣла на себя въ зеркало и подумала: неужели та перемѣна, о которой упоминалъ Шадракъ Бэнъ, все еще въ немъ замѣтна. Нѣтъ, сегодня оно свѣтилось радостью. Торжество и надежда вернули ему прежнюю красоту. Счастіе оказалось настоящей живой водой. Оно снова сдѣлало ее молодой.

День проходилъ. Полдникъ, за которымъ лэди Перріамъ старалась исполнять свои материнскія обязанности и заниматься съ *baby*, наступилъ за томительнымъ, скучнымъ утромъ. Юный наслѣдникъ Перріама грызъ своего цыплёнка, искрошеннаго мелко, какъ и подобало для его прорѣзывающихся зубковъ, покричалъ немножко, посмѣялся чуточку, сказалъ мамъ-мамъ, былъ расцѣлованъ и отправленъ назадъ въ дѣтскую. Лэди Перріамъ отослала его, зѣвая.

— Мнѣ кажется, что она съ каждымъ днемъ все меньше и меньше интересуется этимъ ангельчикомъ, — сказала нянька Трингфольдъ сидѣлкѣ Картеръ съ негодованіемъ, когда послѣдняя пробралась въ дѣтскую, чтобы понянчиться съ ребенкомъ.—Я никогда не видывала такой матери. Она глядитъ на него иногда такъ, какъ будто бы вовсе не видитъ, а если онъ немножко покричитъ и поплачетъ, то она выходитъ изъ себя, точно это чужой ребенокъ.

— Лэди Перріамъ очень молода,—произнесла сидѣлка Картеръ какъ бы въ извиненіе.

— Но если ужъ она могла родить ребенка, то должна была бы умѣть и любить его,—возразила миссисъ Трингфольдъ раздражительно.

По мѣрѣ того, какъ часы проходили, нетерпѣніе Сильвіи усилилось до того, что ей стало не въ мочь въ четырехъ стѣнахъ. Она чувствовала, что Эдмондъ Стенденъ долженъ былъ скоро пріѣхать. Наступилъ условный часъ для визитовъ. Если онъ желалъ соблюсти всѣ приличія, то теперь могъ явиться безпрепятственно. Нетерпѣніе взяло верхъ. Она надѣла шляпку... вдовью маленькую крепову шляпку, къ которой рѣдко притрогивалась безъ чувства отвращенія, взяла свой черный зонтикъ и вышла вонъ. Она прошла въ длинную аллею, которая вела къ главному подъѣзду и по которой подъѣзжали экипажи. Эдмондъ Стенденъ по всей вѣроятности пріѣдетъ въ экипажѣ и подъѣдетъ съ этой стороны. Она вспомнила при этомъ про его занятія въ банкѣ. Весьма возможно, что онъ не пріѣдетъ раньше вечера, точно какой-нибудь приказчикъ отъ Ганцлейна, которому нельзя оставить магазинъ, пока онъ не запертъ, мысль унизительная. По-

думать, что онъ связанъ такимъ образомъ—онъ, который въ глазахъ ея былъ такимъ изящнымъ и безукоризненнымъ джентльменомъ!

Она прошла вдоль всей аллеи, глядя прямо передъ собой и выслѣживая, не увидитъ ли она отдаленный кабріолетъ или одинокаго пѣшехода; но никого не появлялось... ничего не было видно на длинной прямой дорогѣ, терявшейся вдали и сливавшейся съ голубымъ небомъ.

Нѣтъ! вотъ показалась какая-то точка вдали. Черезъ нѣсколько минутъ точка увеличилась и приняла размѣры мальчика, очевидно телеграфиста, судя по платью.

«Отъ кого можетъ быть ко мнѣ телеграмма», подумала Сильвія, тревожась: «не отъ Эдмонда же, конечно».

Между Гедингемомъ и Перріамомъ не существовало телеграфнаго сообщенія... ни желѣзной дороги, ни почты... ничего, кромѣ деревенской проселочной дороги. Кратчайшая вела между рощей и полемъ.

Мальчикъ приближался по аллеѣ, насвистывая. Какое ему дѣло, несетъ ли онъ вѣсти о гибели или смерти! Для него онѣ не имѣли значенія. Онъ и не подозрѣвалъ, что играетъ въ нѣкоторомъ родѣ роль Меркурія, вѣстника людей и боговъ.

Лэди Перріамъ остановила его въ тотъ моментъ, какъ онъ проходилъ мимо нея.

— Чтó у васъ за пакетъ?—спросила она.

— Телеграмма для лэди Перріамъ.

— Дайте ее мнѣ. Я—лэди Перріамъ.

Мальчикъ поглядѣлъ на нее подозрительно.

— Я обязанъ отдать эту телеграмму въ самомъ Плэсѣ,—отвѣчалъ онъ,—и просить отмѣтить время ея полученія. Прошу извинить, милэди, но я долженъ подчиняться правиламъ.

— У меня есть карандашъ,—замѣтила она:—вѣдь это все улаживаетъ? подкрѣпила она свой вопросъ блестящимъ, новенькимъ шиллингомъ... не какой-нибудь стертой, старой монетой, но полновѣсной и еще мало ходившей по рукамъ.

— Карандашъ обыкновенно не годится въ этихъ случаяхъ,—возразилъ мальчикъ,—но на этотъ разъ какъ-нибудь обойдемся.

Лэди Перріамъ отпустила мальчика.

Затѣмъ прочитала телеграмму.

«Отъ Эдмонда Стендена, Лондонъ, къ лэди Перріамъ, Перріамъ-Плэсъ, близъ Монкгемптона».

— «Эдмондъ Стенденъ и Лондонъ! Ужъ не помѣшались ли они тамъ на телеграфѣ».

«Я оставляю Гедингемъ на неопредѣленное время и ѣду въ

Германію. Послѣ того, что̀ случилось прошлой ночью, это—единственный исходъ, который мнѣ оставался. Я не рѣшился лично выдерживать домашнюю бурю и полагалъ, что для всѣхъ будетъ лучше, если я уѣду».

«Трусъ!»—прошипѣла Сильвія точно змѣя.—«Такъ вотъ какова его любовь! *Его любовь*, ради которой я пошла на такое страшное дѣло!»

ГЛАВА LI.

Холостые заряды.

Телеграмма нанесла жестокій ударъ Сильвіи: она привела къ своимъ ногамъ Эдмонда, и вотъ, въ ту минуту, какъ она уже увѣрилась въ его покорности, онъ вдругъ оставляетъ ее на неопредѣленное время! Такъ вотъ какова была его любовь, которая такъ владѣла имъ въ прошедшую ночь на кладбищѣ? Неужели холодный дневной свѣтъ навѣялъ на него благоразуміе?

Она медленно пошла домой. Какой томительный и длинный переходъ предстояло ей совершить невѣрными, усталыми шагами. Она шла сюда, нѣсколько времени тому назадъ, такъ весело, поджидая знакомую фигуру, которая бы показалась вдали. Она была такъ увѣрена въ его приходѣ и, вмѣсто его присутствія, вмѣсто его сильной руки, которою онъ бы прижалъ ее къ груди, ея лихорадочная рука сжимала смятую телеграмму.

«Миссисъ Картеръ будетъ вѣроятно этимъ довольна», говорила она себѣ самой, припоминая взглядъ, полный упрека, которымъ та оледенила ея веселую болтовню о счастіи. «Она желала бы, чтобы я посыпала свою главу пепломъ или же, чтобы мнѣ заклеймили раскаленнымъ желѣзомъ лобъ», думала Сильвія, размышляя объ упрекахъ матери, высказанныхъ прошлою ночью.—«Она бы считала, что это дѣлается для моего блага. Нѣтъ суровѣе судей, какъ раскаявшіеся грѣшники».

Солнце пекло ея голову, жаркое августовское солнце, когда она проходила по широкой, усыпанной пескомъ площадкѣ, разстилавшейся передъ входной дверью, и на этомъ залитомъ солнцемъ пространствѣ столкнулась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго боялась пуще всѣхъ не по какой-нибудь опредѣленной причинѣ, но вслѣдствіе безсознательной боязни, надъ которой разумъ былъ безсиленъ.

Шадракъ Бэнъ встрѣтилъ ее у входной двери, съ хлыстомъ

въ рукѣ, въ высокихъ сапогахъ, покрытыхъ пылью. Онъ пріѣхалъ въ Плэсъ прямо съ объѣзда по хозяйству.

— Слуги сказали мнѣ, что вы вышли, лэди Перріамъ, въ такой жаръ,—сказалъ онъ, пожимая руку Сильвіи,—но я не хотѣлъ этому вѣрить, зная ваше предпочтеніе къ прохладнымъ комнатамъ и спущеннымъ маркизамъ.

— Надо же и погулять иногда,—отвѣчала Сильвія холодно.

Она не скрывала своего пренебреженія къ замѣчаніямъ м-ра Бэна, но агента нельзя было этимъ озадачить. Онъ продолжалъ дѣлать свои замѣчанія, не видя или не желая видѣть, что его участіе было не признано и не желательно.

— Не благоразумнѣе ли было бы избрать прохладный вечеръ для прогулокъ?—спросилъ м-ръ Бэнъ.

— Когда-бъ вы были моимъ докторомъ, м-ръ Бэнъ, то я послушалась бы вашего совѣта, касательно этого пункта,—возразила Сильвія;—но такъ какъ вы не докторъ, то я предпочитаю гулять, когда мнѣ вздумается.

— Когда бы я былъ докторъ,—повторилъ м-ръ Бэнъ съ задорнымъ хихиканьемъ:—какъ вы странно ставите вопросы, лэди Перріамъ! Когда-бъ я былъ докторъ, то пожелалъ бы узнать многое. Когда-бъ я былъ докторомъ, я бы пожелалъ почаще видѣть этого бѣднаго, полупомѣшаннаго м-ра Перріама. Когда-бъ я былъ докторомъ, я бы пожелалъ узнать многія подробности о смерти сэра Обри.

Поблѣднѣвшія щеки, пылавшія за минуту передъ тѣмъ отъ жара и гнѣва, сказали ему, что ударъ попалъ въ цѣль.

— Какъ вы блѣдны и утомлены, лэди Перріамъ. Я увѣренъ, что прогулка эта вамъ повредила. Войдемте въ гостиную и отдохните немного, прежде чѣмъ идти наверхъ въ свои комнаты.

Они находились передъ гостиной; сторы были подняты и бабочки влетали безпрестанно въ прохладный, величественный покой, никогда больше не оживлявшійся присутствіемъ людей.

— Я ненавижу эту комнату,—проговорила Сильвія, съ дрожью поглядѣвъ на открытыя окна.

— Потому что въ ней разбилъ параличъ сэра Обри? Да, это воспоминаніе должно быть тягостно для особы, столь ему преданной, какъ вы. Хорошо, мы не пойдемъ въ салонъ. Вы, кажется, предпочитаете открытый воздухъ. Пойдемте на террасу. Мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— О чемъ это? Я думала, что мы покончили со всѣми дѣлами вчера.

— Я хочу переговорить съ вами не о дѣлѣ собственно... то-есть ни о чемъ такомъ, чтó было бы связано съ помѣстьемъ.

Лэди Перріамъ прошла съ нимъ рядомъ до террасы неохотно, но съ тѣмъ сознаніемъ безпомощности, которое всегда овладѣвало ею въ присутствіи м-ра Бэна. Она ненавидѣла, боялась его, но всегда кончала тѣмъ, что подчинялась его волѣ, той волѣ, которая управляла сэромъ Обри въ былое время, которая заставляла фермеровъ аккуратно платить аренду и которой м-ръ Бэнъ вообще обязанъ былъ тѣмъ, что сталъ, наконецъ, силой въ сонномъ, старомъ городишкѣ.

Она усѣлась съ утомленнымъ видомъ на широкой мраморной скамьѣ въ углу террасы, подъ апельсиннымъ деревомъ, росшимъ въ кадкѣ и осѣнившимъ ее своими вѣтками отъ палящаго солнца.

— Здѣсь лучше, чѣмъ въ салонѣ, неправда ли, лэди Перріамъ?—спросилъ м-ръ Бэнъ, усаживаясь рядомъ съ ней.

— Здѣсь хорошо,—отвѣчала она холодно.

Краска не вернулась на ея бѣломраморное лицо. Оно было угрюмо, губы крѣпко сжаты, глаза глядѣли прямо и пристально; всѣ черты какъ бы окаменѣли. Она имѣла видъ женщины, которая приготовилась къ какому-то роковому кризису въ своей жизни.

— Чтò вы желаете сказать мнѣ?—спросила она, не глядя на м-ра Бэна, но вперивъ пристальный взглядъ въ пространство.

Какъ отличалось это свиданіе отъ того, котораго она ожидала. Она надѣялась окончить день въ обществѣ Эдмонда Стендена, гадать съ нимъ о будущей жизни, показывать ему великолѣпіе дома..., ея дома въ теченіе двадцатилѣтняго несовершеннолѣтія ея сына..., сообщить ему о своемъ богатствѣ и о томъ, что оно къ его услугамъ. Ея мелкая натура и не подозрѣвала, что м-ру Стендену, по всей вѣроятности, будетъ непріятно богатство, нажитое такимъ образомъ.

— Я желаю поговорить съ вами въ вашихъ же интересахъ, лэди Перріамъ,—произнесъ агентъ послѣ минутной паузы.—Мнѣ нѣчего напоминать вамъ, что люди злоязычны, и что женщина въ вашемъ положеніи легко можетъ стать жертвой сплетень.

— Чтó могутъ они сплетничать про меня? Развѣ моя замкнутая жизнь не исключаетъ всякой возможности сплетень?

— Въ этомъ-то весь вопросъ. Ваша жизнь слишкомъ замкнута, по мнѣнію вашихъ сосѣдей. Вы зá-живо схоронили себя въ Перріамъ-Плэсѣ и злые языки, которые всегда и во всемъ ищутъ дурного, толкуютъ: не скрываете ли вы какой тайны, что

такъ усердно хоронитесь въ четырехъ стѣнахъ. Отъ одной догадки они переходятъ къ другой. Какъ дѣловой человѣкъ, я выслушиваю всѣ эти вещи. Быть можетъ, я превышаю свои права вашего дѣлового совѣтчика... опекуна вашего сына... заговаривая съ вами объ этомъ; но правъ я или виноватъ, я счелъ своимъ долгомъ сообщить вамъ истину.

— Прошу васъ, продолжайте, сэръ. Въ чемъ обвиняютъ меня ваши монкгемптонскіе сплетники?

— Они не обвиняютъ васъ ни въ чемъ положительномъ: ваши враги... бакалейщики, которые не поставляютъ своихъ товаровъ въ вашъ домъ, мясники, соперничествующіе съ вашимъ мясникомъ, ничего не могутъ сказать про васъ. Но люди начинаютъ дивиться тому строгому заключенію, въ которомъ вы держите м-ра Перріама. Если онъ сумасшедшій, толкуютъ они, его слѣдуетъ посадить въ домъ умалишенныхъ; если онъ въ здравомъ умѣ, ему слѣдуетъ предоставить больше свободы.

Глаза лэди Перріамъ, до сихъ поръ устремленные въ пространство, смущенно забѣгали и она украдкой взглянула въ лицо управляющему. Но лицо дѣлового человѣка не выдавало его мыслей. Физіономія голландскихъ часовъ не могла быть менѣе выразительна.

— Онъ пользуется такой свободой, какой самъ желаетъ, отвѣчала Сильвія.—Онъ по собственной охотѣ ведетъ эту скучную, вялую жизнь, зарывшись въ книгахъ, развлекаясь на собственный ладъ, никого не безпокоя и не желая никого видѣть, кромѣ слуги, ухаживающей за нимъ. Онъ живетъ теперь совершенно такъ, какъ жилъ въ послѣднія десять лѣтъ.

— Не вполнѣ. Прежде онъ ежедневно гулялъ по огороду, какъ въ хорошую, такъ и въ худую погоду. Теперь онъ никогда не гуляетъ.

— Онъ сталъ слабѣе. Смерть брата совсѣмъ потрясла его.

— Когда такъ, то ему слѣдуетъ оказать медицинскую помощь. Что скажетъ свѣтъ, если онъ умретъ такъ же скоропостижно, какъ и его братъ? Развѣ злые языки не станутъ утверждать, что вы причина смерти обоихъ?

— М-ръ Бэнъ!

— Не глядите на меня съ такимъ негодованіемъ, лэди Перріамъ. *Я* не стану злословить васъ. *Я* не думаю сомнѣваться въ вашей добротѣ или справедливости. Если когда-нибудь вамъ понадобится защитникъ, то вы всегда найдете меня готовымъ отстаивать васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Я желаю только предостеречь васъ отъ послѣдствій вашей собственной неосторожности.

Но монкгемптонскіе сплетники забрали себѣ въ голову, что Мордреда Перріама держать взаперти, что его лишають свободы и что это ваше дѣло. Мало того, они утверждають, что у васъ должны быть какія-нибудь важныя причины держать своего деверя въ четырехъ стѣнахъ... что ему вѣроятно извѣстна какая-нибудь тайна. Пожалуйста, не сердитесь на меня... я только повторяю глупые толки.

Какой смертельной блѣдностью покрылось теперь ея лицо, казавшееся бѣлѣе мраморной балюстрады, къ которой она прислонялась!

— Я не желаю слушать сплетень,—проговорила она послѣ минутнаго молчанія, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова.— Какое дѣло мнѣ до глупыхъ рѣчей безтолковыхъ провинціаловъ? Еслибы я уѣхала въ Лондонъ, стала тратить деньги, веселиться, они бы назвали меня безсердечной,—прибавила она съ притворнымъ смѣхомъ.—Такъ какъ я веду затворническую жизнь, они стараются придумать таинственные мотивы для моей уединенной жизни. М-ръ Перріамъ ведетъ жизнь, какая ему нравится. Зачѣмъ стану я выставлять всѣмъ на показъ его невинныя эксцентричности? Если даже онъ и тронулся немножко, то не дѣлаетъ никому вреда, и миссисъ Картеръ справляется съ нимъ безъ всякаго труда.

— Извѣстно ли вамъ, лэди Перріамъ, что противузаконно держать сумасшедшаго въ частномъ домѣ, то-есть вообще гдѣ-нибудь кромѣ домовъ, спеціально приспособленныхъ для умалишенныхъ?

— Кто говоритъ, что онъ умалишенный?

— Вы сказали это минуту тому назадъ.

— Я сказала, что онъ немножко тронулся.

— Что̀ на болѣе простомъ языкѣ значитъ, что онъ сумасшедшій. Полноте, лэди Перріамъ, я выражусь коротко и ясно: если онъ въ здравомъ умѣ, вы не имѣете права лишать его свободы; если онъ сумасшедшій, вы не имѣете права держать его въ этомъ домѣ.

— Я не лишаю его свободы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Позволите ли вы мнѣ услышать это изъ его собственныхъ устъ? Позволите ли вы мнѣ задать ему одинъ вопросъ: доволенъ ли онъ тѣмъ образомъ жизни, какой ведетъ? Если онъ отвѣтитъ утвердительно, я поручусь за васъ передъ цѣлымъ Монкгемптономъ. Никто не посмѣетъ злословить васъ, когда я буду имѣть возможность назвать всякаго лжецомъ, кто скажетъ хоть одно слово противъ васъ.

Сильвія отерла свой блѣдный лобъ батистовымъ носовымъ платкомъ. Она держала его въ рукахъ и немилосердно теребила безпокойными руками.

— Мордредъ не желаетъ никого видѣть,—сказала она,—онъ бѣгаетъ людского общества со смерти брата. Онъ очень счастливъ на свой ладъ. Почему вы не хотите оставить его въ покоѣ?

— Свѣтъ не согласится оставить его въ покоѣ, лэди Перріамъ. Если вы откажетесь слѣдовать моимъ совѣтамъ въ этомъ дѣлѣ, если вы не примете моей помощи, то другіе люди вмѣшаются въ дѣло. Кто-нибудь изъ лицъ судебнаго вѣдомства пріѣдетъ сюда и наведетъ слѣдствіе.

— Кто-нибудь изъ лицъ судебнаго вѣдомства? Какъ? они посмѣютъ явиться сюда и допрашивать меня? Развѣ я не могу поступить, какъ мнѣ угодно, въ собственномъ домѣ?

— Къ несчастію, нѣтъ. Законъ имѣетъ право заглядывать въ чужіе дома. Полноте, лэди Перріамъ, будьте благоразумны. Я хлопочу о вашемъ собственномъ благѣ, о вашей безопасности. Дозвольте мнѣ увидѣть м-ра Перріама и удостовѣриться лично, въ какомъ онъ положеніи.

— Вы не увидите его,—закричала Сильвія, внезапно вставая и глядя ему прямо въ лицо.

Она была все еще страшно блѣдна, но лицо выражало отчаянную рѣшимость.

— Вы отказываете мнѣ въ такой бездѣлицѣ?

— Вы не увидите его; никто не увидитъ его, если я того не пожелаю. Пусть приходятъ сюда чиновники. Я съумѣю показать имъ, что я госпожа въ собственномъ домѣ.

— Какая можетъ быть причина, что вы отказываете мнѣ въ позволеніи его видѣть?

— Безъ всякой причины. Но я не стану принимать ничьихъ приказаній, всего же менѣе отъ васъ. Вы давно уже стараетесь стать хозяиномъ въ этомъ домѣ. Я покажу вамъ, что не такъ легко быть моимъ господиномъ, какъ вы это вообразили.

Она снова опустилась на скамью, обезсиленная этимъ взрывомъ страсти. Маленькое красное пятнышко зардѣлось на каждой изъ ея блѣдныхъ щекъ, а безпокойныя руки нервно задвигались.

— Лэди Перріамъ, вы не правы, когда говорите, что я желаю стать вашимъ господиномъ,—началъ управляющій, наклоняясь надъ ней и говоря измѣнившимся голосомъ, болѣе мягкимъ, чѣмъ тотъ, какимъ привыкъ говорить Шадракъ Бэнъ, но съ прежней дѣловой серьёзностью во взорѣ. — Съ перваго момента, какъ я

увидѣлъ васъ, я сталъ вашимъ рабомъ. Нѣтъ, не бойтесь потока страстныхъ словъ отъ меня. Я не умѣю объясняться языкомъ страсти. Я знаю только, что люблю васъ. Я не скажу, что полюбилъ васъ съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ въ своей конторѣ,—прелестнѣе, чѣмъ тѣ образы, какіе мнѣ грезились въ сновидѣніяхъ,—но я скажу, что съ этой минуты сталъ вашимъ преданнымъ слугой... ставилъ ваши интересы выше всѣхъ другихъ... отстаивалъ ваши права передъ вашимъ мужемъ, который хотѣлъ обрѣзать вашу вдовью часть, заботился о вашемъ благосостояніи и, насколько это было въ моей власти, стремился оберегать ваше спокойствіе.

— Вы были всегда очень добры ко мнѣ—возразила Сильвія, взглядывая на него быстро и вопросительно, какъ бы желая проникнуть въ тайный смыслъ его словъ.

— Въ тѣ времена по крайней мѣрѣ моя преданность была безкорыстна,—продолжалъ управляющій:—могъ ли я питать какія-либо надежды? Вы были замужемъ, я — женатъ. Могли ли два лица быть далѣе другъ отъ друга, чѣмъ мы съ вами? Я служилъ вамъ потому, что восхищался вами и поклонялся вамъ, и если даже и въ то время нѣжность закралась въ мою душу, я не сознавался въ этомъ даже самому себѣ. Но теперь наступилъ день, когда я могу высказаться яснѣе. Вы одиноки въ мірѣ, лэди Перріамъ... міръ этотъ не особенно милостивъ для беззащитной юности и красоты. Я вамъ равный по воспитанію; до вашего замужства съ сэромъ Обри я былъ гораздо выше васъ по своему общественному положенію. Я настолько богатъ, что меня нельзя заподозрить въ корыстолюбивыхъ замыслахъ. Остается, слѣдовательно, только разница въ нашихъ лѣтахъ. Но я надѣюсь, что сила моей любви возьметъ верхъ надъ этимъ соображеніемъ. Сильвія, я люблю васъ. Единственная надежда моей жизни сдѣлаться вашимъ мужемъ».

Лэди Перріамъ не выказала удивленія, какимъ бы дерзкимъ ей ни показалось это предложеніе. Она сидѣла неподвижно, опустивъ глаза. Волненіе, замѣчавшееся въ ней нѣсколько минутъ тому назадъ, улеглось и она казалась очень спокойной.

— Могу ли я надѣяться на какой-нибудь отвѣтъ, лэди Пэрріамъ?

— Какъ можете вы ждать скораго отвѣта на такой поразительный вопросъ? Дайте мнѣ подумать и я отвѣчу вамъ.

— Значитъ, мое признаніе не очень разсердило васъ!

— Почему бы оно разсердило меня? Вы мнѣ равный, какъ сами говорите; а если и старше меня двадцатью годами, то есте-

ственно должны считать это пустымъ возраженіемъ, такъ какъ я была замужемъ за человѣкомъ, который былъ тридцатью годами старше меня. Дайте мнѣ время подумать, м-ръ Бэнъ.

— Я не стану торопить васъ съ отвѣтомъ, если вы позволите мнѣ надѣяться.

— Я бы не отказала вамъ въ этомъ, еслибы болѣе вѣрила въ вашу искренность. Вы называете себя моимъ другомъ, преданнымъ мнѣ человѣкомъ, а между тѣмъ пріѣзжаете сюда и докучаете мнѣ съ этимъ бѣднымъ м-ромъ Перріамомъ.

— Я только повторяю сплетни, которыя вамъ слѣдуетъ знать, чтобы оградить себя отъ людской злобы.

— И вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ другъ?

— Я болѣе, чѣмъ вашъ другъ, я вашъ рабъ.

— Могу я испытать вашу вѣрность?

— Да, испытайте ее.

— Помогите мнѣ устроить м-ра Перріама. Я начинаю думать, что вы... то-есть монкгемптонскіе сплетни правы. Его слѣдуетъ помѣстить въ домъ умалишенныхъ. Его присутствіе здѣсь служитъ для меня источникомъ вѣчной тревоги. Если состояніе его не улучшится въ непродолжительномъ времени, я пошлю за докторомъ душевныхъ болѣзней и велю отвезти его въ домъ умалишенныхъ.

— Когда вы рѣшитесь на эту мѣру, то можете располагать мною.

— Знаете ли вы о какой-нибудь лечебницѣ для душевныхъ болѣзней, гдѣ бы за нимъ былъ надлежащій уходъ, или какого-нибудь доктора, который взялъ бы его на свое попеченіе?

— Почему бы не посовѣтоваться насчетъ этого съ м-ромъ Стимпсономъ?

— Я не довѣряю скромности м-ра Стимпсона. Я бы охотнѣе посовѣтовалась съ постороннимъ докторомъ... съ докторомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Монкгемптономъ.

— Я знаю человѣка въ Лондонѣ, который, пожалуй, будетъ вамъ полезенъ,—сказалъ м-ръ Бэнъ послѣ минутнаго раздумья, и поможетъ вамъ выдти изъ затрудненія.—Но я бы желалъ самъ видѣть м-ра Перріама, чтобы судить самому прежде, чѣмъ совѣтовать вамъ, какъ поступить. Быть можетъ, онъ только склоненъ къ эксцентричности, которая не можетъ оправдать того, что́ мы его запрячемъ въ сумасшедшій домъ.

— Онъ болѣе, чѣмъ эксцентриченъ; онъ по временамъ впадаетъ въ странное заблужденіе.

— Что же... воображаетъ себя папой, должно быть, или министромъ финансовъ?

— Не совсѣмъ такъ; но у него дикія фантазіи... довольно невинныя, но которыя доказываютъ, что онъ не въ своемъ умѣ. Вы увидите его черезъ нѣсколько дней, когда ему станетъ лучше, и рѣшите сами.

— Благодарю,—возразилъ управитель:—это похоже на довѣріе. А теперь скажите мнѣ, лэди Перріамъ, могу ли я надѣяться?

— Да,—отвѣчала Сильвія, протягивая ему руку,—было бы слишкомъ жестоко лишать васъ надежды.

Она улыбнулась, и м-ръ Бэнъ подумалъ, что воздушный зáмокъ, возведенный имъ въ конторѣ въ тотъ день, когда онъ впервые услышалъ о предполагаемомъ бракѣ сэра Обри, начинаетъ облекаться въ болѣе матеріальную форму. Онъ приготовился къ негодующему отказу. Онъ смутно сознавалъ о своей власти надъ вдовой сэра Обри, но ожидалъ, что она окажетъ ему сопротивленіе. Его намеки и маскированныя угрозы были высказаны совсѣмъ на удачу. Сильное волненіе ея захватило его врасплохъ и онъ зашелъ дальше, чѣмъ предполагалъ... рѣшился высказать ей свою задушевную мечту.

Онъ провелъ ее въ домъ, прошелъ вмѣстѣ съ ней въ дѣтскую, гдѣ младенецъ-баронетъ выразилъ сильную антипатію къ м-ру Бэну, спряталъ лицо на груди у няньки, бросая по временамъ сердитые взгляды на опекуна, приставленнаго къ нему министерствомъ юстиціи.

— Мы подружимся со временемъ,—произнесъ м-ръ Бэнъ спокойно.

Онъ отобѣдалъ съ лэди Перріамъ въ этотъ вечеръ, по ея приглашенію, и хотя въ обращеніи его не проглядывалъ нареченный женихъ, но онъ началъ думать, что будущее обезпечено, и что менѣе, чѣмъ черезъ годъ, онъ будетъ сидѣть за этимъ столомъ, какъ хозяинъ.

Онъ недолго оставался послѣ обѣда, не желая надоѣдать своимъ присутствіемъ; но прежде чѣмъ онъ уѣхалъ, лэди Перріамъ спросила у него имя того лондонскаго врача, о которомъ онъ упоминалъ.

— М-ръ Ледламъ, въ Іегеръ-Стритѣ, въ Блумсбёри,—отвѣчалъ м-ръ Бэнъ.

— Онъ знаменитость?

— Вовсе нѣтъ. Но я не думаю, чтобы вы нуждались въ знаменитости, чтобы ухаживать за м-ромъ Перріамомъ. Вамъ

нуженъ только человѣкъ, который бы умѣлъ держать языкъ за зубами. Не такъ ли?

— Я не желаю, чтобы болѣзненное состояніе м-ра Перріама было предметомъ людскихъ толковъ.

— Само собой разумѣется. Джозефъ Ледламъ какъ разъ подходящій человѣкъ. Его главная практика въ Блумсбёри, но у него есть домъ на большой сѣверной линіи, недалеко отъ Гатфильда, куда онъ принимаетъ двухъ-трехъ паціентовъ: укромное зданіе, вдали отъ любопытныхъ взоровъ. Самъ онъ весьма почтенный человѣкъ... бѣдный, но умный.

— И вы увѣрены, что м-ру Перріаму будетъ хорошо въ его домѣ?

— Вполнѣ увѣренъ. Вы можете помѣстить его къ болѣе знаменитому врачу, чѣмъ Ледламъ. Но въ болѣе обширномъ и извѣстномъ заведеніи онъ будетъ въ бо̀льшей зависимости отъ сидѣлокъ и надзирателей, чѣмъ у такого человѣка, какъ Ледламъ, который принимаетъ ограниченное число паціентовъ и наблюдаетъ за ними самъ лично.

— Но онъ долженъ отдавать значительную часть своего времени своей блумсбёрійской практикѣ,—подсказала лэди Перріамъ.

— Не знаю, какъ онъ съ этимъ справляется; быть можетъ, у него есть помощникъ.

— Онъ вашъ другъ?

— Не то, чтобы другъ, но старый знакомый. Онъ изъ этой мѣстности, и мы вмѣстѣ ходили въ школу. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ пробовалъ-было поселиться въ Монкгемптонѣ, но конкурренція съ здѣшними докторами оказалась ему не по силамъ и онъ вскорѣ отказался отъ дальнѣйшихъ усилій. Онъ тогда только-что женился, бѣдняга, и у него была чахлая на видъ жена и болѣзненный ребенокъ. Онъ отказался отъ Монкгемптона и переселился въ Лондонъ, чтобы тамъ попытать счастья. Я встрѣтился съ нимъ случайно, когда ѣздилъ въ Лондонъ, и мы вмѣстѣ провели вечеръ. Я знаю, что этотъ человѣкъ уменъ, и думаю,—прибавилъ м-ръ Бэнъ, напирая на слова,—что это именно такого рода человѣкъ, какой вамъ требуется, лэди Перріамъ; человѣкъ, который не проговориться о своемъ паціентѣ, что̀ бы ни случилось.

— Я не забуду вашихъ совѣтовъ,—проговорила Сильвія съ развязностью.

Всѣ слѣды волненія давно исчезли въ ней.

— И если бѣдному м-ру Перріаму станетъ хуже, чего, я надѣюсь, не случится, то пошлю за м-ромъ Ледламомъ.

Этотъ разговоръ зашелъ тогда, когда лошадь м-ра Бэна была уже осѣдлана. У него не было предлога оставаться долѣе и онъ распрощался съ сдержанной нѣжностью, слишкомъ почтительной, чтобы показаться оскорбительной, но разсчитанной на то, чтобы напомнить лэди Перріамъ, что онъ просилъ ее быть его женой и ждетъ отвѣта.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Сильвія поглядѣла на часы и затѣмъ позвонила.

«Уже девять часовъ. Желала бы я знать, поспѣю ли я отправить телеграмму», сказала она самой себѣ.

Она присѣла къ столу, гдѣ лежали письменныя принадлежности, и написала слѣдующую телеграмму:

Отъ лэди Перріамъ.	*Къ Жозефу Ледламу.*
Перріамъ-Плэсъ.	Іегерь-Стритъ.
Близъ Монкгемптона.	Блумсбёри.

«Прошу покорнѣйше немедленно пожаловать на консультацію о серьёзномъ больномъ. За платой не постоятъ... всякое промедленіе опасно».

Звонокъ сдѣлалъ свое дѣло раньше, чѣмъ посланіе было готово, какъ оно ни было коротко: лакей стоялъ, дожидаясь приказаній миледи.

— Отправьте это немедленно на Монкгемптонскую станцію желѣзной дороги,—сказала лэди Перріамъ, подавая ему запечатанный конвертъ.—Пошлите кого-нибудь изъ грумовъ на хорошей лошади.

— Слушаю, миледи.

«Если м-ръ Ледламъ скоро отзовется на мой призывъ, то я могу потягаться съ Шадракомъ Бэномъ», подумала Сильвія, бросаясь въ кресло, измученная досадой и тревогой. «Но если нѣтъ, если мнѣ не удастся свалить съ плечъ эту обузу... что станется со мной? Я не вижу ни откуда помощи, не могу ждать избавленія.

«О, Эдмондъ, Эдмондъ, такъ вотъ какова твоя любовь! Прошлой ночью ты лежалъ во прахѣ у моихъ ногъ... сегодня покинулъ меня въ самый горькій часъ моей жизни».

ГЛАВА LII.

Другъ душевно-скорбящихъ.

Не часто м-ру Ледламу изъ Іегеръ-Стрита доводилось читать, что «за платой не постоять». Для доктора Кроу такія телеграммы, какъ телеграмма лэди Перріамъ, были не въ диковинку. Магическое имя Кроу развязывало кошельки людей, какъ будто они всѣ превращались въ какихъ-то Крезовъ.

Но паціенты, которыхъ лечилъ м-ръ Ледламъ, очень туго разставались съ деньгами, такъ туго, что предпочитали иногда ничего не платить ему.

Вначалѣ м-ръ Ледламъ склоненъ былъ подозрительно отнестись къ телеграммѣ лэди Перріамъ, подозрѣвая, не утка ли это. Но ему достаточно были знакомы окрестности Монкгемптона, и онъ зналъ, что тамъ дѣйствительно есть мѣсто, называемое Перріамъ-Плэсъ и отстоящее миляхъ въ шести отъ этого торговаго пункта: это обстоятельство убѣдило его. Онъ рѣшился рискнуть и разориться на второклассный билетъ въ Монкгемптонъ въ ожиданіи обѣщанной ему щедрой платы.

«Я могу потребовать десять фунтовъ и, вычтя изъ нихъ два на путевыя издержки, все-таки получу восемь за труды, кромѣ будущаго гонорара. Но что, ради самого неба, побудило лэди Перріамъ послать за мною. Мнѣ не такъ повезло въ Монкгемптонѣ, чтобы люди гонялись за мной пятнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ я повернулся спиной къ этой проклятой трущобѣ».

У м-ра Ледлама была холостая квартира въ Іегеръ-Стритѣ, съ кушеткой, служившей вмѣсто постели ночью и помѣщавшейся въ пріемной, позади аптеки. Тамъ онъ время отъ времени квартировалъ, когда у него являлась фантазія провести ночь въ Лондонѣ, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ сельскія сѣни его жилища близъ Гатфильда. Такимъ образомъ случилось, что телеграмма лэди Перріамъ застала м-ра Ледлама въ то время, какъ онъ засѣдалъ за скромнымъ завтракомъ изъ какао и жареной селедки, изготовленномъ самолично.

Онъ поглядѣлъ на часы. Да, онъ успѣетъ поймать поѣздъ, отходящій въ 9 ч. 45 м. изъ Паддингтона. Онъ прибудетъ въ Монкгемптонъ въ три часа пополудни.

Выражаясь незатѣйливо, согласно принятому обычаю въ этомъ околоткѣ, м-ръ Ледламъ «пообчистился»... операція очень не-

сложная: надѣлъ лучшую пару платья, взялъ наименѣе потасканную шляпу, зонтикъ—прекрасный, когда былъ свернуть, но никуда негодный, когда его развертывали — и отправился въ путь. Онъ рискнулъ проѣхаться въ кэбѣ, заплатилъ кучеру *minimum* слѣдующей ему платы, спокойно выслушалъ его угрозы жаловаться въ судѣ, и достигъ платформы съ билетомъ въ рукахъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ собирался двинуться съ мѣста.

«Вó время захватилъ!» пробормоталъ м-ръ Ледламъ, тяжело переводя духъ послѣ торопливаго бѣга.

Онъ усѣлся въ уголокъ вагона, купилъ «*Daily Telegraph*» въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ двинулся, и приготовился спокойно наслаждаться переѣздомъ между Лондономъ и Суиндономъ.

«Желалъ бы я знать, не мои ли объявленія вызвали эту телеграмму», раздумывалъ онъ, будучи не въ силахъ сосредоточиться на передовой статьѣ популярной газеты:—такъ его занимало необъяснимое посланіе.

Онъ повернулъ на страницу объявленій, гдѣ время отъ времени помѣщалъ свои краснорѣчивыя заявленія. Само собою разумѣется, что онъ былъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы высказать свои желанія подъ прямымъ и грубымъ объявленіемъ: «Требуется и пр.» Онъ рекомендовалъ себя общественному вниманію какъ благодѣтеля своего рода... какъ человѣка, который изъ чистой сострадательности готовъ облегчать людямъ бремя ихъ страданій.

«Къ друзьямъ душевно-скорбящихъ. Строгая тайна, безопасность и домашній комфортъ. Все это можетъ доставить семья опытнаго врача, живущаго въ уединенной и сельской мѣстности, въ Гертфордширѣ. Объ условіяхъ освѣдомиться письменно: X, У, Іегеръ-Стритъ, почтовая контора Блумсбёри».

Еслибы телеграмма была результатомъ этого объявленія, то ее естественно прислали бы въ почтовую контору, хотя врядъ ли бы нашелся такой чудакъ, чтобы телеграфировать въ почтовую контору.

«Нѣтъ», рѣшилъ м-ръ Ледламъ: «объявленія тутъ не при чемъ. Ясно, что кто-нибудь сказалъ обо мнѣ лэди Перріамъ».

Въ половинѣ третьяго м-ръ Ледламъ катилъ въ закрытомъ экипажѣ вдоль длинной аллеи, которая вела къ Перріамскому зàмку. Онъ выбралъ закрытый экипажъ, не смотря на томительный жаръ, потому что такъ ему казалось приличнѣе. Кэбъ и карета въ одинъ и тотъ же день. М-ръ Ледламъ вздрогнулъ, когда заглянулъ въ свой пустой кошелекъ и подумалъ о томъ, чего эта экспедиція ему уже стоила. Ну, вдругъ телеграмма окажется уткой?

Величіе длинной аллеи, обширный паркъ, домъ, похожій на дворецъ, привели Жозефа Ледлама въ трепетъ. Казалось почти невозможнымъ, чтобы обитатели этихъ палатъ послали за нимъ, когда Лондонъ полонъ знаменитыхъ докторовъ.

«Это какая-нибудь злодѣйская ошибка», говорилъ онъ самому себѣ: «и я только даромъ потратилъ деньги. Но нѣтъ, если они ошиблись, приславъ за мной, я заставлю ихъ заплатить за мои путевыя издержки».

Онъ былъ уже у дверей въ эту минуту и кучеръ позвонилъ въ громогласный колоколъ.

«Теперь или никогда», подумалъ м-ръ Ледламъ, и принялъ рѣшительный видъ:—дома ли лэди Перріамъ?

— Да, сэръ.

— Пожалуйста, отнесите ей мою карточку.

— Прошу войти, сэръ: васъ ждутъ,—отвѣчалъ лакей, и м-ръ Ледламъ очутился на широчайшей лѣстницѣ, по какой ему когда-либо доводилось всходить въ частномъ домѣ, и черезъ темноватый корридоръ былъ введенъ въ комнату, свѣтъ и благоуханіе которой (казалось тутъ сливались всѣ тончайшіе ароматы дижонскихъ розъ, пармскихъ фіалокъ) почти ошеломили его.

Лэди сидѣла на широкомъ креслѣ, возлѣ открытаго окна, защищенная отъ солнца спущенными маркизами... лэди, показавшаяся ему красивѣе всѣхъ женщинъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ.

Она привѣтствовала его нѣсколько горделивымъ кивкомъ головы, указала на отдаленный стулъ и сразу приступила къ дѣлу.

— Я пригласила васъ, м-ръ Ледламъ, потому что мнѣ рекомендовали васъ, какъ человѣка, на скромность котораго я могу положиться.

— Это совершенно справедливо, сударыня. Могу я узнать, кто рекомендовалъ меня вамъ?

— Мнѣ пріятнѣе умолчать объ этомъ. Будьте довольны тѣмъ, что мнѣ васъ рекомендовали. Къ несчастью, у меня—въ числѣ близкихъ родственниковъ по мужу—есть душевно-больной. Я держала его дома, пока было возможно, но нашла, что не могу оставлять его больше у себя, не возбуждая толковъ сосѣдей. Поэтому мое живѣйшее желаніе доставить ему безопасное и комфортабельное убѣжище, гдѣ бы за нимъ ухаживали и заботились о томъ, чтобы онъ былъ такъ счастливъ, какъ только это возможно въ его положеніи.

— Я могу предложить вамъ такое убѣжище, лэди Перріамъ,—отвѣчалъ м-ръ Ледламъ, старательно сдерживая нетерпѣливое вол-

неніе и принимая тотъ безстрастный тонъ, который говоритъ о довольствѣ и независимомъ умѣ.—У меня пріятный сельскій домъ, близъ Гатфильда, куда я принимаю ограниченное число паціентовъ, строго ограниченное, потому что, когда ихъ здоровье дозволяетъ, они проводятъ время въ кругу моего семейства, какъ близкія и родныя лица. Въ другое время, когда состояніе болѣзни ихъ болѣе острое, они, конечно, остаются въ своихъ собственныхъ покояхъ. Мой домъ не великъ, онъ не блеститъ роскошью, но комфортъ доведенъ въ немъ до совершенства и мы живемъ чисто сельской жизнью. Я старался олицетворить это въ названіи нашего убѣжища: «Бесѣдка», прозвище, вызывающее пріятныя картины въ умѣ.

— Сколько у васъ паціентовъ въ настоящее время?—спросила лэди Перріамъ.

— Въ настоящее время только одинъ... юноша прекрасной фамиліи, но слабый разсудкомъ. Онъ для насъ все-равно что родной сынъ и ходитъ за дѣтьми точно любимая собачка.

Это было справедливо въ буквальномъ смыслѣ: юношу, о которомъ шла рѣчь, заставляли возить телѣжку, гдѣ возсѣдалъ юнѣйшій отпрыскъ фамиліи Ледламовъ.

— Могу я видѣть м-ра... нашего паціента, лэди Перріамъ,— спросилъ докторъ смѣло.

— Сейчасъ; онъ былъ очень безпокоенъ въ послѣднее время, и хотя я очень бы желала оставить его здѣсь, гдѣ за нимъ ухаживаетъ отличная сидѣлка, — но начинаю думать, что это опасно.

— Сударыня, повѣрьте мнѣ, это всегда опасно; какъ бы хороша ни была ваша сидѣлка, какъ бы ни были прекрасны ваши распоряженія, нельзя разсчитывать на безопасность. Только подъ надзоромъ опытныхъ глазъ врача возможна эта безопасность. Безуміе въ высшей степени вещь предательская и невѣрная. Бѣда можетъ случиться каждую минуту. Я говорю не изъ личныхъ интересовъ; повѣрьте, что я выше корыстолюбивыхъ разсчетовъ.

Лэди Перріамъ не удостоила вниманія похвальное слово своему безкорыстію, которымъ угостилъ ее м-ръ Ледламъ. Она зорко глядѣла на него своими темными, великолѣпными глазами, блескъ которыхъ не могла затмить забота. Онъ казался человѣкомъ, готовымъ на все изъ-за денегъ... голоднымъ на видъ человѣкомъ, съ тонкими губами, собачьими зубами, провалившимися щеками и большими сѣрыми глазами; человѣкомъ, котораго судьба не баловала, одѣтымъ въ сильно поношенное платье; че-

ловѣкомъ, который будетъ покорнымъ орудіемъ, но опаснымъ союзникомъ.

«Впрочемъ, весь вопросъ тутъ въ деньгахъ», размышляла лэди Перріамъ: «если я щедро заплачу ему, онъ врядъ ли выдастъ меня... даже еслибы судьба моя находилась въ его рукахъ. Онъ можетъ оказаться нахальнымъ и требовательнымъ, но это худшій конецъ. Я окружена опасностями и должна идти на этотъ рискъ».

— Позвольте мнѣ освѣдомиться: паціентъ только родственникъ вашъ, или также и зависимый отъ васъ человѣкъ,—спросилъ м-ръ Ледламъ, смущаясь нѣсколько подъ пристальнымъ взглядомъ этихъ зоркихъ глазъ.

— И то и другое..., родственникъ по мужу, и я отчасти содержу его на свои средства. Позвольте узнать ваши условія относительно содержанія и медицинской помощи для больного?

— Съ экипажемъ?—освѣдомился м-ръ Ледламъ.

— Развѣ вы держите экипажъ?

— Жена моя держитъ пони и фаэтонъ, который предоставляетъ къ услугамъ тѣхъ паціентовъ, друзья которыхъ желаютъ доставить имъ это развлеченіе. Конечно, это—экстренный расходъ и увеличиваетъ на тридцать фунтовъ плату за квартиру, столъ и медицинскую помощь.

— Я бы желала, чтобы мой деверь пользовался всѣми удобствами. Будьте такъ добры сказать вашъ *maxіmum* платы.

— Плата за первокласснаго паціента составляетъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ въ годъ, — отвѣтилъ м-ръ Ледламъ, изнывая попеременно отъ страха и надежды.

— Если я соглашусь довѣрить своего деверя вашимъ попеченіямъ, то дамъ вамъ триста фунтовъ въ годъ на его содержаніе. Но помните, что я желаю, чтобы онъ пользовался всѣми удобствами и былъ такъ счастливъ, какъ только дозволяетъ его несчастное положеніе.

— Сударыня, вы можете положиться на мою добросовѣстность.

— Я отнюдь не положусь на одни слова. Я читала ужасныя вещи о частныхъ пріютахъ для душевно-скорбящихъ. Я лично освидѣтельствую, хорошо ли живется вашимъ паціентамъ.

— Я не боюсь ревизіи друзей моихъ паціентовъ, сударыня. Коммиссары посѣщаютъ насъ періодически.

М-ръ Ледламъ говорилъ съ полной увѣренностью. Друзья его паціентовъ неизмѣнно обѣщали часто навѣщать этихъ страдальцевъ, и такъ же неизмѣнно воздерживались отъ выполненія сво-

ихъ обѣщаній. Лэди Перріамъ казалась ему не такой особой, которая бы стала безпокоиться изъ-за помѣшаннаго деверя.

ГЛАВА LIII.

Скрытенъ, какъ могила.

— Значитъ мы сошлись въ условіяхъ?—спросила лэди Перріамъ.

— Вполнѣ, сударыня, отвѣчалъ м-ръ Ледламъ.—Ваши предложенія очень щедры.

— Слѣдовательно, намъ остается только условиться въ подробностяхъ. Предположимъ, что я рѣшусь довѣрить своего деверя вашимъ попеченіямъ; вѣдь предстоитъ еще совершить нѣкоторыя законныя формальности.

— Несомнѣнно. Паціента должны освидѣтельствовать два доктора и выдать свидѣтельство въ помѣшательствѣ.

— Такъ и я думала. Но я вовсе не желаю приглашать второго доктора къ себѣ въ домъ. Если вы рѣшите, что этотъ бѣдный м-ръ Перріамъ не въ своемъ умѣ, вы отвезете его въ Лондонъ подъ присмотромъ его сидѣлки, и второй докторъ можетъ освидѣтельствовать въ отелѣ, въ которомъ вы остановитесь по пріѣздѣ.

— Разумѣется, лэди Перріамъ, это можно устроить.

Чего нельзя было сдѣлать для барыни, готовившейся доставить Жозефу Ледламу триста фунтовъ въ годъ дохода? Онъ двадцать добрыхъ лѣтъ боролся съ нуждой и долгами, и никогда еще не пользовался такимъ большимъ доходомъ.

— Пусть будетъ такъ. Если вы по совѣсти рѣшите, что м-ръ Перріамъ сумасшедшій, вы увезете его съ собой въ Лондонъ съ ночнымъ поѣздомъ, отходящимъ изъ Монкгемптона въ половинѣ десятаго. Въ это время уже бываетъ темно и вамъ можно будетъ проѣхать незамѣченными.

— Положитесь на меня, лэди Перріамъ. Съ паціентомъ не случится никакого скандала, никакой непріятности. Все будетъ сдѣлано тихо и пріятно; въ особенности если сидѣлка ловкая женщина.

— Она хорошая сидѣлка, но робка. Вамъ придется обращаться съ ней энергично. Она можетъ остаться у васъ недѣлю или двѣ, пока вашъ паціентъ не привыкнетъ къ своему новому

дому. Она даже и совсѣмъ можетъ остаться у васъ, еслибы это понадобилось.

— Я не боюсь этого,—поспѣшно отвѣчалъ м-ръ Ледламъ.— Успокоительное и умиротворяющее вліяніе семейнаго кружка, подкрѣпляемое медицинскими пособіями, будетъ, надѣюсь, вполнѣ благотворно. Я не обѣщаю выздоровленія... опытъ заставляетъ меня думать, что большинство случаевъ умственнаго разстройства неизлечимо. Мозгъ, разъ тронутый, рѣдко приходитъ въ нормальное состояніе,—продолжалъ м-ръ Ледламъ торжественно, имѣя въ виду упрочить за собой доходъ въ триста фунтовъ.

— Я не ожидаю выздоровленія въ настоящемъ случаѣ,—замѣтила лэди Перріамъ.—У больного есть опредѣленная и упорная *idée fixe*, которую, боюсь, не искоренитъ никакое леченіе. Во всякомъ случаѣ вы увидите своего паціента и сами убѣдитесь въ его состояніи.

Она позвонила, и черезъ пять минутъ на звонъ явилась миссисъ Картеръ. Ей надо было придти изъ покоевъ Мордреда, расположенныхъ на противоположномъ концѣ дома.

Блѣдное, серьёзное лицо сидѣлки выражало мучительную тревогу, когда она перевела глаза съ лэди Перріамъ на незнакомца. Но физіономія ея не выражала удивленія. Очевидно, что она приготовилась къ этому свиданію.

— Каковъ вашъ паціентъ сегодня?—спросила лэди Перріамъ.

— Почти таковъ же, какъ и всегда, милэди.

— Фантазируетъ, по обыкновенію, полагаю. Этотъ джентльменъ пріѣхалъ поглядѣть на него. Проведите его въ комнату м-ра Перріама.

— Угодно вамъ идти съ нами, сударыня? освѣдомился м-ръ Ледламъ.

— Нѣтъ. Я желаю, чтобы вы составили себѣ совсѣмъ безпристрастное сужденіе,—возразила Сильвія.—Мое присутствіе можетъ взволновать моего бѣднаго деверя. Онъ привыкъ къ миссисъ Картеръ, и въ ея присутствіи вы увидите его въ наилучшемъ свѣтѣ.

М-ръ Ледламъ поклонился и вышелъ за сидѣлкой изъ комнаты, прошелъ вдоль корридора на другой конецъ дома и вошелъ въ большую плохо-меблированную гостиную, уставленную сверху до низу книгами въ грязныхъ переплетахъ, гдѣ послѣдній изъ двухъ братьевъ проводилъ свои безрадостные дни.

Онъ казался очень дряхлымъ человѣкомъ, сидя у потухшаго камина, полу-схороненный въ просторномъ креслѣ; его худая фигура облечена была въ халатъ изъ полинялаго индійскаго кашe-

мира, голова опущена на грудь, руки безсильно висѣли по бокамъ. Онъ казался воплощеніемъ идіотизма или отчаянія.

Лэди Перріамъ безпокойно ходила по комнатѣ во время отсутствія доктора, останавливаясь по временамъ передъ каминомъ, чтобы взглянуть на часы, иногда же передъ открытымъ окномъ; но взоръ ея, устремленный въ даль, не видѣлъ красоты лѣтняго ландшафта. Она глядѣла на аллею тревожнымъ взглядомъ, трепеща, какъ бы не показался между двумя рядами деревьевъ щегольской кабріолетъ м-ра Бэна. Онъ былъ въ Плэсѣ всего вчера и ему не было резона пріѣзжать сегодня, кромѣ того, что такой пріѣздъ былъ бы роковымъ событіемъ.

Отсутствіе м-ра Ледлама продолжалось, повидимому, долѣе, чѣмъ нужно. Она безпрестанно поглядывала на дверь, съ нетерпѣніемъ ожидая его возвращенія.

«Теперь рѣшается моя судьба», подумала она. «Если все обойдется благополучно, будущее мое обезпечено».

М-ръ Ледламъ вернулся и подошелъ къ ней съ серьёзнымъ и сострадательнымъ лицомъ.

— Увы! сударыня, ваши опасенія слишкомъ основательны,— началъ онъ:—это разстройство неизлечимое. Вашъ несчастный деверь не можетъ быть оставленъ безъ медицинскаго присмотра. У него укоренившееся заблужденіе... странная фантазія, которая любопытна въ своемъ родѣ и крайне интересна съ научной точки зрѣнія...

— Не вдавайтесь въ подробности,—перебила лэди Перріамъ, предметъ слишкомъ тягостенъ.—Признаёте ли вы, что мой деверь не въ своемъ умѣ?

— Признаю, и безъ малѣйшаго колебанія.

— И вы полагаете, что и всякій другой докторъ придетъ къ тому же заключенію?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе его увезутъ отсюда, тѣмъ лучше. Я велѣла миссисъ Картеръ приготовить все, что нужно для немедленнаго отъѣзда, въ случаѣ если вы рѣшите такъ, какъ вы рѣшили. Моя карета отвезетъ васъ, вашего паціента и сидѣлку на станцію желѣзной дороги. А теперь, м-ръ Ледламъ, остается рѣшить еще одинъ вопросъ. Могу ли я разсчитывать на вашу скромность... на то, что вы сохраните въ тайнѣ печальное состояніе ума м-ра Перріама... и пунктъ его помѣшательства отъ всѣхъ рѣшительно, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя ухаживаютъ за нимъ?

— Да, лэди Перріамъ, положитесь на меня.

— Помните, что если вы нарушите данное мнѣ слово, хотя бы въ бездѣлицѣ, я немедленно возьму отъ васъ паціента.

— Я не боюсь такого исхода,—отвѣчалъ м-ръ Ледламъ твердо. Неужели же онъ рискнетъ потерять триста фунтовъ ежегоднаго дохода черезъ глупую болтовню?

«Я скорѣе отрѣжу языкъ у миссисъ Ледламъ, чѣмъ рискну потерять такого паціента», сказалъ онъ самому себѣ.

— И вы уѣдете въ Лондонъ, не видясь ни съ кѣмъ изъ вашихъ знакомыхъ въ Монкгемптонѣ; вы будете избѣгать и на будущее время всякихъ сношеній съ здѣшнимъ околоткомъ, настаивала лэди Перріамъ?

— Разумѣется, сударыня. Я не вожу знакомства съ Монкгемптонскими обывателями. Въ этой мѣстности мнѣ не посчастливилось, и хотя я здѣшній уроженецъ, но не люблю ее. Я иногда встрѣчался съ м-ромъ Бэномъ, стряпчимъ, въ Лондонѣ и провелъ съ нимъ однажды пріятный вечеръ; но онъ единственный житель Монкгемптона, съ которымъ я знакомъ.

— Лучше избѣгать м-ра Бэна на будущее время. Онъ мой агентъ и онъ рекомендовалъ васъ мнѣ. Я скажу ему, что м-ръ Перріамъ порученъ вашимъ заботамъ, но я рѣшительно запрещаю вамъ показывать ему вашего паціента, въ случаѣ, еслибы онъ пріѣхалъ къ вамъ съ этой цѣлью. Покойный мужъ предоставилъ ему слишкомъ много власти и онъ слишкомъ любитъ вмѣшиваться въ мои дѣла. Если вы съ нимъ когда-нибудь встрѣтитесь, то будьте съ нимъ какъ можно сдержаннѣе.

— Сударыня, я буду нѣмъ. И употреблю всѣ усилія, чтобы избѣжать Шадрака Бэна.

Лэди Перріамъ позвонила и приказала подать какъ можно скорѣе обѣдать м-ру Ледламу. Ей хотѣлось поскорѣе выпроводить его. Но теперь не было еще пяти часовъ и она не могла отправить его съ паціентомъ на станцію раньше семи. Поѣздъ отходилъ въ половинѣ девятаго и приходилъ въ Лондонъ въ часъ утра.

Карету велѣно было подать въ семь, чтобы отвезти м-ра Перріама съ его сидѣлкой на станцію.

— Ему необходимо перемѣнить воздухъ и обстановку,—сообщила лэди Перріамъ буфетчику, отдавая ему это приказаніе:—онъ будетъ находиться подъ надзоромъ врача.

— Бѣдный старый джентльменъ, кажется, очень въ немъ нуждается,—замѣтилъ буфетчикъ, который мало видѣлъ Мордреда со времени смерти баронета, но получилъ печальное понятіе о его

познаній изъ разговоровъ служанокъ, которыя въ свою очередь заимствовали свои свѣдѣнія отъ миссисъ Картеръ.

Въ семь часовъ м-ра Перріама свели внизъ и онъ представлялъ странную фигуру въ своемъ плохо сшитомъ, поношенномъ платьѣ, слишкомъ широкомъ для его тощей особы, — эксцентрическую фигуру, увѣнчанную широкополой бѣлой войлочной шляпой, почти скрывавшей его лицо. Его вели или, лучше сказать, тащили докторъ и сидѣлка, и онъ, повидимому, былъ такъ слабъ, что съ трудомъ спустился съ лѣстницы и дошелъ до кареты даже съ этой двойной поддержкой. Сильвія наблюдала за его отъѣздомъ изъ открытой галлереи, наблюдала съ сильно-бьющимся сердцемъ. Карета покатилась по песку, тяжелая дверь захлопнулась съ громкимъ стономъ. Онъ уѣхалъ.

«Благополучно ли обойдется все на станціи»? думала она. «Еслибы они только добрались до Лондона, то я чувствовала бы себя безопасной».

Она велѣла миссисъ Картеръ телеграфировать ей какъ можно раньше на другое утро. Пока она не получитъ этой телеграммы, то ничего не будетъ знать.

Она мало спала въ эту ночь. Она не могла отвлечь свои мысли отъ путешественниковъ, и невольно придумывала различныя комбинаціи для предотвращенія возможныхъ затрудненій, могущихъ разстроить ея планы. Невыразимымъ облегченіемъ было знать, что покои Мордреда опустѣли; однако, пока все не кончено, пока паціентъ м-ра Ледлама не водворенъ въ его домѣ, гдѣ ему предстоитъ быть сокрытымъ отъ глазъ цѣлаго міра, Сильвія не могла быть спокойна. Сонъ ея былъ кратокъ въ эту ночь, а сны исполнены страшныхъ видѣній. Смерть и безуміе поочередно фигурировали въ этихъ смутныхъ видѣніяхъ.

Телеграмма пришла въ то время, какъ лэди Перріамъ сидѣла за непочатымъ завтракомъ. Она принесла успокоеніе для ея души.

Отъ миссисъ Картеръ — *Къ лэди Перріамъ.*
Изъ Паддингтона. — Въ Перріамъ-Плэсъ, близъ Монкгемптона.

«Прибыли въ Лондонъ благополучно. Остановились въ гостинницѣ Джонса, въ Паддингтонѣ. Затрудненій во время дороги никакихъ не повстрѣчалось».

Вотъ и все; но этого было достаточно, чтобы успокоить тревогу лэди Перріамъ. Слѣдующая телеграмма должна была идти отъ м-ра Ледлама и извѣстить ее о результатѣ свиданія его

паціента со вторымъ докторомъ, мнѣніе котораго должно было рѣшить вопросъ о сумасшествіи м-ра Перріама.

Второй заботой Сильвіи было ожидаемое письмо отъ Эдмонда Стендена. Если онъ написалъ къ ней тотчасъ по отъѣздѣ, то она должна получить письмо сегодня послѣ полудня. Тѣмъ временемъ она находилась въ недоумѣніи насчетъ его намѣреній. Неужели онъ намѣревался бросить ее, послѣ того какъ увѣрялъ, что любитъ ее одну? Неужели онъ былъ такимъ безумнымъ, что отказывался отъ любви, богатства, счастія? Или же его отъѣздъ имѣлъ цѣлію только смягчить ударъ, наносимый Эсѳири Рочдель, и облегчить для нихъ обоихъ разрывъ?

Въ этомъ свѣтѣ объясняла себѣ его поведеніе Сильвія, и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждала письма, долженствовавшаго оправдать ея надежды.

Телеграмма отъ м-ра Ледлама пришла въ три часа пополудни.

«Д-ръ Дервишъ изъ Блюнденъ-Сквера видѣлъ паціента и подтвердилъ мое мнѣніе касательно его умственнаго разстройства. Свидѣтельство и всѣ формальности окончены. Паціентъ сопровождаетъ меня въ «Бесѣдку» сегодня послѣ полудня вмѣстѣ съ миссисъ Картеръ».

Вотъ и все. Какъ легко устроилось дѣло.

Оставалось ждать еще цѣлый часъ прибытія почты, которая приходила въ Перріамъ въ четыре часа; цѣлый длинный часъ, въ теченіи котораго сердцу приходилось изнемогать отъ страха и надежды. При этомъ Сильвія опасалась, какъ бы м-ръ Бэнъ не пріѣхалъ прежде, чѣмъ она получитъ это письмо. Нельзя было разсчитывать на то, чтобы онъ на долгое время оставилъ ее въ покоѣ. Онъ вѣдь съ нетерпѣніемъ сталъ добиваться отвѣта на свое дерзкое предложеніе.

Она думала объ его сватовствѣ съ горечью и презрѣніемъ, но не безъ страха. Въ обращеніи его сказывалась тайная власть надъ ней, о которой она не могла думать безъ трепета. Никогда не позабыть ей той пытки, какую она пережила на террасѣ.

«Развѣ онъ посмѣлъ бы сдѣлать мнѣ такое предложеніе, еслибы не считалъ, что имѣетъ власть надо мной?» спрашивала она себя въ раздумьи. «Но, съ другой стороны, чтó можетъ онъ знать или даже подозрѣвать? А теперь, если м-ръ Ледламъ будетъ вѣренъ мнѣ, то все спасено. Могила не могла бы быть лучшимъ тайникомъ для того, чтó я желаю скрыть».

ГЛАВА LIV.

Властительная страсть.

Утро проходило, и къ величайшему облегченію Сильвіи м-ръ Бэнъ не являлся за отвѣтомъ. Четырехъ-часовая почта принесла ожидаемое письмо отъ Эдмонда изъ Антверпена. То было длинное письмо, и когда Сильвія взглянула на него, то въ первую минуту строчки запрыгали у нея передъ глазами.

«Гостинница Питеръ-Поль, въ Антверпенѣ.

Дорогая лэди Перріамъ!

Когда я изъявилъ согласіе придти на роковое свиданіе прошлаго вечера, то сдѣлалъ это въ твердой увѣренности, что закаленъ отъ обольщенія, нѣкогда всесильно владѣвшаго мною. Я шелъ на свиданіе съ вами, разсчитывая быть вашимъ другомъ или вашимъ совѣтникомъ, въ случаѣ, еслибы вамъ понадобились моя дружба или совѣты, но рѣшилъ, что не люблю васъ. На этомъ пунктѣ я считалъ себя твердымъ, какъ скала. Вы оскорбили меня такъ, какъ только можетъ оскорбить женщина человѣка, который ее любитъ. Вы испортили лучшіе годы моей жизни. Я могъ простить вамъ все, чтó я выстрадалъ... могъ вырвать изъ памяти воспоминаніе объ этихъ годахъ, но считалъ бы себя истинно-презрѣннымъ человѣкомъ, еслибы снова преклонился передъ той женщиной, которая растоптала меня... еслибы я вновь отдалъ свою любовь на поруганіе.

«Такъ думалъ и вѣрилъ я, когда смѣло рѣшился перенести обаяніе вашего присутствія, роковое очарованіе вашего голоса. Вы знаете, какимъ ничтожнымъ и слабымъ оказался я въ минуту испытанія. Я не зналъ самого себя, когда шелъ на свиданіе на перріамское кладбище. Я только теперь хорошо узналъ себя и знаю, что я вашъ рабъ на-вѣки.

«А теперь, Сильвія, рѣшите мою судьбу. Я отдаю ее въ ваши руки. Я презрѣнный, обезчещенный негодяй, нарушившій слово, данное лучшей и чистѣйшей изъ женщинъ... женщинѣ, знать которую, значитъ—уважать, любовь къ которой идетъ рука объ руку съ уваженіемъ. Я спасся бѣгствомъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями моего позора, не смѣя вынести проницательнаго взора, умѣющаго читать въ глубинѣ моей души, тѣмъ менѣе выслушать прощеніе, которое, знаю, мнѣ изрекли бы,

еслибы даже мое безуміе и вѣроломство разбили это вѣрное сердце. Я спасся бѣгствомъ, предоставляя Эсѳири Рочдель презирать меня, какъ презрѣннѣйшаго изъ людей.

«Рѣшайте, Сильвія. Отъ васъ жду я своего приговора. Быть ли мнѣ вашимъ мужемъ, счастливымъ обладателемъ той, одно присутствіе которой какъ бы волшебствомъ лишаетъ меня самообладанія и заставляетъ забывать весь міръ и помнить лишь о чудномъ блескѣ этихъ дивныхъ глазъ, о тепломъ пожатіи этой маленькой нѣжной ручки? Быть ли мнѣ вашимъ мужемъ, презираемымъ міромъ за то, что женился на дѣвушкѣ, измѣнившей ему, и даже воспользовался измѣной, сдѣлавшей ее богатой женщиной... презираемымъ, какъ искатель богатыхъ невѣстъ, но счастливымъ вашей любовью? Что ждетъ меня въ жизни? Это предстоитъ рѣшить вамъ, Сильвія. Помните, что если вы выйдете за меня замужъ, то выйдете за нищаго или за человѣка, который въ крайнемъ случаѣ можетъ заработать въ годъ четыреста, пятьсотъ фунтовъ. Съ вашей красотой, молодостью и богатствомъ вы можете составить болѣе блестящую партію. Вы можете выдти замужъ за человѣка, стоящаго гораздо выше по своему общественному положенію, чѣмъ сэръ Обри Перріамъ; пэрская корона можетъ осѣнить вашу прелестную головку. Подумайте объ этомъ, Сильвія. Вы уже разъ обманули меня; ради простого человѣколюбія не обманите снова. Если вы любите меня настолько, чтобы пожертвовать своимъ честолюбіемъ и перенести людскіе удары... потому что такой бракъ навлечетъ на васъ осужденіе свѣта... то я у вашихъ ногъ и не желаю высшаго счастія, какъ быть вашимъ мужемъ. Но хорошенько увѣрьтесь въ самой себѣ, прежде чѣмъ отвѣчать на это письмо. И если слово *да* будетъ произнесено, то пускай оно будетъ такимъ твердымъ, чтобы устоять, хотя бы небо и земля соединились противъ насъ.

Вашъ на всю жизнь,

Эдмондъ Стенденъ».

Сильвія покрыла это письмо страстными поцѣлуями, поцѣлуями, смѣшанными со слезами.

«Если я люблю его!» повторяла она: «если я люблю его! Боже мой! еслибы онъ зналъ, на что я рѣшилась, чтобы назвать его снова моимъ, то не говорилъ бы никакихъ *если!* Мой Эдмондъ, мой милый, мой, мой, наконецъ! Что значитъ все, что я выстрадала, сравнительно съ тѣмъ счастіемъ, какое я испытываю въ настоящую минуту! Мой Эдмондъ! Онъ бѣденъ, но я богата. Я могу дать ему счастіе, богатство, величіе. Кто осмѣ-

лится презирать его или меня? Теперь-то, теперь, наконецъ, узнаю я, чтó значитъ счастіе. Теперь-то узнаю я цѣну богатству».

Она читала и перечитывала письмо. Въ настоящую минуту письмо олицетворяло собой Эдмонда. Она цѣловала безжизненную бумагу... она насквозь омочила ее слезами.

Письмо не совсѣмъ погладило ее по головкѣ. Одно мѣсто крѣпко задѣвало ее... то мѣсто, гдѣ Эдмондъ превозносилъ благородную натуру Эсѳири Рочдель... читать это было горько.

«Онъ считаетъ ее гораздо выше меня... во всемъ письмѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы говорило объ уваженіи... о довѣріи ко мнѣ...», разсуждала она, размышляя о похвалахъ Эсѳири.

«Но онъ больше меня любитъ; онъ пытался полюбить ее, но напрасно. Онъ любитъ меня, помимо собственной воли. Это самая цѣнная любовь въ мірѣ... настоящая властительная страсть».

Лэди Перріамъ позвонила.

— Уложите пару чемодановъ со всѣмъ необходимымъ для четырехнедѣльнаго отсутствія,—сказала она явившейся на звонъ горничной, и приготовьтесь ѣхать со мной съ девятичасовымъ поѣздомъ.—Я ѣду разсѣяться.

Горничная съ изумленіемъ выслушала это приказаніе, но лэди Перріамъ не была сообщительной госпожей и отдавала свои приказанія съ холодной повелительностью, устранявшей возможность какихъ-нибудь вопросовъ.

— Постойте, Селина,—остановила она горничную, собиравшуюся удалиться.

Она молча размышляла съ минуту или двѣ, глядя въ полъ съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Позовите ко мнѣ Трингфольдъ,—проговорила она.

Она пришла къ заключенію, что благоразумнѣе будетъ взять ребенка съ собой... хотя бы даже нянька, ребенокъ и горничная были до нѣкоторой степени помѣхой въ предстоящемъ путешествіи. М-ръ Бэнъ, оскорбленный, проведенный за носъ, попытается, конечно, отомстить, и оставить ребенка въ его власти, значило бы оставить его въ берлогѣ льва. Ребенокъ былъ ея якоремъ спасенія; онъ давалъ ей домъ, доходъ, положеніе въ свѣтѣ. У ней были весьма смутныя понятія о власти надъ ней министерства юстиціи, но она считала возможнымъ, что м-ръ Бэнъ, завладѣвъ ребенкомъ и съ помощью министерства юстиціи, выживетъ ее изъ Перріамъ-Плэса, разлучитъ съ сыномъ и лишитъ щедраго дохода, отпускаемаго ей министерствомъ.

Она ѣхала прямо въ Антверпенъ и надѣялась вернуться въ Перріамъ женой Эдмонда Стендена.

Со времени кончины сэра Обри прошло немного болѣе шести мѣсяцевъ. Сильвія знала, что выдти скоро замужъ послѣ его смерти, значило навлечь на себя презрѣніе свѣта, но она шла на это. Она готова была перенести порицанія, насмѣшки, даже скорѣе, чѣмъ дать Эдмонду время перемѣнить мысли, раскаяться и вернуться къ Эсѳири Рочдель.

Миссисъ Трингфольдъ явилась на зовъ, и не будучи столь хорошо вышколена, какъ горничная миляди, не преминула выразить неудержимое удивленіе насчетъ такого внезапнаго отъѣзда. Развѣ она успѣетъ приготовить платьица Сентъ-Джона въ такое короткое время? Ихъ набралось съ дюжину въ прачешной и ихъ нужно еще накрахмалить и выгладить, а на это потребуется два дня.

— Онъ можетъ ѣхать безъ нихъ, если нужно,—отвѣчала Сильвія рѣшительно.

Она не намѣревалась терпѣть сопротивленія отъ прислуги.

— Мы можемъ накупить ему новыхъ въ Лондонѣ. Докторъ, пріѣзжавшій сюда вчера, сказалъ мнѣ, что для моего здоровья необходима перемѣна климата и обстановки, и чѣмъ скорѣе я уѣду, тѣмъ лучше.

— Еслибы вы только сказали мнѣ объ этомъ вчера вечеромъ, миляди.

— Я была слишкомъ взволнована отъѣздомъ бѣднаго м-ра Перріама, чтобы думать о самой себѣ. Я только теперь собралась съ духомъ и не желаю терять времени. Мнѣ нужна перемѣна воздуха.

— Вамъ давно уже какъ будто не по себѣ, миляди. Но это вполнѣ естественно послѣ вашей тяжкой потери.

— Разумѣется. Слушайте, миссисъ Трингфольдъ: не тратьте времени на разговоры. Если вы не успѣете снарядить *baby*, то Селина поѣдетъ съ нимъ. Я рѣшила не пропускать девяти-часового поѣзда.

— Отпустить его безъ себя! Это милое, драгоцѣнное дитя, которое дороже мнѣ своихъ собственныхъ, даромъ, что я вырастила ихъ пятерыхъ, сильныхъ и здоровыхъ, какъ извѣстно вашей милости. Я не оставлю его ни за что на свѣтѣ. Поспѣть будетъ очень мудрено, но ужъ я какъ-нибудь постараюсь, хотя бы мнѣ пришлось съ ногъ сбиться.

— Нѣтъ никакой необходимости съ ногъ сбиваться,—отвѣчала леди Перріамъ спокойно, хотя нетерпѣніе грызло ее.—Вамъ есть кому помочь. Домъ биткомъ набитъ прислугой, которая ничего не дѣлаетъ.

— Сундуки будутъ уложены, миляди, и я захвачу платьица

накрахмаленными, а выглажу ихъ уже сама, когда мы пріѣдемъ на мѣсто.

— Будьте готовы къ девяти часамъ. Я васъ не стану дожидаться.

Сильвіи предстояло еще одно дѣло до отъѣзда. Ей надо было написать письмо м-ру Бэну... письмо, въ которомъ ей слѣдовало по возможности смягчить разочарованіе, предстоявшее ему, и попытаться умиротворить человѣка, который могъ сдѣлать такъ много для нея и какъ врагъ, и какъ другъ.

Сочиненіе этого письма было труднѣйшимъ дѣломъ, какое когда-либо доводилось выполнять Сильвіи Перріамъ, и заняло довольно времени. Послѣ трехъ или четырехъ неудачныхъ пробъ, она написала слѣдующее:

«Любезный м-ръ Бэнъ,

Я много и серьёзно размышляла о предложеніи, которое я имѣла честь выслушать отъ васъ третьяго дня, и размышленія привели меня къ убѣжденію, что мнѣ слѣдуетъ отвѣтить отказомъ на ваше лестное предложеніе.

Я уважаю силу вашего характера, преклоняюсь передъ вашимъ умѣньемъ дѣлать дѣла и той умственной энергіей, которая, я не сомнѣваюсь, сдѣлаетъ васъ великимъ и славнымъ на всякой избранной вами дорогѣ: но я не могу отвѣчать вамъ той любовью, какой вы желаете, и докажу мою вѣру въ ваше великодушіе и мое довѣріе къ вашей чести, объяснивъ, почему я этого не могу.

Вамъ, конечно, извѣстно, что до замужства съ сэромъ Обри я была помолвлена за м-ра Стендена. Эта свадьба разошлась по приказанію моего отца, который, рискуя разбить мое сердце, запрещалъ мнѣ изъ гордости выходить замужъ за человѣка, мать котораго была противъ нашего брака. Я покорилась желаніямъ отца и вышла замужъ за сэра Обри, доброта котораго внушала мнѣ глубокую благодарность, котораго я уважала и почитала, но къ которому не могла питать любви, которую уже отдала Эдмонду Стендену. Сэръ Обри былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы требовать отъ меня такой любви. Онъ сознавалъ разницу нашихъ лѣтъ и довольствовался моимъ уваженіемъ и покорностью. Старая любовь была похоронена, но не умерла. Никогда мысль объ Эдмондѣ Стенденѣ не вставала между мной и моимъ долгомъ къ мужу. Но теперь, когда я снова свободна, память о немъ проснулась въ душѣ, и я чувствую, что все еще люблю его. Съ такимъ сознаніемъ я поступила бы крайне неблагородно относи-

тельно васъ, еслибы поощряла ваши надежды. Будьте увѣрены въ моемъ уваженіи, моемъ довѣріи; останьтесь моимъ другомъ, моимъ совѣтникомъ; сохраните всю власть надъ Перріамомъ, какою вы до сихъ поръ пользовались; будьте руководителемъ юности моего сына, хранителемъ и управителемъ его богатства, и будьте увѣрены, что при всѣхъ обстоятельствахъ благодарность моя къ вамъ и уваженіе останутся неизмѣнными.

Навѣки преданная вамъ,

Сильвія Перріамъ.

P. S. Я нашла необходимымъ нѣсколько внезапно принять рѣшительныя мѣры относительно м-ра Перріама. Я послѣдовала вашему совѣту и поручила его надзору вашего друга».

Сильвія старательно перечла письмо, прежде чѣмъ запечатать его. Оно казалось ей образцомъ искренности. Если что-нибудь могло успокоить ярость м-ра Бэна, смягчить боль разочарованнаго честолюбія, такъ это письмо. Она велѣла отдать его ему послѣ ея отъѣзда. Она все еще дрожала при мысли, что Шадракъ Бэнъ могъ явиться прежде, чѣмъ она успѣетъ уѣхать.

Ей еще оставалось уложиться... захватить съ собой деньги, бумаги и свои драгоцѣнности. Она ни слова не упоминала о своемъ отъѣздѣ изъ Перріамъ-Плэса въ письмѣ къ м-ру Бэну. Онъ успѣетъ узнать объ этомъ отъѣздѣ, когда пріѣдетъ въ Перріамъ и не найдетъ ея тамъ.

Наконецъ, наступилъ девятый часъ, часъ, столь же нетерпѣливо ожидаемый, какъ и наканунѣ. Лэди Перріамъ, нянька и ребенокъ сѣли въ карету; кабріолетъ былъ нагруженъ чемоданами и дорожными мѣшками. Селина усѣлась возлѣ кучера, быстрыя колеса покатились по аллеѣ, и Сильвія пустилась въ путь въ Антверпенъ.

Путешественники остановились на ночь въ колоссальномъ отелѣ въ Паддингтонѣ, гдѣ лэди Перріамъ забылась сномъ въ одной изъ самыхъ дорогихъ спаленъ гостинницы, отдѣланной полированнымъ орѣхомъ и зеленымъ дамá.

Завтра она должна была отплыть на пароходѣ, который отходилъ въ двѣнадцать часовъ дня. Лэди Перріамъ, которую сонъ посѣщалъ лишь урывками, встала рано. Она позавтракала съ своимъ мальчикомъ и нянькой и была необыкновенно любезна съ миссисъ Трингфольдъ, которую сочла необходимымъ привлечь на свою сторону.

— Я еще не слыхала отъ васъ, куда мы ѣдемъ, милэди,—

спросила миссисъ Трингфольдъ, ободренная этой снисходительностью,—а между тѣмъ тяжело ѣхать, не зная, куда пріѣдешь.

— Развѣ я не сказала вамъ, Трингфольдъ?—вскричала Сильвія съ невинно-удивленнымъ взоромъ:—какъ странно, что я забыла объ этомъ. Мы ѣдемъ въ Антверпенъ, отправляясь путешествовать по Рейну.

Миссисъ Трингфольдъ, повидимому, немного узнала изъ этого отвѣта.

— Антверпенъ,—повторила она:—быть можетъ, это гдѣ-нибудь въ Шотландіи, милэди; я знаю, что у аристократіи страсть путешествовать по Шотландіи.

Лэди Перріамъ объяснила, что Антверпенъ не находится въ сѣверной Британіи. Миссисъ Трингфольдъ была благодарна за объясненіе, но выразила нѣкоторый ужасъ при мысли, что она очутится среди скучныхъ, грязныхъ французовъ.

Лэди Перріамъ съ толкомъ воспользовалась промежуткомъ между завтракомъ и половиной десятаго, когда была заказана карета, чтобы отвезти путешественниковъ на пароходную пристань. Она отправилась на центральную телеграфную станцію и отправила слѣдующую телеграмму Эдмонду Стендену, въ гостинницу Питеръ-Поль въ Антверпенѣ.

«Да, тысячу разъ да. Я на пути въ Антверпенъ и лично отвѣчу на всѣ вопросы».

Сдѣлавъ это, лэди Перріамъ проѣхала на Іегеръ-Стритъ въ Блумсбёри, гдѣ ей посчастливилось захватить м-ра Ледлама, какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ вернулся изъ своего сельскаго убѣжища, откуда ранній поѣздъ доставилъ его въ городъ.

Этотъ джентльменъ немало удивился при видѣ своей патронессы.

— Вы собираетесь оказать намъ честь посѣщеніемъ «Бесѣдки», лэди Перріамъ?—спросилъ онъ нѣсколько тревожно.

— Нѣтъ еще, м-ръ Ледламъ. Я ѣду на континентъ нѣсколько отдохнуть и разсѣяться. По возвращеніи я съѣзжу повидаться съ вашимъ паціентомъ, и надѣюсь найти его въ такомъ положеніи, какое принесетъ честь вашимъ попеченіямъ. Я подумала, что такъ какъ нахожусь въ Лондонѣ, то лучше мнѣ заѣхать сюда къ вамъ и узнать изъ вашихъ устъ: все ли обстоитъ благополучно?

— Какъ нельзя лучше,—отвѣчалъ м-ръ Ледламъ сладкимъ голосомъ...—Нашъ бѣдный паціентъ бываетъ по временамъ сердитъ и капризенъ, но все же мы отлично ладимъ съ нимъ. Миссисъ Картеръ, сидѣлка, очень полезна и умѣетъ укрощать его. Онъ забралъ себѣ дикую фантазію относительно ея, и иногда...

— Любезный м-ръ Ледламъ, я просила васъ не терзать меня подробностями. Итакъ, вы нашли миссисъ Картеръ полезною для себя. Мнѣ приходитъ въ голову, что такъ какъ паціентъ любитъ ее, то пускай она ухаживаетъ за нимъ еще нѣкоторое время.

Лицо м-ра Ледлама выразило нѣкоторое смущеніе при этомъ предложеніи.

— Я, конечно, назначу вамъ сумму на ея содержаніе... скажемъ, хоть пятьдесятъ фунтовъ въ годъ.

Лицо м-ра Ледлама видимо просвѣтлѣло; затѣмъ стало задумчиво... затѣмъ окончательно просвѣтлѣло.

— Это можно устроить, леди Перріамъ, если вы этого желаете. Немного противъ моихъ правилъ принимать прежнихъ сидѣлокъ моихъ паціентовъ. Я предпочитаю самъ выбирать сидѣлокъ. Но въ этомъ случаѣ я сдѣлаю исключеніе. Миссисъ Картеръ останется съ нами... она будетъ раздѣлять спокойное уединеніе нашего тихаго убѣжища.

— Я подумала, что вамъ будетъ пріятно, м-ръ Ледламъ, получить часть денегъ впередъ.

— Это очень внимательно съ вашей стороны, леди Перріамъ. Не скрою, что небольшая ссуда будетъ мнѣ пріятна.

Сильвія дала ему сто фунтовъ въ билетахъ, заранѣе приготовленныхъ съ этою цѣлью, и получила отъ него росписку съ чисто дѣловымъ видомъ.

Два часа спустя она стояла на палубѣ антверпенскаго парохода, глядя, какъ медленно скрывались берега Эссекса и мечтая о счастливомъ будущемъ.

Мысль о сумасшедшемъ человѣкѣ, оставленномъ ею въ его новомъ убѣжищѣ... тюрьмѣ въ сущности... сожалѣніе о матери, осужденной раздѣлять его мрачное жилище, не осѣняли, подобно мрачному и зловѣщему облаку, солнечныя мечты Сильвіи Перріамъ. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя живутъ только для себя... опасенія, надежды, желанія которыхъ вертятся вокругъ своего собственнаго *я*.

Она спѣшила навстрѣчу своему милому и была счастлива.

ГЛАВА LV.

М-ръ Бэнъ одураченъ.

М-ръ Бэнъ сѣлъ на свою лошадь, Пеппера, стройную, широкогрудую лошадь, которую онъ держалъ для верховой ѣзды, и весело выѣхалъ изъ Монкгемптона... то-есть настолько весело, насколько это возможно для молодого вдовца, на котораго обращены взоры его согражданъ... ровно черезъ часъ послѣ того, какъ лэди Перріамъ отплыла на пароходѣ въ Антверпенъ.

Было ясное августовское утро и свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтвями молодыхъ деревьевъ, посаженныхъ передъ садиками миленькихъ виллъ, которыя въ послѣднее время выросли, точно гирлянда изъ кирпичей и известки, вдоль монкгемптонской дороги... пріятное доказательство развивающагося благосостоянія «нашихъ разростающихся городовъ», какъ называли ихъ монкгемптонцы въ мѣстной газетѣ. М-ръ Бэнъ, довольный своимъ массивнымъ, краснымъ кирпичнымъ домомъ, въ которомъ до него жили его отецъ и дѣдъ, съ презрѣніемъ поглядывалъ на эти игрушечныя виллы... немного солиднѣе тѣхъ швейцарскихъ коттеджей, которые продаются въ игрушечныхъ магазинахъ. Обитатели этихъ вновь выстроенныхъ жилищъ принадлежали къ людямъ недавно занявшимся торговлею, выскочкамъ, молодымъ парочкамъ съ малыми дѣтьми и юными служанками... словомъ, все народъ несолидный и не имѣвшій за собою давнишней и прочно-установившейся фирмы.

Весело ѣхалъ м-ръ Бэнъ мимо картонныхъ виллъ, еще веселѣе тамъ, гдѣ дорога получила окончательно сельскій характеръ, и гдѣ порхали одни только птицы да бабочки, или же паслись жирныя, лѣнивыя коровы, или же вялыя, старыя клячи поглядывали въ ворота изгородей, и только онѣ были свидѣтелями блеска его глазъ и полу-сдерживаемой улыбки на губахъ.

Онъ ѣхалъ за отвѣтомъ къ лэди Перріамъ и говорилъ самому себѣ, что отвѣтъ будетъ благопріятный. Онъ обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и рѣшилъ, что она не посмѣетъ отказать ему, хотя предложеніе его для нея неожиданно и даже по всей вѣроятности непріятно.

Допустимъ, что сердце ея принадлежитъ ея первому жениху, Эдмонду Стендену. Она побѣдитъ эту фантазію, какъ уже побѣдила ее однажды, когда вышла замужъ за сэра Обри Перріама. Допустимъ, что сердце ея никогда не будетъ принадлежать м-ру

Бэну, точно такъ, какъ не принадлежало и сэру Обри. Шадракъ Бэнъ обойдется безъ ея сердца.

«Я никогда особенно не гонялся за сердцами», говорилъ управляющій самому себѣ, «но желаю обладать этими землями, землями, которыя тщательно обработывались отцомъ и мною... землями, выгодно пріобрѣтенными и столь заботливо улучшаемыми, что онѣ приносятъ четыре съ половиной процента. Я хочу быть господиномъ тамъ, гдѣ былъ слугой. Хочу покончить съ конторой и передать ее сыну и главному клерку и умыть руки въ монкгемптонскихъ кляузахъ. Я желаю жить на собственной землѣ, желаю, чтобы за обѣдомъ моимъ сидѣла хорошенькая жена, желаю охотиться съ собаками три раза въ недѣлю, и желаю, чтобы меня звали сквайромъ, а не стряпчимъ».

Эти желанія были крайней гранью честолюбія м-ра Бэна, и онъ воображалъ себя на порогѣ своего рая. Онъ былъ убѣжденъ, что лэди Перріамъ не посмѣетъ ему въ чемъ-нибудь отказать.

«Во-первыхъ—и въ этомъ главная пружина моей машины,—съ смертью сэра Обри связана какая-то тайна. Какая — я не знаю и не желаю знать. Лучше вовсе не знать о ней. Моя власть остается неизмѣнной до тѣхъ поръ, пока она вѣритъ, что я ее знаю. Во-вторыхъ, бѣдный, старый, полоумный Мордредъ Перріамъ знаетъ нѣчто объ ея тайнѣ, и вотъ почему она держитъ его взаперти и охотно упрятала бы въ сумасшедшій домъ, еслибы могла это сдѣлать безопасно. Въ-третьихъ, эта миссисъ Картеръ, которая должно быть какая-нибудь бѣдная родственница лэди Перріамъ, до нѣкоторой степени посвящена въ эту тайну. Попытавъ старика или его сидѣлку, я могъ бы, полагаю, вывѣдать тайну, еслибы захотѣлъ. Но въ этомъ не предвидится надобности. Лицо лэди Перріамъ достаточно выдало ее въ тотъ разъ. Какова бы то ни была ея тайна, она думаетъ, что я о ней знаю, и боится меня какъ огня, такъ боится, что выйдетъ за меня замужъ и будетъ мнѣ покорна во всю остальную жизнь если не изъ любви, то изъ страха».

Такъ размышлялъ Шадракъ Бэнъ, направляясь къ Перріамъ-Плэсу. Привратница широко раскрыла передъ нимъ ворота и отпустила нижайшій поклонъ, когда онъ подъѣхалъ къ аллеѣ, ведшей къ дому. Всѣ слуги въ Перріамъ-Плэсѣ сознавали, что м-ръ Бэнъ болѣе или менѣе надъ ними господинъ. Онъ взялъ на себя обязанности управляющаго домомъ со времени болѣзни сэра Обри, и удержалъ эти обязанности по смерти сэра Обри. Онъ уплачивалъ жалованье слугамъ, и они думали, что онъ властенъ отказать имъ отъ мѣста по своей охотѣ.

Какъ ни былъ м-ръ Бэнъ погруженъ въ свои планы, но замѣтилъ низкій поклонъ привратницы и ощутилъ сладость власти.

«Славная синекура досталась этой женщинѣ», сказалъ онъ самому себѣ: «ей нечего дѣлать, какъ только присматривать за своими ребятишками, да разъ десять въ день отворить и затворить ворота. Вотъ одно изъ золъ, тяготѣющихъ надъ большими помѣстьями: въ нихъ всегда больше кошекъ, чѣмъ мышей».

Перріамъ-Плэсъ казался особенно величественнымъ при яркомъ утреннемъ освѣщеніи; цвѣтники въ итальянскомъ саду пестрѣли цвѣтами, статуи и мраморная балюстрада на террасахъ сверкали на солнцѣ.

«Красивъ старый домъ», подумалъ м-ръ Бэнъ: «въ немъ нѣтъ ничего картоннаго. Пріятно жить въ такомъ домѣ, хотя бы только въ качествѣ арендатора».

Входная дверь была широко раскрыта, но лакея, пребывавшаго обыкновенно въ передней, не было сегодня видно. М-ру Бэну пришлось позвонить, чтобы кто-нибудь пришелъ и подержалъ его лошадь. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ м-ръ Бэнъ успѣлъ позвонить вторично, появился упитанный слуга, съ видомъ виноватаго.

— Что вы, всѣ оглохли?—спросилъ м-ръ Бэнъ съ суровымъ упрекомъ.—Возьмите мою лошадь и прикажите Моррису разсѣдлать ее. Я не поѣду отсюда раньше часа или двухъ. Докладывать обо мнѣ не нужно: я знаю дорогу въ будуаръ лэди Перріамъ.

М-ръ Бэнъ оттолкнулъ онѣмѣвшаго отъ удивленія слугу, и взошелъ по лѣстницѣ. Онъ не далъ времени лакею отвѣтить ему, и тотъ не могъ также послѣдовать за м-ромъ Бэномъ и извѣстить его о случившемся, потому что м-ръ Бэнъ кинулъ ему поводья своей лошади, а лакей не зналъ, съ какого рода животнымъ имѣетъ дѣло: не вздумаетъ ли оно пуститься вскачь по итальянскому саду и разбить двѣ или три статуи, если его выпустить на волю.

Такимъ образомъ м-ръ Бэнъ взошелъ по лѣстницѣ нетерпѣливыми шагами влюбленнаго и прошелъ прямо въ уборную лэди Перріамъ, которую нашелъ пустою.

Въ корридорахъ царствовало глубокое безмолвіе: не слышно было голоса юнаго Сентъ-Джона, ни его плача, ни его смѣха. М-ръ Бэнъ прошелъ въ дѣтскую, большую, свѣтлую комнату, расположенную недалеко отъ покоевъ лэди Перріамъ. Дѣтская

была тоже пуста и, кромѣ того, все въ ней было прибрано, какъ будто въ нежилой комнатѣ.

М-ръ Бэнъ поглядѣлъ кругомъ оторопѣлымъ взглядомъ и затѣмъ сильно дернулъ за колокольчикъ.

На звонъ явилась главная служанка, особа съ кислымъ лицомъ, привыкшая прислуживать лэди Перріамъ до смерти сэра Обри, особа, которую смѣнила послѣ этого событія Селина, горничная, француженка.

— Боже милостивый, сэръ, какъ вы напугали меня, — воскликнула служанка,—позвонивъ въ этотъ колокольчикъ. Я подумала, что это домовые шалятъ, такъ какъ миссисъ Трингфольдъ уѣхала, и я знала, что въ комнатѣ никто не живетъ.

— Миссисъ Трингфольдъ уѣхала! Чтó вы хотите сказать этимъ, женщина!

— Извините, м-ръ Бэнъ, меня зовутъ Бетси Дейкъ, и я была бы вамъ благодарна, еслибы вы звали меня по имени. Я понимаю, что вы поражены, но не люблю, чтобы ко мнѣ прилагали такую «эпитафію».

«Эпитафія» была родовое названіе «женщина», которымъ м-ръ Бэнъ нѣсколько грубо швырнулъ въ лицо старой дѣвѣ.

— Вы хотите сказать, что миссисъ Трингфольдъ уѣхала, оставила Перріамъ-Плэсъ?—спросилъ онъ, не обращая вниманія на упрекъ.

— Да, сэръ, уѣхала вчера въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Но кто же няньчитъ сэра Сентъ-Джона?

— Сэръ Сентъ-Джонъ тоже уѣхалъ, сэръ, вчера вечеромъ въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Зачѣмъ они уѣхали, куда, кто отправилъ ихъ?—спросилъ управляющій, задыхаясь отъ гнѣвнаго волненія.

— Этого никто не знаетъ, кромѣ лэди Перріамъ. Она все это устроила и уѣхала съ ними.

— Лэди Перріамъ уѣхала въ Лондонъ, неправда-ли?—проговорилъ м-ръ Бэнъ, медленно приходя въ себя. Она уѣхала разсѣяться, должно быть, какъ я ей совѣтовалъ это давно уже. Она уѣхала, наконецъ, и немного внезапно, по дамской привычкѣ. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ убѣдить въ чемъ-нибудь женщину, но разъ она заберетъ что-либо себѣ въ голову, то дѣйствуетъ второпяхъ. Сообщила ли лэди Перріамъ кому-нибудь... экономкѣ, напримѣръ, куда она уѣзжаетъ и на долго ли?

— Лэди Перріамъ никому не сообщала объ этомъ, сэръ. Она всегда была молчалива насчетъ этихъ вещей, а тутъ стала

молчаливѣе чѣмъ когда-либо. Миссисъ Трингфольдъ и это безцѣнное дитя были захвачены совсѣмъ врасплохъ. Имъ не дали даже времени уложиться. Можно было бы подумать, что лэди Перріамъ спасается отъ какой-то опасности.

— Поспѣшный отъѣздъ, нѣтъ сомнѣнія,—проговорилъ м-ръ Бэнъ, не вполнѣ осиливъ свое волненіе;—но полагаю, что послѣ такого поспѣшнаго отъѣзда лэди Перріамъ не долго будетъ находиться въ отсутствіи. А теперь я пойду и потолкую съ миссисъ Картеръ. Мнѣ нужно переговорить съ ней о дѣлѣ.

— Вы желаете переговорить съ миссисъ Картеръ, сэръ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что она уѣхала изъ Плэса?

— Миссисъ Картеръ! Какъ, и она также?

— Да, сэръ. Она уѣхала съ м-ромъ Перріамомъ и незнакомымъ джентльменомъ третьяго дня.

М-ръ Бэнъ подробно разспросилъ горничную и услышалъ исторію отъѣзда Мордреда, насколько съумѣла ее передать Бетси Дейкъ. Какъ незнакомый господинъ, съ виду похожій на священника или на доктора, пріѣзжалъ въ Плэсъ третьяго дня; какъ онъ и лэди Перріамъ сидѣли взаперти больше часу, и какъ отданъ былъ приказъ запречь карету къ семи часамъ, и какъ въ этотъ часъ м-ра Перріама свели съ лѣстницы незнакомецъ и миссисъ Картеръ, и какъ всѣ трое они уѣхали въ каретѣ, которая отвезла ихъ на монкгемптонскую станцію и тамъ оставила ихъ.

«Клянусь честью! она ловко это обработала», подумалъ м-ръ Бэнъ, слушая, повидимому, безпечно длинное повѣствованіе, уснащиваемое различными вводными предложеніями служанкой; «но она не такая умная женщина, какою я ее считалъ, если воображаетъ, что такъ дешево отдѣлается отъ меня. Она не можетъ на долго покинуть Перріамъ-Плэсъ, не разставшись съ пятью тысячами фунтовъ въ годъ доходу... вдовья часть, изъ-за которой она продала себя... а это она врядъ ли сдѣлаетъ».

До сихъ поръ еще м-ръ Бэнъ ничего не слыхалъ объ отъѣздѣ Эдмонда Стендена, поэтому у него не было ключа къ бѣгству лэди Перріамъ.

— Кажется, что вамъ оставлено письмо, сэръ, — сказала Бетси Дейкъ, облегчивъ душу невыгодными инсинуаціями насчетъ госпожи, пренебрегшей ея услугами.—Мнѣ припоминается, что я какъ-будто видѣла письмо на каминѣ, въ комнатѣ лэди Перріамъ, когда убирала ее сегодня утромъ.

— Вамъ припоминается!—вскричалъ агентъ.—Вамъ бы слѣдовало раньше объ этомъ вспомнить, еслибы вы были въ своемъ умѣ.

Онъ самъ пошелъ искать письма. Да! вотъ лежитъ конвертъ, надписанный правильнымъ, смѣлымъ почеркомъ Сильвіи и запечатанный Перріамской гербовой печатью.

Шадракъ Бэнъ разорвалъ конвертъ руками, которыя слегка дрожали, едвали не впервые въ его жизни. Онъ жадно пробѣжалъ эти старательно написанныя строчки, взглянулъ на *postscriptum* глазами, сверкавшими гнѣвомъ, и затѣмъ съ губъ его сорвалось одно только слово, но нехорошее слово, гораздо хуже того, которымъ обидѣлась Бетси Дейкъ.

«Неужели она воображаетъ, что такъ легко отдѣлается отъ меня», проговорилъ онъ шопотомъ, «когда я знаю то, чтó я знаю или подозрѣваю,—чтó въ сущности одно и то же. Развѣ она разсчитываетъ такъ же легко справиться со мной, какъ еслибы мы были равной силы? Она признается въ своей любви къ Стендену... даже похваляется ею! Она врядъ ли бы сдѣлала это, еслибы они не сговорились, не составили уже плана будущей жизни! Она осмѣливается также говорить о сэрѣ Обри, о своемъ уваженіи, почтеніи, своей благодарности! Чѣмъ она ихъ доказала? Я поставляю себѣ задачей отвѣтить на этотъ вопросъ и отвѣчу на него во всеуслышаніе, если она не будетъ благоразумна».

Приписка сердила его даже больше, чѣмъ самое письмо.

«Какая лукавая тварь! — бормоталъ онъ,—«заставила меня указать ей удобное орудіе и затѣмъ воспользовалась имъ безъ моей помощи. Но я розыщу этого бѣдняка Мордреда и узнаю отъ него ея тайну, если онъ, какъ я подозрѣваю, знаетъ ее. Но прежде надо настичь ее, изловить, прежде чѣмъ она успѣетъ положить вторичное замужство преградой между мною и ея богатствомъ.»

М-ръ Бэнъ не высказывалъ даже самому себѣ, въ чемъ онъ заподозривалъ Сильвію; но каковы бы ни были его подозрѣнія, это не мѣшало ему желать имѣть Сильвію своей женой. Она была самой красивой женщиной, какую онъ только встрѣчалъ, и самой богатой, какую только онъ знавалъ. Онъ могъ сквозь пальцы поглядѣть на маленькіе грѣшки, которые остановили бы отъ женитьбы большинство мужчинъ.

«Не многіе женились бы на ней, подозрѣвая ее въ томъ, въ чемъ я ее подозрѣваю»,—размышлялъ онъ, суя смятое письмо въ карманъ.—«Но вѣдь большинство мужчинъ трусы относительно женщинъ. Я такъ же мало боюсь ея, какъ индійскіе колдуны тѣхъ змѣй, которыхъ они вѣшаютъ себѣ на шею».

Онъ сошелъ съ лѣстницы, повидался съ экономкой, упомянулъ безпечно объ отъѣздѣ лэди Перріамъ, словно это была самая

простая вещь въ мірѣ, убѣдился, что съ этой стороны не добьется никакихъ свѣдѣній, и оставилъ Плэсъ съ обычнымъ невозмутимымъ лицомъ. Однако міръ значительно измѣнился въ его глазахъ, и онъ уже былъ далеко не такъ увѣренъ въ присвоеніи себѣ тѣхъ земель, которыя онъ и отецъ его съ такимъ искусствомъ и ловкостью присоединяли къ Перріамскому имѣнію.

Въ одномъ только онъ не сомнѣвался, — въ томъ, что отмститъ, если ему не удастся завладѣть землями.

ГЛАВА LVI.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Лицо м-ра Бэна было очень серьёзно, когда онъ ѣхалъ обратно въ Монкгемптонъ. Сдержанная улыбка, улыбка веселаго торжества, исчезла съ его губъ, и во взглядѣ его выражалась рѣшимость, не обѣщавшая ничего добраго для его враговъ. Онъ не остановился у своего дома въ Гай-Стритѣ, но проѣхалъ далѣе и остановился у другого дома, того же размѣра, но съ бо́льшими претензіями на величіе, чѣмъ солидное и скромное жилище м-ра Бэна. Этотъ домъ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ улицы, и передъ переднимъ фасадомъ его разстилался фруктовый садъ, охраняемый желѣзной рѣшеткой, съ широкими воротами справа, и полу-круглой аллеей, посыпанной пескомъ, для проѣзда экипажей. Достоинство этого добраго стараго дома съ претензіей на родовитость нѣсколько роняла боковая дверь, продѣланная по лѣвую руку отъ оконъ столовой, дверь, украшенная большой мѣдной доской, а ночью красной лампой, горѣвшей надъ ней. То было жилище почтеннаго гражданина, домового врача Перріамовъ, м-ра Стимпсона.

Было два часа пополудни, время, въ которое м-ръ Стимпсонъ угощалъ себя сытнымъ и обильнымъ полдникомъ, запивая его рюмкой или двумя особеннаго, имъ выбраннаго хереса. М-ръ Стимпсонъ былъ семейный человѣкъ, но онъ поздно женился, и привычки холостяка сохранились за нимъ, не смотря на миссисъ Стимпсонъ и маленькихъ Стимпсоновъ. Такимъ образомъ, пока жена и дѣти шумно завтракали въ столовой, докторъ ѣлъ свою баранину и пилъ свой хересъ въ кабинетѣ, гдѣ его не тревожилъ дѣтскій гамъ и дѣтская неопрятность.

М-ру Бэну посчастливилось застать м-ра Стимпсона за его полдникомъ — занятаго бисквитами и выбирающаго кусочки по-

лучше въ стильтонскомъ сырѣ, которымъ по временамъ благодарные паціенты вознаграждали труды м-ра Стимпсона.

— Садитесь, Бэнъ,—сказалъ онъ съ дружеской фамильярностью,—и угоститесь рюмкой этого хереса. Тутъ нѣтъ сахара или водки, и ровно никакой примѣси. Въ домѣ у васъ, надѣюсь, все обстоитъ благополучно. Вы какъ будто блѣдны. Миссъ Бэнъ отлично ведетъ хозяйство... удивительная молодая особа, образецъ для всего Монкгемптона.

— Да, мои дочери здоровы. Онѣ добрыя дѣвушки.

— Отличныя дѣвушки, сэръ; первый сортъ; дѣвушки, какихъ въ наше время не часто встрѣтишь,—произнесъ докторъ съ энтузіазмомъ и такимъ видомъ, какъ будто бы ему самому извѣстно объ обѣихъ миссъ Бэнъ гораздо больше, чѣмъ ихъ отцу.

— Мое семейство здорово, благодареніе Богу,—проговорилъ м-ръ Бэнъ, выпивъ рюмку любимаго докторскаго хересу, острой жидкости, которую докторъ словно размѣшивалъ какимъ-нибудь снадобьемъ.—Я не о нихъ пріѣхалъ говорить.

— Надѣюсь, что и не о себѣ,—вскричалъ докторъ, зорко оглядывая м-ра Бэна и будучи не прочь открыть признаки какой-нибудь хронической болѣзни, которая бы сдѣлала Шадрака Бэна такимъ же выгоднымъ паціентомъ, какимъ была его жена.

— Я пріѣхалъ поговорить о болѣе серьёзномъ дѣлѣ, чѣмъ моя болѣзнь.

— Боже милостивый! М-ръ Бэнъ, вы пугаете меня.

— Вы и не такъ испугаетесь, когда я все выскажу,—замѣтилъ м-ръ Бэнъ серьёзно.—Вамъ извѣстно, какое положеніе я занималъ относительно сэра Обри Перріама.

— Положеніе довѣреннаго лица, полагаю.

— Нѣтъ, больше того, друга. Я служилъ ему и почиталъ его, какъ никакого другого человѣка. Я гордился тѣмъ, что онъ мой патронъ... съ ранней молодости привыкъ я заботиться объ его интересахъ. Послѣ того, какъ его разбилъ параличъ, я сталъ его правою рукой, какъ вамъ извѣстно. Его безпомощность только тѣснѣе сблизила насъ. Мнѣ казалось, что я ухаживаю за любимымъ отцомъ.

— Эти чувства дѣлаютъ честь вашему уму и сердцу,—сказалъ докторъ съ жаромъ, недоумѣвая, къ чему клонились всѣ эти объясненія, повидимому, совсѣмъ праздныя.

— Вы припомните, быть можетъ, что когда вы посовѣтовали мнѣ вторично отвезти мою бѣдную жену въ Каннъ, я не вполнѣ охотно сдѣлалъ это, хотя не въ моихъ привычкахъ отступать отъ выполненія долга, какъ бы ни былъ онъ тягостенъ. Дѣло въ томъ,

что мнѣ не хотѣлось покидать моего стараго друга и патрона въ его безпомощномъ состояніи. Быть можетъ, то было предчувствіе; быть можетъ, предостереженіе свыше, но несомнѣнно, что мнѣ крайне не хотѣлось покидать его, хотя бы на нѣсколько недѣль. Судите, поэтому, о моемъ ужасѣ, когда, вернувшись, я услышалъ, что онъ умеръ.

— То былъ тяжкій ударъ, несомнѣнно,—воскликнулъ м-ръ Стимпсонъ, дивясь все болѣе и болѣе этимъ непонятнымъ жалобамъ.

— Я услышалъ, что онъ умеръ... скоропостижно, неожиданно взятъ отъ насъ. Уже до моего возвращенія его поспѣшили закопать въ землю.

— Не говорите, что его поспѣшили закопать въ землю,—протестовалъ м-ръ Стимпсонъ;—похороны, хотя и строго семейныя, были великолѣпны. Я самъ на нихъ присутствовалъ, помните. Ни въ чемъ не было недостатка.

— Да, ни въ чемъ, кромѣ одного... слѣдствія надъ мертвымъ тѣломъ.

— Слѣдствія? Оно было бы излишне, дорогой Бэнъ. Допустимъ, что смерть сэра Обри застала насъ нѣсколько врасплохъ, но все же ее нельзя причислить къ числу скоропостижныхъ. Онъ былъ неизлечимъ и могъ каждую минуту умереть, не возбуждая удивленія во врачѣ, знакомомъ съ его положеніемъ. Сердце было давно уже не въ порядкѣ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что сердце было непосредственной причиной смерти.

— Не кажется ли вамъ, что анатомированіе лучше бы рѣшило этотъ вопросъ, чѣмъ догадки или теорія?

— Анатомированіе не вернуло бы сэра Обри къ жизни, а было бы крайне тяжело для лэди Перріамъ.

— Понимаю. Вы больше заботились о живыхъ, чѣмъ о мертвыхъ.

— Я ничего не могъ сдѣлать для мертваго, но могъ причинить безполезное страданіе живымъ,—отвѣчалъ м-ръ Стимпсонъ съ оскорбленнымъ достоинствомъ.

Ему не нравилось, что м-ръ Бэнъ порицаетъ образъ его дѣйствій.

— И вы не пытались проникнуть причину смерти сэра Обри? Вы почли за рѣшеное дѣло, что онъ умеръ отъ аневризма.

— Я не говорилъ, что онъ умеръ отъ аневризма,—сказалъ м-ръ Стимпсонъ, смущаясь,—я сказалъ только, что у него сердце было не въ порядкѣ. Но органическаго поврежденія не было.

— Какъ долго былъ онъ мертвъ, когда вы его увидѣли?

— Нѣсколько часовъ. За мной прислали утромъ, а онъ умеръ вскорѣ послѣ полуночи. Я нашелъ лэди Перріамъ въ отчаянномъ положеніи, ударъ почти сразилъ ее. Еслибы я заботился въ это время больше о мертвыхъ, чѣмъ о живыхъ, у ней открылась бы безъ всякаго сомнѣнія нервная горячка.

— Вы, слѣдовательно, устремили все свое вниманіе на живую паціентку и не безпокоились объ умершемъ?

— Мнѣ нечего было съ нимъ дѣлать.

— Вы не изслѣдовали трупа?

— Къ чему? Я не желалъ тревожить покойника. Миссисъ Картеръ исполнила все, что слѣдуетъ. Сэръ Обри былъ уже обмытъ и убранъ, когда я увидѣлъ его.

— А! миссисъ Картеръ убирала его, не правда ли? Гдѣ былъ его вѣрный, старый слуга, Чепленъ? Почему онъ не присутствовалъ при этой печальной церемоніи?

— Онъ лежалъ въ постели, страдая подагрой... или, вѣрнѣе, жертвой своей невоздержности. Онъ оставилъ Перріамъ-Плэсъ до похоронъ совсѣмъ разбитымъ человѣкомъ и вернулся во Францію, щедро награжденный, хотя завѣщаніе сэра Обри еще не было вскрыто. Лэди Перріамъ наградила его вѣрную службу изъ своего кошелька.

— Сэръ Обри очень измѣнился, полагаю? Вы, быть можетъ, не поглядѣли ему въ лицо?

— Да, я глядѣлъ ему въ лицо. Комната была нѣсколько темна, но я замѣтилъ перемѣну въ лицѣ, даже болѣе замѣтную перемѣну, чѣмъ обыкновенно производитъ смерть.

— Это не заронило подозрѣнія въ вашемъ умѣ?

— Боже праведный, нѣтъ! Какое же подозрѣніе могло у меня возникнуть?

— То, что сэръ Обри умеръ неестественной смертью.

— М-ръ Бэнъ, вы съ ума сошли?

— Надѣюсь, что нѣтъ; но я ломалъ голову надъ внезапной и на мой взглядъ таинственной смертью моего патрона, пока въ умѣ моемъ не зародилось страшнаго подозрѣнія. Почему вы не были призваны раньше къ покойнику? Почему часы протекли и тѣло было уже убрано, прежде чѣмъ рѣшились послать за вами.

— Я приписываю все не совсѣмъ обыкновенному въ этомъ случаѣ разстройству лэди Перріамъ.

— Ну, быть можетъ, я ошибаюсь. Пожалуйста, не думайте, что я хоть сколько-нибудь подозрѣваю лэди Перріамъ. Такой мысли мнѣ и въ голову не приходитъ. Она несомнѣнно такъ же невинна, какъ и хороша. Никогда не слыхалъ я, чтобы сэръ Обри

на нее пожаловался. Никогда не слыхалъ я, чтобы и она жаловалась на свою судьбу. Особа, которую я подозрѣваю, это миссисъ Картеръ—эта тихая, молчаливая, сдержанная особа.

— Крайне сдержанная особа, съ этимъ я согласенъ. Но я не вижу, какой мотивъ могла она имѣть—уморить сэра Обри?

— Она могла думать, что въ завѣщаніи ей отказана большая сумма. Въ минуту слабости онъ могъ сдѣлать ей обѣщаніе такого рода, и оно возбудило ея жадность.

М-ръ Стимпсонъ ерошилъ свои жидкіе, сѣдые волосы до тѣхъ поръ, пока они буквально не встали дыбомъ. М-ръ Стимпсонъ былъ очень блѣденъ и казался сильно разстроеннымъ, когда схватилъ графинъ и налилъ себѣ другую рюмку хереса, чтобы подкрѣпить себя противъ ужасныхъ предположеній Шадрака Бэна.

— Я этому не вѣрю,—вскричалъ онъ.—Къ чему вы пришли пугать меня такими бреднями только за то, что я пощадилъ чувства хорошо воспитанной и деликатной лэди и постарался избавить ее отъ пытки коронерскаго слѣдствія? Какой мотивъ руководитъ вашими инсинуаціями, м-ръ Бэнъ?

— Просто желаніе предостеречь васъ. Я съ самаго начала подумалъ, что въ смерти сэра Обри есть что-то неладное. Обстоятельства, возникшія впослѣдствіи, только подтвердили это мнѣніе. Я счелъ своимъ долгомъ предостеречь васъ. Въ случаѣ какого открытія, ваша репутація можетъ пострадать... васъ могутъ обвинить въ небрежности. Примите мой совѣтъ, м-ръ Стимпсонъ, и ни слова объ этомъ, пока я или другой кто не сообщитъ вамъ чего новаго. Прощайте. Я очень занятъ и не могу долѣе оставаться.

— М-ръ Бэнъ, мой дорогой Бэнъ, ради самого неба выскажитесь яснѣе, закричалъ докторъ жалобно; но Шадракъ Бэнъ покинулъ комнату, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ удержать его, и оставилъ доктора въ крайнемъ смущеніи.

«Я ловко, однако, закинулъ крючекъ», подумалъ стряпчій, направляясь отъ доктора въ банкъ. «Если лэди Перріамъ перемѣнитъ мысли и согласится исполнить мое желаніе, то мнѣ легко будетъ отказаться отъ всего, что я сказалъ. Если нѣтъ, то вотъ закладка той мины, которая должна ее погубить».

Онъ прошелъ въ банкъ, получилъ деньги по двумъ или тремъ небольшимъ чекамъ, которые нашелъ въ карманѣ съ недѣлю или двѣ, и затѣмъ спросилъ: можетъ ли онъ видѣть м-ра Стендена.

— М-ръ Стенденъ уѣхалъ изъ Монкгемптона. Не позвать ли къ вамъ м-ра Фильпотса?—возразилъ клеркъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно видѣть самого м-ра Стендена. Какъ вы думаете: не вернется онъ черезъ день или два?

— Не имѣю понятія, но спрошу у м-ра Фильпотса, если вамъ угодно. Я полагаю, что это ему извѣстно,—отвѣчалъ клеркъ вѣжливо, желая угодить такому хорошему кліенту, человѣку, который нѣкоторымъ образомъ представлялъ перріамское помѣстье.

— Пожалуйста, будьте такъ добры, и если вы узнаете, куда онъ уѣхалъ, то я буду вамъ вдвойнѣ благодаренъ.

Клеркъ удалился во внутреннія комнаты и скоро вернулся, улыбаясь.

— М-ръ Фильпотсъ получилъ какъ разъ сегодня утромъ отъ него письмо, сэръ. М-ра Стендена ожидаютъ не такъ скоро назадъ. Онъ находится въ Антверпенѣ.

— Въ Антверпенѣ?

— Да, сэръ; онъ собрался, кажется, путешествовать. Его письмо изъ Антверпена. Онъ пишетъ, что немедленно ѣдетъ дальше, по Рейну, но пишетъ изъ гостинницы Питеръ-Поль, въ Антверпенѣ.

— Благодарю васъ. Я напишу ему сегодня же. Мнѣ нужно посовѣтоваться съ нимъ насчетъ небольшого клочка земли, прилегающаго къ Декановой усадьбѣ. Прощайте.

Шадракъ Бэнъ вернулся домой. Онъ теперь узналъ все, что̀ могъ узнать въ Монкгемптонѣ.

«Въ Антверпенѣ!» думалъ онъ, «въ Антверпенѣ. Все говоритъ за то, что лэди Перріамъ и Эдмондъ Стенденъ въ заговорѣ, и она отправилась вслѣдъ за нимъ. Куда иначе могла она уѣхать? Она смѣло сознается въ любви къ нему въ своемъ письмѣ ко мнѣ. Она поѣхала за нимъ въ Антверпенъ, чтобы обвѣнчаться съ нимъ, по всей вѣроятности, если я этому не помѣшаю. Но было бы странно, еслибы я не помѣшалъ этой свадьбѣ. Желалъ бы я знать, сколько времени идетъ пароходъ въ Антверпенъ? Да, самымъ короткимъ будетъ отправиться изъ Дувра въ Остенде, а оттуда по желѣзной дорогѣ. Да, я изберу этотъ путь и долженъ попасть въ Дувръ съ вечернимъ поѣздомъ».

Агентъ былъ человѣкъ рѣшительный. Онъ отправился въ свою контору, отдалъ словесныя приказанія и продиктовалъ страницу или двѣ письменныхъ инструкцій своимъ клеркамъ, сказалъ имъ, что отправляется въ Бельгію по дѣлу на нѣсколько дней, распорядился насчетъ доставки ему писемъ и телеграммъ, уложилъ свой чемоданъ, объявилъ о своемъ отъѣздѣ удивленнымъ дѣтямъ, позавтракалъ бараниной, хотя и безъ всякаго аппетита, и явился

на станцію къ поѣзду, отходившему въ 3 ч. 45 м., который доставилъ его въ Лондонъ въ четверть девятаго, то-есть вб-время, чтобы захватить поѣздъ, отходившій въ Дувръ.

Въ полночь онъ уже стоялъ на палубѣ маленькаго парохода, вдыхая ароматическій августовскій воздухъ и размышляя о предстоящемъ ему образѣ дѣйствій.

Онъ слѣдовалъ за Сильвіей Перріамъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. Если ему не удастся сдѣлать ее своей женой, онъ намѣревался изобличить ее. Мрачное подозрѣніе, зародившееся въ его умѣ, превратилось въ твердую увѣренность.

Онъ крѣпко вѣрилъ, что сэра Обри Перріама уморила его жена преждевременно.

ГЛАВА LVII.

Сладость свиданія.

Сильвія и ея свита прибыли въ Антверпенъ рано по-утру на другой день, какъ отплыли изъ Англіи. Селина, француженка-горничная, чувствовала себя въ своей сферѣ, среди шума и суеты пароходной пристани, среди гама разнообразныхъ голосовъ и говоровъ, напоминавшихъ путешественникамъ вавилонское столпотвореніе, трещала по-французски, между тѣмъ какъ бѣдная миссисъ Трингфольдъ поглядывала вокругъ себя съ безпомощнымъ удивленіемъ и съ такимъ же страхомъ, какъ еслибы очутилась среди сѣверо-американскихъ индѣйцевъ или черныхъ уроженцевъ центральной Африки.

«Я бы никогда не могла привыкнуть къ иностранцамъ», бормотала она себѣ подъ носъ, такъ какъ ей некому было повѣрить своихъ треволненій; «а жить между ними должно быть ужасно: вѣдь не знаешь даже, что ѣшь и пьешь, да и какъ знать, не замышляютъ ли туземцы убійства. Они всѣ на видъ смахиваютъ на убійцъ».

Лэди Перріамъ скоро покончила съ таможенными, которые снисходительнымъ окомъ глядѣли на чемоданы такой щедрой лэди и затѣмъ усадили ребенка, съ нянькой и горничной, въ наемную карету и уѣхали въ гостинницу св. Антонія. Она не сочла приличнымъ остановиться въ томъ отелѣ, гдѣ стоялъ м-ръ Стенденъ.

Она выбрала себѣ нѣсколько комнатъ; спальню для Трингфольдъ съ ребенкомъ, рядомъ съ ея собственной спальней; салонъ въ три окна, отдѣланный пунцовымъ бархатомъ и высо-

кими зеркальными трюмó, словомъ—княжескую квартиру. Но это великолѣпіе не плѣняло миссисъ Трингфольдъ.

— Комнаты, конечно, довольно красивы,—говорила она Селинѣ, которая, къ счастію, понимала по-англійски;—но онѣ не уютны. Мнѣ все кажется, что въ нихъ чего-то недостаетъ.

Завтракъ былъ сервированъ миледи въ салонѣ. Трингфольдъ и Селина позавтракали въ дѣтской. Трингфольдъ нѣсколько просвѣтлѣла при видѣ бифштекса и вареннаго картофеля, которые объявила болѣе приличными, чѣмъ она ожидала отъ иностранной пищи.

— Но я не удивлюсь, если это окажется кониной,—замѣтила она съ сомнѣніемъ.

Но конина или нѣтъ, однако Трингфольдъ кушала, и съ большимъ аппетитомъ. Она страдала морскою болѣзнію во все время плаванія и ея внутренности, какъ она объявила Селинѣ, превратились въ пустоту.

Лэди Перріамъ быстро позавтракала. Она съѣла маленькій кусочекъ хлѣбца, выпила чашку кофе и пошла въ спальню переодѣться, прежде чѣмъ ѣхать въ гостинницу «Питеръ-Поль», къ Эдмонду Стендену.

Она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала свиданія съ нимъ, опасаясь, чтобы какая-нибудь роковая случайность не помѣшала ему. Онъ могъ оставить Антверпенъ, не дожидаясь отвѣта на свое письмо. Какъ она ни спѣшила отвѣчать ему лично, но могла оповдать. Судьба до сихъ поръ была противъ нея.

«Какая я разстроенная», думала она, надѣвая шляпку передъ чужимъ зеркаломъ.

Чужія зеркала обыкновенно не льстятъ. Они склонны придавать зеленоватый и болѣзненный оттѣнокъ человѣческимъ лицамъ. Глубокій трауръ лэди Перріамъ только усиливалъ блѣдность ея утомленнаго лица. Большіе, каріе глаза глядѣли устало. Она была все еще красавицей, но ей уже недоставало той юной миловидности и свѣжести, которая сіяла Эдмонду Стендену въ тѣни орѣшника.

«Любовь вернетъ мнѣ снова красоту, когда я буду съ нимъ», сказала она самой себѣ.

Она приказала нанять карету и велѣла везти себя въ гостинницу «Питеръ-Поля», большого и нѣсколько мрачнаго на видъ отеля, расположеннаго неподалеко отъ знаменитаго дома Рубенса, посѣщаемаго путешественниками. Здѣсь она спросила о м-рѣ Стенденѣ.

— Да, здѣсь былъ англичанинъ такой фамиліи. Онъ въ настоя-

щую минуту пишетъ письма въ своей комнатѣ. Угодно ли madame, чтобы ему доложили о ея приходѣ, или же madame желаетъ, чтобы ее провели въ его комнату?

Madame пожелала, чтобы ее провели къ нему. Слуга повелъ ее по лѣстницѣ въ первый этажъ. Какъ билось сердце Сильвіи, когда она шла за слугой по корридору, пока онъ не остановился у одной двери и не постучался осторожно и почтительно въ дверь, на что послышался краткій отвѣтъ знакомаго ей голоса: «*Entrez!*»

Вошелъ не слуга; вошла Сильвія. Эдмондъ писалъ за столомъ у окошка, сидя спиной къ двери и даже не повернулъ головы, никого не ожидая, кромѣ слуги. Сильвія подошла близко, близко къ его стулу и слегка дотронулась до его плеча. При этомъ легкомъ прикосновеніи онъ вскочилъ на ноги, увидѣлъ ея милое лицо, глядѣвшее на него умоляющими глазами, и заключилъ ее въ свои объятія.

— Сильвія, это твой отвѣтъ?—вскричалъ онъ съ восторгомъ.

Забыты были безчестіе, нарушенное слово, гнѣвъ матери, горесть Эсѳири: все было забыто въ эту блаженную минуту.

— Какого же отвѣта ты ждалъ? — спросила она съ упрекомъ, глядя на него глазами, отуманенными слезами.—Развѣ я не говорила тебѣ, что никогда не переставала тебя любить. Какого отвѣта могъ ты ожидать на свой безумный вопросъ. Я твоя, Эдмондъ. Твоя навѣки. Зачѣмъ ты убѣжалъ отъ меня?

— Я убѣжалъ не отъ тебя, а отъ собственнаго позора. Я поступилъ, какъ негодяй. Я ненавижу себя за свое безуміе, которое заставило меня повѣрить, что я могъ забыть тебя или жить безъ тебя.

— Да, это было, конечно, заблужденіе, — отвѣтила Сильвія съ ясной улыбкой.

Она сознавала теперь, что міръ снова принадлежитъ ей; Клеопатра, съ Антоніемъ у своихъ ногъ, не могла сильнѣе сознавать своего могущества или сильнѣе презирать Октавію, чѣмъ Сильвія—миссъ Рочдель.

— Заблужденіе, причинившее страданіе другому лицу,—проговорилъ Эдмондъ съ раскаяніемъ.

Совѣсть въ немъ ни на минуту не умолкала, даже и въ этотъ торжественный часъ, когда кудрявая головка Сильвіи покоилась на его груди, а ея чудные глаза глядѣли на него съ выраженіемъ торжествующей любви.

— Да! Миссъ Рочдель сама виновата, если была обманута.

Она знала, какъ ты любилъ меня два года тому назадъ. Она должна была знать, что ты не можешь любить ее.

— Она повѣрила моей честности, Сильвія. Она сдѣлала мнѣ честь довѣриться моему слову только затѣмъ, чтобы убѣдиться, что я обманулъ ее. Она никогда не узнаетъ, что я прежде всего обманулъ самого себя.

— Ступай къ своей миссъ Рочдель, — закричала Сильвія, вырываясь изъ его объятій. — Ясно, что она тебѣ дороже, чѣмъ я.

— Ты знаешь, что нѣтъ, Сильвія. Ты знаешь, что я пытался полюбить ее... пытался отдать ей сердце, отвергнутое тобой... пытался найти свое счастіе въ любви къ ней... но не могъ. Чары твои оказались сильнѣе.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричала Сильвія. — Я этому рада. Вѣришь ли ты въ нравственную власть одного человѣка надъ другимъ? Я вѣрю. Часто, часто въ тѣ томительные, долгіе дни, которые я проводила въ Перріамѣ, послѣ... послѣ смерти сэра Обри... Когда я надѣялась, что ты придешь ко мнѣ, а ты не приходилъ, я складывала руки на груди, закрывала глаза и звала тебя:—Эдмондъ, приди ко мнѣ, говорила я! Эдмондъ, будь мнѣ вѣренъ! Эдмондъ, я люблю тебя, отплати мнѣ любовью за любовь! Значитъ, чары подѣйствовали?

— Да, подѣйствовали! — отвѣчалъ онъ, снова прижимая ее къ груди.

Они снова были близки другъ къ другу, снова женихъ и невѣста, какъ и въ тѣ былые дни подъ орѣшникомъ.

— Чары подѣйствовали, Сильвія, но то были старыя чары... тѣ чары, которыми ты околдовала меня въ то весеннее утро, когда я впервые увидѣлъ тебя въ Гедингемской церкви. Дѣйствіе этихъ чаръ никогда не проходило. Я только вообразилъ, что отдѣлался отъ нихъ.

— Ты снова мой плѣнникъ, — говорила Сильвія, охватывая руками шею своего милаго въ ту минуту, какъ онъ наклонилъ къ ней голову.

— А теперь, Эдмондъ, поговоримъ о будущемъ,—продолжала она, освобождая его изъ нѣжнаго плѣна и усаживаясь въ кресло у открытаго окна, выходившаго на сонную, старинную площадь, залитую полуденнымъ солнцемъ.—Намъ нищета не угрожаетъ болѣе... Намъ нечего бояться, что насъ лишатъ наслѣдства суровые родственники.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Эдмондъ угрюмо,—*ты* богата.

— А ты бѣденъ... бѣденъ изъ-за меня... и недоволенъ, что

будешь обязанъ своимъ богатствомъ мнѣ? Такъ ли, Эдмондъ? Я мучила тебя когда-то, потому что тебѣ угрожала бѣдность, а теперь ты, кажется, собираешься мучить меня, потому что я богата.

— Нѣтъ, Сильвія, я слишкомъ счастливъ, чтобы мучить тебя. Какъ мнѣ отблагодарить тебя, моя храбрая дѣвочка, за то, что ты пріѣхала ко мнѣ? Мы не будемъ думать о другихъ людяхъ, позабудемъ весь свѣтъ; если другіе будутъ презирать твоего мужа, Сильвія, ты не отнесешься къ нему съ презрѣніемъ.

— Съ презрѣніемъ къ тебѣ!—повторила она.—Ты знаешь, что я всегда считала тебя лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей. Да, даже и тогда, когда я такъ дурно поступила съ тобой.

— Позабудемъ о прошлыхъ горестяхъ, Сильвія. А теперь разскажи мнѣ, какъ ты сюда пріѣхала. Я такъ былъ удивленъ и обрадованъ, увидя тебя, что не догадался спросить объ этомъ раньше. Какъ ты попала въ Антверпенъ? Не одна?

— Нѣтъ, не одна.

— Твоя мать, быть можетъ, пріѣхала съ тобой. Мать, ради которой ты пожертвовала собой. Она должна любить тебя и льнуть къ тебѣ.

Сильвія казалась смущенной.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—матушка не со мной.

Неужели онъ воспользуется правами любимаго человѣка съ тѣмъ, чтобы задавать ей всякаго рода непріятные вопросы? Она тревожно отвернулась отъ него и глядѣла на обширную, залитую солнцемъ площадь глазами, которые врядъ-ли видѣли высокіе, бѣлые дома, съ ихъ вычурными шпицами и сверкающими окошками съ маленькими зеркалами, выставленными наружу, чтобы видѣть въ нихъ отраженія экипажей и пѣшеходовъ.

— Гдѣ же она, моя радость? Ей бы слѣдовало быть съ тобой въ такую минуту. Развѣ она сомнѣвается въ моей дружбѣ къ ней? Мать моей Сильвіи дорога для меня.

— Она выстрадала такъ много и избѣгаетъ незнакомыхъ людей. Мало-по-малу, конечно, это перемѣнится. Она живетъ близъ Лондона съ старыми друзьями. Ты о ней не безпокойся, Эдмондъ, она вполнѣ обезпечена.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Но ты сказала, что пріѣхала въ Антверпенъ не одна.

— Со мной мой сынъ и его нянька. Я взяла также и горничную.

Она видѣла, что онъ перемѣнился въ лицѣ, когда она упомянула о сынѣ... то было невольное проявленіе острой ревности,

какую ему внушалъ наслѣдникъ Перріама. То былъ его соперникъ въ привязанности къ Сильвіи, котораго никакъ нельзя было устранить... правамъ котораго предстояло рости и укрѣпляться съ годами, пока, наконецъ, любовь къ сыну не возьметъ перевѣса надъ любовью къ мужу. Материнская любовь должна быть всепоглощающей страстью. А Эдмондъ принесъ слишкомъ многое въ жертву своей милой, чтобы ему была пріятна мысль о томъ, чтобы раздѣлить ея привязанность даже съ ея ребенкомъ.

— Вотъ какъ, и маленькій мальчикъ здѣсь,—сказалъ онъ съ угрюмымъ лицомъ.

— Да, Эдмондъ. Помни, что отнынѣ онъ будетъ твоимъ сыномъ.

— Я, конечно, полюблю его ради матери, если...

— Если что́, Эдмондъ? — спросила Сильвія, видя, что онъ умолкъ.

— Если ты не черезчуръ его будешь любить.

— Не бойся этого, — отвѣчала она съ холодной усмѣшкой. Я не изъ образцовыхъ маменекъ.

Эта фраза уколола его, хотя за минуту передъ тѣмъ онъ ревновалъ къ правамъ ребенка на материнскую любовь.

— Люби его, сколько хочешь, моя радость,—произнесъ онъ. Я не намѣренъ быть жестокимъ вотчимомъ. Малютка будетъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ еслибы онъ былъ моимъ собственнымъ сыномъ. Развѣ онъ не твой ребенокъ и развѣ этого не довольно для того, чтобъ я любилъ его? Ахъ, Сильвія!—прибавилъ онъ со вздохомъ:—ты не знаешь, какъ часто я мечталъ о твоемъ первомъ ребенкѣ... о нашемъ первомъ ребенкѣ.

— Не вспоминай больше о прошломъ, Эдмондъ; настоящее и будущее наши.

— Да, радость, счастіе пришло къ намъ, наконецъ.

— А теперь покажи мнѣ Антверпенъ... и всѣ знаменитыя картины.

— Позволь мнѣ запечатать мои письма, и тогда я къ твоимъ услугамъ.

— Ты писалъ къ матери, должно быть?

— Нѣтъ, я написалъ ей вчера, гдѣ нахожусь, чтобы она знала, куда мнѣ отвѣчать. Но я не ожидаю отъ нея письма. Я изгнанъ изъ Деканова дома.

— Изъ-за меня? Но Перріамъ-Плэсъ къ твоимъ услугамъ до совершеннолѣтія Сентъ-Джона. Передъ нами цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Быть можетъ, къ тому времени намъ надоѣдятъ дворцы, и мы рады будемъ поселиться въ комфортабельномъ старомъ домѣ,

который отказанъ собственно мнѣ. Но кому же писалъ ты это длинное письмо, если не къ матери?

— Къ моему принципалу въ банкъ, сообщая ему, что не вернусь больше въ Монкгемптонъ, и прошу его найти мнѣ занятія въ другомъ мѣстѣ.

— Когда такъ, то разорви письмо... и припиши, что ты покончилъ съ дѣлами.

— Нѣтъ, Сильвія. Если мы будемъ жить въ Перріамъ-Плэсѣ, то я просто разорву это письмо и объясню своимъ директорамъ, что съ ихъ позволенія вернусь къ своимъ занятіямъ черезъ мѣсяцъ.

— Какъ? ты думаешь оставаться въ этой конторѣ... заработывать какіе-нибудь жалкіе нѣсколько сотъ фунтовъ въ годъ... когда у меня хватитъ состоянія на двоихъ?—спросила Сильвія съ негодованіемъ.

— Я думаю сохранить по возможности положеніе, въ какомъ находился, когда впервые полюбилъ тебя, Сильвія, и свою независимость. Неужели ты думаешь, что я могъ бы быть счастливъ, сознавая, что живу на деньги твоего перваго мужа? Нѣтъ, дорогая, позволь мнѣ заработывать свой хлѣбъ... потребности мои не велики... привычки просты. Дозволь мнѣ получать свои пятьсотъ фунтовъ въ годъ, которыхъ больше, чѣмъ нужно для моего содержанія, и я буду чувствовать себя, живя среди чужого великолѣпія, честнымъ труженикомъ, не недостойнымъ твоей любви.

— Дѣлай, какъ хочешь,—сказала Сильвія оскорбленная, но подавляя свой гнѣвъ:—я вижу, что ты хочешь быть моимъ господиномъ.

— Нѣтъ, дорогая, не господиномъ, но только независимымъ человѣкомъ. Во всемъ остальномъ я буду твой рабъ.

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1874.

Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ.—Вопросъ о надзорѣ.—Взглядъ на развитіе этого вопроса.—Новое устройство надзора.—Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—Судьба двухъ новыхъ линій.

Народная школа въ Россіи ставится въ новыя условія, относительно надзора за нею, положеніемъ, обнародованнымъ въ минувшемъ іюнѣ. Имъ и измѣняются только одни условія надзора. Ровно десять лѣтъ дѣйствовало прежнее положеніе о народныхъ училищахъ; оно также опредѣляло только одни условія надзора. Со времени его изданія возникло у насъ множество народныхъ школъ; можно даже сказать, что сколько-нибудь правильно устроенная народная школа вообще возникла у насъ только съ тѣхъ поръ, такъ какъ она была создана усиліями земства, котораго дѣятельность началась почти одновременно съ изданіемъ прежняго положенія о народной школѣ. Съ тѣхъ поръ, повторяемъ, сдѣлано для нея весьма много, но еще болѣе, чѣмъ сколько было для нея сдѣлано въ дѣйствительности,—выяснились: громадная потребность Россіи въ школахъ, недостаточность совершавшихся усилій и несоотвѣтствіе средствъ земства съ потребностью въ школахъ. Можно было ожидать, что въ будущемъ, когда законодательство занялось бы вновь судьбою народной школы, оно уже вышло бы изъ круга положенія 1864 года, не ограничилось бы опредѣленіемъ надзора, но коснулось бы и жизненныхъ условій школы. Положимъ, намъ еще далеко до установленія законодательнымъ актомъ принциповъ всеобщей обязательности и безвозмездности первоначальнаго обученія, далеко собственно потому, что школъ у насъ, сравнительно съ числомъ населенія, еще слишкомъ мало. Но отсюда слѣдуетъ только одно, а именно—необходимость сильнаго государственнаго почина для умноженія нашихъ народныхъ школъ. Введеніе, со временемъ, общеобязательности и безвозмездности на-

чальнаго обученія предполагаетъ предварительное установленіе принципа, что самое созданіе средствъ для нихъ, то-есть забота объ учрежденіи достаточнаго числа народныхъ школъ лежитъ на государствѣ. Еслибы этотъ принципъ, который въ западныхъ областяхъ имперіи уже проводится по другимъ соображеніямъ, былъ установленъ новымъ положеніемъ для всей Россіи; еслибы притомъ учреждена была систематическая сѣть государственныхъ учительскихъ институтовъ и народныхъ школъ въ связи съ ними по всей имперіи, сообразно съ размѣрами той, во всякомъ случаѣ крупной суммы, какую признано было бы возможнымъ отдѣлить для этой важной цѣли изъ государственныхъ средствъ, — тогда новое положеніе о народныхъ училищахъ, являясь черезъ десять лѣтъ послѣ перваго, представляло бы уже дѣйствительный шагъ впередъ; оно представляло бы въ дѣйствительности преобразованіе. Мнѣніе, что учрежденіе народныхъ школъ должно лежать на попеченіи общества, что у государства не можетъ быть для этого средствъ, въ настоящее время едвали кѣмъ-либо раздѣляется серьёзно. Въ такъ-называемой „отчизнѣ общественной иниціативы“, въ Англіи, парламентъ даетъ на народныя школы болѣе 9 милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ у насъ государственный расходъ на этотъ предметъ представляется цифрою 612 тысячъ рублей. Но еще краснорѣчивѣе говоритъ нашъ собственный, уже произведенный опытъ: существующее число нашихъ народныхъ школъ, можно сказать, ничтожно въ сравненіи съ числомъ населенія; а между тѣмъ на содержаніе ихъ земство расходуетъ около половины всѣхъ своихъ средствъ, не поглощенныхъ обязательными расходами; очевидно — далѣе этого земство идти не можетъ. Но Россія должна идти далѣе этого; десяти тысячъ школъ (съ малымъ процентомъ удовлетворительныхъ и въ этомъ числѣ) на пятидесятимилліонное населеніе губерній, имѣющихъ земскія учрежденія, очевидно недостаточно даже для сколько нибудь серьёзной постановки дѣла. Одной школой на пять тысячъ жителей, разбросанныхъ на нашихъ родныхъ разстояніяхъ, въ селеніяхъ, разъединенныхъ въ наиболѣе удобное для ученія время нашими родными снѣгами—Россія не можетъ удовлетвориться даже и для начала. Въ настоящій моментъ, послѣ введенія съ одной стороны краткосрочности военной службы, съ другой—послѣ окончательнаго устройства до 16 тыс. верстъ желѣзныхъ путей, учрежденіе народныхъ школъ стало для Россіи государственнымъ дѣломъ болѣе важнымъ, болѣе настоятельно необходимымъ, чѣмъ дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ. За него должно взяться непосредственно само государство. Когда государство за него возьмется и поставитъ его на прочномъ основаніи, тогда только можно будетъ сказать, что совер-

шилась или совершается реформа, преобразованіе народныхъ училищъ.

Но это дѣло еще предоставлено будущности, надо надѣяться, недалекой. Нынѣ опубликованное новое положеніе представляетъ пока нѣчто иное, а именно: новое опредѣленіе условій и формъ надзора за тѣми народными училищами, какія успѣли возникнуть доселѣ. Десятилѣтній періодъ, истекшій послѣ изданія прежняго положенія о народныхъ училищахъ, пока еще не расширилъ круга дѣйствія законодательства по отношенію къ нимъ. Но то, что̀ имѣло большое значеніе въ 1864 году, теперь уже, очевидно, не можетъ имѣть равной важности, и, по всей вѣроятности, заботливость государства о народной школѣ не только не остановится въ наше время на изданіи новыхъ правилъ о надзорѣ за школами, но и не усмотритъ въ нихъ какого-либо шага къ исполненію предстоящаго ей великаго дѣла—созданія самыхъ школъ, независимо отъ такой или иной системы надзора.

Мы сказали сейчасъ, что положеніе 1864 года хотя также ограничивалось только опредѣленіемъ системы надзора, но въ свое время имѣло большое значеніе; пояснимъ это въ нѣсколькихъ словахъ. Само собою разумѣется, что и въ то время не могло быть сомнѣнія въ необходимости для Россіи народныхъ школъ. Хотя крестьянская реформа тогда еще только-что начинала входить въ жизнь, но необходимость народныхъ школъ была ясна апріорически. Существенное же различіе того времени отъ нынѣшняго заключалось въ томъ, что тогда передъ правительствомъ еще далеко не выяснился, можно даже сказать, только еще возникалъ вопросъ не о томъ, откуда взять средства для народныхъ школъ, но о томъ, можетъ ли кто-либо, само ли государство, общество ли или частныя лица, однимъ словомъ, кто-либо внѣ духовенства заводить народныя школы, управлять ими и хотя бы только учить въ нихъ. Въ то время существовалъ еще и почти преобладалъ такой взглядъ, что ни государству, ни свѣтскому обществу въ это дѣло и вступаться не слѣдуетъ, что, по извѣстному выраженію А. С. Норова, въ народную школу „и пускать не слѣдуетъ никого, кромѣ духовныхъ лицъ“. Предлагать въ то время, чтобы государство взяло на себя широкій починъ въ непосредственномъ учрежденіи народныхъ школъ, когда не былъ выясненъ еще вопросъ, не вредно ли, не опасно ли и, вообще, нужно ли свѣтское имъ содѣйствіе (такъ какъ предполагалось существованіе мнимыхъ 20 тысячъ школъ при церквахъ), было невозможно. Вотъ почему въ то время самое рѣшеніе вопроса о системѣ надзора за народными школами — въ томъ смыслѣ, какъ оно состоялось въ положеніи 1864 года—было дѣломъ большого значенія. Безъ этого положенія

мы, быть можетъ, не имѣли бы и тѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ школъ, какія имѣемъ нынѣ; государство могло отклонить отъ себя всякую заботу объ учрежденіи этихъ школъ, въ надеждѣ на одно духовенство и устранить отъ учрежденія ихъ свѣтское общество. Правда, положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ земству предоставлялось, между прочимъ, и попеченіе о народномъ образованіи вообще; но эта статья не могла бы получить того примѣненія на практикѣ по отношенію къ народнымъ школамъ, какое она получила, еслибы земской дѣятельности въ этомъ отношеніи не былъ предоставленъ тотъ просторъ, который былъ ей обезпеченъ именно положеніемъ 1864 же года о народныхъ училищахъ. Проведя принципъ подчиненія народныхъ школъ власти свѣтской—министерству народнаго просвѣщенія, поручивъ надзоръ за ними училищнымъ совѣтамъ, которые не могли стѣснять усилій общества, но, напротивъ, предоставляли земству прямое участіе въ надзорѣ, включивъ земскихъ представителей въ составъ училищныхъ совѣтовъ,—первое положеніе о народныхъ училищахъ рѣшало весьма важный вопросъ: утверждало свѣтскій принципъ начальной школы и открывало земству возможность сдѣлать для школы то, что оно сдѣлало. А сдѣлало оно для школы —тамъ, гдѣ она существуетъ — почти все то, что только есть утѣшительнаго по этой части и до сихъ поръ. Совсѣмъ иначе представлялось дѣло теперь, по прошествіи десяти лѣтъ. Поле давно расчищено для обработки самаго дѣла, то-есть для учрежденія школъ; только широкій починъ государства въ учрежденіи ихъ теперь могъ бы назваться дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, настоящимъ преобразованіемъ. Но одно измѣненіе условій надзора представляется не чѣмъ инымъ, какъ только измѣненіемъ формъ, настоящее же преобразованіе, какъ надо надѣяться, предоставлено будущему времени.

Посмотримъ, въ чемъ же заключается то измѣненіе, какое произведено нынѣ. На основаніи положенія 1864 года, надзоръ за народными школами былъ ввѣренъ училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ, сверхъ членовъ отъ земства и отъ министерства народнаго просвѣщенія, были представители министерства внутреннихъ дѣлъ и духовнаго вѣдомства. Съ 1869 года, вслѣдствіе учрежденія губернскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, состоящихъ членами училищныхъ совѣтовъ, но подчиненныхъ непосредственно попечителю и министру, въ надзорѣ за народными школами на практикѣ уже сталъ преобладать элементъ бюрократическій. Такое усиленіе надзора не отвратило однако прискорбныхъ явленій, на которыя указывалось чрезъ 4 года, въ рескриптѣ 25-го декабря, упоминавшемъ объ обнаружившихся „попыткахъ къ нравственному растлѣнію народа“. Рескриптъ 25-го декабря призывалъ къ заботливости о народной школѣ и охраненію

ея само общество, а именно „всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ людей страны“, и въ особенности дворянство, повелѣвая составить такія постановленія, которыя открыли бы предводителямъ дворянства ближайшее участіе въ обезпеченіи нравственнаго направленія народныхъ школъ, а также ихъ благоустройства и размноженія. Административный надзоръ за школами дѣйствовалъ въ то время уже четыре года; въ рескриптѣ упоминалось не объ его учрежденіи или усиленіи, но о призывѣ дворянства „стать на стражѣ народной школы“. Между тѣмъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія еще ранѣе, въ концѣ 1872 г., былъ внесенъ проектъ въ государственный совѣтъ о сосредоточеніи всего наблюденія за народными школами прямо въ рукахъ инспекторовъ министерства. Наблюденію за школами предполагалось дать чисто-административный характеръ; инспекцію предположено было усилить назначеніемъ, вмѣсто прежнихъ губернскихъ инспекторовъ—директоровъ народныхъ школъ въ губерніяхъ—и инспекторовъ въ уѣздахъ, увеличивъ составъ инспекціи числомъ 142 новыхъ чиновниковъ, съ новымъ для казны расходомъ свыше 300 т. рублей въ годъ, и придать системѣ надзора строгую бюрократическую централизацію. Училищные совѣты въ губерніи и уѣздахъ уже прямо подчинялись директору и инспекторамъ, въ качествѣ ихъ предсѣдателей; затѣмъ инспекторъ подчинялся непосредственно директору, директоръ попечителю, такъ что наблюденіе за каждой народной школою сосредоточивалось въ министрѣ или органѣ его—департаментѣ народнаго просвѣщенія. Рескриптъ 25-го декабря 1873 года указалъ для системы надзора иныя начала, призывая къ нему представителей образованнаго общества — предводителей дворянства. Прежній проектъ объ инспекціи былъ взятъ назадъ и предстояло передѣлать его согласно со смысломъ послѣдовавшаго повелѣнія. Само собою разумѣется, что исполненіе дворянствомъ того порученія, какое возлагалось на него высокимъ довѣріемъ, для успѣшности своей, требовало предоставленія предводителямъ возможнаго простора. Административный надзоръ уже существовалъ и въ рескриптѣ не указывалось ни отмѣны его, ни измѣненія; все новое, что̀ прибавлялось рескриптомъ къ прежнему положенію дѣлъ, заключалось въ призывѣ къ нему дворянства; но эта новая черта по свойству своему должна была существеннымъ образомъ измѣнить прежнее положеніе, соотвѣтственно важности призыва, обращеннаго къ дворянству, соотвѣтственно тому высокому значенію, какое было по справедливости дано этому призыву самимъ дворянствомъ, въ многочисленныхъ адресахъ принесшимъ благодарность за оказанное ему довѣріе и выразившимъ желаніе употребить всѣ силы для усерднаго исполненія указанной ему роли. Задача, предстоявшая самому министерству народнаго

просвѣщенія въ выработкѣ новыхъ постановленій, была не легкая, такъ какъ требовалось прежде всего достигнуть цѣли, указанной въ рескриптѣ; заботиться только о томъ, чтобы согласовать эту цѣль съ предположеннымъ заранѣе, въ готовомъ уже проектѣ, усиленіемъ инспекціи, было недостаточно уже потому, что призывъ мѣстныхъ выборныхъ силъ къ участію въ надзорѣ противорѣчилъ основной мысли, на которой былъ построенъ весь первый проектъ: мысли о приданіи всему надзору чисто-бюрократическаго характера, съ совершеннымъ подчиненіемъ ему училищныхъ совѣтовъ и со строгой централизаціею надзора за школами во всѣхъ отношеніяхъ, въ рукахъ административной іерархіи.

Этихъ предварительныхъ объясненій, излагающихъ ходъ дѣла, достаточно для правильной оцѣнки изданнаго нынѣ положенія о народныхъ училищахъ. Въ какой мѣрѣ составителямъ новаго проекта удалось достигнуть указанной имъ цѣли, и въ какой мѣрѣ они съумѣли избѣгнуть простой компиляціи прежняго проекта объ усиленіи инспекціи съ совершенно новымъ требованіемъ, выраженнымъ въ рескриптѣ, въ такой мѣрѣ нынѣшнее положеніе и представляется раціональнымъ и обѣщающимъ успѣхъ на дѣлѣ; въ такой мѣрѣ оно открываетъ дворянству просторъ, достаточный для плодотворности его усилій на пользу народной школы, отвращаетъ дѣйствительное подчиненіе ея однимъ чиновникамъ, призываетъ къ попеченію о ней даровой трудъ дѣятелей, почтенныхъ высокимъ довѣріемъ въ рескриптѣ, а также облеченныхъ довѣріемъ мѣстнаго общества, и освобождаетъ государство отъ расхода по содержанію излишняго числа чиновниковъ, которыхъ гарантія заключается только въ томъ, что они были опредѣлены на службу.

Положеніе о начальныхъ народныхъ школахъ 25-го мая 1874 года возлагаетъ попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго въ каждомъ уѣздѣ—на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи на губернскаго предводителя дворянства и губернскій училищный совѣтъ. Но для завѣдыванія учебной частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, въ губерніи учреждается должность директора народныхъ училищъ, и въ помощь ему назначаются, непосредственно ему подчиненные, инспекторы народныхъ училищъ въ каждой губерніи, въ томъ числѣ, какое будетъ опредѣлено министерствомъ народнаго просвѣщенія, соразмѣрно съ пространствомъ и населенностью оной и съ числомъ имѣющихся въ ней училищъ. Впрочемъ, такъ какъ въ каждомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ долженъ состоять членомъ инспекторъ, которому поручается завѣдываніе дѣлопроизводствомъ

этого совѣта, составленіе ежегоднаго отчета по уѣзду и даже предсѣдательствованіе въ совѣтѣ, за отсутствіемъ предводителя дворянства, то изъ этого сама собою возникнетъ необходимость имѣть сверхъ директора въ губерніи еще по инспектору въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ мало населенныхъ, что впрочемъ и предоставляется усмотрѣнію министерства. Какъ инспекторъ въ уѣздномъ, такъ директоръ въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ не только состоитъ членомъ, но и завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ совѣта и заступаетъ мѣсто предсѣдателя въ его отсутствіи. Директоръ назначается министромъ, инспекторъ попечителемъ; относительно директора требуется, чтобы онъ былъ изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе; относительно же инспекторовъ требуется только, чтобы они были „извѣстны педагогической опытностью". Уѣздный училищный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: изъ инспектора народныхъ училищъ, одного (сверхъ инспектора) члена по назначенію попечителя учебнаго округа, члена по назначенію губернатора, члена по назначенію архіерея, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городского общества, если оно жертвуетъ на школы. Къ обязанностямъ уѣзднаго совѣта, котораго дѣлопроизводствомъ завѣдуетъ инспекторъ, принадлежатъ: изысканіе способовъ для открытія новыхъ народныхъ училищъ и для улучшенія ихъ состоянія вообще, снабженіе ихъ учебными пособіями, окончательное утвержденіе въ должностяхъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ, допущенныхъ къ исполненію этихъ обязанностей инспекторомъ, разсмотрѣніе жалобъ на недопущеніе инспекторомъ къ исполненію этихъ обязанностей, представленія губернскому совѣту объ утвержденіи въ званіи попечителей училищъ и объ училищахъ и учителяхъ, заслуживающихъ поощренія, упраздненіе училищъ, признанныхъ вредными, увольненіе учителей, признанныхъ неблагонадежными, утвержденіе годичнаго отчета о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ уѣзда, составляемаго инспекторомъ. Уѣздный училищный совѣтъ собирается по мѣрѣ надобности, по назначенію предсѣдателя; дѣла рѣшаетъ большинствомъ голосовъ. Губернскій училищный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, „изъ директора народныхъ училищъ, членовъ: отъ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, одного отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію губернатора, одного отъ епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея, и двухъ членовъ губернскаго земскаго собранія". Здѣсь надо замѣтить, что въ предлежащемъ намъ текстѣ положенія, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ", не опредѣлено, будетъ ли одинъ или нѣсколько членовъ въ губернскомъ совѣтѣ отъ министерства

народнаго просвѣщенія; а такъ какъ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, то это обстоятельство (буде здѣсь нѣтъ опечатки) не лишено значенія. Губернскій совѣтъ имѣетъ предметами занятій: высшее попеченіе о народныхъ школахъ губерніи, разсмотрѣніе заключеній директора народныхъ училищъ по отчетамъ уѣздныхъ совѣтовъ и сообщеніе ихъ, съ своими замѣчаніями, попечителю округа; разрѣшеніе представленій уѣздныхъ совѣтовъ, назначеніе пособій школамъ и учителямъ изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта министерствомъ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣніе жалобъ на уѣздные совѣты. Губернскій училищный совѣтъ собирается также только по мѣрѣ надобности, по назначенію предсѣдателя. Жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ и на дѣйствія предсѣдателей этихъ совѣтовъ, губернскихъ предводителей дворянства, приносятся сенату по 1-му департаменту, но кромѣ вопросовъ по учебной части, которые подлежатъ разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія.

Сопоставимъ теперь дѣятельность въ области народныхъ школъ предводителей дворянства и директоровъ и инспекторовъ министерства, въ томъ видѣ какъ размѣры дѣятельности тѣхъ и другихъ очерчиваются новымъ положеніемъ. Права и обязанности предводителей дворянства главнымъ образомъ выражены въ общемъ предоставленіи имъ „попеченія объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“. Затѣмъ, дѣятельность предводителей выражается въ предоставленіи имъ предсѣдательствованія въ совѣтахъ, съ перевѣсомъ ихъ мнѣнія въ случаѣ равенства голосовъ; далѣе, предводителямъ предоставляется въ уѣздномъ совѣтѣ въ случаяхъ разногласія съ большинствомъ по вопросамъ объ утвержденіи учителей и попечителей школъ въ должности и увольненіи этихъ лицъ, упраздненіи училищъ, признаваемыхъ вредными и увольненіи неблагонадежныхъ учителей — переносить дѣло на разсмотрѣніе губернскаго совѣта; предводителямъ же, но только совмѣстно съ инспекторами, предоставляется рѣшать о временномъ закрытіи училищъ въ случаяхъ обнаруженія безпорядка и вреднаго направленія; окончательное же закрытіе можетъ быть рѣшено только губернскимъ совѣтомъ. Затѣмъ, сверхъ обязанностей въ качествѣ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, предводителямъ дворянства предоставляется еще: 1) „посѣщать по мѣрѣ возможности училища, вникая во всѣ ихъ нужды и изыскивая способы къ ихъ удовлетворенію“; 2) „всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать поддержанію существующихъ училищъ и открытію новыхъ, равно какъ и правильному посѣщенію оныхъ учащимися“; 3) „удостовѣряться (при посѣщеніи училищъ) въ нравственныхъ ка-

чествахъ преподавателей"; 4) ходатайствовать предъ губернскимъ совѣтомъ о назначеніи себѣ въ помощь довѣренныхъ лицъ изъ мѣстныхъ учителей; „эти довѣренныя лица, не дѣлая отъ себя никакихъ распоряженій въ посѣщаемыхъ ими училищахъ, сообщаютъ о своихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ" уѣзднымъ предводителямъ дворянства, и 5) „по всѣмъ заслуживающимъ особаго вниманія дѣламъ начальныхъ народныхъ училищъ предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителями учебнаго округа; въ случаяхъ же особой важности — и непосредственно съ министромъ народнаго просвѣщенія". Этимъ послѣднимъ постановленіемъ предводители дворянства пріобрѣтаютъ право, какимъ пользуются только директоры народныхъ училищъ и попечители округовъ. Наконецъ, напомнимъ еще разъ, что жалобы на дѣйствія предводителей дворянства, какъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, могутъ быть приносимы только въ сенатъ, за исключеніемъ вопросовъ по учебной части. Итакъ, во всякомъ случаѣ, положеніе, создаваемое предводителямъ дворянства въ области народной школы—весьма почетно.

Уяснимъ себѣ теперь ближе роль органовъ инспекціи министерства народнаго просвѣщенія, какъ она очерчивается новымъ положеніемъ, дѣятельность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Все завѣдываніе учебною частію въ этихъ училищахъ поручается непосредственно имъ. Наравнѣ и совмѣстно съ предводителями, они могутъ временно закрывать школы въ случаяхъ безпорядка и устранять неблагонадежныхъ преподавателей, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія уѣзднаго совѣта, который рѣшаетъ дѣло. За болѣзнію или вообще отсутствіемъ предводителей дворянства, самое предсѣдательство въ совѣтахъ передается директорамъ и инспекторамъ. Но главное то, что изъ всѣхъ членовъ училищнаго совѣта одни только инспекторъ и директоръ непосредственно завѣдуютъ частью внутренней организаціи школъ: училищному совѣту предоставляется разрѣшеніе вопросовъ; дѣятельнымъ же членомъ въ веденіи самаго школьнаго дѣла будетъ инспекторъ, подчиненный директору; въ тому же самымъ дѣлопроизводствомъ въ училищномъ совѣтѣ, уѣздномъ и губернскомъ, будутъ завѣдывать инспекторъ и директоръ; инспектору предоставляется составленіе годичнаго отчета по уѣзду о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ и обсужденіе общаго состоянія и направленія начальнаго народнаго образованія въ уѣздѣ, которое происходитъ въ уѣздномъ совѣтѣ именно при разсмотрѣніи отчета, составленнаго инспекторомъ. Такъ какъ составленіе такого отчета возлагается на прямую обязанность инспектора, то члены отъ земства, вѣроятно, перестанутъ составлять подобные отчеты для училищныхъ совѣтовъ, приносившіе, впрочемъ, пользу доселѣ; поло-

женіе обязываетъ ихъ представлять земскимъ собраніямъ только свѣдѣнія о состояніи тѣхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ земство участвуетъ, и не упоминаетъ даже, чтобы членамъ отъ земства предоставлялось право посѣщать народныя училища вообще. Завѣдуя учебною частью въ училищахъ непосредственно, составляя отчетъ для училищнаго совѣта и завѣдуя дѣлопроизводствомъ этого совѣта, инспекторъ сверхъ всего этого „имѣетъ право, въ то время, когда нѣтъ засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта (а совѣтъ этотъ собирается только по мѣрѣ надобности), постановлять въ случаѣ надобности и въ предѣлахъ предоставленной ему власти рѣшенія, съ обязанностью отдавать отчетъ въ оныхъ предъ совѣтомъ и съ отвѣтственностью за таковыя рѣшенія". Такъ какъ въ предѣлахъ своей власти инспекторъ можетъ постановлять рѣшенія и во время засѣданій уѣзднаго совѣта, то полномочіе, предоставляемое ему этой статьей, можетъ только означать, что въ промежуткахъ между сессіями совѣта инспекторъ имѣетъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію и подъ своей отвѣтственностью и въ такой сферѣ, въ которой требуется разрѣшеніе уѣзднаго совѣта. Что касается отвѣтственности при этомъ инспектора, то хотя положеніе упоминаетъ объ отвѣтственности его передъ совѣтомъ, но такъ какъ совѣтъ ни назначаетъ, ни увольняетъ инспектора, ни представляетъ его къ наградамъ, то не видно, какимъ образомъ отвѣтственность его предъ совѣтомъ могла бы выразиться, и достаточно будетъ принять, что на немъ лежитъ отвѣтственность предъ его начальствомъ.

Итакъ, съ одной стороны намъ представляются совѣты, имѣющіе составъ весьма разнохарактерный: возникающіе вопросы рѣшаются ими; они поставлены выше директора и инспектора, которые однако завѣдуютъ ихъ дѣлопроизводствомъ и составляютъ имъ отчеты; затѣмъ — предводители дворянства, которымъ предоставлено предсѣдательствованіе въ совѣтахъ и общее попеченіе о благосостояніи, однимъ словомъ—весьма почетное положеніе. Нельзя не отдать новому устройству той справедливости, что предводителямъ дворянства директоры и инспекторы—при всегда и вездѣ возможныхъ столкновеніяхъ — ничего не могутъ сдѣлать; предводители дворянства нисколько имъ не подчинены. Можно только опасаться, что въ крайнихъ случаяхъ, при полномъ разногласіи, предводители дворянства будутъ уклоняться отъ дѣла, которое можетъ идти и безъ нихъ, такъ какъ за отсутствіемъ ихъ предсѣдательствовать въ училищныхъ совѣтахъ будутъ директоры и инспекторы, и они же будутъ вести въ тѣхъ совѣтахъ дѣлопроизводство. Съ другой стороны, намъ представляются эти административныя лица, директоры и инспекторы: они непосредственно завѣдуютъ важнѣйшею частью въ училищахъ—

учебной частью, отъ которой все остальное зависитъ; подчиняются совѣтамъ, но ведутъ въ нихъ дѣлопроизводство; а въ то время, когда нѣтъ засѣданій совѣта, дѣйствуютъ собственной властью, въ ея предѣлахъ; они представляютъ плотную, дисциплинированную организацію, въ которой никакого ослабленія дѣйствій разногласіемъ быть не можетъ, такъ какъ директоръ есть прямой начальникъ инспектора, а попечитель округа — прямой начальникъ директора; они имѣютъ за собой цѣлое вѣдомство, во главѣ котораго стоитъ министръ; отъ дѣятельности по надзору за школами они не отвлекаются, подобно предводителямъ дворянства, никакими посторонними обязанностями, и наконецъ, посвящая все свое время надзору за школами, получаютъ за это весьма значительное вознагражденіе. Итакъ, каковы бы ни были прочіе результаты положенія 25-го мая, одинъ изъ нихъ легко предвидѣть и теперь, а именно, что при дѣйствіи его на практикѣ административный надзоръ надъ школами никакъ не будетъ принесенъ въ жертву какимъ-либо преувеличеннымъ ожиданіямъ представителей дворянства. Между тѣмъ, еслибы директоры и инспекторы по самой буквѣ положенія сдѣланы были полными хозяевами дѣла, какъ предполагалось по первому проекту, то и всякій неуспѣхъ его лежалъ бы на полной отвѣтственности инспекціи. Теперь, въ случаѣ неуспѣха, часть отвѣтственности будетъ приписываться обществу и даже главная часть, такъ какъ по буквѣ новаго положенія, предводители дворянства поставлены выше лицъ инспекціи, и общее попеченіе объ умноженіи и нравственномъ направленіи народныхъ школъ возлагается именно на предводителей дворянства. „Дай Богъ, чтобы изъ этого вышелъ прокъ",—говорятъ „Моск. Вѣдомости", стоявшія въ свое время за первый проектъ, проектъ чисто административнаго надзора,—„и чтобы дворянство поняло всю важность своего призванія—быть руководителемъ народныхъ массъ въ образованіи. Оно получаетъ новую жизненную функцію и его государственное положеніе расширяется тѣмъ, что отнынѣ его служеніе будетъ входить значительною долей въ вѣдомство народнаго просвѣщенія". Не знаемъ, какъ понравится нашимъ приверженцамъ „дворянской идеи" эта фраза о расширеніи государственнаго положенія посредствомъ служенія въ вѣдомствѣ. Но наша забота не о нихъ; они преслѣдуютъ химеры. Мы присоединяемся къ пожеланіямъ „Московскихъ Вѣдомостей", искренно желаемъ успѣха совмѣстному дѣйствію дворянства и инспекціи, отъ которой также было бы несправедливо и несообразно съ смысломъ новаго положенія, ничего не ожидать по руководству народныхъ массъ въ образованіи. При полномъ успѣхѣ, какого мы желаемъ дѣлу, главная заслуга будетъ все-таки принадлежать инспекціи, и справедливость тре-

буетъ при данныхъ обстоятельствахъ ожидать главнаго именно отъ нея. Если возлагать всю надежду въ руководствѣ народныхъ массъ къ образованію на одно дворянство, какъ то дѣлаетъ московская газета, то было бы непонятно, для чего, въ то время, когда цѣлое сословіе „входитъ значительной долею своего служенія въ вѣдомство народнаго просвѣщенія" безплатно, въ этомъ вѣдомствѣ увеличиваются штаты на 250 тысячъ рублей въ годъ собственно на усиленіе состава инспекторовъ народныхъ школъ.

Въ такомъ нашемъ ожиданіи можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе съ тѣмъ, чтó мы говорили выше о тѣхъ условіяхъ, какія, по нашему мнѣнію, были существенно необходимы для того, чтобы участіе въ этомъ дѣлѣ дворянства могло принесть всю ту пользу, какой можно было ожидать отъ него. Но, въ дѣйствительности, никакого противорѣчія въ нашемъ разсужденіи нѣтъ. Можно ожидать пользы для народной школы отъ заботливости просвѣщеннаго дворянства, и можно ожидать для нея пользы отъ стараній образованной инспекціи. Намъ кажется несомнѣннымъ, что при той постановкѣ, какая дана дѣлу теперь, ожидать успѣха его слѣдуетъ главнымъ образомъ именно отъ инспекціи, и потому мы возлагаемъ теперь наши надежды на нее. Мы не желаемъ колебать довѣрія къ успѣху новаго положенія, и не можемъ допустить мысли, чтобы забота 140 новыхъ инспекторовъ осталась безъ всякой пользы для народной школы. Утверждать нѣчто подобное—значило бы впадать въ крайность, отрицать самую возможность принесенія пользы стараніями чиновниковъ, только потому, что въ дѣлѣ школы мы предпочли бы имъ дѣятельность представителей общества; это былъ бы абсурдъ. Само собою разумѣется, что и чиновники принесутъ пользу; но такъ какъ дворянство все-таки призвано оказывать имъ помощь, въ какой бы то ни было мѣрѣ, то намъ не вполнѣ ясно, кáкую связь съ этимъ имѣетъ именно назначеніе вновь на увеличеніе состава инспекторовъ такой значительной суммы, какъ 250 тысячъ рублей, на которую можно было бы содержать тысячу новыхъ народныхъ школъ насчетъ государства.

Мы занялись преимущественно тѣмъ положеніемъ въ области народной школы, которое создается теперь, съ одной стороны, предводителямъ дворянства, съ другой стороны—лицамъ административной инспекціи, такъ какъ въ этомъ заключается существеннѣйшая сторона и главная особенность разбираемаго нами постановленія. Но для полноты изложенія мы должны привесть теперь и другія черты положенія 25-го мая, доселѣ нами не упомянутыя. Въ немъ не сказано, что всѣ начальныя народныя училища вообще, кѣмъ бы они учреждены ни были, подчиняются министерству народнаго просвѣщенія. Хотя дальнѣйшими статьями положенія и опредѣляется, что по-

печеніе о нравственномъ направленіи вообще начальныхъ училищъ въ губерніи и уѣздѣ возлагается на предводителей дворянства и училищные совѣты, а завѣдываніе учебной въ нихъ частью на директоровъ и инспекторовъ, но тѣмъ не менѣе, можно пожалѣть, что въ первыхъ статьяхъ не установленъ прямо и ясно принципъ общаго подчиненія народныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія. Можно еще замѣтить, что въ статьяхъ этихъ упоминается отдѣльно о народныхъ училищахъ вѣдомства духовнаго, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и прочихъ вѣдомствъ. Земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ народныя училища предоставляется для ближайшаго завѣдыванія ими избирать особыхъ попечителей и попечительницъ; учредителямъ же частныхъ и воскресныхъ школъ предоставляется самимъ быть ихъ распорядителями. Права обществъ и частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи опредѣлены новымъ положеніемъ достаточно широко, и эта часть положенія вообще наиболѣе удачна, такъ какъ въ ней выразилось раціональное стремленіе поощрить общество къ устройству школъ. Попечители, попечительницы, распорядители и распорядительницы народныхъ школъ утверждаются и увольняются губернскимъ совѣтомъ по представленіямъ совѣтовъ уѣздныхъ; завѣдывая дѣлами ввѣренныхъ имъ школъ, они входятъ въ сношенія по нимъ съ инспекторами и отвѣтствуютъ за порядокъ. Имъ предоставляется право засѣдать и подавать голосъ въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта по дѣламъ своихъ школъ—право весьма важное, тѣмъ болѣе, что попечители общественныхъ и распорядители частныхъ школъ не поставлены положеніемъ въ прямыя отношенія къ предводителямъ дворянства. Затѣмъ, хотя должно бы разумѣться само собою, что „размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ по начальнымъ народнымъ училищамъ установляются тѣми вѣдомствами, земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, на счетъ которыхъ училища учреждены и содержатся",—но все-таки хорошо, что объ этомъ положительно упомянуто въ положеніи, и притомъ прибавлено, что „въ распоряженія по всѣмъ этимъ предметамъ члены губернскаго и училищныхъ совѣтовъ (стало быть, директоры и инспекторы также) не входятъ, а принимаютъ ихъ только къ соображенію при обсужденіи вообще матеріальныхъ средствъ училищъ". На опредѣленіе учителей требуется дозволеніе инспектора, который и сообщаетъ о нихъ уѣздному совѣту; по прошествіи учебнаго года и удостовѣреніи инспектора о выказанной учителями способности, они и утверждаются совѣтомъ; совѣту могутъ быть приносимы жалобы на инспектора за недопущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей; совѣтъ, по выслушаніи объясненій инспектора, и рѣ-

шаетъ вопросъ. Итакъ, по смыслу этихъ правилъ, нѣтъ необходимости, чтобы учителей назначалъ именно инспекторъ; лица, которыхъ опытность и благонадежность уже извѣстны совѣту, могутъ быть утверждаемы имъ и безъ годичнаго испытанія; увольненіе учителей по неблагонадежности зависитъ отъ уѣзднаго совѣта, съ правомъ предсѣдателя переносить дѣло въ губернскій совѣтъ въ случаѣ своего несогласія съ большинствомъ членовъ. Стало быть, выбирать учителей и замѣнять ихъ новыми могутъ тѣ вѣдомства, земства, общества и частныя лица, которыя содержатъ школу, съ дозволенія инспектора, конечно, и съ утвержденія училищнаго совѣта,—хотя, надо замѣтить, такое право попечителей и распорядителей не выражено въ положеніи прямо.

Въ совокупности, надзоръ за народными училищами новымъ положеніемъ ввѣряется: ихъ учредителямъ, инспекторамъ училищъ; директорамъ училищъ, попечителямъ учебныхъ округовъ и министру, уѣздному и губернскому предводителямъ дворянства, отдѣльно отъ училищныхъ совѣтовъ и „въ общемъ званіи попечителей народныхъ училищъ",—какъ сказано въ положеніи,—довѣреннымъ лицамъ отъ предводителей дворянства; училищнымъ совѣтамъ, уѣздному и губернскому, составленнымъ изъ представителей нѣсколькихъ вѣдомствъ; губернатору, которому принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, для чего, кромѣ общихъ правъ, принадлежащихъ ему по закону, губернатору предоставляется сообщать министерству народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія по этому предмету; епархіальному архіерею, которому принадлежитъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ народныхъ училищахъ, для чего онъ сообщаетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія по сему предмету; наконецъ—духовнымъ лицамъ, особо-назначаемымъ отъ архіерея для обзора народныхъ училищъ, если онъ не обозрѣваетъ ихъ самъ; въ положеніи не сказано, что архіерей не можетъ поручать такого обзора мѣстному приходскому священнику и хотя бы законоучителю школы. Итакъ, надзоръ за народною школою не оставляетъ уже, кажется, ничего желать относительно полноты. Впрочемъ, текстъ положенія 25-го мая еще не исчерпываетъ всѣхъ опредѣленій, очерчивающихъ условія существованія народной школы. Мнѣніемъ государственнаго совѣта, при которомъ новое Положеніе было представлено къ утвержденію, возложена на министра народнаго просвѣщенія обязанность составить особый наказъ въ руководство училищнымъ совѣтамъ при завѣдываніи народными школами. Наказъ этотъ, хотя онъ и будетъ строго держаться статей поло-

женія, можетъ дать каждой изъ нихъ бóльшее или меньшее развитіе, а потому характеръ вводимаго измѣненія уяснится вполнѣ только послѣ изданія такого наказа.

Одновременно съ новымъ положеніемъ о народныхъ школахъ, послѣдовало утвержденіе закона, касающагося весьма чувствительнымъ образомъ правъ лицъ, занимающихся адвокатурою внѣ нормальныхъ ея условій, а именно—правъ тѣхъ ходатаевъ въ судебныхъ мѣстахъ, которые не состоятъ присяжными повѣренными. Утвержденныя 25-го мая правила о „лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ", распространяется на всѣхъ, ходатайствующихъ по чужимъ дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ присяжныхъ повѣренныхъ, по не исключая ихъ помощниковъ. Это есть попытка оформить сословіе неприсяжныхъ ходатаевъ такими опредѣленіями, которыя исключали бы изъ него лицъ, нравственно неблагонадежныхъ и не имѣющихъ сколько-нибудь достаточныхъ свѣдѣній. Правила 25-го мая создаютъ именно сословіе неприсяжныхъ повѣренныхъ; право быть повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, будутъ имѣть только лица, получившія особыя свидѣтельства; такія свидѣтельства выдаются мировыми съѣздами, окружными судами и судебными палатами; свидѣтельство, выданное однимъ изъ этихъ мѣстъ, даетъ право на ходатайство лишь въ томъ мѣстѣ которое его выдало, и еще, по желанію довѣрителя, въ кассаціонной инстанціи по тому дѣлу, которое производилось въ мѣстѣ, выдавшемъ свидѣтельство. Передъ выдачею свидѣтельства, судебное мѣсто „имѣетъ право удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ" того лица, которое о немъ проситъ (правило это не распространяется на лица, имѣющія уже свидѣтельство отъ другого, равнаго или высшаго суда, и на лица, имѣющія аттестаты объ окончаніи курса юридическихъ наукъ); но, сверхъ того, судебное мѣсто передъ выдачею свидѣтельства еще „принимаетъ въ соображеніе и всѣ свѣдѣнія, которыя оно признаетъ нужнымъ"; затѣмъ, оно или выдаетъ свидѣтельство просителю или отказываетъ ему въ томъ, хотя бы онъ и соотвѣтствовалъ всѣмъ требуемымъ закономъ формальнымъ условіямъ. За свидѣтельство мирового съѣзда платится 40 р. въ годъ, за свидѣтельство окружного суда или судебной палаты 75 р. въ годъ: деньги эти обращаются въ доходъ казны, уѣзднаго земства и городовъ, смотря по тому, кѣмъ содержится судъ, выдающій свидѣтельство. Имена повѣренныхъ публикуются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщаются къ свѣдѣнію министра юстиціи. Такимъ оффиціальнымъ удостовѣреніемъ правъ и создается сословіе; кромѣ того, члены

его связываются отвѣтственностью. Впрочемъ, имъ не предоставляется учреждать въ своей средѣ совѣты съ дисциплинарной властью, существующіе въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, которые, вслѣдствіе того, и представляютъ не только сословіе, но и настоящія общества съ нравственной солидарностью членовъ. Надзоръ за дѣйствіями неприсяжныхъ повѣренныхъ поручается прямо тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, при которыхъ они состоятъ, и еще министру юстиціи. Этому надзору предоставляются широкія права: суды могутъ подвергать повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ: замѣчанію, выговору, запрещенію отправлять обязанности на время до одного года, и исключенію изъ числа повѣренныхъ. На всѣ такія постановленія судовъ, а также на отказы въ выдачѣ свидѣтельствъ на право ходатайства допускается аппеляція въ судебную палату, которая рѣшаетъ дѣло окончательно; аппеляція же для лицъ, состоящихъ или желающихъ состоять повѣренными при самой судебной палатѣ, приносится въ кассаціонный департаментъ сената. Министръ юстиціи, независимо отъ того, имѣетъ право „по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ“ устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ такія лица, которыя обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій. Чтобы не стѣснить право частныхъ лицъ,—просить кого-либо изъ людей, кому они довѣряютъ, ходатайствовать за нихъ въ качествѣ повѣренныхъ у мировыхъ судей, хотя бы такіе люди не принадлежали къ сословію повѣренныхъ,—правилами допускаются къ ходатайству у мировыхъ судей въ качествѣ повѣренныхъ и лица, не имѣющія свидѣтельствъ, но съ тѣмъ, чтобы они являлись въ этомъ качествѣ не болѣе, чѣмъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года, въ предѣлахъ одного мирового округа. Въ мнѣніи государственнаго совѣта, при которомъ правила были представлены къ утвержденію, установлено, что они вводятся въ дѣйствіе по истеченіи мѣсяца со дня полученія правилъ судами; но при этомъ оставляются въ силѣ на одинъ годъ прежнія довѣренности на ходатайство по чужимъ дѣламъ, данныя до полученія на мѣстѣ новыхъ правилъ.

Нельзя сказать, чтобы правила эти встрѣтили въ печати единогласное признаніе раціональности и цѣлесообразности ихъ основныхъ положеній. Согласіе проявилось только въ томъ, что вообще признана была необходимость какихъ-либо гарантій противъ массы невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ частныхъ ходатаевъ, которые нерѣдко обманывали своихъ довѣрителей и затрудняли суды самымъ своимъ невѣжествомъ. Высказаны были мнѣнія, что право судебныхъ мѣстъ отказывать въ выдачѣ свидѣтельствъ выражено слишкомъ широко, что оно можетъ иногда вести къ произволу, особливо при помощи такого основанія для отказа, какъ „всѣ свѣдѣнія, при-

знаваемыя нужными" и право отказа на этомъ основаніи даже въ случаѣ наличности всѣхъ формальныхъ условій; заявлено было также недоумѣніе, чтó должно пониматься подъ именемъ „надлежащихъ познаній", требуемыхъ отъ неприсяжныхъ адвокатовъ. Наконецъ, размѣръ платы по свидѣтельству отъ каждаго судебнаго мѣста, платы ежегодной, былъ нѣкоторыми найденъ слишкомъ высокимъ. Намъ кажется, что противъ всѣхъ этихъ замѣчаній можно сдѣлать достаточно убѣдительныя возраженія, если только однажды признается необходимость принять мѣры къ огражденію и публики, и судовъ отъ неспособныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ. Ясно, что одними формальными условіями ограничиться было нельзя, потому что эти условія, за исключеніемъ неопредѣленнаго понятія о „надлежащихъ познаніяхъ" (т.-е. на дѣлѣ—грамотности, такъ какъ безъ обязательной программы немыслимъ экзаменъ)—представляютъ свойства чисто-отрицательныя, наличность которыхъ еще не ручается за добросовѣстность. Какъ право совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ принимать или не принимать въ среду ихъ кандидатовъ есть право въ сущности дискреціонное, таково по необходимости должно быть и право судовъ, на которые возлагается надзоръ за повѣренными неприсяжными. Произволъ отдѣльныхъ судовъ здѣсь устраняется по возможности — апелляціею; а такъ какъ апелляція затруднительна, если отказъ мотивированъ отсутствіемъ познаній, то другое правило лишаетъ судъ права удостовѣряться въ познаніяхъ, если проситель имѣетъ уже свидѣтельство отъ другого равнаго или высшаго суда. Допустимъ, что какой-либо мировой съѣздъ сталъ бы признавать неспособными такихъ ходатаевъ, которыхъ онъ боится или которыхъ почему-либо несправедливо хочетъ устранить; они могутъ получить свидѣтельство отъ другого съѣзда или суда, и оно удостовѣритъ ихъ способность. Размѣръ платы за свидѣтельство, дѣйствительно, довольно высокъ, но онъ объясняется тѣмъ, что неприсяжные повѣренные не несутъ ни денежной, ни личной повинности по защитѣ по назначенію суда, а между тѣмъ пользуются правомъ вознагражденія по таксѣ, существующей для присяжныхъ повѣренныхъ. Нѣсколько стѣснительнымъ намъ кажется правило, что и у мировыхъ судей нельзя будетъ ходатайствовать болѣе трехъ разъ въ году безъ свидѣтельства. Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду устранить возможность обходить законъ ходатаямъ по ремеслу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, правило это крайне стѣснитъ владѣльцевъ домовъ, фабрикъ и т. д., имѣющихъ весьма часто дѣла у мировыхъ судей, которыя они и поручали своимъ приказчикамъ, даже дворникамъ; имъ теперь придется или имѣть управляющаго съ формальной довѣренностью, или брать для каждаго дѣла повѣреннаго со свидѣтельствомъ,

или всегда являться въ судъ самимъ, что, напримѣръ, для женщинъ затруднительно.

Главное же, кажется, заключается не въ этихъ деталяхъ. Попытка создать сословіе неприсяжныхъ повѣренныхъ есть отступленіе отъ одного изъ принциповъ судебной реформы, который признавалъ для повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ необходимымъ юридическое образованіе, допускалъ только одного адвоката въ общихъ установленіяхъ—адвоката ученаго и притомъ независимаго какъ отъ судебныхъ мѣстъ, такъ и отъ министерства юстиціи. Принципъ этотъ былъ проведенъ въ законѣ, и хотя въ дѣйствительности законъ не оградилъ его воспрещеніемъ ходатайства адвокатамъ неученымъ, неприсяжнымъ, но не сдѣлалъ этого только въ видѣ уступки временной необходимости. Еслибы хотѣли сохранить этотъ принципъ въ силѣ и все-таки принять мѣры къ устраненію массы положительно-вредныхъ ходатаевъ, то послѣднее можно было сдѣлать, не организуя неприсяжныхъ ходатаевъ въ сословіе. Достаточно было бы установить напримѣръ, что право на ходатайство по чужимъ дѣламъ дается свидѣтельствомъ объ окончаніи курса или экзаменомъ въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже уѣзднаго училища, а каждому судебному мѣсту предоставляется лишить этого права поименно каждое лицо, оказавшееся его недостойнымъ; причемъ могло быть оговорено и право просителей на аппеляцію. Это было бы опредѣлительнѣе тѣхъ условій, какія выражены въ нынѣшнихъ правилахъ и не составляло бы никакого отступленія отъ важнаго принципа, однажды усвоеннаго нашимъ судоустройствомъ. О „монополіи“ присяжныхъ повѣренныхъ невозможно будетъ и говорить, когда ихъ будетъ достаточное число; но есть другая, необходимая монополія, которой отмѣна вовсе не желательна: это монополія въ судебной практикѣ высокихъ качествъ знанія и независимости.

Съ перемѣною, которая произошла въ прошломъ мѣсяцѣ въ высшемъ управленіи министерства путей сообщенія, въ обществѣ могло возникнуть опасеніе, какъ бы концессіонная система постройки желѣзныхъ дорогъ у насъ окончательно не восторжествовала; извѣстно, что бывшій министръ рѣшительно высказывался противъ этой системы и защищалъ мысль о государственной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ вообще, заботясь о примѣненіи этого способа постройки къ двумъ линіямъ, которыя должны строиться въ ближайшее время. Мы не видимъ однако основанія такимъ образомъ окончательно связывать съ лицомъ одного изъ правительственныхъ лицъ судьбу той мысли, которой справедливость, среди нашихъ условій, не можетъ быть серьёзнымъ образомъ опровергаема, и входитъ болѣе и болѣе

въ общее сознаніе. Въ необходимости государственной постройки, конечно, не убѣдятся никогда кружки концессіонеровъ, лицъ, которыхъ интересы такъ или иначе солидарны съ системою концессій, и органы, которымъ эти новѣйшіе откупщики бросаютъ порою подачку. Въ самой администраціи могутъ держаться взгляды, благопріятные концессіонной системѣ; такъ, именно финансовое вѣдомство, свыкшись съ нынѣшнею финансовою обстановкою желѣзно-дорожнаго дѣла, можетъ, придерживаясь хотя бы только установившейся рутины, не желать перемѣны въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно, что финансовое вѣдомство въ Россіи поддерживало долгое время систему винныхъ откуповъ, признавая невозможной ихъ отмѣну безъ потрясенія государственныхъ доходовъ. И однакоже откупа̀ пали; само финансовое вѣдомство должно было отказаться отъ нихъ, когда въ общественномъ сознаніи созрѣлъ имъ приговоръ, какъ системѣ въ высшей степени безнравственной и разорительной для страны. Мы надѣемся того же и для отмѣны концессіонной системы. Еслибы она восторжествовала, еслибы съ удаленіемъ одного лица окончательно пала самая мысль о возможности освободить желѣзно-дорожное строительство отъ гнета и деморализаціи спекулятивныхъ продѣлокъ, то это знаменовало бы печальный фактъ, что въ Россіи необходимо должны существовать *откупа̀* въ той или иной формѣ; что откупщики, fermiers-généraux стараго режима, нынѣ называемые концессіонерами, такіе благодѣтели, безъ которыхъ мы обходиться не можемъ въ виду слишкомъ „почтенныхъ интересовъ", которые ими представляются. Еслибы мы думали такъ, еслибы мы убѣдились, что новая Россія ничѣмъ не отличается отъ Россіи старой, что вся перемѣна заключается въ либеральномъ переименованіи тѣхъ же лицъ и тѣхъ же вещей, то мы перестали бы говорить, сочли бы прежде всего излишнимъ обращеніе печати и къ правительству, и къ обществу. Писать только для того, чтобы спорить о новыхъ ярлыкахъ для старыхъ вещей, и о дѣлежѣ подачекъ, мы, конечно бы, не стали. Итакъ, если мы говоримъ, то, стало быть, вѣримъ въ силу обновленія Россіи, не считаемъ его призракомъ, хотя и знаемъ, что оно еще только началось. Мы просимъ извиненія за такую оговорку, которая на взглядъ иного читателя, быть можетъ, не вытекаетъ изъ занимающаго насъ предмета; но она вызвана особымъ поводомъ. Не имѣя никакого, хотя бы отдаленнѣйшаго отношенія ни къ прежнему управленію министерства путей сообщенія, ни ко всему министерству путей сообщенія вообще, мы говорили и говоримъ за государственную постройку желѣзныхъ дорогъ и противъ концессіонной системы, потому что видимъ въ послѣдней нравственно-невыгодныя и экономически-убыточныя начала нашихъ прежнихъ откуповъ, дополненныя тѣми „современными" прин-

ципами, которые нѣкогда привели Францію къ господству Перейровъ и Миресовъ, а въ Вѣнѣ произвели недавно знаменитый Krach, потрясшій на долгое время все экономическое положеніе Австріи.

Невыгоды предоставленія такого дѣла, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ—спекуляціи и биржевой игрѣ, болѣе и болѣе уясняется даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ частная промышленность сама собирала для нея средства. Тѣмъ болѣе очевидны эти невыгоды у насъ, гдѣ средства на постройку даетъ казна, и гдѣ нажива концессіонеровъ и биржевыхъ игроковъ пріобрѣтается прямо на податныя деньги, обязательно платимыя народомъ, а не на добровольныя ставки частныхъ лицъ, желающихъ принять участіе въ игрѣ, въ надеждѣ выигрыша. Такія возраженія, какъ мнимо-либеральныя, юбилейно-обѣденныя фразы объ „общественной самодѣятельности" въ пользу откупщиковъ, не имѣютъ смысла въ Россіи; съ одинаковою основательностью ихъ можно было приводить противъ надѣла крестьянъ землею и противъ учрежденія мировыхъ посредниковъ; можно было, пожалуй, требовать, чтобы крестьянамъ было предоставлено самимъ выкупать землю, а помѣщикамъ вступать съ ними въ соглашеніе или не вступать: laissez faire, laissez passer. Въ Германіи, гдѣ средства на частную постройку желѣзныхъ дорогъ частная промышленность собирала сама, тѣмъ не менѣе сознается уже необходимость не только удержанія дальнѣйшей постройки дорогъ въ рукахъ правительства, но и выкупа имъ по возможности дорогъ, уже построенныхъ частными обществами. Не лишне будетъ привесть отрывокъ изъ передовой статьи по этому предмету, помѣщенной въ іюлѣ въ „Frankfurter Zeitung", которой мнѣнія не могутъ быть перетолкованы въ смыслѣ какой-либо солидарности съ имперскимъ желѣзно-дорожнымъ управленіемъ или вообще съ администраціею, такъ какъ издатель ея—извѣстный радикальный депутатъ Зоннеманъ, и въ томъ же нумерѣ, изъ котораго мы сдѣлаемъ выписку, сообщается, что онъ сѣлъ въ тюрьму. „Со времени прошлогодняго финансоваго кризиса,—говоритъ „Frankfurter Zeitung",—существенно прояснились мнѣнія по вопросу о государственныхъ или частныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ только одиночные голоса въ печати дерзали высказываться противъ монополіи частныхъ дорогъ. „Frankfurter Zeitung" была единственной большой газетой, стоявшей рѣшительно за казенныя дороги. Въ парламентахъ и экономическихъ собраніяхъ и торговыхъ палатахъ преобладали приверженцы манчестерской школы, неустанно выступавшіе на защиту акціонерныхъ дорогъ съ громкой фразою, что государство не должно заниматься промышленностью. Два германскія правительства—брауншвейгское и мекленбургское продали свои государственныя дороги; третье пра-

вительство—баденское начало переговоры о продажѣ своей желѣзнодорожной сѣти; въ Вюртембергѣ также были попытки передать нѣкоторыя главныя линіи въ руки частныхъ обществъ. Нынѣ все это перемѣнилось. Прусскій сеймъ ежегодно предоставляетъ сотни милліоновъ на постройку новыхъ казенныхъ дорогъ, и противъ этого не возражаетъ ни одинъ голосъ, сколько-нибудь заслуживающій вниманія (nennenswerth). Неблагопріятные результаты по эксплуатаціи, и въ особенности скандалы, въ родѣ дѣлъ Вагенера и Путбуса, положили конецъ частной постройкѣ на сѣверѣ, надо надѣяться, — навсегда. Болѣе и болѣе распространилось убѣжденіе, что эксплуатація еще не представляетъ самой невыгодной стороны дѣла; осязательные примѣры научили всѣхъ, что наибольшія опасности общественному благосостоянію возникаютъ изъ *постройки* желѣзныхъ дорогъ чрезъ частныя общества, опасности, которыя не можетъ устранить даже и позднѣйшій выкупъ дорогъ государствомъ, такъ какъ удостовѣреніе расходовъ, произведенныхъ дѣйствительно на постройку, впослѣдствіи едва ли мыслимо. Переворотъ, происшедшій въ общественномъ мнѣніи по желѣзно-дорожному вопросу, упрочился до такой степени, что дирекція одной изъ важнѣйшихъ частныхъ дорогъ — рейнской, въ своемъ недавно опубликованномъ годовомъ отчетѣ, должна была признаться, что судьба частной постройки дорогъ въ германской имперіи уже порѣшена. Недавнія пренія въ баварской палатѣ по вопросу о выкупѣ восточныхъ дорогъ подтверждаетъ это мнѣніе. Палата почти единогласно рѣшила дѣло въ принципѣ въ пользу перехода восточной дороги въ руки казны; съ удовольствіемъ отмѣчая этотъ результатъ, мы думаемъ, что при данныхъ обстоятельствахъ сами владѣльцы акцій пожелаютъ, чтобы дѣло состоялось какъ можно скорѣе".

Повторяемъ, что невыгодныя стороны концессіонной системы и у насъ въ Россіи все болѣе и болѣе уясняются для общественнаго сознанія; стало быть, восторжествовать окончательно она не можетъ. Допустимъ даже, что новое управленіе путей сообщенія, болѣе податливое при началѣ своей дѣятельности, когда оно еще не успѣло бы выработать самостоятельнаго взгляда, склонилось бы къ сохраненію status quo; но и въ такомъ случаѣ не совсѣмъ легко и удобно было бы порѣшить, хотя бы на время, съ мыслью объ устраненіи концессіонной системы при той постановкѣ, какая уже была дана ей въ правительственныхъ сферахъ.

По слухамъ, при обсужденіи въ комитетѣ министровъ вопроса о казенной постройкѣ двухъ линій, которыя должны строиться въ ближайшее время, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ не потому, чтобы это высшее правительственное учрежденіе, въ лицѣ большинства

своихъ членовъ, было убѣждено въ превосходствѣ системы постройки чрезъ концессіонеровъ, но совсѣмъ наоборотъ. Комитетъ министровъ, какъ мы слышали, именно отвергъ концессіонный способъ, и если не положилъ прямо обратиться къ казенной постройкѣ дорогъ донецкой и мелитопольской, то единственно потому, что съ подлежащей стороны не было признано возможнымъ дать тѣ средства, которыя требовались для замѣны акціонернаго капитала, составляемаго подпиской. При устраненіи концессіонернаго способа приходилось отказаться отъ той четверти капитала, нужнаго на постройку, который представляется капиталомъ въ акціяхъ и въ настоящемъ случаѣ представлялся бы цифрою 10 милл. рублей. Эти средства, дополнительно къ облигаціонному капиталу, предположено было отпустить изъ государственныхъ рессурсовъ, по три милл. рублей въ теченіи трехъ лѣтъ и одному милл. рубл. на четвертый годъ. Вотъ этихъ-то рессурсовъ, повидимому, и не оказалось у государственнаго казначейства, которое, впрочемъ, какъ извѣстно, постоянно удовлетворяетъ въ теченіи года непредвидѣнные расходы въ размѣрѣ въ 10 разъ превосходящемъ цифру 3-хъ милліоновъ, благодаря возвышенію доходовъ, а, сверхъ того, имѣетъ около 100 милл. рублей нереализованныхъ рессурсовъ за границею. Можно бы привесть примѣры весьма значительныхъ авансовыхъ выдачъ концессіонерамъ-строителямъ изъ специальныхъ рессурсовъ, не затруднившихъ государственное казначейство. Но какъ бы то нибыло, въ настоящемъ случаѣ, средствъ этихъ для министерства путей сообщенія не нашлось, и только вслѣдствіе этого одного обстоятельства, вопросъ о казенной постройкѣ дорогъ донецкой и мелитопольской не былъ рѣшенъ теперь. По слухамъ, комитетъ министровъ предоставилъ министру путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, изыскать для постройки этихъ линій какой-либо иной способъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ концессіоннымъ.

Итакъ, хотя предположеніе министерства путей сообщенія о казенной постройкѣ донецкой и мелитопольской дорогъ пока и не осуществилось, но самая эта неудача, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она состоялась, показываетъ, что необходимость устраненія концессіоннаго способа уже весьма ясно сознана и въ правительственныхъ сферахъ, и что противъ государственной постройки не нашлось уже никакого убѣдительнаго аргумента, кромѣ оказавшейся невозможности ассигновать три милліона рублей изъ 500-милліоннаго бюджета или изъ 100-милліонныхъ запасныхъ рессурсовъ. Затѣмъ, при изысканіи новаго способа постройки долженъ будетъ все-таки представиться выборъ между тремя способами: концессіоннымъ, который впередъ отвергнутъ, публичной подпиской, ко-

торая, какъ блистательно доказали недавніе факты, есть тотъ же концессіонный способъ только въ скрытомъ видѣ и сопровождаемый еще большими невыгодами, въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ, чѣмъ прямая выдача концессій—и постройкой непосредственно отъ государства. Весьма интересно будетъ видѣть, къ какому соглашенію съ министерствомъ финансовъ придетъ по этому предмету новое управленіе министерства путей сообщенія; но сомнительно, чтобы совмѣстныя ихъ усилія могли привести къ открытію четвертаго способа, если только этотъ способъ не будетъ состоять въ томъ, чтобы пока вовсе не строить дорогъ.

По вопросу о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ намъ усиленно навязываются со своею „полемикой" „Биржевыя Вѣдомости". Между постройкою дорогъ отъ государства и предоставленіемъ ея концессіонерамъ газета видитъ только ту разницу, что въ первомъ случаѣ строятъ „русскіе подданные, состоящіе на коронной службѣ", а во второмъ—представители „80-милліонной массы русскихъ подданныхъ, не состоящихъ на коронной службѣ"—концессіонеры; интересъ концессіонеровъ, по мнѣнію газеты, представляетъ собою интересъ „нашей общественной самодѣятельности", говорить противъ эксплуатаціи государства откупщиками можно только „потерявъ вѣру въ нашу общественную самодѣятельность" (изъ чего слѣдуетъ, что изъятіе акцизнаго дѣла изъ рукъ администраціи и возстановленіе винныхъ откуповъ было бы полнымъ тріумфомъ нашей общественной самодѣятельности); негодуя во имя этихъ либеральныхъ началъ противъ постройки дорогъ распоряженіемъ государства, „Биржевыя Вѣдомости" противопоставляютъ „русскихъ подданныхъ, несостоящихъ на коронной службѣ и строющихъ дороги", то-есть концессіонеровъ—„паразитамъ, назначеннымъ только для высасыванія государственной крови". Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать паразитами концессіонеровъ, которые изъ постройки на казенныя деньги извлекаютъ себѣ милліонныя состоянія? Это—представители 80-милліонной массы русскихъ подданныхъ, сила и гордость нашей общественной самодѣятельности. Говоря о предположеніи бывшаго министра путей сообщенія предпринять постройку двухъ первыхъ линій отъ государства въ видѣ новаго опыта, мы называли этотъ проектъ полумѣрою, отрицали необходимость новаго опыта и высказали убѣжденіе, что теперь же слѣдовало бы окончательно рѣшить общій вопросъ о способѣ постройки дорогъ — въ пользу постройки непосредственнымъ распоряженіемъ государства. „Бирж. Вѣд." увѣряютъ, что этимъ мы сами „противуполагаемъ своему по-

ложенію соотвѣтственное отрицаніе", и говоримъ, что опыты не нужны, такъ какъ достаточно разъяснено, что казенное строительство невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, „Биржевыя Вѣдомости" нѣсколько разъ повторяютъ, что наши статьи по этому предмету внушены „служебной ревностью чиновника". Во всемъ этомъ только эта послѣдняя выдумка и требуетъ отвѣта, который мы уже и дали выше; ни авторъ нашихъ статей, ни редакція ни въ какихъ отношеніяхъ съ министерствомъ путей сообщенія никогда не находились. Выдумка эта со стороны такой газеты, какъ „Биржевыя Вѣдомости", оставляетъ насъ, впрочемъ, совершенно равнодушными. Что касается комическаго вздора, который выдается ими за либеральную аргументацію, то мы обратили на него вниманіе только потому, что въ немъ искажались наши слова.

ВОПРОСЪ

О

СЛУЖБѢ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

Недавно въ газетахъ появилась выдержка изъ протоколовъ желѣзно-дорожнаго съѣзда 1873 года по вопросу о службѣ женщинъ на желѣзныхъ дорогахъ. Считаемъ не лишнимъ разобрать этотъ вопросъ болѣе обстоятельно, на томъ основаніи, что, обсуждаемый въ газетныхъ статьяхъ, онъ не былъ разсмотрѣнъ никогда со всѣхъ его сторонъ. Мы считаемъ это нужнымъ потому, что при подробномъ разсмотрѣніи онъ является связаннымъ со многими сторонами нашей общественной жизни и становится такимъ дѣломъ, къ которому нельзя относиться легко.

Еще въ общемъ съѣздѣ желѣзно-дорожныхъ представителей 1872 г. былъ возбужденъ вопросъ: можетъ ли относиться къ желѣзнымъ дорогамъ правило о воспрещеніи принимать женщинъ на службу въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, и если можетъ, то должно ли оно примѣняться безусловно ко всѣмъ вообще должностямъ, доступнымъ для женщинъ по физическимъ условіямъ труда, или изъ этого правила могутъ быть допущены исключенія въ пользу нѣкоторыхъ должностей? По сношенію министерства путей сообщенія съ другими вѣ-

домствами вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, на основаніи существующихъ постановленій, женщины не могутъ быть допускаемы ни въ какія служебныя должности по желѣзнымъ дорогамъ, что̀ и объявлено съѣзду желѣзно-дорожныхъ представителей 1873 г. въ засѣданіи его, 19-го ноября.

Въ виду значительнаго распространенія на желѣзныхъ дорогахъ женскаго труда въ должностяхъ телеграфистовъ, бухгалтеровъ, контролеровъ, кассировъ и путевыхъ сторожей и вполнѣ добросовѣстнаго исполненія этихъ обязанностей женщинами, представители желѣзно-дорожныхъ обществъ не могли не обратить вниманія, въ какое затрудненіе ставило ихъ подобное распоряженіе, и должны были сознаться, что, при всемъ желаніи исполнить въ точности требованіе правительства, они не въ состояніи замѣнить немедленно мужчинами такую массу служащихъ и опытныхъ контролеровъ, бухгалтеровъ, телеграфистовъ и сторожей, такъ какъ три первыя должности и въ особенности обязанности телеграфистовъ требуютъ значительнаго времени для пріисканія и подготовленія необходимыхъ кандидатовъ, а замѣна женщинъ-сторожей—устройства новыхъ помѣщеній вдоль всѣхъ линій. Кромѣ того, представители желѣзно-дорожныхъ обществъ не могли не принять въ соображеніе, что подобная мѣра влечетъ за собой значительное увеличеніе расходовъ по эксплуатаціи, какъ потому, что женскій, нынѣ употребляемый на дорогахъ, трудъ значительно дешевле мужского, такъ и потому, что нынѣшнее незначительное содержаніе должностей, занимаемыхъ мужчинами, обусловливается тѣмъ, что семейства ихъ находятъ для себя занятія на желѣзныхъ дорогахъ, за что̀ получаютъ вознагражденіе, служащее дополненіемъ къ доходу старшаго члена семьи; при новыхъ же условіяхъ оклады всѣхъ служащихъ должны быть значительно увеличены, какъ вслѣдствіе излишняго спроса на трудъ, такъ и вслѣдствіе сокращенія его предложенія. Но такое увеличеніе расходовъ для большинства дорогъ становится невозможнымъ по незначительности ихъ доходовъ. На основаніи всего изложеннаго съѣздъ пришелъ къ заключенію о необходимости представить всѣ эти соображенія на благоусмотрѣніе господина министра путей сообщенія.

Разсматривая настоящій вопросъ съ точки зрѣнія, выраженной въ представленіи съѣзда, нельзя не согласиться, что немедленное увольненіе всѣхъ женщинъ, состоящихъ на службѣ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, положительно невозможно безъ совершенной остановки движенія по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ количество должностей, ими занимаемыхъ, слѣдуетъ считать тысячами. Однѣхъ женщинъ-сторожей можно насчитать болѣе 10 тысячъ. Чтобъ замѣнить ихъ мужчинами, необходимо удвоить число сторожевыхъ будокъ

на всѣхъ вообще линіяхъ, а для этого необходимо значительное время и большія затраты капитала. Должности телеграфистовъ почти во всѣхъ обществахъ преимущественно занимаются женщинами и подготовленіе опытныхъ телеграфистовъ, даже по пріисканіи желающихъ, требуетъ, по крайней мѣрѣ, шестимѣсячнаго срока. Между тѣмъ, безъ полнаго и притомъ вполнѣ опытнаго состава телеграфистовъ не можетъ быть допущено движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, и съ этой цѣлію телеграфистки на линіяхъ принимаются не иначе, какъ по удостовѣреніи телеграфнаго вѣдомства объ ихъ опытности. Какимъ же образомъ согласить выдачу удостовѣреній женщинамъ на право быть телеграфистками со стороны телеграфнаго вѣдомства съ воспрещеніемъ принимать ихъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ? Какимъ образомъ согласить сохраненіе женщинъ на государственной службѣ въ телеграфномъ вѣдомствѣ и воспрещеніе пріема ихъ на желѣзныхъ дорогахъ? Ясно, что такая непослѣдовательность не могла быть допущена, и на этомъ основаніи въ Высочайшемъ повелѣніи для телеграфистокъ сдѣлано исключеніе. Кромѣ того, въ томъ же повелѣніи сдѣлано исключеніе и для бухгалтерскихъ должностей по IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на которыя назначаются дѣвицы, съ успѣхомъ окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи IV отдѣленія. Ко всему этому необходимо прибавить еще одинъ фактъ: въ таможенномъ вѣдомствѣ на государственной службѣ состоитъ цѣлая масса женщинъ, исполняющихъ свои обязанности вполнѣ добросовѣстно. При существованіи подобныхъ правилъ до сихъ поръ не было основанія воспрещать и желѣзно-дорожнымъ обществамъ принимать женщинъ на службу. А такъ какъ бухгалтерія и контроль, въ особенности по желѣзнымъ дорогамъ, есть своего рода спеціальность, для которой нужна извѣстная подготовка, то замѣнить ихъ мужчинами немедленно также нѣтъ никакой возможности.

Изъ сказаннаго очевидно, что безусловнаго воспрещенія оставлять женщинъ на службѣ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ сдѣлать нельзя, а необходимо допустить исключенія, какъ то и сдѣлано въ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи для телеграфистокъ, бухгалтеровъ IV отдѣленія и женщинъ на службѣ таможеннаго вѣдомства. При этомъ нельзя не замѣтить, что исключенія должны быть сдѣланы не только временныя, по невозможности измѣнить быстро составъ служащихъ и въ виду извѣстныхъ филантропическихъ цѣлей, по которымъ нельзя оставить безъ куска хлѣба массу ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ, но и постоянныя—въ виду самаго Высочайшаго повелѣнія и существовавшаго съ того времени примѣненія его на практикѣ.

Но если исключенія необходимы, то затѣмъ представляется другой, повидимому еще болѣе затруднительный вопросъ, о предѣлахъ этихъ исключеній, какъ по отношенію къ роду занятій, такъ и по отношенію ко времени, на которое эти исключенія будутъ сдѣланы.

Если принять за правило, что женщины не должны быть допускаемы въ тѣхъ должностяхъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ публикой, то ихъ относительно не много, такъ какъ только одни кассиры имѣютъ сношеніе съ публикою. Но при этомъ нельзя уже допускать и женскую прислугу въ желѣзно-дорожныхъ буфетахъ, такъ какъ прислуга всего болѣе имѣетъ соприкосновеній съ публикой; а извѣстно, что бо́льшая часть прислуги въ цѣлой Европѣ и въ западной половинѣ Россіи состоитъ изъ женщинъ. Затѣмъ, если не допускать женской прислуги на желѣзныхъ дорогахъ, то безъ явнаго нарушенія справедливости нельзя дозволить сохраненія ея въ другихъ гостинницахъ, ресторанахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ публика имѣетъ доступъ. Но очевидно, что расширить до этихъ предѣловъ правило объ ограниченіи женскаго труда невозможно на томъ простомъ основаніи, что положительно невозможно наблюденіе за его исполненіемъ. Какое же другое основаніе можетъ быть принято для опредѣленія границъ, до которыхъ могутъ доходить исключенія въ пользу женскаго труда? Въ чемъ состоитъ тотъ признакъ, по которому можно опредѣлить, гдѣ оканчивается возможность приложенія его? Очевидно, что раціональное основаніе для опредѣленія этихъ границъ состоитъ въ естественныхъ условіяхъ труда, невозможнаго для женщинъ. Другого условія нѣтъ, и быть не можетъ. Но если существуютъ естественныя условія, по которымъ нѣкоторыя занятія несвойственны женщинамъ, то нѣтъ никакой надобности и воспрещать замѣщенія этихъ должностей женщинами: послѣднія и сами не пожелаютъ ихъ занимать, да и никому въ голову не придетъ замѣщать эти мѣста женщинами.

Точно также трудно опредѣлить и время, на которое можетъ быть разрѣшено обществамъ сохранить за женщинами право службы на желѣзныхъ дорогахъ. Если положить срокъ, по истеченіи котораго женщины должны быть замѣщены мужчинами, то, во-первыхъ, срокъ этотъ всегда будетъ произволенъ, и, во-вторыхъ, та филантропическая цѣль, вслѣдствіе которой невозможно оставить безъ куска хлѣба массу неповинныхъ жертвъ, вовсе не достигается. Если же установить правиломъ, что нынѣ служащія женщины будутъ сохранять свои мѣста и только не будутъ опредѣляемы вновь, то это было бы несправедливостью, какъ въ отношеніи тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя или вновь дѣлаются семейными людьми, или семейства которыхъ лишаются постороннихъ занятій по какимъ-либо причинамъ,

какъ напримѣръ, вслѣдствіе перемѣщенія старшаго члена семьи. Вообще, невозможно найти причину, по которой служба прежде поступившей женщины допускается и не признается вредною, между тѣмъ какъ служба вновь опредѣляемой считается не только вредною, но даже опасною... Переходя затѣмъ къ общему вопросу о женскомъ трудѣ слѣдуетъ замѣтить, что его можно разсматривать съ юридической, экономической и политической стороны.

Для правильнаго разъясненія юридической стороны вопроса объ ограниченіи женскаго труда необходимо коснуться общихъ постановленій нашего законодательства относительно правъ женщинъ.

Въ сферѣ гражданскихъ отношеній женщины пользуются у насъ полною самостоятельностью. Онѣ могутъ пріобрѣтать на свое имя имущество и распоряжаться имъ, вступать на общихъ основаніяхъ во всѣ вообще договоры и сдѣлки, и въ томъ числѣ въ договоръ о личномъ наймѣ. Имущественная самостоятельность женщины не прекращается даже со вступленіемъ ея въ замужство: имущество мужа и жены остается раздѣльнымъ, и они могутъ вступать съ третьими лицами въ различныя гражданскія отношенія совершенно независимо другъ отъ друга. Такимъ образомъ въ области правъ гражданскихъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между лицами того и другого пола. Это начало составляетъ одно изъ характеристическихъ отличій нашего гражданскаго кодекса по сравненію съ западными и представляется вполнѣ согласнымъ съ общими требованіями справедливости. Оно вылилось изъ общаго характера и обычаевъ нашего народа, и не даромъ оставалось цѣлые вѣка въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Оно имѣетъ громадныя послѣдствія въ русской жизни, и всякія измѣненія этого начала необходимо должны затронуть громадную массу интересовъ, если только эти измѣненія не останутся мертвой буквой, а будутъ строго примѣняться на практикѣ. Вотъ почему казалось бы, что всякія измѣненія въ этомъ характерѣ нашего гражданскаго законодательства должны быть принимаемы съ большою осторожностію, и, въ виду весьма серьёзныхъ мотивовъ, подвергнуты тщательному обсужденію.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о служебномъ положеніи лицъ женскаго пола въ акціонерныхъ обществахъ, оказывается, что это положеніе есть только одинъ изъ видовъ договора о личномъ наймѣ, на заключеніе котораго имѣютъ право, согласно существующимъ гражданскимъ постановленіямъ, всѣ лица, не лишенныя гражданскихъ правъ, и въ этомъ отношеніи нашъ гражданскій кодексъ не представляетъ никакихъ ограниченій. Повидимому, при составленіи предположенія объ ограниченіи приложенія женскаго труда недостаточно были взвѣшены тѣ громадныя послѣдствія, которыя изъ него вытекаютъ, и

тѣ измѣненія, которыя должны быть сдѣланы въ коренныхъ основаніяхъ нашихъ законовъ о правахъ—съ одной стороны акціонерныхъ обществъ, какъ юридическихъ правоспособныхъ лицъ, съ другой стороны—о правахъ женщины по имуществу вообще и по договорамъ въ особенности. Для правильной оцѣнки вопроса необходимо принять въ соображеніе, что если это ограниченіе осуществится на практикѣ, то оно поведетъ къ массѣ такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ поставитъ не только судебныя мѣста, но и администрацію въ безвыходное положеніе. Всѣ промышленныя предпріятія по нашимъ законамъ могутъ быть ведены и частными лицами, и акціонерными обществами, и могутъ переходить отъ однихъ къ другимъ, и наоборотъ. На какомъ же раціональномъ основаніи можно частному лицу дозволить пользоваться женскимъ трудомъ для извѣстныхъ занятій, а акціонерному обществу запретить это пользованіе, и можно ли допустить, чтобы при переходѣ предпріятія въ руки акціонернаго общества женщины, исполняющія свое дѣло старательно, подвергались повальному изгнанію? Затѣмъ представляется другой вопросъ: будетъ ли подвергнутъ ограниченію всякій женскій трудъ въ акціонерныхъ обществахъ, или только нѣкоторые его виды? Но очевидно, что отнять право у акціонерныхъ обществъ нанимать женщинъ даже для всякаго физическаго труда, вещь немыслимая, и можно обсуждать вопросъ объ ограниченіи только нѣкоторыхъ видовъ женскаго труда. Если такое ограниченіе послѣдуетъ только по отношенію къ умственному труду, то тогда является новый вопросъ: гдѣ граница между физическимъ и умственнымъ трудомъ, которой никакой судъ опредѣлить не будетъ въ состояніи? Затѣмъ, будетъ ли это ограниченіе распространено на женщинъ, состоящихъ членами акціонерныхъ обществъ? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вопросъ объ ограниченіи правъ женщинъ переходитъ отъ ограниченія личныхъ правъ къ ограниченію правъ имущественныхъ, которыя для сохраненія послѣдовательности должны быть также ограничены, вопреки всему характеру нашего гражданскаго законодательства.

Все сказанное далеко не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть въ частной и судебной практикѣ въ случаѣ строгаго примѣненія правилъ объ ограниченіи женскаго труда. Но и эти немногія указанныя затрудненія ясно говорятъ, что, вводя подобное правило въ законодательство, необходимо или отказаться отъ послѣдовательности, или, сохранивъ ее, дойти до такихъ постановленій, исполненіе которыхъ на практикѣ сдѣлается положительно невозможнымъ.

Таково положеніе настоящаго вопроса по отношенію къ существующему законодательству. По основнымъ началамъ его, жен-

щины имѣютъ легальное право на всѣ тѣ роды труда, которые, *не выходя изъ предѣловъ частной дѣятельности*, не требуютъ совмѣщенія въ лицѣ, принимающемъ на себя извѣстное обязательство, такихъ условій, которыя недоступны лицамъ женскаго пола. Всякое ограниченіе этого круга составляетъ собою ограниченіе правъ гражданскихъ, какъ нанимающихся, такъ и нанимателей, и можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ измѣненіемъ въ установленномъ порядкѣ самаго закона о личномъ наймѣ. Но измѣненіе даже частныхъ гражданскихъ постановленій можетъ быть совершаемо только съ крайнею осторожностью, и эта осторожность должна имѣть мѣсто въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ объ измѣненіи коренныхъ началъ гражданскаго кодекса, сложившихся вѣками. Едва ли будетъ раціонально предпринимать такую радикальную перестройку законодательства въ виду соображеній и обстоятельствъ, важность которыхъ хотя и нельзя отрицать, но которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ значеніе только временное и преходящее. Кромѣ того, вопросъ осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что измѣненіе закона было бы сопряжено съ нарушеніемъ существенныхъ интересовъ весьма значительной части общества и притомъ такихъ классовъ, которые находятся въ наиболѣе неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Въ настоящее время съ увѣренностью можно утверждать, что каждый отецъ семейства среди этихъ классовъ озабоченъ пріисканіемъ занятій для женскихъ членовъ своей семьи, занятій, которыя доставляютъ безусловно необходимое подспорье къ доходу главы семейства, и этотъ порядокъ поддерживаетъ семейныя связи. На этомъ основаніи, прежде нежели разрубать этотъ гордіевъ узелъ, надо десять разъ оглянуться и обсудить, не нанесетъ ли эта мѣра рѣшительный ударъ семейному очагу.

Но, кромѣ того, ограниченіе гражданскихъ правъ обыкновенно имѣетъ мѣсто только какъ уголовная кара, налагаемая за преступное дѣяніе. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, принятое, какъ общая мѣра, оно постигнетъ людей ни въ чемъ неповинныхъ. Внѣ уголовной кары законъ всегда ревниво охраняетъ частный интересъ, такъ что даже при столкновеніи правъ отдѣльнаго лица съ требованіемъ общественной пользы, люди, теряющіе свое право, не остаются безъ вознагражденія. Подобное уваженіе къ праву, безъ сомнѣнія, должно имѣть еще болѣе мѣста по отношенію къ праву цѣлыхъ классовъ, и законъ почти всегда слѣдуетъ этому правилу. Даже привилегіи извѣстныхъ классовъ не отмѣняются безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Безъ всякаго сомнѣнія, что и къ правамъ женщинъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе трудомъ, слѣдуетъ отнестись съ тѣмъ же вниманіемъ. Но въ данномъ случаѣ никакое вознаграж-

деніе положительно невозможно, а потому пришлось бы отнимать ничего не давая, чтб несогласно съ самыми элементарными требованіями справедливости.

Во всякомъ случаѣ мѣра эта не должна быть принимаема въ порядкѣ административномъ безъ соотвѣтственнаго измѣненія въ цѣломъ сводѣ гражданскихъ постановленій и соглашенія ея съ цѣлой системой законодательства, а потому приведеніе въ исполненіе этой мѣры нынѣ же можетъ встрѣтить неодолимыя препятствія. Конечно, на это можно возразить, что опубликованное постановленіе есть законъ, исполненіе котораго обязательно. Теоретически это будетъ совершенно справедливо, но практика имѣетъ свои условія, по которымъ необходимо время для исполненія новыхъ постановленій. Выше былъ брошенъ только бѣглый взглядъ на тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть на практикѣ при строгомъ исполненіи этого правила и такой общей постановкѣ вопроса, но при кабинетномъ его обсужденіи нельзя и предвидѣть той массы недоразумѣній, какая можетъ возникнуть на практикѣ. Всѣ эти недоразумѣнія потребуютъ, конечно, многихъ дополненій и разъясненій, безъ которыхъ рѣшительно обойтись нельзя, а главное соглашеній съ общими коренными основаніями цѣлой системы законодательства. Въ какое положеніе можетъ быть поставлена судебная власть, если на рѣшеніе ея поступятъ дѣла по примѣненію новаго закона, какъ въ случаяхъ гражданскихъ исковъ, изъ него вытекающихъ, такъ и въ случаяхъ преслѣдованія частныхъ лицъ за нарушеніе установленнаго правила? Судебная власть при немедленномъ введеніи въ дѣйствіе означенныхъ ограниченій встрѣтится, съ одной стороны, съ цѣлой системой законодательства, согласной съ общимъ строемъ гражданской жизни цѣлаго народа—съ другой стороны, съ сепаратнымъ постановленіемъ, изданнымъ въ административномъ порядкѣ и измѣняющемъ весь характеръ гражданскихъ отношеній лицъ женскаго пола. Заранѣе и съ полной увѣренностью можно сказать, что такое положеніе дѣлъ можетъ вызвать весьма затруднительныя компликаціи, которыя могутъ поставить правительственныхъ лицъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ существующихъ постановленій, въ весьма невыгодное и неловкое положеніе; мало этого, новыя правила, вслѣдствіе общности ихъ выраженій, едва ли могутъ быть примѣнены къ частнымъ случаямъ въ судебной практикѣ, и поэтому могутъ остаться мертвой буквой. На этомъ основаніи соглашеніе ихъ съ общимъ характеромъ нашего гражданскаго законодательства и изложеніе въ болѣе подробномъ видѣ должно бы предшествовать приведенію ихъ въ исполненіе.

Изъ сказаннаго ясно, что всякія ограниченія частнаго женскаго

труда совершенно несовмѣстимы съ общими основаніями нашего гражданскаго законодательства. Не трудно также доказать, что они идутъ и въ разрѣзъ съ началами, положенными въ основаніе экономическаго строя общества. До настоящаго царствованія всѣ экономическія отношенія русскаго общества въ большей или меньшей степени обусловливались существованіемъ крѣпостного права. Понятно, что въ то время о свободѣ труда не могло быть и рѣчи. Одинъ классъ общества не нуждался въ трудѣ, для другого свободный трудъ былъ недоступенъ по самымъ юридическимъ условіямъ его существованія. Съ отмѣною крѣпостного права должна была пошатнуться и вся построенная на немъ система. Принципъ свободнаго труда, положенный въ основу крестьянской реформы, опредѣлилъ собою и дальнѣйшее направленіе законодательной дѣятельности въ приложеніи къ экономической сферѣ. Задачею этой дѣятельности становится постепенное уничтоженіе всѣхъ существующихъ юридическихъ препятствій для развитія свободнаго труда. Какимъ же образомъ согласить съ этимъ направленіемъ созданіе новыхъ, не существовавшихъ до сихъ поръ ограниченій для труда женщинъ? Экономическій вредъ такой мѣры, идущей въ разрѣзъ съ потребностями времени, вполнѣ ясенъ. Она должна тяжело отозваться не только на томъ классѣ, котораго непосредственно касается, но и на общемъ ходѣ промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, значительное развитіе промышленной дѣятельности въ послѣднее время породило собою усиленный спросъ не только на рабочія руки, но и на трудъ умственный. До сихъ поръ общество не могло еще вполнѣ удовлетворить этому спросу, и жалобы на недостатокъ людей слышатся постоянно. Нѣкоторымъ восполненіемъ этого недостатка явился въ послѣднее время женскій трудъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающій все болѣе и болѣе важное значеніе. Съ ограниченіемъ возможности приложенія этого труда, недостатокъ людей долженъ сказаться въ сильной степени, и это не можетъ не отозваться вредно на самомъ развитіи промышленности.

Трудно также согласить мѣры къ ограниченію женскаго труда съ той заботливостью о женскомъ образованіи, которая такъ характеризуетъ послѣднія распоряженія правительства. Съ одной стороны, образованіе женщинъ дѣлаетъ ихъ болѣе способными ко всякаго рода дѣятельности и даетъ имъ возможность понять, что человѣку нельзя быть только потребителемъ чужого труда, а необходимо производительно употреблять свои силы, съ другой же стороны закрывается всякая возможность приложенія этихъ силъ.

Противъ изложенныхъ соображеній можно, повидимому, привести то возраженіе, что ограниченіе частнаго женскаго труда вообще ни-

когда не имѣлось въ виду, а дѣло идетъ только объ одномъ его родѣ, о служебныхъ занятіяхъ женщинъ въ правленіяхъ акціонерныхъ обществъ. Но по поводу такого возраженія нельзя не замѣтить, во-первыхъ, что, воспрещая акціонернымъ обществамъ то, что дозволено частнымъ лицамъ, пришлось бы отказаться отъ логической послѣдовательности; во-вторыхъ, что форма акціонерныхъ предпріятій постепенно становится преобладающей въ промышленности и что устанавливаемое ограниченіе, если оно удержится, будетъ имѣть вредное значеніе не только для настоящей минуты, но и для интересовъ будущаго.

Приведенныя соображенія касались тѣхъ общихъ невыгодныхъ въ экономическомъ отношеніи послѣдствій, которыя повлекло бы за собою стѣсненіе женскаго труда. Но нельзя, конечно, оставить безъ вниманія и интересовъ самихъ трудящихся. Условія женскаго труда въ настоящее время далеко не могутъ быть названы благопріятными. Вознагражденіе за женскій трудъ гораздо ниже, чѣмъ за мужской, и вообще настолько незначительно, что, конечно, безъ существованія крайней нужды никто не сталъ бы изъ-за него работать. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что женскій трудъ далеко не прихоть, и всякое ограниченіе его должно отозваться самымъ тяжелымъ образомъ на массѣ трудящихся, въ особенности если ограниченіе это будетъ имѣть мѣсто въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ воспрещеніе найма на службу въ акціонерныхъ компаніяхъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что подобная мѣра, принятая притомъ немедленно, лишила бы всякихъ средствъ къ существованію не одну тысячу людей, трудомъ заработывающихъ свой кусокъ хлѣба, и обратила бы ихъ изъ производительныхъ работницъ въ паразитовъ, живущихъ насчетъ труда своихъ отцовъ и братьевъ. Насколько это будетъ выгодно для государства и не нанесетъ ли подобная мѣра удара семейной жизни — покажетъ время, а ожидать этого удара очень возможно; нужда до чего не доводитъ!

Наконецъ, необходимо разсмотрѣть, насколько мѣры къ ограниченію женскаго труда оправдываются съ политической точки зрѣнія. Трудно уяснить себѣ, въ виду всего сказаннаго выше, какихъ полезныхъ результатовъ можно достигнуть подобной мѣрой? Не имѣя въ виду подробныхъ мотивовъ, которые послужили основаніемъ такой мѣры, невозможно сказать что-либо положительное по этому поводу; но, повидимому, здѣсь есть одно крупное недоразумѣніе. Вопросъ о женскомъ трудѣ получаетъ практическое значеніе только въ послѣднее время; прежде же его не существовало. Къ сожалѣнію, возникновеніе этого вопроса совпадаетъ съ развитіемъ въ нашемъ обществѣ извѣстнаго весьма уродливаго броженія умовъ. Повиди-

кому, въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о женскомъ трудѣ поставленъ въ зависимость отъ этого броженія, и потому естественное стремленіе женщинъ къ труду сочтено чѣмъ-то искусственнымъ, и, какъ незамѣченное прежде, признано не имѣющимъ причинъ бытія и въ будущемъ. Если такой взглядъ на дѣло дѣйствительно существуетъ, то нисколько не удивительно, что признано необходимымъ положить предѣлъ подобному движенію. На этомъ основаніи и въ виду всего сказаннаго выше слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, существуетъ ли эта зависимость и почему могло возникнуть самое предположеніе объ этой зависимости?

Для разрѣшенія подобнаго вопроса необходимо разсмотрѣть причины, по которымъ вопросъ о женскомъ трудѣ пріобрѣтаетъ значеніе только въ послѣднее время. Многіе думаютъ, что вопросъ этотъ является послѣдствіемъ нигилистическихъ тенденцій. Напротивъ того, не трудно доказать, что, совпадая по времени съ развитіемъ въ нашемъ обществѣ нѣкоторыхъ необдуманныхъ тенденцій, онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго, и при серьёзномъ анализѣ представляется логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ произведенныхъ въ нынѣшнее царствованіе реформъ. Доказательствъ этому такъ много, что скорѣе можно потеряться въ ихъ массѣ, чѣмъ затрудниться ихъ пріисканіемъ.

Разсматривая состояніе нашего общества въ прежнее время, мы видимъ отсутствіе всякаго образованія между женщинами среднихъ классовъ общества. Тѣ немногія женщины, которымъ выпадало на долю получить хотя какое-нибудь образованіе, принадлежали къ семействамъ лицъ или вполнѣ обезпеченныхъ или обезпеченныхъ до извѣстной степени, т.-е. или къ семействамъ дворянъ, обезпеченныхъ крѣпостнымъ правомъ, или къ семействамъ чиновниковъ, пользовавшихся законными и незаконными доходами. Вся остальная масса женщинъ среднихъ классовъ была или безграмотна, или едва умѣла читать и писать. Понятно, что при такомъ положеніи общества не могло быть и рѣчи о женскомъ сколько-нибудь осмысленномъ трудѣ. Дѣятельность же тѣхъ немногихъ женщинъ, которымъ случалось получать нѣкоторое образованіе и которыя оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію, поглощалась вполнѣ обязанностями гувернантокъ, число которыхъ было далеко не достаточно. Итакъ, съ одной стороны, недостатокъ образованія женщинъ средняго класса отнималъ у нихъ и всякую возможность заниматься какимъ-либо осмысленнымъ дѣломъ, и самое стремленіе къ труду; съ другой стороны, обезпеченіе, представляемое крѣпостнымъ правомъ и разными законными и незаконными доходами, не только устраняло необходимость труда, но развивало въ этой средѣ даже презрѣніе къ нему. Женщина, хотя сколько-нибудь обезпеченная, стыдилась пріобрѣтать

какія-нибудь средства къ жизни своимъ трудомъ: этотъ предразсудокъ и въ настоящее время еще не совсѣмъ исчезъ въ нѣкоторыхъ классахъ нашего общества, но въ прежнее время онъ имѣлъ огромное значеніе.

Совсѣмъ другое дѣло теперь. Уничтоженіе крѣпостного права и откуповъ, новый порядокъ судопроизводства, значительно уменьшившій возможность злоупотребленій, акціонерныя горячки и биржевые кризисы очень понизили доходы мелкаго дворянства и чиновничества, между тѣмъ какъ дороговизна жизни возросла. Вслѣдствіе этого, число семействъ, доходы которыхъ не обезпечиваютъ безбѣднаго содержанія, увеличилось и принуждено было искать въ женскомъ трудѣ дополнительныхъ средствъ къ существованію. Съ другой стороны, развитіе женскаго образованія и улучшеніе въ его методахъ повсемѣстное устройство женскихъ гимназій, число которыхъ постоянно возростаетъ, и измѣненіе въ понятіяхъ общества, которое нынѣ уже не считаетъ безполезнымъ образованіе женщинъ, сдѣлали послѣднихъ гораздо болѣе способными къ умственному труду и увеличили число ихъ настолько, что оно не въ состояніи быть поглощено педагогической дѣятельностію. Обречь нынѣ всѣхъ образованныхъ, но недостаточно обезпеченныхъ, женщинъ на педагогическую дѣятельность было бы все равно, что опредѣлить половину образованныхъ мужчинъ на должности учителей. Въ такихъ обстоятельствахъ починъ правительства, допустившаго женщинъ на службу въ телеграфѣ, въ таможенномъ вѣдомствѣ и въ IV-мъ Отдѣленіи собственной Его Величества Канцеляріи, указалъ имъ дорогу, по которой онѣ могли честно заработывать себѣ кусокъ хлѣба, и такимъ образомъ помогать мужьямъ и отцамъ. Ко всему этому надо прибавить, что общее экономическое развитіе страны, перерѣзанной желѣзными дорогами и усѣянной банками и другими акціонерными обществами, открыло обширное поприще для приложенія женскаго труда. Такимъ образомъ, стремленіе женщинъ къ самостоятельному труду является логическимъ послѣдствіемъ совершенныхъ реформъ, развитія женскаго образованія и общаго экономическаго и соціальнаго прогресса нашего общества, послѣдствіемъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ уродливымъ проявленіямъ общественнаго роста, извѣстнымъ подъ именемъ нигилизма.

Но затѣмъ представляется вопросъ: почему могло произойти недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго смѣшаны два такія различныя явленія, какъ честное стремленіе къ труду, порождаемое естественнымъ и быстрымъ измѣненіемъ условій общественной жизни, и уродливое отрицаніе всѣхъ коренныхъ основъ этой жизни? Повидимому, между этими двумя явленіями цѣлая бездна, а между тѣмъ мѣры, прини-

маемыя къ ограниченію женскаго труда въ образованныхъ классахъ общества, ясно указываютъ, что прискорбное недоразумѣніе существуетъ. Разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса должно, повидимому, уяснить дѣло и устранить самое недоразумѣніе.

Какъ ни далеки между собой эти два явленія, но для людей, стоящихъ не слишкомъ близко къ той средѣ, въ которой происходятъ эти явленія, не трудно смѣшать ихъ, потому что оба они являются послѣдствіемъ одной общей причины.

Ростъ всякаго организма сопровождается извѣстными болѣзненными явленіями, и очень естественно, что и нашъ ростъ не могъ не сопровождаться извѣстными неблагопріятными послѣдствіями.

Быстрое измѣненіе условій существованія нашего общества, и въ особенности среднихъ его классовъ, поставило ихъ по необходимости въ стѣсненное положеніе, и притомъ гораздо прежде, нежели представился выходъ изъ этого положенія. Потребности этихъ классовъ оставались или тѣ же самыя, или прогрессивно возростали, между тѣмъ какъ средства къ ихъ удовлетворенію сокращались. Общество не могло открыть разомъ новыхъ источниковъ для удовлетворенія этихъ потребностей, открыть новое поприще для дѣятельности всѣхъ лицъ, которыхъ нужда заставляла обратиться отъ праздной къ трудовой жизни. Не находя поприща для своей дѣятельности, эта масса готовыхъ силъ необходимо должна была придти въ стѣсненное положеніе. Но такъ какъ въ семьѣ не безъ урода, и на каждомъ, даже хорошо обработанномъ полѣ, плевелы родятся вмѣстѣ съ пшеницей, то масса этихъ силъ должна была раздвоиться. Одна, болѣе многочисленная часть этой массы терпѣла и искала выхода въ трудѣ, другая, болѣе нетерпѣливая, ударилась въ крайность, и въ виду какъ своей, такъ и чужой нужды, принялась отрицать всѣ основы существовавшаго порядка вещей. Два явленія, будучи послѣдствіемъ одной общей причины—быстраго роста общества—развивались параллельно, но не одинаково: одно изъ нихъ уродливо, другое здорово и естественно. Отрицательныя теоріи выростали на почвѣ полузнанія и находили себѣ наибольшее число прозелитовъ въ средѣ или неокончившей своего образованія, или односторонне развитой.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что мысль о приложеніи женскаго труда естественно должна была явиться въ средѣ наиболѣе нетерпѣливой, т.-е. въ средѣ, развивавшейся ненормально, и только впослѣдствіи, въ виду дѣйствительной потребности, она сдѣлалась стремленіемъ всей массы среднихъ классовъ общества. Пока мысль эта развивалась въ нигилистическихъ кружкахъ, она дѣйствительно могла казаться чѣмъ-то напускнымъ и искусственнымъ, потому что жен-

щины этого сорта больше говорили о трудѣ, чѣмъ дѣйствительно трудились. Подобное предположеніе подтверждалось еще и тѣмъ, что въ обществѣ явилась другая категорія женщинъ, которая, будучи далека отъ всякаго нигилистическаго направленія, увлеклась этой идеей изъ дилеттантизма, какъ модой,—и принималась за трудъ, не имѣя въ томъ никакой необходимости. Подобныя женщины еще болѣе убѣждали сторонняго наблюдателя въ томъ, что стремлѣнія эти напускныя. Но это время прошло и вопросъ о женскомъ трудѣ въ настоящее время давно вступилъ уже въ другую фазу, такъ какъ въ необходимости его и возможности убѣдились люди другого покроя,— люди труда, не имѣющіе въ виду политическихъ тенденцій и заботящіеся только о возможности существованія.

Нельзя утверждать, что правительство можетъ равнодушно смотрѣть на явленія уродливаго свойства и не принимать никакихъ мѣръ противъ ихъ развитія, но, повидимому, мѣры эти не должны имѣть общаго характера. Воспрещеніе женщинамъ служебной дѣятельности въ акціонерныхъ обществахъ вообще постигнетъ вовсе не тѣхъ лицъ, противъ которыхъ эта мѣра принимается, а совершенно другихъ, не имѣющихъ политическихъ тенденцій, на томъ простомъ основаніи, что лица, которыхъ правительство имѣетъ въ виду, только говорятъ о трудѣ, но дѣйствительно трудятся изъ нихъ очень немногія. Весьма естественно было вооружаться противъ женскаго труда въ то время, когда стремленіе къ нему было чѣмъ-то напускнымъ, но теперь, когда оно вступило въ новый фазисъ и является дѣйствительной и необходимой потребностью общества, не слѣдуетъ его смѣшивать съ уродливыми проявленіями той же мысли, а необходимо дать ему свободный исходъ. Подобнымъ отношеніемъ къ вопросу правительство необходимо ограничитъ ту среду, въ которой ищутъ своихъ прозелитовъ вредныя тенденціи, и слѣдовательно уменьшитъ значеніе послѣднихъ. Ограничивая же трудъ женщины, настойчиво и послѣдовательно, можно достигнуть совершенно противоположныхъ результатовъ, не говоря уже о томъ бѣдствіи, которое можетъ быть послѣдствіемъ этой мѣры, и томъ раздраженіи, которое оно вызоветъ въ средѣ трудящихся классовъ. Сфера практической жизни и честный трудъ быстро заставляютъ человѣка взглянуть на дѣло трезво, другими глазами, и онъ изъ пустого мечтателя дѣлается полезнымъ членомъ общества.

Къ сожалѣнію, у насъ не всегда понимается эта простая и очевидная истина. Мы часто ищемъ какихъ-то сложныхъ и съ мудреными названіями лекарствъ для излеченія весьма простой и естественной болѣзни политическаго организма, которая въ сущности есть явленіе случайное и преходящее, и противъ которой самъ

организмъ вооруженъ собственными силами. Мы часто не замѣчаемъ того, что, принимая мѣры противъ естественной болѣзни политическаго организма, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подрываемъ и здоровые его соки, вгоняемъ эту болѣзнь внутрь и тѣмъ ухудшаемъ положеніе дѣлъ. Нельзя запрещать употребленіе ножей, хотя ножемъ можно сдѣлать убійство. Такъ изъ опасенія развитія нигилистическихъ началъ ограничивать женскій трудъ вообще (другой причины ограниченія его представить себѣ нельзя)—значитъ прямо выкидывать на мостовую массу трудящихся и полезныхъ женщинъ, которымъ за неимѣніемъ честныхъ средствъ къ жизни останется или добывать свой кусокъ хлѣба развратомъ и оправдывать свое поведеніе проповѣдью нигилистическихъ теорій, или заставлять своихъ мужей и отцовъ прибѣгать къ противозаконнымъ и безчестнымъ поступкамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ это значило бы понижать уровень общественной нравственности, что не можетъ быть полезно ни въ какомъ случаѣ и не можетъ оправдать никакихъ политическихъ соображеній.

Послѣ всего сказаннаго можно возвратиться опять къ поставленному выше вопросу. Почему существуетъ это прискорбное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго уродливое и преходящее послѣдствіе общественнаго роста смѣшивается съ здоровымъ и вполнѣ нормальнымъ стремленіемъ извѣстной части общества къ честному труду? Выше было доказано, что какъ то, такъ и другое явленіе суть послѣдствія быстраго и коренного измѣненія условій общественной жизни и имѣютъ мѣсто въ средѣ людей, близко стоящихъ къ нуждѣ. Понять и оцѣнить различіе этихъ явленій человѣкъ можетъ только тогда, когда онъ или самъ пережилъ такое положеніе дѣлъ, или близко стоялъ къ лицамъ, находившимся въ немъ. Людямъ, стоящимъ далеко отъ подобныхъ явленій, они представляются не болѣе, какъ въ перспективѣ, и притомъ настолько отдаленной, что для нихъ, по необходимости, исчезаетъ всякая разница между честнымъ стремленіемъ къ труду, вслѣдствіе нужды, и проповѣдью объ этомъ трудѣ въ видахъ осуществленія эмансипаціи женщинъ. Для людей, стоящихъ очень далеко отъ среднихъ классовъ, дѣйствительно трудно опредѣлить громадную разницу между этими двумя тенденціями, тѣмъ болѣе, что было время, когда предубѣжденіе противъ женскаго труда имѣло нѣкоторое основаніе, хотя и не оправдывало тѣхъ опасеній, которыя возникли.

Впрочемъ, въ послѣднее время нигилистическое направленіе значительно ослабѣло, и если оно не исчезло до сихъ поръ, то это потому только, что оно не является открыто, а всякая таинственность увлекаетъ неопытныхъ юношей. Можно смѣло утверждать, что при

индифферентизмѣ правительства оно не выдержитъ свѣта гласности, и исчезнетъ подъ вліяніемъ общества и литературы, но этого нельзя ожидать, если обстоятельства заставятъ его скрываться въ потемкахъ отъ преслѣдованія власти. Все сказанное приводитъ къ слѣдующему заключенію: если стремленіе женщинъ къ труду естественно и логически вытекаетъ изъ перемѣны въ условіяхъ общественной жизни, если оно представляется съ юридической точки зрѣнія справедливымъ и законнымъ, съ экономической выгоднымъ и необходимымъ, а съ политической—не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ броженіемъ умовъ, которое было замѣтно въ нашемъ обществѣ, то ясно, что всякая мѣра, полагающая стѣсненіе этому стремленію, отзовется весьма невыгодно на всемъ экономическомъ строѣ государства. Всякое стремленіе въ этомъ смыслѣ можно сравнить съ желаніемъ обратить назадъ естественное теченіе рѣки; оно останется мертвой буквой и люди всегда найдутъ возможность обойти такой законъ, который будетъ въ противорѣчіи съ естественнымъ стремленіемъ цѣлаго общества. Примѣровъ подобныхъ неприменимыхъ законовъ въ нашемъ отечествѣ очень много, и увеличивать ихъ число не представляется никакой необходимости.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1874.

Посланіе Мак-Магона.—Измѣненія въ его кабинетѣ.—Предложеніе К. Перье.—Отголоски киссингенскаго происшествія въ Германіи.—Сессія англійскаго парламента.—Вопросъ о самоуправленіи Ирландіи.

Новый манифестъ графа Шамбора отъ 2-го іюля и посланіе президента республики 9-го іюля характеризовали положеніе дѣлъ Франціи при началѣ того мѣсяца. Легитимистскій претендентъ какъ бы нарочно выступилъ съ заявленіемъ, въ которомъ замѣтнѣе всего было совершенное умолчаніе о трехцвѣтномъ знамени. Послѣ недавнихъ разоблаченій „Times'а" относительно высказанной самимъ Макъ-Магономъ невозможности отвѣчать за дисциплину арміи въ случаѣ возстановленія бѣлаго знамени, новое заявленіе гр. Шамбора имѣло какъ бы смыслъ отреченія, по крайней мѣрѣ на ближайшее время. Отсутствіе сочувствія къ его дѣлу въ массѣ народа было всегда внѣ сомнѣнія; составить въ его пользу хотя бы незначительное большинство въ самомъ національномъ собраніи всегда представлялось труднымъ до невѣроятности; теперь оказывалось изъ компетентнаго свидѣтельства, что для возстановленія короля съ бѣлымъ знаменемъ нельзя разсчитывать и на армію; а между тѣмъ „король" снова отказывался принять знамя революціи, ставшее національнымъ. Быть можетъ, появленіе новаго манифеста гр. Шамбора нѣсколько ободрило правительство, показавъ ему, что церемониться далѣе съ легитимистами, какъ партіей, не имѣющей никакихъ шансовъ успѣха, было бы напрасно. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фурту пріостановилъ на двѣ недѣли изданіе легитимистской газеты „Union", въ которой былъ напечатанъ манифестъ Шамбора съ прибавленіемъ, что онъ печатается по приказанію короля. Это, разумѣется, произвело крайнее раздраженіе въ средѣ легитимистовъ, и въ засѣданіи 8-го іюля Люсьенъ Брёнъ сдѣлалъ правительству запросъ относительно мѣры, принятой противъ „Union". Предложенный имъ переходъ къ очередному по-

рядку, съ выраженіемъ порицанія министерству, былъ отвергнутъ большинствомъ 379 голосовъ противъ 320; но побѣдой для министерства это не было, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ была отвергнута формула, предложенная депутатомъ Пари́ и одобренная министерствомъ. Наконецъ, простой переходъ къ очередному порядку былъ принятъ большинствомъ 339 противъ 315 голосовъ. На другой день послѣ этихъ преній было прочтено въ собраніи посланіе, въ которомъ президентъ республики настоятельно требовалъ утвержденія нѣкоторыхъ учредительныхъ законовъ по указаніямъ, даннымъ имъ министрамъ. Въ томъ же засѣданіи 9-го іюля Дюваль внесъ предложеніе о распущеніи собранія съ назначеніемъ новыхъ выборовъ на 25-е октября; неотложность, потребованная авторомъ предложенія, была отвергнута.

Министры явились въ коммиссію Тридцати и, согласно посланію президента, указали, какихъ организаціонныхъ законовъ онъ желаетъ для успѣшнаго дѣйствія своей семилѣтней власти, а именно: учрежденія верхней палаты, съ назначеніемъ части членовъ ея правительствомъ, и права, въ согласіи съ верхней палатою, распускать палату депутатовъ. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи были дѣла къ половинѣ іюля: съ одной стороны правительство, выступающее смѣлѣе, предъявляющее требованія рѣшительнымъ тономъ, съ другой стороны большинство разрозненное, и можно сказать, несуществующее: легитимисты, требующіе смѣны Фурту, бонапартисты, раздраженные обысками, орлеанисты, не довѣряющіе изъ-за Маня самому правительству послѣ недавнихъ обличеній тайной бонапартистской организаціи; часть лѣваго центра, такъ-называемая группа Таржѐ, низвергшая Тьера, за-одно съ орлеанистами испуганная бонапартизмомъ и недовѣрявшая правительству. Не было большинства даже для поддержки существованія кабинета, который только въ силу особаго принципа терпѣливо сносилъ пораженія; тѣмъ менѣе могло быть рѣчи о предоставленіи правительству новыхъ правъ. А ко всему этому—наступало время для обсужденія предложенія Казиміра Перье́ объ окончательномъ признаніи республики; не было ничего удивительнаго, что республиканцы, разсчитывая на такое разстройство въ средѣ прежняго большинства и на страхъ, внушенный бонапартизмомъ, надѣялись успѣха для предложенія Перье. Чтобы побудить нерѣшительныхъ людей къ принятію его, они стали собирать подписи для новаго предложенія о распущеніи собранія, угрожая немедленно внесть это предложеніе, если предложеніе Перье будетъ отвергнуто.

Довольно неожиданный выходъ изъ этого положенія, крайне затруднительнаго для правительства, которое отвергало предложеніе

Перье, предстояло обсужденіе финансовыхъ законовъ въ засѣданіяхъ 10, 11, 14 и 18-го іюля. Для покрытія дефицита, возникшаго отъ недобора по новымъ налогамъ, министръ финансовъ Мань предлагалъ установить еще новыхъ налоговъ на 50 милл. фр.: пошлину на соль и полудесятинную надбавку къ разнымъ другимъ косвеннымъ налогамъ. Рѣшительнымъ противникомъ Маня явился извѣстный экономистъ Воловскій: доказывая, что самый фактъ недобора въ податяхъ свидѣтельствуетъ противъ возможности наложить на страну новыя подати, Воловскій предложилъ добыть нужные 50 милл. фр., уменьшивъ на эту сумму погашеніе долга казначейства французскому банку, т.-е. понизить годовую сумму погашенія съ 200 до 150 милл. фр. Мань возражалъ противъ этого предложенія, увѣряя, что оно поколеблетъ кредитъ банка, и заявилъ, что въ случаѣ если оно будетъ принято, онъ не останется министромъ. Въ засѣданіи 14-го іюля пошлина на соль была однако же отвергнута; затѣмъ, въ засѣданіи 15-го іюля отвергнута была добавочная къ разнымъ налогамъ полудесятинная пошлина. Мань подалъ въ отставку, которая однако же президентомъ республики не была принята. Но въ засѣданіи 18-го іюля, само предложеніе Воловскаго, несмотря на сопротивленіе Маня и мимо разныхъ другихъ предложеній, было принято большинствомъ 338 голосовъ противъ 325-ти.

Тогда Маню не осталось ничего болѣе, какъ выдти въ отставку. Въ совѣтѣ министровъ, который собрался для отысканія ему преемника, де-Фурту настаивалъ на необходимости избрать непремѣнно консерватора, и притомъ такого, который не былъ бы противенъ бонапартистамъ, для того, чтобы не слишкомъ обидѣть ихъ увольненіемъ Маня. Ему возражалъ герцогъ Деказъ и маршалъ поддержалъ послѣдняго. Тогда въ отставку подалъ и де-Фурту. Такимъ образомъ представилась возможность принесть двѣ жертвы легитимистамъ и орлеанистамъ, сдѣлать пріятное обѣимъ этимъ партіямъ. Наиболѣе ловкою замѣною вышедшихъ министровъ была бы такая, которая, сверхъ того, польстила бы еще лѣвому центру, а вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ бы раздражила бонапартистовъ. Такой именно выборъ и былъ сдѣланъ: министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ избранъ генералъ Шабо-Латуръ, рѣшительный орлеанистъ, а министромъ финансовъ Матьё-Боде, членъ лѣваго центра, съ бонапартистскими тенденціями. Страху, внушенному бонапартизмомъ, приносился въ жертву Мань, одинъ изъ корифеевъ этой партіи; раздраженіе легитимистовъ удовлетворялось увольненіемъ Фурту, запретившаго „Union"; лѣвый центръ былъ польщенъ назначеніемъ Боде, на котораго должны были благопріятно смотрѣть и бонапартисты. Вотъ какія хитросплетенія составляютъ нынѣ во Франціи „науку управленія". Несомнѣн-

ная ловкость этихъ мелкихъ, внушающихъ только чувство сожалѣнія, комбинацій для возстановленія консервативнаго большинства, выдавала опытную руку, управлявшую всею перемѣной: это была рука герцога де-Брольи. Позади новыхъ министровъ, душею министерства—хотя и разлученною съ тѣломъ, но какимъ-то чудомъ управляющею его движеніями, — являлся Брольи, которому вмѣстѣ вновь выпадала и роль руководителя правительственнаго большинства. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ Брольи и не замедлилъ явиться: при обсужденіи предложенія Перье́, онъ произнесъ главную рѣчь противъ провозглашенія республики отъ имени временного союза всѣхъ консервативныхъ партій. Въ первомъ же качествѣ, то-есть какъ душа министерства, Брольи воплощался въ новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ: генералъ Шабо-Латуръ былъ не что иное, какъ помощникъ и агентъ бывшаго вице-президента совѣта министровъ.

Между тѣмъ, еще въ засѣданіи 15 іюля, докладчикъ коммиссіи Тридцати, Вантавонъ внесъ свой докладъ по предложенію Казиміра Перье́. Обсужденіе этого предложенія первоначально было назначено на 20-е іюля. Но предварительно требовалось, посредствомъ измѣненій въ кабинетѣ, внушенныхъ герцогомъ де-Брольи, обезпечить достаточное консервативное большинство противъ предложенія Перье́. Съ этой цѣлью, въ засѣданіи 20 іюля, „почетный" вице-президентъ совѣта генералъ де-Сиссе́ сообщилъ собранію о послѣдовавшихъ назначеніяхъ министровъ и просилъ отложить пренія по предложенію Перье́, такъ какъ министерство не успѣло еще обсудить положенія въ новомъ своемъ составѣ; вслѣдствіе того, пренія были отсрочены до 23 числа. Засѣданіе 23 іюля представляло большой интересъ, хотя интересъ чисто-внѣшній: безплодная борьба партій, происходящая во французскомъ національномъ собраніи, интересна только какъ театральное представленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ англійской палатѣ общинъ не происходитъ преній сколько-нибудь глубоко захватывающихъ народныя чувства, ораторы французскаго національнаго собранія не имѣютъ соперниковъ себѣ по блеску, уму и патетичности слова. Но удовольствіе, съ какимъ читаются ихъ рѣчи, сопряжено для читателей не-французовъ съ непріятнымъ чувствомъ фальши, котораго бы не было, еслибы представленія, происходящія въ театральной залѣ Версаля, гдѣ засѣдаетъ собраніе, такъ прямо и назывались на афишахъ театральными. Къ сожалѣнію, нельзя винить одно нынѣшнее собраніе въ безплодности стремленій, эгоизмѣ, отсутствіи мужественнаго духа и истинной любви къ странѣ. Пусть здоровый, мужественный духъ дѣльности отсутствовалъ бы изъ собранія; но еслибы онъ преобладалъ внѣ его, въ странѣ, то въ ней раздался бы громкій, неотразимый голосъ не-

годованія на трату времени, мелкіе происки, ослѣпленіе, обнаруженные всѣми партіями. Депутатовъ, по возвращеніи ихъ въ мѣста ихъ избранія, подавило бы всеобщее презрѣніе къ ихъ пустячной дѣятельности, соединенной съ узурпаціею полномочій на неопредѣленное время. Негодованіе избирателей, друзей, знакомыхъ, единодушный протестъ всей честной печати, заставили бы ихъ разойтись. Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не замѣтно. Страна также подѣлена на взаимно-нейтрализующія себя партіи, какъ и собраніе. Это бы еще ничего; нейтрализируя себя взаимно, старыя партіи должны были бы именно вслѣдствіе того преобразоваться въ партіи новыя, готовыя признать какую-либо. форму правленія, лишь бы остановиться на чемъ-нибудь въ видѣ окончательнаго рѣшенія. Если этого не оказывается, несмотря на всю бѣдственность нынѣшняго положенія дѣлъ, то нельзя не думать, что сама страна, само французское общество въ искреннемъ своемъ убѣжденіи ставитъ ярлыки выше дѣла, свои излюбленныя игрушки — выше реальныхъ интересовъ безмолвной массы народа.

Въ промежуткѣ министерскихъ перемѣнъ и обсужденія предложенія К. Перье́, депутаты отъ той части лѣваго центра, которая участвовала въ большинствѣ 24-го мая 1873 г., низвергшемъ Тьера (группа Тарже́), явились къ маршалу-президенту республики, прося его объяснить, какъ онъ смотритъ на предложеніе Перье́. Макъ-Магонъ отвѣчалъ, что правительство считаетъ это предложеніе ненужнымъ и въ данную минуту опаснымъ, и поручилъ своимъ министрамъ сдѣлать заявленіе въ этомъ смыслѣ собранію. Съ этой минуты, республиканцы потеряли надежду на успѣхъ предложенія Перье́: большинство 24-го мая 1873 г., стараніями герцога Брольи, было возстановлено, по крайней мѣрѣ на одинъ моментъ, достаточный для того, чтобы предложеніе о провозглашеніи республики было отвергнуто; монархисты всѣхъ оттѣнковъ должны были идти противъ него по принципу; тѣ изъ нихъ, которые могли подать за него голосъ, съ отчаянія, изъ страха внушеннаго бонапартизмомъ, успокоились удаленіемъ Маня изъ министерства; монархическое большинство было плотно, а „таржетисты", вслѣдствіе отвѣта Макъ-Магона, должны были примкнуть къ этому большинству и тѣмъ его обезпечить. Докладъ, при которомъ коммиссія Тридцати внесла на обсужденіе предложеніе К. Перье́ о провозглашеніи республики и Ламбера-де-Сентъ-Круа объ организаціи „личнаго" септенната, отвергалъ оба эти предложенія и высказывался за принятіе другихъ основъ для учредительныхъ работъ коммиссіи: опредѣляя власть Макъ-Магона, какъ временное правленіе, не имѣющее характера ни монархіи, ни окончательной республики, докладъ предлагалъ оставить исполнительную

власть въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, сохранивъ главѣ ея титулъ президента республики; ввести отвѣтственность министровъ и учредить двѣ палаты; предоставить маршалу право распускать палату депутатовъ, а обѣимъ палатамъ вмѣстѣ право избрать ему преемника, въ случаѣ еслибы мѣсто президента оказалось незанятымъ.

Пренія открылись въ засѣданіи 23-го іюля, рѣчью Ламбера-де-Сентъ-Круа. Онъ поставилъ на видъ, что провозглашеніе республики, которое предложилъ Перье́, не соотвѣтствуетъ главной необходимости положенія: дать власти маршала Макъ-Магона правильные о́рганы для дѣйствія. Провозглашеніе республики само по себѣ ничего не учредитъ, утверждалъ онъ; оно такъ и останется однимъ провозглашеніемъ. Принявъ его, собраніе рѣшитъ впередъ, безъ всякихъ условій, что Франція должна быть республикой. Но отъ кого же ожидаютъ такого рѣшенія? — замѣтилъ ораторъ: отъ монархистовъ, которые и монархіи не хотѣли принять безъ условій! Затѣмъ Ламберъ совѣтовалъ дать организацію септеннату, согласно своему предложенію. Казиміръ Перьѐ получилъ слово послѣ Ламбера. Онъ началъ съ того, что невозможно создавать никакихъ учрежденій, пока не провозглашенъ основной принципъ власти. Внѣ принципа можно создать только временный порядокъ, а временный порядокъ будетъ имѣть революціонный ха̀рактеръ. Ораторъ объявилъ, что онъ ставитъ нынѣшнее правительство совершенно въ сторонѣ отъ того вопроса, который предлагаетъ рѣшить; дѣло не въ существованіи такого, или иного министерства. Но при этомъ Перье́ ловко напомнилъ о заявленіи въ пользу республики, сдѣланномъ въ прежнее время двумя изъ настоящихъ министровъ—Бодѐ и Калльо́— о фактѣ, что самъ генералъ де-Сиссѐ, будучи военнымъ министромъ Тьера, подписался подъ внесенными въ маѣ 1873 г. правительствомъ учредительными проектами, имѣвшими прямой цѣлью окончательное учрежденіе республики; наконецъ цитировалъ одну рѣчь герцога Деказа, доказывавшаго необходимость даровать Франціи окончательныя учрежденія вслѣдъ за освобожденіемъ территоріи. Затѣмъ Перье́ обратился къ подробному разбору неудобствъ, сопряженныхъ съ неопредѣленностью самого принципа правленія. Онъ доказывалъ, что предложеніе его нисколько не касается власти маршала, не имѣетъ въ виду сократить полномочія, данныя ему закономъ 20-го ноября 1873 года, но имѣетъ цѣлью сообщить учрежденіямъ Франціи жизнь, давъ ей съ названіемъ опору, установленіе которой сдѣлало бы незаконными революціонныя стремленія партій. Онъ сослался на похвальбу бонапартистскихъ газетъ, что маршалъ благоволитъ ихъ дѣлу, что септеннатъ подготовляетъ имперію, что, по выраженію одной изъ нихъ, „септеннатъ значитъ не семь лѣтъ правленія маршала Макъ-

Магона, но семь лѣтъ — маршалу Макъ-Магону на устройство правленія". Отказываясь допускать какую-либо опасность диктатуры со стороны маршала, ораторъ указывалъ опасность въ томъ, что могли возникнуть самыя возбужденія къ диктатурѣ. Перье заключилъ свою рѣчь патетическимъ обращеніемъ къ памяти своего отца, министра Лудовика-Филиппа, который, когда въ важномъ вопросѣ объ отмѣнѣ наслѣдственности званія пэровъ ему сдѣлали въ палатѣ упрекъ, что онъ отрекся отъ собственныхъ мнѣній, отвѣчалъ: „я не могъ отречься отъ моей страны". „Когда я вступалъ впервые на политическое поприще, въ 1846 году,—сказалъ нынѣшній Казиміръ Перье,—то еслибы кто-нибудь предсказалъ мнѣ, что я со временемъ явлюсь на трибунѣ французскаго собранія требовать немедленнаго провозглашенія республики, онъ повергъ бы меня въ великое изумленіе. Но еслибы тотъ же прорицатель далъ мнѣ узрѣть мою страну такою, какою я вижу ее теперь — послѣ всѣхъ революцій, разочарованій, бѣдствій, несчастную страну, молящую о дарованіи ей отдыха, покоя, тогда я бы понялъ (на этихъ словахъ оратора прервали восторженныя рукоплесканія лѣвой стороны), я понялъ бы и возблагодарилъ бы Бога за дарованное мнѣ право предвидѣть, что у меня достанетъ силы устранить всѣ личныя предубѣжденія, исполнить свой долгъ и произнесть то слово, въ которомъ, по моему убѣжденію, будетъ заключаться правда". Блестящая по формѣ и исполненная искренняго чувства рѣчь Казиміра Перье вызвала на лѣвой сторонѣ энтузіазмъ: вся эта часть собранія поднялась съ мѣста по окончаніи рѣчи и рукоплескала оратору.

Казиміру Перье отвѣчалъ герцогъ Брольи; въ рѣчи остроумной, но исполненной мелкой, придирчивой діалектики, того, что французы называютъ arguties, онъ старался доказать, что провозглашеніе республики, какъ провозглашеніе принципа, не привело бы ни къ чему; не устранило бы нападенія партій на провозглашенную форму правленія, а стало быть, не дало бы странѣ спокойствія. „Поставить какое-либо опредѣленіе выше нападокъ партій", сказалъ онъ, „можно тамъ, гдѣ принципъ этого опредѣленія установился въ общемъ сознаніи, какъ нѣчто священное и неприкосновенное; но за то тамъ и не нужно такого опредѣленія". Во Франціи же, по мнѣнію герцога Брольи, совершенно все равно, провозглашена ли республика или нѣтъ; она осуществиться окончательно не можетъ". Оспариванія ея не могли устранить и республиканцы „третьяго" года, у которыхъ были въ виду такія средства для устрашенія противныхъ партій, какъ ссылка и эшафотъ; у васъ ихъ нѣтъ; все, что вы можете дѣлать на защиту провозглашенной республики отъ нападеній монархистовъ, это—отдавать ихъ газеты на судъ присяжныхъ; да у васъ и на это не хватитъ времени, потому что вы, консервативные

республиканцы, будете заняты преслѣдованіемъ другихъ республиканцевъ, если только рѣшитесь преслѣдовать кого-либо; вамъ и рѣшиться на это не легко, потому что у васъ нѣтъ достаточнаго убѣжденія; многіе изъ васъ, консервативныхъ республиканцевъ (ораторъ разумѣлъ Тьера и самого Перье́), по убѣжденію, всегда были монархистами; въ данную минуту вы безпрепятственно сдѣлаетесь ими вновь". Рѣчь Брольи, повторяемъ, была остроумна, и отчасти вѣрно указывала на политическую неустойчивость во Франціи. Но какой же логическій результатъ истекалъ изъ нея:—что при раздѣленіи Франціи на партіи вообще напрасно установлять какую-либо форму правленія? Ясно, однако, что какая-либо форма должна же считаться законною, хотя бы пока она не сломана новою революціей. Генералъ де-Сиссе отъ имени правительства заявилъ, что оно противится предложенію Перье́, потому именно, что въ него включено, между прочимъ, подтвержденіе закона 20-го ноября о семилѣтней власти, врученной маршалу, а такое подтвержденіе закона, стоящаго внѣ сомнѣній, излишне. Въ преніяхъ принялъ участіе и Дюфоръ, который поддерживалъ предложеніе Перье́. По заключеніи преній, предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 374 голосовъ противъ 333. Предложеніе Валлона объ организаціи безличнаго септенната было также отвергнуто. Прочія предложенія были взяты назадъ. Тогда Малльвилль, отъ имени лѣвой стороны, внесъ предложеніе о распущеніи собранія и назначеніи новыхъ выборовъ на 6-е сентября. Это предложеніе не было объявлено неотложнымъ, а затѣмъ, въ засѣданіи 29-го іюля, оно было отвергнуто большинствомъ 354 голосовъ противъ 332-хъ. Такимъ образомъ, результатомъ всего этого похода было полное ничтожество, сохраненіе всей прежней неопредѣленности.

Нельзя, конечно, назвать „счастливымъ" такой случай, когда человѣку, только-что оправившемуся отъ серьёзной болѣзни, наносится рана. Тѣмъ не менѣе надо признать, что необыкновенное „счастье" князя Бисмарка еще разъ оправдалось блистательнымъ образомъ. Отправляясь въ купальню, въ Киссингенѣ, 13-го іюля, онъ поднялъ руку къ шляпѣ, чтобы отвѣтить на поклонъ одного прохожаго, въ тотъ самый моментъ, когда вѣрно-намѣченная пуля была пущена ему въ голову убійцею. Убійца, немедленно схваченный прохожими, оказался бондарь, по имени Куллльманъ. Изъ перваго же допроса его, на который явился и самъ Бисмаркъ, легко раненый въ руку, обнаружилось, что покусившійся на жизнь канцлера—фанатикъ, поднявшій на него руку за церковные законы. Куллльманъ самъ объявилъ это, прибавивъ, что онъ давно имѣлъ намѣреніе убить Бисмарка и прожилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ съ этой именно цѣлью. Происшествіе это, естественно, произвело огромное впечат-

лѣніе во всей Германіи и, какъ то всегда бываетъ въ такихъ случай, злодѣяніе Куллъмана было возложено на отвѣтственность цѣлой партіи. Самъ Бисмаркъ, со свойственной ему горячностью, въ первый же день, явившись у окна своей квартиры благодарить за принесенную ему серенаду и восторженныя привѣтствія, сказалъ, что „*они* не поколеблютъ подобными средствами великое дѣло свободы, независимости и единства Германіи". Слово „они", относившееся очевидно къ католикамъ, было исключено изъ краткой рѣчи Бисмарка, при отдачѣ ея въ печать; въ печатныхъ словахъ его говорилось уже только, что это великое дѣло „не можетъ быть поколеблено подобными средствами". Но частная либерально-національная печать, а также печать оффиціозная прямо поставили покушеніе на убійство Куллъмана въ вину католической партіи. Возможность воспользоваться этимъ оружіемъ, чтобы наносить противнику удары, была слишкомъ заманчива. Что ею воспользовались органы оффиціозные, въ томъ не было ничего удивительнаго. Оффиціозныя прусскія статьи пишутся нынѣ въ „либерально-національномъ" духѣ, но пишутся людьми, вскормленными на службѣ реакціонерному лагерю, который былъ прежде собственнымъ лагеремъ Бисмарка. Онъ самъ, хотя цѣли его измѣнились, нисколько не измѣнился въ своихъ пріемахъ, несмотря на необыкновенный умъ. Естественно, что люди, употребляемые имъ для сочиненія оффиціозныхъ статей, всегда готовы идти дальше его, а не имѣя его ума, и вовсе не измѣнились на службѣ „національному либерализму". Какъ бывало, въ качествѣ чистыхъ реакціонеровъ, они пользовались покушеніями Беккера и Блинда, чтобы травить весь либерализмъ, „топить" всѣхъ либераловъ въ общей солидарности съ преступными фанатиками, которые называли себя радикалами, такъ и теперь, въ качествѣ „либераловъ", они прямо указывали въ Куллъманѣ орудіе католической партіи. Неоффиціозные національно-либеральные органы, говоря въ сущности то же самое, понимали однако неблаговидность прямого обвиненія, помня собственныя прежнія невзгоды, и потому маскировали свои обвиненія новымъ философскимъ оборотомъ „нравственное соучастіе", „нравственная совиновность" (intellectuelle Mitschuld). Опредѣленіе это было не менѣе благозвучно, чѣмъ знаменитое въ свое время выраженіе „психологическій моментъ", которое въ началѣ 1871 года служило нѣмецкимъ газетамъ перифразою понятія о „голодѣ", наступленіе котораго въ Парижѣ вынуждало сдачу его. Но какъ въ то время, надѣясь на „психологическій моментъ", разумѣли просто голодъ, такъ и теперь, говоря о „нравственномъ соучастіи", разумѣли, что католическая партія въ Германіи должна быть поставлена внѣ общихъ законовъ. Необходимо однако прибавить, что въ настоящемъ случаѣ.

самъ убійца облегчилъ дѣло обвиненія. Такъ, на вопросъ, дѣйствовалъ ли онъ подъ вліяніемъ посторонних лицъ, онъ отвѣчалъ почти утвердительно, и только отказался давать какія-либо въ этомъ отношеніи показанія. Но обвинительная ревность, высказанная при этомъ случаѣ „національно-либеральной“ печатью, была тѣмъ болѣе неумѣстна, что она была совершенно излишняя.

Умъ массъ устроенъ такимъ образомъ, что все эффектное оказываетъ на него неотразимое дѣйствіе: сложившійся въ умѣ массы образъ перваго Наполеона несомнѣнно произвелъ избраніе Лудовика-Наполеона въ президенты республики, а затѣмъ способствовалъ всѣмъ послѣдствіямъ этого событія; нѣсколько побѣдъ на полѣ сраженія измѣняютъ взглядъ массы на значеніе какой-либо націи въ умственной исторіи человѣчества; преступленіе, совершенное членомъ одной партіи, отзывается въ умѣ массы на всей партіи, на самомъ дѣлѣ, хотя бы даже вожди ея осуждали преступника не менѣе, чѣмъ тотъ, на кого онъ посягалъ. Это—законъ непреложный, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ уровнѣ развитія массы читающей и разсуждающей, во всѣхъ странахъ Европы. Въ силу этого закона, всѣмъ извѣстнаго, очевидно было, что выстрѣлъ Куллымана во всякомъ случаѣ поразилъ бы прежде всего именно католическую же партію. Нѣтъ сомнѣнія, что общее раздраженіе, проявившееся противъ нея теперь въ Германіи, не представляетъ еще малой доли того страшнаго взрыва негодованія и жестокаго народнаго озлобленія, которые обрушились бы на католическую партію, еслибы въ самомъ дѣлѣ рука убійцы-католика сразила Бисмарка—совершителя германскаго единства, основателя могущества и славы Германіи. Понимая это, было совершенно излишне натравливать и массу и правительство на ту партію, которую дискредитировалъ Кулльманъ; масса и безъ усердныхъ внушеній поняла бы дѣло именно такъ, какъ было выгодно для національныхъ либераловъ; что же касается правительства, то въ готовности его воспользоваться этимъ, какъ и всякимъ инымъ случаемъ, для подавленія противника, едвали кто-либо могъ сомнѣваться.

Прусскимъ прокурорамъ вскорѣ разослано было циркулярное предписаніе строго слѣдить за печатью и обществами католической партіи; произведено было нѣсколько обысковъ, между прочимъ въ редакціи газеты „Germania“. Судя по языку оффиціозной печати, трудно допустить, что дѣйствія администраціи противъ католическихъ обществъ будутъ строго согласоваться не только съ буквою, но и съ духомъ законовъ, охраняющихъ право общественныхъ собраній. Буква закона вообще никогда не нарушается прусскою бюрократіею, что́ во всякомъ случаѣ служитъ къ ея чести. Но за то

нигдѣ, въ случаѣ нужды, эта буква и не подвергается такимъ казуистическимъ разъясненіямъ со стороны администраціи, какъ именно въ Пруссіи. Достаточно напомнить о спорѣ правительства съ палатой депутатовъ 1862—1865 годовъ; буква конституціи въ то время нарушена не была, но истолковывалась такъ, что выходило, будто именно палата депутатовъ, настаивая на своихъ требованіяхъ, нарушаетъ конституцію, а правительство оберегаетъ неприкосновенность конституціонныхъ учрежденій. Теперь главный оффиціозный органъ, „Провинціальная Корреспонденція", требовалъ отъ властей, чтобы онѣ примѣняли къ католической печати и католическимъ обществамъ всю строгость законовъ „съ той именно цѣлью, чтобы обнаружилось, даютъ ли существующіе законы правительству достаточное оружіе, чтобы противостать ультрамонтанской агитаціи и возбужденію къ проступкамъ и даже преступленіямъ". Хотя не можетъ быть сомнѣнія, что существующіе законы достаточно вооружаютъ правительство противъ прямого возбужденія къ проступкамъ и преступленіямъ; но это, видно, почитается въ оффиціозныхъ сферахъ все еще не тѣмъ, что̀ бы могло быть желательно. Въ самомъ дѣлѣ, органъ этихъ сферъ, „Провинціальная Корреспонденція", рядомъ съ понятіями вполнѣ опредѣленными, каковы понятія о „проступкахъ и преступленіяхъ", ставитъ въ связи и съ одинаковымъ значеніемъ такія понятія, какъ „опасное возбужденіе страстей" и разныя квалификаціи въ родѣ Umtriebe, Wühlereien, Hetzereien, которыя по свойству своему совершенно неопредѣленны и могутъ быть, по желанію, примѣняемы ко всякому оппозиціонному слову. Требуя, чтобы власти со всею строгостью законовъ дѣйствовали по отношенію къ католическимъ союзамъ и обществамъ, тотъ же о̀рганъ объясняетъ законъ слѣдующимъ образомъ: „по закону о правѣ собраній (Vereinsgesetz), полицейскому надзору подлежатъ всѣ общества, которыя имѣютъ цѣлью дѣйствіе на общественныя дѣла (Einwirkung auf öffentliche Angelegenheiten)". На этомъ основаніи о̀рганъ этотъ приглашаетъ полицейскія власти подвергать надзору всей строгости законовъ всѣ такія общества, которыя, хотя бы это не заключалось въ ихъ уставахъ, фактическимъ образомъ своихъ дѣйствій (thatsächliches Verhalten) окажутъ стремленіе влiять на общественныя дѣла. Ясно, что на этомъ основаніи полицейскому надзору и полицейскимъ мѣрамъ о закрытіи по усмотрѣнію должны бы подлежать и всѣ благотворительныя общества, словомъ—всякія общества, за исключеніемъ развѣ ученыхъ; да и объ ученыхъ можно будетъ сказать, что они занимаются возбужденіемъ страстей, съ цѣлью повлiять на общественныя дѣла. Между тѣмъ смыслъ прусскаго закона вполнѣ ясенъ и даже буква его весьма точна, и вовсе не допускаетъ столь обшир-

наго толкованія. Онъ говоритъ именно только о *политическихъ* обществахъ, а вовсе не объ обществахъ, производящихъ дѣйствіе или вліяніе (Einwirkung) на общественныя дѣла. Нѣсколько благотворительныхъ обществъ въ Берлинѣ уже закрыто на основаніи этого закона, запрещающаго политическимъ обществамъ вступать въ союзы одному съ другимъ, между тѣмъ какъ законъ этотъ (11-го марта 1850 г.) говоритъ прямо: „общества, имѣющія цѣлью обсужденіе *политическихъ* предметовъ въ собраніяхъ, не должны вступать въ союзъ (Verbindung) съ другими однородными обществами, въ особенности посредствомъ комитетовъ, коммиссій, центральныхъ органовъ и подобныхъ учрежденій, а также чрезъ взаимную переписку". Правда, и благотворительныя, именно католическія общества, иногда принимаютъ политическій характеръ въ томъ смыслѣ, что соединяютъ членовъ одной партіи. Но противъ этого, на основаніи закона, ничего нельзя сдѣлать. Чтобы соблюсти его необходимо было бы различать, въ самомъ ли дѣлѣ самыя дѣйствія, происходящія въ обществахъ, ихъ постановленія и пренія относятся къ политическимъ предметамъ. Извѣстно напримѣръ, что таково именно Майнцское собраніе католиковъ. Такія общества и подходятъ подъ дѣйствіе закона; но общества „учениковъ (Lehrlinge)" и „христіанскихъ матерей" въ Берлинѣ, закрытыя на основаніи этого закона, не должны были подходить подъ его дѣйствія, потому что не занимались политическими преніями и дѣйствіями, хотя бы даже общества эти и имѣли политическій „духъ". Усмотрѣть или не усмотрѣть указанное различіе на практикѣ зависитъ отъ полиціи, а когда отъ нея требуется, чтобы она употребляла всѣ усилія къ предотвращенію не только „проступковъ и преступленій", но и Wühlerein, Hetzereien, Umtriebe и т. д., то трудно ожидать, что полиція будетъ заботиться о дѣйствительномъ соблюденіи закона. Вообще, преступленіе Кулльмана не только отвратительно само по себѣ, но еще прискорбно тѣмъ, что оно вызываетъ въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, весьма сильныя еще и слишкомъ близкія традиціи реакціоннаго духа и реакціонерныхъ пріемовъ. Остается надѣяться, что оно можетъ имѣть и хорошее послѣдствіе въ томъ смыслѣ, что откроетъ глаза католическому населенію насчетъ опасности фанатизма, который несомнѣнно ведетъ къ насилію. Оппозиція католиковъ можетъ быть вполнѣ естественною и законною, если она не будетъ увлекаться духомъ фанатизма; въ противномъ случаѣ она могла привесть къ такому насильственному кризису, который представлялъ даже болѣе опасности, чѣмъ выстрѣлъ убійцы; взрывъ фанатизма могъ выразиться въ смутахъ, которыя поколебали бы дѣло единства. Очень можетъ быть, что преступная попытка Кулльмана охладитъ фанатизмъ и предупредитъ

возможность такого кризиса именно теперь, въ наиболѣе горячее время борьбы.

Сессія англійскаго парламента приближается къ концу. Она бѣдна результатами, какъ того и слѣдовало ожидать отъ сессіи, последовавшей за паденіемъ Гладстона. Вѣдь одной изъ причинъ паденія его кабинета и выставлялось обстоятельство, что „страна устала отъ быстро слѣдующихъ одна за другой реформъ". Итакъ, согласно ожиданію нынѣшняя сессія была отдыхомъ. Легкіе труды сессіи, сверхъ обсужденія бюджета и разныхъ мѣръ, не имѣвшихъ политическаго значенія, были посвящены проведенію двухъ, можно сказать, лишнихъ биллей: объ измѣненіи часовъ продажи въ питейныхъ заведеніяхъ и объ опредѣленіи формъ общественнаго богослуженія (Public Worship Regulation bill) и—устраненію предложенія Ботта о самоуправленіи (Home-rule) Ирландіи, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть успѣха. Первые два билля, по содержанію своему, конечно, не могли бы быть признаны политическими; однакоже они имѣли политическое и въ нѣкоторомъ смыслѣ именно—реакціонерное значеніе. Проведеніе въ англійскомъ парламентѣ мѣръ реакціонернаго свойства встрѣчается такъ рѣдко, что стóитъ остановиться на этихъ двухъ примѣрахъ. Законъ о питейной продажѣ имѣлъ цѣлью отмѣнить нѣкоторыя „излишнія стѣсненія" закона 1872 года, то-есть продлить число часовъ продажи въ тавернахъ; могущественное сословіе пивоваровъ, трактирщиковъ и питейныхъ торговцовъ никогда не простило Гладстону проведеннаго имъ сокращенія времени дозволенной продажи напитковъ, и на послѣднихъ выборахъ играло немалую роль въ пораженіи виговъ. Консерваторы, обязанные благодарностью этому почтенному сословію, должны были дать ему награду, и вотъ, съ этой цѣлью, министерствомъ внесенъ былъ билль объ отмѣнѣ „излишнихъ стѣсненій" закона 1872 года. Въ этомъ смыслѣ новый билль мы и назвали реакціонерной мѣрою. Впрочемъ, отступленіе назадъ было незначительное: такъ, для тавернъ въ Лондонѣ, по новому росписанію, время продлялось всего на полчаса. При обсужденіи билля въ палатѣ общинъ, онъ подвергся еще такимъ измѣненіямъ, которыя сдѣлали почти ничтожными его выгоды для трактирщиковъ. Въ іюнѣ билль былъ принятъ палатою общинъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 328 голосовъ противъ 39; это огромное большинство въ дѣйствительности означало только, что палатѣ крайне наскучилъ этотъ неудачный билль, никому въ сущности не обѣщавшій пользы, а между тѣмъ истекавшій изъ не очень нравственнаго источника; противъ него подали голоса только тѣ члены, съ сэромъ В. Лоусономъ во главѣ, которые не хотѣли отступить отъ принципа.

Билль архіепископа кэнтербэрійскаго объ опредѣленіи формъ богослуженія былъ внесенъ въ палату лордовъ. Сущность его заключалась въ томъ, что для устраненія разныхъ „нововведеній", нарушающихъ чистоту англиканскаго богослуженія, какъ оно установлено правилами (rubrics), составленными вскорѣ по введеніи реформаціи, епископамъ предоставляется право, по требованію нѣсколькихъ членовъ прихода, подвергать разбору образъ богослуженія мѣстнаго священника, указывать ему допущенныя имъ неправильности; а въ случаѣ ослушанія вопросъ можетъ быть перенесенъ въ особый высшій судъ, учрежденный съ этой цѣлью для всего королевства, и суду предоставляется право устранять священниковъ на время отъ исполненія должности. Политическое значеніе этотъ билль имѣлъ, во-первыхъ, потому, что представлялъ какъ бы новое подтвержденіе связи государственной свѣтской власти съ церковью; во-вторыхъ, давалъ удовлетвореніе многочисленнымъ англиканскимъ піетистамъ, которые ненавидѣли Гладстона за подозрѣваемую ими склонность его къ отмѣнѣ самаго „установленія", то-есть государственнаго положенія англиканской церкви въ Великобританіи, по примѣру проведенной имъ же отмѣны этого „установленія" (Establishment) въ Ирландіи. Есть основаніе предполагать, что духовное сословіе, подъ вліяніемъ именно этого подозрѣнія и внушеннаго имъ опасенія, такъ же, какъ и трактирщики, дѣйствовало противъ Гладстона на послѣднихъ выборахъ, и проведеніе „архіепископскаго билля" было на-руку торіямъ. Билль этотъ, по существу своему противный истинному принципу протестантства, то-есть свободѣ толкованія и богослуженія, на практикѣ долженъ представить то неудобство, что поведетъ къ нескончаемымъ спорамъ. Хотя и несомнѣнно, что многіе англиканскіе священники допускаютъ такія украшенія церквей и особенности культа, о которыхъ не упомянуто въ правилахъ, какъ, напримѣръ, высокія свѣчи на алтаряхъ, кажденіе, колѣнопреклоненія, ризы и даже конфессіоналы для устной исповѣди, но за то всѣ священники, сохраняющіе „чистоту" англиканскихъ обрядовъ, нынѣ опускаютъ при богослуженіи многое, чтó было установлено правилами, вѣкá тому назадъ. Такимъ образомъ, на жалобы приверженцевъ „чистоты" обрядовъ, ритуалисты могутъ отвѣчать жалобами на нарушеніе правилъ упущеніями. Въ конечномъ результатѣ отъ этого можетъ выиграть только католицизмъ, такъ какъ „ритуалисты", подражающіе католической внѣшности, еслибы законъ оказался оружіемъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ въ рукахъ ихъ противниковъ, будутъ логически увлекаемы къ полному разрыву съ преслѣдующимъ англиканствомъ. Билль архіепископа прошелъ въ палатѣ лордовъ третьимъ чтеніемъ въ засѣданіи 25 іюня.

Когда затѣмъ онъ поступилъ въ палату общинъ, то вскорѣ оказалось и въ этомъ могущественнѣйшемъ изъ всѣхъ народныхъ представительствъ, что религіозные вопросы не только не оставляютъ общество равнодушнымъ въ наше время, но, наоборотъ, вызываютъ въ немъ живое и даже страстное участіе. Незадолго до перехода этого билля въ палату общинъ, въ половинѣ іюня, внесено было Ньюдегэтомъ предложеніе—назначить коммиссію для изслѣдованія положенія католическихъ монастырей въ Великобританіи и внутреннихъ ихъ порядковъ; уже по этому предмету происходили довольно оживленныя пренія, которыя окончились, впрочемъ, тѣмъ, что предложеніе Ньюдегэта было отвергнуто большинствомъ 237 голосовъ противъ 94; противники Ньюдегэта ссылались главнымъ образомъ на бездоказательность его требованія, такъ какъ онъ не могъ привесть фактовъ, которые бы свидѣтельствовали о необходимости или пользѣ вмѣшательства государства въ это дѣло. Какъ только начались пренія объ „архіепископскомъ биллѣ", сессія замѣтно оживилась. Главнымъ противникомъ билля явился Гладстонъ, который внесъ шесть резолюцій, то-есть положеній, объявлявшихъ билль вреднымъ, потому что онъ направленъ противъ принципа свободы и противъ разнообразія формъ, которое совершенно раціонально и необходимо. Министерство сперва относилось къ биллю довольно равнодушно, пока онъ находился въ палатѣ лордовъ. Но когда, съ поступленіемъ билля въ общины, обнаружилось сочувствіе къ нему большинства, Дизраэли поспѣшилъ принять билль подъ свое покровительство и, такъ-сказать, усвоилъ проведеніе этой мѣры правительству. Въ засѣданіи 15-го іюля второе чтеніе билля было допущено единогласно и тѣмъ вопросъ рѣшенъ въ принципѣ; тогда Гладстонъ взялъ свои резолюціи назадъ. Въ рѣчи Дизраэли въ пользу билля принятіе его выставлялось, какъ „единственное средство для Англіи избѣгнуть той страшной борьбы между духовной и свѣтской властью, какая разыгралась на континентѣ Европы". Вслѣдъ затѣмъ, на банкетѣ у лорда-мэра, Дизраэли произнесъ рѣчь о необходимости для Англіи поддерживать господствующую церковь, составляющую надежнѣйшій оплотъ политической свободы и всѣхъ національныхъ учрежденій. Третье обсужденіе билля отсрочилось, такъ какъ палата приступила къ обсужденію новаго дополненія къ закону 1870 г. о народныхъ школахъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній законъ, а также законъ о судебномъ преобразованіи, обсуждавшійся въ нынѣшнюю сессію, были взяты правительствомъ назадъ, за недостаткомъ времени, такъ какъ сессію предположено было закрыть 8-го августа.

Пренія по предложенію Ботта происходили въ засѣданіи палаты общинъ 30-го іюня. Предложеніе это состояло въ слѣдующемъ:

„чтобы палата перешла въ генеральный комитетъ для разсмотрѣнія существующихъ парламентскихъ отношеній между Великобританіею и Ирландіею". Объяснивъ, что эта форма вчинанія вопроса согласна съ бывшими парламентскими примѣрами, Боттъ предложилъ, на случай согласія палаты съ этимъ предложеніемъ, принять затѣмъ слѣдующую резолюцію: „полезно и справедливо возвратить ирландской націи право и власть рѣшать всѣ дѣла, касающіяся исключительно самой Ирландіи — въ парламентѣ ирландскомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить единство государства и существующія между обѣими странами связи, оставивъ за однимъ государственнымъ парламентомъ исключительно и въ полной цѣлости власть по общимъ дѣламъ всего государства". Боттъ привелъ рѣшенія прошлогодняго большого митинга приверженцевъ „домашняго управленія" Ирландіи, и обратилъ вниманіе палаты на то изъ нихъ, въ которомъ было сказано, что „проектъ не предполагаетъ никакого измѣненія въ существующемъ парламентѣ". Онъ обозрѣлъ исторію отношеній между Ирландіею и Великобританіею со времени соединенія ихъ подъ общей законодательной властью, и выразилъ убѣжденіе, что когда сотня ирландскихъ членовъ, засѣдающихъ нынѣ въ палатѣ общинъ, продолжая принимать участіе въ общихъ дѣлахъ государства, не станетъ болѣе заниматься дѣлами спеціально великобританскими, но за то займется сама мѣстными дѣлами Ирландіи, то отъ этого выиграютъ обѣ стороны: англійскій парламентъ получитъ болѣе времени для обсужденія своихъ дѣлъ, а интересы Ирландіи будутъ разсматриваться мѣстнымъ парламентомъ, также съ бóльшимъ досугомъ и бóльшимъ вниманіемъ. Итакъ, предложеніе Ботта существенно отличалось отъ прежнихъ сепаратистскихъ плановъ, выразившихся въ Ирландіи движеніемъ О'Коннелля, а потомъ движеніемъ феніевъ. О'Коннелль хотѣлъ полнаго разрыва законодательной связи между обѣими странами, полной отмѣны акта о соединеніи, полагая оставить Ирландію, связанною съ Великобританіею только въ лицѣ общаго монарха. Феніи—насколько таинственная ихъ программа выразилась дѣйствіями—хотѣли полной политической независимости для Ирландіи. Боттъ и его товарищи (Home-rulers) требовили для Ирландіи только автономіи съ отдѣльнымъ мѣстнымъ сеймомъ въ смыслѣ сейма національнаго, но не государственнаго; ирландскій сеймъ по этой мысли былъ бы нѣчто въ родѣ чешскаго и другихъ національныхъ сеймовъ, существующихъ въ Цислейтаніи рядомъ съ имперскимъ сеймомъ и въ подчиненности ему. Когда происходило движеніе „рипилеровъ" (repeal—отмѣна акта соединенія), у англійскихъ ораторовъ и газетъ было одно готовое слово, которымъ они отъ него отдѣлывались: движеніе это представлялось внушеніемъ католическаго фанатизма, посягающаго на благополучіе бри-

танскаго государства. Когда впослѣдствіи обнаружилось движеніе феніевъ, къ которому католическое духовенство относилось враждебно, находя въ немъ зачатки радикализма, отвѣтъ былъ также готовъ: феніи производили убійства и взрывы зданій посредствомъ пороха; нѣчего было и разсуждать съ ними, а слѣдовало ихъ казнить. Только высокій умъ и непоколебимая честность Гладстона сумѣли отличить въ этомъ движеніи справедливое недовольство ирландцевъ отъ звѣрствъ, которыми его выражала партія политическихъ фанатиковъ. Онъ предпринялъ и осуществилъ великія реформы для умиротворенія Ирландіи. Впослѣдствіи ему же ставили въ вину, что недовольство въ Ирландіи продолжаетъ существовать, несмотря на „всѣ" уступки; какъ будто двухъ реформъ, проведенныхъ въ теченіи 1868—1870 годовъ, могло быть достаточно, чтобы искоренить то справедливое disaffection, которое создалось вѣками неслыханныхъ притѣсненій, дѣйствіемъ вѣковой строго-послѣдовательной системы національной экспропріаціи, національнаго разоренія, не говоря уже о жестокихъ подавленіяхъ мятежей.

Но вотъ являлось лучшее свидѣтельство въ пользу реформъ, осуществленныхъ Гладстономъ: нынѣшніе адвокаты Ирландіи, „гомрулеры" предъявляли уже гораздо болѣе умѣренныя требованія; стало быть, никакъ нельзя говорить, что „всѣ" уступки Ирландіи бываютъ безплодны, что Ирландіею можно управлять только желѣзною рукой и т. п. Противъ требованій Ботта не оказывалось на лицо никакого готоваго отвѣта, который бы освобождалъ англичанъ отъ самой необходимости обдумывать ихъ; самъ Боттъ даже не католикъ, а протестантъ; выступалъ онъ не только безъ насильственныхъ дѣйствій, но и въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ. Ему и отвѣчали не готовой фразою, но обстоятельнымъ разборомъ вопроса; вопросъ же самъ, тѣмъ не менѣе, былъ рѣшенъ впередъ; извѣстно было, что за предложеніе Ботта не подастъ голоса ни одинъ членъ, кромѣ членовъ его партіи. Стало быть, разсужденія были, собственно говоря, лишними; вопросъ рѣшался въ сущности простымъ нежеланіемъ. Указывая на это обстоятельство, мы однакоже не хотимъ сказать этимъ, что ни одинъ изъ аргументовъ, предъявленныхъ противъ предложенія Ботта, не имѣлъ силы. Считая излишнимъ подвергать ихъ разбору, такъ какъ, повторяемъ, вопросъ былъ въ дѣйствительности рѣшенъ не аргументами, но просто твердымъ и единодушнымъ намѣреніемъ англичанъ и шотландцевъ не допускать мысли, предложенной Боттомъ, мы однако сгруппируемъ эти аргументы въ краткомъ исчисленіи. Допустить отдѣльнаго парламента въ Ирландіи, какъ бы ни была ограничена его сфера, — говорили противники Ботта — нельзя потому, что, ставъ національнымъ орга-

номъ Ирландія, онъ неминуемо вступитъ въ столкновеніе съ государственнымъ парламентомъ, на который Ирландія будетъ смотрѣть, какъ на парламентъ англійскій. Столкновеніе поведетъ къ борьбѣ, которая создастъ въ Ирландіи еще больше недовольства, чѣмъ сколько обнаруживается теперь; ей легче не имѣть своего парламента, чѣмъ видѣть свое національное представительство въ подчиненіи у „иноземнаго“ собранія, видѣть, что рѣшенія ирландскаго парламента остаются безъ дѣйствія. А такъ какъ движеніе въ Ирландіи, опираясь на національный парламентъ, получитъ въ глазахъ народа видъ законности, то отсюда могутъ возникнуть серьёзныя опасности для единства государства. Ирландцы, если они намѣрены обсуждать дѣла въ своемъ парламентѣ безпристрастно, безъ увлеченія національными предразсудками, безъ удовлетворенія страстей большинства насчетъ интересовъ меньшинства, не имѣютъ серьёзной причины желать отдѣльнаго для себя парламента: ихъ слово свободно въ британскомъ парламентѣ, гдѣ они составляютъ значительную силу и добились немаловажныхъ уступокъ въ пользу своей страны. Если же они добиваются отдѣльнаго парламента собственно съ цѣлью удовлетворить страсти католическаго большинства насчетъ протестантскаго меньшинства, весть дѣла въ духѣ національной нетерпимости, то-есть достигнуть именно того, что одно недостижимо для нихъ въ парламентѣ общемъ, то нѣтъ причины удовлетворять ихъ желанію. Право большинства, въ силу котораго они хотѣли бы придать ирландскому законодательству и управленію отпечатокъ извѣстной вѣры, извѣстныхъ предразсудковъ, въ дѣйствительности не принадлежитъ имъ, такъ какъ въ общемъ составѣ государства котолическое населеніе Ирландіи составляетъ все-таки меньшинство. Нужно избрать одну изъ двухъ невыгодъ: или преобладаніе протестантскаго, англо-саксонскаго большинства въ государствѣ надъ католическимъ, кельтическимъ меньшинствомъ, населяющимъ Ирландію, или преобладаніе католическаго большинства въ Ирландіи надъ протестантскимъ, англо-саксонскимъ же по происхожденію, меньшинствомъ въ ней самой. Нѣтъ основанія думать, что этотъ послѣдній видъ преобладанія отличался бы большей терпимостью, большей справедливостью, чѣмъ первый; нѣтъ причины мѣнять одну невыгоду на другую, нѣтъ повода приносить сочувствіе великаго большинства всего населенія государства въ жертву чувствамъ менѣе значительнаго большинства, населяющаго одну Ирландію. Къ этимъ доводамъ, которые были представлены разными англійскими ораторами и органами печати противъ предложенія Ботта, мы не присоединяемъ возраженій, предъявленныхъ противъ него нѣкоторыми ирландскими же членами, и которые, вращаясь около непрактичности предложенія и

пользы единства, были менѣе искренни и менѣе заслуживали вниманія. Въ числѣ такихъ ораторовъ-ирландцевъ были Болль, генеральный прокуроръ Ирландіи и О'Доногю. Пренія были отсрочены до 2-го іюля. Въ этомъ второмъ засѣданіи противъ предложенія Ботта выступилъ самъ Дизраэли, который при этомъ привелъ новый доводъ, а именно желаніе, чтобы „въ тяжкую минуту великаго мірового кризиса, который ближе, чѣмъ думають, населеніе этой страны представляло единый народъ". Великій кризисъ Дизраэли разумѣлъ въ смыслѣ ополченія всѣхъ католическихъ народовъ для возвращенія папѣ свѣтской власти; допустивъ возможность такого событія, онъ ставилъ вопросъ: въ какое отношеніе стали бы къ этому дѣлу отдѣльный ирландскій парламентъ и отдѣльное ирландское правительство. Предположеніе Дизраэли насчетъ всемірнаго католическаго ополченія за свѣтскую власть папы само по себѣ забавно уже потому, что огромное большинство католическаго населенія во всемъ мірѣ (за исключеніемъ, быть можетъ, именно Ирландіи и Бельгіи) вовсе не сочувствуетъ свѣтской власти папы, какъ то явно проявляется въ массѣ населенія во Франціи, Италіи и даже Испаніи. Но кризисъ иного рода тѣмъ не менѣе возможенъ и, конечно, всѣ приверженцы великихъ началъ свободы и человѣчности присоединятся къ желанію видѣть цѣлымъ все могущество Великобританіи, для того, чтобы такой кризисъ не разрѣшился безъ ея участія. Предложеніе Ботта, въ засѣданіи 2-го іюля, было отвергнуто большинствомъ 458 голосовъ противъ 61. Впрочемъ, по всей вѣроятности оно будетъ возобновляться въ дальнѣйшихъ сессіяхъ, пока новая перемѣна правительства не поведетъ къ новымъ уступкамъ въ пользу Ирландіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 іюля.

Изъ воспоминаній стараго парламентскаго репортера.

Во всѣхъ странахъ, въ разныхъ поясахъ земного шара одинаковыя соціальныя и политическія условія производятъ одинаковыя явленія. Кто читалъ въ романѣ Диккенса „Давидъ Копперфильдъ" интересный эпизодъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, обманувшійся во всѣхъ своихъ надеждахъ, дѣлается стенографомъ въ парламентѣ (поэтъ въ этомъ романѣ, какъ извѣстно, описалъ, между прочимъ,

собственныя приключенія), тотъ пойметъ, что то же самое бываетъ и въ Германіи,—но только, само собою разумѣется, не каждый хорошій парламентскій репортеръ дѣлается Диккенсомъ.

Я выбралъ предметъ для настоящаго письма однако, совсѣмъ не вслѣдствіе воспоминанія о Давидѣ Копперфильдѣ, — а оттого, что получилъ счетъ отъ переплетчика, который переплеталъ мнѣ парламентскіе отчеты о послѣдней сессіи: два тома стенографическихъ отчетовъ о преніяхъ въ рейхстагѣ, два—о преніяхъ въ палатѣ господъ, шесть—о преніяхъ въ палатѣ депутатовъ; — все это довольно большіе томы in quarto—и, кромѣ того, еще около полдюжины парламентскихъ альманаховъ. Я уплатилъ счетъ, поставилъ книги въ свою библіотеку, и мнѣ пришло въ голову, загляну ли я въ нихъ когда-нибудь, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно сдѣлать какую-нибудь справку, или сдѣлать по альманаху сопоставленіе выборовъ въ нѣсколько сессій; мнѣ пришло при этомъ въ голову, какую громадную массу умственнаго топлива, если можно такъ выразиться, поглощаетъ эта парламентская печка, и затѣмъ мои воспоминанія обратились къ тому времени, когда я „измѣнилъ своему призванію“ (министръ Мантейфель утверждалъ однажды, что всѣ журналисты—люди, измѣнившіе своему призванію) и изъ юриста сдѣлался журналистомъ. Я однако увѣренъ въ томъ, что мы оба — я и государство —ничего не потеряли отъ этого. Міръ не сдѣлался бы лучше оттого, еслибы я сталъ строго придерживаться устава о наказаніяхъ; еслибы я пошелъ въ адвокаты, то кто поручится за то, что я получалъ бы процессы только отъ тѣхъ, которые, по мнѣнію судей, вѣдающихъ истину, оказались бы справедливыми.

Хотя я буду мѣшать свои личныя воспоминанія съ вещами серьёзными, но не думаю, чтобы послѣднія потеряли отъ этого свое значеніе; думаю даже, что они покажутся болѣе занимательными въ такой оболочкѣ.

Это было въ 1848 году, въ этомъ сумасбродномъ году, который, однако, разсматриваемый при освѣщеніи настоящаго времени, представляетъ вмѣстѣ съ сумасбродствами хорошіе образцы политической мудрости. Я жилъ въ Берлинѣ ради научныхъ занятій, какъ обыкновенно говорятъ, имѣя въ виду печальную перспективу черезъ три семестра быть посланнымъ въ Богъ знаетъ какой маленькій уголокъ, чтобы тамъ, въ качествѣ сверхкомплектнаго чиновника при судѣ, познакомиться съ практикою Ѳемиды, которой въ университетѣ научиться нельзя. Юристы издавна пользуются преимуществомъ ничего не дѣлать въ первые три или четыре семестра, а лѣтомъ 1848 года они и подавно ничего не дѣлали. Студенты другихъ факультетовъ, само собою разумѣется, точно также. Одинъ шелъ

въ вооруженный корпусъ студентовъ, принадлежавшій къ „національной гвардіи“, охранявшей спокойствіе города, что́ совершалось съ такимъ успѣхомъ, что едвали проходилъ хотя день безъ большихъ безпорядко́въ. Другіе посѣщали народныя собранія и клубы, которыхъ развелось безчисленное множество, и если кто не участвовалъ активно, тотъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ какъ можно больше видѣть. Короче сказать—тогда никто не учился.

Волны этого движенія еще не улеглись, когда 22-го мая созвано было *національное собраніе*. 1-го мая были выборы, и такъ какъ сколько-нибудь извѣстные политики были уже посланы во франкфуртскій парламентъ, то для прусскаго національнаго собранія остались только мѣстныя знаменитости. Человѣкъ двадцать депутатовъ нигдѣ не были извѣстны, кромѣ своего мѣстопребыванія, и никогда не занимались политикой, такъ какъ до 1847 г. въ Пруссіи совсѣмъ не было настоящей политической жизни.

Собранія этихъ депутатовъ были самыя бурныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя плодовитыя, какъ французское національное собраніе 1789 г. Тотъ, кто пережилъ 1848 г., можетъ вполнѣ понять національное собраніе 1789 г. Тогда, какъ и въ 1848 году, въ образованныхъ классахъ ходило нѣсколько модныхъ идей, осуществить которыя не было абсолютно никакой возможности. Идеи эти однако совсѣмъ не ограничивались сравнительно малымъ кружкомъ образованныхъ: онѣ были всеобщи и носились въ воздухѣ. Кто дѣйствительно опережаетъ свое время — случай такой рѣдкій, что его и изучить хорошо до сихъ поръ не удалось—тотъ бываетъ повѣшенъ, обезглавленъ или сходитъ съ ума, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы бо́льшая часть потерпѣвшихъ такую участь изъ-за политическихъ причинъ стояла впереди своего времени.

Великія идеи французскаго собранія 1789 года, при всѣхъ перемѣнахъ, пережитыхъ съ того времени Франціею, оставались въ силѣ; „идеи“ прусскаго національнаго собранія содержали въ себѣ все, изъ-за чего шла борьба въ послѣднія 25 лѣтъ, и что́ большею частію съ того времени уже осуществлено, конечно, потому только, что эти идеи были произведены во время тихой, но безустанной умственной работы націи съ 1815 года. По наружному виду собраніе людей, стремившихся провести эти идеи въ дѣйствительность, было величественно, и правительство, съ разсчетомъ или безъ намѣренія, нисколько не мѣшало *учредительному* національному собранію, какъ оно съ удовольствіемъ называло себя, пріобрѣтать какъ можно больше блеску. Тогдашній Берлинъ былъ вполнѣ приспособленъ для жизни военныхъ и чиновниковъ, а о парламентскихъ постройкахъ не думали ни король, ни жители, и вотъ возникъ пер-

ный вопросъ: гдѣ должно помѣщаться національное собраніе? Я не знаю, чѣмъ руководились при выборѣ, но, наконецъ, остановились на „Пѣвческой Академіи“, на берегу такъ-называемой „зеленой канавы“ (grüner Graben), протекающей чрезъ Берлинъ клоаки, уже и тогда составлявшей ужасъ для жителей. Залу, въ которой происходили до того времени музыкальныя собранія, быстро снабдили трибуною и необходимымъ количествомъ скамеекъ; галлереи, находившіяся въ залѣ, не требовали никакого измѣненія для помѣщенія въ нихъ публики. Только въ галлереѣ для репортеровъ была поставлена пара пюпитровъ: это была первая трибуна для журналистовъ, хотя ихъ и не было, потому что въ то время въ Берлинѣ нельзя было сдѣлаться журналистомъ. Тогда существовали двѣ большія старыя газеты, Фоссова и Шпенерова, которыя въ публикѣ назывались „тетушка Фоссъ“ и „дядюшка Шпенеръ“. Въ 1847 году прибавилась еще радикальная газета—разумѣется въ той мѣрѣ, насколько цензура позволяла говорить—«Zeitungshalle» и вскорѣ за тѣмъ, въ мартѣ, основана была «Nazionalzeitung». Стенографы были внизу въ залѣ, но для газетъ это искусство тогда не существовало. Въ извѣстномъ смыслѣ оно не существуетъ для нихъ еще и до сихъ поръ, потому что, несмотря на большое развитіе прессы и несмотря на то, что нѣкоторыя большія газеты, какъ напримѣръ, „Kölnische Zeitung“, устроили свои парламентскія бюро и такъ-называемую парламентскую корреспонденцію, которая должна давать своевременные отчеты о преніяхъ и занимаетъ довольно большой персоналъ,—несмотря на все это, въ бюро содержится всего одинъ помощникъ для стенографа, и оно вообще поступаетъ такимъ образомъ, что наиболѣе замѣчательныя рѣчи старается получать или отъ самого депутата, или изъ стенографическаго бюро палаты. Въ послѣднемъ работаютъ такъ быстро, что рѣчь, спустя полчаса послѣ того, какъ она была произнесена, уже переписывается вся обыкновеннымъ шрифтомъ. Каждый стенографъ—для лучшаго контроля обыкновенно записываютъ двое одновременно—обыкновенно работаетъ безъ перерыва только десять минутъ, а потомъ тотчасъ же диктуетъ записанное секретарю, такъ что вскорѣ послѣ засѣданія весь отчетъ бываетъ готовъ для печати. Депутаты (также и министры) имѣютъ право корректировать свои рѣчи; нѣкоторые пользуются этимъ честно, измѣняя только конструкцію фразъ или пополняя текстъ цвѣтами краснорѣчія; другіе же злоупотребляютъ этимъ, измѣняя смыслъ сказаннаго. Какъ далеко можетъ простираться это право—вопросъ издавна спорный, и хотя вообще постановлено, что поправки не должны измѣнять *смыслъ* рѣчи, но самое слово *смыслъ* въ этомъ случаѣ такъ неопредѣленно, что позволяетъ очень многое.

Въ прежнее время, когда бюрократическій духъ былъ сильнѣе, парламентское бюро находилось по возможности подъ покровомъ чиновничества и сохраняло все въ тайнѣ, такъ что считалось преступленіемъ, если оно давало журналистамъ рѣчи или отрывки изъ нихъ для печати. Но постепенно — нужно сказать, *очень* постепенно — такое отношеніе къ дѣлу признано было неразумнымъ, и теперь оффиціальные стенографическіе отчеты сдѣлались доступны всѣмъ газетамъ и репортерамъ. Вообще, однако, запрещено передавать даже большимъ нѣмецкимъ газетамъ цѣлые отчеты. Публика отъ этого, однако, ничего не теряетъ, потому что въ каждомъ засѣданіи произносятся рѣчи, имѣющія мало значенія; такіе ораторы обыкновенно очень сердятся, если ихъ рѣчи сильно сокращаютъ или совсѣмъ не сообщаютъ ихъ, и съ ихъ стороны слышатся постоянныя жалобы. Естественно, что каждый считаетъ свою рѣчь если и не очень интересною, то во всякомъ случаѣ необходимою и имѣющею значеніе; журналисты этимъ, однако, не стѣсняются. Они знаютъ, что если слово получилъ какой-нибудь неизбѣжный X, то они могутъ спокойно положить свои перья. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удаляется при этомъ изъ залы три четверти депутатовъ? Остающіеся же занимаются Богъ знаетъ чѣмъ, но навѣрное ничего не слушаютъ. Господину X это все равно. Онъ говоритъ для стенографическаго отчета, откуда она будетъ сообщена мѣстною газетою его избирателямъ, и такимъ образомъ они увидятъ дѣятельность своего представителя.

Но возвратимся опять къ 1848 году, въ залу „Пѣвческой Академіи". Такъ-называемое до-мартовское время, какъ я сказалъ, могло образовать писателей, но не журналистовъ. Однако нашлось нѣсколько дѣльныхъ лицъ, которые, обрадовавшись тому, что исполнилась мечта ихъ юности, сочли за честь сдѣлаться репортерами. Болѣе извѣстные ушли, однако, во франкфуртскій парламентъ. Здѣсь остались только Теодоръ Мюгге, авторъ извѣстныхъ скандинавскихъ романовъ, и Цабель, и тогда уже немолодой человѣкъ, который и теперь еще управляетъ редакціей «Nazionalzeitung». Вмѣстѣ съ ними явилась цѣлая толпа молодежи, которая во время тогдашняго водоворота сочла своимъ призваніемъ обратиться къ журналистикѣ.

Всѣ эти молодые люди были либеральны, очень либеральны, и когда осенью пришла невзгода реакціи, то ряды этого молодого ополченія порѣдѣли. Нѣкоторые вынуждены были бѣжать въ Швейцарію или въ Америку, другіе удалились въ провинціальную глушь; но замѣчательно, всѣ счастливо пережившіе бурю остались вѣрны журналистикѣ, и въ берлинской прессѣ до сихъ поръ есть очень

много молодыхъ „сорокавосьмигодниковъ“, которые всѣ уже праздновали свои двадцатипятилѣтніе юбилеи.

Да! Всѣ мы были тогда либеральны, какъ вообще юность. Какъ для слѣпого демократа „человѣкъ изъ народа“ есть образецъ добродѣтели и благородства, а богатый и знатный олицетвореніе дурного отъ головы до пятокъ, такъ и для насъ право, справедливость, разумность были только на одной сторонѣ, и мы рѣшительно не могли понять, какъ милосердый Богъ можетъ лишать людей разсудка до того, что они не только не понимаютъ евангелія лѣвой стороны (разумѣется, крайней лѣвой), но даже, напротивъ, мелютъ консервативный вздоръ. Съ каждымъ въ юности бываетъ то же самое. Только опытъ — да и то небольшому числу людей — даетъ мудрость признавать истину и право не только на той сторонѣ, въ которой они принадлежатъ по убѣжденію, преданію или просто по случаю, и не считать кретинами и измѣнниками своихъ противниковъ.

Только тамъ, гдѣ существуетъ такое обоюдное уваженіе партій, какое видимъ въ Англіи, возможна свобода; и только тамъ парламентскія учрежденія могутъ дать тѣ блага, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Въ началѣ политической жизни народа, разумѣется, нельзя требовать отъ него такой зрѣлости; она была бы даже дурнымъ признакомъ. Народы, какъ и дѣти, должны перебѣситься для того, чтобы изъ нихъ что-нибудь вышло.

Мы теперь смотримъ часто съ пренебреженіемъ или сожалѣніемъ на наше прошлое; 50 лѣтъ тому назадъ не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, и тогдашняя жизнь представляется намъ очень неудобною по трудности достиженія того, что теперь дается легко. Точно то же бываетъ и въ новыхъ парламентскихъ собраніяхъ. Вещи, которыя намъ кажутся теперь необыкновенно легкими, въ прежнихъ неопытныхъ собраніяхъ казались чрезвычайно трудными. Тогдашнее собраніе, можетъ быть подражая бельгійскому, установило сперва планъ предполагаемыхъ занятій, но этимъ планомъ совсѣмъ не умѣло пользоваться. Точно также вмѣстѣ со многими цѣлесообразными положеніями, которыя навѣрное останутся при всевозможныхъ перемѣнахъ, оно приняло совершенно нелѣпыя, совсѣмъ неприложимыя къ дѣлу, какъ, напримѣръ, то, что ораторы не должны въ своихъ рѣчахъ касаться личностей, что всякое выраженіе одобренія или неодобренія воспрещается и что оратора прерывать нельзя,—положенія, которыя не могли продержаться и одного дня. Старшій президентъ, ф.-Шёнъ, сотоварищъ знаменитаго Штейна, прежній верховный президентъ провинціи Пруссіи, къ сожалѣнію, такъ былъ

старъ тѣлесно и духовно, что ничего не могъ сдѣлать. Онъ не понималъ собранія, и оно его не понимало въ свою очередь. Всѣ кричали наперерывъ. Безпорядочные дебаты о вещахъ побочныхъ кончались шумомъ и часто полнѣйшей анархіей. Только къ концу третьяго засѣданія собраніе выбрало наконецъ президентомъ купца Мильде изъ Бреславля, который уже принадлежалъ къ соединенному ландтагу и былъ знакомъ съ парламентскими формами. Но сколько-нибудь удовлетворительнаго порядка въ занятіяхъ все еще не было; такъ какъ единственное правительственное предложеніе парламенту, планъ конституціи (Verfassungsentwurf), требовало предварительнаго обсужденія, прежде чѣмъ перейти въ общее собраніе, то собраніе собственно ничего не дѣлало и только занималось безцѣльными дебатами, но оно было неутомимо на запросы. Право дѣлать запросы правительству о томъ, что оно сдѣлало или хочетъ сдѣлать, казалось юному собранію, разумѣется, однимъ изъ высшихъ благъ, и такъ какъ спрашивать гораздо легче, чѣмъ давать отвѣты, то положеніе министровъ было совсѣмъ не легкое, тѣмъ болѣе, что они въ самомъ дѣлѣ старались отвѣчать сколь возможно больше. Какъ въ народѣ, такъ и въ національномъ собраніи партіи хаотически перемѣшались. Сперва правая и лѣвая сторона держались въ равновѣсіи, и первая имѣла даже небольшой перевѣсъ, какъ показываетъ выборъ первыхъ двухъ президентовъ; но было очень много такихъ депутатовъ, которые совсѣмъ не сознавали своего положенія относительно партій, и на самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудно образовать настоящія фракціи. Министры были совершенно изолированы; у нихъ въ собраніи было много приверженцевъ, но совсѣмъ не было замкнутой партіи. Изъ двухъ большихъ сторонъ, на которыя раздѣлилось собраніе, выдѣлились еще два не очень многочисленные центра. Правая сторона совмѣщала въ себѣ всѣ консервативные элементы, немногихъ абсолютистовъ, большое число старыхъ либераловъ, и еще бо́льшее количество приверженцевъ конституціонной монархіи съ демократическимъ оттѣнкомъ, которые однако не желали совсѣмъ отдѣляться отъ бурныхъ революціонеровъ. Лѣвая сторона заключала въ себѣ и пылкихъ республиканцевъ, какъ, напримѣръ, д'Эстеръ, графъ Рейхенбахъ и другіе, и приверженцевъ конституціонной монархіи, основанной на чисто-демократическихъ началахъ. Лѣвая сторона была не такъ многочисленна, какъ правая, но она была гораздо послѣдовательнѣе и дѣятельнѣе, и лѣвый центръ вполнѣ сходился съ ней въ принципахъ, не желая только дѣйствовать слишкомъ бурно. Рѣшенія стали все болѣе и болѣе зависѣть отъ центра, находившагося подъ предводительствомъ г. фонъ-Унру. Первое засѣданіе, которое я помню очень живо, ознаменовалось

тѣмъ, что въ немъ появился тогдашній принцъ прусскій—теперешній императоръ. Онъ, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ мартовской революціи уѣхалъ въ Лондонъ; въ Вирзитцѣ (пров. Позенъ) онъ выбранъ былъ депутатомъ, но мѣсто его занималъ кандидатъ. Закономъ о выборахъ было постановлено, чтобы въ каждомъ избирательномъ округѣ былъ выбранъ одинъ депутатъ и одинъ кандидатъ, такъ что если перваго не будетъ, то второй замѣщалъ бы его, и округъ не оставался бы безъ представителя. Какъ ни пріятно звучитъ этотъ аргументъ, однако это двойное представительство не сохранилось, и потомъ уже никогда не исполнялось на дѣлѣ (уже по тому одному, что требуетъ очень большого количества силы у страны). Кандидатъ, замѣщавшій прусскаго принца, былъ легаціонсратъ Купферъ, длинный статный господинъ, избравшій себѣ мѣсто на крайней правой; хотя онъ никогда не говорилъ, но всегда казался мнѣ типомъ реакціонера и дипломата. Если что-нибудь намъ казалось хуже реакціонера, такъ это дипломатъ, потому что этотъ классъ людей совершаетъ свои дѣянія въ темнотѣ, нисколько не уважаетъ ни народа, ни публичности, чтó мы цѣнили такъ дорого, и даже способенъ презирать настоящаго демократа, если онъ дурно произноситъ по-французски.

Этотъ г. Купферъ и человѣкъ, котораго онъ замѣщалъ, были предметомъ особенной заботливости не только для насъ, но и для лѣвой стороны національнаго собранія, пока наконецъ, послѣ многихъ нападокъ, которые ни къ чему не приводили, правительство дало объясненія относительно депутата отъ Вирзитца. Именно, 4-го іюня, —тотъ день, когда въ Берлинѣ былъ революціонный праздникъ въ воспоминаніе 18-го марта, въ „*Staatsanzeiger*“ было публиковано письмо принца прусскаго къ королю, въ которомъ онъ сообщалъ, что по приказанію брата онъ возвращается. Письмо было изъ Брюсселя отъ 30-го мая. Между тѣмъ принцъ былъ уже въ Везелѣ, гдѣ народъ принялъ его дружелюбно. 6-го іюня министру-президенту Кампгаузену (брату теперешняго министра) сдѣланъ былъ запросъ объ этомъ, и онъ отвѣчалъ на него съ удивительною откровенностью относительно мартовскихъ событій. Послѣ сильной борьбы, происходившей въ Берлинѣ—собственныя слова министра—его королевское высочество, принцъ прусскій, по совѣту своихъ друзей, оставилъ городъ, вслѣдствіе того, что народъ былъ сильно возбужденъ противъ него. Въ тѣ дни, какъ извѣстно, городъ повергнутъ былъ въ смятеніе слухомъ о томъ, будто принцъ ведетъ въ Берлинъ большой отрядъ войскъ [1]), и хотя этотъ слухъ, какъ и многіе другіе, оказался со-

---

[1]) Тогда даже вѣрили, что принцъ возвращается во главѣ *русской* арміи. О томъ, откуда она могла взяться, толпа и не думала.

какъ теперь; тогда имѣли больше значеніе уличныя объявленія, которыя наклеивались повсемѣстно и отчасти пріобрѣтали историческую славу. Сперва они были исключительно оружіемъ демократовъ, но потомъ и реакція увидѣла ихъ важность, и тогда обѣ партіи начали сражаться на этомъ поприщѣ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ агитаторъ Гельдъ (Held), который, между прочимъ, игралъ двусмысленную роль, такъ какъ про него положительно извѣстно, что онъ имѣлъ связи съ реакціонерами. Одно изъ его знаменитѣйшихъ объявленій было озаглавлено: „Берлинъ необходимо снабдить провіантомъ!" Онъ предсказывалъ въ немъ блокаду Берлина.

Во Франкфуртѣ все волновалось; въ Вѣнѣ произошла октябрьская революція, рабочіе предались буйству и—что́ всего хуже—въ войскѣ начались нарушенія дисциплины. Хотя правительство употребляло всѣ силы, чтобы эти случаи остались въ неизвѣстности, но это ему не удавалось. Юношѣ—каковъ былъ я—казалось все это очень естественнымъ, и я не могъ понять, отчего реакціонеры не находятъ такого состоянія прекраснымъ. Замѣчательно, между прочимъ, когда теперь я говорю съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ,—молодыхъ въ 1848 году, но уже принимавшихъ участіе въ политической жизни,—о тогдашнихъ событіяхъ, то нахожу у всѣхъ, даже сдѣлавшихся реакціонерами, неизгладимыя воспоминанія. Это былъ угаръ, галлюцинація—но забыть его невозможно. Даже пожилые люди охвачены были этимъ опьяненіемъ. Къ концу августа была вездѣ крайняя сумятица. Объ этомъ Фарнгагенъ пишетъ въ своемъ дневникѣ подъ 22-мъ августа 1848 г. такъ:

„У Ауэрсвальда (министра) было вчера собраніе; вдругъ въ его залы полетѣли камни, и гости должны были держаться въ простѣнкахъ, чтобы не быть ушибленными; назадъ всѣ возвращались чрезъ садъ. Министръ стыдился въ особенности того, что ему устроили такую непріятность при постороннихъ; было бы лучше, еслибы сдѣлали ему это втихомолку. *По этому случаю можно судить о ничтожествѣ этого придворнаго, всегда предпочитающаго внѣшность дѣлу, этого государственнаго глупца.* И это министръ!"

Этотъ Фарнгагенъ въ 1848 году получалъ уже пенсію и по своимъ занятіямъ былъ дипломатъ. Онъ, повидимому, считалъ совершенно естественнымъ, что министрамъ, между прочимъ, разбиваютъ окна, и находитъ дурнымъ только то, что они стыдятся этого.

Въ одномъ демократическомъ сочиненіи о томъ времени слѣдующимъ образомъ описана сцена послѣ принятія предложенія Штейна 7-го сентября.

„Когда народъ на площади получилъ свѣдѣнія о результатѣ за-

сѣданія, то поднялся необычайный шумъ и крики — „ура и браво!“ Толпы народа образовали шпалеры отъ выхода изъ залы, и между ними должны были проходить депутаты. Приверженцы министерства и члены правой стороны встрѣчены были свистками и шиканьемъ, а члены лѣвой стороны—привѣтственными криками. Когда появился министръ Ганземанъ, то его привѣтствовали громкимъ шиканьемъ; одинъ торговецъ книгами пробился впередъ и предложилъ министру купить каррикатуру. Она представляла висѣлицу, на которой вздернуты были всѣ семь министровъ. При смѣхѣ народа Ганземанъ купилъ картину. Никто однако не сдѣлалъ никакой непріятности ни ему, ни другимъ министрамъ“.

Демократическая хроника описываетъ все такъ, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь невинной шуткѣ. Между тѣмъ, какъ гроза, поднималась реакція, и хотя каждый видѣлъ ея приближеніе, но на улицахъ Берлина происходилъ настоящій шабашъ вѣдьмъ, и фразы демагоговъ становились все напыщеннѣе.

Я проходилъ вчера чрезъ площадь предъ бывшимъ домомъ національнаго собранія; на ней стоитъ теперь статуя Шиллера, окруженная садикомъ, тогда какъ прежде здѣсь была голая площадь; я взглянулъ на окна, завѣшанныя шторами. Они имѣютъ такой же видъ, какъ и въ то время; съ трибуны журналистовъ можно было видѣть волнующіяся массы народа, шумъ котораго иногда былъ такъ силенъ, что заглушалъ пренія. Министерство Пфуля пало въ бурный день 31-го октября. Въ этотъ день народныя массы были въ возбужденномъ состояніи, а въ національномъ собраніи совѣщались о томъ, чтобы требовать отъ правительства помощи народу въ Вѣнѣ. Уже во время утренняго засѣданія было постановленіе о прекращеніи титуловъ и орденовъ; въ вечернемъ засѣданіи обсуждались два предложенія: радикальное—Вальдека и умѣренное—Родбертуса. Когда распространилось извѣстіе, что первое отвергнуто, то народъ на площади пришелъ въ ярость. Нѣкоторые громко кричали, что въ собраніи засѣдаютъ измѣнники народу. Между машинистами и національною гвардіею произошло столкновеніе, во время котораго многіе изъ первыхъ были ранены. Собраніе все время было въ очень возбужденномъ состояніи, наконецъ всѣ устали, скамьи опустѣли и собраніе было закрыто, какъ вдругъ входитъ одинъ депутатъ и говоритъ, что онъ не могъ выдти, потому что двери были заколочены снаружи. Это оказалось справедливымъ. Начались невообразимыя сцены: одни хотѣли продолжать засѣданіе, чтобы не терять даромъ времени, но президентъ не согласился на это. Обратились къ радикаламъ, чтобы они, пользуясь своею популярностью, успокоили на-

родъ. Подъ ихъ защитою вышли остальные депутаты и министры. Ихъ осыпали громкой бранью и свистками, но—въ отличіе отъ Вѣны—убійствъ не было.

На слѣдующій день Пфуль подалъ въ отставку, и генералъ-лейтенанту графу Бранденбургу (родственнику королевскаго дома) поручено было составить министерство. Теперь сомнѣнія были невозможны! Это была контръ-революція. Съ 1-го по 9-е ноября были дни непрерывной горячки. Національное собраніе почти совсѣмъ не расходилось. 2-го ноября засѣданіе продолжалось весь день и не закрывалось до 1 часу ночи, потому что собраніе хотѣло дождаться посланной къ королю въ Потсдамъ депутаціи, которая сдѣлала разрывъ непоправимымъ, потому что депутатъ Іоганнъ Якоби сказалъ при этомъ королю слѣдующія слова: „Это несчастіе королей, что они не хотятъ слышать истины". Когда это было передано въ собраніи, то возбудило бурныя сцены. Даже въ средѣ бюргеровъ, какъ радикально ни были они настроены, эта дерзость подготовила измѣненіе въ настроеніи, которое началось съ этого времени. Правая сторона, и безъ того въ высшей степени раздраженная, стала гораздо рѣшительнѣе, и для позднѣйшаго правительства, разумѣется, былъ значительною нравственною помощью тотъ фактъ, что оно нашло поддержку хотя и въ меньшинствѣ, но весьма многочисленномъ.

Наконецъ, наступило 9-е ноября. Засѣданіе еще не было открыто, какъ явился новый министръ, графъ Бранденбургъ, въ кавалерійской формѣ, который фигурою и даже лицомъ очень походилъ на императора Вильгельма, а позади его Мантейфель — душа новаго кабинета. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда этого человѣка съ хитрымъ лицомъ и тонкими губами, который потомъ цѣлое десятилѣтіе руководилъ прусскою политикою. Намѣреніе министерства перевести національное собраніе въ Бранденбургъ было уже извѣстно, но всѣ хотѣли слышать невѣроятное, и услышали его. Повелѣніе короля, въ которомъ назначалось новое министерство, было прочитано, и затѣмъ прочитали королевское посланіе, которымъ засѣданія отсрочивались до 27-го ноября и собраніе перемѣщалось въ Бранденбургъ. Собраніе выслушало посланіе внѣ себя отъ изумленія. Какъ только чтеніе кончилось, всталъ графъ Бранденбургъ, и едва успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ поднялся невообразимый шумъ, прервавшій его рѣчь. „Ему не дано слова!" кричали со всѣхъ сторонъ; министръ-президентъ, который въ первый разъ говорилъ предъ парламентомъ—что̀ всегда сопровождается особеннымъ чувствомъ—сѣлъ, и тогда президентъ собранія, фонъ-Унру, сказалъ ему: „я еще не далъ слова господину министру-президенту, и прошу его не начинать рѣчи, пока я не дамъ на это своего согласія".

Неистовыя „браво“ раздались въ похвалу президента, потому что собраніе при своей слабости было чрезвычайно довольно тѣмъ, что авторитетъ его президента выше министра. Радость была, однако, не продолжительна, потому что графъ Бранденбургъ получилъ наконецъ слово, протестовалъ съ особенною настойчивостью противъ всякаго продолженія засѣданія, затѣмъ всталъ и вышелъ; остальные министры и крайняя правая сторона послѣдовали за нимъ. 282 члена остались, и изъ нихъ 252 продолжали засѣданіе. Они приняли резолюцію, въ которой говорилось, что они не видятъ никакого повода прекращать свои совѣщанія, что они не признаютъ за правительствомъ права отсрочивать засѣданія, переводить собраніе или распускать его; они того мнѣнія, что министръ, подавшій королю совѣтъ издать такое повелѣніе, измѣнилъ своимъ обязанностямъ. Затѣмъ продолжались совѣщанія о законѣ относительно распущенія палаты, и поздно вечеромъ собраніе было закрыто. Члены бюро остались на ночь въ залѣ засѣданій, но на слѣдующее утро число пришедшихъ членовъ значительно уменьшилось. Городъ былъ совершенно спокоенъ: возбужденіе въ послѣдніе мѣсяцы замѣнилось глубокой апатіей. Взамѣнъ борьбы — даже до рѣзни, которая проповѣдывалась восемь дней тому назадъ, теперь принятъ былъ всѣми пароль: „*пассивное сопротивленіе*“, и ему съ этого дня слѣдовали неуклонно. Десятое ноября былъ послѣдній день, когда состоялось національное собраніе. Мы, журналисты, конечно присутствовали на немъ. Собраніе приготовило прокламацію къ народу, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ въ Берлинъ двинулись войска; до тѣхъ поръ въ немъ не было гарнизона, но уже въ сентябрѣ было собрано большое количество войскъ къ окрестностямъ Берлина подъ предводительствомъ генерала Врангеля, и 10-го ноября всѣ эти войска двинулись въ Берлинъ съ Врангелемъ во главѣ. Онъ на видъ былъ тогда также старъ, какъ и двадцать лѣтъ спустя — въ послѣдніе два года онъ сдѣлался настоящей муміей; онъ однако посматривалъ довольно весело, ничего не дѣлалъ противъ того, что нѣкоторые озорники отпускали на его счетъ шуточки, и посылалъ рукою поцѣлуи дѣвушкамъ. Площадь передъ домомъ національнаго собранія была почти пуста и домъ окруженъ національной гвардіей. Наконецъ появились войска, площадь огласилась фырканьемъ лошадей, бренчаніемъ орудій и постепенно была вся занята войсками; мы наверху сидѣли съ напряженнымъ ожиданіемъ того, что̀ будетъ. Однако ничего не случилось, по крайней мѣрѣ ничего драматическаго. Врангель объявилъ, что онъ до тѣхъ поръ останется на площади, пока депутаты не выйдутъ; внутрь же никого болѣе пускать не будутъ. Собранію ни-

чего не оставалось дѣлать, какъ разойтись; такъ и сдѣлали: впереди шелъ президентъ, остальные члены рука объ руку, чиновники и мы, журналисты, позади всѣхъ. Все совершилось очень спокойно, даже слишкомъ спокойно для тѣхъ, которые считали необходимою небольшую стычку на улицахъ по наполеоновскому образцу. Правительство однако, очевидно, не желало столкновенія, если его можно было избѣгнуть; оно снисходительно относилось къ остатку національнаго собранія, переходившему изъ одного помѣщенія въ другое, пока наконецъ (15-го ноября) „Подъ липами“ въ танцовальной залѣ покончило свои засѣданія, отказавши правительству въ податяхъ. Къ сожалѣнію, домъ этотъ былъ потомъ сломанъ для постройки пассажа. Сохраненіе прекрасной залы на высокихъ столбахъ, въ которой произошло это закрытіе засѣданій при входящихъ уже туда войскахъ, имѣло бы историческій интересъ.

Между тѣмъ 11-го ноября была распущена національная гвардія, а 12-го—объявлено осадное положеніе въ Берлинѣ и во всѣхъ мѣстахъ въ двухъ-мильномъ разстояніи отъ него. Введеніе осаднаго положенія сопровождалось обычными послѣдствіями его: всѣ клубы и собранія, имѣющіе политическія цѣли, были закрыты; днемъ не могло собираться болѣе 20 человѣкъ вмѣстѣ, а ночью — болѣе 10; трактиры закрывались въ 10 часовъ; объявленія, газеты и т. п. не могли печататься безъ разрѣшенія полиціи и т. д.

Разница сравнительно съ лѣтомъ была неописанная. Въ городѣ воцарилась мертвая тишина, и послѣ того, какъ мы выпили революціонную чашу, насъ заставили до дна осушить кубокъ реакціи. Сперва болѣе всего чувствительна была внѣшняя строгость реакціи. Привыкши къ шуму, мы чувствовали себя неловко, когда онъ прекратился; кромѣ того, революціонное время было особенно весело и легкомысленно. „Cherchez la femme!“ сказалъ французскій криминалистъ. На самомъ дѣлѣ, женщины однако не только въ преступленіяхъ, но и вездѣ на второмъ планѣ; но что́ правда, то правда: этимъ лѣтомъ всякая политическая роль у женщины пользовалась такою благосклонностью, какъ въ обыкновенное время военная форма и эполеты. Деньги не имѣли никакого значенія, потому что ихъ собственно ни у кого не было. Всѣ жили кое-какъ, совсѣмъ не думая объ этомъ, но все шло ладно. На сигары и пиво всегда было довольно, а если и не было, то былъ кредитъ. Трактиры никогда не были пусты даже и по ночамъ,—а теперь они должны закрываться въ 10 часовъ! Строгость въ этомъ отношеніи не вездѣ, однако, была одинакова, и если гдѣ собиралась консервативная публика, то полиція смотрѣла на это сквозь пальцы. Но за то плохо пришлось

тѣмъ, гдѣ собирались демократы. Одно изъ знаменитѣйшихъ мѣстъ ихъ собраній былъ маленькій трактиръ, въ переулкѣ между *Breite-* и *Bruder-Strasse*, называвшійся, вѣроятно потому, что никогда не закрывался, „Вѣчная лампа". То же названіе получилъ юмористическій листокъ, который редижировался постоянными посѣтителями трактира и издавался хозяиномъ, который однако въ этомъ отношеніи былъ очень невиненъ. Этотъ трактиръ во все продолженіе революціи былъ такъ полонъ, что посѣтители просто сидѣли другъ на другѣ и хозяинъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Не знаю, чѣмъ онъ навлекъ на себя особенную ненависть, но его преслѣдовали до крайности; позволеніе держать трактиръ у него было отнято и онъ впалъ въ бѣдность, пока въ концѣ реакціи кто-то, по просьбѣ его жены, не выхлопоталъ ему опять право держать трактиръ. Благодаря своей прежней славѣ, онъ въ нѣсколько лѣтъ опять разбогатѣлъ, но въ то время, пока еще продолжалась реакція, въ его трактирѣ прибито было объявленіе: „политическіе разговоры здѣсь не дозволяются", и, кромѣ того, онъ просилъ своихъ старыхъ знакомыхъ не вводить его въ бѣду своими посѣщеніями.

Меня лично реакція коснулась мало. Газета, въ которую я доставлялъ отчеты, извѣстила меня, что я буду получать свою плату и потомъ, и что она пошлетъ меня въ качествѣ репортера въ Бранденбургъ. Это было мое первое путешествіе въ качествѣ репортера. 26-го ноября утро было холодное; на станціи было тихо и она занята была полиціею. Отъѣзжающихъ однако не притѣсняли. Въ одномъ изъ первыхъ вагоновъ сидѣлъ господинъ съ высоко-поднятымъ воротникомъ и боязливо осматривался. Только спустя полчаса или около этого онъ ободрился, когда мы выѣхали изъ двухъ-мильнаго района, находящагося въ осадномъ положеніи; этотъ господинъ—одинъ изъ невиннѣйшихъ ораторовъ прошедшаго періода — думалъ, что реакція не имѣла въ виду ничего иного, какъ только его важную персону.

Собраніе въ Бранденбургѣ было одно изъ самыхъ жалкихъ, какія когда-либо существовали. Такъ какъ лѣвая сторона признала незаконною отсрочку засѣданій, то она и не явилась на засѣданія въ Бранденбургъ, и собраніе было не въ состояніи дѣлать постановленій, пока наконецъ его распустили и покончили тѣмъ, что октроировали конституцію. Съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи, никогда не дѣлали попытокъ переводить парламентъ въ маленькій городокъ, и это всегда будетъ неудачною попыткою, потому что хотя атмосфера большого города обыкновенно благопріятна либеральнымъ элементамъ, но въ малыхъ городахъ собраніе совсѣмъ чахнетъ:

оно или совсѣмъ подчиняется правительству, или превращается въ безцѣльную борьбу партій. Даже версальское собраніе, хотя оно такъ близко къ Парижу, что удаленіе почти не замѣтно, страдаетъ тѣмъ, что не находится въ центрѣ умственной жизни націи.

На берлинской станціи мое возвращеніе обошлось не такъ благополучно, какъ отъѣздъ. Констабли требовали паспорты, а такъ какъ у меня ничего не было, то я былъ арестованъ и отведенъ въ главное управленіе полиціи. Къ счастію, меня зналъ президентъ полиціи, очень любезный человѣкъ, котораго, при усиливающейся реакціи, считали даже слишкомъ мягкимъ; меня отпустили, и такимъ образомъ я въ первый разъ испыталъ сладость осаднаго положенія.

Вмѣстѣ съ дарованіемъ конституціи, которая сперва была гораздо либеральнѣе, чѣмъ потомъ, были созваны на 26-е февраля 1849 года обѣ палаты, установленныя новой конституціей.

Первоначальные выборы, повидимому, дали рѣшительный перевѣсъ демократической партіи, но что касается выборовъ представителей (въ Пруссіи, какъ извѣстно, и теперь еще существуетъ двойная система выборовъ), то нельзя было заранѣе узнать рѣшительно ничего. Собраніе имѣло совсѣмъ другой характеръ сравнительно съ національнымъ собраніемъ 1848 г. Хотя франкфуртскій парламентъ еще не былъ распущенъ, но многія выдающіяся лица вышли оттуда и могли быть выбраны въ прусскую палату.. Между ними были: Финке, Веккератъ, Симсонъ (который еще и теперь состоитъ членомъ германскаго рейхстага), поэтъ Готфридъ Кинкель изъ Бонна. На правой сторонѣ появился Бисмаркъ-Шёнгаузенъ (теперешній князь Бисмаркъ), графъ Арнимъ-Бойтценбургъ, Клейстъ-Ретцовъ. Въ первой палатѣ, которая по конституціи 5-го декабря 1848 года составлялась по выборамъ, засѣдали предводители самой суровой реакціи — Шталь и Герлахъ. На лѣвой сторонѣ находились въ особенности многіе министры, которыми такъ богато было время революціи: Ганземаннъ, Ауэрсвальдъ, Мильде. Собраніе было очень значительно, гораздо значительнѣе національнаго собранія, и было составлено лучше его. Герлахъ и Шталь были тогда еще новы и свѣжи. Послѣдній отличался удивительнымъ даромъ слова. Ни разу не запнувшись, онъ говорилъ цѣлые часы, и рѣчь его была полна ума и ясности. Какъ ораторъ и профессоръ, имѣвшій очень многочисленную аудиторію, онъ больше всѣхъ другихъ способствовалъ образованію консервативной школы. Первое появленіе Бисмарка отличалось буршикозностью, о чемъ очень часто вспоминаютъ и теперь. Георгъ Финке извѣстенъ былъ еще по соединенному ландтагу; въ 1848 году онъ засѣдалъ во франкфуртскомъ парламентѣ, и рѣшительно ненавидѣлъ демократи-

ческое большинство прусскаго національнаго собранія 1848 г.; поэтому онъ присоединился къ правой сторонѣ, но, несмотря на то, онъ былъ противникомъ крайней правой стороны. Тогда и образовалась настоящая конституціонная партія, названная потомъ старо-либеральной. На лѣвой сторонѣ еще засѣдали предводители демократіи 1848 г., напр. Вальдекъ, который былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ силъ. Но вскорѣ стороны распались, чтó всегда будетъ составлять зло нѣмецкихъ собраній. Одна лѣвая сторона раздѣлилась на нѣсколько фракцій. Отъ этого между разными фракціями возникли постоянные переговоры и дипломатическія сношенія, при которыхъ побѣду одерживалъ тотъ, кому удавалось хорошо формулировать какое-либо предложеніе или поправку; иногда такая побѣда при удивительной смѣшанности партій опредѣлялась большинствомъ всего одного голоса, и послѣ этого еще депутаты удивлялись, что правительство не обращаетъ вниманія на такіе результаты голосованій. Они забывали, что въ политикѣ большее значеніе имѣетъ сила. За подобныя голосованія, которыя всегда обусловливаются компромиссами между разными партіями собранія, никто не будетъ стоять, кромѣ лицъ внесшихъ извѣстное предложеніе. Народъ никогда не стоитъ за нихъ. Такой случай былъ весною 1849 г. Тогда разсуждали о томъ, должна ли быть конституція, установленная во франкфуртскомъ собраніи, обязательна для Пруссіи. Пренія были такъ же жарки, какъ и въ 1848 году, но настоящія совѣщанія происходили въ отдѣльныхъ фракціяхъ; при этомъ накопился цѣлый лабиринтъ различныхъ способовъ постановки вопроса и рѣшенія его, и наконецъ вопросъ рѣшенъ положительно большинствомъ 16-ти голосовъ. Гдѣ парламентаризмъ окончательно и давно утвердился, и гдѣ отношенія партій такъ просты, какъ въ Англіи, тамъ долгое время можно управлять съ очень малымъ большинствомъ. Но парламентъ, при новыхъ конституціонныхъ условіяхъ, только тогда и можетъ имѣть силу и вліяніе, когда его рѣшенія опредѣляются значительнымъ, преобладающимъ большинствомъ, иначе сильное правительство всегда будетъ дѣйствовать согласно своимъ желаніямъ.

Послѣ упомянутаго голосованія вторая палата была распущена, а засѣданія первой отсрочены. Тогда изданъ былъ трехъ-классный избирательный законъ, и началась настоящая реакція, которая тотчасъ же выказала себя въ процессѣ Вальдека. Вслѣдствіе измѣненія системы выборовъ у демократіи было отнято участіе въ нихъ; правительство употребляло всевозможныя притѣсненія для того, чтобы уничтожить оппозицію, и дѣйствительно, 7-го августа 1849 г. большинство было министерское и реакціонное. Палату эту

называли тогда палатою ландратовъ. Оппозиція образовалась изъ тѣхъ старо-либераловъ, которые еще въ мартѣ были на *правой* сторонѣ; и каждый представитель народа для этой палаты имѣлъ менѣе значенія, чѣмъ даже ζῶον πολιτικόν, такъ какъ всѣ эти господа по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году жили только для удовольствій. Давно уже извѣстно, что консерваторы и реакціонеры въ обществѣ обыкновенно гораздо пріятнѣе либераловъ. Члены палаты ландратовъ внѣ палаты были такъ элегантны и любезны, что ихъ и теперь еще въ Берлинѣ вспоминаютъ съ удовольствіемъ. Но ихъ время прошло. Наступила новая эра и бурныя столкновенія, послѣднихъ лѣтъ... Затѣмъ наконецъ возникъ блестящій германскій рейхстагъ, новое собраніе, отличающееся богатствомъ политической интеллигенціи отъ всѣхъ другихъ собраній, когда-либо бывшихъ въ Германіи, собраніе, въ которомъ замѣчательнымъ образомъ соединены — привилегированность положенія, богатство и независимость. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ изученіе парламентскаго альманаха, въ которомъ помѣщены краткія біографіи всѣхъ членовъ рейхстага. Какою основательною ученостью, опытностью, обиліемъ работъ, имѣвшихъ замѣчательныя послѣдствія, отличаются его члены, тогда какъ въ палатѣ депутатовъ, и особенно въ палатѣ господъ, значительное число, вѣроятно даже большинство, членовъ прошли только карьеру чиновника или землевладѣльца и вся біографія ихъ можетъ быть разсказана въ трехъ словахъ.

Я обратился къ этому давнему времени только для того, чтобы показать, какъ при всевозможныхъ перемѣнахъ и потрясеніяхъ парламентскій духъ постоянно и неуклонно развивался въ Германіи. Исторія не совершается такимъ образомъ, что стóитъ только вызвать къ жизни извѣстное учрежденіе и оно тотчасъ же окажетъ полное свое дѣйствіе. Нѣтъ! Народы должны сперва вжиться въ извѣстное учрежденіе. Когда я сравниваю состояніе парламентаризма въ 1848 году и теперь, и представляю себѣ при этомъ новый двадцатипяти-лѣтній періодъ, то думаю, что въ это время парламентскія учрежденія въ Германіи разовьются и упрочатся настолько, что она въ этомъ отношеніи вполнѣ сравняется съ Англіею. Но это стóитъ и будетъ стóить многихъ трудовъ, потому что

Nil sine magno
Vita dedit labore mortalibus!

Вѣроятно читатели будутъ изумлены такимъ созерцательнымъ письмомъ изъ Берлина въ то время, когда сдѣлано было такое злодѣйское покушеніе на жизнь князя Бисмарка. Чтобы вполнѣ оправ-

даться, я укажу только на то, что число, стоящее въ началѣ моей корреспонденціи, означаетъ время, когда она кончена. Я началъ ее еще тогда, когда повсюду господствовала мертвая тишина.

Объ этомъ выстрѣлѣ всякій можетъ говорить, что́ ему угодно, но онъ вполнѣ характеризуетъ неистовство борьбы между церковью и государствомъ. Что́ я могу написать вамъ объ этомъ? Весь образованный міръ съ одинаковымъ презрѣніемъ относится къ дѣяніямъ такого рода, и только органъ ультрамонтановъ выражается, что подобные случаи понятны, такъ какъ „преслѣдованіе“ церкви возбуждаетъ большую ненависть. Такое отношеніе ультрамонтановъ чрезвычайно отягощаетъ положеніе дѣлъ; оно дѣйствительно натянуто и опасно,—не потому, чтобы ультрамонтаны могли произвести возстаніе и возбудить гражданскую войну, но потому, что они возбуждаютъ духъ ненависти въ массахъ: они не хотятъ примириться въ надеждѣ, что Франція, съ своими войсками, скоро придетъ для возмездія, и тогда къ нимъ на помощь явился бы и Римъ. Тогда и въ протестантскихъ странахъ произошло бы возстаніе, а можетъ быть измѣна въ тылу арміи. Таковы, несомнѣнно, намѣренія Рима. Это очевидная перспектива будущаго, но я думаю только одно: германское правительство не будетъ ждать того, пока враги сочтутъ моментъ удобнымъ, но само предупредитъ ихъ.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/22 іюля, 1874.

Религіозный вопросъ.

Не только въ Германіи, но и въ свободной Англіи, въ классической странѣ терпимости ересей, снова выплываетъ на поверхность религіозный вопросъ. До сихъ поръ все обстояло благополучно или, вѣрнѣе сказать, сладко спало, и консервативный парламентъ, оправдывая предсказанія, собирался, казалось, лишь для того, чтобы доставить націи и самому себѣ полное наслажденіе far niente. Но голосъ Дизраэли, раздавшійся съ зычностью іерихонской трубы, заставилъ всѣхъ внезапно встрепенуться. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ говорилъ, что борьба между свѣтскимъ и духовнымъ началами должна охватить всю вселенную. Но такъ какъ про-

рицаніе это не сбывалось съ достаточной быстротой въ Англіи, онъ порѣшилъ ускорить его осуществленіе.

Это оказалось не особенно затруднительнымъ. Стóило только первому министру внести въ бюро нижней палаты билль о дисциплинированіи англиканской церкви и пожаръ вспыхнулъ. Въ одно мгновеніе Англія очутилась перенесенною въ тѣ давно прошедшія времена, когда, говоря цвѣтистымъ языкомъ Боссюэта, „территорія ея и гавани волновались сильнѣе омывающаго ее океана, и она была наводнена грознымъ потокомъ тысячи странныхъ и разнообразныхъ сектъ!“ Времена Лауда и Гемпдена вернулись снова, только роли перемѣнились. М-ръ Гладстонъ, покинувъ свой очагъ, чтобы вести свои полчища на поле брани, занялъ позицію перваго, тогда какъ Дизраэли дошелъ чуть не до пуританизма. Въ сущности торійскій вождь такъ неосторожно раздулъ не что иное, какъ пламя стараго вопроса отдѣленія церкви отъ государства, разрѣшеніемъ котораго будетъ рано или поздно упраздненіе господства (*disestablishment*) англиканской церкви. Коснувшись этого сложнаго и интереснаго вопроса, необходимо познакомиться съ его прошедшимъ; впрочемъ, кто не знаетъ 181 главныхъ религіозныхъ сектъ этой страны,—не знаетъ самой Англіи, не говоря уже о томъ громадномъ вліяніи, какое нѣкоторыя изъ нихъ оказали и продолжаютъ оказывать на нравы, чтó до сихъ поръ не оцѣнено въ надлежащей степени.

Веселая Англія, „merry England“, давно утратила право на это прозваніе, которое превратилось не болѣе какъ въ пустой титулъ, наслѣдованный отъ другой эпохи, когда онъ служилъ справедливымъ, даже слабымъ выраженіемъ дѣйствительности. Тогда праздники и увеселенія слѣдовали непрерывной вереницей одинъ за другимъ: праздникъ жатвы, всѣхъ святыхъ, св. Мартина, рождественскіе праздники, длившіеся цѣлую недѣлю, посвящались питью, пляскѣ подъ звуки флейтъ и барабановъ; звонко раздавались поцѣлуи на щекахъ красныхъ дѣвушекъ, туго набивались разными яствами желудки, и смѣхъ и гамъ стоялъ въ воздухѣ. И не только простолюдины, какъ тѣ плотники, столяры и старьевщики, которые въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“ разыгрывали Пирама и Тисбу, но и сановники, люди, занимавшіе высшія придворныя должности, и дворянство не пренебрегали такими удовольствіями.

Доказательствомъ тому служатъ знаменитыя празднества Кенильвортскаго зáмка, гдѣ въ продолженіи восемнадцати дней королева Елизавета не уставала выслушивать привѣтствія Цереръ, Помонъ, Тритоновъ и разныхъ водяныхъ богинь, и потѣшаться зрѣлищемъ медвѣжьихъ и собачьихъ боевъ въ перемежку съ без-

конечными пирами, на которыхъ неимовѣрное количество блюдъ соперничало развѣ только съ изобиліемъ орошавшихъ ихъ винъ. Одно воспоминаніе объ этомъ способно вызвать краску негодованія на лицѣ иного джентльмена настоящаго времени. Безъ шутокъ, современная Англія вѣроятно стала бы стыдиться Шекспира, не будь національной гордости. И конечно, живи этотъ великій человѣкъ, составляющій гордость человѣчества, въ нашъ вѣкъ, его бы такъ же закидали грязью, какъ лорда Байрона. И это все плоды пуританства. Если съ одной стороны оно способствовало процвѣтанію свободы и могущества Великобританіи—чтó несомнѣнно,—то съ другой, оно же безспорно и наградило ее непроходимой скукой. Многіе приписываютъ обращеніе Англіи въ протестантство Генриху VIII. Но намъ кажется, что въ такомъ капитальномъ событіи правительственному вліянію отведено слишкомъ исключительное мѣсто. Генрихъ VIII устранилъ папу, чтó, конечно, было чрезвычайно важно. Но, за исключеніемъ этого факта, онъ всегда старался сохранить нѣкоторое равновѣсіе между протестантствомъ и католицизмомъ. Жестокости, совершенныя въ царствованіе Маріи Тюдоръ, прозванной кровавою, содѣйствовали въ сильной степени развитію фанатизма. Но настоящее, глубокое и неудержимое движеніе въ смыслѣ реформы началось только съ возвращеніемъ на родину пуританъ-эмигрантовъ, которые во время царствованія Маріи нашли себѣ убѣжище въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ и почерпнули ненависть не только къ англиканской церкви, но и къ королевской власти. Они-то и пустили въ ходъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разглагольствованія объ Авимелехѣ и Юдиѳи съ приправою на право и на лѣво раздаваемыхъ анаѳемъ и съ проповѣдью умерщвленія плоти. Съ тѣхъ поръ стало грѣхомъ выпить за здоровье пріятеля, повеселиться въ день Рождества, охотиться за оленемъ или прочесть главу изъ *Fairie queen*.

Такой образъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ справедливо Маколей, привелъ бы въ негодованіе прямодушнаго и веселаго Лютера, и вызвалъ бы презрѣніе со стороны спокойнаго и разсудительнаго Цвингли. Но религіозный фанатизмъ получилъ здѣсь окраску суровыхъ климатическихъ условій. Саксонскій мозгъ, настроенный разъ на печальный ладъ, не нашелъ въ себѣ силы реагировать противъ окружающихъ его тумановъ и мглы и проникся ими до мозга костей. Результатомъ этого явился классическій типъ пуританина, который вполнѣ вѣренъ дѣйствительности: плоскіе волоса, размѣренныя движенія, сжатые глаза, гнусеніе и рѣчь, уснащенная библейскими изреченіями.

Реставрація измѣнила многое въ этомъ положеніи вещей, не коснувшись, впрочемъ, Шотландіи. Тогда былъ установленъ знаменитый

законъ единства, „*Act of Uniformity*“ (въ 1664 г.), окончательно организовавшій англиканскую церковь и служащій до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ ея основаній. Неожиданное появленіе на этихъ дняхъ этого кореннаго и органическаго закона на аренѣ парламентскихъ преній совсѣмъ озадачило робкихъ. Въ силу „*Act of Uniformity*“ пресвитеріане, индепенденты и проч. поставлены совершенно внѣ признанной церкви, члены которой обязаны держаться оффиціальнаго молитвенника, „*тридцати девяти статей*“ и „*правилъ*“ (Rubrics), выработанныхъ извѣстнымъ вестминстерскимъ собраніемъ въ 1562 г. Дополненіемъ къ этимъ постановленіямъ служитъ „*Corporation and Test's acts*“ (корпоративные и повѣрочные законы), 1673 г., предписывающіе священникамъ, членамъ университетовъ, лицамъ, находящимся на гражданской службѣ, и проч., присягать на вѣрность (королю), подписывать заявленія противъ догмата претворенія хлѣба и вина и публично причащаться по обряду англиканской церкви. Всѣ эти мѣры направлялись преимущественно противъ католиковъ, но и остальные диссиденты (которые съ этого времени получили наименованіе *нонконформистовъ*) пострадали отъ нихъ не менѣе. Только въ 1828 году онѣ отмѣнены, хотя, однакоже, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ университетахъ существуютъ аналогическія ограниченія. Въ одномъ изъ параграфовъ „*Act of Uniformity*“ было постановленіе, которое клонилось къ уничтоженію въ зародышѣ существованія всѣхъ диссидентскихъ церквей; я говорю о запрещеніи лицамъ, не утвержденнымъ въ священническомъ санѣ, совершать таинство причащенія. Оно было отмѣнено въ царствованіе Вильгельма III, посредствомъ изданія „*Toleration act*“ (закона о вѣротерпимости), даровавшаго диссидентскимъ священникамъ право исполнять всѣ обязанности своего званія подъ условіемъ признанія главныхъ догматовъ англиканскаго вѣроисповѣданія.

Съ этого времени начинаютъ возникать въ огромномъ количествѣ новыя секты, а старыя пріобрѣтаютъ многочисленныхъ послѣдователей и усиливаютъ свое вліяніе. Между послѣдними пресвитеріане занимаютъ самое видное мѣсто, ихъ господство распространилось на всю Шотландію, такъ что въ 1707 году, во время окончательнаго присоединенія и учрежденія великобританскаго парламента, пресвитеріанская шотландская церковь была признана оффиціально и уравнена съ англиканскою. Что касается кромвелевскихъ *индепендентовъ*, относившихся съ одинаковымъ омерзѣніемъ къ папизму, прелатству и пресвитеріанству, то они и до настоящаго дня продолжаютъ существовать и расширять свои ряды: они теперь переименовались въ *конгрегаціонистовъ*. Изъ церквей новѣйшей формаціи, ни одна по

своему вліянію и распространенію не можетъ соперничать съ *методистами*. Основателями ея (1703—1792) были братья Джонъ и Карлъ Весли, откуда и произошло столь извѣстное имя *весленцевъ*, которымъ часто обозначаютъ ихъ послѣдователей. Что касается до другого ихъ прозвища, то методистами ихъ стали, какъ кажется, называть вслѣдствіе щепетильной правильности, которую оба брата и друзья ихъ вносили какъ въ образъ жизни, такъ и во всѣ свои поступки. Я очень желалъ бы не пускаться въ теологію; но между тѣмъ надобно же знать, что такое, собственно говоря, *методистъ?* Хотя изъ 3,300,000 сектаторовъ этого наименованія, проживающихъ на англійской территоріи, едвали три тысячи сумѣли бы сами отвѣтить удовлетворительно на такой вопросъ,—постараюсь опредѣлить главныя черты ихъ ученія.

Начнемъ со словъ самого основателя. Джонъ Весли даетъ намъ ключъ къ своему вѣроученію въ своей критикѣ мнѣній Арминіуса:— „Заблужденія, въ которыхъ упрекаютъ секту, извѣстную подъ именемъ арминіанцевъ,—говоритъ онъ,—можно раздѣлить на пять пунктовъ. Утверждаютъ, что они отрицаютъ первородный грѣхъ и искупленіе путемъ вѣры, что ошибочно. Напротивъ, совершенно справедливо то, что они отвергаютъ предопредѣленіе: съ другой стороны они вѣрятъ, что можно противиться благодати или даже потерять ее, послѣ обладанія ею" [1]). Три послѣдніе пункта принимаются и методистами, которые въ этомъ случаѣ держатъ сторону Арминіуса противъ Кальвина, и въ нѣкоторой степени раздѣляютъ мнѣніе іезуитовъ и Трентскаго собора вопреки св. Августину. Ужасное толкованіе старыхъ временъ, на основаніи котораго девять-десятыхъ человѣческаго рода обречены проклятію до рожденія, нашло въ Кальвинѣ своего распространителя. Онъ имѣлъ духъ и жестокосердіе повторить вслѣдъ за св. Августиномъ: „міръ — жатва погибели". Провозглашая болѣе милосердые догматы, Весли не только имѣлъ за себя здравый смыслъ, но и перетягивалъ на свою сторону людей робкихъ, запуганныхъ суровостью кальвинистскаго воззрѣнія. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ его успѣха. Съ другой стороны, такъ какъ вкусы людей разнообразны до безконечности, то методистамъ не воспрещается и вѣрить въ предопредѣленіе. Вслѣдствіе чего, между многочисленными группами весленской секты встрѣчаются двѣ, именующіяся *кальвинистскими методистами*. Нѣсколько другихъ развѣтвленій, не отдѣлясь вполнѣ отъ главнаго центра, усвоили себѣ нѣкоторые отличительные обряды и приняли

---

[1]) См. Marsden, History of Christian Church and Sects. London, 1836. T. I, p. 70.

названіе *первобытныхъ весленцевъ, методистовъ индепендентовъ, библейскихъ христіанъ* и проч. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ саксонскаго характера является это свойство—совмѣщать въ себѣ самые разнообразные догматы, въ то время, какъ, наоборотъ, латинскія расы постоянно тяготѣютъ къ единству и однообразію.

Распространенію методистской секты много содѣйствовала также ея организація, до-нельзя простая и удобная. Каждый мало-мальски значительный городъ отъ Ливерпуля до Ярмута, т.-е. отъ востока къ западу, составляетъ центръ округа (circuit), обнимающаго всѣ окрестныя деревни въ районѣ отъ 12-ти до 15-ти миль. Въ каждомъ такомъ округѣ находятся, по крайней мѣрѣ, по одной часовнѣ, а также воскресная школа, священникъ, и болѣе или менѣе многочисленная группа „preachers“, свѣтскихъ проповѣдниковъ, фермеровъ, лавочниковъ, земледѣльцевъ и проч., добровольно принявшихъ на себя это званіе. Жозефъ Арчъ, организаторъ стачки земледѣльцевъ, о которой я недавно писалъ вамъ, принадлежитъ къ числу такихъ методистскихъ проповѣдниковъ. Всѣ эти люди часто видаются между собой, сходятся, разсуждаютъ, поддерживаютъ одинъ другого въ своихъ вѣрованіяхъ и въ распространеніи ихъ. Менѣе гордые, чѣмъ духовенство оффиціальной церкви, они направляютъ свою дѣятельность преимущественно на обращеніе бѣднаго и невѣжественнаго класса населенія; за то и число ихъ послѣдователей, въ особенности въ деревняхъ, быстро растетъ. Въ Англіи и въ Валлійскомъ княжествѣ методисты по численности слѣдуютъ немедленно за англиканами.

Другая секта, недавняго происхожденія и развивающаяся тоже съ успѣхомъ, это—секта *баптистовъ*; ихъ отличительная черта заключается въ порицаніи крещенія младенцевъ, чтó они считаютъ чуть ли не поруганіемъ таинства. Они ждутъ совершеннолѣтія субъекта, и тогда уже допускаютъ въ часовню, гдѣ священнослужитель погружаетъ его въ чанъ съ водой. Эта система крещенія, лишенная малѣйшихъ шансовъ успѣха въ южныхъ странахъ, жители которыхъ ощущаютъ такое отвращеніе къ водѣ, что очевидно предпочитаютъ ей грязь и паразитовъ. Здѣсь, наоборотъ, пришлась по вкусу эта лишняя ванна; вдобавокъ ко всѣмъ тѣмъ дýшамъ, которыми англичанинъ привыкъ пользоваться ежедневно подъ своимъ дождливымъ небомъ, она принимается охотно. Современные баптисты отрицаютъ всякую солидарность съ своими настоящими родоначальниками, мюнстерскими анабаптистами: они ограничиваются тѣмъ, что признаютъ свою связь съ вальденсами. Въ ихъ средѣ есть также много подраздѣленій: *частные, общіе* и *шотландскіе баптисты, баптисты седьмого дня* и проч. Въ настоящее время ихъ численность достигла уже

милліона. Въ Лондонѣ по преимуществу они обладаютъ притягательной силой, заключающейся въ скиніи и въ лицѣ м-ра Спорджона (Spurgeon).

Если въ воскресный день около восьми часовъ переправиться на другой берегъ Темзы и устроить свой постъ наблюденій близъ знаменитой таверны *The Elephant and Castle,* то увидишь, что со всѣхъ сторонъ сходящіеся здѣсь поѣзды желѣзныхъ и желѣзно-конныхъ дорогъ, равно какъ и омнибусы, выгружаютъ изъ своихъ нѣдръ цѣлыя полчища путешественниковъ, всѣхъ половъ и званій. Послѣдуя за толпой, любознательный наблюдатель очутится вскорѣ въ просторномъ зданіи, выстроенномъ въ формѣ эллипсиса, или просто въ большомъ сараѣ, обставленномъ скамейками въ нѣсколько ярусовъ, какъ концертная зала или циркъ: это скинія метрополіи. До шести тысячъ человѣкъ стоятъ тутъ тѣсными рядами, каждый держа въ рукахъ по книжечкѣ. Затѣмъ, на высокой эстрадѣ, устроенной въ концѣ эллипсиса, появляется господинъ, лѣтъ сорока, въ черномъ пальто, очень обыкновенной наружности, не имѣющій на первый взглядъ ничего ни страннаго, ни вдохновеннаго. Это и есть м-ръ Спорджонъ, прославленный баптистскій пасторъ. Онъ затягиваетъ гимнъ, приличный дню, и всѣ шесть тысячъ присутствующихъ присоединяются къ нему и образуютъ чудовищный хоръ. Впечатлѣніе, производимое этимъ пѣніемъ, самаго серьёзнаго свойства. Послѣ хора все внезапно смолкаетъ и обращается въ слухъ, тутъ начинается проповѣдь, настоящая проповѣдь древнихъ временъ, полная неподдѣльнаго огня и краснорѣчія. М-ръ Спорджонъ—истинный ораторъ, въ лучшемъ значеніи слова: его сбѣгался слушать весь Лондонъ, а подобный успѣхъ никогда не пріобрѣтается даромъ. Стóило послушать, какъ, на прошедшей недѣлѣ, онъ говорилъ на стихъ царя Давида изъ второй книги Самуила: „Онъ подобенъ утреннему свѣту, когда солнце восходитъ въ безоблачномъ небѣ: онъ подобенъ травѣ, поднимающейся изъ земли, когда солнце засвѣтитъ послѣ дождя."— „Взгляните,—восклицалъ онъ,—на утренній свѣтъ, какъ онъ радостно сіяетъ, когда запоютъ птицы, и земля, всю ночь погруженная въ безмолвіе — если покой ея не нарушался ни ревомъ бури, ни крикомъ хищныхъ звѣрей, ни безумнымъ воплемъ пьянаго человѣка, — пробуждаясь, возвышаетъ свой голосъ въ этихъ пѣсняхъ, льющихся изъ устъ безчисленныхъ ея твореній: то же бываетъ, когда Христосъ снисходитъ въ сердца людей: мелодично раздаются голоса птицъ и горлица воспѣваетъ привѣтствіе благословенному мгновенію.... А вы, священники, съ вашими тайнами и заклинаніями, когда вы силитесь пролить свѣтъ въ человѣческое сердце, то вамъ удается зажечь лишь одинокую искру, которая, блеснувъ на мгновеніе, освѣщаетъ только

мракъ и гаснетъ съ такой быстротой, что не даетъ времени вымолвить: это свѣтъ! А между тѣмъ вы превозносите до небесъ добрыя дѣла ваши, а на нихъ нагромождаете слова и суевѣрія, и думаете изъ этой груды вызвать свѣтъ: но только вспыхнувъ, вашъ огонь потухаетъ, оставляя послѣ себя щепотку золы, къ крайнему смущенію вашихъ приверженцевъ!“ Послѣ ряда подобныхъ выходокъ противъ „*звѣря*“ (слѣдуетъ читать: епископальной церкви), такъ и ждешь нападеній на „*омерзѣніе*“, т.-е. королевскую власть. Но напрасно. Ораторъ говоритъ о своей благодарности судьбѣ за счастье жить въ странѣ, огражденной „какъ отъ бурныхъ элементовъ республиканскаго правленія, такъ и отъ тягостныхъ узъ деспотизма“, и заключаетъ любезнымъ обращеніемъ къ ея величеству, „которую можно уподобить восходящему солнцу и безоблачному утру“.

Вотъ вамъ образчикъ тона и воззрѣній самыхъ ярыхъ изъ англійскихъ диссидентовъ. Избавляю васъ отъ перечисленія особенностей 177 остальныхъ религіозныхъ разновидностей: *квакеровъ*, *унитаріанъ*, *моравовъ*, *шэкеровъ* (скакуновъ) и т. д. У насъ есть даже мормоны: по народной переписи 1851 г. значится за этой сектой 300 часовенъ, могущихъ вмѣстить до 36,000 молельщиковъ. Интереснѣе всего было бы имѣть вѣрныя статистическія свѣдѣнія по всѣмъ этимъ церквамъ, но это оказывается очень труднымъ дѣломъ. Я постарался однако же вывести приблизительныя цифры.

Во время послѣдней переписи 1871 года, диссиденты подняли страшный крикъ и всѣ возстали единодушно противъ статистики вѣроисповѣданій. Ихъ органы, не безъ нѣкотораго основанія, утверждали, что результатъ этой переписи будетъ настолько обманчивъ, насколько неблагопріятенъ ихъ интересамъ, по той причинѣ, что цѣлая масса людей, не принадлежащихъ ни къ одной изъ конгрегацій, такъ же, какъ позитивисты, свободные мыслители и другіе будутъ неизбѣжно причислены къ господствующей церкви. Въ концѣ-концовъ это мнѣніе одержало верхъ и статистика вѣроисповѣданій была составлена только въ Ирландіи. Въ ней находилось въ 1871 году:

Римско-католиковъ	4.141,933
Епископальныхъ протестантовъ (старая оффиц. церковь) . .	683,293
Пресвитеріанъ.	538,238
Методистовъ	41,815
Конгрегаціонистовъ (индепендентовъ	4,483
Баптистовъ.	4,633
Квакеровъ	3,834

Относительно Англіи и Валлійскаго герцогства можно руковод-

ствоваться отчасти переписью 1851 года и сравнить существовавшее тогда число часовенъ съ цифрою настоящей ихъ численности, затѣмъ къ полученному итогу присоединить извѣстное приращеніе католической церкви (2 милліона), причемъ общій выводъ будетъ выражаться нижеслѣдующими цифрами, которыя я считаю очень близкими къ дѣйствительности; общая цифра народонаселенія составляетъ 22.703,088; на нее придется приблизительно:

12.700,000 англиканъ (господствующая церковь)
3.000,000 методистовъ
1.500,000 конгрегаціонистовъ или индепендентовъ
1.000,000 баптистовъ
500,000 пресвитеріанъ
2.000,000 католиковъ.

Остатокъ распредѣляется между квакерами, моравами, унитаріанами, мормонами и проч.

Самымъ поразительнымъ фактомъ является тутъ неимовѣрное увеличеніе цифры католическаго населенія, представлявшаго всего 600,000 въ 1851 году. Совершенно ошибочно было бы объяснять это явленіе одними обращеніями; дѣло въ томъ, что громадное количество ирландцевъ переселилось въ послѣднее время въ Англію, преимущественно въ нѣкоторыя графства, какъ-то: въ Ланкаширское и въ Уоркширское. Эта домашняя эмиграція покровительствуется въ нѣкоторой степени самимъ правительствомъ, которому не можетъ быть непріятнымъ такое добровольное разсѣяніе агитаторскихъ скопищъ. Но господствующая церковь тѣмъ не менѣе понесла значительныя потери: множество изъ приверженцевъ ея перешло въ лагерь нонконформистовъ и еще большее число къ методистамъ. Это выступаетъ особенно ярко при сравненіи статистики 1801 года съ нынѣшней, принимая конечно, во вниманіе, значительное увеличеніе общей цифры народонаселенія. Такъ, напримѣръ, въ 1801 году веслеянцы, индепенденты и баптисты въ сложности составляли 9,000,000 и имѣли 2,400 часовенъ; въ 1871 года, они представляютъ уже 22,000,000 населенія съ 13,300 (15,300) часовнями. Приращеніе огромное; со стороны нравственнаго вліянія успѣхи ихъ тоже обширны, и отчасти могутъ быть названы благотворными, отчасти печальными. Вреднѣе всего вліяніе ихъ отражается на литературѣ и артистической сторонѣ жизни, словомъ—на всемъ, что̀ доставляетъ умственное наслажденіе и отдыхъ. Во время о̀но реставрація положила предѣлъ пуританскому ханжеству и лицемѣрію; она зашла даже слишкомъ далеко по противоположному пути. Нравы XVIII столѣтія въ Англіи были нисколько не суровѣе, чѣмъ во Франціи. То было время

Юма, Гиббона и Ораса Уольполя, и въ лондонскихъ салонахъ благочестіе процвѣтало не болѣе чѣмъ въ Парижѣ; если великосвѣтскія дамы и посѣщали вечернее богослуженіе, то это дѣлалось скорѣе для того, какъ говорятъ тогдашнія газеты, чтобы „посмотрѣть на людей“—да и себя показать, прибавимъ мы съ своей стороны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія все перемѣнилось. Многіе приписывали это явленіе ужасу, будто бы навѣянному французской революціею. Но это—положительная натяжка; настоящая причина заключается въ успѣхахъ диссидентскихъ сектъ, а особенно же методизма, которое породило нѣсколькихъ фанатиковъ и массы лицемѣровъ. Англиканское духовенство было погружено въ безпечность и не думало вмѣшиваться въ дѣла своей паствы, пока конкурренція не заставила его строже отнестись къ обрядовой сторонѣ и выказать больше требовательности. Современная Англія представляетъ собою результатъ этой новой реформаціи. Совершившійся переворотъ становится ощутителенъ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія; онъ вырываетъ уже у лорда Байрона желчное восклицаніе: „Цѣломудріе покинуло сердца, чтобы переселиться на уста... стараются наверстать словами, утраченное на дѣлѣ. Вотъ истина, истина относительно лицемѣрной и низкой толпы, которая позоритъ современное поколѣніе англичанъ: вотъ единственный отвѣтъ, который она заслуживаетъ. Вопіющій грѣхъ нашего лживаго и двуличнаго вѣка, вѣка эгоистовъ и грабителей—это: лицемѣріе“ (cant). Въ настоящій моментъ въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое измѣненіе къ лучшему, благодаря успѣхамъ наукъ, но это поступательное движеніе весьма медленно. Общества трезвости, лиги противъ открытія музеевъ въ воскресные дни, проповѣди о постѣ и умерщвленіи плоти, проповѣди противъ театровъ и увеселеній продолжаютъ идти своимъ путемъ и совершаютъ свою задачу: изсушаютъ сердце и съуживаютъ умъ.

Что касается хорошихъ сторонъ сектаторовъ, ихъ либерализма въ политикѣ, за это нечего питать къ нимъ особеннаго уваженія; все, чего они добиваются, это уничтоженія привилегій оффиціальной церкви; далѣе этого имъ ни до чего нѣтъ дѣла. Это доказали они еще недавно, отказавшись въ послѣднюю минуту передъ выборами отъ поддержки радикальнаго кандидата м-ра Фоусетта, вслѣдствіе того, что онъ высказался за открытіе музеевъ въ воскресные дни. Впрочемъ, я могъ только слегка набросать здѣсь очеркъ сектаторской Англіи, но этотъ матеріалъ до того обиленъ, что требовалъ бы болѣе тщательной обработки. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ теперь оцѣнить всю важность преній, послѣдовавшихъ за внесеніемъ Дизраэли его „*Public worship regulation bill*“ (билля о регламентаціи общественнаго богослуженія).

Чѣмъ бы это ни кончилось въ данную минуту, но въ сущности это новый шагъ къ упраздненію англиканской церкви. Не слѣдуетъ однако же заблуждаться насчетъ этой церкви и полагать, что она составляетъ одно единодушное и сплоченное тѣло. Съ самаго начала она была чѣмъ-то въ родѣ компромисса между ученіями Рима и Женевы, допуская, съ одной стороны, принципы Кальвина, удерживая, съ другой, такія молитвенныя формы, которыя могли бы получить одобреніе самого папы. Такъ, напримѣръ, отвергая догматъ пресуществленія, она продолжала совершать причащеніе, оставивъ за нимъ символическое значеніе, къ великому соблазну пуританъ. По сущности и по духу она принадлежитъ къ протестантству, но обрядовая сторона ея сохранила римскую окраску, такъ-называемый „романизмъ". Результатомъ всѣхъ этихъ хитросплетеній Кранмера оказалось не то, чтобы явный расколъ, но глубокое разъединеніе. Такъ какъ каждому предоставлялась возможность слѣдовать по тому или другому направленію, то въ скоромъ времени образовались двѣ партіи. Одни, поклонники восточной пышности и блеска Рима, преемники архіепископа Лауда и великосвѣтскихъ кавалеровъ, безъ помѣхи могли удержать дорогіе имъ церемоніалы и торжественность. Эта часть духовенства образовала такъ-называемую „High church" (высокую или верхнюю церковь), извѣстную подъ этимъ именемъ со временъ царствованія Вильгельма III. Другіе, напротивъ, возмущенные этими обрядами, ограничились чисто-догматической стороной религіи и едвали отличаются чѣмъ бы то ни было въ своемъ богослуженіи и мнѣніяхъ отъ самыхъ строгихъ пресвитеріанъ. Они-то и составляютъ „Low-church" (нижнюю церковь), или *евангелическую* церковь.

До начала нынѣшняго столѣтія преобладаніе было на сторонѣ приверженцевъ верхней церкви, но успѣхи диссидентовъ придали новое значеніе нижней церкви, члены которой отличались бо́льшею строгостью жизни. Въ 1833 году одно чрезвычайно важное событіе произвело новое волненіе въ средѣ религіозныхъ партій. Я говорю объ „англо-католическомъ", „трактаріанскомъ", или, какъ его называютъ еще иначе, „пюзеистическомъ" движеніи. Послѣднее имя происходитъ отъ имени д-ра Пюзи, который называлъ это ученіе серединой между ультра-протестантизмомъ и романизмомъ (см. письмо его къ архіепископу оксфордскому). На самомъ же дѣлѣ оно приближалось гораздо болѣе къ „романизму"; большое число пюзеистовъ перешло въ католичество и между прочимъ викарій церкви св. Маріи, въ Оксфордѣ, Ж. Г. Ньюмэнъ. Тогда поднялось общее смятеніе и англо-католическая партія исчезла изъ среды церкви или, по крайней мѣрѣ, стушевалась окончательно.

Ея появленіе вызвало однако же новое движеніе, въ совершенно обратномъ смыслѣ. Д-ръ Арнольдъ изъ Рёгби, негодуя на возвращеніе къ суевѣріямъ, основалъ школу, которая взялась за пересмотръ всего, не исключая самыхъ догматовъ, что̀ привело даже къ обвиненію въ атеизмѣ нѣкоторыхъ членовъ оксфордскаго университета. Наконецъ въ 1860 г. появились знаменитыя „*Essays and Reviews*“, въ которыхъ библія подвергается самому широкому толкованію, толкованію, которое (будь сказано между нами!) очень недалеко ушло отъ унитаріанизма. Между авторами, принявшими участіе въ „*Essays*“, называютъ многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ на поприщѣ преподаванія и сановниковъ церкви, между прочимъ извѣстнаго переводчика Платона, м-ра Джёста, занимающаго профессорскую каѳедру въ Оксфордѣ. Такимъ путемъ въ средѣ господствующей церкви возникла третья партія, именуемая „Broad church“ (широкая церковь), которая считаетъ между членами своими такихъ людей, какъ настоящій деканъ Вестминстерской церкви, Стэнли, мнѣнія котораго, если не по формѣ, то по существу почти тождественны съ воззрѣніями Штрауса и Ренана.

Установленная церковь, съ тремя подраздѣленіями своими на *high*, *low* и *broad churchmen* продолжаетъ однако же спокойно существовать безъ того, чтобы кто-нибудь изъ членовъ ея подумалъ объ отдѣленіи. Администрація состоитъ изъ двухъ архіепископовъ, двадцати-шести епископовъ и двѣнадцати тысячъ приходовъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ викаріевъ, ректоровъ и проч. Два раза въ годъ по дѣламъ администраціи происходятъ собранія, извѣстныя подъ именемъ *Convocations*; одно изъ нихъ бываетъ въ Іоркѣ, другое въ Кентербёри. Только послѣднее сохранило еще нѣкоторое значеніе, такъ какъ архіепископъ кентербёрійскій вмѣстѣ съ тѣмъ облеченъ саномъ примаса Англіи.

Собраніе это имѣетъ двѣ палаты, верхнюю и нижнюю; въ первой засѣдаютъ епископы. Это высшее духовное учрежденіе, создавшее въ 1562 году конституцію господствующей церкви, уже давно утратило всякое политическое вліяніе. Теперь глава англиканской церкви по буквѣ закона—королева, а въ дѣйствительности—парламентъ; въ этомъ случаѣ союзъ церкви и государства достигъ крайнихъ предѣловъ или, вѣрнѣе, государство вполнѣ управляетъ церковью, что̀ составляетъ, впрочемъ, наилучшее условіе для подобныхъ союзовъ, которые иначе влекутъ за собою гибель или поглощеніе государства, какъ назидательнымъ примѣромъ тому могутъ служить историческія данныя латинскихъ расъ. Но и въ первомъ случаѣ возникаютъ затрудненія, если значительная часть населенія отдѣлится отъ лона

оффиціальной церкви: тогда поддержка и покровительство со стороны правительства превращаются въ вопіющую несправедливость. Въ такомъ именно положеніи находится дѣло въ Англіи въ настоящій моментъ, и потому англиканскую церковь неминуемо постигнетъ судьба ирландской. Но пока мы еще не дожили до этого, займемся разборомъ билля, внесеннаго Дизраэли, которому суждено такъ сильно повліять, въ томъ или другомъ смыслѣ, на развязку вопроса. Съ нѣкоторыхъ поръ, со стороны послѣдователей верхней церкви (или ритуалистовъ, какъ ихъ еще называютъ) было дано немало поводовъ къ соблазну. Нѣкоторые изъ членовъ духовенства стали вводить исповѣдь и позволять себѣ отпущеніе грѣховъ, причемъ оказалось, что послѣдній законъ относительно церковной дисциплины (Church discipline act, 1840) безсиленъ противодѣйствовать имъ. Отсюда и явилась необходимость въ новомъ проектѣ, главныя основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ: въ случаѣ оскорбленія религіи путемъ несоблюденія или дополненія установленныхъ обрядовъ и правилъ церкви, трое прихожанъ имѣютъ право подать епископу жалобу на виновнаго священнослужителя. Епископъ можетъ, по усмотрѣнію своему, прекратить дѣло. Въ противномъ случаѣ онъ отсылаетъ обѣ стороны къ судьѣ, исключительно и спеціально назначаемому для разбора духовныхъ дѣлъ, который обязанъ рѣшить споръ, соображаясь съ текстами и рубриками церкви.

Гладстонъ, въ первый разъ послѣ своего временнаго удаленія, явился въ парламентъ на второе обсужденіе этого проекта. Его рѣчь по этому поводу, великолѣпная по формѣ и лишенная всякаго содержанія, поразила палату удивленіемъ, а друзей его повергла въ отчаяніе. Не отрицая необходимости нѣкотораго вмѣшательства, онъ предложилъ шесть резолюцій, состоящихъ изъ простого повторенія одного и того же мнѣнія, безъ всякаго заключенія. „Вмѣшательство должно допускаться только въ случаѣ оскорбленія или искаженія основныхъ церковныхъ законовъ. Внѣ этого, пусть будетъ предоставлена полная свобода какъ ритуалистамъ, такъ и евангеликамъ; правительству слѣдуетъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства, кромѣ лишь случаевъ крайней важности".—Откровенно говоря, если Гладстонъ не имѣлъ косвенной цѣли затянуть и усилить безпорядки для достиженія скорѣйшаго упраздненія оффиціальной церкви, то онъ играетъ игру въ пользу верхней церкви и англо-католиковъ. Большинство либераловъ возмущено (что́ очень естественно съ этой точки зрѣнія) такимъ воззрѣніемъ на отношенія государства къ церкви, состоящей на ея содержаніи и подъ ея покровительствомъ. Дизраэли воспользовался этой благопріятной минутой для заявленія своей ра-

дости по поводу возстановленія оппозиціи и возвращенія на политическое поприще такого важнаго дѣятеля, какъ достопочтенный членъ отъ Гринвича (Гладстона). Онъ объявилъ, что цѣлое утро будетъ посвящено на разсмотрѣніе шести вышеупомянутыхъ резолюцій; затѣмъ онъ снова вернулся къ самой сущности вопроса, и приступилъ къ этому дѣлу съ той мѣткостью и находчивостью, которыми подъ-часъ онъ вполнѣ владѣетъ.

„Я далекъ отъ мысли, — сказалъ онъ, — желать уничтоженія партій въ средѣ церкви. Партіи въ ней были всегда, со временъ апостоловъ. Пышныя церемоніи, пылкія вѣрованія и свободная созерцательность составляютъ характеристическія черты этихъ трехъ великихъ партій: имена могутъ быть обновляемы, но сущность вещей стара. И въ самомъ дѣлѣ, они существовали всегда подъ различными названіями. Подъ именемъ ли „*High church*", „*Low church*" или „*Broad church*" мы встрѣчаемъ равное свидѣтельство въ пользу этой націи и религіознаго духа ея, который подъ различными формами оказалъ столько важныхъ услугъ... Я держусь мнѣнія, что эти различныя школы могутъ каждая безпрепятственно слѣдовать своимъ наклонностямъ, сохраняя вѣрность принципамъ реформаціи, въ той формѣ, въ которой они преподаны англиканской церкви и воплощены ею во всей первобытной чистотѣ своей. Но я долженъ выяснить вопросъ о настоящей цѣли этого билля и высказать ее безъ обиняковъ. Цѣль эта—уничтоженіе ритуализма. Достопочтенный членъ отъ Гринвича заявилъ, что онъ не знаетъ, что̀ такое ритуализмъ; я полагаю, что въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершенно одиноко: ни палата, ни страна не раздѣляютъ его невѣдѣнія... Уже прошедшею осенью, перечисляя передъ многочисленнымъ собраніемъ событія, совершившіяся въ новѣйшее время въ Европѣ, я упомянулъ о послѣдовавшей за ними великой борьбѣ между свѣтской и духовной властью, и выразилъ мнѣніе, что посреди тѣхъ глубокихъ потрясеній, которыя грозятъ Европѣ въ будущемъ, было бы верхомъ благоразумія съ нашей стороны сплотить наши ряды на широкомъ полѣ реформаціи, принципы которой нигдѣ не нашли болѣе могущественнаго и блестящаго приложенія, чѣмъ въ англиканской церкви. Не безъ огорченія, признаюсь, встрѣтилъ я по этому поводу возникшее разногласіе, которое и по сіе время существуетъ между нами и раздѣляетъ насъ... Что же касается до обрядовъ, принятыхъ ритуалистами,—я не желалъ бы моими словами оскорбить кого бы то ни было,—обряды эти и догматы уважаются мной, пока они составляютъ принадлежность католическаго вѣроисповѣданія. Но что̀ я порицаю, это—усвоеніе ихъ служителями той церкви,

при поступленіи въ которую они обязались передъ націею и клятвенно обѣщали отвергать эти самыя доктрины. Я порицаю не обряды католическаго богослуженія, а пародію на нихъ (mass in masquerade)!"

Конечнымъ результатомъ всего этого было принятіе билля по второму чтенію, даже безъ голосованія, и Гладстонъ, еще разъ покинутый либералами, принужденъ былъ взять обратно свои резолюціи и смиренно вынести какъ полнѣйшее свое пораженіе, такъ и поздравленія своихъ единовѣрцевъ верхней церкви.

Не безъ цѣли привелъ я вышеизложенный отрывокъ изъ рѣчи Дизраэли. Эти строки вѣрно обрисовываютъ человѣка и его систему. Въ нихъ мы узнаемъ знакомыя черты Конингсби: онъ остался все тѣмъ же бойцомъ „Юной Англіи" и лѣта не охладили его пристрастія къ протестантству, идеалъ котораго онъ отождествляетъ съ англиканской церковью. Въ реформѣ его плѣняетъ болѣе всего еврейскій элементъ, и что́ бы онъ ни говорилъ, но въ душѣ онъ всегда на сторонѣ нижней церкви, за-одно съ пуританами и со всѣми тѣми, кто чтитъ субботу. Не довольствуясь побѣдой, одержанной надъ ритуалистами въ Англіи, онъ сыплетъ щедрой рукой свои милости на пресвитеріанъ Шотландіи. Неутомимый министръ внесъ въ палату еще законо-проектъ, именно билль о шотландскомъ патронатѣ, который находится теперь на обсужденіи. Вопросъ этотъ, по отзыву всѣхъ англійскихъ газетъ, самаго запутаннаго и сложнаго свойства; попытаюсь дать отчетъ о его содержаніи.

Пресвитеріанская церковь, основанная въ Шотландіи Ноксомъ въ 1560 году и признанная шотландскимъ парламентомъ, сохранила всѣ свои права при присоединеніи, послѣдовавшемъ въ 1707 году. Съ тѣхъ поръ она оставалась оффиціальною церковью Шотландіи на равныхъ условіяхъ съ англиканской, съ тою только разницей, что священники ея избирались самими прихожанами. Въ 1712 году былъ изданъ законъ, возвратившій *„патронамъ"* право назначенія на бенефиціи, ректоріи и проч. Объяснимъ нѣсколькими словами значеніе патроната, играющаго такую важную роль въ гражданскомъ законодательствѣ Англіи. Лорды, сквайры, простые джентльмены или землевладѣльцы, построившіе церковь или часовню и сдѣлавшіе вкладъ, обезпечивающій ихъ существованіе, пріобрѣтали для себя и потомковъ своихъ право назначать священниковъ въ эти церкви. Это право, настоящее право собственности, носитъ названіе патроната, „patronage" или „advowson". Тутъ нѣтъ ничего общаго съ демократизмомъ или пуританствомъ, и потому не удивительно, что возстановленіе патроната въ Шотландіи произвело сильное неудоволь-

стіе, слѣды котораго не изгладились еще до сихъ поръ. Въ 1732 году большое число вѣрныхъ отдѣлилось отъ оффиціальной церкви и учредило „*The United presbyterian kirk*“ — соединенную пресвитеріанскую церковь; слово *Kirk* шотландскаго происхожденія и значитъ то же, что англійское *church*.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 1834 года, когда возобновилось новое и сильное движеніе противъ патроната. Во главѣ его сталъ д-ръ Чалмерсъ, человѣкъ весьма замѣчательный и почтенный. *Собраніе* духовенства пресвитеріанской оффиціальной церкви отказало въ утвержденіи нѣсколькихъ священниковъ, избранныхъ патронами. Между собраніемъ и парламентомъ завязалась борьба, длившаяся девять лѣтъ и окончившаяся въ 1843 году отказомъ со стороны палаты общинъ въ удовлетвореніи претензій, предъявленныхъ шотландскимъ клерикальнымъ собраніемъ. Послѣднее покорилось рѣшенію, но 169 членовъ его, т.-е. цѣлая треть духовенства вышла и основала „*Free presbyterian church*“ (независимую пресвитеріанскую церковь). Итакъ, считая съ оффиціальною пресвитеріанскою церковью, это составило уже три церкви, которыя дѣлятъ между собою почти поровну господство надъ населеніемъ Шотландіи, состоящимъ изъ 3.300,000 жителей. Послѣдній билль, предложенный Дизраэли, мѣтитъ именно на уничтоженіе патроната въ признанной шотландской церкви. Конечно, это прекрасно, но кáкъ примутъ это тѣ, которые для огражденія своей независимости отказались отъ чрезвычайно важныхъ выгодъ государственнаго покровительства? Вѣдь сохранившіе вѣрность правительству пріобрѣтаютъ ту же независимость безъ всякихъ жертвъ. Законъ, вполнѣ справедливый по принципу, становится несправедливымъ по своимъ послѣдствіямъ.

Что касается до непосредственнаго результата, то насчетъ его не можетъ быть сомнѣній. Дизраэли имѣетъ уже теперь въ своемъ распоряженіи большинство изъ 80-ти голосовъ; билль о церковной дисциплинѣ можно считать принятымъ, такъ какъ палата лордовъ навѣрное не отвергнетъ его. То же самое слѣдуетъ ожидать и въ отношеніи закона объ уничтоженіи патроната въ Шотландіи. Но дальнѣйшіе результаты нѣсколько сомнительнѣе: Дизраэли играетъ огнемъ. Увлеченный реформатскимъ рвеніемъ, онъ и не замѣтилъ, что поднятый имъ вопросъ не что иное, какъ страшный вопросъ „упраздненія“. Особенно въ отношеніи Шотландіи другого выхода, какъ этотъ, изъ затрудненія, создаваемаго новымъ закономъ, нельзя предвидѣть. Соединенные пресвитеріане и независимые прибѣгнутъ къ агитаціи, къ петиціямъ, и добьются низложенія оффиціальной церкви. Относительно Англіи, грозное слово было произнесено впервые во время преній о биллѣ о регламентаціи общественнаго богослуженія.

Упраздненіе ожидаетъ, въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ это полагаютъ, епископальную церковь, ослабленную внутренними, постоянно увеличивающимися несогласіями и имѣющую внѣшняго врага въ лицѣ десяти милліоновъ диссидентовъ, т.-е. болѣе половины всего населенія.

Но мы еще не покончили съ нововведеніями и сюрпризами новаго кабинета. До сихъ поръ все еще было въ порядкѣ вещей, когда въ послѣднюю минуту внезапно выплыла самая смѣлая и до крайности ретроградная мѣра и хлестнула со всего размаха по либеральной партіи. Англійскіе консерваторы отличаются, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, той похвальной чертой, что они удовлетворяются временной пріостановкой движенія, не стараясь обращать вспять хода правительственной машины. Дизраэли измѣнилъ этому обычаю внесеніемъ своего билля о школахъ, существующихъ на пожертвованныя суммы (*Endowed schools act amendement bill*). Не стану входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ образованіи въ Англіи, скажу только два слова о новомъ законѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ широко развита благотворительность въ этой странѣ. Большинство школъ грамотности, элементарнаго и средняго образованія, существовавшихъ до закона объ образованіи 1871 г., обязаны своимъ основаніемъ „благочестивымъ" пожертвованіямъ, изъ которыхъ многія восходятъ до XVI и XVII столѣтія. До послѣдняго времени школы эти по большей части оставались подъ надзоромъ и управленіемъ духовенства оффиціальной церкви и, слѣдовательно, были закрыты для диссидентовъ. Въ 1869 году, во время министерства Гладстона, былъ изданъ законъ (Endowed schools act), измѣнившій это положеніе, объявляя эти школы національною собственностью и открывая ихъ двери всѣмъ, безъ различія партій и вѣроисповѣданій. Тогда уже тори начали кричать, что это грабежъ: большинство „благочестивыхъ основателей" принадлежали-де англиканской церкви, и имѣли въ виду, чтобы питомцы ихъ воспитывались въ христіанскихъ правилахъ. „Говоря слово *религія*,—заявлялъ Тваккумъ въ *Томъ-Джонсѣ*,—я естественно подразумѣваю христіанскую религію, а подъ выраженіемъ „христіанская" религія, также естественно имѣю въ виду не что иное, какъ англиканскую церковь, въ той формѣ, какъ она утверждена закономъ". Либералы возражали весьма основательно, что „Тваккумъ" находится въ странномъ заблужденіи:—многія изъ этихъ школъ основаны до закона о вѣротерпимости 1689 года, въ ту эпоху, когда, кромѣ оффиціальной церкви, не существовало никакой другой, и которая—и это главное—считала своими членами такихъ людей, какъ Лэтимеръ, и Ноксу предлагала епископское кресло. Дѣйствительно, что могло быть несправедливѣе закрытія для нонкон-

формистовъ—современное названіе пуританъ — тѣхъ самыхъ школъ, которыя были основаны благочестивыми иждивеніями ихъ предковъ.

Этихъ соображеній было совершенно достаточно, чтобы убѣдить либеральную палату утвердить новый законъ 1869 года. Тѣмъ болѣе, что это было только однимъ лишнимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ къ освобожденію корпорацій, университетовъ и т. д. отъ ига господствующей церкви и 39 пунктовъ ея уложенія. Вотъ этотъ-то законъ 1869 года и стремится уничтожить Дизраэли. Школы предполагается изъять изъ-подъ администраціи трехъ коммиссаровъ, опредѣленныхъ кабинетомъ Гладстона, и подчинить ихъ болѣе ортодоксальному контролю членовъ благотворительной коммиссіи. Сверхъ того, исключая случаевъ, когда воля жертвователя опредѣленно противится этому, а также въ случаѣ отсутствія его личнаго наблюденія, школы поступаютъ въ вѣдѣніе англиканскаго духовенства на основаніяхъ, освященныхъ вѣковымъ обычаемъ, т.-е. религіозное преподаваніе переходитъ снова въ руки англиканъ. Негодованіе прессы и общественнаго мнѣнія, увѣщанія „*Times*“, многочисленныя рѣчи гг. Фоусетта, Гладстона и другихъ—все оказалось тщетнымъ; напрасно было поставлено на видъ, что эта первая попытка въ теченіи ста-пятидесяти лѣтъ нарушенія основныхъ законовъ Великобританіи, ничто не помогло — *vestigia nulla retrorsum!* Большинствомъ 82-хъ голосовъ, послѣ вторичнаго прочтенія, законъ утвержденъ. Послѣ награды винныхъ торговцевъ, получившихъ дозволеніе не запирать кабаковъ до полуночи, тори обязаны были удовлетворить и вторую категорію своихъ избирателей, англиканское духовенство, и они сдѣлали это. „Вотъ, — говоритъ „*Telegraph*“,—одна изъ самыхъ необычайно-реакціонныхъ мѣръ нашего вѣка; но успѣхъ ея не можетъ быть продолжительнымъ и не долго заставитъ ждать себя отместка“. Эта политика неизбѣжно должна указать либераламъ ихъ настоящую дорогу самаго радикальнаго свойства: требованіе вполнѣ свѣтскаго преподаванія (*unsectarian*).

Итакъ, настоящая сессія, по началу своему ничего не обѣщавшая, кромѣ затишья, заключается бурной борьбой и тяжелыми, если не долговѣчными, трудами. Черезъ нѣсколько дней всё будетъ окончено и „достопочтенные“ разъѣдутся по морскимъ купаньямъ и живописнымъ уголкамъ Швейцаріи, гдѣ ихъ болѣе счастливые соотечественники уже давно опередили ихъ и наслаждаются лѣтнимъ отдыхомъ. Уже итальянцы и опера закрыли свои двери и еще одна сессія канула въ прошлое, не ознаменовавшись никакимъ особеннымъ торжествомъ, за исключеніемъ развѣ праздника въ память Генделя, бывшаго въ іюнѣ. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что Гендель счи-

тается одной изъ знаменитостей Англіи, что онъ *„нашъ великій національный музыкантъ“*, какъ выразился на-дняхъ, въ застольномъ спичѣ, герцогъ Уэльскій. Что касается меня, то я еще тружусь надъ разрѣшеніемъ вопроса, можетъ ли существовать англійская музыка? Если любовь къ концертамъ и пѣнію служитъ мѣриломъ музыкальныхъ способностей, то болѣе музыкальнаго народа, чѣмъ англичане, нѣтъ въ обѣихъ полушаріяхъ. Ни одинъ джентльменъ не пропуститъ случая заявить о своей чрезвычайной любви къ музыкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ *Music'hall* низшаго разряда и кончая итальянцами, всюду толпа млѣетъ отъ наслажденія и бьетъ неистово въ ладоши. Только тутъ замѣчательнѣе всего то, что квартетъ Бетховена, „*La fille de Madame Angot*“, и пѣснь негра съ акомпаньиментомъ треугольника и бубна вызываютъ равные аплодисменты. Вагнеръ и Лековъ, Лоэнгринъ и *Жирофле-Жирофла*—одинаково пожинаютъ лавры. Чтó это? Искреннее или притворное увлеченіе? Отвѣтить на это трудно. Очевидно одно, что англійскому уху пріятенъ всякій звукъ; однакоже какъ ни лѣзетъ изъ кожи альбіонецъ, чтобы восхищаться Бетховеномъ и Генделемъ и увѣрить себя, что онъ ихъ любитъ и понимаетъ, искреннюю страсть онъ питаетъ только къ негритянской или псевдо-негритянской пѣснѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стóитъ только посмотрѣть на колоссальный успѣхъ „*Christy Minstrels*“ въ С-тъ Джемсъ-Голль.

Но возвратимся къ Генделю; не станемъ оспаривать его національности; англичане говорятъ же о своихъ великихъ портретистахъ Гольбейнѣ и Ванъ-Дейкѣ! Чтобы упрочить за собою честь соплеменности съ авторомъ „*Messiah*“, они учредили въ память его празднество, которое повторяется черезъ каждые три года. Праздникъ длится четыре дня, въ теченіи которыхъ въ зданіи Хрустальнаго дворца 4000 музыкантовъ и пѣвцовъ исполняютъ главныя творенія этого маэстро. Зрѣлище и эффектъ этого торжества по-истинѣ грандіозны. Какого бы мнѣнія мы ни были относительно художественнаго вкуса англичанъ и ихъ искренности по части дилеттантизма, нельзя однакоже отнять у нихъ того, что они оказываютъ искусству настоящую услугу, щедро вознаграждая его представителей. Во всякомъ случаѣ, ихъ музыкальныя стремленія только похвальны: слушая и дѣлая попытки къ подражанію, авось Англіи и посчастливится произвести собственнаго композитора высшей пробы, чѣмъ Бальфъ.

Относительно живописи дѣло иное: Англія дѣйствительно имѣетъ свою школу. Достаточно назвать Гогарта; къ несчастію, онъ остался единственнымъ въ своемъ жанрѣ. Вотъ и еще плоды „канта“ и лицемѣрія. Въ недавнее время на одной изъ выставокъ картинъ старой

школы, устроиваемой ежегодно королевской академіею было выставлено одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній мастера: *Шествіе волонтеровъ Финелея*. Конечно, эта картина нѣсколько грѣшитъ раблеевской распущенностью, за то, что за кисть и что за безподобное исполненіе,—это уже безспорно настоящее, хотя и не классическое искусство! Чтó бы вы думали? Передъ этой картиной никто не останавливался, подъ предлогомъ слишкомъ откровенно обнаженныхъ грудей, пьяныхъ солдатъ и любовныхъ сценъ въ фламандскомъ вкусѣ. Такъ и вертятся на языкѣ байроновскія слова: „цѣломудріе переселилось на уста!"

Представители настоящей англійской школы—это: Генсборо, Констэбль, пэйзажистъ, а также Тёрнеръ, несмотря на его помѣшательство (чтó бы со мной было, если бы англичанинъ подслушалъ мои слова!). Затѣмъ и по преимуществу звѣзды первой величины этой школы: Уильки, Лесли, Мюльреди—любимые жанристы публики; они такъ мило, чистенько и аккуратно переносятъ на полотно сцены будничной жизни и буржуазнаго „*Home*", что совсѣмъ умиляютъ сердца щепетильныхъ джентльменовъ и скромныхъ миссъ. Вотъ это и есть настоящій англійскій жанръ, и выставка нынѣшняго года представляетъ богатую и интересную коллекцію его образцовъ. Не шутите: Англія имѣетъ свой „*салонъ*" точно такъ же, какъ и Парижъ: у нея есть и своя королевская академія, основанная Джошуа Рейнольдсомъ въ 1728 по образцу старой парижской академіи живописи. Въ нынѣшнемъ году происходила 106-я выставка картинъ современныхъ живописцевъ. Картины принимаются на выставку по приговору сорока членовъ академіи. Выставки длятся отъ 1-го мая по 1-е августа, и потому теперь будетъ своевременно сказать о настоящей нѣсколько, по возможности, краткихъ словъ, такъ какъ подобные отчеты представляютъ интересъ только для тѣхъ, которые могутъ лично провѣрить ихъ справедливость.

Несмотря на мнѣніе мѣстныхъ газетъ, что „въ прошедшемъ году выставка была лучше", я нахожу, что въ сущности и теперешняя настолько удовлетворительна, насколько это возможно. Благоволеніемъ публики овладѣлъ въ настоящій моментъ Ж. Е. Миллэ, выставившій семь картинъ. Миллэ пейзажистъ и жанристъ реальной школы. Одна изъ картинъ его называется: „*Лѣсъ на топливо*". Представлено сѣрое небо, земля усыпана сухими листьями, на телѣгѣ, занимающей все полотно, навалены срубленныя березы и тополи, съ ихъ неправильными стволами и извилинами и покрытые мѣстами бѣлой корой. Деревья поражаютъ своей реальностью: такъ и тянетъ протянуть руку и пощупать ихъ. Они точно высовываются изъ полотна и до того натуральны, что становится страннымъ ихъ уменьшенный размѣръ. Ошибка въ томъ, что

оставлено слишкомъ мало мѣста для горизонта и съ боковъ тоже обрѣзано слишкомъ рѣзко, нѣтъ пространства. Менѣе посчастливилось живописцу съ его большой картиной, крайне претенціозной, но въ національномъ духѣ. Фигуры написаны въ натуральную величину. Сюжетъ ея—старый отставной морякъ съ дочерью, которая сидитъ у его ногъ. Названа она „Сѣверо-западный проходъ", съ девизомъ: „Онъ осуществимъ, и Англіи слѣдовало бы его осуществить". Въ окно видно море; на столѣ разбросаны карты и атласы. Старикъ съ сѣдыми взъерошенными волосами, съ глубокими морщинами, проведенными на лицѣ его многолѣтними трудами, съ своей мелодраматической позой и вдохновеннымъ взоромъ, имѣетъ видъ Калхаса, требующаго закланія Ифигеніи, или Іереміи на развалинахъ Іерусалима: и весь этотъ трагизмъ по поводу идеи, глупо-сантиментально красующейся на девизѣ. Рядомъ съ этимъ сморщеннымъ и загорѣлымъ морякомъ, дѣвушка до преувеличенія нѣжная и блѣдно-розовая, слишкомъ напоминаетъ кремъ изъ битыхъ сливокъ. При всемъ этомъ аксессуары опять написаны съ тщательностью и рельефностью, доводящей зрителя до иллюзіи. Эта картина служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ англійскаго вкуса: претензія и сантиментальность въ композиціи и необыкновенная отчетливость въ исполненіи. Послѣ Миллэ я назову Фрейта, написавшаго извѣстную картину „*Derby day*". Въ нынѣшнемъ году онъ выставилъ „Памелу", которою я не могу не восхищаться, несмотря на всѣ ея недостатки. Нельзя было вѣрнѣе передать образъ героини Ричардсона. Такою ее, конечно, рисовало воображеніе каждаго, читавшаго этотъ романъ. Вотъ оно, это вѣчно свѣжее и розовое лицо, поминутно вспыхивающее и „эти быстрые и на слезы скорые глаза". Опершись на локоть, она пишетъ передъ маленькимъ столикомъ изъ орѣховаго дерева, и чтó за чудо реализма этотъ столикъ! Вѣроятно она описываетъ, какъ „унизился джентльменъ до вольностей съ своей служанкой", и какъ, не смѣя отвѣтить на обиду своему господину, она потихоньку шепнула ему: „Сударь, вы имѣете право говорить, чтó вамъ угодно; я же по своему долгу могу сказать только: Господь съ вами". Картина выражаетъ все это. Вѣроятно, знаменитый Дидро, любимецъ великой Екатерины, передъ этимъ вѣрнымъ портретомъ проронилъ бы нѣсколько слезъ, которыя такъ обильно лились изъ глазъ его при чтеніи „Клариссы" и „Памелы". Похвала похвалой, нужно однакоже отдать дань и справедливости: рисунокъ лѣвой руки совсѣмъ никуда не годится. Рука ни сгибается, ни закругляется; это настоящая щепка. И это тѣмъ болѣе обидно, что правая, по моему мнѣнію, прелестна по своей правдѣ и изяществу. Въ Англіи встрѣчаются такія *безупречныя* руки.

Назовемъ еще одного живописца, француза Джемса Тиссо, который особенно со стороны композиціи сдѣлался истымъ англичаниномъ. Его прозвали недаромъ „живописцемъ Темзы": онъ переноситъ съ убійственной вѣрностью на полотно корабли со всѣми ихъ снастями, матросами и капитанами, причемъ всегда старательно выводитъ на сцену хорошенькую посѣтительницу со свѣжимъ личикомъ и кокетливою наружностью. Придетъ время, да впрочемъ оно уже и настало, когда г. Тиссо, живущій въ Англіи, будетъ признанъ однимъ изъ „*нашихъ національныхъ живописцевъ*". Могъ бы я еще указать на Ж. Бретта и его морскія картины, на Лейтона и другихъ, но довольно уже сказаннаго; быть можетъ, даже достаточно для того, чтобы кто-нибудь изъ моихъ петербургскихъ читателей захотѣлъ заглянуть на будущій сезонъ въ Пиккадилли. Это послужитъ лучшимъ оправданіемъ моимъ передъ англичанами, въ которыхъ я нахожу такъ много другихъ сторонъ, достойныхъ уваженія,— за мою сегодняшнюю критику ихъ эстетическихъ и религіозныхъ наклонностей.

Р.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1874.

Книга седьмая.—Іюль.

Книга восьмая.—Августъ.

Исторія общаго государственнаго права и политики, отъ XVI вѣка по настоящее время. *І. К. Блунчли.* Перевели съ нѣмецкаго О. Бакстъ и М. Новосельскій. Спб. 1874. Стр. 597. Ц. 8 р.

Сочиненіе Блунчли представляетъ сжатый,
о довольно обстоятельный обзоръ развитія тео-
ій о государствѣ и политическихъ принциповъ
ъ той именно эпохи, когда, благодаря возрож-
енію, реформаціи и усиленію монархической
ласти, государства стали сплачиваться въ цен-
рализованные организмы. Сочиненіе это можетъ
лужить полезною справочною книгой: излагая
сторію тѣхъ идей и направленій, которыя про-
звели современное политическое общество, оно
ъ сжатомъ видѣ даетъ то, что всякому образо-
анному человѣку должно служить систематиче-
кимъ основаніемъ для составленія себѣ соб-
твенныхъ взглядовъ. Самостоятельнаго научнаго
наченія книга эта не имѣетъ; она написана
ъ чисто-практической цѣлью и вполнѣ дости-
аетъ этой цѣли практичностью пріемовъ ав-
ора. Изложеніе его ясно, реально, немного-
ловно; въ критику онъ не вдается, за исключе-
іемъ тѣхъ краткихъ характеристикъ и огово-
окъ, какія были ему необходимы для введенія
аждаго автора въ систему и оправданія того
ѣста, которое онъ ему въ ней даетъ. Конечно,
очиненіе Блунчли могло бы только выиграть,
слибы онъ нѣсколько болѣе развилъ ея фактиче-
кую сторону и въ свои краткія историческія
арактеристики ввелъ бы указанія на главные
олитическіе *акты*, бывшіе частью плодами, а
астью источниками теорій, и на главныхъ поли-
ическихъ дѣятелей, которые воодушевлялись
ю или другою теоріею или же сами своими
ѣйствіями создавали новыя основы для теорій.
ъ такихъ дѣятелей у него выведенъ только
ридрихъ В. и то въ качествѣ только публици-
а; нѣтъ ни Петра В., ни Наполеона. Послѣд-
го нѣтъ даже и въ числѣ приводимыхъ писате-
й, что составляетъ видное упущеніе. Вліятель-
ѣйшая во всей новой исторіи эпоха — эпоха
рвой французской революціи у него представ-
ется только однимъ изъ вдохновителей ея,
. Ж. Руссо, и однимъ изъ ея руководителей,
батомъ Сіэйесомъ; ораторъ и душа революціи
ъ ея началѣ, Мирабо, у него вовсе не являет-
, не упоминаются такіе дѣятели, какъ Верньйо
Робеспьерръ; нѣтъ даже бѣглаго взгляда на
рьбу „Горы“ и „Жиронды“. Англійской револю-
и, окончательно низвергшей Стюартовъ и обу-
овившей все дальнѣйшее политическое развитіе
еликобританіи, также не отведено соотвѣтствую-
аго мѣста. За то нѣмецкіе философы и публици-
ы заняли слишкомъ большую часть книги. Изъ
 именъ, помѣщенныхъ въ оглавленіи, большая
ловина—имена нѣмецкія. Между тѣмъ указан-
я выше опущенныя характеристики были бы не-
мнѣнно важнѣе даже подробнаго изложенія си-
емъ Конта, Гегеля и Фихте. Политическое влія-
е системъ этихъ философовъ было весьма огра-
ченно въ самой Германіи и слишкомъ кратко-
еменно, въ сравненіи съ вліяніемъ такихъ
охъ, какъ французская и вторая англійская
волюціи. Что касается такихъ писателей, какъ
енвалъ и Вольтеръ, то о нихъ удобно было и
все умолчать въ обзорѣ „многаго въ немно-
хъ главахъ“. Переводчики, конечно, могли
ѣлать сокращенія, но такъ какъ они не могли
полнить пробѣловъ (иначе пришлось бы пи-
ть новую книгу), то хорошо сдѣлали, что да-
 намъ сочиненіе Блунчли безъ всякаго из-
мѣненія. Оно во всякомъ случаѣ можетъ принесть большую пользу русскимъ читателямъ. Языкъ перевода очень хорошъ, несмотря на нѣкоторые неологизмы собственнаго изобрѣтенія (напр. „управомочіе“), безъ которыхъ, повидимому, не могутъ обходиться наши переводчики ученыхъ сочиненій.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в., соч. *І. Первольфа.* Спб. 1874. Стр. 294.

Цѣлью автора было — собрать свидѣтельства объ умственной связи, отношеніяхъ, сознаніи племенного родства между славянами, въ теченіе всей исторіи до того момента, когда въ судьбахъ славянъ произошелъ рѣшительный переворотъ; когда русское государство преобразовалось и возвысилось, но политическая жизнь его утратила славянскій характеръ, и Польша пала. Добросовѣстный и интересный трудъ г. Первольфа является весьма кстати теперь, когда идея славянской солидарности стала снова вступать на очередь практическихъ вопросовъ; она можетъ быть съ удовольствіемъ прочтена образованною публикой, и сверхъ того, не лишена и научнаго значенія обстоятельной монографіи; авторъ отличается весьма близкимъ и разностороннимъ знакомствомъ въ особенности съ чешскою и польскою литературою, которымъ могутъ похвалиться далеко не всѣ изъ нашихъ присяжныхъ „славофиловъ“.

Руководство для типографщиковъ, составили *Н. Ф.* и *Р. Н.* Часть I. О производствѣ набора, съ 22 рисунками въ текстѣ. Спб. 1874. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

Искусство книгопечатанія въ Россіи не только по началу отстаетъ около ста лѣтъ, но и по современному своему состоянію оно идетъ далеко позади западныхъ типографій, особенно если подумать, что и до сихъ поръ мы предпочитаемъ заграничные шрифты, а печатныя машины выписываемъ исключительно изъ-за границы. Въ нашихъ типографіяхъ домашняго произведенія почти одна мебель. Въ основаніи наборнаго искусства у насъ лежитъ устное преданіе, а не школа; корректурная часть—въ полномъ пренебреженіи; тутъ нѣтъ даже и преданія. Вотъ потому первая явившаяся теперь у насъ попытка изложить въ системѣ главныя правила наборнаго искусства въ его трехъ формахъ: книжной, газетной и мелочной, заслуживаетъ полнаго вниманія типографовъ и общей признательности, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе заинтересованы въ произведеніяхъ этого искусства. Мы рекомендуемъ давать эту книгу въ руководство особенно ученикамъ, чтобы привить такимъ образомъ общія правила всѣмъ, и вмѣстѣ содѣйствовать къ тому, чтобы ученикъ могъ скорѣе выходить въ наборщики и скорѣе дѣлаться способнымъ къ своему матеріальному обезпеченію. Мы не утверждаемъ, что этотъ трудъ не имѣетъ недостатковъ: особенно часто случается видѣть въ немъ слишкомъ большія усилія къ объясненію слишкомъ уже простыхъ вещей, и наоборотъ, иногда можно было бы пожелать большей ясности въ болѣе трудныхъ вопросахъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что наборъ стиховъ труднѣе, чѣмъ наборъ прозы, будто потому, что „писать стихи труднѣе, чѣмъ прозу“. Вторая часть будетъ посвящена печатному искусству; весьма желательно, чтобы этотъ полезный трудъ былъ доведенъ до конца.